РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА и Я. Я. ГУРЕВИЧА.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 7—8.

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ 1904 г.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Ж. М Н. Пр. за апрѣль 1902 года).

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій міръ“ въ 1904 году.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1904.

Книга 7 и 8, іюль и августъ 1904 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА и Я. Я. ГУРЕВИЧА.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 7—8.

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ 1904 г.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Ж. М. Н. Пр. за апрѣль 1902 годъ).

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій Міръ“ въ 1904 году.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1904.

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА и Я. Я. ГУРЕВИЧА.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Дозв. ценз. С.-Петербургъ, 24 августа 1904 г.

№ 7—8.

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ 1904 г.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Ж. М. Н. Пр. за апрѣль 1902 года).

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій Міръ" въ 1904 году.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1904.

Правительственныя распоряженія по учебному округу.

Высочайшія повелѣнія и отмѣтки.

О предоставленіи права на полученіе званія домашней учительницы, наравнѣ съ ученицами гимназій вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, тѣмъ изъ дѣвицъ съ домашнимъ образованіемъ, которыя успѣшно и послѣдовательно сдавали экзамены за три старшіе класса.

Главноуправляющій Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы Маріи сообщилъ министерству народнаго просвѣщенія, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его, въ 8 день сего марта Высочайше повелѣть соизволилъ на предоставленіе права на полученіе званія домашней учительницы, наравнѣ съ ученицами гимназій, тѣмъ изъ дѣвицъ съ домашнимъ образованіемъ, которыя успѣшно и послѣдовательно сдавали экзамены за три старшіе класса въ гимназіяхъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и получили свидѣтельство объ окончаніи гимназическаго курса.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи Временно-Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ отъ 26 марта с. г. за № 10.633 увѣдомляетъ для руководства въ подлежащихъ случаяхъ (Циркуляръ по Кіевскому уч. окр. Апрѣль 1904 г.).

О разрѣшеніи назначать предсѣдателями педагогическихъ совѣтовъ женскихъ гимназій учителей старшихъ классовъ тѣхъ же учебныхъ заведеній съ высшимъ образованіемъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу въ 6 день текущаго марта Высочайше соизволилъ на разрѣшеніе назначать предсѣдателями педагогическихъ совѣтовъ женскихъ гимназій и прогимназій, въ случаѣ надобности, учителей старшихъ классовъ тѣхъ же учебныхъ заведеній съ высшимъ образованіемъ.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи Временно-Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Товарищъ Министра С. Лукьяновъ, предложеніемъ отъ 11 Марта 1904 г. за № 8.605, увѣдомляетъ для руководства въ подлежащихъ случаяхъ (ibid.).

Высочайшая отмѣтка на всеподданнѣйшемъ отчетѣ Гродненскаго губернатора. (Предл. мин. нар. просв. 30 апрѣля 1904 г., № 14.079).

По Высочайшему повелѣнію въ Комитетъ министровъ внесенъ, между прочимъ, всеподданнѣйшій отчетъ Гродненскаго губернатора о состояніи Гродненской губерніи за 1902 годъ.

Въ отчетѣ семъ по свидѣтельству, что школьные садики имѣются уже при 163 школахъ, а при 15 училищахъ устроены питомники на болѣе широкихъ началахъ, и что въ отчетномъ году было устроено 98 праздниковъ древонасажденія, причемъ для подготовленія преподавательскаго персонала къ занятіямъ садоводствомъ и огородничествомъ были учреждены практическіе курсы при Бѣловѣжскомъ народномъ училищѣ, которые посѣтили 31 учитель и одна учительница, и, наконецъ, что въ истекшемъ году имѣлъ мѣсто первый случай устройства въ губерніи трехъ пріютовъ-яслей, послѣдовала Высочайшая Его Императорскаго Величества отмѣтка: *„Все это весьма симпатично“*, при чемъ объясненіе это отчеркнуто Собственною Его Императорскаго Величества рукою (Циркуляръ по Виленскому уч. окр. Апрѣль 1904 г.).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Правила о народныхъ библіотекахъ при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

§ 1. Подъ народными библіотеками при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ разумѣются: а) тѣ учительскія и ученическія библіотеки сихъ учебныхъ заведеній, которыя предоставлены для общаго пользованія; и б) особыя библіотеки при тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ, открываемыя какъ въ соединеніи съ вышеупомянутыми учительскими и ученическими библіотеками, такъ и отдѣльно отъ нихъ.

§ 2. Означенныя народныя библіотеки могутъ быть учреждаемы учебнымъ и другими вѣдомствами, земствами, общественными управленіями, попечительствами о народной трезвости, частными обществами и отдѣльными лицами.

Примѣчаніе. Особыя библіотеки при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ (§ 1, п. б) могутъ быть предоставляемы учредителями или въ полную собственность, или во временное пользованіе сихъ учебныхъ заведеній.

§ 3. Расходы по устройству и содержанію сего рода народныхъ библіотекъ относятся на счетъ ихъ учредителей, при чемъ, кромѣ того, на сей предметъ могутъ быть назначаемы, по мѣрѣ имѣющихся средствъ, пособія изъ суммы, ассигнуемой ежегодно по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на общія нужды народнаго образованія въ каждой губерніи.

§ 4. Означенныя народныя библіотеки открываются съ согласія учредителей учебныхъ заведеній: а) при начальныхъ училищахъ, подчиненныхъ училищнымъ совѣтамъ, съ разрѣшенія уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, а при начальныхъ училищахъ, подчиненныхъ непосредственно дирекціямъ народныхъ училищъ, съ разрѣшенія инспекторовъ народныхъ училищъ и

б) при городскихъ, по положенію 1872 г., училищахъ и другихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не упомянутыхъ въ предыдущемъ пунктѣ—съ разрѣшенія директора народныхъ училищъ.

§ 5. Завѣдываніе каждою народною библіотекою при низшемъ учебномъ заведеніи возлагается на одно изъ преподающихъ въ немъ лицъ, желающихъ принять это порученіе, тою же властью, которая разрѣшаетъ открытіе библіотеки (§ 4). Предварительно возложенія завѣдыванія библіотекою на извѣстное лицо, должно быть испрошено согласіе на то мѣстнаго губернатора. Завѣдывающимъ библіотеками, при имѣющихся на то средствахъ, можетъ быть назначаемо за труды особое вознагражденіе.

§ 6. Въ народныя библіотеки при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ могутъ быть пріобрѣтаемы только тѣ книги и періодическія изданія, которыя допущены вообще для народныхъ библіотекъ и читаленъ министерства народнаго просвѣщенія.

Примѣчаніе 1. Свѣдѣнія о таковыхъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ печатаются въ каталогахъ и повременныхъ спискахъ, издаваемыхъ означеннымъ министерствомъ.

Примѣчаніе 2. Въ учительскія и ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, открытыя для общаго пользованія (§ 1, п. а), книги и періодическія изданія пріобрѣтаются по правиламъ, установленнымъ относительно библіотекъ этихъ учебныхъ заведеній.

§ 7. Въ каждой библіотекѣ ведется списокъ имѣющихся въ ней книгъ и періодическихъ изданій, съ обозначеніемъ полнаго заглавія каждой книги и періодическаго изданія, а также года и мѣста напечатанія, имени автора и издателя.

§ 8. Выдача книгъ изъ библіотекъ при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ производится лишь во внѣклассное время, при чемъ порядокъ выдачи книгъ устанавливается завѣдывающимъ библіотекою, по соглашенію съ ея учредителями. Чтеніе книгъ въ самой библіотекѣ не разрѣшается. За пользованіе книгами въ самой библіотекѣ можетъ быть, по желанію учредителей, назначаема плата, размѣръ коей утверждается властью, разрѣшающей открытіе библіотеки (§ 4).

§ 9. Общій надзоръ за народными библіотеками при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ возлагается на директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ. Губернатору принадлежитъ право во всякое время производить общую и внезапную ревизію библіотеки, а также устранять завѣдывающаго библіотекою и временно закрывать библіотеку, въ случаѣ обнаруженія обстоятельствъ, противныхъ общественному порядку и спокойствію.

§ 10. Завѣдывающій библіотекою доставляетъ ежегодно инспектору народныхъ училищъ свѣдѣнія: а) о числѣ книгъ и періодическихъ изданій, пріобрѣтенныхъ въ теченіе отчетнаго года, и объ общемъ числѣ всѣхъ книгъ и періодическихъ изданій, состоящихъ въ библіотекѣ къ концу отчетнаго года, и б) о числѣ произведенныхъ выдачъ книгъ въ теченіе того же отчетнаго года. (Циркуляръ по Виленскому уч. окр. Мартъ 1904 г.).

„Утверждаю". 18 января 1904 года
Министръ народнаго просвѣщенія
Г. Зенгеръ.

Правила о книжныхъ складахъ при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

§ 1. Книжные склады при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія открываются исключительно для продажи такихъ книгъ и изданій, которыя предназначены для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и для народнаго чтенія.

Примѣчаніе. Означенные книжные склады могутъ быть открываемы и при тѣхъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, при коихъ существуютъ народныя библіотеки.

§ 2. Книжные склады при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ могутъ быть учреждаемы учебнымъ и другими вѣдомствами, земствами, общественными управленіями, попечительствами о народной трезвости, частными обществами и лицами.

§ 3. Расходы по устройству и содержанію сего рода складовъ относятся на счетъ ихъ учредителей, при чемъ на сей предметъ могутъ быть назначаемы, по мѣрѣ имѣющихся средствъ, пособія изъ суммы, ассигнуемой ежегодно по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на общія нужды народнаго образованія въ каждой губерніи.

§ 4. Означенные книжные склады открываются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ разрѣшенія мѣстнаго губернатора: а) при начальныхъ училищахъ, подчиненныхъ училищнымъ совѣтамъ, по ходатайствамъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, а при начальныхъ училищахъ, подчиненныхъ непосредственно дирекціямъ народныхъ училищъ, инспекторовъ народныхъ училищъ, и б) при городскихъ, по положенію 1872 г., училищахъ и другихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не упомянутыхъ въ предыдущемъ пунктѣ по ходатайствамъ директора народныхъ училищъ.

Примѣчаніе. Книжные склады при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ освобождаются отъ платежа государственнаго промысловаго налога и выборки торговыхъ документовъ.

§ 5. Разрѣшеніе на открытіе склада при низшемъ учебномъ заведеніи дается лишь въ томъ случаѣ, если имѣется на сіе согласіе учредителей учебнаго заведенія.

§ 6. Завѣдываніе книжнымъ складомъ при низшемъ учебномъ заведеніи возлагается на одно изъ преподающихъ въ немъ лицъ, съ предварительнаго его согласія, тою же властью, которая разрѣшаетъ открытіе склада (§ 4).

Завѣдывающему складомъ при имѣющихся на то средствахъ можетъ быть назначаемо за труды особое вознагражденіе.

Примѣчаніе. Если книжный складъ открывается при такомъ низшемъ учебномъ заведеніи, при которомъ существуетъ народная библіотека, то завѣдываніе книжнымъ складомъ и библіотекою можетъ быть возлагаемо на одно и то же лицо.

§ 7. Въ означенныхъ книжныхъ складахъ могутъ находиться только тѣ книги и изданія, которыя допущены министерствомъ народнаго просвѣщенія въ низшія учебныя заведенія и безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Примѣчаніе. Свѣдѣнія о книгахъ и изданіяхъ, означенныхъ въ семъ §, печатаются въ каталогахъ и повременныхъ спискахъ, издаваемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

§ 8. Въ каждомъ складѣ ведется списокъ поступающихъ въ него книгъ и изданій, съ обозначеніемъ полнаго заглавія каждой книги и изданія, а также года и мѣста напечатанія, имени автора и издателя.

§ 6. Продажа книгъ и изданій изъ склада производится лишь во внѣклассное время, при чемъ порядокъ веденія дѣла въ складѣ устанавливается учредителемъ склада по соглашенію съ завѣдующимъ оными.

§ 10. Общій надзоръ за книжными складами при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ возлагается на директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ. Губернатору принадлежитъ право во всякое время производить общую и внезапную ревизію складовъ и временно закрывать склады, въ случаѣ обнаруженія обстоятельствъ, противныхъ общественному порядку и спокойствію.

§ 11. Завѣдывающій складомъ доставляетъ ежегодно инспектору народныхъ училищъ свѣдѣнія о числѣ и общей стоимости книгъ и изданій, отпущенныхъ изъ склада въ теченіе отчетнаго года. (Циркуляръ по Виленскому уч. округ. Мартъ 1904 г.). Утверждаю 18 января 1904 г. Министръ народнаго просвѣщенія *Г. Зенгеръ*.

О томъ, чтобы русскіе университеты обмѣнивались для университетскихъ библіотекъ диссертаціями, представляемыми для соисканія степени магистра и доктора.

Совѣтъ одного изъ университетовъ, озабочиваясь пополненіемъ университетской библіотеки диссертаціями, представляемыми въ русскіе университеты для соисканія степеней магистра и доктора, и принимая во вниманіе, что въ книжной торговлѣ означенныя диссертаціи часто не могутъ быть пріобрѣтаемы, особенно по прошествіи нѣкотораго времени послѣ выхода ихъ изъ печати, возбудилъ въ установленномъ порядкѣ ходатайство о томъ, чтобы русскіе университеты впредь взаимно пересылали для университетскихъ библіотекъ соотвѣтствующія диссертаціи, а также обмѣнивались и ранѣе появившимися, насколько такой обмѣнъ окажется возможнымъ.

Признавая, съ своей стороны, изложенное ходатайство заслуживающимъ уваженія, Временно-Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія г. Товарищъ Министра С. Лукьяновъ предложеніемъ на имя г. Попечителя учебнаго округа отъ 8 апрѣля 1904 года за № 11.629 увѣдомляетъ для зависящихъ распоряженій. (Циркуляръ по Кіевскому уч. окр. Май 1904 г.)

Дополнительное разъясненіе къ распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія о постановкѣ экзаменовъ въ VIII классъ женскихъ гимназій.

Въ разъясненіе циркулярнаго предложенія отъ 8 сентября 1903 г., за № 27.557, бывшій Министръ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ отъ 17 декабря 1903 года за № 39.350, увѣдомилъ попечителя Московскаго учебнаго округа, что: 1) въ п. I упомянутаго циркуляра рѣчь идетъ о производствѣ испытанія въ VII классѣ по исторіи педагогики тѣмъ ученицамъ, которыя обучались этому предмету въ названномъ классѣ, при чемъ никакого измѣненія расписанія и не требуется; 2) относительно упоминаемыхъ въ томъ

же пунктѣ циркуляра полугодичныхъ репетицій необходимо имѣть въ виду нежелательность чрезмѣрной регламентаціи такого дѣла: обязанностью преподающихъ является устанавливать, съ разрѣшенія педагогическихъ совѣтовъ, кому и когда нужно бы произвести репетицію въ концѣ полугодія въ виду сдѣланныхъ за предшествующее время наблюденій; 3) пунктомъ II циркуляра не отмѣняется возможность изученія и двухъ спеціальныхъ предметовъ, но требуется лишь, чтобы эти предметы изучались въ объемѣ курса мужской гимназіи и 4) въ видахъ повышенія общаго уровня VIII класса, цѣлесообразно было бы опредѣлить, чтобы отъ поступающихъ въ означенный классъ требовалась отмѣтка не менѣе 4 въ аттестатѣ за семь классовъ по тѣмъ предметамъ, которые данною воспитанницею избираются въ качествѣ спеціальныхъ для изученія въ VIII классѣ. (Циркуляръ по Кіевскому уч. окр. Май 1904 г.).

Къ вопросу объ окладахъ содержанія лицамъ, поступающимъ на службу въ техническія училища.

Вслѣдствіе запроса попечителя Московскаго учебнаго округа отдѣленіе промышленныхъ училищъ, отношеніемъ отъ 24 октября 1903 г. № 5.753 изъяснило, что на точномъ основаніи ст. 28 Высочайше утвержденныхъ 7 марта 1888 г. основныхъ положеній о промышленныхъ училищахъ, лица, вновь поступающія на службу въ техническія училища, получаютъ низшій окладъ содержанія въ 960 руб., и второй высшій окладъ жалованья въ 1.200 руб. назначается имъ лишь по прослуженіи ими не менѣе 5 лѣтъ въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи. (ibid.).

Циркулярное предложеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія. О мѣрахъ къ привлеченію къ педагогической дѣятельности въ народныхъ училищахъ лицъ мужскаго и женскаго пола изъ среды сельскаго населенія. (22 января 1904 года № 2838).

Въ видахъ привлеченія въ составъ учительскихъ семинарій Министерства Народнаго Просвѣщенія молодыхъ людей, происходящихъ изъ среды сельскаго населенія, Министерство Народнаго Просвѣщенія циркулярнымъ предложеніемъ 16 декабря 1872 г. просило попечителей учебныхъ округовъ сдѣлать по округамъ слѣдующія распоряженія:

1. Чтобы изъ воспитанниковъ, оканчивающихъ курсъ въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, которые изъявятъ желаніе поступить въ учительскія семинаріи, мѣстные инспекторы народныхъ училищъ ежегодно избирали, съ утвержденія округа, нѣсколько лучшихъ учениковъ не свыше 15-лѣтняго возраста для подготовленія ихъ при мѣстномъ двухклассномъ училищѣ къ поступленію въ учительскія семинаріи въ теченіе времени до достиженія ими 16-ти лѣтъ, съ назначеніемъ каждому изъ нихъ стипендіи отъ 3 до 5 руб. въ мѣсяцъ и съ отобраніемъ предварительно отъ родителей сихъ учениковъ подписки въ томъ, что они согласны оставить дѣтей своихъ при училищѣ для означенной цѣли и не будутъ отвлекать ихъ въ учебное время отъ занятій въ училищѣ.

ни для какихъ домашнихъ надобностей, и что въ случаѣ, если впослѣдствіи родители не пожелаютъ, чтобы дѣти ихъ поступили въ учительскую семинарію, то обязуются выданныя ихъ дѣтямъ стипендіи возвратить сполна училищному начальству.

2. Чтобы избираемые такимъ образомъ стипендіаты, посѣщая мѣстное училище наравнѣ съ учениками оныхъ, имѣли помѣщеніе въ училищныхъ домахъ; за невозможностью же сего, было разрѣшаемо имъ жить на частныхъ квартирахъ, въ мѣстахъ нахожденія училищъ, или въ домахъ родителей, смотря по удобству.

3. Означенные стипендіаты, находясь подъ ближайшимъ надзоромъ учителей училищъ, должны заниматься, подъ ихъ руководствомъ, повтореніемъ предметовъ, пройденныхъ ими въ училищѣ, чтеніемъ книгъ, подходящихъ къ этимъ предметамъ, способствующихъ дальнѣйшему ихъ образованію, письменными упражненіями, а также знакомиться съ пріемами преподаванія, обучая въ училищѣ дѣтей младшаго возраста подъ наблюденіемъ учителей; главный же надзоръ за сими занятіями стипендіатовъ должен быть возложенъ на мѣстныхъ инспекторовъ народныхъ училищъ.

4. Чтобы деньги, назначаемыя на стипендіи вышеупомянутымъ воспитанникамъ, были отпускаемы подлежащими начальствами по требованіямъ распорядителей кредитовъ, на счетъ коихъ ассигнуются стипендіи вмѣстѣ съ жалованьемъ учителямъ двухклассныхъ училищъ, въ мѣстныя волостныя правленія, откуда учители училищъ въ установленные сроки будутъ получать причитающіяся ученикамъ стипендіи для выдачи оныхъ по принадлежности.

5. Чтобы для ознакомленія учителей двухклассныхъ училищъ, которые будутъ заниматься подготовкою кандидатовъ въ учительскія семинаріи, съ требованіями при пріемныхъ испытаніяхъ въ семинаріяхъ, директоры сихъ заведеній сообщали инспекторамъ народныхъ училищъ округа подробныя свѣдѣнія о таковыхъ требованіяхъ.

6. Чтобы учителямъ училищъ, которымъ будетъ поручено подготовленіе вышеозначенныхъ кандидатовъ въ учительскія семинаріи, было назначаемо особое за то вознагражденіе, независимо отъ штатнаго жалованья, въ размѣрѣ, по усмотрѣнію округа, отъ 15 до 20 руб. въ годъ за каждаго стипендіата, выдержавшаго удовлетворительно экзаменъ и принятаго въ семинарію.

7. Чтобы расходы какъ по выдачѣ такого вознагражденія, такъ и по назначенію стипендій выше упомянутымъ воспитанникамъ были относимы на счетъ суммъ, отпускаемыхъ въ вѣдѣніе дирекцій ежегодно, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 29 мая 1869 г. (ст. II п.п. *д*, *е* и *ж*), на надобности по народному образованію.

Имѣя въ виду, что въ непродолжительномъ времени имѣютъ учреждаться женскія учительскія семинаріи, Министерство признало желательнымъ, чтобы объясненныя выше правила примѣняемы были и къ дѣвицамъ, оканчивающимъ курсъ въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Сообщая объ этомъ для надлежащихъ распоряженій по ввѣренному Вашему Превосходительству округу, нужнымъ считаю присовокупить, что перечисленными мѣрами имѣется въ виду вообще привлеченіе къ педагогической дѣятельности въ начальныхъ народныхъ училищахъ лицъ жен-

скаго пола изъ среды сельскаго населенія, и посему объясненныя занятія могутъ имѣть цѣлью не только подготовленіе дѣвицъ, оканчивающихъ курсъ, къ поступленію въ учительскія семинаріи, но и къ испытанію на учительское званіе, а посему примѣненіе рекомендуемыхъ мѣръ можетъ быть начато, не ожидая открытія въ данной мѣстности женской учительской семинаріи.

Вмѣстѣ съ этимъ признаю необходимымъ обратить Ваше особенное вниманіе на условія домашней жизни воспитанницъ, которыя будутъ избираемы для указанныхъ занятій. Представляется желательнымъ, чтобы объясненныя педагогическія занятія воспитанницъ не служили къ ослабленію ихъ семейныхъ отношеній. Поэтому проживаніе воспитанницъ въ домахъ родителей или близкихъ родственниковъ должно быть предпочитаемо помѣщенію ихъ въ училищахъ; послѣднее должно быть допускаемо не иначе, какъ въ квартирахъ самихъ учительницъ, при условіи согласія сихъ послѣднихъ. (Циркуляръ по управленію Кавказ. уч. окр. Мартъ 1994 г.).

Отношеніе Управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ на имя Попечителя Кавказскаго Учебнаго округа: О правахъ участниковъ кассы, переходящихъ изъ училищъ, которыя обязательно участвуютъ въ пенсіонной кассѣ, въ училища, не участвующія въ ней. (27 января 1904 года, № 176).

Отношеніемъ отъ 3 ноября 1903 года, за № 17.153, Ваше Превосходительство просили возбудить ходатайство о томъ, чтобы съ учителей, служившихъ въ училищахъ, которыя обязательно участвуютъ въ пенсіонной кассѣ народныхъ учителей и учительницъ, при переходѣ ихъ въ училища, не участвующія въ ней, въ случаѣ желанія такихъ учителей продолжать участіе въ кассѣ, удерживалось не 12%, а 6%, и остальные 6% относились на счетъ казны. По докладѣ сего ходатайства Комитету пенсіонной кассы вмѣстѣ съ соображеніями, изложенными въ 3-мъ журналѣ собранія директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, бывшаго въ Тифлисѣ 2—13 іюня 1903 года, названный Комитетъ не призналъ возможнымъ возбуждать вышеупомянутое ходатайство по точному смыслу устава кассы. Учащіе, состоявшіе обязательными участниками пенсіонной кассы и перешедшіе въ училища, служба въ коихъ не сопряжена съ обязательнымъ участіемъ въ кассѣ, могутъ продолжать участіе въ кассѣ только въ качествѣ добровольныхъ участниковъ. Въ случаѣ, однако, если училищу, въ которое перешелъ учитель, состоявшій обязательнымъ участникомъ кассы, было бы назначено въ какомъ бы то ни было размѣрѣ пособіе изъ суммъ казны, то, согласно п. I ст. 5 устава, учители сего училища становятся обязательными участниками кассы. (ibid.).

ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

учрежденныхъ

ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

I.

I. Для соисканія въ 1904 году премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, 1) *по разряду гимназій* была назначена группа „исторія и географія, всеобщая и русская" и 2) *по разряду реальныхъ училищъ*—группа „математика, математическая географія и физика".

Для разсмотрѣнія представленныхъ къ установленному сроку 22 сочиненій при ученомъ комитетѣ были образованы двѣ особыхъ коммиссіи: первая (для разсмотрѣнія сочиненій по исторіи и географіи) состояла, подъ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета И. И. Беллярминова, изъ членовъ: основного отдѣла комитета С. Ѳ. Глинки и С. В. Рождественскаго и особаго отдѣла комитета А. Ѳ. Соколова и преподавателя географіи С.-Петербургскаго 3-го реальнаго училища А. В. Чеботарева; въ составъ второй комиссіи (для разсмотрѣнія сочиненій по математикѣ и физикѣ), бывшей подъ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета О. Д. Хвольсона, вошли члены комитета: Н. И. Билибинъ и Б. М. Кояловичъ, директоръ С.-Петербургскаго 2-го реальнаго училища К. В. Фохтъ и преподаватель того же училища М. С. Волковъ.

Коммиссіи, обсудивъ, на основаніи подробныхъ рецензій своихъ членовъ, достоинства переданныхъ имъ для разсмотрѣнія конкурсныхъ сочиненій, представили свои заключенія о нихъ въ ученый комитетъ, который по всестороннемъ обсужденіи какъ этихъ заключеній, такъ и подробныхъ отзывовъ о разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ, опредѣлилъ:

1) Большую премію Императора Петра Великаго (2.000 р.) раздѣлить, на основаніи § 3 Новаго Положенія о преміяхъ Императора Петра Великаго 5-го января 1904 г., на двѣ половины, по 1.000 рублей, между авторами печатныхъ сочиненій: 1) Ковалевскій, С. Сборникъ физическихъ задачъ. (С.-Пб. 1903.) и 2) Понамаревъ, Р. Д. Сборникъ задачъ по элементарной физикѣ, (Изд. 2-е, Харьковъ. 1903.).

2) За сочиненіе, представленное на конкурсъ въ корректурныхъ листахъ, подъ заглавіемъ: Начальный курсъ географіи. Составилъ Г. П. Ивановъ (Изд. 3-е) присудить автору малую (500 р.) премію Императора Петра Великаго.

3) Остальныя представленныя на соисканіе премій сочиненія отъ присужденія премій устранить.

4) Въ вознагражденіе трудовъ предсѣдателей и членовъ особыхъ ком

миссій по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій, выдать означеннымъ лицамъ учрежденныя на сей предметъ золотыя медали.

Опредѣленія ученаго комитета утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

II.

О порядкѣ представленія сочиненій на соисканіе премій Императора Петра Великаго.

Для представленія сочиненій на соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, назначенъ, съ разрѣшенія министерства, слѣдующій порядокъ:

I. *По разряду гимназій:* на преміи 1905 года—полный элементарный курсъ русской грамматики для среднихъ учебныхъ заведеній.

II. *По разряду начальныхъ народныхъ училищъ и книгъ для народнаго чтенія:* на преміи 1905 года—„*Книга для народнаго чтенія по отечествовѣдѣнію съ отдѣломъ по исторіи Россіи*"; на преміи 1906 года—„*Книга для класснаго чтенія во 2-мъ классѣ сельскихъ двухклассныхъ училищъ съ отдѣломъ по естествовѣдѣнію*". Общія условія и примѣрныя программы, коимъ должны удовлетворять эти сочиненія, объявлены во всеобщее свѣдѣніе въ январьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе года, предшествующаго назначенію преміи, не позже 1-го ноября и могутъ быть какъ печатныя, такъ и рукописныя. Рукописи будутъ подвергнуты разсмотрѣнію лишь въ томъ случаѣ, если окажутся написанными опрятно и разборчиво. Сочиненія могутъ быть представлены и безъ обозначенія имени автора, подъ какимъ-либо девизомъ, съ приложеніемъ пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣстожительство.

ЦИРКУЛЯРЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (18-го мая 1904 г., за № 15.315). *Циркуляръ попечителямъ учебныхъ округовъ, объ устройствѣ учебной части въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ на 1904—1905 учебный годъ.*

Съ окончаніемъ 1903—1904 учебнаго года истекаетъ срокъ дѣйствія таблицы уроковъ для пяти младшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ, установленной на текущій учебный годъ на основаніи п. V. Высочайшаго повелѣнія 20-го іюля 1902 г., а также Высочайшаго повелѣнія 23-го марта 1903 г. (о признаніи греческаго языка необязательнымъ предметомъ изученія въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ начало изученія его отнесено къ V классу) и указаній, Высочайше преподанныхъ бывшему министру народнаго просвѣщенія 12-го іюля 1903 г.

Вслѣдствіе сего и руководствуясь какъ упомянутыми Высочайшими повелѣніями, такъ и указаніями, Высочайше преподанными мнѣ 1-го сего мая, увѣдомляю ваше превосходительство, для надлежащихъ распоряженій,

что на 1904—1905 учебный годъ въ первыхъ шести классахъ гимназій должна быть установлена нижеслѣдующая таблица уроковъ:

	КЛАССЫ.								
	I.	II.	III.	IV.		V.		VI.	
				Гимназіи, поименованныя въ п. IV Высочайшаго повелѣнія 20 го іюля 1902 года.	Гимназіи, поименованныя въ п. III Высочайшаго повелѣнія 20-го іюля 1902 года.	Гимназіи, поименованныя въ п. IV Высочайшаго повелѣнія 20-го іюля 1902 года.	Гимназіи, поименованныя въ п. III Высочайшаго повелѣнія 20-го іюля 1902 года.	Гимназіи, поименованныя въ п. IV Высочайшаго повелѣнія 20-го іюля 1902 года.	Гимназіи, поименованныя въ п. III Высочайшаго повелѣнія 20-го іюля 1902 года.
Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Русскій языкъ	5	5	4	4	4	3	3	5	3
Латинскій языкъ . . .	—	—	5	5	4	5	5	5	5
Греческій языкъ . . .	—	—	—	—	4	—	6	—	6
Математика	4	4	4	4	4	5	4	4	4
Физика	—	—	—	—	—	—	—	3	2
Исторія	2	2	2	3	3	4	3	3	2
Географія	2	2	2	2	2	2	—	—	—
Нѣмецкій языкъ	5	3	3	3	2	3	3	3	3
Французскій языкъ . .	—	6	3	4	2	3	3	3	2
Природовѣдѣніе	2	2	2	—	—	—	—	—	—
Рисованіе	2	2	1	—	—	—	—	—	—
Чистописаніе	2	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	26	28	28	27	27	27	29	28	29

Примѣчаніе. Во II, III и IV классахъ гимназій, а равно и въ VI классѣ гимназій, поименованныхъ въ п. IV Высочайшаго повелѣнія 20-го іюля 1902 г., обязательно обученіе обоимъ новымъ языкамъ, отъ изученія второго новаго языка въ VI классѣ этихъ гимназій могутъ быть освобождены лишь тѣ ученики, которые изучаютъ греческій языкъ или въ предшествующемъ учебномъ году обучались одному языку. Въ V классѣ гимназій, поименованныхъ въ п. IV Высочайшаго повелѣнія 20-го іюля 1902 г., а равно въ V и VI классахъ гимназій, поименованныхъ въ п. III Высочайшаго повелѣнія 20-го іюля 1902 г., обязательно изученіе лишь того новаго языка, которому обучались ученики въ предшествующемъ году.

При этомъ необходимо замѣтить, что въ силу Высочайшихъ указаній преподанныхъ мнѣ 1-го сего мая: 1) въ гимназіяхъ, поименованныхъ въ п. IV Высочайшаго повелѣнія 20-го іюля 1902 года, желающіе изучать греческій языкъ занимаются таковымъ въ V классѣ (при пяти урокахъ) и въ VI классѣ (при трехъ урокахъ), сверхъ общихъ для всѣхъ учениковъ прочихъ предметовъ, 2) воспитанники VI класса помянутыхъ гимназій, изучавшіе греческій языкъ въ предшествуюшемъ учебномъ году, могутъ быть освобождены, по желанію, родителей, отъ изученія сего языка.

Предлагаемая на 1904—1905 учебный годъ таблица шести классовъ гимназій не подлежитъ введенію въ Рижской городской гимназіи, гимназіяхъ при историко-филологическихъ институтахъ С.-Петербургскомъ и Нѣжинскомъ, въ гимназическихъ классахъ лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ, въ гимназическихъ отдѣленіяхъ С.-Петербургскихъ училищъ при церквахъ св. Петра, св. Анны, св. Екатерины и реформатскихъ, а также училища при евангелическо-лютеранской церкви свв. апостоловъ Петра и Павла въ Москвѣ. Въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также въ VII и VIII классахъ всѣхъ прочихъ гимназій остается въ силѣ таблица уроковъ, утвержденная въ 1890 г.

Въ реальныхъ училищахъ остается на 1904—1905 учебный годъ таблица уроковъ, дѣйствовавшая въ 1903—1904 учебномъ году.

Ближайшія указанія относительно программъ преподаванія въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ на 1904—1905 учебный годъ будутъ сообщены дополнительно.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(Ж. М. Нар. Просв. за іюнь и іюль 1904 года).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Беллярминовъ, И.* Руководство къ русской исторіи съ дополненіемъ изъ всеобщей. Изданіе 16-е. С.-Пб. 1902. Стр. 172+I. Цѣна 50 коп.“ (для

женскихъ гимназій, а также для городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ).

— „*Ельницкій, К.* 1) Курсъ дидактики. 13-е изданіе Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1903. Стр. 143. Цѣна 74 коп.—2) Очерки по исторіи педагогики. 5-е изданіе, Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1903. Стр. 157. Цѣна 75 коп." (для педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій и для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также и въ ученическія библіотеки названныхъ учебныхъ заведеній и въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ).

— „*Знойко, Николай.* Краткое руководство по средней исторіи. Одесса 1905. Стр. VIII+170. Цѣна 75 коп. (для реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій).

— „*Знойко, Николай.* Систематическій курсъ исторіи новыхъ вѣковъ. Часть I. Одесса. 1903. Стр. IV+177.—Часть II. Одесса. 1904. Стр. IV+166. Цѣна каждой части 75 коп." (для VI и VII классовъ).

— „*Ивановъ, Г. И.* Начальный курсъ географіи. Изданіе 3-е, испр. и доп. С.-Пб. 1904. Стр. II+155+3 карты. Цѣна 60 коп." (для младшихъ классовъ и для городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ, а также въ ученическія библіотеки начальныхъ училищъ).

— „*Матченко, И. П.* Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ I. Начальныя свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической. Изданіе 4-е. Кіевъ. 1903. Стр. 56. Цѣна 40 коп."

— „*Словцовъ, И.* Обозрѣніе Россійской Имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами. 3-е изданіе. М. 1904. Стр. VI+90. Цѣна 60 коп." (для VI класса реальныхъ училищъ).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Блажеевскій, С.* Латинскій синтаксисъ въ вопросахъ. Въ связи съ латинской грамматикой В. Никифорова (по Штегмену). Смоленскъ. 1904. Стр. 69. Цѣна 35 коп." (въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Богдановъ, Викторъ.* Русская хрестоматія. Курсъ среднихъ классовъ Изданіе А. Э. Винеке. С.-Пб. 1903. Выпускъ I. Стр. X+304+25. Цѣна въ перепл. 1 руб. 15 коп.—Выпускъ II. Стр. X+322+16+2. Цѣна въ перепл. 1 руб. 15 коп." (для среднихъ учебныхъ заведеній съ преобладающимъ составомъ инородцевъ и для училищъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

— „*Кохъ, А. В.* Нѣмецкая хрестоматія. Отдѣлъ для среднихъ классовъ Съ алфавитнымъ словаремъ, составл. *Р. К. Бертольди.* С.-Пб. 1904. Стр. II+244. Цѣна въ перепл. 1 руб."

— „*Пузицкій, В.* Отечественная исторія въ разсказахъ. Изданіе 3-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. V+264. Цѣна 75 коп." (для 1 и 2 класса среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ, а также въ ученическія библіотеки начальныхъ училищъ).

— „Разсказы новѣйшихъ нѣмецкихъ писателей объяснилъ и снабдилъ словаремъ *Н. К. Эрдель.* Изданіе Эггерсъ и К⁰. (Повѣсти и разсказы современныхъ нѣмецкихъ писателей. № 2). С.-Пб. 1904. Стр. 113. Цѣна 55 коп." (для старшихъ классовъ).

— „*Рыбкинъ, Н.* Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе. Часть I. Планиметрія. Изданіе магаз. „Сотрудникъ школъ". М. 1903. Стр. 126. Цѣна 60 коп."

— „*Storm, Theodor.* Pole Poppenspäler. Russische Schulausgabe von *P. Ney.* (Deutsche Autoren. Band 18). Kiew. 1904. 93 S. Preis geb. 60 Kop.“ (для среднихъ классовъ).

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Алмазовъ, К. Н.* Роландъ. М. 1901. Стр. 162+XXXV. Цѣна 1 руб. 75 коп.“ (для средняго и старшаго возрастовъ и для выдачи ученикамъ въ награду, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Алтаевъ, Ал.* Костры покаянія. Изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 195. Цѣна 60 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Барсуковъ, Николай.* Жизнь и труды Погодина. Книга 18-я. С.-Пб. 1904. Стр. IX+555. Цѣна 2 руб. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни).

— „*Behrsin, L.* Land und Volk der Deutschen. (Deutsche Autoren. Band 6). Kiew. 1903. 206 S. Preis geb. 85 Kop.“ (для средняго и старшаго возрастовъ).

— „Біографія композиторовъ съ IV—XX вѣкъ съ портретами. Иностранный и русскій отдѣлъ подъ ред. *К. Ильинскаго.* Польскій отдѣлъ подъ ред. Г. *Пахульскаго.* Изданіе К. А. Дурново. М. 1904. Стр. V+927+XII. Цѣна необозначена“.

— „*Бореціусъ, Ф.* Бабочки Европы. Переводъ съ дополненіями *В. А. Догеля*, подъ ред. *В. М. Шимкевича.* Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1904. Стр. 251. Цѣна 4 руб.“ (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и для выдачи ученикамъ въ видѣ награды).

— „*Буланже, П. А.* Мудрость народовъ Востока. Выпускъ I. Жизнь и ученіе Конфуція. Со статьей *Л. Н. Толстого* „Изложеніе китайскаго ученія“. Изданіе „Посредника“. СПБ. М. 1903. Стр. 162. Цѣна 75 коп.“

— „*Вейнбергъ, Петръ.* Русскіе поэты (карманная хрестоматія). Изданіе А. С. Суворина (Дешевая библіотека №№ 359 и 360). С.-Пб. 1904. Томъ I. Стр. IV+272+IV.– Томъ II. Стр. 317+VIII. Цѣна каждаго тома 20 коп., въ папкѣ 28 коп., въ перепл. 35 коп. (для старшаго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*von Wildenbruch, E.* Das edle Blut. Russische Schulausgabe von *L. Behrsin.* (Deutsche Autoren. Band 4). 2. Auflage. Kiew. 1904. Стр. 50 (текста)+ +24 (словаря). Цѣна 40 коп.“ (для средняго возраста).

— „*Водовозова, Е. Н.* Жизнь европейскихъ народовъ. Томъ II. Жители сѣвера. Изданіе 4-е, совершенно перераб. С.-Пб. 1899. Стр. X+522. Цѣна 3 руб. 75 коп.—Томъ III. Жители средней Европы. Изданіе 3-е, перераб. и дополн. С.-Пб. 1903. Стр. XI+565. Цѣна 3 руб. 75 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Галенковскій, П. А.* Воспитаніе юношества въ прошломъ. Историческій очеркъ педагогическихъ средствъ при воспитаніи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ (въ періодъ 1700—1865 гг.). С.-Пб. 1904. Стр. 122. Цѣна 1 руб.“ (для старшаго возраста).

— *Гиппіусъ, Александра.* Нептунъ. Разсказъ для дѣтей. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 168. Цѣна 1 р. 50 коп., въ перепл. 2 р. 25 коп.“ (для младшаго возраста, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Гнѣдичъ, Н. И.* Собраніе сочиненій. 2-е изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Т. I—II. Стр. XXXI+71+2+163+2.—Т. III—IV. Стр. XV+104+1+97+1.—Т. V—VI. Стр. 116+100+1. Цѣна 1 руб. 50 коп., въ коленк. перепл. 2 руб. 25 коп." (для старшаго возраста).

— „*Гофманъ, Францъ.* 1) Путешествія и приключенія барона Мюнхгаузена. Переводъ съ нѣм. *А. Н. Нѣеловой.* 2) Занесенные снѣгомъ. Переводъ съ нѣм. *Н. Н. Есипова.* Изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 238. Цѣна 1 руб. 50 коп." (для средняго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки)

— „*Гофманъ, Фр.* Путешествіе Гулливера по неизвѣстнымъ странамъ. По Джонатану Свифту обработано для юношества. Переводъ съ нѣм. *А. Н. Нѣеловой.* Изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 240. Цѣна 1 р. 50 к." (для средняго возраста, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Гумайонъ-Намэ.* Басни и притчи Востока въ переводѣ *С. М.* Изданіе ред. „Новаго журнала иностранной литературы". С.-Пб. 1904. Стр. 184. Цѣна 50 коп. (для средняго и старшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Дорофеевъ, Г. К.* Кавказскія сказки и преданія. Изданіе 2-е, А. Ф. Девріена. С.-Пб. Стр. VIII+214. Цѣна 2 р. 50 коп." (для младшаго и средняго возрастовъ и для выдачи въ награду ученикамъ означенныхъ возрастовъ, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Жуковскій, В. А.* Полное собраніе сочиненій въ 12-ти томахъ. Подъ ред., съ біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями *А. С. Архангельскаго.* Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1902. Цѣна 2 руб." (также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*д' Ивуа, Поль.* Въ Китаѣ. Романъ, въ переводѣ *А. А. Энквистъ.* Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 368. Цѣна 2 р." (для средняго и старшаго возрастовъ, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Каразинъ, Н. Н.* Съ сѣвера на югъ. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Томъ I. Стр. 346+II.—Томъ II. Стр. 308+II. Цѣна за оба тома 3 р."

— „*Каррьеръ, М.* Драматическая поэзія. Переводъ *В. А. Яковлева.* С.-Пб. 1898. Стр. 189+1. Цѣна 1 р." (для старшаго возраста, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Коржинская, О. М.* Индійскія сказки. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1903. Стр. IV+235. Цѣна въ перепл. 3 р. 50 коп." (для младшаго и средняго возрастовъ, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читаьни).

— „*Круберъ, А., С. Григорьевъ, А. Барковъ* и *С. Чефрановъ.* Европейская Россія. Иллюстрированный географическій сборникъ. Изданіе т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1904. Стр. VI+581. Цѣна 2 р." (также въ ученическія библіотеки городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ).

— „*Либровичъ, Сигизмундъ.* Неполомицкій царевичъ. С.-Пб. 1903. Стр. IV+108. Цѣна 1 р." (для старшаго возраста).

— „*Майковъ, П. М.* Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ его біографіи. С.-Пб. 1904. Стр. XI+474+278. Цѣна 4 руб." (для старшаго возраста, а равно въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Миниловъ, С. Р.* Въ грозу. Историческая повѣсть изъ эпохи Петра Великаго. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 317. Цѣна 1 р." (для старшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Нансенъ, Фритьофъ.* На крайнемъ сѣверѣ. Жизнь эскимосовъ. Сокращенный переводъ *О. Н. Поповой.* Изданіе О. Н. Поповой. (Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ). С.-Пб. 1903. Стр. 94. Цѣна 30 коп.“ (для средняго и младшаго возрастовъ, а также въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Номенъ, Я. К.* Записки о пребываніи Петра великаго въ Нидерландахъ въ 1697/98 и 1716/17 гг. Переводъ, введеніе и примѣчанія *В. Кордта.* Кіевъ. 1904. Стр. 93. Цѣна 1 р.“ (для старшаго возраста).

— „*Петровичъ, М.* По Черногоріи. Путевыя впечатлѣнія и наброски. Очеркъ 1-й. М. 1903. Стр. II+77. Цѣна 75 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Потѣхинъ, А. А.* Сочиненія. Томъ I. Повѣсти и разсказы. Изданіе т-ва „Просвѣщеніе“. С.-Пб. 1903. Стр. 406. Цѣна 1 руб.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Разинъ, А. Е.* Пангеранъ-Пугаръ, яванскій охотникъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 58. Цѣна 25 коп.“ (для младшаго и средняго возраста, а равно въ безплатныя народныя читальни).

— „*Ресслеръ,* Г. Электродвигатели перемѣннаго и трехфазнаго тока. Переводъ съ нѣм. подъ ред. *Б. И. Угримова.* Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1902. Стр. 244. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста).

— „Русскій музей Императора Александра III. Текстъ *Н. Н. Брешко-Брешковскаго.* Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. XI+92. Цѣна 5 р.“ (для средняго и старшаго возрастовъ, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*де-Сегюръ.* Каникулы. Переводъ съ французскаго. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 326. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для младшаго возраста, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Смирновъ, А. П.* Наша доля — Божья воля. 2-е изданіе, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 373. Цѣна 1 р. 75 коп., въ перепл. 2 р. 50 коп.“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Смирновъ, Е. И.* Простѣйшіе опыты для объясненія явленій природы. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1904. Стр. 243+IV. Цѣна 35 коп.“.

— „*Станюковичъ, К.* Мунька. Похожденія одной собаки. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 55. Цѣна 40 коп.“ (для младшаго возраста, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Станюковичъ, К. М.* Севастопольскій мальчикъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 263. Цѣна 2 р. 75 коп., въ перепл. 3 р. 50 к.“ (для средняго возраста и для выдачи въ награду ученикамъ означеннаго возраста, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Твэнъ, Маркъ.* Приключенія Тома Сойера. Переводъ *М. Николаевой.* Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 404. Цѣна 1 р. 50 к.“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Умановъ-Каплуновскій, В. В.* Славянская муза. Сборникъ переводныхъ стихотвореній. 3-е испр. изданіе. С.-Пб. 1904. Стр. XI+I+169. Цѣна 1 р.“ (для старшаго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни).

— „*Хёттонъ, Фредерикъ-Волластонъ.* Чтенія объ эволюціи. Переводъ съ

англ. *М. Александровича.* Изданіе О. Н. Поповой. (Образовательная библіотека. Серія V, № 4). С.-Пб. 1903. Стр. 77. Цѣна 40 коп.".

— „*Чистяковъ, С. А.* Исторія Петра Великаго. 2-е изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 512+IV. Цѣна 5 р." (для старшаго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни).

— „*Eckermann, Johann Peter.* Gespräche mit Goethe. Ausgewählt und systematisch geordnet sowie mit Einleitung und Anmerkungen herausgegeben von *Johanner Öhquist.* Verlag von B. G. Teubner. Leipzig. 1903. Стр. 105. Цѣна не обозначена" (для старшаго возраста).

— „*Яковлевъ, Н. Н.* Геологическая исторія животнаго царства (введеніе въ изученіе палеонтологіи). Изданіе О. Н. Поповой. (Образовательная библіотека. Серія V, № 7). С.-Пб. 1903. Стр. 92. Цѣна 40 коп." (для старшаго возраста).

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Аллендорфъ, Иванъ.* Учебникъ нѣмецкаго языка. Часть 1-я. 15-е изданіе. М. 1904. Стр. VIII+164. Цѣна 70 коп." (для двухъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ нѣмецкій языкъ преподается по грамматическому методу, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующихъ изданіяхъ были устранены недостатки).

— „*Вельмъ, Я. І.* Нѣмецкая коммерческая корреспонденція. Изданіе И. С. Козлова. М. 1904. Стр. 112. Цѣна 80 коп. въ папкѣ" (для коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была снабжена оглавленіемъ и алфавитнымъ словаремъ).

б) въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Юревичъ, Г. Я.* Собраніе ариѳметическихъ задачъ. С.-Пб. 1904. Стр. 106. Цѣна 25 коп." (для приготовительныхъ классовъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книги были устранены недостатки ея).

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— *Водовозова, Е. Н.* Жизнь европейскихъ народовъ. Томъ I. Жители юга. 5-е изданіе, испр. и дополн. С.-Пб. 1897. Стр. XI+652. Цѣна 3 р. 75 коп." (для старшаго возраста, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были устранены недостатки).

— „*Ганъ, И. К.* Спутникъ правописанія. Изданіе 6-е. Вильна. 1904. Стр. VI+106. Цѣна 30 коп.".

— „*Круберъ, А., С. Григорьевъ, А. Барковъ* и *С. Чефрановъ.* Азія. Иллюстрированный географическій сборникъ. Изданіе 2-е, испр. и под., т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. М. 1904. Стр. VIII+548. Цѣна 2 р." (для средняго и старшаго возрастовъ).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Журналъ: „Русскій Филологическій Вѣстникъ", издаваемый проф. Смирновымъ—признать достойнымъ рекомендаціи со стороны министерства народнаго просвѣщенія для выписки въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній какъ за прошлые годы изданія журнала, такъ и на будущее время, посредствомъ особаго циркуляра попечителямъ учебныхъ округовъ.

— Книгу: *Лукьяновъ, Н. С.* Физическій кабинетъ среднихъ учебныхъ заведеній. Устройство и оборудованіе помѣщенія, описаніе физическихъ приборовъ и опытовъ съ ними. Выпускъ I. Полтава. 1903. Стр. II+97+2 табл. Цѣна 1 р. 50 коп.—Выпускъ II. Опыты по механикѣ. 1904. Стр. (97—213). Цѣна 1 р. 50 коп." признать заслуживающею рекомендаціи со стороны министерства народнаго просвѣщенія для обязательнаго пріобрѣтенія всѣми средними учебными заведеніями, имѣющими физическіе кабинеты, посредствомъ особаго циркуляра попечителямъ учебныхъ округовъ.

— Изданіе: „Природа и жизнь. Журналъ художественно-литературный, общественно-историческій и популярно-научный, для семейнаго чтенія и юношества. Редакторъ-издатель *Н. П. Дучинскій.* Въ годъ 52 №№ и 12 книгъ. Подписная цѣна 3 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой"—допустить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Дингельштедъ, В.* Сельскохозяйственная гидравлика. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. XVI+512. Цѣна 4 р."—допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „*Янжулъ, Екатерина.* Американская школа. Очерки методовъ американской педагогики. 2-е измѣнен. и дополн. изданіе. С.-Пб. 1904. Стр. XVII+374. Цѣна 2 руб." — признать заслуживающею рекомендаціи, посредствомъ особаго циркуляра попечителямъ учебныхъ округовъ, вниманію педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки сихъ заведеній, а также вполнѣ пригодною для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Изданіе: „Шахматное обозрѣніе. Ежемѣсячный журналъ, посвященный играмъ въ шахматы и шашки. Редакторъ-издатель *П. П. Бобровъ.* Москва. Цѣна 7 р. за годъ" — допустить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Борисовъ, Ѳ. П.* „Родное". Книга для чтенія въ начальныхъ учили-

щахъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1904. Стр. VI+386. Цѣна 65 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Евсѣевъ, И. Е.* Прописи для упражненія въ прямомъ почеркѣ. Изд. 8-е, В. В. Думнова. М. 1903. Стр. IV+16. Цѣна 8 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Житковъ, С. В.* Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариѳметикѣ. Задачникъ для учениковъ. 13-е изд. С.-Пб. 1903. Стр. II+126+V. Цѣна 25 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Пелентьевъ, Владиславъ.* Учебникъ русскаго языка для инородцевъ. Казань. 1903. Ч. I. Изд. 3-е. Стр. 122. Цѣна 25 коп. — Ч. II. Изд. 2-е. Стр. 148+VI. Цѣна 40 коп.".

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Житковъ, С. В.* Методика ариѳметики. Изд. 7-е, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1904. Стр. VIII+176. Цѣна 75 коп." (также въ ученическія библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій).

— „*Житковъ, С. В.* Сборникъ ариѳметическихъ упражненій съ учителемъ. Пособіе для учителя. Изд. 7-е, Ф. Павленкова. С.-Пб. 1903. Стр. 2+160. Цѣна 40 коп.".

— „*Тихомировъ, Д. И.* Книга для церковнославянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Ч. I. Изд. 6-е. М. 1902. Стр. VIII+267. Цѣна 1 р." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній *):

— „*Алтаевъ, А.* Въ волшебной странѣ ацтековъ. Изд. ред. журн. „Дѣтское Чтеніе" (Библіотека для семьи и школы). М. 1904. Стр. 215. Цѣна 60 коп." (для городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищъ).

— „*Догановичъ, Анна.* Дѣдъ Игнатъ. Изд. В. С. Спиридонова. М. 1904. Стр. 66. Цѣна 35 коп., въ папкѣ 50 коп.".

— „*Додэ, А.* Два отца. Переводъ съ франц. *И. Раменской.* № 451. М. 1903. Стр. 71. Цѣна 3 коп.".

— „*Додэ, Альфонсъ.* Маленькій человѣкъ. (Исторія одного ребенка). Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 292+II. Цѣна 1 руб.".

— „*Дрожжинъ, С.* Пѣсни крестьянина. Стихотворенія. № 317. М. 1898. Стр. 92+III. Цѣна 10 коп.".

— „*Елинъ, Н.* Огородничество и садоводство. III. Какъ ухаживать за цвѣтами. Новое, испр. и доп. изд. (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова.* Книжка 33-ья). М. 1903. Стр. 38. Цѣна 10 коп.".

— „*Елпатьевскій, К.* Разсказы и стихотворенія изъ русской исторіи. 2-е изд. доп. С.-Пб. 1904. Стр. VIII+432. Цѣна 1 р.".

— „*Женневрэ, А.* Маленькій разносчикъ (продавецъ спичекъ). Полный переводъ съ франц. *Е. Д. Давыдовой.* Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 250. Цѣна 1 р.".

— „*Истоминъ, В. А.* Всеобщая исторія. Выпускъ I. Чтенія изъ исторіи западныхъ и южныхъ славянъ. Изданіе коммиссіи по устройству чтеній для рабочихъ. М. 1904. Стр. 116+1 карта. Цѣна не обозначена".

---

*) Сочиненія, допущенныя въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, считаются допущенными также въ безплатныя народныя

— „*Карамышевъ, Н. Д.* За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаетъ. Чита. 1903. Стр. II+87. Цѣна 40 коп.“.

— „*Л. М.* Сказаніе о храбромъ Роландѣ. М. 1901. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“.

— „*Лабулэ, Эдуардъ.* Любимыя сказки. Переводъ *П. Доброславина* и *Н. Мазуренко.* Изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 204. Цѣна 1 руб.“.

— „*Лукашевичъ, Клавдія.* 1) Богатыри Севастопольскіе. Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ. Краткая біографія. М. 1904. Стр. 108. Цѣна 10 коп.— 2) Штурмъ Малахова кургана 27 августа 1855 года. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп.—3) Послѣдніе дни Севастополя. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп.—4) Преосвященный Иннокентій въ осажденномъ Севастополѣ. 1) Врачъ духовный. 2) Врачи тѣлесные. М. 1904 г. Стр. 36. Цѣна 3 коп.—5) Памятники славной обороны Севастополя. М. 1904. Стр. 35. Цѣна 3 коп.—6) Послѣдній взглядъ на Севастополь. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп. (Дешевыя изд. т-ва И. Д. Сытина“)

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Разсказы и сказки. Томъ I-й. 6-е изданіе. (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“). М. 1902. Стр 211. Цѣна 1 руб.“.

— „*Немировичъ-Данченко, В. И.* На краю свѣта. Другъ за друга. 3-е изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ (Библіотека „Для семьи и школы“). М. 1903. Стр. 222. Цѣна 75 коп.“.

— „*Орловскій, Сергѣй.* Горе Селима. № 438. М. 1903. Стр. 36. Цѣна $1^1/_2$“.

— „Первыя понятія о томъ, какъ живетъ наше тѣло и что для него полезно и вредно. Переводъ съ англійскаго. Съ предисл. *И. Горбунова-Посадова.* № 300. М. 1898. Стр. 72. Цѣна 20 коп.“.

— „*Перелыгинъ, Н. И.* Сиротки. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 24. Цѣна 15 коп.“.

— „*Разумовъ, Н. И.* Что море говоритъ. Очерки для дѣтей. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. Стр. 35. Цѣна 20 коп.“

— „1) Русско-японская война. Ляо-Дунъ или Квантунская область. Стр. 63+1 карта. Цѣна 8 коп.—2) Русско-японская война (8 и 9 недѣли войны). Изъ Россіи въ Портъ-Артуръ. Стр. 68. Цѣна 8 коп. (Дешевая иллюстрированная библіотека №№ 4 и 5. Изданіе Н. П. Дучинскаго. С.-Пб. 1904)“ (вмѣстѣ съ тѣмъ допустить все изданіе „Русско-японская война“ къ выпискѣ по предварительной подпискѣ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Сенкевичъ, Генрикъ.* Камо грядеши? Сокращено по изданію „Русской мысли“ въ переводѣ В. М. Лаврова. (Библіотека „Юнаго читателя“). Изданіе 2-е. С.-Пб. Стр. 362. Цѣна 1 руб.“

— „*Сысоевъ, В. М.* Вѣчная труженица и вѣчная кормилица. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Тарнавскій, Ал.* 1) Русско-японская война. Стр. 22—2) Красный крестъ. 1-е приложеніе къ № 2 Циркуляра для народн. учил. Оренбургскаго уч. окр. за 1904 г. Стр. 14—3) Русскій флотъ. Стр. 16.“

— „*Тихоміровъ, Дм. Ив.* Жизнь и труды В. А. Жуковскаго. 3-е изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ (Библіотека для семьи и школы). М. 1904. Стр. 55. Цѣна 10 коп.“

— „*Тихомировъ, Д. И.* Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. 4-е изданіе. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 56. Цѣна 10 коп.“

читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній, а равно могутъ быть пріобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „*Тихомировъ, Е.* и *Д.* Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. (Библіотека „Дѣтскаго чтенія"). Изданіе 12-е. М. 1899. Стр. 85. Цѣна 10 коп."

— „*Хатунскій, Сергѣй.* Приключенія крестьянскаго мальчика. Изд. кн. маг. С. Курнинъ и К°. М. 1904. Стр. 106. Цѣна 50 коп."

г) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки *):

— „*Бодрилларъ.* Приключенія бутылки съ виномъ, разсказанныя ею самою. Съ франц. перевела *В. Величкина.* № 445. М. 1903. Стр. 159. Цѣна 15 коп."

— „*Бретъ-Гартъ.* I. Рождественская ночь. II. Счастье „Ревущаго стана" № 126. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 3 коп."

— „*Вульфсонъ, Э. С.* Лихой врагъ. (Быль). № 476. М. 1904. Стр. 53. Цѣна 3 коп."

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.* Сердечный другъ. Пѣсенникъ. № 471. М. 1903. Стр. 31. Цѣна $1^1/_2$ коп."

— „*Гребницкій, А. С.* Уходъ за плодовымъ садомъ. 2-е просм. и знач. дополн. изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1901. Стр. VIII+290. Цѣна 1 р. 25 коп."

— „Дальній Востокъ. Корея.—Японія.—Манчжурія. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 10 к." (также для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „*Дебу, К. И.* Руководство къ выбору и уходу за сельскохозяйственными машинами и орудіями. Орудія для подготовки почвы къ посѣву. Изд. П. П. Сойкина. (Сельско-хоз. библіотека). С.-Пб. 1903 г. Стр. II+328. Цѣна 1 р. 50 коп."

— „*Догановичъ, Анна.* Печальникъ земли русской. Изд. 3-е, измѣн. В. С. Спиридонова. М. 1904. Стр. 73. Цѣна 40 коп."

— „Живописная Россія. Томъ III. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1903. Стр. V+620. Цѣна 4 р. 50 коп., въ коленкор. перепл. 5 р. 25 коп."

— „*Журововъ, С. В.* Злая невѣстка. № 57. (Для взрослыхъ). М. 1901. Стр. 31. Цѣна $1^1/_2$ коп."

— „*Зубрилинъ, А. А.* Ленъ и обработка его на волокно. 4-ая бесѣда. (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова.* Книжка 34-ая). М. 1903. Стр. 40. Цѣна 4 коп."

— „*Ирвингъ, В.* Жизнь Магомета. Переводъ *Л. П. Никифорова.* Изд. 2-е, М. В. Клюкина. (Общеполезная библіотека для самообразованія. №№ 23 и 24.) М. 1902. Стр. VI+367. Цѣна 1 р. 50 коп." (также въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Любичъ-Кошуровъ, І. А.* Картинки современной жизни. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1902. Стр. 67. Цѣна 37 коп., въ папкѣ 50 коп."

— „*Мопассанъ, Гюи де.* Какъ Симонъ нашелъ себѣ отца. Съ франц. —Дитя Стрѣлочника. Быль. Съ англ. № 491. М. 1904. Стр. 32. Цѣна $1^1/$ коп."

— „*Потѣхинъ, Л. А.* Доходное пчеловодство. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1902. Стр. 54. Цѣна 25 коп."

---

*) Книги, допущенныя въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, считаются допущенными также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а равно могутъ быть пріобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „*С. Н.*, Японія и начало военныхъ дѣйствій ея съ Россіей. С.-Пб. 1904. Стр. 32. Цѣна не обозначена“ (также для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „*Сабинина, М.* По горамъ и пустынямъ Средней Азіи. (Библіотека „Юнаго читателя“). С.-Пб. 1903. Стр. 94. Цѣна 25 коп.“

— „*Тулуповъ, Н. В.*, и *П. М. Шестаковъ.* Для народнаго учителя. Выпускъ 1-й. Законы, правительственныя распоряженія и другія свѣдѣнія, относящіяся къ быту народныхъ учителей, за 1903 г. Изд. неофиціальное М. 1904. Стр. 51+II. Цѣна 7 коп.“.

---

2. Допустить *условно* слѣдующую книгу:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Каптеревъ, Александръ.* Священная исторія Ветхаго Завѣта. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1902. Стр. 192. Цѣна 40 коп.“ (для 2-хъ-классныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

Опредѣленіями особаго отдѣла комитета министерства народнаго просвѣщенія, учрежденными г. товарищемъ министра постановлено:

— Газету: „Биржевыя Вѣдомости“ (въ обоихъ изданіяхъ) — допустить при настоящей ея редакціи, къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— Изданіе: Природа и жизнь. Журналъ художественно-литературный, общественно-историческій и популярно-научный для семейнаго чтенія и юношества. Редакторъ-издатель *Н. П. Дучинскій.* Въ годъ 52 №№ и 12 книгъ. Подписная цѣна 3 р. въ годъ“—допустить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— Изданіе: „Иллюстрированная лѣтопись русско-японской войны (по оффиціальнымъ даннымъ, свѣдѣніямъ печати и показаніямъ очевидцевъ). Изд. ред. „Новаго журнала иностранной литературы“ (Ѳ. И. Булгаковъ). С.-Пб. 1904. Цѣна только по подпискѣ 50 к. за выпускъ, съ перес. 70 коп.“ —допустить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— Книгу: „*Герасимовъ, П. Н.* Въ подарокъ дѣтямъ. 5 разсказовъ. Изд. 3-е, доп. П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 87. Цѣна 1 р. 25 коп.“ — допустить въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу подъ заглавіемъ: „Практическая минералогія. Курсъ Уральскаго горнаго училища. С.-Пб. 1903. Изданіе *К. Л. Риккера*. Цѣна 1 руб.“ —допустить въ качествѣ учебнаго пособія для промышленныхъ училищъ.

— Книгу *Н. Александрова* подъ заглавіемъ: „Практическое огородничество. Москва 1903. Цѣна 50 коп.“—допустить въ библіотеки сельско-хозяйственно-техническихъ и ремесленныхъ училищъ.

— Альбомъ *Владиміра Арбузова*, подъ заглавіемъ „Ковры Бессарабіи“ —допустить въ библіотеки промышленныхъ и профессіональныхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается ткацкое искусство.

— Книгу, подъ заглавіемъ: „Руководство по анализу и заправкѣ тканей. Составилъ *А. Г. Лаписовъ*. Варшава. 1904.“—одобрить для употребленія въ промышленныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Бокъ, Е.* 1) Краткій курсъ ботаники. Изданіе 2-е, испр., магаз. „Сотрудникъ школъ“. М. 1903. Стр. 68. Цѣна 40 коп.—2) Учебникъ ботаники. Изданіе магаз. „Сотрудникъ школъ“. М. 1904. Стр. 329. Цѣна 1 руб. 45 коп.“ (для женскихъ учебныхъ заведеній).

— „*Westerman, Ernst.* Deutsche Grammatik. 3-te, verbesserte Auflage. Verlag von N. Kümmel. Riga. 1904. VIII+92. S. Preis. 50 Kop.“ (для среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

— „*Виноградовъ, П.* Начальный курсъ латинскаго языка. Изданіе 9-е. М. 1904. Стр. II+176. Цѣна 75 коп.“ (съ тѣмъ обязательнымъ условіемъ, чтобы цѣна книги была понижена до 60 коп.).

— „*Лангс, Георгій.* Краткая англійская грамматика, Изданіе М. Лукина. Юрьевъ. 1904. Стр. IV+34. Цѣна 30 коп.“

— „*Рыбкинъ, Н.* Учебникъ прямолинейной тригонометріи. Изданіе 3-е соед. съ собраніемъ задачъ, магаз. „Сотрудникъ школъ“. М. 1904. Стр. 163. Цѣна 90 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній.

— „*Адольфъ, А., и С. Любомудровъ.* Orbis Romanus pictus. Римскій міръ въ картинкахъ. Часть 1-ая. 3-е изданіе К. Тихомирова. М. 1903. Стр. 175. Цѣна 70 коп. въ папкѣ“ (для младшихъ классовъ).

— „*Верещагинъ, Ю. Н.* Сборникъ образцовъ для историко-литературнаго изученія русской словесности. Изданіе В. В. Думнова. Часть I. Народная словесность и прозаическія литературныя произведенія. С.-Пб. 1903. Стр.

VIII+544. Цѣна 1 руб. 75 коп.—Часть II. Поэтическія литературныя произведенія до Пушкина. С.-Пб. 1904. Стр. IV+778+II. Цѣна 3 руб." (для старшихъ классовъ).

— „*Городцовъ, Павелъ.* Краткіе очерки православнаго христіанскаго нравоученія. 4-е изданіе. С.-Пб. 1903. Стр. 112+III. Цѣна 50 коп." (для VII и VIII классовъ гимназій).

— „*Ковальскій, Я.* Карта видимыхъ перемѣщеній планетъ Юпитера и Сатурна въ текущемъ 1904 году. С.-Пб. Цѣна 10 коп." (въ качествѣ класснаго учебнаго пособія для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается космографія, а равно и безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— *Koch, Arthur.* 1) Deutsches Lesebuch für mittlere Lehranstalten. Erster Teil. Abteilung I. Mit einem deutsch-russischen Wörterbuche. St. Pbg. 1904. III+97+34 S. Preis geb. 60 Kop —2) Тоже Abteilung II. Mit einem deutsch-russischen Wörterbuche. St. Pbg. 1904. 138+34 S. Preis geb. 70 Kop.—3) Тоже. Оба отдѣла въ одной книгѣ. Цѣна въ перепл. 1 руб. Словари отдѣльно. Цѣна 20 коп." (для среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

— „*Цезарь, Гай Юлій.* Записки о галльской войнѣ. Книга II. Объяснилъ *А. Трейманъ.* Ковно. 1904. Стр. VIII+23. Цѣна 40 коп." (съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы цѣна книги была понижена до 25 коп.).

— „*Caesaris, C. Iulii,* commentarii de bello Gallico съ объясненіями. сост. *Андреемъ Адольфомъ.* Изданіе 4-е, К. И. Тихомирова. М. 1904. Часть I. Латинскій текстъ. Стр. XIII+168.—Часть II. Введеніе, объясненія, геогр. указатель и Карта Галліи. Стр. XXVIII+198+1 карта. Цѣна за обѣ части 1 руб. 60 коп. въ папкѣ."

— „*Ciceronis, M. T.* Somnium Scipionis. Латинскій текстъ. съ введеніемъ. примѣч. и словаремъ, составл. *В. Д. Покровскимъ.* Тифлисъ. 1903. Стр. 120 Цѣна 65 коп."

— „*Stein, Eugenie.* A. First: English Reader. Part I. St. Pbg. 1904. Стр. XVI+203. Цѣна безъ перепл. 85 коп."

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „*Андреевская, М.* Люди умираютъ, но дѣла ихъ живутъ. Три разсказа для дѣтей. Казань. 1904. Стр. 131. Цѣна 1 руб." (для средняго возраста, а равно въ безплатныя народныя читальни).

— „*Апраксинъ, А. Д.* Мой мальчикъ. Изданіе т-ва Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 90. Ц. 1 руб., въ коленкор. перепл. 1 руб. 75 коп." (для младшаго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни).

— „*Булыгинъ, П.* Повѣсти и очерки. Томъ II. Изданіе магаз. „Книжное дѣло". М. 1903. Стр. 263. Цѣна 1 руб." (для старшаго возраста, а равно въ безплатныя народныя читальни).

— „*Быстровъ, М. Ѳ.* Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы. Сборникъ чтеній. Изданіе А. К. Пурышева. С.-Пб. 1904. Стр. VIII+216. Цѣна 1 руб. 50 коп." (для старшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя читальни).

— „*Welter, G.* Les fautes que font les Russes en parlant français. M. 1904. Стр. 32. Ц. 30 коп."

— „*Вольногорскій, Н.* По бѣлу свѣту. Иллюстрированная географическая библіотека. Вып. 1-й. Страна живыхъ ископаемыхъ. Черты изъ жизни животныхъ Австраліи. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1904. Стр. 102. Цѣна 50

коп." (для средняго и младшаго возрастовъ, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Желиховская, В. П.* Во имя долга. Кукла. Надъ пучиной. Три разсказа для юношества. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1899. Стр. 361. Цѣна не обозначена" (для старшаго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни).

— „*Ивановъ, Ив.* Вопросы молодости. С.-Пб. 1904. Стр. IV + 233. Цѣна 90 коп." (для старшаго возраста).

— „*Крейбихъ, І. К.* Пять чувствъ человѣка. Переводъ съ нѣм. подъ ред. *І. А. Шапиро.* Изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 150. Цѣна 45 коп." (для старшаго возраста).

— „*Лоджъ, Оливеръ.* Электроны. Переводъ съ англ. *В. М. Филиппова.* Изданіе О. Н. Поповой. (Образовательная библіотека. Серія V, № 8). С.-Пб. 1904. Стр. 121. Цѣна 40 коп." (для старшаго возраста).

— „*Ляцкій, Евг.* Иванъ Александровичъ Гончаровъ. С.-Пб. 1904. Стр. 263. Цѣна 2 руб." (для старшаго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни).

— „*Медвѣдевъ, Л.* Въ гимназіи. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 240. Цѣна 1 руб. 25 коп., въ папкѣ 1 руб. 50 коп." (для средняго и младшаго возрастовъ, а равно въ безплатныя народныя читальни).

— „*Нелюбовъ, Д.* Природа растеній. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Пб. 1903. Стр. IV+296. Цѣна 2 руб. 50 коп." (для старшаго возраста, а равно въ безплатныя народныя читальни).

— *Опоковъ, З.* Русскій орѳографическій словарь. Кіевъ. 1903. Стр. 200. Цѣна 1 руб." (для средняго и младшаго возрастовъ, а также въ безплатныя народныя читальни).

— „*Поліанъ, Людовикъ.* Нищенствующій Парижъ. Переводъ *А. Тулубьева.* С.-Пб. 1898. Стр. IV+172. Цѣна 1 руб." (также въ безплатныя народныя читальни).

— „*Реклю, Элизе.* Земля. Описаніе жизни земного шара. Изданіе О. Н. Поповой. Выпускъ I. Земля какъ планета. Горы и равнины. Переводъ *И. Добкевича.* Подъ ред. *Н. Березина.* С.-Пб. 1898. Стр. 185. Цѣна 90 коп.—Выпускъ II. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Переводъ подъ ред. *Н. Березина.* Изданіе 3-е С.-Пб. 1903. Стр. II+335. Цѣна 1 руб. 30 коп.—Выпускъ III. Подземныя силы. Переводъ подъ ред. *Д. А. Коропчевскаго.* Изданіе 2-е С.-Пб. 1900. Стр. 234. Ц, 1 руб. 10 коп.—Выпускъ IV. Океанъ. Переводъ *Д. Д. Струнина.* Подъ ред. *Д. А. Коропчевскаго.* Изданіе 2-е. С.-Пб. 1900. Стр. 262+II. Цѣна 1 руб. 10 коп.—Выпускъ V. Атмосфера и воздушныя явленія. Переводъ подъ ред. *Д. А. Коропчевскаго.* Изданіе 2-е. С.-Пб. 1901. Стр. 214. Цѣна 1 руб.—Выпускъ VI. Жизнь. Переводъ *Д. А. Коропчевскаго.* Изданіе 2-е. С.-Пб. 1901. Стр. 278. Цѣна 1 руб." (для старшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя читальни).

— „*Сервиссъ, Гарретъ П.* Астрономія съ биноклемъ. Переводъ съ англ. *М. И. Кисловскаго.* Изданіе О. Н. Поповой. С.-Пб. 1903. Стр. 162. Цѣна 1 руб."

— „*Станюковичъ, К. М.* Исторія одной жизни. Изданіе А. А. Карцева. М. 1896. Стр. 294. Цѣна 1 руб." (для средняго и старшаго возрастовъ, а равно въ безплатныя народныя читальни).

— „*Стокманъ-Диксонъ, М.* Какъ былъ открытъ новый свѣтъ. Переводъ

съ англ. *Д. Коропчевскаго.* Изданіе О. Н. Поповой. С.-Пб. 1903. Стр. 198. Цѣна 60 коп.“ (для средняго и старшаго возрастовъ].

— „*Сысоева, Е. А.* Исторія маленькой дѣвочки. Изданіе 4-е, ред. жур н „Родникъ“. С.-Пб. 1904. Стр. 400. Цѣна не обозначена“ [для средняго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни].

— „*Чарская, Л. А.* Записки институтки. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1902. Стр. 286. Цѣна 2 р. 25 коп., въ перепл. 3 р.“ [также въ безплатныя народныя читальни].

— „*Чарская, Л. А.* Княжна Джаваха. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 336. Цѣна 2 руб. 25 коп., въ перепл. 3 руб.“ [для младшаго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни].

— *Чистяковъ, М.* Корни и плоды. Повѣсти для дѣтей. Изданіе 3-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 278. Цѣна 1 руб. 75 коп., въ коленк. перепл. 2 руб. 50 коп.“ [для младшаго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни].

— „*Щепкина-Куперникъ, Т. Л.* Разсказы для дѣтей. Изданіе Д. П. Ефимова. Москва. Стр. 231. Ц. 1 руб.“ (для средняго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни).

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Gahlnbäck, E.* Deutsche Grammatik mit Übungsaufgaben u. 4 Beilagen. 3. Auflage. St. Pbg. 1904. 128. S. Preis. 65 Kop.“ [съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были исправлены погрѣшности].

— „*Гаммъ, Давидъ.* 1) Практическій курсъ нѣмецкаго языка по натуральному методу къ картинамъ Гельцеля: 1. Осень. 2. Зима. 3. Весна. 4. Лѣто. 1-й и 2-й годъ обученія. Уральскъ. 1904. Стр. 118. Цѣна 1 руб.—2) То же къ картинѣ Гельцеля: Крестьянскій дворъ. 3-й годъ обученія. Уральскъ. 1904. Стр. 71. Цѣна 65 коп.“ [съ тѣмъ, чтобы цѣна книжекъ была понижена—1-ой до 75 коп., 2-ой до 50 коп., а кромѣ того; чтобы въ 1-ой книжкѣ текстъ былъ приспособленъ къ пользованію картинами въ ихъ настоящемъ видѣ, или же, чтобы самыя картины 4-хъ временъ года, приложенныя къ книгѣ, были исполнены въ краскахъ].

б) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— *Верещагинъ, Ю. Н.* Темы и задачи по исторіи и теоріи словесности. Изданіе В. В. Думнова. С.-Пб. 1903. Стр. 243. Цѣна 75 коп.“ (для старшаго возраста, чтобы въ послѣдующемъ изданіи былъ исключенъ отдѣлъ А.а. Разборъ данныхъ образцовъ).

— „*Красильниковъ, Ф. С.* Малороссія и малоруссы. М. 1904. Стр. II+56. Цѣна 25 коп.“ (также въ безплатныя народныя читальни, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Thomson, G.* Erzählungen aus dem Leben der Tiere. I. M. 1904. Стр. 43. Цѣна 12 коп.“ (для средняго возраста, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были устранены недостатки).

— „*Щегловъ, В. Г.* Государственный Совѣтъ въ Россіи. (Общедоступная

библіотека правовѣдѣнія, издаваемая обществомъ распространенія полезныхъ книгъ подъ ред. *Г. С. Фельдштейна*). М. 1904. Стр. 38. Цѣна 5 коп.“ также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были исправлены замѣченныя погрѣшности).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— „Книгу: „*Дурасовъ, М. С.* Краткій курсъ русскаго торговаго права, съ ученіемъ о векселѣ и конкурсномъ процессѣ. Тифлисъ. 1902. Стр. II+307+XIX+II. Ц. 2 руб.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „*Опоковъ, З.* Орѳографическія замѣтки по поводу нѣкоторыхъ неустановившихся случаевъ русскаго правописанія. Кіевъ. 1904. Стр. 60. Цѣна 50 коп.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „*Ли, Іонасъ*, Дочери командора. Переводъ съ норвежскаго *М. П. Благовѣщенской*. Изданіе О. Н. Поповой. (Библіотека „Другъ“). С.-Пб. 1903. Стр. 164. Цѣна 60 коп.“—допустить въ безплатныя народныя читальни.

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Архангельскій, В.* Методика учебныхъ предметовъ начальной школы. Изд. 2-е, доп. и испр. Симбирскъ. 1903. Стр. XVI+275. Цѣна 80 коп.“ (для учительскихъ семинарій, а также въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Барановъ, А.* Географія Россійской Имперіи. 20-е испр. изд., Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1904. Стр. 127. Цѣна 50 коп.“ (для городскихъ училищъ).

— „*Горбовъ, Н.* Русская исторія для начальныхъ школъ. Изд. 12-е, испр. и доп., К. Тихомирова. М. 1904. Стр. VIII+221. Цѣна 20 коп.“.

— „*Казанскій, И. П.* и *А. Н. Ивакинъ*. Три ступени. Сборникъ статей для изложеній и связанныхъ съ ними упражненій. М. 1903. Стр. IV+212+V. Цѣна 60 коп.“ (для городскихъ, по Положенію 31 мая 1872 г., училищъ).

— „*Сатаровъ, В. Н.* Систематическій диктантъ. Изд. 4-е, К. Тихомирова. М. 1904. Стр. 117+III. Цѣна 30 коп.“

— „*Синюгинъ, Я. Н.* Сборникъ примѣровъ для самостоятельныхъ работъ по русскому правописанію. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1904. Вып. I-й: Стр. IV+32. Цѣна 5 коп.“—Вып. II-й. Стр. 43. Цѣна 8 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Смирновъ, М.* Уроки по закону Божію для старшаго возраста. Годъ 3-й. Царство Божіе. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1903. Стр. 78. Цѣна 20 коп."

— „*Шмейль, Отто.* Человѣкъ, животныя и растенія. Переводъ съ нѣм. *С. Порѣцкаго.* Вып. 1-й. Человѣкъ и животныя. (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества). М. 1904. Стр. 203+IV+V. Цѣна 70 коп." (для городскихъ училищъ).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Вопросы воспитанія и обученія. Труды педагогическаго общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Изд. Д. И. Тихомирова. I. М. 1901. Стр. 131+2 діагр.+5 картъ. Цѣна 1 руб. 25 коп.— II. М. 1904. Стр. 166. Цѣна 1 руб."

— „*Коропчевскій, Д. А.* Введеніе въ политическую географію. Изд. ред. журн. „Дѣтское Чтеніе" (Учительская библіотека). М. 1901. Стр. VIII+198. Цѣна 65 коп."

— „*Рудневъ, Я. И.* Краткое руководство по методикѣ географіи. С.-Пб. 1904. Стр. 77. Цѣна 60 коп."

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній *):

— „*Авчинниковъ, А. Г.* Другъ бѣдныхъ. Памяти И. В. Лешко-Попеля. Екатеринославъ. 1904. Стр. 28. Цѣна 25 коп."

— „*де-Амичисъ, Э.* Мать. Переводъ *А. Рѣпиной.* Изд. М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 24. Цѣна 5 коп."

— „*де-Амичисъ, Э.* Сынъ полка. Перев. *А. П. Рѣпиной.* Изд. М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 10 коп."

— „*Бойезенъ.* Пееръ и Ульфъ въ горной глуши Норвегіи. Переводъ съ англійскаго. М. 1904. (Школьная библіотека). Стр. 24. Цѣна 10 коп."

— „*Бѣлоусовъ, И. А.* Изъ пѣсенъ о трудѣ. Стихотворенія. (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія"). Изд. 2-е. М. 1902. Стр. 159. Цѣна 25 коп."

— „*Вахтеровъ, В. П.* Небесныя свѣтила. Подъ ред. *К. Д. Покровскаго* (Библіотека Юнаго читателя). С.-Пб. 1903. Стр. 159. Цѣна 25 коп."

— „*Горбуновъ-Посадовъ*, И. Рождественская звѣзда. Сборникъ разсказовъ и сказаній. Изд. 2-е. М. 1899. Стр. 189. Цѣна 1 руб. 20 коп."

— „*Дьяковъ, Н.* Годъ на крейсерѣ „Адмиралъ Нахимовъ". 2-е изд. С.-Пб. 1904. Стр. 254. Цѣна 1 руб. 25 коп."

— „Житейская мудрость или дядя Симонъ, ярмарочный торговецъ. Пересказалъ съ франц. *В. Гостевъ* подъ ред. *Д. И. Тихомирова.* Изд. ред. журн. „Дѣтское Чтеніе" (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. II+95 Цѣна 20 коп." (для городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., и 2-классныхъ сельскихъ училищъ).

---

*) Сочиненія, допущенныя въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, считаются допущенными также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній, а равно могутъ быть пріобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Зеликсонъ, С. Эсѳирь и Мардохей. Трагедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Одесса. 1904. Стр. 44. Цѣна 20 коп." (для еврейскихъ учебныхъ заведеній).

— „*Ивановъ. Ив. Ив.* Вилльямъ Шекспиръ. Біогр. очеркъ. М. 1904. Стр. 72. Цѣна 20 коп."

— „*Ивановъ, Ив. Ив.* Какъ царь Петръ сталъ преобразователемъ Россіи. Изд. ред. жур. „Дѣтское чтеніе" (Библіотека для семьи и школы). М. 1904. Стр. 116. Цѣна 40 коп."

— „*Каракашъ, Над.* За Кавказскимъ хребтомъ. Изд. ред. журн. „Родникъ". С.-Пб. 1904. Стр. 128". Цѣна не обозначена.

— „*Круковская, С. К.* По родной землѣ. Астраханскій край. Изд. „Петербургскаго учебнаго магазина". С.-Пб. 1904. Стр. 208. Цѣна 60 коп."

— „*Лебедевъ, Вл. П.* Изъ родной старины. Историч. разсказы. Изд. ред. журн. „Дѣтское Чтеніе" (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 101. Цѣна 40 коп."

— „*Львовъ, Т. Н.* Поль и Виржини. По Бернарденъ де Сенъ-Пьеру. М. 1904. (Школьная библіотека). Стр. 58. Цѣна 25 коп."

— „*Марріотъ, Эмиль.* Въ защиту животныхъ. Переводъ *Маріи Веселовской.* № 455. М. 1903. Стр. 46. Цѣна 3 коп."

— „*Мостовенко, З. Ф.* Какъ покровительствовать вольнымъ птицамъ. (Кружокъ любителей пѣвчей и другой вольной птицы И. Р. О. А. Ж. и Р. Ю. О.) М. 1903. Стр. 16. Цѣна 40 коп."

— „*Мостовенко, Зинаида.* Птички. Екатеринбургъ. 1903. Стр. 13". Цѣна не обозначена.

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. И.* За Дунаемъ. Война съ турками за освобожденіе славянъ 1877—1878 г. Изд. ред. журн. „Дѣтское Чтеніе" (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Выпускъ 1-й. Изд. 7-е. Стр. 173. Цѣна 25 коп.—2-я книжка. Изд. 4-е. Стр. 203. Цѣна 40 коп."

— „*Никольскій, М. Э.* Благородная Бухара. (Странички изъ скитаній по Востоку). Изд. П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 47. Цѣна 25 коп."

— „*Острогорскій, В.* Илья Муромецъ крестьянскій сынъ. По народнымъ былинамъ. 6-е изд. ред. журн. „Дѣтское Чтеніе" (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 32. Цѣна 8 коп."

— „Подземный міръ. Очерки. (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія"). М. 1900. Стр. 61. Цѣна 15 коп."

— „*Попа, И.* Виноградъ; его значеніе въ хозяйствѣ человѣка. Главныя болѣзни винограда. Кишиневъ. 1904. Стр. 22. Цѣна 30 коп."

— „Правда и кривда.— Царевна-отгадчица. 2 сказки въ пересказѣ *Е. Н. Тихомировой.* (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія"). М. 1899. Стр. 15. Цѣна 3 коп."

— „*Сетонъ-Томпсонъ, Эрнстъ.* Лисья семья. Переводъ съ англ. *А. Ульяновой.* (Библіотека Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества). М. 1904. Стр. 38. Цѣна 15 коп.

— „ *Сизова А. К.* Ярче свѣтъ—мрачнѣе тѣни. Историч. повѣсть. (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія"). М. 1902. Стр. 94. Цѣна 30 коп."

— „Сказка о горѣ-злосчастьи.—Загадка. Сказка. Въ пересказѣ *Е. Н. Тихомировой.* (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія"). М. 1899. Стр. 15. Цѣна 3 коп.

— „*Смирновъ, А. П.* Изъ давняго прошлаго. Изд. 2-е. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1903. Стр. 298. Цѣна не обозначена" (для городскихъ училищъ).

— „*Сысоевъ, В. М.* Путешествіе. Разсказъ для дѣтей. Изд. М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 48. Цѣна 30 коп.“

— „*Тагѣевъ, Борисъ.—Рустамъ-Бекъ.* По Азіи. Сборникъ статей. Книгоиздательство „Правда“. М. 1903. Стр. 160. Цѣна 50 коп.“

— „*Тарнавскій А.* 1) Русскій флотъ. С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна 5 коп.— 2) Красный крестъ. С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна 5 коп. (Школьная библіотека, изд. ред. журн. „Народное образованіе“, кн. 22 и 24).“

— „Типы народовъ. Вып. 4-й. Негры (по картинѣ Лемана). Изд. Вятскаго губ. земства. Казань. 1903.“

— „*Тихомирова, Е.* и *Н. Богданова.* Обезьяны, слоны и попугаи. 4 е изд. (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“). М. 1901. Стр. 102. Цѣна 30 коп.“

— „*Троицкій, Д. И.* Псковъ, Ливонія и Вятка. Изд. ред. журн. „Народное образованіе“ (Школьная библіотека, кн. 19). С.-Пб. 1904. Стр. 32. Цѣна 6 коп.“

— „*Фрейтагъ, Густавъ.* Инго. Историч. романъ. 2 части въ одной книгѣ. (Библіотека Юнаго читателя). С.-Пб. 1903. Стр. 160+88. Цѣна 50 коп.“

— „*Черскій, Л.* День царевича. Изд. И. С. Козлова. М. 1904. Стр. 29. Цѣна 25 коп.“

— „*Черскій, Л. Ф.* Дни дѣтства. Разсказы и сказки для дѣтей. Изд. И. С. Козлова. М. 1904. Стр. 39. Цѣна 40 коп.“

— „*Шекспиръ, Виллььямъ.* Король Лиръ въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы *Ив. Ив. Иванова.* М. 1904. Стр. 40. Цѣна 10 коп.“

— „*Юрьева, М. Е.* Въ ожиданіи елки. Изд. И. С. Козлова. М. 1903. Стр. 34. Цѣна 25 коп.“

г) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки *).

— „*Александровъ, Н. А.* Практическое огородничество. 2-е изд. К. И. Тихомирова (Сельско-хозяйственная библіотека. Отдѣлъ садоводства и огородничества). М. 1903. Стр. 303. Цѣна 50 коп.“

— „*Алексѣевъ-Кунгурцевъ, Н. Н.* Ѳеодосеевскій владыка. Изд. П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 176. Цѣна 50 коп.“

— „*Васинъ, Н.* Разсказы объ умѣ животныхъ. Изд. М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 63. Цѣна 15 коп.“

— „*Гаринъ, Н.* На практикѣ. (Библіотека для всѣхъ. № 1. С.-Пб. 1904 Стр. 24. Цѣна 5 коп.“

— „*Георгіевскій, М.* Японія и Японцы. Изд. т-ва „Сѣверное эхо“. М. 1904. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Гоголь, Н. В.* Похожденіе Чичикова или Мертвыя души. С.-Пб. 1902 Стр. 320. Цѣна 60 коп.“

---

*) Книги, допущенныя въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, считаются допущенными также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а равно могутъ быть пріобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.* Мститель и др. разсказы и притчи. № 465. М. 1903. Стр. 29. Цѣна $1^1/_2$ коп.“.

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.* Принцъ-калѣка. Восточное сказаніе. № 315. М. 1903. Стр. 32. Цѣна $^1/_2$ коп.“.

— „*Діеръ.* Гдѣ и какъ живутъ японцы? С.-Пб. 1904. Стр. 40. Цѣна 20 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Дружининъ, Н. П.* Волостное правленіе и волостной старшина. Изд. 3-е, ред. журн. „Дѣтское Чтеніе“ (Учительская библіотека). М. 1903. V+65. Цѣна 20 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Дэфо, Даніель.* Удивительныя приключенія Робинзона Крузо. Переводъ съ англ. *М. К. Есиповой.* Изд. К. Тихомирова. М. 1904. Стр. 340+VIII Цѣна 75 коп., въ перепл. 1 руб. 50 коп.“.

— „*Езерскій, Н.* Императоръ Александръ II и его дѣянія. Изд. 2-е Пенза. 1904. Стр. 16. Цѣна 3 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Елинъ, И.* Огородничество и садоводство. I. Какъ ухаживаютъ за огородомъ и парниками. Новое испр. и доп. изд. (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова.* Книжка 31-я). М. 1903 Стр. 54. Цѣна 15 коп.“.

— „*Елпатьевскій, С.* Апельсинщикъ. (Изъ случайныхъ встрѣчъ). (Библіотека для всѣхъ. № 3). С.-Пб. 1904. Стр. 15. Цѣна 3 коп.“.

— „*Елпатьевскій, С.* О. Кириллъ. (Библіотека для всѣхъ. № 4). С.-Пб. 1904. Стр. 24. Цѣна 5 коп.“.

— „*Жирновъ, О. М.* Что такое земская страховка и куда она идетъ. Изд. Вятскаго губ. земства. Вятка. 1903. Стр. 39“. Цѣна не обозначена.

— „*Иванинъ, Ив.* Кавказская война и ея герои. Изд. М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 144. Цѣна 30 коп.“.

— „*Кругловъ, А. В.* Старички. Изд. А. С. Панафидиной. М. 1904. Стр. 31 Цѣна 15 коп.“.

— „*Курочкинъ, А.* Изъ жизни растеній. Вып. II. Изд. магаз. „Книжное дѣло“. М. 1904. Стр. VII+105. Цѣна 30 коп.“.

— „*Лермонтовъ, М. Ю.* Полное собраніе сочиненій. Изд. т-ва И. Д. Сытина подъ ред. *Н. В. Тулупова.* М. 1904. Стр. XXXVI+682. Цѣна 1 руб. 25 коп.“.

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Акъ-бозатъ. 2-е изд. (Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“). М. 1902. Стр. 31. Цѣна 20 коп.“.

— „*Никифоровъ, С. И* Краткія свѣдѣнія по изготовленію нѣкоторыхъ препаратовъ по естествовѣдѣнію. Доступно средствамъ учителей народныхъ училищъ. (Лиговская народная безплатная библіотека-читальня). С.-Пб. 1904. Стр. 47—70). Цѣна 20 коп.“.

— „*Полевицкій, Н. И.* Заготовленіе грибовъ въ прокъ и приготовленіе изъ нихъ разныхъ кушаній. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1903. Стр. VII+104. Цѣна 80 коп.“.

— „*Полиловъ, Г. Т.* Оружейникъ царицы. Изд. К. Тихомирова. (Библіотека народныхъ книгъ). М. 1903. Стр. 79. Цѣна 25 коп.“.

— „*Поповъ, В. А.* На сѣверныхъ водопадахъ. Очеркъ. (Дешевая библіотека „Дѣтскаго Чтенія“). М. 1903. Стр. 29. Цѣна 10 коп.“.

— „*Пэйверинтъ, П.* Попутчикъ. № 39. М. 1905. Стр. 31. Цѣна $^1/_2$ коп.“.

— „*Рагозина, Д.* Корея и Японія. Изд. Л. Лукьянова. (Для войскъ и

народа). Одесса. 1904. Стр. 73+1 карта. Цѣна 25 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Рагозинъ, А. В.* Первое понятіе о химіи. II. О воздухѣ. (Дешевыя изд. т-ва И. Д. Сытина). М. 1904. Стр. 69. Цѣна 7 коп.“.

— „*Рингардтъ,* С. Въ горахъ Тибета. Переводъ съ англ. *М. Волошиновой.* Изд. ред. „Всходы“. 2 части въ одной книгѣ. С.-Пб. 1903. Стр. 164+159. Цѣна 60 коп.“.

— „*Сизова, А.* Крымъ-Гирей Ханъ и Далира Бикечъ. Историческій романъ XVIII вѣка. Изд. ред. журн. „Дѣтское Чтеніе“ (Библіотека для семьи и школы). М. 1904. Стр. 116. Цѣна 30 коп.“.

— „Симъ побѣдиши. Дальній Востокъ. Посвящается христолюбивому побѣдоносному воинству. Сост. студентами Московской Духовной Академіи. Изд. Дмитровскаго Комитета „Краснаго Креста“. Свято-Троицкая Сергіевская Лавра. 1904. Стр. 100+IV+1 карта. Цѣна 50 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Синозерскій, М.* Японія, Корея, Квантунская область и ихъ обитатели. Одесса. 1904. Стр. 30+1 карта. Цѣна 20 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А.* Лишній. Изд. ред. журн. „Родникъ“. С.-Пб. 1904. Стр. 115“. Цѣна не обозначена.

— „*Софроновъ, В. Е.* Удобреніе плодовыхъ деревьевъ. Изд. ред. журн. „Вѣдомости сельскаго хозяйства и промышленности“. Кіевъ. 1903. Стр. 83. Цѣна 50 коп.“.

— „Странникъ. Разсказъ. № 9. М. 1901. Стр. 31. Цѣна 1½ коп.“.

— „*Сѣрошевскій, В.* Въ странѣ цвѣтовъ, Изд. ред. журн. „Всходы“ С.-Пб. 1903. Стр. 163. Цѣна 50 к.“

— „Указатель книгъ, допущенныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ теченіе 1903 г. въ библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, въ безплатныя библіотеки-читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній. Книжный магаз. „Трудъ“ М. 1904. Стр. 100. Цѣна 25 коп.“

— „*Харузинъ, Ал.* Австрійская крайна. Изд. ред. журн. „Родникъ“. С.-Пб. 1902. Стр. 26. Цѣна 40 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Чернышевъ, В.* Гоненіе на христіанъ въ Римской Имперіи. Вып. I. Нероново гоненіе. С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна 10 коп.“

— „*Эварницкій, Д. И.* Добрый пастырь. Изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „О лугахъ и луговомъ хозяйствѣ. Издат. Комитетъ Харьковскаго общ. распр. въ народѣ грамотности. Харьковъ. 1901. Стр. 46“ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи брошюра была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „*Толстой, Л. Н.* Хозяинъ и работникъ. № 201. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 3 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: *„Ельницкій К.* Методика начальнаго обученія отечественному языку. 18-е изд., Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1904. Стр. 202+VI. Цѣна 75 коп.“—допустить въ качествѣ руководства, въ тѣ учебныя заведенія, гдѣ преподается методика начальнаго обученія русскому языку, а равно въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— *„Львовъ, Владиміръ.* Первое знакомство съ географіей Россіи. (Народная школа. Вып. II). М. 1902. Стр. 11+251+111. Цѣна 1 руб.“—допустить условно къ употребленію въ воскресныхъ школахъ и въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжн. магаз. С.-Петербурга и Москвы

Сочиненіе **К. П. Яновскаго**

МЫСЛИ О ВОСПИТАНІИ И ОБУЧЕНІИ.

Изданіе журнала „Русская Школа“.

Цѣна 2 рубля.

Содержаніе этой книги слѣдующее:

стран.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. М. Стасюлевича (Спб. Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28).

Французскіе университеты наканунѣ великой революціи.

Предисловіе редактора перевода.

Предлагаемый очеркъ составляетъ часть капитальнаго труда извѣстнаго французскаго философа Луи Ліара (Louis Liard „L'enseignement superieur en France. 1789—1893. 2 тома, Парижъ, 1888—1894. Armand Colin“). Обладая огромной эрудиціей и состоя въ теченіе долгаго времени директоромъ отдѣла высшаго образованія, Ліаръ разработалъ доступный ему обширнѣйшій матеріалъ съ тактомъ и объективностью истиннаго ученаго и изложилъ свои выводы и наблюденія съ тѣмъ изяществомъ и блескомъ, которые свойственны почти однимъ только французамъ. Первая часть перваго тома посвящена изображенію университетскаго быта въ 1789 г. Это—едва-ли не интереснѣйшія страницы всей книги. Здѣсь съ поразительной отчетливостью выяснено полное умственное и нравственное банкротство дореформенныхъ университетовъ Франціи, безконечно отставшихъ отъ жизни, не принимавшихъ никакого участія въ умственной эмансипаціи Европы и сохранившихъ, наперекоръ новымъ научнымъ и жизненнымъ требованіямъ, обветшалыя формы средне-вѣковаго устройства и схоластическіе методы преподаванія. Когда наступила революція, не поднялось ни одного голоса въ пользу этихъ отжившихъ свой вѣкъ учрежденій. Декретъ 17-го августа 1792 г., объявившій о закрытіи всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ корпорацій, прекратилъ существованіе и 22 старыхъ, болѣе или менѣе клерикальныхъ, университетовъ съ ихъ корпоративнымъ строемъ, привилегіями и монополіей преподаванія.

Приступая къ печатанію этой части прекрасной книги Ліара въ русскомъ переводѣ, я руководствовался слѣдующими соображеніями. У насъ достаточно сочиненій, оригинальныхъ и переводныхъ, знакомящихъ съ политическимъ и соціально-экономическимъ состояніемъ Франціи въ концѣ XVIII в.; то-же можно отчасти сказать и о т. н.

литературѣ „просвѣщенія“: корифеямъ французской мысли XVIII в., ученія которыхъ вліяли на общественное мнѣніе и, такъ или иначе, воплощались на практикѣ, удѣлено достаточно вниманія. Совершенно въ иномъ положеніи находится вопросъ о среднемъ и высшемъ образованіи во Франціи; здѣсь замѣчается прискорбный пробѣлъ, а между тѣмъ безъ знакомства съ этой стороной картина дореформенной Франціи страдаетъ незаконченностью. Не важно-ли, въ самомъ дѣлѣ, знать, какимъ образомъ парижскій университетъ, нѣсколько вѣковъ диктовавшій законы мыслящей Европѣ, не только потерялъ свою позицію во главѣ умственнаго движенія, но даже очутился въ рядахъ самыхъ мрачныхъ реакціонныхъ силъ? Не важно-ли знать, чему и какъ учились и какъ жили сотни профессоровъ и тысячи студентовъ, наполнявшихъ коллегіи при 22 французскихъ университетахъ? Въ книгѣ Ліара статистика занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто; но для читателя эти цифры получаютъ значеніе важнѣйшихъ фактовъ, опредѣляющихъ матеріальный и нравственный бытъ французскаго академическаго общества. Выпуская въ свѣтъ этотъ очеркъ, я имѣю смѣлость полагать, что онъ составитъ необходимое дополненіе къ классической книгѣ Токвиля „Старый порядокъ и революція“, выдержавшей въ русскомъ переводѣ нѣсколько изданій. И у Ліара, какъ у Токвиля, изображается „Ancien régime“, но только въ области академической. Кромѣ того, расположеніе матеріала у почтеннаго историка французскихъ университетовъ таково, что выдѣленіе первой части въ видѣ законченной небольшой монографіи не представляло никакихъ затрудненій и нисколько не портитъ картины.

Спѣшу, однако, оговориться. Въ русскомъ переводѣ, предназначенномъ для широкаго круга читателей, сдѣланы нѣкоторыя измѣненія. Такъ, выпущены нѣкоторыя несущественныя статистическія данныя и всѣ ссылки на источники, вмѣсто которыхъ приложенъ простой списокъ документовъ и пособій, которыми пользовался Ліаръ. Кромѣ того, редакторъ считалъ умѣстнымъ приложить объяснительныя примѣчанія, безъ которыхъ пониманіе нѣкоторыхъ страницъ было-бы затруднительно для тѣхъ читателей, которые мало знакомы съ исторіей школьныхъ учрежденій на Западѣ. Для справокъ достаточна моя статья о западно-европейскомъ университетѣ въ XXXIV томѣ „Энциклопедическаго Словаря“ Брокгауза—Ефрона (стр. 751—788).

А. Готлибъ.

С.-Петербургъ.
12-го августа 1903 г.

ГЛАВА I.

Статистическія свѣдѣнія объ университетахъ.

(Перечисленіе университетовъ.—Статистика преподаванія и преподавателей. Статистика учащихся.—Статистика ученыхъ степеней.—Стоимость обученія и экзаменовъ.—Доходы профессоровъ.—Имущества университетовъ и факультетовъ.—Внѣшняя обстановка.—Вспомогательныя средства и пособія при преподаваніи).

Въ 1789 г. во Франціи было 22 университета: въ Парижѣ, Орлеанѣ, Реймсѣ, Дижонѣ, Безансонѣ, Нанси, Страсбургѣ, Дуэ, Каэнѣ, Анжерѣ, Нантѣ, Пуатье, Бордо, Тулузѣ, По (Pau) *), Монпелье, Перпиньянѣ, Э (Aix), Авиньонѣ, Оранжѣ и Валенсѣ.

Съ 1735 г. юридическій факультетъ нантскаго университета былъ отдѣленъ и перешелъ въ Реннъ.

Въ то время подъ университетомъ подразумѣвали совокупность 4 факультетовъ: богословскаго, юридическаго, медицинскаго и „артистическаго" **) (arts.).

---

*) Университетъ въ По, основанный іезуитами въ 1722 г., не прекратилъ своего существованія и послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Франціи въ 1762 г. „Артистическій" факультетъ его былъ сначала переданъ свѣтскимъ лицамъ, а затѣмъ въ 1777 г., духовной конгрегаціи св. Мавра. Грамота отъ 16-го сент. 1777 г. даже присоединила къ первоначальнымъ двумъ факультетамъ, юридическому и артистическому, еще и богословскій, штатный персоналъ котораго былъ установленъ новой грамотой отъ 2-го іюля 1780 г. и сводился къ 2 профессорамъ и 4 адъюнктамъ. Юридическій факультетъ послѣ изгнанія іезуитовъ влачилъ чисто фиктивное существованіе; еще въ 1789 г. профессора дѣлили между собою сумму въ 3,710 ливровъ.

Примѣч. автора.

**) Названіе „артистическаго" факультета произошло въ средніе вѣка отъ т. н. „семи свободныхъ искусствъ" (septem artes liberales), преподававшихся на этомъ факультетѣ. Полный курсъ „искусствъ" дѣлился на 2 цикла: словесный (Trivium, artes sermonicales), въ составъ котораго входили грамматика, риторика и діалектика (логика), и реальный (Quadrivium, artes reales, artes materiales), состоявшій изъ ариѳметики, астрономіи, музыки и геометріи. Такимъ образомъ „артистическій" факультетъ, замѣняя современную среднюю школу, давалъ общее образованіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подготовлялъ къ тремъ высшимъ спеціальнымъ факультетамъ: богословскому юридическому и медицинскому, для поступленія на которые требовалось получить предварительно степень магистра in artibus, такъ что между учащими и учащимися въ сущности не было разграниченія. Прежній „артистическій" факультетъ" превратился впослѣдствіи въ „философскій", сохранивъ, впрочемъ, кое-гдѣ и свое старинное названіе. Въ нѣкоторыхъ странахъ „философскій факультетъ раздѣлился на 2 отдѣленія и даже на 2 самостоятельныхъ фа-

Однако, могли существовать университеты и съ меньшимъ числомъ факультетовъ; такъ орлеанскій и дижонскій университеты за все время своего существованія имѣли только по одному факультету, а юридическій университетъ Доля при переходѣ въ Безансонъ утратилъ „артистическій" факультетъ; съ XVI вѣка оранжскій университетъ имѣлъ три факультета: богословскій, юридическій и медицинскій; университетъ въ По состоялъ только изъ 2-хъ факультетовъ: факультета гражданскаго права и „артистическаго"; наконецъ, характерная особенность, въ Монпелье 4 факультета образовали 2 университета, медицинскій и юридическій, изъ которыхъ каждый, имѣя особую хартію, существовалъ вполнѣ самостоятельно; богословіе и „искусство" (arts) входили въ составъ юридическаго университета.

Распредѣляясь довольно равномѣрно въ центрѣ и по окраинамъ французскаго королевства, за исключеніемъ слишкомъ тѣсной группы на склонѣ къ Средиземному морю, эти университеты не были въ то время единственными учрежденіями, въ которыхъ давалось то, что мы называемъ въ настоящее время высшимъ образованіемъ. Къ нимъ необходимо присоединить Королевскую Коллегію, современный Collège de France, въ которомъ 18 лекторовъ преподавали языки: еврейскій, сирійскій и арабскій, турецкій и персидскій, греческій съ философіей грековъ, элоквенцію и латинскую поэзію, французскую литературу, геометрію, астрономію, механику, экспериментальную физику, естественную исторію, химію, анатомію, практическую медицину, каноническое право, естественное и народное право; —три каѳедры: ботаники, химіи и анатоміи при Королевскомъ Садѣ (Jardin du Roi); нѣсколько школъ, присоединенныхъ къ коллегіямъ и корпораціямъ хирурговъ, главнымъ образомъ въ Парижѣ, Нанси, Ліонѣ, Монпелье;—Горная Школа (École des Mines) въ Парижѣ, Инженерная Школа (École de Génie) въ Мезьерѣ, Школа Путей Сообщенія (École des Ponts et des Chaussées) и Школа Новыхъ Языковъ (École des Jeunes de Langues);—наконецъ, встрѣчающіяся кое-гдѣ въ провинціи спеціальныя каѳедры физики, химіи и математики.

Чтобы понять исторію высшаго образованія во Франціи въ теченіе XIX вѣка, необходимо подвести итоги матеріальному и духовному состоянію старинныхъ университетовъ наканунѣ революціи,

---

культета, словесный (или историко-филологическій), зародышемъ котораго было Trivium), и физико-математическій, развившійся изъ Quadrivium. Происходитъ и дальнѣйшее дробленіе новыхъ факультетовъ на отдѣленія (напр., во Франціи и Россіи).

т. е. опредѣлить число учащихъ и учащихся въ нихъ, показать, какое образованіе они давали, сколько выдавали академическихъ степеней, каково было положеніе профессоровъ, какими имуществами владѣли университеты, каковы были ихъ помѣщенія и доходы, въ какомъ состояніи находились различныя отрасли науки, какъ относилось къ нимъ общественное мнѣніе и, наконецъ, какихъ реформъ требовали для нихъ.

Статистику преподавателей и предметовъ преподаванія составить довольно легко, если не считать немногихъ пробѣловъ. — Въ *Парижѣ* артистическій факультетъ состоялъ, по крайней мѣрѣ номинально, какъ и въ средніе вѣка изъ четырехъ землячествъ (націй--nations): французскаго, пикардійскаго, нормандскаго и германскаго, которыя помѣщались въ шестнадцати коллегіяхъ; *); изъ нихъ только десять, а именно коллегіи д'Аркура (d'Harcourt), кардинала Лемоана, Наваррская коллегія, коллегія Лизіе (de Lisieux), дю Плесси-Сорбонна, Ла Маршъ, коллегіи де Грассенъ (des Grassins), Монтэгю, Мазарини и Людовика Великаго, пользовались возможностью вести дѣло преподаванія въ полномъ объемѣ. *). Каждая изъ нихъ имѣла приблизительно одинаковое число преподавателей: по одному профессору на каждый классъ отъ шестого до риторики, иногда два для класса философіи, который длился два года и соединялъ въ одно философію въ строгомъ смыслѣ слова съ математикой и физикой; спеціальные профессора имѣлись только въ коллегіи Мазарини—для математическихъ наукъ, и въ коллегіяхъ Наваррской и Людовика Великаго—для экспериментальной физики.

*) Въ средніе вѣка при университетахъ образовались общежитія, учреждавшіяся на пожертвованія благотворителей, преимущественно духовныхъ особъ; такія общежитія обыкновенно назывались коллегіями (collégia, collèges). Въ Парижѣ это были замкнутыя корпораціи преподавателей и учащихся. Къ старѣйшимъ коллегіямъ принадлежала знаменитая Сорбонна (Collegium sorbonicum), основанная въ 1253 г. духовникомъ Людовика Святого Робертомъ Сорбономъ, и Наваррская (Collegium Navarricum), учрежденная въ 1305 г. супругой Филиппа IV Іоанной Наваррской. Различныя націи имѣли въ Парижѣ свои коллегіи, представлявшія настоящее благодѣяніе, если принять въ разсчетъ дурное устройство студенческаго быта, опасности и соблазны большого города и отсутствіе опредѣленныхъ доходовъ у преподавателей.

Отъ слова bursa, что собственно означало стипендію, члены коллегій назывались „бурсаками". Постепенно коллегіи не только интересовали главную массу преподавателей и студентовъ, но и сосредоточили въ своихъ помѣщеніяхъ почти все преподаваніе „искусствъ", что представляло для бурсаковъ огромныя удобства.

*) Имѣется въ виду полный курсъ „семи свободныхъ искусствъ" съ тѣми видоизмѣненіями въ программахъ, которыя произошли въ эпоху гуманизма и впослѣдствіи.

Богословскій факультетъ имѣлъ всего одиннадцать профессоровъ: семь въ Сорбоннѣ, при чемъ одинъ изъ нихъ читалъ древне-еврейскій языкъ, и четыре въ Наваррской коллегіи. Юридическій факультетъ имѣлъ семь профессоровъ, ассистентами которымъ служили двѣнадцать сверхштатныхъ (agrégés) докторовъ, а именно: шесть профессоровъ для каноническаго и гражданскаго и одинъ для французскаго права. Медицинскій факультетъ, школа и карпорація вмѣстѣ состоялъ въ 1789 г. изъ ста сорока восьми „читающихъ докторовъ“ (docteurs régents), изъ которыхъ далеко не всѣ имѣли пребываніе въ Парижѣ; семь изъ нихъ преподавали акушерство, патологію, физіологію, фармацію, „римскую хирургію“ (sic), „французскую хирургію“ и фармакологію (matière médicale).

Теперь перейдемъ къ перечисленію преподавателей въ провинціальныхъ университетахъ того же времени:

Э.—Богословскій факультетъ—четырнадцать докторовъ, изъ коихъ два облечены званіемъ королевскихъ профессоровъ. Юридическій факультетъ—пять профессоровъ: четыре каноническаго права, одинъ французскаго. Медицинскій факультетъ—три профессора. Артистическій факультетъ: коллегія полнаго состава, вошедшая цѣликомъ въ университетъ въ 1764 г. и обнимавшая обычные предметы преподаванія въ коллегіяхъ того времени: грамматику, античную словесность (humanités), риторику и философію.

Анжеръ.—Богословій факультетъ: двадцать три доктора, имѣющіе жительство въ самомъ городѣ; два курса, читаемые въ соборномъ монастырѣ. Юридическій факультетъ: четыре профессора, въ томъ числѣ профессоръ французскаго права. Медицинскій факультетъ: восемь читающихъ докторовъ, которые преподавали по очереди физіологію, патологію, фармакологію, „хирургическія институціи“ (institutions chirurgiques). Артистическій факультетъ—въ Анжуйской орденской коллегіи ораторіянцевъ: курсы обычныхъ предметовъ преподаванія.

Авиньонъ.—Два курса нравственнаго богословія, два курса схоластическаго богословія, четыре курса права: гражданскаго, каноническаго и фанцузскаго права; три медицинскіе курса: ботаники, общей патологіи и анатоміи; два курса на артистическомъ факультетѣ; курсы діалектики (логики) и физики.

Безансонъ.—Двѣ каѳедры богословія; пять каѳедръ права и три—медицины; артистическаго факультета нѣтъ.

Бордо.—Шесть профессоровъ на богословскомъ факультетѣ, пять на юридическомъ, два на медицинскомъ; на артистическомъ факультетѣ—Гіенская коллегія (Collège de Guyenne) съ обычными каѳедрами отъ шестого класса до философскаго включительно.

Въ *Буржѣ* на богословскомъ факультетѣ — восемь докторовъ, изъ которыхъ двое — профессора; пять профессоровъ и четыре сверхштатныхъ доктора на юридическомъ факультетѣ; семь профессоровъ медицины; четыре профессора и четыре сверхштатныхъ преподавателя на артистическомъ факультетѣ.

Каэнскій университетъ — одинъ изъ наилучше обставленныхъ. Слѣдуетъ отмѣтить: одну каѳедру Священнаго Писанія и двѣ каѳедры догматики на богословскомъ факультетѣ; пять читающихъ докторовъ на юридическомъ; пять королевскихъ профессоровъ медицинскаго факультета, преподающихъ анатомію, физіологію и патологію, семіотику, фармакологію, химію, ботанику, практическую медицину и хирургію: на артистическомъ факультетѣ, кромѣ обычныхъ преподавателей, нѣсколько спеціальныхъ профессоровъ исторіи, географіи, хронологіи и экспериментальной физики.

Юридическій факультетъ въ *Дижонѣ*: составъ нормальный — четыре профессора каноническаго и гражданскаго права, одинъ профессоръ французскаго права и четыре сверхштатныхъ преподавателя.

Въ *Дуэ* преподаваніе богословія поставлено на широкую ногу; пять каѳедръ: Священнаго Писанія, полемической эгзегетики (controverse sur l'écriture sainte), схоластическаго богословія, догматическаго богословія, нравственнаго богословія, введенія въ изученіе Соборовъ, Отцовъ Церкви и богословія. Медицинское образованіе представлено болѣе скудно, — только тремя каѳедрами: терапіи, медицинскихъ институцій и вмѣстѣ съ тѣмъ анатоміи, ботаники и хирургіи. Преподаваніе права поставлено обычнымъ образомъ: пять профессоровъ, изъ коихъ одинъ для каноническаго права, три для гражданскаго кодекса, и одинъ для „принциповъ и элементовъ французскаго права и въ особенности того, которое практикуется во французскихъ Нидерландахъ (Pays-Bas); за то на артистическомъ факультетѣ, кромѣ обычныхъ курсовъ, имѣется нѣсколько спеціальныхъ предметовъ преподаванія: древне-еврейскій языкъ, греческій языкъ, исторія и математика; сверхъ того десять профессоровъ въ коллегіяхъ: Королевской, д'Аншена и Св. Вааста.

Послѣ Парижа однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ учебныхъ заведеній королевства былъ двойной университетъ въ *Монпелье*. Богословскій, юридическій и артистическій факультеты его не представляли ничего особеннаго; каѳедры ихъ напоминали тѣ, какія мы встрѣчали уже въ другихъ университетахъ: два профессора богословія, четыре сверхштатныхъ магистра (agrégés); однако, слѣдуетъ отмѣтить каѳедру математики и гидрографіи, учрежденную въ 1682 году при юридическомъ факультетѣ: въ 1741 году она была пере-

дана іезуитской коллегіи, а въ 1764 Королевскому Ученому Обществу въ Монпелье; слѣдуетъ отмѣтить также два курса экспериментальной физики и химіи, учрежденныхъ въ 1766 году лангедокскими провинціальными штатами. Но медицинское преподаваніе, не говоря уже о хирургической школѣ, было обставлено богаче, чѣмъ въ Парижѣ, именно, восемью каѳедрами; изъ нихъ четыре существовали уже въ первыя времена существованія медицинскаго университета *), а четыре другія были учреждены послѣдовательно отъ 1593 г. до 1715 г., а именно: каѳедры анатоміи и ботаники, хирургіи и фармаціи, химіи и каѳедра „для посѣщенія бѣдныхъ и попеченія о нихъ".

Въ Нанси богословскій факультетъ имѣлъ только двухъ профессоровъ. Юридическій факультетъ насчитывалъ только трехъ, кромѣ двухъ агреже; ихъ преподаваніе ограничивалось каноническимъ и римскимъ правомъ; каѳедра обычнаго права, учрежденная герцогомъ Леопольдомъ, оставалась вакантной; каѳедра французскаго права, замѣнившая въ 1769 году каѳедру муниципальнаго права, была еще не занята спустя двадцать лѣтъ. На медицинскомъ факультетѣ было четыре профессора для анатоміи и физіологіи, практической медицины, фармакологіи и ботаники, химіи и, кромѣ того, два демонстранта по анатоміи и химіи. Внѣ университета медицинское и хирургическое образованіе давалось коллегіей хирурговъ и коллегіей медиковъ **); медики преподавали анатомію, химію и ботанику, а хирурги—принципы хирургическаго искусства, остеологію, болѣзни костей, анатомію, хирургическія операціи и болѣзни; спеціальный курсъ акушерства, учрежденный въ 1786 г., не имѣлъ успѣха.—Кромѣ магистровъ, имѣвшихъ право самостоятельнаго преподаванія (régents)

---

*) Въ этомъ мѣстѣ подъ словомъ „университетъ" подразумѣвается корпорація, товарищество. Въ такомъ смыслѣ и понималось, вообще, въ средніе вѣка названіе universitas. Это была корпорація учащихъ и учащихся съ особой юрисдикціей, особыми органами управленія и съ привилегіями. Въ качествѣ учебнаго заведенія средне-вѣковый университетъ назвался schola, или studium, чаще всего studium generale. Только постепенно названіе товарищества—universitas—стало употребляться въ смыслѣ учебнаго заведенія.

Старѣйшій послѣ парижскаго университета, основаннаго во второй половинѣ XII в., университетъ въ Монпелье былъ учрежденъ въ 1220 г.; въ его составъ вошла медицинская школа, славившаяся уже въ XII в. Главнымъ предметомъ преподаванія была въ Монпелье медицина, а въ Парижѣ богословіе и „искусства".

**) Въ отличіе отъ коллегій-бурсъ, общежитій преподавателей и студентовъ, въ средневѣковыхъ городахъ были товарищества спеціалистовъ, образовавшихъ коллегіи по спеціальностямъ. Такъ, были гильдіи адвокатовъ, нотаріусовъ, медиковъ и др. Члены ихъ не принадлежали къ университетскимъ корпораціямъ, но могли преподавать въ университетѣ.

и преподававшихъ классическую словесность, риторику и логику; артистическій факультетъ имѣлъ спеціальныхъ профессоровъ математики и физики; прежде онъ имѣлъ также спеціальную каѳедру исторіи и географіи, но она была уничтожена и замѣнена каѳедрой грамматики.

Въ *нантскомъ* университетѣ, который съ 1735 года принадлежалъ двумъ городамъ (богословскій, медицинскій и артистическій факультеты находились въ Нантѣ, а юридическій—въ Реннѣ), нѣтъ ничего такого, что заслуживало бы спеціальнаго упоминанія, если не считать каѳедры физики при артистическомъ факультетѣ.

Нечего также отмѣтить и въ *оранжскомъ* университетѣ, въ которомъ уже давно все преподаваніе было сведено къ богословію, праву и медицинѣ, при чемъ нѣкоторые изъ этихъ предметовъ существовали только по имени.

Университетъ законовѣдѣнія въ *Орлеанѣ* имѣлъ шесть профессоровъ и шесть курсовъ: Институцій, Дигестъ, Пандектовъ, юридической практики, каноническаго права и французскаго права.

Перпиньянскій университетъ былъ полнымъ; онъ имѣлъ четыре каѳедры богословія, пять—права, шесть—медицины и три—философіи: собственно философіи, экспериментальной физики и математики.

Въ *Пуатье* было семь профессоровъ богословія, четыре профессора и четыре сверхштатныхъ преподавателя права. Хотя медицинскій факультетъ давно уже пересталъ функціонировать, тѣмъ не менѣе онъ удержалъ при себѣ семь профессоровъ. Три доктора и два профессора философіи и профессоръ риторики въ Коллегіи св. Марты составляли артистическій факультетъ.

Въ *Реймсѣ* были два профессора богословія, три профессора права, семь—медицины; пять профессоровъ классической словесности, одинъ—риторики, два—философіи.

Протестантскій университетъ въ *Страсбургѣ* состоялъ, какъ и большинство другихъ, изъ четырехъ факультетовъ, но артистическій факультетъ носилъ тамъ названіе философскаго *) и давалъ дѣйствительно высшее образованіе въ области словесныхъ и реальныхъ наукъ, практической философіи и естественнаго права, элоквенціи и исторіи. древне-греческой и еврейской литературъ, логики и метафизики, математики и экспериментальной физики.—Кромѣ Институцій, Пандектовъ и Декреталій, четыре профессора юридическаго факультета преподавали уголовное право, феодальное право и публичное право. Въ этомъ университетѣ не было спеціальнаго про-

---

*) См. прим. 1.

фессора французскаго права; но „объясняя права римское и каноническое, къ нимъ присоединяли права французское и германское, отмѣчая въ каждомъ случаѣ различія, существующія между этими правами“. Три профессора медицинскаго факультета читали курсы химіи, ботаники и фармакологіи, анатоміи, физіологіи и хирургіи, патологіи и практической медицины. Къ университету были присоединены двѣ школы: акушерства и верховой ѣзды.

Богословскій факультетъ въ *тулузскомъ* университетѣ имѣлъ профессоровъ двухъ категорій: 1) постоянныхъ или королевскихъ, назначавшихся по конкурсу и получавшихъ жалованье отъ короля; такихъ въ 1788 г. было три;—2) наемныхъ, читавшихъ свои курсы въ различныхъ монастыряхъ города; — такихъ было въ томъ же году пять.—На юридическомъ факультетѣ было шесть профессоровъ и семь „агреже“. На медицинскомъ факультетѣ числилось пять профессоровъ: анатоміи и венерическихъ болѣзней, хирургіи, химіи, теоретической медицины и медицинскихъ институцій. Кромѣ того, шесть профессоровъ Королевской хирургической школы, основанной въ 1761 г., преподавали начала хирургіи, болѣзни костей, анатомію, операціи, медико-хирургическую фармакологію (la matière médico-chirurgicale) и акушерство.—Маловліятельный артистическій факультетъ имѣлъ двухъ профессоровъ, которые читали нѣсколько философскихъ курсовъ въ маленькой залѣ коллегіи де л'Эсквилля. Королевская коллегія имѣла одного профессора математики, двухъ философіи, одного—экспериментальной физики, одного—химіи, одного—исторіи и географіи, двухъ—словесности и четырехъ профессоровъ греческаго, латинскаго и французскаго языковъ.

Университетъ въ *Валенсѣ* имѣлъ четыре факультета: на богословскомъ—читали два профессора, на юридическомъ—четыре, на медицинскомъ—одинъ; организація артистическаго факультета была своеобразна: его корпорацію составляли деканы, профессора, сверхштатные преподаватели трехъ другихъ факультетовъ и два профессора философіи.

Перечисливъ учащихъ, перейдемъ къ учащимся. Это перечисленіе будетъ менѣе точно: документы, которые дали бы возможность установить точныя числа, частью исчезли, частью неполны; рѣдко они представляютъ для разныхъ факультетовъ одного и того же университета то единство, какого требуетъ точная статистика.

Извѣстно приблизительно, что въ Парижѣ на юридическомъ факультетѣ около 1789 г. было круглымъ числомъ около 5.000 учащихся; неизвѣстно, однако, сколько схоларовъ имѣлъ богословскій факультетъ и сколько академическихъ степеней выдавалъ онъ. На юридическомъ факультетѣ число взносовъ за ученыя степени дохо-

дитъ въ 1788—89 году до 563, а именно: 283 за „баккалаврство“, 278, за „лиценцію“ и 2 за докторство“ *). Медицинскій факультетъ, повидимому, не велъ правильнаго реестра записямъ; у каждаго профессора имѣлся списокъ схоларовъ, записавшихся на его курсъ, и по этому списку онъ отмѣчалъ ихъ присутствіе на лекціи. Я нахожу въ 1783 г. 63 записи на курсъ фармаціи, 68—на курсъ патологіи; въ 1786—87 г.—72 записи на курсъ фармакологіи.

Статистика провинціальныхъ университетовъ даетъ еще болѣе скромныя цыфры. Въ общемъ итогѣ, если не считать немногихъ исключеній, это довольно таки скудно, иногда даже очень скудно. Нѣтъ и помина о крупныхъ цыфрахъ, нѣкогда существовавшихъ. Процессъ паденія университетовъ, длившійся въ теченіе двухъ предшествующихъ столѣтій, нисколько не замедлилъ своего хода. Въ общемъ около 1789 г. во Франціи учатся очень мало, даже въ Парижѣ, и получаютъ мало академическихъ степеней, особенно на медицинскомъ факультетѣ.

Стоитъ только сравнить цыфру всего населенія королевства съ ежегоднымъ числомъ врачей, получавшихъ дипломъ, и есть отъ чего придти въ ужасъ. Артистическіе факультеты, говоря вообще, кажутся вообще оживленными; но причина заключается въ томъ, что они представляютъ собою гимназіи въ современномъ смыслѣ этого слова, а не высшія образовательныя учрежденія, и въ качествѣ таковыхъ имѣютъ свой обезпеченный кругъ учащихся, изъ которыхъ далеко не всѣ перейдутъ затѣмъ на высшіе, спеціальные факультеты: кромѣ того, артистическіе факультеты съ 1762 года подѣлили между собою и съ доминиканцами, ораторьянцами, барнабитами, жозефитами и другими духовными конгрегаціями **), ведшими дѣло преподаванія, наслѣдство изгнанныхъ іезуитовъ.

*) Въ средневѣковыхъ университетахъ давались 3 академическія степени: баккалавра, лиценціата и доктора или магистра. Это—ученыя званія, надѣленіе которыми, подчиненное строгой регламентаціи и послѣдовательности, давало право преподаванія (licentia docendi). Факультетъ былъ собственно ученый цехъ съ раздѣленіемъ на мастеровъ („магистровъ“ на артистическомъ и „докторовъ“ на высшихъ, спеціальныхъ факультетахъ), подмастерьевъ (баккалавровъ) и учениковъ (школяровъ, scholares), съ обычнымъ цеховымъ дробленіемъ труда, обычными испытаніями и цеховыми свидѣтельствами. Званіе „мастера“ (magister или doctor) давало бесусловное право преподаванія; степень баккалавра — съ извѣстными ограниченіями.

**) Нищенствующіе ордены еще въ XIII в. создали независимыя отъ парижскаго университета школы, принадлежавшія къ нему лишь формально. Особенно энергичной дѣятельностью въ этомъ направленіи отличались могущественные доминиканцы. Захватывая каѳедры на богословскомъ факуль-

Во что обходилось ученье и академическія степени въ разныхъ университетахъ? Размѣръ платы не одинаковъ въ различныхъ университетахъ и даже въ одномъ и томъ же университетѣ колеблется, смотря по факультету.

На юридическомъ факультетѣ парижскаго университета платили за:

Аттестаціи двухгодичнаго ученія, требовавшіяся отъ кандидатовъ на баккалавра	6	ливровъ*)
Экзаменъ на баккалавра	16	„
Дипломъ на баккалавра	58	„
Аттестацію о „лиценціи“	6	„
Экзаменъ на „лиценцію“	16	„
Дипломъ на лиценціиста	48	„
Дипломъ на доктора	150	„

Издержки были гораздо выше на медицинскомъ факультетѣ, и значительность цыфры, до которой онѣ доходили, является несомнѣнно причиной малаго числа кандидатовъ на академическія степени. Прежде всего постоянный гонораръ за запись—7 ливровъ 10 су (sols) въ триместръ, затѣмъ взносы въ каждый изъ сроковъ длинной серіи экзаменовъ, диспутовъ (thèses) и церемоній, которыя предшествовали полученію степени лиценціата и доктора, экзаменъ по физіологіи, экзаменъ по формакологіи, защита тезиса изъ физіологіи изъ патологіи, изъ гигіены, изъ хирургіи, экзаменъ по анатоміи, экзаменъ по оперативному искусству, экзаменъ по практикѣ врачебнаго искусства, плата за докторскую степень и допущеніе въ корпорацію читающихъ магистровъ (doctorie et regence),—вся эта значительная сумма гонораровъ и издержекъ никогда не была ниже 200, а иногда заходила за 1.400 ливровъ. Чтобы сдѣлаться ординарнымъ докторомъ (docteur régent), необходимо было израсходовать около 7,000 ливровъ, не считая гонораровъ за записи; объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій подсчетъ издержкамъ, сдѣланнымъ однимъ ординарнымъ докторомъ въ 1785 г.

тетѣ, члены орденовъ не подчинялись, однако, его правиламъ и не добивались ученыхъ степеней въ установленномъ порядкѣ. Борьба университета съ доминиканцами не привела ни къ чему. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что изъ рядовъ этого ордена вышли такіе столпы богословскаго факультета, какъ Альбертъ В. и Ѳома Аквинскій.

*) Ливръ—серебряная монета стоимостью нѣсколько ниже современнаго франка. Несмотря на офиціальное изъятіе изъ обращенія ливровъ, населеніе Франціи продолжало считать на ливры вплоть до введенія метрической истемы.

Экзаменъ по физіологіи	900	ливр.
Экзаменъ по формакологіи	696	„
Тезисъ изъ физіологіи	333	„
Тезисъ изъ гигіены	256	„
Тезизъ изъ патологіи	271	„
Тезисъ изъ хирургіи	148	„
Экзаменъ по анатоміи	357	„
Экзаменъ по оператив. искус.	258	„
Экзаменъ по практикѣ врач. искус. . . .	1.420	„
Окончательный диспутъ и права докторской степени (vesperie et doctorie)	1.129	„
За право самостоятельнаго чтенія лекцій (regence)	812	„

Эта огромная сумма не поступала цѣликомъ въ казну факультета. Кромѣ гонораровъ, распредѣляемыхъ поголовно между экзаменаторами и докторами факультета, изъ этой суммы покрывались еще значительные расходы на празднества, торжественные обѣды и развлеченія; сверхъ того, нѣкоторые экзамены служили только благовиднымъ предлогомъ какъ во времена Рамуса *), при чемъ кандидаты оплачивали все: вино, хлѣбъ, пирожное, освѣщеніе, драже, перчатки, магистерскія мантіи, галстуки и береты, ковры, украшенія, коляски, разбитыя бутылки и стаканы, приборы и свѣчи. Въ среднемъ по счету, приведенному выше, издержки на экзаменъ по практикѣ врачебнаго искусства и на церемонію „паранимеръ“, которая сопровождала этотъ экзаменъ, доходили до 1420 ливровъ для каждаго изъ семи кандидатовъ, экзаменовавшихся въ 1785 году; къ общей суммѣ надо прибавить еще болѣе 700 ливровъ (ровно 100 ливровъ 15 су для каждаго кандидата), израсходованныхъ на побочныя издержки, подарки швейцарамъ и привратникамъ собора Парижской Богоматери; швейцарамъ и привратникамъ архіепископской резиденціи 37 ливровъ 3 су; коробки драже декану, канцлеру и архіепископу *),

*) Pierre de la Ramée или Petrus Ramus, видный французскій ученый XVI в., сначала профессоръ логики въ парижскомъ университетѣ, затѣмъ проф. элоквенціи и философіи въ Королевской Коллегіи (Collège de France). Рамусъ погибъ во время Варѳоломеевской ночи. Онъ былъ противникомъ Аристотелевской философіи, тираннически царствовавшей въ университетѣ, и сторонникомъ религіозной реформы. Изданный имъ планъ преобразованія университетовъ на здравыхъ началахъ вызвалъ бурю негодованія среди профессоровъ.

*) Канцлеръ соборнаго капитула Notre Dame, какъ представитель епископа, считался юридически главою парижскаго университета; но его судебныя и факультетскія права были постепенно сильно сокращаемы. Съ

62 ливра; обивка и ковры—136 ливровъ; завтраки и обѣды—167 ливровъ 4 су; плата за мантію, взятую на прокатъ,—4 ливра 4 су; коляски—23 ливра 8 су; пиво, вино, заварное печенье, булки—21 ливръ 10 су; плата за взятые на прокатъ брыжжи, носимые кандидатами во время лиценціатства, и стирка ихъ—19 ливровъ 12 су и т. д.

Въ провинціальныхъ университетахъ размѣры всякаго рода издержекъ были далеко не однообразны.

Въ *Э* степень magisti artium стоила 41 ливръ; степень баккалавра права 7 ливровъ 6 су 8 денье; лиценція—9 ливровъ 6 су 8 денье; степень доктора съ допущеніемъ въ магистерскую корпорацію (doctorat avec agrégation) 13 ливровъ 19 су 4 денье. Мнѣ неизвѣстно, что стоили записи и каковы были нормы уплаты за медицинскія академическія степени.

Недалеко отъ *Э*, въ *Авиньонѣ*, платили дороже. Степень magistri artium обходится въ 65 ливровъ; на юридическомъ факультетѣ первая триместріальная запись стоитъ 36 су, остальныя по 15; степень баккалавра стоитъ 51 ливръ 20 су; лиенція—93 ливра 15 су; докторство 165 ливровъ 36 су; плата за допущеніе въ магистерскую корпорацію (droits d'agrégation) весьма высока, доходитъ до 2.400 ливровъ. На медицинскомъ факультетѣ плата за степень баккалавра равна 51 ливру 10 су, а за степень доктора 194 ливрамъ 19 су; размѣръ взноса за пріемъ въ магистерскую корпорацію колеблется соотвѣтственно нуждамъ факультета отъ 100 до 500 ливровъ.

Въ оранжскомъ университетѣ нѣкоторыя академическія степени таксируются еще выше, чѣмъ въ *Авиньонѣ*, и кромѣ того, до 1779 г. кандидаты на степень доктора обязывались передать „въ руки педеля (bedeau) достаточное число хорошихъ перчатокъ и нѣкоторое количество драже съ такимъ разсчетомъ, чтобы снабдить каждаго изъ тѣхъ, кто имѣетъ обыкновеніе брать, парою перчатокъ и количествомъ драже вѣсомъ до полфунта". Это приношеніе натурой было отмѣнено, но зато плата за докторство была увеличена 7 экю 18 ливровъ, причемъ половина этой суммы дѣлилась между экзамена-

---

1255 г. парижскій университетъ имѣлъ даже 2 канцлеровъ, такъ какъ аббатъ монастыря св. Женевьевы, на земляхъ котораго пріютилась часть ученаго университетскаго мірка, также присвоилъ себѣ права „лиценціи" (т. е. разрѣшенія преподаванія) и передалъ свои функціи особому канцлеру. Вообще, французскіе средневѣковые университеты принадлежатъ къ типу т. н. „канцелярскихъ"; они тѣсно связаны съ церковью, и члены безъ различія называются клириками (clerici).

торами, а половина шла на покупку перчатокъ и драже судьѣ и консуламъ.

Подобныя приношенія натурой мы находимъ въ Монпелье. Кандидаты на юридическія степени должны были давать пару перчатокъ и коробочку драже каждому изъ докторовъ, который принималъ, или могъ бы принять, участіе въ экзаменѣ, а такъ какъ всякій докторъ факультета пользовался этой привилегіей, такъ какъ иногда забывали вывѣшивать списокъ экзаменаторовъ, а также нерѣдко вносили въ него имена отсутствующихъ и даже умершихъ, то подобныя приношенія оказывались довольно обременительными: Правила, изданныя въ 1781 году, исправили это злоупотребленіе: приношенія натурой не исчезли окончательно, однако были уменьшены и урегулированы; баккалаврство стоило, помимо оплаты степени въ строгомъ смыслѣ слова, только три сладкихъ хлѣба; лиценція стоила три такихъ же хлѣба, а докторство—столько хлѣбовъ, сколько присутствовало на экзаменѣ докторовъ съ правомъ голоса. Неизвѣстно, что стоили академическія степени на артистическомъ, юридическомъ и богословскомъ факультетахъ; въ медицинскомъ университетѣ обученіе и академическія степени въ окончательномъ итогѣ обходились въ 412 ливровъ 12 су.

Въ Валенсѣ степень magistri artium стоила 51 ливръ, причемъ зимою добавлялось 10 су на отопленіе.

Тарифы тулузскаго и бордосскаго университетовъ сохранились въ документахъ, дошедшихъ до нашего времени. Въ Тулузѣ они были менѣе высоки, нежели въ Бордо.

Денежные взносы за академическія степени дѣлились почти цѣликомъ, если не считать нѣкоторыхъ незначительныхъ вычетовъ въ пользу университетскихъ должностныхъ лицъ и на общіе расходы университета, между профессорами, читающими магистрами и агреже по опредѣленной пропорціи. Иногда въ этомъ заключался весь ихъ гонораръ, какъ, напр., на юридическомъ факультетѣ въ Каэнѣ, на артистическихъ факультетахъ въ Бордо и въ Валенсѣ; чаще всего къ этому присоединялось постоянное жалованье, получаемое изъ разныхъ источниковъ.

Приведу почти полную таблицу профессорскихъ окладовъ въ нѣкоторыхъ университетахъ: *).

---

*) Первоначально въ университетахъ не было каѳедръ съ постоянными окладами; онѣ явились постепенно, преимущественно благодаря содѣйствію правительства, превращавшаго независимыя нѣкогда корпораціи въ государственныя учебныя учрежденія.

Э.

Богословскій факультетъ:

Первый профессоръ постояннаго жалованья 500 ливр.
2-ой " " " 300 "

Юридическій факультетъ:

Первый профессоръ . . . . . 900 ливр.
2-й и 3-й профессоры . . . . . 500 "
4-й профессоръ . . . . 300 "
5-й профессоръ. . . . . 240 "

Медицинскій факультетъ:

1-й профессоръ . . . 900 ливр.
2-й профессоръ . . . 900 "
3-й профессоръ . . . 600 "
4-й профессоръ-руководитель практическими занятіями по анатоміи. 120 "

Точныхъ свѣдѣній о случайныхъ доходахъ не имѣется.

Анжеръ.

На юридическомъ факультетѣ: постояннаго жалов. . . 1.000 ливр.
Случайныхъ доходовъ . . . . 500—600 "

Авиньонъ.

Профессора каноническаго права имѣютъ пост. жалов. . 23 ливр.
Профессоръ Институцій . . . . .91 л. 20 су
Профессоръ французскаго . . . . 30 ливр.
Первый профессоръ медицины . . . . 30 ливр.
Вмѣстѣ съ добавочными въ зависимости отъ года. . 1.800—2.000 л.

Безансонъ.

Юридическій факультетъ: постоянное жалованье:
1-й и 2-й профессора . . . . . 273 л. 4 су 6 денье
3-й профессоръ . . . . 200 л.
4-й профессоръ . . . . 200 л.
5-й профессоръ . . . . 180 л.

Въ 1788 году общая сумма взносовъ за академическія степени на юридическомъ факультетѣ равнялась 5.262 ливрамъ 6 су. На другихъ факультетахъ нѣтъ постояннаго жалованья; въ 1788 году

за академическія степени поступило на богословскомъ факультетѣ 991 ливръ 13 су, на медицинскомъ 2352 ливра 17 су.

Бордо.

Юридическій факультетъ:	постоянное	жалованье: . .	400	ливровъ
Богословскій	„	„ . .	180	„
Медицинскій	„	„ . .	500	„
Артистическій	„	„ . .	нѣтъ	„

Побочные доходы въ обыкновенный годъ доходили до 952 ливровъ для двухъ профессоровъ богословія; до 292 ливровъ для трехъ остальныхъ; до 2.730 ливровъ 9 су 8 денье для каждаго изъ профессоровъ гражданскаго и каноническаго права; до 1.403 ливровъ 13 су 4 денье для профессора французскаго права, который не получалъ постояннаго жалованья; до 429 ливровъ 17 су для каждаго изъ профессоровъ медицинскаго факультета; до 464 ливровъ 10 су для каждаго профессора артистическаго факультета; агреже юридическаго факультета не имѣли постояннаго жалованья; на ихъ долю приходилось въ среднемъ 528 ливровъ случайнаго гонорара.

Каэнъ.

Постоянные оклады:

Каждый профессоръ богословскаго факультета	1.200	ливр.
„ „ медицинскаго факультета	1.200	„
Королевскій профессоръ математики	1.500	„
„ „ прикладной физики	1.500	„
„ „ элоквенціи	1.200	„
„ „ греческаго языка	1.200	„
Каждый профессоръ философіи	1.500	„
„ „ риторики	1.400	„
Профессоръ исторіи	1.200	„
„ географіи	1.200	„

Нѣтъ указаній на размѣры случайныхъ доходовъ. Мы уже говорили, что профессора и агреже юридическаго факультета не имѣли постояннаго жалованья.

Дижонъ.

Юридическій факультетъ; постоянное жалованье:

каждый профессоръ.	1.000	ливр.
„ агреже	300	„

случайныхъ доходовъ у профессора около	. 5.000	ливр.
„ „ у агреже „	. 1.700	„

Парижъ.

Артистическій факультетъ:

читающіе магистры класса философіи . . .	2.400	ливр.
„ „ „ риторики . . .	2.400	„
читающіе магистры гуманистическихъ дисциплинъ	2.200	„
читающіе магистры класса грамматики . .	2.200	„
агреже	200	„ и т. д.

Изъ этихъ цыфръ видно, что наканунѣ революціи положеніе профессоровъ стараго режима, скромное и даже бѣдное въ большинствѣ коллегій и на богословскихъ факультетахъ, гдѣ случайные доходы сильно уменьшились, а иногда сводились прямо къ нулю, было весьма удовлетворительно на юридическихъ и медицинскихъ факультетахъ, и въ общемъ французскіе профессора лицеевъ и факультетовъ не знали лучшаго въ теченіе большей половины девятнадцатаго вѣка.

Университетскія корпораціи ни въ то время, ни раньше не были даже приблизительно такъ же богаты, какъ корпораціи религіозныя. Нѣкоторыя изъ нихъ прямо-таки нищенствовали *). *Въ Бордо* богословскій факультетъ", читаемъ мы въ отчетѣ, составленномъ муниципалитетомъ во время правительственнаго разслѣдованія въ 1791—1792 году, „не имѣетъ въ данное время ни школы, ни залъ"; по настоящему онъ никогда ихъ и не имѣлъ, а лекціи читались въ монастырѣ.

Юридическій факультетъ владѣлъ зданіемъ, перестроеннымъ при Людовикѣ XIV; оно состояло изъ залы съ перестилемъ и „маленькой", очень тѣсной комнаты, стоимостью въ 200 ливровъ въ годъ. Зданіе медицинскаго факультета представляло не бóльшую цѣнность: оно состояло просто-на-просто изъ аудиторіи съ амфитеатромъ для демонстрированія данныхъ по анатоміи, „другой маленькой аудито-

---

*) Въ приведенныхъ ниже статистическихъ данныхъ приняты въ расчетъ имущества и доходы только университетовъ и факультетовъ въ собственномъ смыслѣ, а не коллегій; коллегіи, въ которыхъ числилось извѣстное число стипендій для содержанія „бурсаковъ", имѣли часто весьма крупное состояніе. Напримѣръ, имущество буржскаго коллежа было продано въ 1792—1793 гг. за 207.075 ливровъ, что было гораздо ниже его настоящей стоимости. *Примѣч. автора.*

ріи“ и „комнаты, гдѣ собирались медики города“. Университетъ, поскольку онъ является юридическимъ лицомъ, отличнымъ отъ факультетовъ, не владѣлъ ничѣмъ: ни пошлинами, ни капиталами, ни рентой, ни векселями, ни даже залой собраній; послѣднюю университетъ нанималъ за 30 ливровъ въ годъ въ монастырѣ „des Grands Carmes“. Движимое имущество было соотвѣтственное. Вотъ полный инвентарь его, составленный послѣ юридической смерти владѣльца: „Старинная роба (магистерская мантія изъ пурпурнаго атласа), отороченная горностаемъ; новая шляпа изъ золота съ кистями, которая была заказана и пріобрѣтена университетомъ въ 1784 году. Шерстяные ковры, которыми были убраны залы университета въ такъ называемыхъ Кармахъ (Carmes), были оставлены на мѣстѣ по причинѣ ихъ ветхости. Профессора каноническаго и гражданскаго правъ заказали на свой счетъ большой пюпитръ, въ формѣ шкафа, который служилъ при баллотировкѣ вопросовъ о пріемѣ кандидатовъ“; и послѣдняя, но весьма краснорѣчивая подробность: „Онъ содержитъ одинъ экземпляръ Corpus juris civilis, который они купили въ 1789 году“.

Факультеты университета въ Пуатье находились, пожалуй, въ еще болѣе жалкихъ матеріальныхъ условіяхъ. Артистическій факультетъ обладалъ очень хорошимъ помѣщеніемъ въ богатой коллегіи св. Марты, но остальные размѣщались повсюду, только не у себя: богословскій въ монастырѣ якобитовъ и въ церкви св. Оппортуніи, юридическій—въ ратушѣ, медицинскій, прекративъ преподаваніе, нуждался только въ одной залѣ для произношенія рѣчей при началѣ занятій въ университетѣ; эту залу онъ и бралъ въ наймы разъ въ годъ; только одинъ юридическій факультетъ имѣлъ маленькій доходъ въ 1.755 ливровъ изъ казны королевства.

Все имущество нантскаго университета въ 1789 году сводилось къ 537 ливрамъ ренты, причемъ двѣ пятыхъ этой суммы онъ отдавалъ юридическому факультету въ Реннѣ. Университетъ въ Нанси, повидимому, былъ не особенно богаче нантскаго; кромѣ зданій юридическаго и медицинскаго факультетовъ, построенныхъ на часть суммы, вырученной отъ продажи имуществъ, дарованныхъ нѣкогда герцогами лотарингскими, университетъ имѣлъ только ренту съ капитала въ 3.000 экю, пожалованнаго университету въ Pont-à-Mousson на счетъ доходовъ епископства Мецкаго и монастырей Trois-Evêchés, и, сверхъ того, 1.500 ливровъ правительственной субсидіи на содержаніе и ремонтъ школъ.

Безансонскій университетъ не имѣлъ собственнаго помѣщенія: когда его перевели изъ Доля, то пришлось помѣстить его временно въ монастырѣ Grands-Carmes, гдѣ онъ находился еще и въ **1789 г.**

Въ качествѣ корпораціи онъ имѣлъ 6.150 ливровъ ежегоднаго дохода, а именно: 2.730 ливровъ, платимыхъ откупщиками и казначеями соляныхъ заводовъ въ Франшъ-Контэ.

Аренда со зданій и домовъ въ Долѣ—350 ливровъ и 3.430 ливровъ, получаемыхъ съ различныхъ пріорствъ. Но каждый изъ его факультетовъ, разсматриваемый отдѣльно, долженъ былъ обладать весьма скудными средствами; такъ, напр.: медицинскій факультетъ, получивъ отъ города ботаническій садъ, вынужденъ былъ возвратить его обратно за неимѣніемъ средствъ для поддержанія его. — *Орлеанскій* университетъ, обладавшій въ былыя времена значительными средствами, все же никогда не былъ очень богатъ; но покрайней мѣрѣ, онъ имѣлъ то преимущество, что у него было собственное помѣщеніе въ Большихъ Школахъ (Grandes Écoles): „обширный овинъ“, говорилъ объ этомъ помѣщеніи въ семнадцатомъ столѣтіи одинъ изъ схоларовъ университета, „приспособленный для учебныхъ занятій посредствомъ пяти рядовъ скамеекъ и каѳедры по серединѣ“, къ этому слѣдуетъ еще прибавить комнату для диспутовъ и „библіотеку“, которая, какъ кажется, никогда не отличалась ни особенной многочисленностью книгъ, ни особенно тщательнымъ подборомъ ихъ. Доходы его были скудны; они заключались въ квартирной платѣ съ трехъ домовъ, бывшихъ въ плохомъ состояніи и дававшихъ, всѣ вмѣстѣ, 570 ливровъ въ годъ, и въ доходахъ, шедшихъ на жалованье профессорамъ и имѣвшихъ слѣдующіе источники: 1.800 ливровъ изъ общей суммы городскихъ обложеній (octrois), 300 изъ суммъ общины и 400 ливровъ изъ главнаго управленія почтовыхъ сношеній.

Въ *Перпиньянѣ* постоянные доходы университета были слѣдующіе: дарованныя ренты, десятины, цензивы, пошлины съ продажи помѣстій (droits de lods) и пенсіоны достигали 18.562 ливровъ 11 су 2 денье; три канониката были приписаны къ двумъ каѳедрамъ богословія и одной изъ каѳедръ философіи *). Университетъ владѣлъ, кромѣ того, садомъ и „большимъ зданіемъ, которое заключало одну большую залу для публичныхъ актовъ и другую залу для публичной библіотеки; пять классныхъ помѣщеній: одно для богословія, другое для права, третье для медицины, четвертое для фи-

---

*) Здѣсь имѣются въ виду т. н. пребенды, или бенефиціи, т. е. доходы съ земель, домовъ и т. д., приписанныхъ къ церковнымъ должностямъ. Благосостояніе французскихъ университетовъ, какъ учрежденій въ значительной степени клерикальныхъ, преимущественно опиралось на церковныя пребедны. Упомянутые въ текстѣ профессоры богословія и философіи кормились на счетъ доходовъ съ приписанныхъ къ ихъ каѳедрамъ канониkатовъ.

лософіи, пятое приспособленное для занятій по физикѣ; амфитеатръ для демонстрацій по анатоміи, кабинетъ естественной исторіи и кабинетъ для приборовъ по физикѣ". Ни одинъ факультетъ самъ по себѣ не имѣлъ постоянныхъ доходовъ.

Годовой доходъ *тулузскаго* университета не превосходилъ 8.696 ливровъ, а именно 6.196 поступили изъ суммъ соляного налога провинціи, 500 ливровъ давали двѣ простыя бенефиціи и 2.000 ливровъ, сборъ коихъ былъ всегда обставленъ большими затрудненіями, уплачивались прелатами, аббатами, пріорами и другими бенефиціаріями тулузскаго парламента. Оклады различныхъ профессоровъ, получавшихъ жалованье отъ короля, доходили до 6.430 ливровъ. Медицинскій факультетъ владѣлъ самостоятельно капиталомъ въ 20.000 ливровъ и назначеннымъ ему годовымъ доходомъ въ 1.000 ливровъ. Зданія, гдѣ велось преподаваніе, принадлежали общинѣ.

Дижонскій университетъ, имѣвшій только одинъ факультетъ— юридическій, находился въ лучшемъ положеніи; онъ получалъ 6.000 ливровъ отъ бургундскихъ провинціальныхъ штатовъ и 4.000 отъ города Дижона, причемъ изъ этихъ суммъ приходилось тратить только на уплату постояннаго жалованья профессорамъ, за наемъ дома, гдѣ велось преподаваніе, на покупку кое-какой мебели и нѣсколькихъ книгъ. Рессурсы университета въ *Дуэ* состояли изъ пенсій отъ различныхъ аббатствъ, отъ г. Дуэ и коллегіи d'Anchin; аббатство С. Амандъ платило ему 2.500 ливр., абб. С.-Бертенъ— 4.175 л., С. Элуа—300л., г. Дуэ—1.775, коллегія d'Anchin 800 л. всего 16.750 л.

Въ Монпелье медицинскій университетъ не имѣлъ ни поземельной ренты, ни векселей, ни капиталовъ; онъ получалъ отъ государства на жалованье профессорамъ, демонстрантамъ и служащимъ 8.800 ливровъ изъ доходовъ казенныхъ имѣній и лѣсовъ, и 500 ливровъ изъ общественныхъ суммъ города Монпелье; кромѣ того, онъ получалъ 2.400 ливровъ на поддержаніе ботаническаго сада. Университетъ владѣлъ, вмѣстѣ съ ботаническимъ садомъ, оцѣненнымъ въ 34.968 ливровъ, школами, стоившими по оцѣнкѣ, считая землю и строенія, 42.077 ливровъ; большая часть этихъ строеній была „въ состояніи, близкомъ къ разрушенію". Юридическій факультетъ владѣлъ только зданіями, занимавшими площадь въ 155 кв. туазовъ; „въ нижнемъ этажѣ была курія, часовня, помѣщеніе для педеля, аудиторія; въ верхнемъ этажѣ другая аудиторія, зала для публичныхъ актовъ, экзаменаціонная зала, совѣщательная комната (conclave), канцелярія и помѣщеніе для секретаря". Наемная стоимость зданія была въ 600 ливровъ.

Страсбургскій университетъ пользовался, повидимому, довольно

значительными доходами. Онъ получалъ ежегодно 1.200 ливровъ отъ города и владѣлъ четырьмя „бегинажами" *) (beguinage), закрытыми въ эпоху реформаціи, и, кромѣ того, пребендами капитула св. Ѳомы, секуляризованнаго тогда же.

Однимъ изъ наиболѣе богатыхъ провинціальныхъ университетовъ былъ несомнѣнно университетъ въ *Каэнѣ*. Имѣется подлинный счетъ его годовыхъ доходовъ и имуществъ. Въ числѣ ихъ я нахожу, между нрочимъ, право собственности на землю и строенія Большихъ Школъ, ботаническій садъ, право на полученіе ежегодно суммы въ 105 ливровъ 14 су 6 денье отъ парижской городской думы, доходъ въ 2.500 л. отъ откупщика королевской почты и почтовыхъ сообщеній, которымъ были замѣнены въ 1704 году права университета на обложеніе пошлиной почтовыхъ сообщеній провинціи Нормандія, рента въ 1.700 ливровъ, заступившая мѣсто привилегіи, данной университету Генрихомъ III на взиманіе 6 денье со всякой осьмины соли, проданной въ складахъ провинціи; 13.989 ливровъ 10 су арендной платы; 215 ливровъ 6 су 6 денье поземельной ренты; 2.636 ливровъ 15 су ипотечной ренты, итого 43.520 ливровъ 11 су. За вычетомъ всѣхъ накладныхъ расходовъ, общая сумма которыхъ достигала 4.858 ливровъ 16 су, чистый доходъ все же доходилъ до 38.661 ливръ 15 су. Изъ этой суммы 16.841 ливръ шелъ спеціально тремъ факультетамъ: богословскому, медицинскому и артистическому; слѣдовательно, оставалось еще болѣе 20.000 ливровъ для университета, какъ корпораціи.

Средства *Парижскаго* университета не были столь значительны, какъ можно было бы предположить, принявъ во вниманіе его продолжительное существованіе, его блестящее прошлое и то расположеніе, которымъ онъ пользовался въ теченіе столькихъ вѣковъ со стороны церкви и государей.

Когда въ 1789 году Учредительное Собраніе установило патріотическую контрибуцію, равную четвертой части чистаго годового дохода каждаго гражданина, оно не производило никакихъ разслѣдованій объ имущественныхъ средствахъ частныхъ лицъ и довольствовалось однимъ заявленіемъ со стороны подлежащихъ обложенію. Университетъ таксировалъ себя въ 2.000 ливровъ, богословскій факультетъ въ 300; юридическій въ такую же сумму, французская „нація" (землячество) въ 2.400, пикардійская въ 1.000, норманд-

---

*) Такъ назывались общины и имущества „бегинокъ" (Beguinae, beguttae), представительницъ древнѣйшаго женскаго ордена, члены котораго, впрочемъ, не были связаны никакими обѣтами и всегда могли возвратиться къ частной жизни.

ская въ 1.200, германская въ 800. Медицинскій факультетъ заявилъ, что его прямые и накладные расходы „превосходятъ на много его постоянные и даже добавочные доходы, вслѣдствіе чего онъ не имѣетъ возможности платить сборъ". Университетъ, богословскій и юридическій факультеты и французская „нація" заявили, что „суммы, которыя они должны были уплатить въ качествѣ сбора на нужды государства, превосходили пропорцію, установленную декретомъ Національнаго Собранія". Отсюда слѣдовало бы заключить, что чистые доходы университета, юридическаго и богословскаго факультетовъ и каждый изъ четырехъ націй равнялись соотвѣтственно 8.000 ливрамъ, 2.400, 9.600, 4.000, 4.800 и 3.200, то есть въ общемъ 32.000 ливр., и что медицинскій факультетъ, не имѣвшій возможности платить сбора, не располагалъ ни однимъ су въ наличности, кромѣ платы, взимаемой за записи и экзамены. Такое заключеніе было бы ошибочнымъ. Университетъ и факультеты несомнѣнно, какъ многіе изъ подлежавшихъ обложенію, дали неискреннее показаніе.

Это легко доказать прежде всего для медицинскаго факультета. Изъ всѣхъ четырехъ факультетовъ онъ былъ навѣрное наименѣе богатымъ; уже въ 1777 году его деканъ говорилъ: „Бѣдность факультета извѣстна. На уплату семи профессорамъ за ихъ курсы, библіотекарю и на ремонтъ своихъ зданій, факультетъ располагаетъ только постояннымъ годовымъ доходомъ въ 1.000 экю, получаемыхъ отъ университета и откупщика почтъ. Единственный источникъ для покрытія необходимыхъ издержекъ, обусловленныхъ его обязательствами, заключается во взиманіи небольшого сбора, которымъ обложены схолары (студенты) и баккалавры факультета". Это заявленіе не точно какъ въ томъ, что оно говоритъ о маломъ размѣрѣ экзаменаціонныхъ сборовъ—мы видѣли уже, каковы они были— такъ и въ указаніи на 1000 экю, уплачиваемыхъ университетомъ и откупщикомъ почтъ какъ на единственный постоянный годовой доходъ. У насъ имѣются счета приходовъ деканатовъ *) за 1782—1783 и 1788—1789 годовъ; и въ томъ, и въ другомъ изъ этихъ счетовъ показана на приходъ постоянная сумма сборовъ за записи и экзамены: въ первомъ 11.000 ливровъ, во второмъ 13.000 въ круглыхъ числахъ; но въ обоихъ счетахъ упомянуто о постоянномъ приходѣ въ 5.951 ливръ 10 су, а именно: отъ почтъ—1.800 ливровъ;

---

*) Во главѣ факультета находился деканъ, избиравшійся изъ числа профессоровъ для наблюденія за правильностью преподаванія, для руководства факультетскими собраніями и экзаменами, для охраны правъ и преимуществъ факультетской корпораціи и управленія ея дѣлами.

отъ университета—1.200 ливровъ (итого 1.000 экю, о которыхъ упоминалось выше); арендная плата 510 ливровъ; ренты—2.441 ливровъ 10 су. Въ общемъ это не очень высокая цифра; однако, этого достаточно, чтобы породить подозрѣніе въ безусловной искренности заявленій 1789 года.

За симъ мы имѣемъ приходо-расходные отчеты университета за 1787, 1788, 1789 и 1790 годы. Приходы, за вычетомъ переносовъ отъ предыдущаго года, равны 46.370 ливрамъ въ 1787 году, 40.549—въ 1788 г., 40519—въ 1789 г. и 39741—въ 1790 году. Поступленія имѣютъ большею частью характеръ вполнѣ постоянныхъ доходовъ; это арендная плата съ недвижимыхъ имуществъ—болѣе 25.000 ливровъ: цензы (cens) и ренты съ принадлежащихъ университету построекъ; 5.503 ливра доходовъ съ города, почтъ, прежняго клира, съ податей, налоговъ и соляной монополіи; откупъ торговли пергаментомъ; рента отъ Св. Женевьевы и нѣсколько завѣщанныхъ имуществъ. Расходы, которыми послѣдніе были обложены по условіямъ завѣщанія, не достигаютъ 1.000 ливровъ; въ точности: 65 ливровъ изъ завѣщаннаго имущества Валло (Vallot) въ пользу бѣдныхъ школъ; 580 ливровъ изъ завѣщаннаго дѣвицей Патуало (Patoillot) на школу для бѣдныхъ въ Рибмонѣ (Ribemont) лаонской епархіи, и 311 ливровъ по завѣщанію Монтампюи (Montempuys) въ пользу библіотеки университета. Слѣдовательно, средній чистый годовой доходъ равнялся 39.000 ливрамъ. Правда, что изъ этой суммы, не считая издержекъ на коляски, обѣды и церемоніи, которыя достигали довольно высокой цифры, надо было покрывать обязательные расходы: преимущественную долю ректору, (prèciput) пенсіонъ въ 1.200 ливровъ медицинскому факультету, объявленія, налоги, издержки на университетскій трибуналъ, на ремонтъ строеній и т. д.; тѣмъ не менѣе фактъ на лицо: въ 1789 году всѣ расходы, считая и уплату первой трети патріотическаго сбора, доходятъ только до 34.199 ливровъ, слѣдовательно, оставалось еще 6.000 ливровъ ихъ общей суммы дѣйствительнаго прихода того года, не считая переноса суммъ предыдущаго года.

Опредѣляя свою часть патріотическаго сбора въ 2.000 ливровъ и заявляя, что эта сумма превосходитъ пропорцію, установленную „Собраніемъ“, не подразумѣвалъ ли университетъ подъ „чистымъ годовымъ доходомъ“ текущій избытокъ своихъ приходовъ надъ обязательными и факультативными расходами? Фактически его дѣйствительные доходы въ пять разъ превосходятъ сумму, о которой можно заключить на основаніи его постановленія. За отсутствіемъ точныхъ документовъ, не будетъ ли правильно распространить по аналогіи этотъ выводъ на богословскій и юридическіе факультеты и на

каждую изъ націй артистическаго факультета *)? Въ такомъ случаѣ общая сумма годовыхъ доходовъ университета и факультетовъ окажется по самой низкой оцѣнкѣ въ 150.000 ливровъ.

Къ этимъ рессурсамъ надо еще прибавить средства, которыми располагали коллегіи артистическаго факультета: прежде всего одна двадцать восьмая доля дохода съ откупа почтъ, дарованная королемъ въ 1719 году для введенія безплатнаго обученія въ коллегіяхъ путемъ замѣны постояннымъ жалованьемъ гонораровъ, которые выплачивались раньше учениками читающимъ магистрамъ—около 300.000 ливровъ въ 1763 году; затѣмъ доходы стипендій (bourses) въ числѣ отъ 800 до 900. Эти доходы были значительны; отчетъ, составленный въ 1793 году директоріей парижскаго департамента, исчисляетъ ихъ приблизительно въ 750.000 ливровъ; другой отчетъ за предыдущій годъ опредѣлялъ ихъ въ 893.704 ливра. Мы знаемъ, что ежегодные доходы коллегіи Людовика Великаго и мелкихъ коллегій, соединенныхъ съ нею послѣ изгнанія іезуитовъ, доходили до 528.114 ливровъ, а именно: ренты—214.056, арендной платы съ помѣстій 58.778, квартирной платы съ домовъ въ Парижѣ 189.249; десятины, хлѣбной подати (champart) и феодальныхъ повинностей 66.030.

Изъ 10 коллегій съ полнымъ курсомъ преподаванія „искусствъ“ наибольшій доходъ имѣла коллегія Людовика В.; остальныя имѣли меньшій доходъ, отъ 6.721 ливр. (Коллегія дю-Плесси) до 85.409 лив. (Коллегія Мазарини). Эти суммы, указанныя по отчету за 1793 г., шли не только на содержаніе стипендій, но и на плату начальникамъ, преподавателямъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ профессора, сверхъ университетскаго оклада изъ доходовъ отъ почтоваго налога, получали еще жалованье изъ доходовъ коллегіи, въ которой они жили.

Согласно даннымъ, которыя мы находимъ въ протоколахъ засѣданій комитета народнаго образованія при Конвентѣ, парижскія учебныя заведенія имѣли въ концѣ стараго режима около двухъ милліоновъ какъ въ ежегодныхъ доходахъ, такъ и въ фондахъ, до-

---

*) Въ первое время существованія парижскаго университета только у „артистовъ“ были землячества; когда эти 4 „націи“ и артистическій факультетъ объединились подъ властью одного ректора, послѣдній сдѣлался главою всего университета, подчинивъ себѣ прокураторовъ націй и декановъ факультетовъ. Этого положенія ректоръ добился, впрочемъ, лишь послѣ упорной борьбы и не ранѣе XIV в., когда ему подчинился, наконецъ, и деканъ богослововъ.

ставляемыхъ государственнымъ казначействомъ. Эта цифра по всей вѣроятности не преувеличена.

Подъ учебными заведеніями здѣсь слѣдуетъ разумѣть всѣ образовательныя учрежденія какъ университетскія, такъ и другія, какъ напр., Королевскую Коллегію, Королевскій Садъ, Maison d'Oratoire и т. п.; но такъ какъ первыя были гораздо многочисленнѣе и значительнѣе, то изъ суммы въ два милліона самая крупная часть приходится на ихъ долю. Есть возможность установить эту часть приблизительно. Это прежде всего,—если только наши предположенія относительно чистыхъ доходовъ разныхъ корпорацій университета вѣрны —150—160 тысячъ ливровъ; затѣмъ сумма въ 375.000 ливровъ, уплачиваемая государственнымъ казначействомъ, согласно даннымъ приходо-расходныхъ книгъ за 1787 годъ; потомъ 800.000 ливровъ стипендій (bourses); далѣе годовая сумма поступленій въ кассу медицинскаго факультета—около 20.000 ливровъ, считая постоянныя и случайныя поступленія затѣмъ сумма случайныхъ доходовъ юридическаго факультета, которую съ достовѣрностью можно исчислить на этотъ годъ въ 48 000 ливровъ, принимая во вниманіе число поступленій за 1789 годъ и тарифъ сборовъ. Вотъ уже около 1.400.000 ливровъ; прибавивъ сюда доходъ отъ экзаменовъ на богословскомъ факультетѣ и отъ взносовъ за степень magistri artium, о которыхъ мы не имѣемъ достовѣрныхъ данныхъ, мы будемъ недалеки отъ истинной цыфры. Хотя это и не богатство, но во всякомъ случаѣ средства довольно солидныя.

Мимоходомъ кое-гдѣ уже можно было обратить вниманіе на простоту и даже убожество помѣщеній, общія почти всѣмъ университетамъ; зала въ монастырѣ — вотъ и все помѣщеніе богословскаго факультета; для юридическаго одна или двѣ залы, а иногда одна или двѣ комнаты; медицинскіе факультеты обыкновенно были обставлены не лучше; въ Монпелье этотъ факультетъ имѣлъ только амфитеатръ для анатомическихъ демонстрацій производства химическихъ опытовъ и операцій; экспериментальныя науки еще только нарождались и не предъявляли требованій, которыя можно было бы сравнить съ современными намъ требованіями; чтобы получить вѣрное представленіе о большой коллегіи дореволюціоннаго времени, достаточно посѣтить то, что осталось еще отъ стараго лицея Людовика Великаго. Въ Парижѣ общая стоимость недвижимыхъ имуществъ, принадлежавшихъ образовательнымъ учрежденіямъ, можетъ быть исчислена для конца восемнадцатаго столѣтія въ 15 милліоновъ. Богословскій факультетъ имѣлъ Сорбонну и Наваррскую коллегію; артистическій — коллегіи, перечисленныя въ началѣ этой

главы; юридическій помѣщался съ 1775 года въ зданіи, которое онъ занимаетъ и до сего времени. Медицинскій факультетъ былъ его замѣстителемъ въ полуразвалившихся строеніяхъ улицы Jean de Lartan; долгое время университетъ не имѣлъ постояннаго мѣстопребыванія; послѣ изгнанія іезуитовъ онъ нашелъ его въ коллегіи Людовика Великаго; тамъ ему не было ни достаточно удобно, ни достаточно просторно. Въ 1772 году онъ просилъ чтобы ему выстроили на холмѣ св. Женевьевы, симметрически съ зданіемъ юридическаго факультета, которое Суффло (Soufflot) только что закончилъ, залу общихъ собраній, залу для помѣщенія университетскихъ трибуналовъ, еще залу для архивовъ, хранилище для канцелярскихъ бумагъ, отдѣльныя залы для четырехъ землячествъ артистическаго факультета и для каждаго изъ трехъ факультетовъ: богословскаго, юридическаго и медицинскаго, обширныя галлереи для библіотеки, складъ для пергамента и помѣщенія для ректора, обще университетскихъ должностныхъ лицъ, библіотекарей и заслуженныхъ профессоровъ. Были составлены планы; они были даже представлены королю, который нашелъ, что они очень красивы, но этимъ дѣло и покончилось.

Между тѣмъ уже начинала ощущаться необходимость помѣщеній, болѣе приличныхъ и болѣе соотвѣтствующихъ потребностямъ преподаванія. Въ Нанси построили для университета въ 1770 году прекрасное зданіе, которое стоило не менѣе 300.000 ливровъ и могло въ то время служить образцомъ для зданій провинціальныхъ университетовъ. Дѣйствительно, оно заключало „залу для библіотеки, могущую вмѣстить по крайней мѣрѣ 30.000 томовъ, квартиру для библіотекаря, аудиторіи для богословскаго, юридическаго и медицинскаго факультетовъ, квартиры для профессоровъ, физическій кабинетъ, естественно-историческій кабинетъ, химическую лабораторію“. Въ Каэнѣ „Большія Школы“ были отлично устроены въ обширномъ зданіи недавней постройки. Въ Парижѣ зданіе юридическаго факультета было возведено по планамъ Суффло и, хотя медицинскому факультету, въ то время едва влачившему свое существованіе, пришлось удовольствоваться замѣной своего маленькаго домика въ улицѣ de la Bucherie старинными обветшалыми строеніями въ улицѣ Jean de Latran, которыя занималъ раньше юридическій факультетъ, однако съ Коллегіей Хируровъ (Collège des Chirurgiens), болѣе энергичной и пользовавшейся большимъ расположеніемъ, обошлись лучше. Въ 1769 году правительство выстроило ей на пустырѣ, принадлежавшемъ Бургундской коллегіи, прекрасное зданіе, гдѣ помѣщается еще и въ настоящее время медицинскій факультетъ. Съ этой стороны замѣчался прогрессъ и лучшее пониманіе нуждъ учебнаго дѣла.

Но незамѣтно, чтобы дѣлали много для обезпеченія его учебными пособіями, безъ которыхъ оно не могло обойтись. Библіотеки рѣдки; еще болѣе рѣдки научныя коллекціи. Университетъ въ Монпелье не имѣлъ анатомическихъ кабинетовъ; у него нѣтъ библіотеки; учащіеся принуждены брать на прокатъ у педелей книги, необходимыя для занятій.

Едва можно повѣрить, что экземпляръ Corpus juris civilis, купленный въ 1789 году профессорами юридическаго факультета въ Бордо, представлялъ собою всю ихъ библіотеку; тѣмъ не менѣе въ подробномъ инвентарѣ всей движимой и недвижимой собственности университета въ этомъ городѣ не упомянуто никакой другой книги. Въ Парижѣ коллегіи имѣли, безъ сомнѣнія, свои спеціальныя библіотеки, но университетъ пріобрѣлъ себѣ собственную библіотеку только въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія и то благодаря завѣщанію, сдѣланному въ его пользу однимъ изъ его бывшихъ ректоровъ, Пети-де-Монтампюи (Petit de Montempuys). Когда муниципалитетъ Нанси говоритъ о библіотечномъ залѣ, могущемъ вмѣстить до 30.000 томовъ, онъ не упоминаетъ, были-ли книжныя полки дѣйствительно заставлены книгами.

Матеріальныя издержки учебнаго дѣла, столь значительныя въ настоящее время, тогда были, повидимому, весьма и весьма скромны. Впрочемъ, относительно этого пункта имѣются только немногочисленныя указанія. Въ Нанси годовой окладъ профессоровъ медицинскаго факультета равнялся только 200 ливрамъ, между тѣмъ, какъ профессоръ химіи получалъ 1.500; но онъ долженъ былъ „доставлять приборы и другія вещи, необходимыя для его курса“. Въ Каэнскомъ университетѣ сверхъ жалованья было назначено на „издержки по курсу“ 700 ливровъ профессору формакологіи, 100—профессору хирургіи, 150—профессору анатоміи и 300 — профессору экспериментальной физики. На ботаническій садъ въ Монпелье отпускалось 2.400 ливровъ. Въ Перпиньянскомъ университетѣ на библіотеку было ассигновано 1000 ливровъ; на ботаническій садъ—1.200; 200 ливровъ на издержки по преподаванію физики. Въ 1782—83 году на медицинскомъ факультетѣ въ Парижѣ соотвѣтственные расходы на курсы „латинскаго“ оперативнаго дѣла, французскаго оперативнаго дѣла, акушерства, анатоміи и фармаціи равнялись 127 ливрамъ 12 су и 44 ливрамъ. Это—немного, и, кромѣ того, изъ этихъ суммъ большая часть падала на долю преподавательскаго персонала. Такъ, изъ 124 ливровъ 12 су курса французскаго оперативнаго дѣла профессора получили 30 ливровъ, демонстранты 30, служащіе (officiers) 24, швейцаръ 10; оставалось только 24 ливра на то, чтобы купить, доставить и препарировать два трупа. Но замѣтно, что внѣ уни-

верситетскихъ корпорацій болѣе отчетливо понимали потребности учебнаго дѣла, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Когда лангедокскіе провинціальные штаты учредили въ 1761 году каѳедры химіи и курсъ физики, независимыя отъ университетовъ Монпелье, они ассигновали на каждый курсъ, кромѣ особаго жалованья профессору, ежегодную сумму въ 1.200 ливровъ на издержки по преподаванію и покупку приборовъ и 300 ливровъ на наемъ служителя.

Луи Ліаръ.

Переводъ подъ ред. **А. Г. Готлиба.**

(*Продолженіе будетъ*).

Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Германіи.

XIII.

(*Продолженіе*).

Общія соображенія по поводу возникновенія т. наз. женскаго вопроса въ Германіи.

На предшествующихъ страницахъ мы представили краткій очеркъ развитія и современнаго состоянія женскаго образованія въ Германіи. Мы видѣли, что въ сравнительно весьма короткое время—за какія нибудь 30—40 лѣтъ—женское образованіе въ Германіи совершило огромные успѣхи: принципъ обязательности начальнаго образованія былъ распространенъ во всей своей строгости и на женщинъ; женскія среднія учебныя заведенія въ той или иной мѣрѣ получили систематическую организацію и извѣстное офиціальное признаніе; въ видахъ облегченія доступа къ университетамъ и высшему образованію вообще были даже основаны особые гимназическіе женскіе курсы съ преподаваніемъ классическихъ языковъ; мало того, въ самые послѣдніе годы нѣмцы отважились даже, слѣдуя примѣру англичанъ и американцевъ, допустить, правда, пока лишь въ Виртембергѣ и Баденѣ—совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Это движеніе къ расширенію области женскаго образованія заканчивается на нашихъ глазахъ допущеніемъ женщинъ въ нѣмецкіе университеты съ постепеннымъ распространеніемъ на нихъ всѣхъ правъ и преимуществъ, принадлежащихъ ихъ товарищамъ-мужчинамъ.

Вмѣстѣ съ умноженіемъ числа и улучшеніемъ качества женскихъ учебныхъ заведеній, вмѣстѣ съ открытіемъ для нихъ такихъ областей образованія, которыя ранѣе были для нихъ совершенно недоступны; расширяется и участіе нѣмецкой женщины во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Можно даже утверждать съ нѣкоторымъ основаніемъ, что въ основѣ стремленія нѣмецкихъ женщинъ къ образованію

лежало желаніе обезпечить себѣ лучшую подготовку къ выполненію совершенно новыхъ задачъ, которыя ставитъ женщинамъ новѣйшая жизнь съ ея измѣнившимся экономическимъ и соціальнымъ строемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, всмотримся ближе въ вѣрность этого положенія и раздѣлимъ для этого женщинъ на двѣ главныя категоріи—женщинъ недостаточныхъ или низшихъ классовъ и женщинъ т. наз. буржуазіи или достаточныхъ классовъ. По отношенію къ первымъ надо сказать, что развитіе фабричной промышленности въ Германіи въ XIX вѣкѣ съ одной стороны упразднило значеніе многихъ продуктовъ прежней домашней женской промышленности и освободило такимъ образомъ массу женскихъ рукъ, съ другой стороны доставило женщинамъ новый источникъ заработка на быстро умножавшихся фабрикахъ и заводахъ. Упадокъ значенія физической силы рабочаго и устраненіе необходимости долгаго ученичества при развившейся системѣ механическаго производства повели даже къ тому, что на фабрикахъ и заводахъ стали охотнѣе пользоваться болѣе дешевымъ женскимъ и даже дѣтскимъ трудомъ, чѣмъ трудомъ взрослыхъ мужчинъ. Это послѣднее обстоятельство послужило причиной паденія заработковъ взрослыхъ мужчинъ, что въ свою очередь повело къ тому, что работы на фабрикахъ стали искать уже не только одинокія, но и замужнія женщины, къ великому ущербу для своего здоровья и для здоровья нарождающихся поколѣній. Какъ всѣмъ хорошо извѣстно, понадобилось даже вмѣшательство общественныхъ властей, которыя путемъ т. наз. фабричнаго законодательства стали все болѣе и болѣе строго регламентировать условія дѣтскаго и женскаго труда на фабрикахъ.

Въ полномъ своемъ развитіи это законодательство должно привести и частью уже привело (напр., въ наиболѣе передовыхъ штатахъ С. Америки и въ наиболѣе прегрессивныхъ колоніяхъ Англіи) къ совершенному запрещенію дѣтскаго труда на фабрикахъ. Относительно женскаго труда такого рѣшенія вопроса, конечно, быть не можетъ. Замѣчаемое преимущественно среди буржуазіи повышеніе средняго возраста вступленія въ бракъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ наблюдается, хотя и въ меньшей мѣрѣ, и среди низшихъ классовъ, вслѣдствіе чего является свободный запасъ женскихъ силъ, которымъ такъ или иначе надо найти себѣ примѣненіе. Наконецъ, въ томъ же направленіи дѣйствуетъ, какъ мы видѣли, и переходъ въ область фабричнаго производства такихъ отраслей народнаго хозяйства, которыя ранѣе составляли предметъ занятій женской половины крестьянской семьи *).

---

*) См. „Dr. Pierstorf „Frauenarbeit und Frauenfrage“ 1900. Iena и Лили

Итакъ, вотъ каковы, въ самыхъ краткихъ словахъ, причины постоянно растущаго примѣненія женскаго труда на фабрикахъ, заводахъ и въ другихъ областяхъ общественнаго производства. Это-же обстоятельство составляетъ для нашего времени наиболѣе убѣдительное соображеніе въ пользу необходимости возможно болѣе широкаго распространенія среди всей массы женскаго населенія хотя-бы наиболѣе элементарнаго общаго образованія и хотя бы основныхъ свѣдѣній профессіональнаго характера: первое дается народными школами, второе дополнительными и всякими иными школами и курсами, заслуги организаціи которыхъ, какъ мы увидимъ, принадлежитъ въ значительной степени женщинамъ достаточныхъ классовъ, желавшимъ придти такимъ образомъ на помощь своимъ сравнительно обиженнымъ судьбой сестрамъ.

Положеніе женщинъ достаточныхъ или, вѣрнѣе, болѣе или менѣе достаточныхъ классовъ измѣнилось также весьма значительно въ теченіе только что истекшаго вѣка. Переходъ многихъ домашнихъ производствъ въ область фабричной промышленности отразился и на положеніи женщинъ этого класса, хотя, конечно, и не въ такой мѣрѣ, какъ на женщинахъ низшихъ классовъ. Освобожденію женщинъ достаточныхъ классовъ отъ значительной части лежавшаго на нихъ прежде труда много содѣйствовало и сосредоточеніе дворянства и буржуазіи въ большихъ городахъ, гдѣ все менѣе и менѣе имѣетъ смыслъ дѣлать какіе-либо запасы въ видѣ соленій, вареній и т. п. на что уходило не мало времени и способностей у женщинъ первой половины XIX вѣкѣ *).

Еще болѣе значительное вліяніе на измѣненіе положенія женщинъ достаточныхъ классовъ имѣло и имѣетъ болѣе позднее заключеніе браковъ какъ мужчинами, такъ и самыми женщинами, что едва ли нужно подтверждать какими-либо статистическими данными **). Болѣе позднее вступленіе въ бракъ мужчинъ объясняется усилившейся дороговизной жизни и отчасти увеличившейся продолжительностью образованія, необходимаго для доступа къ той или иной профессіи и, наконецъ, недостаткомъ свободныхъ профессій, вслѣдствіи чего молодымъ людямъ приходится долго ждать, пока они достигнутъ извѣстнаго положенія и матеріальнаго обезпеченія. Со стороны женщинъ болѣе позднее вступленіе въ бракъ, между

Браунъ „Женскій вопросъ. Его историческое развитіе и экономическое значеніе“ 1902. См. также Robert uud Lisbetth Wilbrandt. Die deutsche Frau in Beruf“ („Handbuch der Frauenbewegung“, IV Theil).

*) Эта сторона женскаго вопроса хорошо выяснена въ цитированной статьѣ Гертруды Беймеръ „Geschichte der Frauenbewegung in Deutschland“.

**) См. цитированныя выше сочиненія проф. Pierstorf'а и Лили Браунъ

прочимъ, объясняется увеличившимся чувствомъ собственнаго достоинства, а также и большимъ умственнымъ развитіемъ, заставляющимъ ихъ относиться къ вопросу о бракѣ гораздо болѣе серьезно и осмотрительно, чѣмъ это бывало прежде.

Въ настоящее время уже не мало женщинъ, которыя смотрятъ съ ужасомъ на бракъ, какъ на средство „пристроиться", почему мы и наблюдаемъ повсемѣстное стремленіе женщинъ ко всякаго рода курсамъ и учебнымъ заведеніямъ, окончаніе которыхъ можетъ обезпечить сколько-нибудь вѣрный заработокъ.

Наконецъ—и это самое важное—многія женщины по тѣмъ или инымъ причинамъ совсѣмъ не выходятъ замужъ, другія выходятъ очень поздно, третьи остаются вдовами безъ всякаго обезпеченія да еще нерѣдко съ дѣтьми. Все это представляетъ неотразимый аргументъ противъ тѣхъ, кто хотѣлъ-бы видѣть въ бракѣ, по извѣстному выраженію, „единственную женскую профессію", удовлетворительно разрѣшающую всѣ запросы женщинъ *).

Скажемъ, наконецъ, что сосредоточеніе населенія въ городахъ, составляющее одну изъ характерныхъ особенностей нашего времени устраняетъ въ нѣкоторой мѣрѣ для мужчинъ значеніе домашняго очага (развитіе ресторанной жизни въ Зап. Европѣ), обезпечиваетъ имъ массу всегда доступныхъ и дешевыхъ развлеченій и, pour tout dire, дѣлаетъ крайне удобнымъ внѣбрачное удовлетвореніе извѣстныхъ инстинктовъ...

Желая поскорѣе перейти къ фактамъ, характеризующимъ современную дѣятельность нѣмецкихъ женщинъ, мы кончаемъ эти по необходимости краткія общія соображенія, объясняющія возникновеніе т. наз. женскаго вопроса и наблюдаемаго повсюду стремленія женщинъ ко всѣмъ видамъ образованія, какъ одного изъ самыхъ важныхъ элементовъ этого вопроса.

Надо сказать, что до послѣдняго времени работа болѣе энергичной части женщинъ въ весьма значительной степени была направлена на организацію разнаго рода обществъ, имѣющихъ цѣлью облегченіе участи всѣхъ „нуждающихся и обремененныхъ" и, что весьма естественно, преимущественно женщинъ и дѣтей бѣднѣйшихъ классовъ. Защита женскихъ правъ вообще и въ особенности движеніе къ расширенію сферы примѣненія женскаго труда явились лишь въ самое послѣднее время, какъ результатъ убѣжденія въ сравнительной не-

---

*) Такого рода взглядъ высказывался даже въ германскомъ рейхстагѣ по поводу разныхъ петицій, которыя въ послѣднія 20 лѣтъ были представляемы женскими обществами и союзами. См. цитированныя монографіи Гертруды Беймеръ.

значительности всякихъ палліативовъ для сколько-нибудь серезной борьбы со многими дурными проявленіями позднѣйшихъ фазисовъ экономическаго и соціальнаго развитія культурнаго человѣчества. Не слѣдуетъ забывать однако, что даже въ тѣхъ сторонахъ женскаго движенія и въ тѣхъ проявленіяхъ общественной дѣятельности женщинъ, въ которыхъ, казалось-бы, можно видѣть только стремленіе болѣе энергичной части женщинъ буржуазіи къ обезпеченію себѣ матеріальныхъ или иныхъ выгодъ, на самомъ дѣлѣ есть весьма значительный элементъ альтруистическихъ побужденій, такъ какъ все, что поднимаетъ авторитетъ и расширяетъ сферу дѣятельности женщинъ буржуазіи, увеличиваетъ въ самой сильной степени и плодотворность ихъ работы, направленной на всякаго рода помощь бѣднѣйшимъ классамъ женской половины населенія въ особенности.

Справедливость этихъ соображеній, какъ мы надѣемся, станетъ совершенно очевидной, когда читатель ознакомится съ рядомъ весьма любопытныхъ и важныхъ фактовъ, составляющихъ предметъ послѣдующихъ главъ.

XIV.

Нѣмецкая женщина въ области благотворительности.—Помощь больнымъ и бѣднымъ.

Дѣло благотворительности долгое время считалось, какъ извѣстно, одной изъ спеціальныхъ задачъ церкви и ея служителей. Время однако показало, что духовенство весьма неудовлетворительно справляется съ этой своей задачей, и потому благотворительность стала мало-помалу переходить сначала въ область организованной частной иниціативы (разныя благотворительныя общества), а въ послѣднее время даже въ сферу вѣдѣнія общественныхъ властей (Англія, Германія, С. Штаты С. Америки). Впрочемъ, церковь и до сихъ поръ, въ особенности въ католическихъ странахъ, сохранила болѣе или менѣе значительную роль въ дѣлѣ помощи бѣднымъ, больнымъ и т. д. Ограничивая свою задачу въ настоящемъ своемъ трудѣ выясненіемъ дѣятельности женщинъ въ области филантропіи, дѣятельности, совершающейся подъ эгидой церкви, мы должны указать, во-первыхъ, на разнаго рода католическія общества сестеръ (katholische Schwester—Ordensgenossenschaften), напр., Genossenschaft der barmherzigen Schwester, Schwesternschaft vom heiligen Borromeus", „die Augustinirinnen" и т. д.

Женщины, желающія поступить въ одно изъ этихъ обществъ или общинъ, должны удовлетворять извѣстнымъ условіями возраста,

здоровья, доброй нравственности и т. д. Онѣ затѣмъ зачисляются въ „общину“ (Mutterhaus) на испытаніе, исполняютъ всякую работу, которая будетъ имъ дана, и лишь въ случаѣ удовлетворительныхъ отзывовъ окончательно принимаются въ общину, обязуясь по указанію духовныхъ властей оказывать всякую помощь бѣднымъ и больнымъ, за что община беретъ на себя всѣ расходы по содержанію, одеждѣ и т. п. Администрація общины беретъ на себя также заботу объ обученіи сестеръ уходу за больными, поданіи первой помощи при несчастныхъ случаяхъ и т. п.

Хотя эти общины сестеръ имѣютъ самую тѣсную связь съ католической іерархіей, тѣмъ не менѣе сестеръ нельзя приравнивать къ монахинямъ. Надо сказать, что послѣднихъ, т. е. монахинь, насчитывается въ Германіи всего около 10,000 (во Франціи, населеніе которой въ два раза больше католическаго населенія Германіи, монахинь насчитывается до 150,000), тогда какъ число „сестеръ“ доходитъ почти до 25,000.

Въ лютеранской части Германіи дѣло общественной помощи бѣднымъ поставлено, вообще говоря, лучше, чѣмъ въ Германіи католической и въ большей мѣрѣ сдѣлалось предметомъ заботъ офиціальныхъ (свѣтскихъ) властей. Этимъ между прочимъ объясняется сравнительная малочисленность т. н. „діаконисъ“ (Diakonissen), дѣятельность которыхъ совершенно аналогична дѣятельности „сестеръ“ у католиковъ. Общее число діаконисъ по даннымъ 1898 г. доходитъ почти до 13,500 (вспомнимъ, что протестанты составляютъ двѣ трети населенія Германской имперіи).

Трудно было-бы перечислить учрежденія, гдѣ работаютъ католическія „сестры“ и протестантскія „діаконисы“: среди этихъ учрежденій мы находимъ больницы, богадѣльни, сиротскіе пріюты, пріюты для эпилептиковъ, идіотовъ, дома умалишенныхъ, санаторіи, тюрьмы и т. д., и т. д.

Какъ было сказано выше, на смѣну церкви въ области благотворенія выступила, въ особенности съ начала XIX вѣка, организованная частная инпціатива. Мужчины первые организовали свои силы и образовали повсемѣстно разныя филантропическія общества, въ которыя съ теченіемъ времени стали допускать и женщинъ. Первое *женское* благотворительное общество возникло въ 1831 г. въ Гамбургѣ и устроило женскую богадѣльню и дѣтскій пріютъ. Примѣру Гамбурга вскорѣ послѣдовали и другіе большіе города, какъ, напр., Бременъ, Любекъ, Кенигсбергъ, Лейпцигъ, гдѣ также возникли благотворительныя женскія общества; нѣкоторыя изъ такихъ обществъ имѣли даже филіальныя отдѣленія въ окрестныхъ маленькихъ городахъ.

Во время войны 1866 г. съ Австріей, особенно же во время франко-прусской войны въ первый разъ выяснилась съ необычайной силой необходимость организованной общественной помощи десяткамъ тысячъ больныхъ и раненыхъ.

Слѣдуя примѣру англійскихъ женщинъ, которыя подъ руководствомъ знаменитой миссъ Florence Nightigale принесли огромную пользу союзнымъ арміямъ во время крымской компаніи, нѣмецкія женщины проявили большую энергію и много умѣнья въ организаціи помощи массѣ больныхъ и раненыхъ, доставляемыхъ ежедневно на родину послѣ кровопролитныхъ сраженій франко-прусской войны. Въ это время по всей Германіи возникли т. наз. Deutsche vaterländische Frauenvereine, т. е. нѣмецкіе женскіе патріотическіе союзы, примкнувшіе затѣмъ къ тогда только что организованной международной ассоціаціи, извѣстной подъ названіемъ Краснаго Креста.

Война съ французами кончилась, но полныя энергіи женскія патріотическія общества не желали прекращать своей дѣятельности и, напротивъ, поспѣшили образовать между собой Союзъ (Verbund der deut. vaterländ. Frauenvereine), который, примѣняясь къ измѣнившимся обстоятельствамъ, такимъ образомъ формулировалъ задачи примкнувшихъ къ нему женскихъ обществъ:

1) Въ мирное время оказывать помощь въ случаяхъ чрезвычайныхъ народныхъ бѣдствій *) и содѣйствовать распространенію въ обществѣ умѣнія оказывать помощь больнымъ.

2) Въ военное время принимать участіе въ организаціи помощи раненымъ и больнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, съ наступленіемъ долгаго періода мира, дѣятельность женскихъ патріотическихъ обществъ не только не замерла, напротивъ, развивалась, будучи направляема на самыя различныя цѣли: помощь бѣднымъ, больнымъ, призрѣніе бездомныхъ дѣтей, основаніе временныхъ пристанищъ для дѣвушекъ, ищущихъ мѣстъ, организація школъ домоводства, школа поваренного искусства, профессіональныхъ женскихъ классовъ и т. д., и т. д. Само собой разумѣется, одной изъ важнѣйшихъ задачъ этихъ обществъ была и остается подготовка женщинъ къ раціональному уходу за больными и ранеными.

Особенно разнообразна дѣятельность женскихъ патріотическихъ обществъ въ Баденѣ, гдѣ число членовъ этихъ обществъ доходитъ до 43.000 при почти 300 мѣстныхъ отдѣленіяхъ (Zweigvereine); во всей-же Германіи насчитывается до 1.300 отдѣленій Союза женскихъ

*) Такимъ образомъ, напр., Союзъ женскихъ обществъ Краснаго Креста оказалъ неоцѣнимыя услуги обществу во время чрезвычайнаго наводненія, бывшаго въ 1897 г. въ Силезіи.

патріотическихъ обществъ Краснаго Креста *). Насколько намъ извѣстно, во всей Россіи имѣется въ нѣсколько разъ меньше отдѣленій общества Краснаго Креста, при чемъ вовсе нѣтъ и не можетъ быть особыхъ женскихъ обществъ такого наименованія.

Офиціальныя обыкновенныя власти Германіи взялись серьезно за дѣло призрѣнія бѣдныхъ лишь въ XIX вѣкѣ. Въ возникшихъ для этого учрежденіяхъ участіе женщинъ не считалось нужнымъ, хотя, разумѣется, это часто сильно вредило дѣлу. Только въ концѣ 60-ыхъ годовъ (1868) основанное незадолго передъ тѣмъ Всеобщее Нѣмецкое Женское Общество (Allgemeiner deutseher Frauenverein) на одномъ изъ организованныхъ имъ съѣздовъ подняло серьезно вопросъ о привлеченіи женщинъ къ участію въ работѣ офиціальныхъ учрежденій по призрѣнію бѣдныхъ, ссылаясь при этомъ на успѣшные результаты такого рода дѣятельности женщинъ въ Англіи.

Прошло однако 13 лѣтъ прежде, чѣмъ нашлось городское управленіе, рѣшившееся ввести женщинъ въ городскую коммиссію по призрѣнію бѣдныхъ на одинаковыхъ правахъ съ другими членами коммиссіи. Это былъ городъ Кассель.

Другіе города не спѣшили, однако, слѣдовать примѣру Касселя, вслѣдствіе чего и въ настоящее время женщины являются офиціальными членами городскихъ учрежденій по призрѣнію бѣдныхъ, кромѣ Касселя, лишь въ Кенигсбергѣ, Кольмарѣ и еще въ двухъ-трехъ другихъ городахъ. Надо думать, однако, что положеніе этого дѣла скоро измѣнится, такъ какъ не дальше какъ въ 1896 г. на съѣздѣ, организованномъ въ Страсбургѣ весьма авторитетнымъ обществомъ „der deuthsche Verein für Armenpflege und Wohlthätigkeit", была принята по этому поводу весьма энергичная резолюція, начинавшаяся слѣдующими словами:

„Привлеченіе женщинъ къ участію въ органахъ, вѣдающихъ дѣло общественнаго призрѣнія на одинаковыхъ правилахъ съ мужчинами, составляетъ одну изъ неотложныхъ потребностей нашего времени **).

Впрочемъ, и въ настоящее время во многихъ городахъ, напр., въ Эльберфердѣ и Крефельдѣ, дѣятельность женскихъ благотворительныхъ обществъ получила по крайней мѣрѣ офиціальное признаніе; эти общества признаны вспомогательными учрежденіями, работающими совмѣстно съ офиціальной коммиссіей общественнаго призрѣнія. Въ нѣкоторыхъ городахъ извѣстныя отрасли филантропіи—

---

*) См. прекрасную статью Алисы Саломонъ „Die Frau in der socialen Hilfsthätigkeit". Handbuch der Frauenbewegung, II Theil. Frauenbewegung und sociale Frauenthätigkeit in Deutschland nach Einzelgebieten.

**) См. цитированную выше обширную монографію г-жи Саломонъ, стр. 43.

особенно призрѣніе сиротъ—передано даже всецѣло заботамъ женскихъ благотворительныхъ обществъ, въ чемъ нельзя не видѣть наиболѣе убѣдительнаго доказательства авторитета, завоеваннаго нѣмецкими женщинами въ сферѣ благотворительности.

XV.

Нѣмецкія женщины въ области благотворительности; помощь дѣтямъ и молодымъ дѣвушкамъ рабочихъ классовъ.

Какъ это весьма естественно, нѣмецкія женщины, работающія на поприщѣ филантропіи, обнаруживаютъ особую энергію въ организаціи учрежденій, имѣющихъ цѣлью помощь дѣтямъ, почему либо лишеннымъ вполнѣ или отчасти родительскаго попеченія. Среди такихъ дѣтей наиболѣе замѣтную категорію составляютъ, какъ извѣстно, подкидыши и незаконнорожденныя дѣти.

Система воспитательныхъ домовъ уже давно дискредитирована въ Германіи, какъ и въ большинствѣ наиболѣе культурныхъ странъ современнаго міра. Теперь стараются т. наз. подкидышей и вообще дѣтей, оставленныхъ родителями на произволъ судьбы, помѣщать за извѣстное вознагражденіе въ частныя семьи, за которыми затѣмъ ведется по возможности бдительный контроль. Послѣдняго рода обязанности весьма охотно берутъ на себя въ Германіи разныя женскія общества, существующія во всѣхъ большихъ городахъ. Кое-гдѣ организованы даже спеціальныя женскія общества, сосредоточившія свою дѣятельность именно на этого рода филантропіи нерѣдко по особому соглашенію съ мѣстными официальными органами, вѣдающими дѣло общественнаго призрѣнія. Семьи, гдѣ имѣются „воспитанники“, посѣщаются не менѣе раза въ мѣсяцъ; за особенно хорошій уходъ за дѣтьми выдаются денежныя награды изъ средствъ, собираемыхъ женскими обществами.

Въ нѣкоторыхъ городахъ тѣ-же женскія общества даютъ пріютъ брошеннымъ матерямъ незаконныхъ дѣтей, оставляютъ ихъ у себя до полнаго возстановленія силъ послѣ разрѣшенія отъ бремени, помогаютъ затѣмъ въ пріисканіи мѣстъ, оставляя новорожденныхъ дѣтей на своемъ попеченіи *), пока мать не окажется въ состояніи взять къ себѣ ребенка. Образцовымъ учрежденіемъ этого рода считается основанный еще въ 1873 г. въ Боннѣ Бертой Лунгштрассъ т. наз. Versorgungshaus, гдѣ со времени открытія былъ оказанъ пріютъ почти двумъ тысячамъ обманутыхъ дѣвушекъ.

*) За небольшую плату отъ матери.

По образцу боннскаго дома были основаны такіе-же дома въ Кольмарѣ, Марбургѣ, Лейпцигѣ, Гамбургѣ, Берлинѣ и т. д.

Мы уже упоминали, въ какой мѣрѣ развитіе фабричной промышленности въ Германіи сопровождалось привлеченіемъ на фабрики и заводы женщинъ, и при томъ не только одинокихъ, но и замужнихъ. Само собой разумѣется, это отражается крайне гибельно на здоровьѣ маленькихъ дѣтей, остающихся цѣлыми днями или безъ всякаго призора или на попеченіи другихъ дѣтей чуть постарше, нерѣдко въ ущербъ школьному образованію послѣднихъ. Вотъ причина возникновенія т. наз. яслей и пріютовъ для дѣтей 2—3 лѣтъ. (Krippen, Kleinkinderwahranstalten) и дѣтскихъ садовъ для остальныхъ дѣтей до-школьнаго (до 6—лѣтъ) возраста.

Здѣсь заслуги нѣмецкихъ женщинъ также весьма велики, такъ какъ почти все, что создано въ этомъ отношеніи въ Германіи, сдѣлано главнымъ образомъ частной иниціативой разныхъ женскихъ обществъ. Первыя ясли основаны были въ 1802 г. графиней Липпе-Детмольдъ. Теперь яслей и дневныхъ пріютовъ для маленькихъ дѣтей насчитывается въ Германіи до 2.000. Впрочемъ, громадное большинство этихъ учрежденій—дневные пріюты для маленькихъ дѣтей; яслей-же въ прямомъ смыслѣ слова, т. е. пріютовъ для дѣтей до двухъ лѣтъ не насчитывается и ста.

Женщинамъ-же принадлежитъ въ значительной степени и честь открытія и содержанія дѣтскихъ садовъ, такъ какъ въ Германіи общественныя власти, вообще говоря, не пришли еще къ сознанію необходимости устройства этихъ садовъ на общественныя средства *). Едва-ли, впрочемъ, можно этому удивляться, если вспомнить, что около 50 лѣтъ тому назадъ на родинѣ Фребеля дѣтскіе сады стали вдругъ считаться даже опасными учрежденіями **) и были закрыты по приказанію властей.

Однако и съ наступленіемъ школьнаго возраста дѣти, возвращаясь домой изъ школы, значительную часть времени остаются безъ надзора старшихъ членовъ семьи, занятыхъ въ большинствѣ случаевъ разнаго рода работами внѣ дома. Чтобы и въ этомъ случаѣ оказать помощь бѣднѣйшимъ классамъ, съ 70 хъ годовъ стали устраивать т. наз. „Kinderhorten“, ***) имѣющіе задачей замѣнять для дѣтей родительскій домъ во внѣклассное время. Первое учрежденіе этого рода было основано въ 1872 г. въ Эрлингенѣ; теперь ихъ можно найти уже почти въ 60 городахъ имперіи. Всѣ эти учрежде-

*) Цитиров. статья Ал. Саломонъ, стр. 95.

**) Во время реакціи, послѣдовавшей за революціей 1848 г.

***) Дѣтскія убѣжища.

нія основаны и содержатся почти исключительно женскими обществами (Frauenvereinen) или же такими обществами, гдѣ женщины составляютъ преобладающій элементъ *).

Женщинамъ же принадлежитъ главная заслуга въ организаціи существующихъ и у насъ, въ Россіи, т. наз. обществъ лѣтнихъ школьныхъ колоній для слабыхъ дѣтей недостаточныхъ родителей. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ Германіи насчитывается болѣе 140 такихъ обществъ, ежегодно дающихъ возможность провести лѣто въ деревнѣ почти 40.000 дѣтямъ.

Если дѣтямъ до-школьнаго и школьнаго возраста безусловно необходимы родительскія заботы, и при отсутствіи или недостаточности таковыхъ необходима посторонняя помощь, родительское попеченіе, хотя и иного рода, крайне важно и для дѣтей, уже окончившихъ свое школьное образованіе въ народномъ училищѣ, что въ Германіи обыкновенно бываетъ къ 14—15 годамъ. Такого рода попеченіе особенно нужно по отношенію къ дѣвушкамъ рабочихъ классовъ, которыхъ окружаетъ всегда такъ много соблазновъ какъ отъ лицъ своего-же класса, такъ и отъ лицъ достаточныхъ классовъ. Мы не должны удивляться поэтому, что женщины нѣмецкой буржуазіи затрачиваютъ не мало труда и средствъ на всякаго рода заботы о молодыхъ дѣвушкахъ рабочихъ классовъ, являясь учредительницами или надзирательницами всякаго рода учрежденій, предназначенныхъ для этихъ дѣвушекъ.

Такого рода учрежденія крайне разнообразны и трудно поддаются какому-либо краткому описанію и тѣмъ болѣе точному статистическому учету.

Назовемъ, во-первыхъ, т. наз. deutsche Iungfrauenvereine, т. е. общество молодыхъ дѣвицъ. Учредители и учредительницы этихъ обществъ имѣютъ цѣлью доставить дѣвушкамъ рабочихъ классовъ возможность здоровыхъ и дешевыхъ удовольствій въ сторонѣ отъ обычныхъ соблазновъ большихъ городовъ. Въ настоящее время число этихъ обществъ переходитъ за 3.000, и число членовъ доходитъ почти до 84,000; болѣе тысячи женщинъ являются учредительницами и болѣе 1.500 руководительницами этихъ обществъ, число которыхъ, кстати сказать, растетъ необычайно быстро, увеличившись за послѣдніе 10 лѣтъ болѣе, чѣмъ въ четыре раза.

Весьма понятная забота о судьбѣ деревенскихъ дѣвушекъ, пріѣзжающихъ въ большіе города для поступленія на мѣсто въ качествѣ прислуги, вызвала основаніе болѣе чѣмъ въ ста городахъ т. наз.

---

*) Тамъ-же, 96.

Mägdeherbergen *). Здѣсь пріѣзжимъ дѣвушкамъ даютъ временный пріютъ и оказываютъ помощь въ прісканіи мѣста, для чего при многихъ такихъ учрежденіяхъ имѣются конторы найма женской прислуги.

Въ послѣдніе годы по примѣру Англіи въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ и немногихъ другихъ городахъ стали основывать нѣчто въ родѣ клубовъ для работницъ (Abendklubs für Arbeiterinnen), гдѣ онѣ, собираясь, совмѣстно проводятъ время за разными занятіями и удовольствіями.

Нѣкоторыя женскія общества даютъ указанія пріѣзжимъ молодымъ дѣвушкамъ относительно дешевыхъ и приличныхъ меблированныхъ комнатъ; другія сами содержатъ такія комнаты для фабричныхъ работницъ. Въ двухъ городахъ т. наз. Союзъ діаконисъ (см. выше)—der Evangelische Diakonieverein беретъ на себя даже опредѣленіе на мѣсто молодыхъ работницъ, отъ ихъ имени заключаетъ условіе съ предпринимателемъ, доставляетъ дѣвушкамъ помѣщеніе и столъ, удерживая за это часть заработка; остающійся затѣмъ излишекъ въ опредѣленные сроки выдается работницамъ на руки. Такое попеченіе едва-ли можно признать чрезмѣрнымъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ наиболѣе молодымъ и неопытнымъ изъ пріѣзжающихъ на чужую сторону работницъ.

И для молодыхъ католичекъ, ищущихъ мѣсто или оставшихся безъ мѣста—гувернантокъ, боннъ, женской прислуги—существуютъ временныя пристанища (Zufluchtstätten) болѣе чѣмъ въ 500 городахъ и почти въ 300 городахъ за границей **).

Нельзя не упомянуть при этомъ объ основанномъ въ 1877 г. въ Швейцаріи международномъ „Обществѣ покровительницъ молодыхъ дѣвицъ“ (Verein der Freundinnen junger Mädchen). Это общество, имѣющее отдѣленія во всѣхъ культурныхъ странахъ, оказываетъ всякаго рода помощь одинокимъ молодымъ дѣвушкамъ—независимо отъ ихъ національности, вѣроисповѣданія или занятія. Въ Германіи болѣе 1.200 мѣстностей, гдѣ есть представительницы этихъ обществъ, къ которымъ можно направить дѣвушку, ѣдущую въ чужой край или въ чужой городъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо, такую неопытную путешественницу встрѣчаютъ на вокзалѣ и затѣмъ помогаютъ устроиться въ незнакомомъ мѣстѣ.

Впрочемъ, помощь путешествующимъ одинокимъ дѣвушкамъ, какъ показалъ опытъ, настолько необходима, что съ 1894 г. разныя об-

---

*) „Временныя пристаница для служанокъ“. Устроительницами этихъ убѣжищъ являются также женщины.

**) Цитиров. статья, стр. 107.

щества, занимавшіяся въ той или иной мѣрѣ этимъ дѣломъ, образовали даже союзъ, подъ названіемъ die „Deutsche Bahnhofsmission“. Женщины, принадлежащія къ этому союзу, встрѣчая на станціи поѣздъ, имѣютъ на рукавѣ бѣлую перевязь съ розовымъ крестомъ и надписью „Fürsorge für die weibliche Jugend (Попечительство о молодыхъ женщинахъ). Въ вагонахъ III и IV класса нѣмецкихъ жел. дорогъ прибито до 40.000 плакатовъ съ указаніемъ на этотъ союзъ съ мѣстными адресами сотрудницъ и съ указаніемъ ихъ внѣшняго отличительнаго признака *).

Изъ всего этого видно, какъ многообразна и плодотворна дѣятельность женщинъ нѣмецкой буржуазіи, направленная на пользу дѣтей вообще и молодыхъ дѣвушекъ въ особенности. Едва-ли нужно доказывать всю важность послѣдняго ради дѣятельности женщинъ. Бываетъ масса такихъ положеній, въ которыхъ дѣвушка предпочтетъ обратиться за совѣтомъ къ совершенно незнакомой женщинѣ, чѣмъ даже къ состоящему въ родственныхъ отношеніяхъ мужчинѣ...

Нельзя не прибавить въ заключеніе, что если всѣ описанныя выше проявленія заботливости женщинъ нѣмецкой буржуазіи о своихъ младшихъ сестрахъ оказываются такъ необходимы въ Германіи,—а это подтверждается, между прочимъ непрерывнымъ умноженіемъ и все увеличивающимся разнообразіемъ обществъ и учрежденій, имѣющихъ въ виду помощь молодымъ дѣвушкамъ,—то насколько-же болѣе настоятельна необходимость въ такого рода обществахъ и учрежденіяхъ у насъ, гдѣ пріѣзжающія въ городъ—сплошь безграмотныя молодыя дѣвушки,—подвергаясь риску всевозможныхъ обмановъ на каждомъ шагу, не имѣютъ никакого понятія о томъ, какъ и приняться за защиту своихъ попранныхъ правъ.

XVI.

Дѣятельность женщинъ на пользу отбывшихъ и отбывающихъ тюремное заключеніе. Участіе женщинъ въ администраціи тюрьмы.

До наступленія XIX вѣка нѣмецкія тюрьмы представляли собой нѣчто ужасное: мужчины, женщины и дѣти, закоренѣлые преступники и несчастныя жертвы роковымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ содержались вмѣстѣ, при чемъ лица разнаго пола и возраста не раздѣлялись не только днемъ, но даже и ночью. Нѣчто подобное, хотя и не въ столь ужасной формѣ, существовало и въ Англіи, откуда исходили столь многія великія движенія, проникнутыя глубокой любовью къ человѣчеству. Такъ случилось и въ отно-

*) Тамъ-же, стр. 9.

шеніи движенія къ болѣе гуманному обращенію съ заключенными въ тюрьмахъ.

Русскому обществу въ послѣднее время не разъ напоминали о томъ, насколько оно обязано первыми реформами тюремнаго дѣла великому филантропу Говарду, который, не довольствуясь результатами, достигнутыми имъ въ отношеніи тюремнаго дѣла въ Англіи, перенесъ свою дѣятельность на континентъ Европы, изучая повсемѣстно состояніе тюремъ, больницъ и т. п. учрежденій и сообщая результаты своихъ наблюденій въ трудахъ, доставившихъ Говарду всемірную извѣстность.

Менѣе извѣстна русскому обществу относящаяся къ началу XIX вѣка дѣятельность другой знаменитой филантропки Елиз. Фрай (Fry), которая также посвятила свою жизнь дѣятельности въ пользу заключенныхъ вообще и заключенныхъ женщинъ и дѣтей въ особенности. Надо сказать, что въ то время заключенные нерѣдко имѣли при себѣ своихъ дѣтей, и Е. Фрай принадлежитъ честь перваго устройства школы для такихъ дѣтей, что ей позволило пріобрѣсти благотворное вліяніе и на родителей этихъ дѣтей. Е. Фрай особенно настаивала не только на полномъ раздѣленіи половъ въ тюрьмахъ, что было достигнуто въ извѣстной мѣрѣ уже во времена Говарда, но и на необходимости имѣть въ женскихъ отдѣленіяхъ тюремъ надзирательскій персоналъ, состоящій также изъ женщинъ.

Въ 20-хъ годахъ XIX вѣка въ Англіи совершилась и эта реформа, что оказало большое вліяніе на страны континента Европы, особенно на Германію (какъ сообщаетъ намъ Алиса Саломонъ, составительница одной изъ статей „Handbuch der Frauenbewegung“), гдѣ подобныя реформы произошли въ началѣ 40-хъ годовъ.

Впослѣдствіи—сначала робко, а затѣмъ все болѣе и болѣе рѣшительно—стали раздаваться въ Германіи голоса въ пользу того, чтобы не только низшій надзирательскій персоналъ, но и вообще вся администрація женскихъ тюремъ или женскихъ отдѣленій общихъ тюремъ были исключительно въ рукахъ женщинъ, при чемъ въ этой агитаціи приняли весьма дѣятельное участіе женщины достаточныхъ классовъ. Въ основѣ этихъ требованій лежатъ нравственно-воспитательныя и финансово-экономическія соображенія, объяснять которыя было-бы здѣсь неумѣстно.

Надо думать, что это пожеланіе нѣмецкихъ женщинъ будетъ скоро исполнено, какъ можно судить, напр., по соотвѣтственной содержанію резолюціи, принятой въ 1901 г. на Нюренбергскомъ съѣздѣ нѣмецкихъ домовъ исправленія (Kongress deutscher Strafanstalten).

Прусское правительство, имѣя въ виду назначать впредь въ женскія тюрьмы не начальниковъ, а начальницъ, разрѣшило обра-

зованнымъ женщинамъ (gebildete Frauen), которыя хотѣли бы подготовиться къ такимъ обязанностямъ, изучать въ теченіе года постановку тюремнаго дѣла въ домахъ заключенія, находящихся въ Кельнѣ, Бреславлѣ, Зигбургѣ (Siegburg) и Галле. Въ тѣхъ же городахъ при нѣкоторыхъ женскихъ тюрьмахъ организованы трехмѣсячные курсы для женщинъ, желающихъ занимать должности тюремныхъ надзирательницъ. Наконецъ, въ Берлинѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ есть такіе-же 5-мѣсячные женскіе курсы, гдѣ отъ поступающихъ требуется окончаніе полнаго курса начальной школы *).

Предоставленіе женщинамъ исключительнаго завѣдыванія женскими тюрьмами весьма важно и въ томъ отношеніи, что это значительно облегчаетъ дѣятельность тѣхъ доброжелательныхъ, но совершенно постороннихъ тюрьмѣ женщинъ, которыя систематически посѣщаютъ тюрьмы, стараясь установить дружественныя отношенія съ заключенными, которые, вообще говоря, склонны относиться враждебно къ офиціальной тюремной администраціи. Это движеніе, занесенное также изъ Англіи и носящее въ Германіи названіе „Gefängnismission“, прививается, впрочемъ, съ трудомъ въ Германіи, гдѣ вообще всякаго рода власти относятся несочувственно къ всякому вмѣшательству постороннихъ лицъ. Тѣмъ не менѣе подобнаго рода попытки женщинъ изъ „общества“ содѣйствовать нравственному возрожденію заключенныхъ уже получили извѣстное право гражданства въ Берлинѣ, Килѣ, Любекѣ и въ нѣсколькихъ другихъ городахъ.

Сравнительно гораздо большее распространеніе получили въ Германіи общества для помощи лицамъ, освобожденнымъ изъ тюремнаго заключенія **). Всѣмъ извѣстно, какъ трудно стать снова на правильную дорогу человѣку, подвергнувшемуся тюремному заключенію, особенно трудно это для женщины или дѣвушки. Мы говорили притомъ о чисто *внѣшнихъ* и тѣмъ не менѣе нерѣдко непреодолимыхъ затрудненіяхъ, допуская даже, что у бывшихъ заключенныхъ имѣется самое искреннее желаніе исправиться. Для женщинъ „изъ общества“ открывается здѣсь сравнительно весьма широкая и благодарная дѣятельность, почему онѣ или вступаютъ членами въ существующія уже общества помощи отбывшимъ тюремное заключеніе, или образуютъ женскія отдѣленія такихъ обществъ, или, наконецъ, работаютъ совершенно независимо, организуя свои собственныя общества. Для большаго успѣха, такого рода обществъ необхо-

*) См. Robert und Lisbeth Wilbrandt. „Die deutsche Frau in Beruf“, 311 („Handbuch der Frauenbewegung“, IV Theil).

**) Въ Германіи насчитывается до 400 такихъ обществъ. См. цитиров. статью Алисы Саломонъ, стр. 85.

дима или по меньшей мѣрѣ крайне желательна возможность устанавливать извѣстныя дружественныя отношенія съ заключенными въ тюрьмахъ для того, чтобы затѣмъ распространить свои заботы въ особенности на тѣхъ изъ отбывшихъ срокъ наказанія, кто представляетъ наиболѣе гарантій для исправленія. Нѣкоторыя общества устраиваютъ временные пріюты для женщинъ, освобожденныхъ изъ тюремъ, подыскивая этимъ женщинамъ подходящія мѣста и не теряя ихъ изъ вида до того времени, пока онѣ не станутъ прочно на ноги.

XVII.

Нѣмецкія женщины въ борьбѣ съ проституціей и сифилисомъ.

Всѣмъ извѣстно, какой великій бичъ современнаго человѣчества составляетъ сифилисъ и въ какой тѣсной связи находится распространеніе этой ужасной болѣзни съ другой великой соціальной язвой —проституціей. Имѣя въ виду борьбу съ распространеніемъ сифилиса, правительство Наполеона I рѣшило подвергнуть проституцію правильной регламентаціи, сущность которой заключается въ регистрированіи проститутокъ и въ подчиненіи ихъ обязательному медицинскому осмотру чрезъ извѣстные сроки. Примѣру Франціи послѣдовали и другія европейскія государства, въ томъ числѣ и Германія.

Эта мѣра и рядъ другихъ, тѣсно съ ней соприкасающихся, перечислять которыя было-бы здѣсь неумѣстно, сопровождались необычайнымъ расширеніемъ правъ полиціи, на которую была возложена обязанность слѣдить за проституціей. Это въ свою очередь повело къ злоупотребленіямъ тѣмъ болѣе вопіющимъ, чѣмъ меньше гарантіи представляла нравственность и общая добросовѣстность лицъ полицейскаго надзора („полиція правовъ"). Надо сказать, что всѣ злоупотребленія, связанныя съ надзоромъ за проституціей, обрушились только на женщинъ и притомъ главнымъ образомъ на наиболѣе молодыхъ и неопытныхъ женщинъ, которыхъ существовавшая регламентація порока или вѣрнѣе та форма, въ которой эта регламентація примѣнялась на практикѣ, часто прямо таки толкала на путь разврата или во всякомъ случаѣ дѣлала для нихъ почти невозможнымъ возвращеніе къ честной жизни.

Доказывать справедливость только что сказаннаго было бы здѣсь совершенно излишне; къ тому-же для всѣхъ лицъ, сколько нибудь интересовавшихся вопросомъ,—это элементарныя и не подлежащія ни малѣйшему сомнѣнію истины*).

---

*) См. обширную библіографію вопроса о проституціи въ монографіи Анны Паприцъ („Die Teilname der Frauen an der Sittlichkeitsbewegung"), помѣ-

Впрочемъ мы совершаемъ ошибку, употребляя въ предшествующихъ фразахъ прошедшее время: все указанное нами не только дѣлалось, но и теперь еще дѣлается въ большей или меньшей мѣрѣ во всей Европѣ, кромѣ, однако, Англіи.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Англіи, гдѣ подчиненіе женщинъ обязательному врачебному осмотру при полиціи всегда было обставлено наибольшими гарантіями справедливаго примѣненія этой мѣры—такъ какъ такое подчиненіе могло состояться и въ Англіи лишь по рѣшенію мирового судьи (которому полиція должна была представить всѣ доказательства),—въ Англіи, говоримъ мы, раздался первый рѣшительный протестъ противъ такого порядка вещей, который во имя гадательныхъ интересовъ общественнаго здоровья являлся несомнѣннымъ посягательствомъ на нѣкоторыя важнѣйшія права личности, хотя-бы эта личность и занималась проституціей. Такія разсужденія были, по мнѣнію тѣхъ, кто ихъ высказывалъ, тѣмъ болѣе основательны, что даже сравнительно образцовой англійской полиціи случалось впадать въ ошибки и иногда даже и злоупотреблять своей властью надъ несчастными женщинами.

Крестовый походъ противъ офиціальной регламентаціи проституціи былъ начатъ въ 70-ыхъ годахъ въ Англіи Джозефиной Бутлеръ, усиліемъ которой былъ основанъ въ Лондонѣ въ 1875 г. „Британскій, континентальный и всемірный союзъ для борьбы съ правительственной регламентаціей порока“. Такое названіе союза объясняется широкими планами г-жи Бутлеръ, которая дѣйствительно, не довольствуясь агитаціей въ Англіи, объѣхала главныя страны Европы и вездѣ читала лекціи въ защиту своихъ взглядовъ на регламентацію порока.

Во всѣхъ странахъ нашлись лица, сочувствующія идеямъ г-жи Бутлеръ, такъ что въ 1877 г. былъ даже организованъ въ Женевѣ первый конгрессъ аболиціонистовъ, какъ стали называть сторонниковъ и сторонницъ уничтоженія (abolir) полицейскаго надзора надъ проституціей. „Цѣль федераціи“, говорилъ президентъ конгресса, „есть борьба съ регламентаціей проституціи, съ обязательнымъ осмотромъ женщинъ. Эти мѣры оскорбляютъ нравствнное чувство, несовмѣстимое съ истинными понятіями о свободѣ и не достигаетъ врачебныхъ цѣлей“.

щеной во II томѣ „Handbuch der Frauenbewegung“, см. также главу VI только что вышедшаго прекраснаго пособія проф. В. Дерюжинскаго „Полицейское право“. См. на русскомъ языкѣ труды проф. Тарновскаго, диссертацію доктора Обозненко и т. д. См., наконецъ, труды происходившаго четыре года тому назадъ въ Петербургѣ всероссійскаго съѣзда сифилидологовъ.

Мы, конечно, не можемъ излагать здѣсь дальнѣйшую дѣятельность этого общества, принявшаго вскорѣ названіе „Fédération abolitionniste internationale“ и организовавшаго затѣмъ съѣзды въ Генуѣ (1880), въ Гассѣ (1883) и въ Лондонѣ (1886). Скажемъ лишь, что по отношенію къ Англіи агитація аболиціонистовъ оказалась успѣшной: въ 1886 г. дѣйствительно были отмѣнены въ Англіи всѣ законы и распоряженія, касающіяся надзора за проституціей.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 16 лѣтъ, но ни одна еще изъ странъ Европы не рѣшилась послѣдовать примѣру англичанъ, которые однако очень довольны результатами своего опыта, такъ какъ съ уничтоженіемъ регламентаціи проституціи уменьшилось число заболѣванія венерическими болѣзнями *).

Пропаганда, начатая г-жой Бутлеръ, нашла себѣ откликъ и въ Германіи, гдѣ въ 1889 г. по иниціативѣ г-жи Гертруды Гильомъ (Guillaume), урожденной графини Шакъ (Schack) было даже основано состоящее изъ женщинъ общество, принявшее названіе „der Deutsche Kulturbund, и задававшееся такими же цѣлями, какъ и вышеуказанная „Fédération Abolitionniste Internationale“, къ которой поэтому и примкнулъ „Нѣмецкій культурный Союзъ“.

Союзъ имѣлъ немного сторонниковъ или вѣрнѣе сторонницъ, но онѣ обнаружили необычайную энергію въ распространеніи своихъ взглядовъ. Въ 1882 г. союзъ представилъ обстоятельную петицію германскому рейхстагу, въ которой весьма краснорѣчиво и убѣдительно изобразилъ всю несправедливость закона, карающаго не за преступленіе, а за пороки, и притомъ только тѣхъ, кто вынуждается къ нему крайностью, а не тѣхъ, кто пользуется этимъ порокомъ для удовлетворенія своихъ животныхъ инстинктовъ. Въ петиціи далѣе указана опасность предоставленія полиціи дискреціоннаго права привлекать къ осмотру всѣхъ женщинъ, подавшихъ чѣмъ либо поводъ для подозрѣнія, которыя затѣмъ могутъ оказаться совершенно неосновательными.

Петиція была безуспѣшна, какъ безуспѣшны были и личныя ходатайства (въ 1883) депутаціи дамъ отъ культурнаго Союза у министровъ юстиціи и народнаго просвѣщенія (въ Пруссіи въ министерство народнаго просвѣщенія входитъ медицинскій департаментъ).

Въ общемъ, однако, Гильомъ встрѣтила равнодушное отношеніе со стороны общества, особенно мужчинъ, а со стороны полиціи и

---

*) См. цитированную статью Анны Папприцъ, стр. 161 („Handbuch der Frauenbewegung“, II Theil: Frauenbewegung und sociale Frauenthätigkeit in Deutschland nach Einzelgebieten“).

вообще властей даже отношеніе враждебное. Случалось нерѣдко, что чтенія г-жи Гильомъ въ разныхъ городахъ по вопросу о регламентаціи проституціи были запрещены или прерываемы на срединѣ полиціей въ виду яко бы ихъ безнравственнаго (sic) содержанія. Не находя поддержки ни въ одной изъ болѣе умѣренныхъ политическихъ партій, г-жа Гильомъ обратилась за помощью къ соціалистической партіи, прося поддержать въ рейхстагѣ требованія „Kulturbund'a." Соціалистическая партія согласилась принять главныя основы программы „Kultburund'a"; но это обстоятельство совершенно убило Союзъ, такъ какъ въ то время еще дѣйствовали (отмѣненные въ 1890 г.) строгіе законы противъ соціалистовъ, и потому полиція, принимая дѣятельность Kulturbund за одно изъ проявленій соціалистической пропаганды, стала еще болѣе ее стѣснять, вслѣдствіе чего, побѣжденная непреодолимыми обстоятельствами, г-жа Гильомъ уѣхала въ 1885 г. въ Англію; съ ея отъѣздомъ распался и самый Kulturbund.

Прошло много лѣтъ, прежде чѣмъ въ Германіи возобновилась пропаганда идей вышеупомянутой Международной Ассоціаціи Аболюціонистовъ. Въ 1899 г. было основано отдѣленіе этой Ассоціаціи въ Гамбургѣ и Берлинѣ, въ 1900 г. въ Кальмарѣ, Дрезденѣ, и Мюнхенѣ. Эти общества, состоящія, насколько намъ извѣстно, исключительно изъ женщинъ, обнаруживаютъ чрезвычайно энергичную дѣятельность: берлинское общество въ соединеніи съ другими обществами подали петиціи рейхстагу, направивъ въ то же время свою энергію на организацію народныхъ чтеній по половой гигіенѣ и докладовъ по вопросу о вредѣ регламентаціи проституціи. Предсѣдательница берлинскаго общества г-жа Паприцъ (составительница монографіи, послужившей главнымъ матеріаломъ для настоящей главы) отъ времени до времени совершаетъ поѣздки по Германіи для распространенія идей Ассоціаціи. Дрезденское общество организовало изслѣдованіе фактической постановки полицейскаго надзора за проституціей въ разныхъ городахъ Германіи; предсѣдательница дрезденскаго общества г-жа Шевекъ прочла докладъ о результатахъ этого изслѣдованія на международномъ конгрессѣ Ассоціаціи въ Ліонѣ въ 1901 г.

За короткое время своего существованія названныя выше общества весьма естественно могли не достичь главной своей цѣли—уничтоженія регламентаціи проституціи. Наиболѣе осязательнымъ результатомъ дѣятельности нѣмецкихъ аболиціонистскихъ обществъ, если исключить ихъ усиленную пропаганду своихъ идей путемъ докладовъ, чтеній, брошюръ, статей въ журналахъ и газетахъ,—слѣдуетъ исчеттъ назначеніе во врачебно-полицейскій комитетъ Берлина

женщины-врача для осмотра дѣвушекъ, въ первый разъ привлеченныхъ полиціей по подозрѣнію въ занятіи проституціей.

Нѣсколько иначе смотритъ на борьбу съ проституціей основанное въ 1889 по инициативѣ г-жи Биберъ-Бемъ (Hanna Bieber Böhm) женское общество для защиты молодыхъ дѣвицъ—Verein „Jugendschutz“. Не имѣя возможности входить въ разсмотрѣніе характера дѣятельности этого общества (сдачи помѣщеній для одинокихъ дѣвушекъ-работницъ, продавщицъ и т. п., дешевыя столовыя для работницъ, защита дѣвицъ, подвергнувшихся обману въ томъ или иномъ отношеніи, и т. д. и т. д.), скажемъ лишь, что это общество въ 1893 г. обращалось съ ходатайствами о необходимости болѣе энергичной борьбы съ проституціей къ германскому императору, причемъ петиція общества „Jugendschutz“ была поддержана 18 другими женскими обществами, къ которымъ уже послѣ подачи петиціи публично присоединились еще 30 женскихъ обществъ Краснаго Креста. Императоръ отнесся сочувственно къ петиціи и приказалъ министру внутреннихъ дѣлъ изслѣдовать вопросъ, поднятый женскими обществами.

Въ слѣдующемъ (1894 г.) году по предложенію правительства г-жа Биберъ-Бемъ, какъ предсѣдательница общества, представила обстоятельное изложеніе мѣръ, которыя по мнѣнію общества „Jugendschutz“ могутъ оказать значительную пользу въ дѣлѣ охраны нравственности молодыхъ дѣвушекъ вообще и въ борьбѣ съ проституціей въ частности. Это чрезвычайно обширная программа самыхъ разнообразныхъ реформъ *).

Кромѣ названныхъ выше женскихъ обществъ, ставящихъ себѣ задачей борьбу съ проституціей болѣе или менѣе радикальными средствами (при чемъ общества, входящія въ „Международную Аболиціонистскую Ассоціацію“ гораздо болѣе радикальны въ своихъ требованіяхъ, чѣмъ ферейнъ „Jugendschutz“, насчитывающій, кстати сказать, болѣе 800 членовъ), въ Германіи имѣется еще весьма значительное по числу членовъ, но не особенно энергичное по своей дѣятельности **) общество, носящее названіе „Deutscher Frauenverein zur Hebung der Sittlichkeit ***). Это общество, имѣющее по послѣднимъ свѣдѣніямъ до 12.000 членовъ, находится въ тѣсной связи съ лютеранской духовной іерархіей и издаетъ съ 1900 г. свой журналъ „Frauenenblätter“, носящій подзаголовокъ „Organ der Sittlichkeits-

*) См. цитированную статью г-жи Паприцъ, 175.

**) По крайней мѣрѣ въ отношеніи прямой борьбы съ проституціей и сифилисомъ.

***) „Нѣмецкій женскій союзъ для поднятія нравственности“.

bewegung für die deutsche Frauenwelt". Дѣятельность этого общества направлена скорѣе на разнаго рода благотворительную дѣятельность и только отчасти на пропаганду идей о необходимости уничтоженія регламентаціи проституціи и обязательности одинаковой половой нравственности для мужчинъ и женщинъ.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ дѣятельность нѣмецкихъ женщинъ въ области борьбы съ проституціей и съ тѣми отрицательными явленіями соціальной жизни, которыя находятся въ тѣсной связи съ этимъ великимъ зломъ, обрушивающимся съ особенной силой на женщинъ. Трудно учесть результаты этой дѣятельности: во всякомъ случаѣ они уже и теперь выражаются въ болѣе осмотрительномъ пользованіи полиціей предоставленными ей правами въ отношеніи привлеченія къ надзору женщинъ, подозрѣваемыхъ въ занятіи проституціей.

Еще большее значеніе имѣютъ, конечно, разнаго рода учрежденія основанныя послѣднимъ изъ названныхъ выше обществъ, а также и всѣми другими обществами, дѣятельность которыхъ описана въ предшествующихъ главахъ „учрежденій, имѣющихъ цѣлью всякаго рода помощь молодымъ дѣвушкамъ и женщинамъ и тѣмъ спасающихъ многихъ отъ скользкаго пути, ведущаго къ безпутной жизни".

Начиная настоящую главу, мы сказали, что регламентація проституціи явилась какъ наиболѣе дѣйствительное средство для борьбы съ распространеніемъ сифилиса. Опытъ Англіи доказалъ, что такой взглядъ на борьбу съ сифилисомъ нельзя считать безусловно вѣрнымъ. Члены упомянутыхъ выше нѣмецкихъ обществъ, примкнувшихъ къ Международной Аболиціонистской Ассоціаціи, стали поэтому настаивать на томъ, что гораздо болѣе дѣйствительнымъ средствомъ для борьбы съ сифилисомъ было бы возможное облегченіе лѣченія всѣхъ венерическихъ болѣзней. Результатомъ этой пропаганды можно съ извѣстнымъ основаніемъ считать тотъ фактъ, что въ самое недавнее время вышелъ законъ, разрѣшающій учрежденіямъ государственнаго страхованія рабочихъ отъ болѣзни выдавать пособія и въ случаѣ заболѣванія венерическими болѣзнями, что раньше не допускалось.

Въ Россіи, какъ извѣстно, нѣтъ никакого женскаго общества, которое задавалось-бы цѣлью бороться съ проституціей или соприкасающимися съ нимъ явленіями соціальной жизни. Только въ 1900 г. возникло у насъ „Россійское Общество защиты женщинъ (состоящее однако изъ мужчинъ и женщинъ), поставившее себѣ задачей содѣйствовать предохраненію дѣвушекъ и женщинъ отъ опасности вовлеченія въ развратъ и возвращенію уже обманутыхъ женщинъ къ честной жизни. Впрочемъ, самое возникновеніе этого обще-

ства является результатомъ международнаго конгресса, организованнаго въ 1899 г. въ Лондонѣ т. наз. National Vigilance Association. Это былъ первый „Международный конгрессъ по вопросу о торговлѣ женщинами для цѣлей разврата". На конгрессѣ участвовали делегаты отъ разныхъ странъ Европы, въ томъ числѣ Германіи и Россіи. Въ Германіи, какъ мы знаемъ, въ это время было уже много обществъ, близкихъ по своей дѣятельности къ цѣлямъ конгресса, въ Россіи же такихъ обществъ, можно сказать, совсѣмъ не было, что и повело къ основанію вышеупомянутаго „Россійскаго общества защиты женщины".

П. Г. Мижуевъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Народное образованіе въ Японіи.

По причинамъ, вполнѣ понятнымъ и естественнымъ, русское общество интересуется въ настоящее время всѣмъ, что относится къ Японіи и японцамъ. Можетъ быть, не лишнимъ окажется въ виду этого предлагаемый очеркъ школьнаго дѣла въ Японіи. Матеріалы для него заимствованы изъ отчетовъ сѣверо-американскаго бюро народнаго образованія, заключающихъ въ себѣ, помимо статистики школьнаго дѣла въ Соединенныхъ Штатахъ и статей по отдѣльнымъ вопросамъ теоріи воспитанія и обученія, монографическіе обзоры народнаго образованія въ разныхъ странахъ.

Американцы считаютъ себя въ значительной степени родоначальниками современной японской школьной системы. Извѣстно также, что японское общественное движеніе пользуется широкими симпатіями сѣверо-американцевъ. Все это могло придать характеръ нѣтоторой односторонности отзывамъ американцевъ объ успѣхахъ просвѣщенія въ Японіи. Но данныя, приводимыя ниже, сводятся преимущественно къ цыфрамъ, которыя сохраняютъ вполнѣ объективное значеніе, независимо отъ сопровождающихъ ихъ комментаріевъ.

Средневѣковая Японія знала по преимуществу школу, приспособленную къ задачамъ религіознаго обученія. До XVI вѣка въ Японіи господствовалъ буддизмъ, и буддійская литература наложила на японскій языкъ свою печать, которая сохраняется до сихъ поръ; вліяніе буддійскихъ священныхъ книгъ въ этомъ отношеніи сравниваютъ со вліяніемъ переводовъ библіи на языки европейскихъ народовъ. Въ XVII столѣтіи явилось конфуціанство, и школа и обученіе подпали подъ вліяніе конфуціанства, вмѣстѣ съ которымъ распространялось вліяніе китайскаго языка и китайской литературы. Старинная японская школа не могла быть государственной. Территорія государства дробилась на множество феодальныхъ владѣній и лишь въ послѣдній періодъ существованія феодальнаго строя при дворахъ даймiосовъ, феодальныхъ князей, правившихъ наиболѣе значительными областями, возникли организованныя школы, имѣв-

шія характеръ общественныхъ учрежденій, хотя и открытыя только для дѣтей самураевъ, служилаго дворянства старой Японіи. Мало-помалу самураи составили наиболѣе вліятельную группу среди населенія страны. Изъ этой общественной группы вышли всѣ великіе полководцы, государственные люди, ученые, реформаторы, послѣдователи новыхъ религіозныхъ и соціальныхъ ученій современной Японіи. Въ настоящее время самураи составляютъ около $^1/_{20}$ всего населенія Японіи и являются безъ сомнѣнія правящимъ классомъ въ странѣ. Превращеніе самураевъ, воинственныхъ, проникнутыхъ сознаніемъ родовой чести и привязанностью къ своему феодальному вождю, въ европейски образованныхъ общественныхъ дѣятелей и коммерсантовъ представляетъ собою любопытнѣйшую задачу для изученія. Въ феодальныхъ школахъ для воспитанія самураевъ зарождалось духовное броженіе, бывшее предвѣстникомъ реформы 1868 г., реформы, которая уничтожила феодализмъ и направила Японію на путь европейской цивилизаціи. Тамъ дѣлались попытки изъ обломковъ религіи Шинто, буддизма и конфуціанства построить новую систему образованности. Волна европейской мысли унесла эти попытки, и современное положеніе народнаго образованія въ Японіи стоитъ ближе къ отдѣльнымъ попыткамъ иностранцевъ перенести свою культуру въ Японію, чѣмъ къ старинной японской школѣ.

Первыя попытки европейцевъ въ этомъ направленіи относятся еще къ XVII столѣтію. Въ 1630 г. голландцы получили право открыть торговую контору въ Нагасаки. Вмѣстѣ съ торговлей началась передача новыхъ идей; у голландцевъ скоро явились ученики, сначала тайные, затѣмъ открытые. Знакомство со строительнымъ и горнымъ дѣломъ, съ приготовленіемъ лѣкарствъ и начатками астрономіи и геодезіи—таковы были знанія, которыхъ искали японскіе ученики у своихъ учителей. Приблизительно это было то же, что получалъ ихъ европейскій современникъ, русскій царь Петръ, также отъ учителей голландцевъ, отъ Франца Тиммермана съ товарищами. Наибольшимъ успѣхомъ здѣсь пользовалась однако не технологія, примѣненная къ военнымъ цѣлямъ, а медицина. Ученики голландцевъ открывали школы для передачи пріобрѣтенныхъ знаній, и борьба между новымъ теченіемъ и старымъ жизненнымъ укладомъ продолжалась вплоть до переворота 1868 г. Еще въ 1864 г. нѣкій Шозанъ Сакума, ученикъ европейцевъ, былъ обезглавленъ за то, что осмѣлился подать своему феодальному князю записку о необходимости открыть школы даже въ самыхъ маленькихъ деревушкахъ для того, чтобы сдѣлать обученіе всеобщимъ.

Послѣ голландцевъ англичане, французы, русскіе, американцы

дѣлали попытки проникнуть въ Японію и завязать съ ней правильныя сношенія. Это удалось впервые американскому коммодору Перри, который 31 марта 1854 г. подписалъ трактатъ, служившій долгое время основою дипломатическихъ сношеній съ Японіей не только для Соединенныхъ Штатовъ, но и для другихъ народовъ европейской культуры. Американскій посланникъ Гаррисъ былъ первымъ при японскомъ правительствѣ дипломатическимъ представителемъ не азіатскихъ народовъ. Подъ вліяніемъ Гарриса въ 1860 г. впервые нѣсколько японцевъ были отправлены для ознакомленія съ бытомъ культурныхъ націй; они поѣхали въ Америку на американскомъ военномъ кораблѣ. Когда уже послѣ переворота, въ 1872 г., японское правительство отправило посольство, которое должно было объѣхать всѣ цивилизованныя страны и завязать съ ними дипломатическія сношенія, посольство прежде всего посѣтило Соединенные Штаты. Въ составѣ его находился маркизъ Ито, извѣстный въ настоящее время государственный дѣятель; секретаремъ посольства былъ нѣкій Нисима, получившій воспитаніе въ Америкѣ, и ему было поручено собрать для своего правительства матеріалы о постановкѣ учебнаго дѣла. Съ другой стороны въ американскомъ обществѣ открыто говорили о необходимости воздѣйствія на положеніе народнаго образованія въ Японіи. Американецъ В. Г. Сьюурдъ писалъ: „Если хотятъ, чтобы американскому вліянію въ Японіи былъ обезпеченъ успѣхъ, надо поискать для этого иныхъ способовъ, чѣмъ тѣ, какіе до сихъ поръ употреблялись въ области международной политики; вмѣсто военнаго флота и солдатъ слѣдуетъ послать туда американскихъ учителей и создать систему школъ по американскому образцу". И дѣйствительно, когда въ Японіи наступила „Эпоха великихъ реформъ", проведенныхъ съ такою энергіей и послѣдовательностью, какъ ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ, переживавшихъ аналогичное положеніе, Соединенные Штаты послужили образцомъ для постановки учебнаго дѣла; оттуда же были приглашены первые руководители и первые преподаватели среднихъ и высшихъ школъ. Лишь значительно позднѣе къ американскому вліянію присоединилось германское. Одинъ изъ японскихъ университетскихъ дѣятелей, ректоръ университета въ Токіо, Ибука, говорилъ впослѣдствіи, что Японія заимствовала организацію своего флота изъ Англіи, организацію сухопутной арміи изъ Франціи, медицинскую науку у нѣмцевъ, систему общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній у сѣвероамериканцевъ. Изъ отдѣльныхъ лицъ, сыгравшихъ крупную роль въ реформѣ народнаго образованія, слѣдуетъ отмѣтить прежде всего доктора Гвидо Вербека, голландца по происхожденію, получившаго образованіе въ Америкѣ и переселившагося въ

Японію въ 1859 г., за 9 лѣтъ до государственнаго переворота, который положилъ начало новой эрѣ въ исторіи Японіи. Онъ занимался обученіемъ молодыхъ японцевъ въ Нагасаки. Онъ подалъ японскому правительству мысль о посылкѣ спеціальной миссіи для открытія дипломатическихъ сношеній со всѣми культурными странами, и когда въ 1872 г. опредѣлился личный составъ этого посольства, то оказалось, что болѣе половины приходится на долю бывшихъ учениковъ Вербека. Онъ былъ первымъ ректоромъ университета въ Токіо. Онъ перевелъ на японскій языкъ Кодексъ Наполеона, „Государственное право“ Блюнчли, конституціи различныхъ государствъ и другія книги, послужившія источникомъ современнаго японскаго законодательства. Онъ былъ постояннымъ совѣтчикомъ японскаго правительства при выборѣ тѣхъ или другихъ образцовъ для различныхъ государственныхъ преобразованій, и имя его вспоминается японцами съ глубокой благодарностью. Для японцевъ, участвовавшихъ въ преобразовательномъ движеніи шестидесятыхъ годовъ въ качествѣ піонеровъ европейской культуры на японской почвѣ, характерны имена Нисима и Фукузава. Первый, какъ мы уже говорили, получилъ образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ и сопровождалъ въ качествѣ секретаря и переводчика посольство 1872 г. Въ 1874 г. онъ основалъ въ Кіото первое въ Японіи христіанское учебное заведеніе по типу американскихъ колледжей и стоялъ во главѣ до конца жизни, съ 1874 г. по 1890 г. Вліяніе его сказывалось главнымъ образомъ черезъ посредство руководимаго имъ учрежденія, которое въ 1890 г. насчитывало 570 человѣкъ учащихся. Характерны отзывы японскихъ дѣятелей по поводу смерти Нисима, цитированные въ американскомъ изданіи, которое является источникомъ данныхъ для настоящаго очерка: „Свободное общество слагается изъ независимыхъ людей... Тѣло Нисима погибло, но имя его избѣжитъ забвенія“.

„Я не принадлежу ни къ числу послѣдователей Христа, ни къ числу послѣдователей буддизма; я не придерживаюсь ни одной изъ установленныхъ религій, но я не могу не преклоняться передъ величіемъ духа умершаго... Въ его лицѣ наше общество утратило одного изъ вождей своего нравственнаго обновленія“. Въ то время, какъ Нисима воспитался и дѣйствовалъ подъ американскимъ вліяніемъ, Фукузава находился скорѣе подъ вліяніемъ европейскихъ образцовъ.

Его собственное вліяніе на японское общество, помимо воздѣйствія въ качествѣ директора многолюднаго учебнаго заведенія (до 1.000 студентовъ), выражалось главнымъ образомъ въ литературной работѣ. Онъ написалъ своего рода энциклопедію самообразованія

(promotion of learning) въ 17 томахъ, и это многотомное сочиненіе разошлось въ 200.000 экземпляровъ. Другая его книга—наблюденія надъ жизнью европейскихъ странъ—разошлась въ 250.000 экземпляровъ. Фукузава выступаетъ въ своихъ книгахъ рѣзкимъ обличителемъ недостатковъ современнаго японскаго общества.

Говоря объ иностранцахъ, работавшихъ надъ распространеніемъ современной науки въ Японіи, наши американскіе источники упоминаютъ двухъ русскихъ флотскихъ врачей Альбрехта и Залѣсскаго, которые въ 1858—59 годахъ пытались устроить нѣчто въ родѣ медицинской школы въ Хакодате. Въ 1872 г. основанные ими госпиталь и школа перешли въ руки англичанина д-ра Стюарта Элдриджа. По послѣднимъ опубликованнымъ даннымъ, относящимся къ 1896 году, въ учебномъ вѣдомствѣ Японіи состояли на государственной службѣ 31 иностранецъ, изъ нихъ 10 англичанъ, 11 нѣмцевъ, 2 сѣверо-американскихъ подданныхъ, 3 французовъ, по одному русскій, бельгіецъ, итальянецъ, швейцарецъ, китаецъ. Если же мы возьмемъ, помимо государственныхъ японскихъ учебныхъ заведеній, также училища, существующія на частныя средства, то число иностранцевъ, занимающихся педагогическимъ дѣломъ въ Японіи, значительно повысится, и выяснится съ достаточной опредѣленностью преобладающая роль Соединенныхъ Штатовъ въ сферѣ воспитательнаго воздѣйствія на Японію. Цыфры приводимъ въ нижеслѣдующей таблицѣ.

Занимались обученіемъ въ Японіи въ 1896 г.

Подданные	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
Соед. Штатовъ въ числѣ . . .	73	59	132
Великобританіи.	36	24	60
Франціи	29	17	46
Германіи	12	0	12
Кореи	7	0	7
Швейцаріи.	3	0	3
Китая	3	0	3
Россіи	1	1	2
Италіи	2	0	2
Бельгіи	1	0	1
Итого. . .	167	101	268

Начиная съ 1895 г., въ японской внутренней политикѣ наблюдается рѣшительный поворотъ: въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ и въ другихъ областяхъ, японцы стараются обойтись собственными силами безъ дальнѣйшаго приглашенія иностранцевъ; рядъ

выпусковъ молодыхъ японцевъ, получившихъ образованіе по европейскому образцу у себя дома, довольно значительное число лицъ, ѣздившихъ за-границу для научнаго усовершенствованія, даютъ японскому обществу и правительству основанія надѣяться на своевременность поворота. Сами иностранцы, работавшіе въ Японіи, относятся, правда, болѣе чѣмъ скептически къ надеждамъ японцевъ стать самостоятельными, но ихъ трудно признать безпристрастными судьями въ этомъ именно вопросѣ: стоитъ прочесть, напр., извѣстную книгу Дюмолара о Японіи, чтобы почувствовать тонъ личной обиды и личнаго раздраженія въ отзывахъ о неспособности японцевъ къ самостоятельной научной работѣ. Въ области положительнаго знанія у Японцевъ уже имѣются общепризнанныя заслуги капитальнаго значенія, наличность которыхъ говоритъ совсѣмъ другое. Чумная бацилла открыта японскимъ ученымъ одновременно съ французами: французомъ Іерингомъ и японцемъ Китозато въ 1893-4 г.; открытіе сперматозоидовъ у саговыхъ и хвойныхъ, которое Тимирязевъ называетъ величайшимъ открытіемъ въ области растительной физіологіи въ теченіе XIX в., сдѣлано японскими учеными Икено и Хиразе въ 1897 г.

Основной законъ, регулирующій постановку учебнаго дѣла въ Японіи, былъ изданъ въ 1872 г. Впослѣдствіи онъ подвергался дополненіямъ и измѣненіямъ, особенно, поскольку дѣло идетъ о высшемъ и среднемъ образованіи; но еще въ 1872 г. японское правительство закономъ установило обязательность всеобщаго обученія для дѣтей обоего пола въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ включительно. Вотъ цыфровые результаты примѣненія закона 1872 г:

Годы.	Число учащихся об. пола.	%%-ное отношеніе числа учащихся къ численности населенія.
1880	2.353.493	6,55%
1890	3.096.400	7,65%
1900/01	4.683.598	10,47%
1901/02	4.980.604	10,86%

Эти цыфры относятся только къ начальнымъ школамъ. Общее число учащихся во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ страны составляло въ 1901—02 уч. году—5.265.006.

Сравнительно съ другими культурными странами Японія занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто по высотѣ такъ называемаго показателя образованія, т. е. по числу учащихся на каждыя 100 душъ населенія (по даннымъ за 1896 г.), какъ это видно изъ слѣдующей таблицы.

1.	Соедин. Штаты и Швейцарія . . .	20,14
2.	Германія	18,0
3.	Великобританія	17,5
4.	Франція	14,5
5.	Японія	10,0
6.	Италія	7,47
7.	Испанія	7,7
8.	Греція	4,0
9.	Сербія	3,5
10.	Россія	3,0

Какъ и въ другихъ странахъ, въ Японіи мальчиковъ охотнѣе отдаютъ въ школу, чѣмъ дѣвочекъ: аккуратность посѣщенія школъ мальчиками почти на 30% превышаетъ аккуратность посѣщенія дѣвочекъ. Открытіе школъ, завѣдываніе ими и наблюденіе за исполненіемъ закона объ обязательномъ обученіи возлагается въ Японіи на органы мѣстнаго самоуправленія. По образцу сѣверо-американскихъ штатовъ каждый городъ или сельскій округъ или союзъ изъ нѣсколькихъ округовъ избираетъ школьный комитетъ, на обязанности котораго лежитъ забота объ организаціи начальнаго обученія и которому представлено право взимать соотвѣтственные налоги. Въ противоположность, однако, американской системѣ и въ противоположность взглядамъ, которые становятся все болѣе и болѣе господствующими въ Европѣ, японская начальная школа не была школой безплатной. Плата взимается съ учащихся въ размѣрѣ отъ 23 до 62 копѣекъ въ мѣсяцъ (22,8—62 сенъ). Бѣдные могутъ быть освобождены отъ платы; но тѣмъ не менѣе можно думать, что существованіе платы отражается не совсѣмъ благопріятно на проведеніи въ жизнь закона о всеобщемъ обученіи. Въ 1896 г. правительство предприняло изслѣдованіе причинъ, мѣшающихъ всѣмъ дѣтямъ установленнаго школьнаго возраста посѣщать школу; при этомъ выяснилось, что чаще всего (въ половинѣ всѣхъ случаевъ) причиною непосѣщенія школы является бѣдность.

Начальная школа въ Японіи распадается на два отдѣленія: въ первой продолжительность обученія колеблется отъ 3 до 4 лѣтъ, во второмъ отъ 2 до 4. Кромѣ того, въ Японіи начинаютъ получать значительное развитіе такъ же, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, дѣтскіе сады въ качествѣ мѣста общественнаго воспитанія самыхъ маленькихъ дѣтей и подготовительной ступени къ начальной школѣ. Дѣленіе на низшіе и высшіе классы начальной школы было введено въ 1890 г. Предметы младшаго отдѣленія—чтеніе, письмо, умѣніе письменно излагать свои мысли, ариѳметика, географія Японіи и

мораль. Законъ требуетъ, чтобы во всѣхъ школахъ обращалось должное вниманіе на физическое развитіе учащихся и предусматриваетъ введеніе гимнастики въ качествѣ обязательнаго предмета.

Необязательными (по выбору учащихся) являются обученіе рисованію, ручному труду, пѣнію и японской исторіи. Въ старшемъ отдѣленіи, кромѣ тѣхъ же предметовъ, изъ которыхъ слагается курсъ младшаго отдѣленія, проходятъ исторію Японіи, географію Японіи и всеобщую, естествознаніе, рисованіе, пѣніе и гимнастику въ качествѣ обязательныхъ предметовъ. Особенностью программы является возможность проходить въ младшемъ отдѣленіи по собственному желанію такія науки, которыя становятся обязательными въ старшемъ отдѣленіи. Любопытнымъ примѣромъ заботливаго и внимательнаго отношенія верховной власти къ культурному вліянію школы можетъ служить то обстоятельство, что въ Японіи запрещеніе примѣнять въ школахъ какія бы то ни было тѣлесныя наказанія дано въ формѣ императорскаго указа.

Для обученія 4.615.842 учащихся (считая учебныя заведенія всѣхъ разрядовъ) въ 1896 г. въ странѣ существовало 26.294 школы, содержимыхъ на общественныя средства, и 539 частныхъ школъ; въ нихъ насчитывалось 79.274 учителей и учительницъ. Черезъ пять лѣтъ къ 1901 году число училищъ возросло на 3.000 слишкомъ, а число учителей и учительницъ—на 39.000.

Въ 1872 году былъ изданъ законодательный актъ, устанавливавшій обязательность обученія, а въ слѣдующемъ 1873—4 году были учреждены 8 учительскихъ семинарій. Въ 1897 г. ихъ было уже 47 съ 7.000 приблизительно учащимися, изъ которыхъ 720 женщинъ. Помимо этихъ учительскихъ семинарій обычнаго типа существуютъ два высшихъ учительскихъ института, одинъ для мужчинъ, другой—для женщинъ. Курсъ учительской семинаріи обычнаго типа четырехлѣтній. Онъ обнимаетъ слѣдующіе предметы: мораль, исторію и теорію педагогики, японскій языкъ, китайскую литературу, исторію Японіи и всеобщую исторію, географію Японіи и всеобщую ариѳметику, геометрію, алгебру и бухгалтерію, физику, химію, ботанику, физіологію и минералогію, японскую и китайскую каллиграфію, музыку, гимнастику, иностранные языки, агрономію, политическую экономію и ручной трудъ.

Учительскія семинаріи не успѣваютъ доставлять необходимое число кандидатовъ на учительскія мѣста, и мѣстныя школьныя власти (школьные комитеты) облечены правомъ выдавать свидѣтельства на учительское званіе лицамъ, выдержавшимъ соотвѣтственный экзаменъ. Изъ тѣхъ данныхъ, которыя были собраны японскимъ правительствомъ о судьбѣ окончившихъ въ общеобразовательныхъ сред-

нихъ учебныхъ заведеніяхъ, видно, что извѣстный процентъ этихъ послѣднихъ избираетъ карьеру учителя или учительницы начальной школы. Окончившіе курсъ учительскихъ семинарій составляли въ 1897 г. среди всего учительскаго персонала начальныхъ школъ 30%. Въ этомъ отношеніи Японія находилась въ одинаковыхъ условіяхъ со штатами Новой Англіи, т. е. съ самою старою и наиболѣе культурною частью сѣверо-американскаго союза. Условія денежнаго вознагражденія учительскаго персонала въ Японіи, повидимому, весьма скромныя: въ 1897 г. среднее мѣсячное жалованье учителя составляло 13 іенъ (около 13 рублей), жалованье учительницы—10 іенъ (10 рублей). Принимая во вниманіе общую дешевизну жизни въ странѣ, надо признать, что эта цифра соотвѣтствуетъ болѣе высокому уровню денежнаго вознагражденія у насъ въ Россіи, но во всякомъ случаѣ она является недостаточною даже по мѣстнымъ условіямъ: американскія изданія цитируютъ рядъ жалобъ японской печати по этому поводу; о томъ же свидѣтельствуетъ фактъ, отмѣчаемый въ японскихъ офиціальныхъ источникахъ,—недостатокъ кандидатовъ на новыя мѣста. Японское учебное вѣдомство считаетъ, что существующее отношеніе числа учащихся къ числу учащихъ (50—60 человѣкъ на одного учащагося) является чрезмѣрно большимъ.

Источники содержанія начальныхъ школъ въ 1896 году слагались слѣдующимъ образомъ.

Плата за ученіе	3.396.167	іенъ
Мѣстные налоги	10.037.319	„
Пожертвованія	765.422	„

Въ этой таблицѣ совсѣмъ нѣтъ данныхъ о расходахъ государственнаго казначейства на начальныя школы. Повидимому, до 1899 г. ихъ и не было совсѣмъ, и все дѣло было предоставлено силамъ мѣстнаго самоуправленія, если не считать расходовъ по содержанію учительскихъ семинарій. По крайней мѣрѣ, въ имѣющихся у насъ данныхъ отмѣчается, какъ совершенно новый фактъ въ постановкѣ учебнаго дѣла, то обстоятельство, что въ началѣ 1899 г. японскій парламентъ ассигновалъ 10.000.000 іенъ изъ общегосударственнаго бюджета на развитіе начальнаго образованія. Сравнивая эту цифру съ предыдущими данными, нетрудно видѣть, что такое ассигнованіе сразу должно было внести коренную перемѣну въ финансовое положеніе начальныхъ школъ.

Размѣръ частныхъ пожертвованій на начальныя школы непрерывно растетъ: въ 1890 г. было пожертвовано деньгами 457.000 іенъ, въ 1895 г.—493.000, въ 1896 г.—765.000. Промежутокъ между на-

чальною школою и университетомъ заполняется въ Японіи двоякаго рода учебными заведеніями: собственно среднею школою съ пятилѣтнимъ курсомъ и такъ называемою высшею школою, по терминологіи закона 1890 г., или высшею среднею—по терминологіи закона 1872 г. Послѣдняя имѣетъ четырехлѣтній курсъ. Въ общей совокупности программа этихъ двухъ учрежденій должна давать значительно больше программы нашихъ гимназій. И та, и другая школы преслѣдуютъ двѣ цѣли: во-первыхъ, готовить желающихъ къ поступленію въ университетъ, во-вторыхъ, дать тѣмъ, которые пожелаютъ ограничиться среднимъ образованіемъ, нѣкоторую профессіональную подготовку. Первые три класса средней школы являются общими для всѣхъ, „бифуркація“ начинается съ четвертаго класса, когда желающіе могутъ избрать себѣ дополнительные уроки изъ области профессіональныхъ знаній. Среди высшихъ школъ мы находимъ такія, которыя всецѣло задаются цѣлями подготовки къ университету, и другія со спеціальными техническимъ, медицинскимъ и юридическимъ отдѣленіями. Надо замѣтить, однако, что органамъ мѣстнаго самоуправленія предоставляется вводить въ программу обычныхъ среднихъ школъ профессіональныя занятія, начиная съ перваго класса.

Приводимъ распредѣленіе часовъ по различнымъ предметамъ общеобразовательнаго курса средней школы (не высшей).

	Число часовъ въ недѣлю.	Число учебныхъ лѣтъ
Этика	1	4
Японскій языкъ и китайская литература .	5	4
Первый иностранный языкъ (англійскій) .	отъ 5 до 7	4
Второй иностр. языкъ (франц. или нѣм.) .	„ 3 „ 4	2
Всеобщая географія.	„ 1 „ 2	2
Исторія Японіи и всеобщая исторія . . .	„ 1 „ 2	4
Математика (геометрія, повтореніе ариѳметики, алгебра элементарная и высшая, тригонометрія)	4	3
Математика (геометрія, повтореніе ариѳметики, алгебра элементарная и высшая, тригонометрія)	3	1
Физіологія, гигіена, зоологія, ботаника . .	отъ 1 до 3	3
Физика, химія, ученіе объ электричествѣ .	1	1
„ „ „ „ . . .	2	1
„ „ „ „ . . .	3	1
Калиграфія	2	1

„	1	1
Рисованіе	2	3
„	1	1
Пѣніе	2	2
Гимнастика	отъ 3 до 5	4

Слѣдуетъ отмѣтить, что на практикѣ на первое мѣсто въ ряду главныхъ предметовъ выдвигаются англійскій языкъ и гимнастика. Преобладающее значеніе англійскаго языка понятно: онъ является для японца средствомъ общенія съ остальнымъ культурнымъ міромъ; что касается до гимнастики, то причину увлеченія его усматриваютъ въ страстномъ желаніи японцевъ систематической и раціональной постановкой физическаго воспитанія исправить недостатки тѣлосложенія, являющіеся племенной особенностью народа.

Число среднихъ школъ обычнаго типа достигало въ 1897 г. 155 съ 2180 преподавателями и 52.442 учащимися. Число высшихъ школъ очень ограничено: ихъ всего 6, и въ нихъ насчитывается 277 преподавателей японцевъ, 12 иностранцевъ и 4.231 учащихся. Изъ этого послѣдняго числа 55 изучали юридическія науки, 127 занимались изученіемъ инженернаго дѣла, 1.469—медицины и 2.580 общей подготовкой къ поступленію въ университетъ. Если мы примемъ во вниманіе, что возрастъ окончанія старшаго отдѣленія начальной школы—около 13—14 лѣтъ, что курсъ средней школы обнимаетъ 5 лѣтъ, то окажется, что ученики высшихъ школъ находятся въ возрастѣ 18—23 лѣтъ, т. е. въ такомъ возрастѣ, когда у насъ обыкновенно приходится университетскій курсъ. Какъ видно изъ предыдущаго и изъ того, что будетъ сказано ниже о японскомъ университетѣ, и самая программа занятій въ высшихъ школахъ должна болѣе или менѣе приближаться къ программѣ нашихъ университетскихъ занятій.

По отношенію къ высшимъ школамъ имѣются интересныя данныя о составѣ учащихся по ихъ происхожденію. Изъ указаннаго выше общаго числа студентовъ высшихъ школъ 7 человѣкъ принадлежали къ числу потомковъ бывшихъ феодальныхъ князей, 2.049—дѣти служилаго дворянства — самураевъ, 1.926 принадлежатъ къ остальнымъ сословіямъ. Принимая во вниманіе, что въ общемъ составѣ населенія потомки самураевъ составляютъ всего 5%, мы видимъ, что эта сравнительно небольшая сословная группа даетъ главную массу японской интеллигенціи.

Въ настоящее время Японія имѣетъ два университета—въ Токіо и Кіото. Старѣйшимъ является университетъ въ Токіо, возникшій изъ прежней школы иностранныхъ языковъ. Организаторомъ и пер-

вымъ ректоромъ его былъ д-ръ Вербекъ, о которомъ мы говорили выше. Университетъ созданъ по нѣмецкому образцу. Въ противоположность американскимъ университетамъ онъ является не только учебнымъ, но одновременно ученымъ учрежденіемъ, гдѣ происходитъ дальнѣйшая разработка науки и гдѣ слушатели готовятся стать самостоятельными изслѣдователями, самостоятельными работниками на научномъ поприщѣ, а не только учениками, выполнившими извѣстную программу, обязательную для сдачи экзамена и для полученія диплома. Выдержать вступительный экзаменъ въ Токійскій университетъ, по словамъ американцевъ. гораздо труднѣе, чѣмъ въ Гарвардскій, старѣйшій и наиболѣе уважаемый изъ американскихъ университетовъ. Но на ряду съ позаимствованіями изъ Германіи въ организаціи Токійскаго университета встрѣчаются и позаимствованія изъ другихъ странъ, и совершенно своеобразныя черты, которыя дѣлаютъ всю университетскую систему весьма оригинальной. Университетъ состоитъ изъ 6 факультетовъ: юридическаго, физико-математическаго, инженернаго, медицинскаго, словеснаго и агрономическаго.

Кромѣ того—и въ этомъ оригинальная черта университетскаго строя—существуетъ особый академическій курсъ для желающихъ добиваться дальнѣйшаго углубленія въ научныя знанія. Въ англійскихъ переводахъ офиціальныхъ японскихъ отчетовъ это учрежденіе для окончившихъ факультетскія занятія называется university hall. Продолжительность занятій на различныхъ факультетахъ неодинакова. Она колеблется отъ трехъ лѣтъ на агрономическомъ и словесномъ до четырехъ на медицинскомъ. Занятія на академическихъ курсахъ продолжаются 5 лѣтъ и по окончаніи ихъ выдержавшій установленное испытаніе получаетъ степень доктора *). Пріемъ на академическіе курсы открыть только для прошедшихъ полный курсъ одного изъ отдѣльныхъ факультетовъ. Приводимъ ниже данныя о распредѣленіи студентовъ по факультетамъ за нѣсколько лѣтъ.

	1885 г.	1890 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.
Академическіе курсы	—	47	105	146	174
Юридическій фак.	217	301	472	551	737

*) Общая продолжительность учебнаго курса всей системы японскихъ учебныхъ заведеній, далеко превосходящая обычную продолжительность курса европейскихъ и американскихъ учебныхъ заведеній, по всей вѣроятности связаны съ тѣми огромными затрудненіями, которыя создаютъ для японцевъ ихъ письменная система съ 5—6 тысячами отдѣльныхъ трудно усвоиваемыхъ знаковъ, значительная разница письменнаго и разговорнаго языковъ, наконецъ, недостаточная приспособленность японскаго языка ко множеству новыхъ понятій.

Физико-математическій	43	77	102	105	105
Инженерный	30	106	295	345	385
Медицинскій	726	188	178	223	297
Словесный	129	88	219	248	278
Агрономическій	—	485	243	215	232
Слушатели отдѣльныхъ курсовъ по выбору на различныхъ факультетахъ	73	—	—	—	—
Всего . .	1.218	1.312	1.620	1.833	2.208

Цыфры показываютъ прежде всего, что общее число студентовъ непрерывно растетъ: за 12 лѣтъ оно почти удвоилось. Далѣе бросается въ глаза, что сначала медицинскій факультетъ привлекалъ къ себѣ несоразмѣрно большой процентъ слушателей.

Постепенно наиболѣе многолюднымъ сдѣлался юридическій факультетъ, тогда какъ число студентовъ-медиковъ значительно упало. На ряду съ юридическимъ факультетомъ быстро растетъ число слушателей на инженерномъ факультетѣ. Чрезвычайно интереснымъ представляется постоянный ростъ числа остающихся для научныхъ занятій на академическихъ курсахъ. Въ 1885 г. ихъ не было совсѣмъ, въ 1890 г. было всего 47 человѣкъ, въ 1897 г.—уже 174.

При Токійскомъ университетѣ имѣется библіотека съ 136.926 книгами на японскомъ и китайскомъ языкахъ и со 106.743 книгами на европейскихъ языкахъ, преимущественно на англійскомъ; въ теченіе 1895—6 уч. года библіотека пополнилась 5.000 томовъ японско-китайскихъ книгъ и 3.000 томовъ книгъ на европейскихъ языкахъ. Изъ другихъ вспомогательныхъ учрежденій упоминаются два клиническихъ госпиталя, ботаническій садъ, астрономическая обсерваторія и приморская біологическая станція.

Какъ мы уже говорили, университетъ включаетъ въ число своихъ факультетовъ два высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведенія—инженерное и агрономическое. Спеціалисты-техники и агрономы продолжаютъ по окончаніи факультетскаго курса дальнѣйшую разработку своихъ спеціальныхъ знаній, наравнѣ съ питомцами другихъ факультетовъ, въ академическомъ отдѣленіи университета. Такимъ образомъ Токійскій университетъ является высшимъ объединяющимъ учрежденіемъ не только для отвлеченной, но и для прикладной науки во всѣхъ ея отрасляхъ. Инженерный факультетъ по своимъ программамъ и постановкѣ дѣла соотвѣтствуетъ нашему понятію политехникума. Въ 1896 г. 360 слушателей этого факультета распредѣлялись по отдѣленіямъ такимъ образомъ: отдѣлъ путей сообщенія—104; механическое отдѣленіе—62; горное дѣло и обработка

металловъ—65; электротехническое отдѣленіе—50; отдѣленіе химической технологіи—36; отдѣленіе кораблестроенія—22; архитектурное отдѣленіе—21. На ряду съ инженернымъ факультетомъ Токійскаго университета стоятъ 5 высшихъ спеціальныхъ школъ, существующихъ въ качествѣ самостоятельныхъ учрежденій: высшее коммерческое училище, высшее техническое училище въ Токіо, агрономическій институтъ въ Сапоро, художественное училище въ Токіо и высшее техническое училище въ Осака. За ними слѣдуютъ 60 профессіональныхъ учебныхъ заведеній, соотвѣтствующихъ типу нашихъ среднихъ техническихъ и земледѣльческихъ училищъ (типъ нашего Коммиссаровскаго училища и московской земледѣльческой школы). Въ этихъ 60 учебныхъ заведеніяхъ насчитывалось въ 1897 г. 424 преподавателя и 7.604 учащихся. Мы уже упоминали о преподаваніи профессіональныхъ знаній въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ категорій. Наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ страны существовало въ 1897 г. 15 училищъ для „подмастерьевъ" (apprentice schools), задача которыхъ сообщать необходимыя профессіональныя знанія взрослымъ, занятымъ какимъ-либо ремесленнымъ или фабричнымъ трудомъ. Въ этихъ школахъ 1.768 человѣкъ обучалось ткацкому и прядильному дѣлу, обработкѣ дерева, лакировочному дѣлу и изготовленію фарфоровой посуды.

Изъ высшихъ спеціальныхъ училищъ, упомянутыхъ выше, самымъ многолюднымъ является коммерческое училище съ 736 учащимися. Въ немъ проходятся всѣ обычные предметы, входящіе въ программу соотвѣтственныхъ учебныхъ заведеній въ Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ. Особенныя похвалы со стороны американцевъ вызываетъ постановка дѣла въ высшемъ техническомъ училищѣ въ Токіо. Учебныя мастерскія при этомъ учрежденіи являются не только мѣстомъ обученія будущихъ техниковъ, но въ значительной степени онѣ служатъ также образцами для вновь строящихся въ Японіи фабрикъ и заводовъ; въ нихъ же дѣлается рядъ опытовъ по примѣненію европейскихъ и американскихъ новыхъ машинъ и способовъ производства къ условіямъ японской промышленности. Въ этихъ мастерскихъ были сдѣланы опыты надъ примѣненіемъ каменнаго угля при наведеніи глазури, и въ результатѣ былъ произведенъ цѣлый переворотъ въ этой старинной отрасли японской національной промышленности. Тамъ же былъ сдѣланъ цѣлый рядъ новыхъ изобрѣтеній въ области бумаготкацкаго и шелко-ткацкаго дѣла. Машиностроительный заводъ, состоящій при училищѣ, выпускаетъ въ продажу своего производства паровыя машины и котлы. Агрономическій факультетъ въ Токіо и высшій агрономическій институтъ въ Сапоро, кромѣ агрономическаго

образованія, даютъ еще на особомъ отдѣленіи подготовку къ ветеринарной практикѣ. Институтъ съ Сапоро обладаетъ земельной собственностью въ размѣрѣ около 28.000 десятинъ (84.250 акровъ или 10.110.000 тцубо).

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о женскомъ образованіи. Въ начальныхъ школахъ, гдѣ обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ происходитъ совмѣстно, процентъ учащихся дѣвочекъ, хотя и увеличивается изъ году въ годъ, все же значительно меньше процента учащихся мальчиковъ. Точно также несравненно меньше учащихся дѣвушекъ, чѣмъ молодыхъ людей, въ женскихъ учительскихъ семинаріяхъ и въ отдѣльныхъ женскихъ высшихъ школахъ. Въ японскомъ народѣ и обществѣ живы еще старыя традиціи тѣхъ временъ когда одинъ изъ иностранцевъ говорилъ, что „жена перваго сановника въ странѣ точно такъ же, какъ и жена послѣдняго крестьянина, является не болѣе, какъ слугою своего мужа; она приноситъ и уноситъ все, что нужно ему; почтительно склоняется передъ нимъ, когда онъ собирается уходить; прислуживаетъ ему за обѣдомъ“. Взглядъ на женщину, какъ на домашнюю прислугу, лежитъ въ основѣ яростныхъ нападокъ шовинистской и націоналистической части японской печати на образованныхъ женщинъ. Цитируемые въ американскихъ изданіяхъ отзывы по этому поводу нѣкоторыхъ японскихъ газетъ до смѣшного сходны съ разсужденіями на ту же тему реакціонеровъ всѣхъ странъ. Въ этомъ отношеніи японскіе любители старины отнюдь не оригинальны. Оригинальною особенностью Японіи является то, что поборниками женскаго и всякаго образованія является правящая партія и что во главѣ поборниковъ образованія стоитъ самъ микадо и его жена.

Въ заключеніе этого очерка позволимъ себѣ привести нѣсколько цыфръ изъ статистическаго свода, составленнаго для международнаго конгресса статистиковъ въ Буда-Пештѣ.

Въ 1901—2 уч. году было начальныхъ школъ—27.010; учащихъ въ нихъ—102.700; учащихся—4.980.604.

Всѣхъ учебныхъ заведеній всевозм. наименованій 29.335; учащихъ въ нихъ 118.104; учащихся 5.265.006.

Ростъ числа учащихся дѣвочекъ въ начальныхъ школахъ виденъ изъ слѣдующихъ цифръ:

Училось въ начальныхъ школахъ:

въ 1879 г.	— 1.717.422	мальч.	и 597.648	дѣв.	(6,47% нас.).
„ 1890 „	— 2.180.912	„	„ 915.488	„	(7,65% „).
„ 1901—2 г.	— 2.836.872	„	„ 2.143.732	„	(10,86% „).

Въ 1879 г. дѣвочки составляли едва 1/4 всѣхъ учащихся; въ 1901—2 уч. г. число ихъ приближалось къ половинѣ.

Слѣдующія цифры иллюстрируютъ развитіе библіотекъ, книгоиздательства и газетнаго дѣла:

Въ 1879 г. было 15 библ. съ 35.448 японск. китайск. кн. и 58.029 кн. на европ. яз.
„ 1901—2 г. „ 50 „ „ 562.161 „ „ „ „ 57.071 „ „ „ „
Въ 1877 г. изд. въ Японіи оригин. компилятивныхъ кн. 5.209; переводн.—232
„ 1901—2 г. „ „ „ „ „ „ „ 18.963; „ 35
Въ 1881 г. на 31 дек. вых. 253 газ. и журн., вып. за г. 64.506.141 номеровъ.
„ 1898 г. „ „ „ „ 829 „ „ „ „ „ „ 464.458.141 „

Въ 1901 году къ 31 декабря число издававшихся въ Японіи газетъ и журналовъ достигло 1.181.

Вл. Щерба.

Воспоминанія о К. П. Яновскомъ.

Скромно жилъ покойный попечитель Кавказскаго учебнаго округа, но умеръ еще скромнѣе. Однако, насколько скромная жизнь украшала его, настолько скромная смерть его компрометируетъ насъ.

Общество не почувствовало, а кавказская періодическая печать ему не выяснила, что въ лицѣ Яновскаго оно потеряло лучшаго своего друга, истиннаго педагога но призванію и воспитанію, благороднаго защитника дѣтскихъ интересовъ, талантливаго руководителя воспитателей, посвятившаго первостепенному вопросу жизни — воспитанію и обученію нашихъ дѣтей — лучшія силы свои.

Очевидно, люди, привыкшіе смотрѣть на все шаблонно, также шаблонно глядѣли и на циркуляры Яновскаго. Между тѣмъ они до того оригинальны и жизненны, до того назидательны для учителей, что ихъ содержанію не соотвѣтствуетъ названіе циркуляровъ, подъ которыми мы привыкли представлять себѣ что-то офиціально-сухое, холодное, черствое.

Въ циркулярахъ Яновскаго почти всѣ главные педагогическіе вопросы, касающіеся школьнаго обученія и воспитанія, разработаны съ такимъ глубокимъ пониманіемъ дѣла, съ такой систематичностью и ясностью, съ такой наглядностью и простотой, что добросовѣстному учителю остается только принять ихъ за настольную книгу и осуществлять на практикѣ указанія истиннаго друга дѣтей.

Я не считаю возможнымъ передать содержаніе знаменитыхъ циркуляровъ своими словами: оригиналы циркуляровъ 1879, 1882 г.г. и т. д. достойны вниманія самаго просвѣщеннаго педагога. Позволю себѣ только указать на одинъ важный вопросъ, за практическое осуществленіе котораго, сколько мнѣ извѣстно, впервые взялся Яновскій.

Это — вопросъ о воспитаніи въ школѣ. И теперь еще много сторонниковъ того убѣжденія, что школа должна только обучать дѣтей, предоставивъ ихъ воспитаніе родителямъ.

Яновскій, при своемъ же вступленіи въ должность попечителя Кавказскаго учебнаго округа, объявилъ въ первомъ своемъ цирку-

лярѣ (1879 г.), что школа должна не только обучать дѣтей, но и воспитывать, и что такъ какъ воспитаніе бываетъ физическое, умственное и нравственное, то школа должна давать и то, и другое, и третье. Детально разрабатывая этотъ вопросъ, онъ выясняетъ, что физическое воспитаніе въ школѣ дается дѣтямъ при гигіенической обстановкѣ, правильномъ веденіи физическихъ упражненій и правильномъ обученіи.

Нравственное воспитаніе достигается какъ подборомъ матеріала по предметамъ и способамъ его разработки, такъ и, въ особенности, примѣромъ и личными качествами учителя-воспитателя. А умственное воспитаніе есть непремѣнное слѣдствіе правильнаго обученія.

Эта послѣдняя истина, повидимому, очевидная, была менѣе всего понята учителями, особенно средней школы. Они находятъ (что видно изъ способа ихъ преподаванія), что само обогащеніе знаніями даетъ уже дѣтямъ умственное развитіе, и въ этомъ видятъ единственную цѣль обученія.

Это — глубокое заблужденіе, потому что учебные предметы въ школѣ не цѣль, а средство для воспитанія дѣтей. Такой взглядъ предполагаетъ, однако, нѣкоторую талантливость учителя, потому что обучать какому-нибудь предмету (какъ какому-нибудь ремеслу) или, какъ нѣкоторые учителя говорятъ, „читать" какой-нибудь предметъ не трудно для человѣка, заручившагося цензомъ. Но не такъ легко воспользоваться научными познаніями, какъ лучшимъ средствомъ для *воспитанія* своихъ питомцевъ. Эта работа уже требуетъ не кичливаго и важнаго задора „учителя гимназіи", а творчества.

Всѣмъ извѣстна способность дѣтей подражать взрослымъ. Дѣтское мышленіе также обладаетъ способностью строить заключенія по извѣстному образцу. Поэтому весьма важно, чтобы учитель, который долженъ руководить умственной работой дѣтей и давать имъ яркіе примѣры правильныхъ умозаключеній,—самъ обладалъ совершенно яснымъ, развитымъ мышленіемъ.

Наблюдательному учителю часто приходится встрѣчать дѣтей, у которыхъ совершенно притуплено мышленіе. Видно, что грубый воспитатель никогда не будилъ дѣтскаго самосознанія.

Ребенокъ, напримѣръ, ошибается; ему не разъясняютъ ошибки; если ошибка грубая, не обращаютъ вниманія ребенка на нелѣпость его сужденія, а прямо говорятъ: „нѣтъ, садись!" какъ будто цѣль обученія состоитъ только въ томъ, чтобы получать отъ дѣтей вѣрные отвѣты. Когда воспитатель разбираетъ ошибки ученика, послѣдній вдумчиво относится къ своему мышленію и его словесному выраженію, и воспитатель болѣе гарантированъ отъ ошибокъ дѣтей на будущее время.

Вотъ, напримѣръ, малышъ рѣшаетъ устную задачу и объясняетъ: одна книжка стоитъ десять коп., а мальчикъ купилъ пять книжекъ; надо раздѣлить...

— Не раздѣлить!—прерываетъ его раздраженный учитель.

— Умножить!—поправляется ученикъ.

— Ну, дальше!—успокаивается учитель.

Или учитель предлагаетъ ученику среднихъ классовъ гимназіи, построить треугольникъ по двумъ сторонамъ его и удовлетворяется отвѣтомъ:—задача неопредѣленная.

Пусть ученикъ докажетъ, выяснитъ, что это—неопредѣленная задача, что по двумъ сторонамъ нельзя построить опредѣленнаго треугольника, потому что двѣ стороны не опредѣляютъ вполнѣ его положенія. Только тѣ элементы вполнѣ опредѣляютъ положеніе треугольника, по которымъ они равны; а такого случая равенства треугольниковъ (по двумъ сторонамъ) нѣтъ, и потому по этимъ даннымъ можно построить безчисленное множество треугольниковъ. Вообще, геометрія, эта „логика въ дѣйствіяхъ“, да и вся математика,—самый благодарный предметъ для развитія способности правильно строить умозаключенія, и разумное преподаваніе ея не можетъ внушить ученикамъ ничего другого, кромѣ любви къ этому предмету. Если же мы нерѣдко встрѣчаемъ противоположное, то потому только, что преподаватель вмѣсто того, чтобы при помощи геометріи вырабатывать въ ученикахъ умѣнье правильно доходить до истины, требуетъ, чтобы чертежъ былъ сдѣланъ непремѣнно извѣстнымъ образомъ, чтобы были соединены извѣстныя точки и пр., причемъ даже не объясняется, почему все это нужно дѣлать такъ, а не иначе. Можно-же, напримѣръ, прекрасно и наглядно объяснить, почему мы, для доказательства пиѳагоровой теоремы, опускаемъ перпендикуляръ изъ вершины прямого угла на гипотенузу и продолжаемъ его до пересѣченія съ другой стороною квадрата гипотенузы...

Такъ какъ истинныхъ воспитателей человѣческаго ума мало, то мало и людей, способныхъ къ ясному, точному и систематическому мышленію, составляющему одно изъ украшеній человѣческой природы.

Въ этомъ смыслѣ учебные предметы и являются средствомъ для воспитанія не только ума, но и сердца и воли питомца, и на это важное обстоятельство Яновскій обращалъ особенное вниманіе учителей.

Въ томъ же первомъ циркулярѣ онъ выясняетъ значеніе правильнаго образованія, какъ самаго главнаго и самаго дѣйствительнаго источника не только нравственнаго, но и матеріальнаго благосостоянія человѣка.

Подробно разрабатывая этотъ вопросъ, онъ предлагаетъ даже средства для того, чтобы учитель не только обогащалъ учениковъ познаніями по своему предмету, но и развивалъ ихъ физически, умственно и нравственно.

Но педагоги не хотѣли его и слушать. „Воспитаніе должна давать семья, а не школа", говорили они, какъ-будто семья располагаетъ лучшими средствами, чѣмъ учебные предметы, и какъ-будто цѣль школы—лишь начинять головы учениковъ извѣстными знаніями.

Никто не сомнѣвается въ томъ, что учащіеся болѣе подвержены вліянію семьи, гдѣ они проводятъ большую часть времени; но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, что воспитаніе нужно взваливать исключительно на семью. Школа дожна приходить ей на помощь и быть иниціаторомъ въ установленіи связи и солидарности во взглядахъ общества и школы по вопросу о воспитаніи юношества. (Яновскій предлагалъ и средства для установленія такой связи). И если-бы школа не отклоняла отъ себя воспитанія, какъ элемента, не входящаго въ программу ея дѣйствій,—мы имѣли бы дѣло съ дѣйствительно образованными людьми, а не патентованными только, компрометирующими свой образовательный цензъ и поражающими насъ туманнымъ мышленіемъ внѣ сферы своей спеціальности. Ни въ жизни ихъ, ни въ дѣйствіяхъ не отражается то разумное и прекрасное, которое они должны были бы вынести изъ своего образованія: по отношенію къ людямъ они являются грубыми автоматами, измѣряющими всѣхъ на одинъ образецъ; ихъ поступки необдуманны, легкомысленны и безтактны; а при исполненіи дѣла, имъ порученнаго, они проявляютъ возмутительную бездарность.

Итакъ, много-ли учителей, при помощи науки дисциплинирующихъ умъ, облагораживающихъ сердце, вырабатывающихъ волю въ ученикѣ и не сваливающихъ всего этого на семью? Весьма мало: большинство и не подозрѣваетъ, что воспитаніе въ школѣ не только возможно, но что оно есть необходимое слѣдствіе правильнаго обученія.

Это и многое другое имѣлъ въ виду Яновскій, когда онъ говоритъ въ своихъ „Мысляхъ о воспитаніи и обученіи... что „у насъ не было хорошихъ учителей за весьма немногими исключеніями", что за все время своей педагогической дѣятельности онъ не встрѣчалъ вполнѣ хорошаго учителя. Господа педагоги, вмѣсто того, чтобы понять и принять справедливые упреки скромнаго идеалиста,—обидѣлись, нашли, что попечителю болѣе къ лицу „защищать своихъ", а не чернить ихъ. Нашлись даже такіе, которые открыли

секретъ, что покойный попечитель говорилъ все это съ единственной цѣлью выставить себя, очернивъ другихъ.

Мы не любимъ, когда намъ подчеркиваютъ наши слабости, и такимъ Саваноралламъ мы не дадимъ спокойно кончить вѣкъ.

Между тѣмъ, если-бы мы были болѣе культурны, мы бы не обидѣлись, а поглубже взглянули въ свою душу и приняли-бы къ свѣдѣнію горькій плачъ добраго руководителя.

Попробуемъ нарисовать себѣ приблизительный образъ достойнаго учителя и сравнимъ съ нимъ себя.

Отъ истиннаго воспитателя требуется, помимо природнаго здраваго смысла, еще высокое умственное развитіе, тонкая наблюдательность, находчивость, способность понимать дѣтей, истинная доброта и гуманность, твердость убѣжденій, строгая справедливость, тактичность, тонко-развитое эстетическое чувство и, при всемъ этомъ,—чистая, безупречная жизнь, внѣшняя благовоспитанность и истинно-христіанская скромность.

Много-ли такихъ воспитателей? Часто, слишкомъ часто мы встрѣчаемъ среди педагоговъ лицъ невоспитанныхъ и грубыхъ. Вмѣсто того, чтобы съ кроткимъ спокойствіемъ и сосредоточеннымъ вниманіемъ занять классъ, какъ это подобаетъ его истинному хозяину, и подавать дѣтямъ примѣръ благовоспитанности и человѣчности, учитель сидитъ въ классѣ развалившись, засунувъ руки въ карманъ, плюетъ и растираетъ плевки ногами, безсмысленно и шумно сморкается, безцѣльно разгуливаетъ по классу, разсматриваетъ свой костюмъ, чиститъ свои ногти и пр.

Яновскій вдоволь насмотрѣлся на нихъ и не могъ не сказать съ искреннимъ сожалѣніемъ: „Хорошихъ педагоговъ мало вообще, а у насъ въ особенности“.

Слова эти были сказаны съ тѣмъ большей горечью, что самъ Яновскій былъ образцомъ того учителя, котораго онъ искалъ и не находилъ съ фонаремъ въ рукахъ средь бѣла дня.

Объ его природномъ умѣ и высокомъ умственномъ развитіи говорятъ какъ указанные выше циркуляры его, представляющіе для учителей лучшую педагогику, такъ и его „Мысли о воспитаніи и обученіи“. О его тонкой наблюдательности говорятъ тѣ цѣнныя указанія, которыя онъ дѣлалъ своимъ сослуживцамъ относительно ихъ упущеній. О его психологической способности узнавать людей, а, слѣдовательно, и дѣтей, говорила его безподобная обходительность со всѣми, свидѣтельствовавшая также о его тактичности.

Тонко-развитое эстетическое чувство проявлялось въ томъ сочувствіи всему прекрасному, которое проглядывало какъ въ его убѣжденіяхъ, такъ и въ частной жизни, гдѣ онъ былъ истиннымъ

христіаниномъ,—тихимъ, скромнымъ, доступнымъ каждому и ласковымъ.

Его врожденная доброта и воспитанная гуманность дѣлали его очаровательнымъ для всѣхъ: казалось, что изъ глубины его прекрасной души исходили свѣтлые и согрѣвающіе лучи.

Его педагогическое призваніе и нѣжная любовь къ дѣтямъ обнаруживались на его ревизіяхъ: при видѣ дѣтей онъ не могъ оставаться пассивнымъ слушателемъ: незамѣтно входилъ въ роль учителя и велъ урокъ—просто, безыскусственно, но изящно, мило. Чуткія дѣти сразу видѣли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и живыя, улыбающіяся лица ихъ не могли оторваться отъ добраго старичка: каждому изъ нихъ доставляло искреннее удовольствіе отвѣтить хоть на одинъ его вопросъ.

Какой образецъ учителю для подражанія!

Своей личностью, манерами, голосомъ,—онъ положительно воспитывалъ все окружающее.

И всѣ эти драгоцѣнныя качества были соединены въ этомъ человѣкѣ съ замѣчательной простотой и скромностью.

Да, мы не могли понять тебя, великій старецъ кавказскій, потому что были слишкомъ далеки отъ тебя!

Развѣ Полоній, напримѣръ, могъ понять глубокую философскую натуру и благородный образъ Гамлета?

И ему-ли, придворному льстецу, любоваться прекраснымъ чтеніемъ актера?

Только такой эстетикъ, какъ Гамлетъ, могъ видѣть духовныя красоты своего отца, этого „человѣка въ полномъ смыслѣ слова“, случайно попавшаго въ этотъ „презрѣнный міръ, опустѣлый садъ, негодныхъ травъ пустое достоянье“, и только онъ могъ притти въ умиленіе отъ чтенія талантливаго актера, несмотря на то, что „что ему Гекуба и что Гекубѣ онъ?“

Н. Джемарджидзе.

Гимназія восьмидесятыхъ годовъ.

5. Формалисты.

(*Продолженіе*).

Будучи въ первомъ классѣ, я записалъ къ концу первой „четверти“ въ моемъ дневникѣ слѣдующія хотя и лаконическія, но восторженныя строки: „Состою въ первомъ классѣ первымъ ученикомъ второго разряда. Классный наставникъ и учитель ариѳметики, —добрѣйшія души въ мірѣ“. Класснымъ наставникомъ у насъ былъ тогда упомянутый уже выше Дмитріулъ, преподававшій у насъ рускій языкъ и латынь. Онъ чрезвычайно благоволилъ ко мнѣ, какъ къ первому ученику въ классѣ, и это не могло не льстить моему дѣтскому самолюбію. Онъ хвалилъ и отличалъ меня передъ всѣмъ классомъ, вызывалъ меня рѣдко, говорилъ, что мнѣ не нуженъ репетиторъ, вызывалъ къ себѣ мою мать, чтобы убѣдить ее, что я могъ бы хорошо заниматься и безъ репетитора, и когда однажды въ нашъ классъ вошелъ вмѣстѣ съ попечителемъ учебнаго округа окружной инспекторъ, Дмитріулъ вызвалъ меня и, такъ сказать, похвастался передъ высшимъ начальствомъ своимъ первымъ ученикомъ и его успѣхами. Почеркъ у меня былъ тогда отвратительный, и Дмитріулъ просилъ учителя чистописанія поставить мнѣ вмѣсто тройки четыре, благодаря чему во второй и третьей четверти я былъ уже первымъ ученикомъ перваго разряда. Это обстоятельство, конечно, на моемъ почеркѣ нисколько не отразилось, и тотъ же учитель чистописанія, когда у насъ во второмъ классѣ былъ уже другой классный наставникъ, мной, хотя я снова былъ первымъ ученикомъ, не гордившійся и за меня не просившій, ставилъ мнѣ по чистописанію тройки, а въ третьей четверти поставилъ даже двойку, вслѣдствіе чего, вмѣсто перваго ученика, какъ то было раньше, я опустился до степени званія одиннадцатаго. Дмитріулъ же, во второмъ классѣ у насъ не преподававшій, не только отнынѣ не просилъ за меня учителя чистописанія, но мной нисколько вообще не интересовался, никогда не останавливалъ меня въ корридорѣ и едва

ли замѣчалъ мои поклоны. Такимъ образомъ приведенный мною выше восторженный отзывъ о немъ былъ весьма субъективнаго характера, да и вообще чѣмъ дальше, тѣмъ больше мы убѣждались въ томъ, что за доброту Дмитріула приняли его,—какъ бы это выразить однимъ словомъ—елейность, что ли. Раньше всего мы догадались, что нашъ классный наставникъ человѣкъ неискренній. Разговаривая съ нами, онъ словно хотѣлъ проникнуть въ нашу душу, видѣть, что творится въ ней, и мягкими, вкрадчивыми словами онъ умѣлъ побуждать десятилѣтнихъ мальчиковъ быть съ нимъ вполнѣ искренними и откровенными. Каково же наше было удивленіе, когда мы, повѣривъ его мягкости и добротѣ и выложивъ, такъ сказать передъ нимъ нашу дѣтскую душу, позже подвергались за прощенные, казалось, намъ поступки и дѣтскія прегрѣшенія упрекамъ и даже наказаніямъ? Вотъ онъ стоитъ, нашъ классный наставникъ, передъ кѣмъ либо изъ товарищей, смотритъ ему такъ любвеобильно въ глаза и говоритъ съ нимъ такъ мирно и дружелюбно, безъ упрековъ и угрозъ. Гимназистикъ растаетъ и сознается въ совершенной шалости, думая, что Дмитріулъ, конечно, проститъ. Дмитріулъ же отходилъ молча или съ какимъ либо елейнымъ замѣчаніемъ на устахъ, а къ концу урока оказывалось, что провинившійся или единицу по поведенію получилъ или оставленъ на часъ „безъ обѣда“. Когда мы, наконецъ, поняли это и старались приспособиться къ Дмитріулу, какъ приспособлялись къ каждому преподавателю особо, сообразно съ его привычками и слабостями, Дмитріулъ оказывался духовно сильнѣе насъ, и маневрами, которые принято въ общежитіи называть іезуитскими, всегда умѣлъ вызывать откровенное сознаніе и раскаяніе въ шалости или проступкѣ. Прощенія же, какъ награды за искренность и сожалѣніе о случившемся, съ его стороны не было: виновники всегда такъ или иначе получали возмездіе. Любилъ еще Дмитріулъ донимать насъ общими и обращенными къ отдѣльнымъ ученикамъ нотаціями. Вотъ какъ теперь вижу его передъ своими глазами: стоитъ онъ между партами обязательно съ учебникомъ подъ мышкой, и морализуетъ, морализуетъ безъ конца. Излюбленными темами его были: добропорядочность, благовоспитанность и нравственность, хорошее поведеніе, прилежаніе и послушаніе, подчиненіе и любовь къ родителямъ, уваженіе и любовь къ преподавателямъ и воспитателямъ, возданіе должнаго почета и внѣшнихъ знаковъ его не только гимназическому, но и высшему учебному, а также городскому и губернскому начальству.

— Иду я по улицѣ, разсказывалъ онъ намъ однажды, и вижу, то ѣдетъ градоначальникъ. Я, конечно, какъ должно быть, съ ува-

женіемъ къ такому почтенному лицу, занимающему такой видный постъ, снимаю фуражку и вѣжливо кланяюсь. А гимназистъ проходитъ мимо, и какъ будто его даже не учили, кому онъ долженъ кланяться. Ну, такъ и видно, что онъ ни разу не прочиталъ гимназическихъ правилъ, напечатанныхъ въ билетѣ. По улицамъ ходитъ, глазѣетъ, а прочитать свой собственный гимназическій билетъ, онъ видите ли, времени не имѣлъ...

И намъ приказано было къ слѣдующему уроку выучить снова правила билета. Дмитріулъ же принесъ съ собою карточки генералъ-губернатора, градоначальника и полицеймейстера и велѣлъ намъ всмотрѣться въ нихъ, чтобы мы знали при встрѣчѣ съ ними, кто передъ нами, и не медлили съ нашими поклонами. Любопытно еще, что во всѣхъ этихъ „предикахъ" Дмитріулъ очень любилъ ссылаться на себя и свой опытъ. Вотъ, какъ онъ кланяется, и вотъ, кому онъ, Дмитріулъ, считаетъ своимъ долгомъ кланяться, вотъ какимъ онъ былъ, когда учился въ гимназіи, вотъ какъ онъ зналъ уроки, вотъ, какое прилежаніе и поведеніе онъ проявлялъ, и вотъ такъ, а не иначе онъ держался на экзаменѣ, получилъ самый высшій баллъ, и всѣ мы должны брать примѣръ съ него... И я уже выше замѣтилъ, что окружное начальство не ошиблось, когда предположило, что изъ „стариковъ" Дмитріулъ превосходно нойдетъ къ новому режиму, введенному въ гимназіяхъ. Случаю угодно было, чтобы Дмитріулъ не назначался преподавателемъ въ нашъ классъ, пока я былъ въ гимназіи; но отъ товарищей приходилось слышать что елейность и смиренномудріе, проявлявшіяся самимъ Дмитріуломъ и настойчиво рекомендуемое имъ воспитанникамъ, принимали у него съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе яркій, все болѣе и болѣе отталкивающій характеръ.

Учителя ариѳметики, также мною причисленнаго къ „добрѣйшимъ душамъ въ мірѣ", я уже имѣлъ случай назвать выше. Петръ Ивановичъ Коляго, дѣйствительно, былъ первое время чрезвычайно добръ къ намъ, ученикамъ перваго класса, и объясняется это тѣмъ, что онъ назначенъ былъ преподавателемъ въ гимназію совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, только что съ университетской скамьи. Онъ въ студенческіе годы не мало, вѣроятно, мечталъ о будущей своей плодотворной педагогической дѣятельности и, получивъ возможность примѣнить свои силы сейчасъ же къ живому дѣлу, старался осуществить по мѣрѣ силъ и разумѣнія свои юношескіе идеалы. Онъ былъ мягокъ въ обращеніи, не требователенъ, старался растолковать то, что преподавалъ, былъ внимателенъ къ отвѣтамъ учениковъ, не раздражался, какъ это случается со многими гимназическими воспитателями, а терпѣливо давалъ объясненія и разъясненія, снова спра-

шивалъ, чтобы провѣрить, насколько его теперь поняли, и плохое уразумѣніе ариѳметическихъ премудростей не приписывалъ одному лишь нерадѣнію и лѣности учениковъ. Поэтому плохой отвѣтъ и неумѣніе рѣшить задачу не имѣли своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ обязательно плохую отмѣтку въ журналѣ. Такимъ онъ былъ годъ, такимъ онъ былъ и второй годъ,—и прямо таки удивительно, до чего можетъ измѣниться человѣкъ. Подъ вліяніемъ ли новаго режима и окружающей среды, по настоянію ли Константина Андреевича, который умѣлъ нивеллировать всѣхъ нашихъ преподавателей на одинъ ему симпатичный ладъ, или потерявъ надежду на осуществленіе своихъ идеаловъ, Петръ Ивановичъ превратился въ настоящую ходячую машину. Это былъ положительно какой то автоматъ, преподававшій ариѳметику или, въ старшихъ классахъ, алгебру и геометрію, автоматъ безъ души и сердца. Онъ приходилъ въ классъ всегда въ высшей степени аккуратно, вызывалъ учениковъ къ доскѣ, задавалъ имъ вопросы, провѣрялъ ихъ знанія, просматривалъ ихъ тетрадки, заставлялъ ихъ объяснять теоремы или рѣшать задачи на доскѣ, ставилъ отмѣтки, объяснялъ къ слѣдующему уроку и сейчасъ послѣ звонка выходилъ изъ класса, не интересуясь болѣе ни на іоту никѣмъ и ничѣмъ. Никогда онъ не заговаривалъ съ кѣмъ-либо изъ насъ о чемъ бы то ни было, не относящемся непосредственно къ уроку: никогда никто изъ насъ не слышалъ отъ него участливаго или ласковаго слова; никого онъ не хвалилъ, но никого и не упрекалъ; никому не дѣлалъ выговора или замѣчаній. Если вызванный отвѣчалъ хорошо, онъ получалъ хорошую отмѣтку, если, наоборотъ, онъ урока не зналъ, и задачи были имъ, новидимому, списаны у товарищей, онъ получалъ двойку,—но ближе Петръ Ивановичъ не интересовался ни хорошо успѣвавшими, ни причинами, вслѣдствіе которыхъ тому или другому воспитаннику премудрости алгебры и геометріи не давались. Между тѣмъ, никоимъ образомъ нельзя было утверждать, что не умѣли рѣшать задачи и плохо понимали смыслъ теоремъ только лишь одни лѣнивцы. У насъ бывали ученики, превосходно успѣвавшіе по языкамъ, но выше двойки по математикѣ не получавшіе, вслѣдствіе ли особой неспособности къ математическимъ наукамъ, или полному отсутствію склонности. Бывали и другіе среди моихъ товарищей: по словесности и по исторіи, какъ по наиболѣе живымъ предметамъ, они учились хорошо, съ языками кое-какъ справлялись, а по алгебрѣ и геометріи почему то не успѣвали. Петръ Ивановичъ въ разсмотрѣніе причинъ этого явленія не входилъ и успѣхами своихъ учениковъ по другимъ предметамъ не интересовался. Поэтому когда судьба того или другого гимназиста зависѣла отъ отмѣтокъ его по математикѣ

(сильная зависимость установилась тогда, когда введено было предварительное опредѣленіе о допущеніи того или другого воспитанника, на основаніи его четвертныхъ и годовыхъ отмѣтокъ, къ экзаменамъ), Петръ Ивановичъ не принималъ ничего во вниманіе, вызывалъ, какъ всегда, холодно и равнодушно, ставилъ хорошую или плохую отмѣтку, въ зависимости отъ отвѣта вызваннаго. Никакія просьбы воспитанниковъ и ихъ родителей не дѣйствовали. Если кто либо заявлялъ о желаніи исправиться, Петръ Ивановичъ отвѣчалъ на это лукавой улыбочкой и вызывалъ просившаго тогда, когда это ему нравилось, когда онъ считалъ нужнымъ сдѣлать это. И подобное холодное, безсердечное отношеніе тѣмъ болѣе возмущало насъ, что на просьбы директора Петръ Ивановичъ уже не осмѣливался отвѣчать столь же полнымъ равнодушіемъ. Правда, въ теченіе года Петръ Ивановичъ относился и ко всѣмъ „дворянчикамъ" одинаково равнодушно, оцѣнивая ихъ познанія вполнѣ соотвѣтствующими отмѣтками,—въ данномъ случаѣ двойками,—но какимъ образомъ всѣ любимцы директора получали въ концѣ года годовую тройку и невозбранно допускались къ экзаменамъ, остается тайной Петра Ивановича и большимъ грѣхомъ на его душѣ. Были мы чрезвычайно возмущены и тѣмъ, что Петръ Ивановичъ, котораго мы раньше такъ любили и уважали, позже оказался чѣмъ то въ родѣ добровольнаго сыщика у Константина Андреевича. Петръ Ивановичъ былъ въ гимназіи библіотекаремъ. Одинъ разъ въ недѣлю онъ выдавалъ гимназистамъ книги на домъ изъ ученической библіотеки, но здѣсь уже не былъ такимъ сухимъ человѣкомъ, вполнѣ индифферентнымъ къ своимъ воспитанникамъ. Наоборотъ, если кто либо приходилъ книгу мѣнять лично (обыкновенно, надо было передавать ее для обмѣна назначенному Петромъ Ивановичемъ воспитаннику, но въ такомъ случаѣ необходимо было довольствоваться той именно книгой какую заблагоразсудится Петру Ивановичу дать), Петръ Ивановичъ вступалъ съ нимъ въ бесѣду и тономъ участія или любопытства освѣдомлялся о томъ, что тотъ или другой изъ воспитанниковъ читаетъ на дому, гдѣ беретъ книги, кто изъ домашнихъ слѣдитъ за выборомъ книгъ и т. д. Товарищи откровенничали и разсказывали правду: за выборомъ книгъ никто не слѣдитъ, беремъ книги въ той или другой частной библіотекѣ, читаемъ русскихъ классиковъ или беремъ также историческіе романы или переводныя произведенія... И что же? Петръ Ивановичъ доносилъ объ этихъ чистосердечныхъ признаніяхъ директору, и выходило такъ, что читали запретныя произведенія мы всѣ, преслѣдовались же за чтеніе тѣ немногіе, которые бывали откровенны съ Петромъ Ивановичемъ. Какъ велика въ данномъ случаѣ пропасть между школой и жизнью, свидѣтельствуютъ хотя бы слѣ-

дующіе факты. Когда въ „Новомъ Времени“ появился переводъ извѣстнаго разсказа Мопассана о встрѣчѣ моряка съ его родной сестрой въ домѣ терпимости, кто-то изъ товарищей принесъ этотъ номеръ въ классъ. Этотъ ли разсказъ не былъ запретнѣйшимъ плодомъ для гимназистовъ пятаго класса? Однако мы прочитали его всѣ, и прочитали именно въ классѣ, подложивъ газеты подъ учебникъ или держа его подъ партой, какъ держатъ, обыкновенно, подстрочникъ или принесенную изъ дома книгу для чтенія. Когда „Крейцерова Соната“ циркулировала по Россіи въ писанномъ видѣ, одинъ изъ товарищей раздобылъ рукопись, принесъ ее въ классъ, и мы всѣ по очереди прочитали эту рукопись въ классѣ во время уроковъ и перемѣнъ; другіе брали рукопись на домъ и читали ее тамъ запоемъ, а кое-кто даже списалъ ее для себя. Наша же гимназическая администрація даже не подозрѣвала о возможности чего-либо подобнаго, и Петръ Ивановичъ продолжалъ намъ давать изъ гимназической библіотеки Буслаева, „Недоросля“, или романы Вальтеръ-Скотта въ передѣлкѣ для юношества. Когда появился тринадцатый томъ Толстого, напечатанная въ немъ „Крейцерова Соната“ не была для насъ уже новинкой, и кто-то изъ моихъ товарищей имѣлъ неосторожность сказать Петру Ивановичу, что хотѣлъ бы прочитать тринадцатый томъ Толстого; Петръ Ивановичъ немедленно донесъ объ этомъ директору, и въ результатѣ наивный смѣльчакъ получилъ тройку по поведенію въ четверти, хотя, повторяю, читали произведенія Толстого всѣ безъ исключенія. Константинъ Андреевичъ, считавшій, какъ мы видѣли выше, чтеніе книгъ „мороженнымъ“, ввелъ надзоръ за нашимъ чтеніемъ на дому, и именно слѣдующимъ путемъ. Вполнѣ неожиданно для воспитанника и его перепуганныхъ родителей на домъ къ нимъ являлся инспекторъ въ сопровожденіи помощника класснаго наставника и просилъ показать столъ, книги и бумаги воспитанника. Дѣлался строгій обзоръ, и книги, взятыя, повидимому, изъ библіотеки, или же такія преступныя книги, какъ Некрасовъ и Никитинъ, Писаревъ и Добролюбовъ (любопытно, что Бѣлинскимъ мы не увлекались), уносились грозными ревизорами съ собой. Книги изъ библіотеки, какъ чужое имущество, возвращались обратно, а книги воспитанниковъ задерживались до конца учебнаго года, и никакія завѣренія, будто книги у кого-либо одолжены или принадлежатъ старшимъ братьямъ и сестрамъ, не принимались во вниманіе. Результатомъ же подобныхъ ревизій было соотвѣтствующее уменьшеніе отмѣтокъ по поведенію въ четверти. Константинъ Андреевичъ, наконецъ, утомился въ подобной партизанской борьбѣ съ нашимъ вольнодумствомъ и обратился съ рапортомъ къ попечителю. Послѣдній списался съ мѣстной администра-

ціей, и вскорѣ всѣмъ мѣстнымъ частнымъ библіотекамъ воспрещено было выдавать книги для чтенія воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній. Само собою разумѣется, эта мѣра подзадорила лишь тѣхъ, кто мало читалъ. За книгами отнынѣ посылались въ библіотеку сестры и братья, прислуга полуграмотная или вполнѣ безграмотная также стала частой гостьей въ частныхъ библіотекахъ, обмѣнивая книги для „панича".

Фамилія упомянутаго только что инспектора нашего, остававшагося на этомъ посту все время при Константинѣ Андреевичѣ, была Зембергъ. Онъ былъ изъ обрусѣвшихъ нѣмцевъ, человѣкъ въ общемъ не злой, но безличный и слабохарактерный. Поэтому онъ былъ вполнѣ безвольнымъ и послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Константина Андреевича, который, кромѣ директорской, захватилъ вполнѣ въ свои руки и инспектурскую власть, предоставивъ, однако, обязанности инспектора и связанные съ ними труды и хлопоты нести инспектору самому. Всѣ распоряженія, объявляемыя намъ Зембергомъ, исходили отъ директора, наказанія назначалъ также директоръ, и что бы ни произошло, кто бы въ чемъ ни провинился, какое распоряженіе даже самаго мелкаго характера ни надо было бы сдѣлать, Зембергъ во всемъ и обо всемъ предварительно совѣщался съ директоромъ и дѣлалъ такъ, какъ тотъ совѣтовалъ или приказывалъ. Когда являлся кто-либо изъ просителей или родители воспитанниковъ, вызываемые въ гимназію по тому или другому дѣлу, и обращались къ инспектору, онъ не давалъ никому опредѣленнаго отвѣта и просилъ подождать прихода директора, который уже дастъ отвѣтъ просителямъ или сообщитъ вызваннымъ родителямъ, въ чемъ дѣло. Только въ одномъ случаѣ Зембергъ дѣйствовалъ, не спрашивая совѣта или приказанія у директора: когда вопросъ шелъ о наказаніи его сына. Зембергъ junior учился въ нашей же гимназіи и былъ отчаяннымъ шалуномъ. Онъ превосходилъ всѣхъ своей дерзостью и смѣлостью, и къ тому же его шалости принимали подчасъ такой характеръ, что даже товарищи считали своимъ долгомъ доносить и жаловаться. Онъ вырывалъ у товарищей нѣсколько волосъ, причиняя нестерпимую боль, хваталъ ихъ за голову и ударялъ ее по стѣнѣ, приносилъ изъ дому мыло и старался намылить одному изъ товарищей лицо, брызгалъ водой въ товарищей изъ крана, а однажды даже вылилъ на товарищей карболовой кислоты. Его отецъ строго наказывалъ его за всѣ эти продѣлки, сажая его въ карцеръ на долгіе часы, и именно на виду у товарищей, на ихъ глазахъ, дабы они не подумали, будто сыну инспектора можетъ все сойти съ рукъ. Шалость же свела сына инспектора преждевременно въ могилу: устроивъ себѣ во дворѣ гимназіи катокъ, онъ выбѣжалъ ка-

таться въ сильный морозъ безъ верхняго платья, простудился и черезъ нѣсколько дней умеръ отъ горячки. Смерть единственнаго сына подѣйствовала на нашего инспектора ужаснымъ образомъ: онъ посѣдѣлъ, сгорбился, и брови еще болѣе нависли надъ глубоко впавшими глазами его.

Въ нашемъ классѣ онъ года два преподавалъ латынь. Система преподаванія у него была особая, какъ и вообще, сколько у насъ было учителей, столько различныхъ системъ примѣняли они. Онъ вызывалъ къ доскѣ и, не спрашивая ни словъ, ни заученныхъ грамматическихъ правилъ, заставлялъ переводить заданный отрывокъ. Ученикъ переводилъ какъ могъ, иногда хорошо, иногда и плохо. Въ послѣднемъ случаѣ инспекторъ поправлялъ, спрашивалъ другого и устанавливалъ правильный переводъ. Совершенно внезапно, часто посреди фразы, онъ заставлялъ кого-либо другого повторить только что переведенную фразу, послѣднія пять словъ или послѣднія два слова. Если спрошенный повторялъ правильно, ему полагалось садиться, безъ какихъ-либо результатовъ. Если же внезапно спрошенный не умѣлъ точно повторить только что установленный текстъ перевода, Зембергъ ставилъ ему единицу по латыни, хотя мы всѣ находили, что единица полагается въ подобныхъ случаяхъ за вниманіе. Отпустивъ одного ученика, почти всегда посреди фразы, и вызвавъ другого, Зембергъ заставлялъ его раньше всего повторить то, что уже было переведено первымъ. Если спрошенный повторялъ своими словами, если онъ заикался, не зная гдѣ начать, если онъ вообще не могъ точно повторить,—Зембергъ отправлялъ его на мѣсто и ставилъ ему единицу, хотя тотъ, можетъ быть, и зналъ урокъ удовлетворительно. Въ результатѣ, какъ мы ни старались быть внимательными, Зембергъ ловилъ всѣхъ невнимательныхъ, задумавшихся, чѣмъ-либо на минутку отвлекшихся, и не уходилъ изъ класса, не поставивъ предварительно добрую дюжину единицъ по латыни. Единицы по поведенію или вниманію, обыкновенно, мало принимались во вниманіе и не играли особой роли при опредѣленіи четвертныхъ отмѣтокъ по поведенію, вниманію или прилежанію. Единицы же по предмету, конечно, принимались во вниманіе при составленіи „вѣдомостей“ о четвертныхъ отмѣткахъ, и три четверти класса у насъ имѣли по латыни стереотипную двойку, не говоря уже о томъ, что родителей прямо таки страшило чрезмѣрное обиліе единицъ по латинскому языку въ записныхъ тетрадяхъ — при удовлетворительныхъ или даже хорошихъ отмѣткахъ по другимъ предметамъ. Мы же возмущались, негодовали и принимали всевозможныя мѣры, чтобы приспособиться къ Зембергу и угодить ему. Мы, бывало, сидѣли, затаивъ дыханіе, и слушали самымъ внимательнымъ

образомъ переводъ товарища и поправки преподавателя, но именно внимательныхъ Зембергъ никогда не заставлялъ повторить переведенное товарищемъ и не вызывалъ ихъ внезапно. Какъ бы всѣ ни были внимательны, его зоркій глазъ уже отыщетъ одного невнимательнаго, и тотъ черезъ минуту-другую уже уходитъ отъ доски обратно на свое мѣсто, получивъ обычную единицу. Если же слушавшій самымъ внимательнымъ образомъ отвлекался чѣмъ-нибудь, будучи увѣреннымъ, что до конца фразы Земберъ ученика, вызваннаго имъ, не отпуститъ,—фамилія зазѣвавшагося тотчасъ же называлась Зембергомъ, и невнимательный ученикъ получалъ единицу опять таки по латыни, то есть по предмету. Мы уже и такъ дѣлали: слушали, что было силъ и возможности, но дѣлали видъ, что не слушаемъ, дабы Земб ергъ вызвалъ насъ, спросилъ послѣ повторенія переведеннаго урокъ, хорошо заученный нами, и поставилъ соотвѣтствующую отмѣтку,—но Земб ергъ или угадывалъ маневръ нашъ или заставлялъ повторять съ мѣста, не спрашивая затѣмъ урока и не ставя отмѣтки. Такая несправедливость возмущала насъ гораздо больше, нежели тѣ шуточки, которыя позволялъ себѣ Земб ергъ сплошь и рядомъ по отношенію къ намъ. Онъ любилъ острить и подчасъ его шуточки и остроты были для насъ не малымъ развлеченіемъ посреди скучнаго урока и вѣчнаго страха быть пойманнымъ въ невнимательности и получить единицу по предмету. Кромѣ анекдотовъ, подчасъ глупѣйшихъ, подчасъ циничныхъ, Земб ергъ имѣлъ обыкновеніе подшучивать надъ внѣшностью воспитанниковъ, надъ ихъ національностью, даже надъ ихъ фамиліями. Нашего товарища, по фамиліи Кравецъ, Земб ергъ называлъ не иначе, какъ „швецъ“, и такъ и вызывалъ его къ доскѣ: „Швецъ“. Товарищъ же безпрекословно подымался съ мѣста и шелъ отвѣчать. Если онъ отвѣчалъ хорошо, Земб ергъ говорилъ, что онъ „и швецъ, и жнецъ, и въ дуду игрецъ“. Если же товарищъ отвѣчалъ неудовлетворительно, Земб ергъ, наоборотъ, утверждалъ, что онъ „ни швецъ, ни жнецъ, ни въ дуду игрецъ“. Такого же сорта были и всѣ другія его шуточки.

Когда Земб ергъ, случалось, заболѣвалъ, временно инспекторомъ вмѣсто него назначался преподаватель исторіи и географіи Иванъ Ивановичъ Тищенко. Дѣйствительно, при режимѣ восьмидесятыхъ годовъ, онъ имѣлъ всѣ данныя къ тому, чтобы быть „образцовымъ“ инспекторомъ, и я рѣшительно не понимаю, почему Иванъ Ивановичъ, промаявшись въ преподавателяхъ очень долго, недавно умеръ въ этомъ же скромномъ чинѣ, только лишь замѣняя инспектора, но не получивъ возможности примѣнить на дѣлѣ возможно широко свои административныя, вѣрнѣе, сыскныя способности. Въ сравненіи съ Иваномъ Ивановичемъ не только нашъ слабохарактерный инспекторъ

но даже обрисованный выше г. Чеховскій казались людьми весьма добрыми и сердечными. Какъ только Иванъ Ивановичъ получалъ въ свои руки права и обязанности инспектора, онъ положительно не зналъ покою, работая во славу своихъ сыскныхъ идеаловъ. Во время перемѣнъ онъ не уходилъ изъ корридоровъ, ловя шалуновъ, слѣдя за порядкомъ и присматриваясь къ поведенію каждаго, хотя бы и скромнѣйшаго на видъ воспитанника. Послѣ звонка, за тѣ нѣсколько минутъ, что оставались до прихода преподавателя, Иванъ Ивановичъ успѣвалъ обойти всѣ классы и всюду умѣлъ кого-нибудь застигнуть при той или другой, даже и наималѣйшей провинности. Во время уроковъ Иванъ Ивановичъ, освободившись самъ отъ своихъ очередныхъ занятій, становился въ эти дни за запертыми дверями и черезъ вдѣланныя въ нихъ окошечки, незамѣтно для учениковъ, слѣдилъ-за ихъ поведеніемъ въ классахъ во время уроковъ. Списывалъ ли кто-нибудь письменную работу у товарища, разговаривалъ ли съ сосѣдомъ, былъ ли невнимателенъ или позволилъ себѣ какую-либо шалость, ускользнувшую отъ вниманія преподавателя, — Иванъ Ивановичъ все это замѣчалъ, поскольку онъ видѣлъ воспитанниковъ черезъ окошечко въ двери, и послѣ урока онъ объявлялъ въ различныхъ классахъ длинный списокъ оставленныхъ имъ „безъ обѣда“. Во время перемѣны онъ не стѣснялся нагрянуть—(этого не дѣлалъ ни одинъ изъ бывшихъ у насъ директоровъ или инспекторовъ) въ ватеръ-клозеты и ловилъ тѣхъ, которые пользуясь недоступностью этихъ мѣстъ для глазъ начальства, тамъ курили. Пойманные Иванъ Ивановичемъ получали въ наказаніе не меньше шести часовъ „безъ обѣда“. Если кто либо выходилъ во время урока, отпросившись обычнымъ образомъ у преподавателя, Иванъ Ивановичъ ловилъ его въ корридорѣ и становился у ватеръ-клозета, чтобы не пропустить ученика, когда онъ оттуда выйдетъ. Иванъ Ивановичъ освѣдомлялся у него, не курилъ ли онъ, и если онъ не вѣрилъ завѣреніямъ отрицательнаго характера, онъ заставлялъ воспитанника открывать ротъ и дышать. Подозрительный запахъ изо рта велъ къ немедленному обыску и къ соотвѣтствующему наказанію, если обыскъ увѣнчался успѣхомъ. Утромъ, до начала уроковъ, Иванъ Ивановичъ становился самъ въ шинельной, чтобы слѣдить за тѣмъ, какъ одѣты ученики, какъ они приходятъ, не являются ли гурьбой, что было запрещено, не опаздываютъ ли и т. д. Послѣ уроковъ Иванъ Ивановичъ свова являлся въ шинельную, гдѣ опять таки слѣдилъ за порядкомъ. Если у кого-либо шинель была застегнута не на всѣ пуговицы или ранецъ застегнутъ не на оба ремешка, провинившагося ждало наставленіе или подчасъ даже наказаніе: онъ долженъ былъ снова раздѣть шинель, отправиться

въ классъ и остаться въ гимназіи на лишній часъ. Въ эти дни Иванъ Ивановичъ не уходилъ изъ гимназіи въ два часа по окончаніи всѣхъ уроковъ. Онъ оставлялъ, обыкновенно, такъ много воспитанниковъ безъ обѣда, что, не довѣряя дежурному помощнику класснаго наставника, самъ оставался часъ и два въ гимназіи, чтобы слѣдить за поведеніемъ оставленныхъ безъ обѣда. Обыкновенно оставленные пользовались полной свободой въ томъ смыслѣ, что могли дѣлать въ запертомъ классѣ или въ карцерѣ (карцеръ былъ у насъ спеціально отстроенъ только при Константинѣ Андреевичѣ) что угодно. Одни готовили уроки, другіе читали что-нибудь, третьи шалили или писали на доскѣ. Иванъ Ивановичъ строго слѣдилъ, чтобы всѣ занимались приготовленіемъ уроковъ, что именно послѣ пяти уроковъ въ классѣ бывало всегда тяжелымъ наказаніемъ. Особенно внимательно Иванъ Ивановичъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы ученики были коротко острижены. — Бывало такъ, что все въ этомъ отношеніи шло благополучно, и, казалось, всѣ гимназисты пострижены, какъ полагалось по правиламъ,—но только что Иванъ Ивановичъ становился инспекторомъ, всѣ окрестные парикмахеры имѣли массу работы. Иванъ Ивановичъ обходилъ классы и посылалъ всѣхъ, не остриженныхъ подъ гребенку, немедленно же стричься. Товарищи заявляли, что они придутъ постриженными завтра, что у нихъ нѣтъ денегъ, — Иванъ Ивановичъ настаивалъ на своемъ и посылалъ воспитанниковъ домой за деньгами. Однажды въ гимназіи ждали какую то важную особу. Мы приходили въ гимназію въ мундирахъ, и всѣ были подстрижены и выбриты, какъ полагается. Но Иванъ Ивановичъ остался этимъ недоволенъ и послалъ изъ одного нашего класса человѣкъ двадцать постричься, такъ сказать, дополнительно. А такъ какъ былъ теплый весенній день, мы этой прогулкѣ очень обрадовались и пришли только ко второму уроку, сказавъ Ивану Ивановичу, что ходили домой за деньгами. Въ тѣ дни, когда Иванъ Ивановичъ бывалъ инспекторомъ, всѣ пуговицы, всѣ крючки были на мѣстѣ на нашей одеждѣ, ни одна посторонняя книга не была въ нашихъ ранцахъ, никто не щеголялъ своей прической или слабыми намеками на растительность на верхней губѣ, никто даже изъ наиболѣе смѣлыхъ курильщиковъ не приносилъ съ собою въ классъ табаку и папиросъ, и въ ватеръ-клозетахъ царствовалъ образцовый порядокъ.

Какъ преподаватель, Иванъ Ивановичъ также былъ чрезвычайно строгъ и требователенъ. Во-первыхъ, онъ славился тѣмъ, что въ часы своихъ уроковъ умѣлъ держать весь классъ въ ежовыхъ рукавицахъ. На урокѣ Ивана Ивановича не было возможности не только шалить или разговаривать съ сосѣдомъ, не только списывать

письменную работу или читать что-либо, но даже заглядывать подъ парту или принимать сколько-нибудь удобную позу. Имѣя орлиный взоръ, онъ рѣшительно все видѣлъ, все замѣчалъ, обо всемъ догадывался, и мы сидѣли на его урокахъ на вытяжку, словно всѣ мы аршины проглотили, съ руками на колѣняхъ или на партахъ. Сначала смѣльчаки позволяли себѣ тѣ или другія отклоненія отъ выполненія строгихъ требованій Ивана Ивановича, но онъ до тѣхъ поръ сажалъ ихъ „безъ обѣда" или ставилъ имъ единицы по поведенію, пока мы всѣ не стали сидѣть на его урокахъ, словно вымуштрованные солдаты. И другіе преподаватели бывали строги, но Ивана Ивановича мы боялись пуще всѣхъ, и на его урокахъ царствовали такая тишина и такой порядокъ, какого не могъ добиться въ нашей гимназіи никто другой изъ преподавателей. Къ тому же Иванъ Ивановичъ имѣлъ обыкновеніе прогуливаться между партами, и всякія подсказыванія губами или знаками были невозможны. За то „спать съ открытыми глазами" на урокахъ Ивана Ивановича можно было безнаказанно: онъ никогда никого не тревожилъ требованіями повторить сказанное имъ или только что отвѣтившимъ урокъ ученикомъ. Онъ методически вызывалъ, въ зависимости отъ величины заданнаго урока, двухъ или трехъ учениковъ и затѣмъ объяснялъ слѣдующій отрывокъ изъ исторіи или географіи. Вызывая воспитанниковъ, онъ придерживался совершенно особой системы: онъ ловилъ тѣхъ, кто плохо зналъ урокъ. Пройдясь по корридорамъ, онъ замѣчалъ тѣхъ кто держитъ учебникъ одного изъ преподаваемыхъ имъ предметовъ, и вызывалъ, придя въ классъ, замѣченныхъ имъ. Если кто-либо отпросился у директора какъ разъ передъ урокомъ Ивана Ивановича, онъ это не только замѣчалъ, но и прекрасно запоминалъ, и отпросившагося вызывалъ на слѣдующій разъ, заставляя его разсказать не послѣдній, а предыдущій урокъ. А такъ какъ отпрашивались большею частью тѣ, кто урока не зналъ, то этимъ путемъ Иванъ Ивановичъ ловилъ нерадивыхъ. То же самое происходило, если кто-либо не являлся въ классъ „по болѣзни". На слѣдующемъ урокѣ онъ ужъ непремѣнно принадлежалъ къ числу вызванныхъ Иваномъ Ивановичемъ, причемъ онъ или совсѣмъ не спрашивалъ послѣдняго урока, ограничиваясь предыдущимъ, или спросивъ послѣдній урокъ, задавалъ рядъ вопросовъ изъ предыдущаго, и съ торжествомъ достигалъ того, чего добивался: ученикъ прошлаго урока не зналъ, а потому и не пришелъ въ гимназію „по болѣзни". Если, скажемъ для примѣра, Ивановъ заканчивалъ свой отвѣтъ, а Петровъ, зная, что урокъ на сегодня имъ не выученъ, просился выйти, Иванъ Ивановичъ его отпускалъ, но до тѣхъ поръ держалъ у доски кого-либо другого, пока Петровъ возвращался въ

классъ,—а затѣмъ своимъ пѣвучимъ голосомъ, словно ни въ чемъ не бывало, Иванъ Ивановичъ произносилъ: „Петровъ“. Жертва была поймана, и я могъ бы исписать еще нѣсколько страницъ, разсказывая, какъ Иванъ Ивановичъ ухищрялся ловить тѣхъ, кто урока не приготовилъ. Слѣдствіемъ же этого было то, что тѣ, кто уроковъ въ корридорахъ не повторяли, кто приходилъ аккуратно на уроки, не пропуская ни разу,—Иваномъ Ивановичемъ не вызывались. Я вспоминаю такой случай. Вызвалъ онъ одного изъ этихъ старательныхъ, еще въ началѣ учебнаго года. Ученикъ отвѣчалъ хорошо, и Иванъ Ивановичъ поставилъ ему пятерку. Затѣмъ этотъ ученикъ не подавалъ ни разу въ теченіе года повода быть пойманнымъ Иваномъ Ивановичемъ, и послѣдній не только ни разу не вызвалъ въ теченіе всего учебнаго года названнаго воспитанника, но и ставилъ ему пятерки въ „четвертяхъ“. За годъ онъ получилъ также пятерку. Воспитанникъ же не только пятерки не заслуживалъ, но и попросту не готовилъ уроковъ, пользуясь своимъ привиллегированнымъ положеніемъ. Наступилъ экзаменъ. „Ассистентомъ“ по исторіи былъ Зембергъ. Нашъ воспитанникъ вытянулъ билетъ чрезвычайно легкій: періодъ римскихъ царей.

— Это онъ знаетъ, замѣтилъ инспекторъ, махнувъ рукой. Разсказывать не надо. Перечислите семь римскихъ царей и ступайте.

И къ великому ужасу Ивана Ивановича, тотъ, кто у него имѣлъ круглую пятерку, не сумѣлъ перечислить римскихъ царей. Удивленный Зембергъ задалъ ему еще нѣсколько вопросовъ, и экзаменующійся не зналъ ни именъ, ни датъ, ни событій...

На слѣдующій день его зоветъ къ себѣ Иванъ Ивановичъ и, конечно, читаетъ ему длиннѣйшую нотацію. Въ какое положеніе онъ поставилъ его, Ивана Ивановича: послѣ пятерки въ году— двойка на экзаменѣ, какой срамъ и стыдъ! Онъ, Иванъ Ивановичъ, еле-еле упросилъ инспектора замѣнить двойку тройкой. Когда же выданы были четвертныя отмѣтки, ученику, такъ незаслуженно имѣвшему пять въ году, экзаменаціонной отмѣткой поставлено было четыре...

Если на урокѣ Ивана Ивановича два ученика уже отвѣтили, а по его разсчету оставшееся время не позволяло спросить еще и третьяго, онъ начинат задавать отдѣльные вопросы различнымъ ученикамъ, коротко отвѣчавшимъ въ такихъ случаяхъ со своихъ мѣстъ, и эти-то отдѣльные вопросы бывали для насъ самой худшей пыткой. Дѣло въ томъ, что Иванъ Ивановичъ строжайше придерживался нашихъ учебниковъ по географіи и пресловутыхъ учебниковъ Иловайскаго. Ни одно слово, ни одно лишнее имя, не встрѣчавшееся у Иловайскаго, ни одинъ фактъ, не зарегистрованный Иловайскимъ,

не входили никогда въ программу Ивана Ивановича; всякую попытку нашу въ старшихъ классахъ хотя бы однимъ фактомъ или именемъ выйти за предѣлы Иловайскаго онъ строго преслѣдовалъ. Такъ, напримѣръ, онъ однажды приказалъ кому-то изъ воспитанниковъ перечесть сподвижниковъ Петра Великаго. Тотъ, начитавшись историческихъ романовъ, назвалъ кромѣ именъ, полагавшихся по Иловайскому, также еще два лишнихъ имени, и Иванъ Ивановичъ поставилъ ему единицу. Но и Иловайскаго Иванъ Ивановичъ значительно превзошелъ тѣмъ, что слабыя попытки Иловайскаго дать тому или другому ряду историческихъ фактовъ общую характеристику и связывать явленія общаго характера въ одно цѣлое онъ совершенно игнорировалъ. Для Ивана Ивановича вся исторія была однимъ лишь сухимъ перечнемъ фактовъ, именъ и датъ. Хронологіей онъ насъ мучилъ до невозможности, и именно въ тѣ десять минутъ, что оставались до начала имъ объясненія слѣдующаго отрывка, онъ умудрялся пройтись по всей всемірной исторіи, поднявъ весь классъ со своихъ мѣстъ. Только тотъ получалъ у него хорошія отмѣтки, кто могъ всегда безошибочно назвать годъ любого историческаго событія, кто запоминалъ огромное количество именъ, кто могъ перечислить по порядку всѣхъ римскихъ императоровъ или русскихъ удѣльныхъ князей. Голый фактъ—таковъ былъ высшій идеалъ Ивана Ивановича, и отъ вызваннаго къ доскѣ онъ требовалъ раньше всего точнаго перечисленія именъ, годовъ и событій въ заданномъ отрывкѣ. Освѣщеніе событій, особенно не по Иловайскому (среди воспитанниковъ были нѣкоторые, увлекавшіеся исторіей и читавшіе дѣльныя книги по этому предмету), строго Иваномъ Ивановичемъ избѣгалось и намъ воспрещалось, а связное изложеніе урока хорошимъ языкомъ положительно не ставилось ни во что передъ знаніемъ хронологіи и именъ, фактовъ или географическихъ наименованій, которыми такъ пестрѣли наши учебники по географіи. Географія Россіи, напримѣръ, сводилась у Ивана Ивановича къ перечисленію: горъ, рѣкъ, озеръ, губерній, городовъ въ отдѣльныхъ губерніяхъ, областей, крупныхъ городовъ вдоль той или другой большой рѣки, вокругъ того или другого озера, по берегу какого либо моря. Вотъ онъ стоитъ передо мной, нашъ Иванъ Ивановичъ, человѣкъ съ шаблоннѣйшей фигурой и „казеннымъ“ выраженіемъ лица, и начинаетъ своимъ пѣвучимъ голосомъ медленно выматывать изъ насъ душу:

Пе-ре-чи-слить... пе-ре-чи-слить... города по Волгѣ съ юга на сѣверъ. Или:

На-звать... На-звать... мысы Африки въ обратномъ направленіи.

Говоря свое стереотипное „перечислить“ или „назвать“, Иванъ

Ивановичъ обыкновенно воздымалъ свою правую руку къ потолку, словно готовился къ какому-либо священнодѣйствію. И дѣйствительно, механическое заучиванiе огромнаго числа мысовъ, острововъ, губерній или городовъ онъ считалъ какимъ то священнымъ и чрезвычайно важнымъ занятіемъ. До чего педантически Иванъ Ивановичъ придерживался „рекомендованныхъ" учебниковъ, показываетъ слѣдующій фактъ, смахивающій на анекдотъ. Въ Бразиліи, какъ извѣстно, въ восьмидесятыхъ годахъ монархія смѣнилась республикой, и нельзя предположить, чтобы Иванъ Ивановичъ ужъ совсѣмъ не читалъ газетъ, если читали таковыя всѣ гимназисты безъ исключеній. Но Иванъ Ивановичъ еще спустя два и три года послѣ названнаго событія на урокахъ географіи называлъ Бразилію монархіей. Одинъ изъ товарищей однажды попросилъ позволенія сказать слово, получилъ соотвѣтствующее разрѣшеніе, поднялся и самымъ скромнымъ образомъ позволилъ себѣ замѣтить, что Бразилія свергла своего монарха и обращена въ республику. Иванъ Ивановичъ нахмурился и велѣлъ товарищу сѣсть, едва слышно подтвердивъ его замѣчаніе. Поскольку это отразилось на дальнѣйшемъ ходѣ занятій товарища, судить не берусь: онъ принадлежалъ къ „вольнодумцамъ" и имѣлъ за свое пристрастіе къ чтенію въ четвертныхъ отмѣткахъ три по поведенію..

Если Иванъ Ивановичъ являлся наиболѣе яркимъ выразителемъ идеи формализма, то нашъ преподаватель латыни и греческаго языка, Германъ Оскаровичъ Гаазе, какъ и подобаетъ нѣмцу, былъ олицетвореніемъ аккуратности и педантической старательности, часто превосходившей мѣру нужнаго и должнаго. Аккуратность его, доведенная до nec plus ultra и потому сильно стѣснявшая и мучившая насъ, гимназистовъ, жаждавшихъ хоть какого-либо разнообразія и уклоновъ отъ установившихся шаблоновъ, сказывалась на каждомъ шагу и рѣшительно во всемъ. Занятія бывали всегда Германомъ Оскаровичемъ строго распредѣлены: въ такіе то дни—переводъ, въ такіе то дни — грамматика, въ такіе-то дни, наконецъ, пресловутое „экстемпорале" и ничто никогда не могло побудить или заставить Германа Оскаровича измѣнить однажды имъ установленный планъ занятій. Вспоминаю, что „экстемпорале" бывало у насъ по субботамъ, аккуратнѣйшимъ образомъ изъ недѣли въ недѣлю, и столь же аккуратнѣйшимъ образомъ онъ приносилъ изъ недѣли въ недѣлю наши тетрадки обратно. Онъ ихъ тщательно просматривалъ и педантически старательно исправлялъ всѣ ошибки, не исключая даже запятыхъ и другихъ знаковъ препинанія. И подъ исправленной письменной работой стояла у каждаго въ тетрадкѣ красными чернилами отмѣтка, скрѣпленная подписью Германа Оскаровича. Система отмѣ-

токъ у него была какая-то своеобразная, и сколько мы ни ломали головъ, системы этой мы такъ и не поняли. Всѣ другіе преподаватели ставили намъ: 1, 2, 3, 4 и 5, варьируя ихъ минусами и плюсами. Мы вообще не могли докопаться до той глубокой разницы, которая заключалась между двумя съ плюсомъ или тремя съ минусомъ, а Германъ Оскаровичъ еще болѣе усложнилъ систему отмѣтокъ введеніемъ половинъ и четвертей. Такимъ образомъ, мы получали, напримѣръ, тройку подъ разнообразными „соусами": тройку съ минусомъ, тройку въ дѣвственно-чистомъ видѣ, тройку съ четвертью, тройку съ плюсомъ, тройку съ половиной и тройку съ тремя четвертями, причемъ я не могу сказать навѣрняка, считалъ ли Германъ Оскаровичъ тройку съ плюсомъ равной тройкѣ съ половиной, выше или же ниже ея. Сколько мы ни старались вникнуть въ глубокій и сокровенный смыслъ этой системы, сколько мы ни дѣлали сравнительныхъ подсчетовъ числа исправленныхъ Германомъ Оскаровичемъ ошибокъ (онъ примѣнялъ свою систему, главнымъ образомъ, при оцѣнкѣ письменныхъ работъ), намъ доискаться смысла ея такъ таки и не удалось, тѣмъ болѣе что и въ опредѣленіи характера ошибокъ Германъ Оскаровичъ примѣнялъ какую-то особенно-своеобразную систему. Всѣ остальные наши преподаватели ограничивались всегда тѣмъ, что подчеркивали ошибку и исправляли ее на ноляхъ. Германъ Оскаровичъ же ставилъ еще надъ или подъ ошибкой особые значки, ставившіеся и въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ на поляхъ. Одинъ значокъ означалъ этимологическую ошибку, другой—синтаксическую, третій—неправильное примѣненіе слова или формы, четвертый—пропускъ и т. п., и я еще теперь съ интересомъ узналъ бы, какъ Германъ Оскаровичъ подсчитывалъ число ошибокъ по различнымъ родамъ ихъ и какая зависимость между числомъ таковыхъ ошибокъ побуждала его въ однихъ случаяхъ ставить три съ плюсомъ, въ другихъ же случаяхъ—три съ половиной.

Придя въ классъ съ тетрадками въ рукахъ, Германъ Оскаровичъ приказывалъ кому-либо изъ учениковъ раздать ихъ и, вооружившись перомъ, дѣлалъ перекличку по алфавиту. Каждый, чья фамилія имъ называлась, долженъ былъ вслухъ назвать полученную имъ отмѣтку, которая и вносилась въ соотвѣтствующей графѣ Германомъ Оскаровичемъ въ журналъ. Затѣмъ онъ диктовалъ нѣсколько фразъ новаго „экстемпорале", и приблизительно полчаса намъ давалось на исполненіе этой письменной работы. Германъ Оскаровичъ тѣмъ временемъ ходилъ по классу или сидѣлъ на каѳедрѣ, но зорко слѣдилъ, чтобы никто не разговаривалъ другъ съ другомъ или не передавалъ бы товарищамъ записочекъ. Но Германъ Оскаровичъ далеко не былъ такъ зорокъ, какъ Иванъ Ивановичъ, и намъ все-

таки удавалось и списывать, и передавать товарищамъ записочки съ переводомъ. Гимназистъ, хорошо справлявшійся съ письменными работами, всегда держалъ тетрадь особымъ образомъ и писалъ нарочно крупными буквами, чтобы сосѣдъ рядомъ и сосѣди сзади могли списывать, не подавая никакого виду Герману Оскаровичу. За нѣсколько минутъ до звонка Германъ Оскаровичъ приказывалъ собирать тетради, и одновременно со звонкомъ выходилъ изъ класса,— съ тѣмъ, чтобы возвратить намъ тетрадки ровно черезъ недѣлю. А такъ какъ тетрадки возвращались въ очередный день „экстемпорале“, то послѣднее никогда не разбиралось, и для многихъ ихъ ошибки оставались всегда загадкой. Въ другіе дни, какъ я уже замѣтилъ, полагались: грамматическія упражненія или переводы изъ классиковъ. Германъ Оскаровичъ никому не позволялъ отвѣчать съ мѣста: всѣ должны были выходить къ доскѣ и раньше всего подавать книжечку съ выписанными словами. Германъ Оскаровичъ любилъ, чтобы эти книжечки были чистенькія и опрятныя, какъ и всегда подвергалъ осмотру наши учебники въ смыслѣ чистоты и опрятности. Будучи же классным̀ъ наставникомъ, Германъ Оскаровичъ вообще требовалъ отъ насъ строжайшимъ образомъ чистоты, опрятности и аккуратности. Для этого онъ осматривалъ наши учебники, требуя замѣны старыхъ новыми, ревизовалъ содержимое нашихъ ранцевъ, шарилъ въ партахъ и карманахъ, не разъ ходилъ и въ шинельную шарить въ карманахъ шинелей. Надо здѣсь замѣтить, что Германъ Оскаровичъ, несомнѣнно, чувствовалъ и сознавалъ въ себѣ особую склонность къ роли и обязанностямъ судебнаго слѣдователя. Какъ только въ классѣ случался у насъ (онъ былъ въ моемъ классѣ три года подрядъ классным̀ъ наставникомъ) какой-либо фактъ сколько-нибудь криминальнаго характ ера, Германъ Оскаровичъ начиналъ подробное слѣдствіе по всѣмъ правиламъ криминальной науки. Сначала допрашивался обвиняемый или, если личность обвиняемаго еще необходимо было установить, обвинитель или потерпѣвшій; затѣмъ вызывались свидѣтели, которые допрашивались имъ въ одиночку или группами; если виновникъ еще не былъ раскрытъ, или степень его вины не была доказана достаточно очевиднымъ образомъ, Германъ Оскаровичъ устраивалъ еще и очныя ставки съ перекрестнымъ огнемъ вопросовъ и отвѣтовъ. Возьмемъ для иллюстраціи такой случай: гимназистъ А. попалъ перомъ въ глазъ товарищу Б. Происшествіе печальное, но мы всѣ видѣли, что А. сдѣлалъ это не нарочно, а нечаянно. Если бы Германъ Оскаровичъ спросилъ насъ, мы бы ему хоромъ отвѣтили, что А. попалъ въ глазъ товарищу вполнѣ нечаянно,— правда, въ минуту баловства. Но Германъ Оскаровичъ насъ не спрашивалъ и нашими мнѣніями или заявленіями

„скопомъ“ не интересовался. Онъ сначала допросилъ потерпѣвшаго, потомъ обвиняемаго, и хотя тотъ сознался въ своей винѣ, Германъ Оскаровичъ спросилъ еще и всѣхъ учениковъ въ качествѣ свидѣтелей. Въ другой разъ одинъ изъ товарищей заявилъ ему, что у него исчезли деньги, данныя ему родителями для уплаты въ гимназіи за право ученія. Германъ Оскаровичъ тотчасъ повелъ слѣдствіе. Сначала былъ допрошенъ ближайшій сосѣдъ потерпѣвшаго, затѣмъ сидѣвшіе сзади и спереди. Потомъ заданъ былъ вопросъ всему классу: не замѣтилъ ли кто-либо чего-нибудь подозрительнаго? Германъ Оскаровичъ пригрозилъ виновнику, если онъ не сознается, значительнымъ усиленіемъ наказанія; но когда и это не повело ни къ какимъ результатамъ, онъ приступилъ къ обыску товарищей. Мы всѣ были этимъ происшествіемъ сильно возбуждены, такъ какъ подозрѣніе падало на каждаго изъ насъ, и были очень рады, когда внезапно потерпѣвшій, которому приказано было еще разъ хорошенько припомнить всѣ подробности пропажи денегъ, нашелъ ихъ въ какомъ то „потайномъ“ карманѣ (мы всѣ мастерили себѣ такіе потайные карманы въ нашихъ ранцахъ, отдѣляя картонъ отъ кожи), куда онъ ихъ засунулъ. Въ другой разъ однимъ было заявлено о пропажѣ пяти рублей. Германъ Оскаровичъ велъ слѣдствіе и приступилъ къ повальному обыску. Прошелъ часъ, а слѣдствіе еще не было доведено имъ до конца. Не желая кого либо выпустить изъ класса, Германъ Оскаровичъ обмѣнялся съ преподавателемъ, чей урокъ слѣдовалъ за его урокомъ, и еще одинъ часъ провелъ въ классѣ, продолжая обыскъ и допросъ. Въ концѣ концовъ оказалось, что потерпѣвшій просто на просто деньги забылъ дома. Эти слѣдствія мы особенно любили, такъ какъ они были и желаннымъ развлеченіемъ и освобождали отъ необходимости отвѣчать и готовить къ слѣдующему разу новый урокъ. Поэтому мы стали создавать инциденты, въ надеждѣ на слѣдствія. Какой-нибудь смѣльчакъ, не приготовившій урока, заявлялъ Герману Оскаровичу о пропажѣ своего завтрака: двухъ кусковъ булки съ холодной котлеткой; и нашъ классный наставникъ не успокаивался до тѣхъ поръ, пока всѣ парты, ранцы и карманы не были имъ обшарены. Въ другой разъ нѣсколько шалуновъ условливались разбить стекло или термометръ. Общее условіе было не выдавать. Сообщалось Герману Оскаровичу, и онъ начиналъ свое слѣдствіе. Иногда оно продолжалось часъ, иногда и два. Иногда онъ находилъ виновниковъ и назначалъ имъ наказаніе соотвѣтствующей строгости; иногда же онъ не открывалъ истинныхъ виновниковъ и ограничивался общимъ выговоромъ, какъ и оставлялъ въ болѣе серьезныхъ случаяхъ весь классъ безъ обѣда. Въ тѣхъ случаяхъ, когда виновникъ не былъ открытъ, Германъ Оскаровичъ

производилъ сборъ въ классѣ и посылалъ кого либо изъ учениковъ купить новый термометръ. Не знаю, замѣтилъ ли онъ, что происшествія въ классѣ создаются подчасъ нарочно, или ему поставленъ былъ на видъ его частый пропускъ въ такихъ случаяхъ занятій.— но позже слѣдствія его стали рѣже и не принимали такого объемистаго и разнообразнаго характера. Все же оттянуть на полчаса начало урока у Германа Оскаровича, при исполненіи имъ функцій классснаго наставника, удавалось и тогда, когда его пылъ опытнаго криминалиста нѣсколько поостылъ. Резолюціи и рѣшенія онъ постановлялъ, если не нужно было предварительное совѣщаніе съ директоромъ или инспекторомъ, быстро, и чѣмъ дальше, тѣмъ все строже. Въ первое время раскаяніе провинившагося или его усиленныя просьбы о прощеніи имѣли у Германа Оскаровича въ этомъ смыслѣ полный успѣхъ, но спустя годъ-полтора онъ сильно измѣнился въ этомъ отношеніи: никого не прощалъ, никому не ослаблялъ наказанія, наказывалъ много и за сущіе пустяки, никогда не забывалъ, кто и за что долженъ быть наказанъ. Въ первое время онъ казался намъ всѣмъ олицетвореніемъ справедливости и равнаго отношенія ко всѣмъ. Позже мы стали замѣчать, что онъ гораздо легче раздражается, относится далеко не съ былымъ участіемъ къ воспитанникамъ, не даетъ имъ возможности оправдываться, но наоборотъ рѣзко обрываетъ ихъ и назначаетъ свои наказанія въ зависимости отъ степени своего раздраженія и нетерпѣливости. Въ первое время онъ допускалъ кой-какія вольности, какъ, напр., самъ посылалъ двухъ воспитанниковъ купить новый термометръ (его разбивали чрезвычайно часто), въ учительскую посылалъ, если нужно было, обмѣнять журналъ, не наказывалъ за небольшія опозданія. Позже всѣ эти „попущенія“ онъ изъ своей программы вычеркнулъ, былъ строгъ и требователенъ, часто придирался къ сущимъ пустякамъ, требовалъ аккуратности и исполненія по предписанной казенной формѣ всего и во всемъ и весь ушелъ въ грамматическія упражненія и излюбленныя свои „экстемпорале“. Въ первое время, когда онъ читалъ съ нами Корнелія Непота, онъ старался разъяснять намъ текстъ, по возможности иллюстрируя и популяризируя его. Позже онъ пересталъ и это дѣлать, ограничиваясь сухимъ переводомъ заданнаго отрывка, хотя, наоборотъ, по распоряженію изъ Петербурга стали у насъ вводить постепенно вмѣсто старыхъ стереотипныхъ изданій классиковъ новыя изданія съ рисунками и поясненіями древне-классическихъ обычаевъ и нравовъ. Въ первый годъ, когда онъ еще только недавно появился у насъ въ гимназіи и объяснялъ какъ-то, что латинское слово „igitur“ ставится только въ началѣ предложенія, одинъ изъ учениковъ замѣтилъ, что въ извѣстной студенческой

пѣснѣ „Gaudeamus igitur“ слово стоитъ на второмъ мѣстѣ. Германъ Оскаровичъ разъяснилъ причину отступленія отъ правила и наградилъ любознательнаго воспитанника весьма поощрительно улыбкой. Позже онъ пересталъ допускать подобныя выраженія ученическаго вольнодумства и принадлежалъ къ тѣмъ изъ нашихъ преподавателей, кто преслѣдовалъ гимназистовъ, по примѣру директора, за чтеніе книгъ на дому. Онъ также, въ качествѣ классного наставника, ходилъ на домъ къ ученикамъ и если „конфисковалъ“ меньше книгъ въ сравненіи съ нашимъ инспекторомъ, забиравшимъ все безъ разбору, кромѣ учебниковъ, то, вѣроятно, только потому, что въ качествѣ нѣмца, незнакомаго съ русской литературой, не умѣлъ отличать Добролюбова отъ Буслаева, хрестоматіи котораго составляли главное содержаніе нашей гимназической библіотеки для воспитанниковъ.

Упомянутая аккуратность Германа Оскаровича выражалась еще во многомъ: онъ распредѣлялъ учениковъ по номерамъ и разрядамъ въ строгой зависимости отъ ихъ успѣховъ. Онъ аккуратнѣйшимъ образомъ ставилъ отмѣтки тотчасъ за отвѣтомъ воспитанника, причемъ заносилъ отмѣтку и къ себѣ въ записную книжечку, съ которой никогда не разставался. По субботамъ аккуратнѣйшимъ образомъ онъ приказывалъ собирать записныя тетради, въ которыя собственноручно, не довѣряя помощнику классного наставника, вносилъ наши отмѣтки и скрѣплялъ ихъ своей подписью. У другихъ классныхъ наставниковъ это выполнялось не особенно регулярно; Германъ Оскаровичъ никогда этой миссіи своей не откладывалъ, и въ тотъ же день, когда тетради были собраны, мы получали ихъ послѣ уроковъ обратно. Обыкновенно, придя въ классъ, Германъ Оскаровичъ освѣдомлялся у назначенныхъ имъ дежурныхъ, кто не пришелъ въ классъ. Затѣмъ онъ справлялся по журчалу, гдѣ фамиліи отсутствующихъ помѣчались, кто не былъ наканунѣ или вообще въ предыдущіе дни и, требовалъ отъ таковыхъ объясненій и писемъ отъ родителей. По понедѣльникамъ же онъ требовалъ еще раскрыть записныя тетради, и обходя парты, смотрѣлъ, подписаны ли отмѣтки родителями воспитанниковъ. Кто былъ вызванъ въ субботу въ тѣ часы, когда тетрадки были у Германа Оскаровича, долженъ былъ подать ихъ теперь для дополнительнаго внесенія отмѣтокъ. Кто въ субботу внезапно „заболѣвалъ“ или „забывалъ“ записную тетрадь дома, надѣясь тѣмъ или инымъ путемъ избѣжать внесенія скверныхъ отмѣтокъ, также долженъ былъ подать тетрадь въ понедѣльникъ. Отъ нихъ всѣхъ Германъ Оскаровичъ требовалъ, чтобы они представляли тетради съ подписями родителей во вторникъ. Нѣкоторые изъ насъ уже въ младшихъ классахъ, въ старшихъ же классахъ большинство, пользовались настолько дома свободой или довѣріемъ родителей,

что записныя тетради съ отмѣтками имъ и не показывались. Подписывали тетради или четвертныя отмѣтки сами гимназисты тутъ же въ классѣ, за нѣсколько минутъ до прихода классснаго наставника. Я не думаю, чтобы Германъ Оскаровичъ зналъ объ этомъ: иначе онъ, какъ человѣкъ неглупый, не могъ бы съ такимъ педантизмомъ вписывать отмѣтки въ наши тетради и придавать этому значенiе какого-то важнаго педагогическаго акта. Онъ же былъ и наиболѣе требовательный среди всѣхъ воспитателей относительно аккуратнаго внесенiя того, что задано, въ записныя тетради, и строго наказывалъ тѣхъ, кто въ субботу представлялъ тетрадь съ пропусками и пробѣлами. Зналъ ли онъ, что большинство записывало о томъ, что было задано за недѣлю по всѣмъ предметамъ, по субботамъ же за пять минутъ до того, когда надо было уже отдать тетрадь Герману Оскаровичу? И понималъ ли онъ, что внесенiе въ тетрадь стереотипной записи: рѣшить такiя-то задачи, выучить то-то или то-то, перевести такой-то отрывокъ еще не было равносильно тому, что ученикъ, ведущiй записи самымъ старательнымъ образомъ, дѣйствительно рѣшаетъ задачи, выучиваетъ и готовитъ переводъ того, что задано?

М. Сукенниковъ.

(*Окончанiе будетъ*).

———————

Русскіе писатели и вопросы воспитанія и народнаго образованія.

(*Окончаніе*).

III.

Ученики Пушкина и Гоголя, поднявшіе значеніе русской литературы на такую высоту, до какой она никогда не достигала раньше, также занимались вопросами воспитанія и народнаго образованія. *Тургеневъ* въ молодости далъ не только „аннибаловскую клятву" бороться съ крѣпостнымъ правомъ, но и торжественное обѣщаніе содѣйствовать распространенію въ Россіи образованія. Вѣрный этому обѣщанію, онъ накапунѣ освобожденія крестьянъ составилъ проектъ „общества для распространенія грамотности и первоначальнаго образованія". „Заводить какъ можно больше школъ, говоритъ Тургеневъ,—пропускать какъ можно больше лицъ сквозь эти школы и въ наивозможно кратчайшее время (что, конечно, никакъ не должно мѣшать основательности получаемыхъ свѣдѣній) — вотъ въ чемъ должна состоять задача нашего общества. Другими словами: мы должны стараться развести какъ можно болѣе лицъ, умѣющихъ читать, писать, знающихъ Законъ Божій, первыя правила ариѳметики и имѣющихъ самыя первоначальныя свѣдѣнія въ исторіи и географіи". Для достиженія этой цѣли проектированное Тургеневымъ общество должно было учреждать школы и помогать ихъ учрежденію деньгами и совѣтами, издавать учебныя книги и руководства, устраивать народныя читальни, издавать спеціальный органъ общества и т. д. Изданія, предназначенныя для народа, по мысли Тургенева, должны были быть доступны по содержанію и по цѣнѣ и написаны литературнымъ языкомъ. „Прибауточный и сказочный тонъ" Тургеневъ считалъ рѣшительно неумѣстнымъ, потому что „съ народомъ надо обращаться искренно, честно и съ полнымъ уваженіемъ". Изданія общества, кромѣ снабженія школъ учебниками, должны были,

между прочимъ, распространять въ народѣ свѣдѣнія юридическія, естественно научныя и сельско-хозяйственныя.

Общество, задуманное Тургеневымъ, не было учреждено, и великій писатель въ своихъ заботахъ о народномъ образованіи принужденъ былъ ограничиться учрежденіемъ одной только школы въ своемъ имѣніи, селѣ Спасскомъ. Живя за границей, Тургеневъ зорко слѣдилъ за своей школой, за перемѣной въ ней учителей, за методами преподаванія, за успѣхами наиболѣе способныхъ ея учениковъ, которымъ онъ давалъ средства для дальнѣйшаго образованія, и т. д. Старался Тургеневъ и о томъ, чтобы неграмотнымъ крестьянамъ разъяснить пользу образованія. „Жалѣю, что ваши дѣти мало посѣщаютъ школу, писалъ Тургеневъ изъ Буживаля крестьянамъ села Спасскаго 4 сентября 1882 года: — Помните, что въ наше время безграмотный человѣкъ то же, что слѣпой или безрукій“.

Глубокій интересъ, съ которымъ Тургеневъ относился къ народному образованію, и его горячая вѣра въ пользу даже простой грамотности, отразились и въ художественныхъ его произведеніяхъ. Лучшіе представители народа въ сочиненіяхъ Тургенева оказываются грамотными, напримѣръ: Касьянъ съ Красивой Мечи, Калинычъ, Лукерья (въ „Живыхъ мощахъ“), Акимъ (въ „Постояломъ дворѣ“). Точно также лучшіе представители интеллигенціи въ повѣстяхъ и разсказахъ Тургенева устраиваютъ школы и обучаютъ крестьянскихъ дѣтей или взрослыхъ неграмотныхъ, напримѣръ: Коротаевъ, Яковъ Пасынковъ, Бабуринъ, тетка Лаврецкаго, Татьяна, Маріанна, Соломинъ и др. И наоборотъ, худшіе представители русской интеллигенціи въ произведеніяхъ Тургенева вооружаются противъ народныхъ школъ, напримѣръ: генералы, изображенные въ „Дымѣ“, Калломѣйцевъ въ „Нови“, Ласунская въ „Рудинѣ“. и др. Распространеніе среди народа просвѣщенія Тургеневъ считалъ лучшимъ и едва-ли не единственнымъ средствомъ, которымъ интеллигенція можетъ служить народу. Въ этомъ отношеніи очень характеренъ разговоръ Маріанны и Татьяны въ романѣ „Новь“. „Вы думаете, что мы хотимъ учить народъ; нѣтъ, мы служить ему хотимъ“ говоритъ Маріанна Татьянѣ.—Какъ такъ служить“? удивленно спрашиваетъ Татьяна: „Учите его; вотъ вамъ и служба“.

Вопросы воспитанія также живо интересовали Тургенева. Онъ съ большимъ вниманіемъ занимался воспитаніемъ и образованіемъ своей дочери. Въ своихъ романахъ и повѣстяхъ онъ удѣлилъ не мало страницъ воспитанію своихъ героевъ и героинь, напримѣръ: Лизы и Лаврецкаго въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, Елены и Берсенева въ „Наканунѣ“, Вѣры въ „Фаустѣ“ и др., и показалъ, какъ воспитаніе отразилось на развитіи ихъ характера и на ихъ дальнѣйшей

судьбѣ. Такъ же, какъ и Пушкинъ, Тургеневъ изобразилъ намъ рядъ иностранныхъ воспитателей и воспитательницъ, хотя и не столь каррикатурныхъ, но столь же несимпатичныхъ. Такъ, напримѣръ, гувернеръ Лаврецкаго—отца, „отставной аббатъ и энциклопедистъ"—„ловкій и тонкій проныра", женившійся на семидесятилѣтней княжнѣ Кубенской съ цѣлью ее обобрать и бросить; Рикманъ, гувернеръ Чулкатурина („Дневникъ лишняго человѣка")—„худосочный и слезливый нѣмецъ, необыкновенно печальное и судьбою пришибленное существо"; M-lle Моро, гувернантка Лизы, „крошечное сморщенное существо съ птичьими ухватками и птичьимъ умишкомъ" и т. д. Несравненно симпатичнѣе всѣхъ этихъ иностранныхъ педагоговъ, исключая Лемма, который, впрочемъ, былъ только учитель музыки, изображена няня Лизы, Агафья Власьевна, рядомъ съ которой можно поставить Бабурина.

Слѣдуетъ также упомянуть, что Тургеневъ въ высшей степени обладалъ тѣмъ качествомъ, безъ котораго немыслимъ истинный педагогъ. Съ юныхъ лѣтъ и до глубокой старости онъ страстно любилъ дѣтей и „всюду являлся ихъ неизмѣннымъ другомъ и забавникомъ". Часто въ гостяхъ онъ оставлялъ взрослыхъ и шелъ въ дѣтскую, гдѣ очаровывалъ маленькихъ слушателей своими разсказами *).

Достоевскій также не остался въ сторонѣ отъ того просвѣтительнаго движенія среди русской интеллигенціи, которымъ отмѣчены шестидесятые годы, когда сознана была настоятельная необходимость вслѣдъ за паденіемъ „рабства" юридическаго освободить русскій народъ и отъ рабства невѣжества. Во время пребыванія на каторгѣ Достоевскій убѣдился, что болѣе половины его товарищей по заключенію были людьми вполнѣ грамотными; но выводъ, что „грамотность губитъ народъ", онъ все-таки призналъ ошибкой. Считая грамотность „первымъ шагомъ всякаго образованія", Достоевскій на каторгѣ научилъ читать и писать татарина Алея **), а по возвращеніи въ Петербургъ въ своемъ журналѣ „Время" доказывалъ „полную необходимость всенароднаго образованія". „Грамотность прежде всего, писалъ Достоевскій въ объявленіи о своемъ журналѣ,—грамотность и образованіе усиленныя вотъ единственное спасеніе, единственный передовой шагъ, теперь остающійся и ко-

*) *И. Ивановъ.* И. С. Тургеневъ. Спб. 1896. Стр. 73. На педагогической почвѣ произошла и ссора между Тургеневымъ и Львомъ Толстымъ.

**) Живя въ Семипалатинскѣ по выходѣ изъ каторги, Достоевскій давалъ уроки въ частныхъ домахъ. См. воспоминанія одной изъ его учениць, въ статьѣ г. Скандина „Ѳ. М. Достоевскій въ Семипалатинскѣ" („Историческій Вѣстникъ" 1903 г., январь).

торый можно теперь сдѣлать. Мало того: даже при возможности и другихъ шаговъ, грамотность и образованіе все таки остаются единственнымъ первымъ шагомъ, который надо и должно сдѣлать *)“.

Въ первой же книжкѣ своего журнала Достоевскій постарался объяснить, почему „грамотное простонародье наполняетъ остроги“. Даже простая грамотность, по мнѣнію Достоевскаго, выдвигаетъ человѣка изъ неграмотной среды и развиваетъ въ немъ самонадѣянность. Такому человѣку, говоритъ Достоевскій,—иногда можетъ показаться, что съ нимъ нельзя поступать такъ, какъ съ другими, темными. Онъ нетерпѣливъ; онъ дерзокъ на словахъ; ему неприлично перенести то, что всѣ переносятъ,—особенно при свидѣтеляхъ; онъ надмененъ. Надменность порождаетъ въ немъ легкомысліе—заносчивость. Иногда онъ ужъ слишкомъ много на себя понадѣется, заберется не по силамъ, и—вдругъ обрывается, даже иногда совершенно нечаянно, и оттого, напримѣръ, что въ критическую минуту на него смотрѣли свои, передъ которыми онъ чванился, и ждали, что отъ него въ эту критическую минуту будетъ. Вотъ онъ и показалъ себя и... показалъ себя!

Для уничтоженія этихъ вредныхъ послѣдствій грамотности Достоевскій считалъ единственнымъ лѣкарствомъ распространеніе грамотности на весь народъ. „Сдѣлайте ее достояніемъ всѣхъ по возможности, говоритъ Достоевскій,—и она не породитъ ни въ комъ и ни при какихъ обстоятельствахъ ни высокомѣрія, ни заносчивости. Не передъ кѣмъ и заноситься будетъ: всѣ будутъ грамотные“. „Грамотность, говоритъ Достоевскій дальше въ той же статьѣ,—нравственно улучшитъ народъ и придастъ ему чувство собственнаго достоинства, которое, въ свою очередь, уничтожитъ многія злоупотребленія и безпорядки“. Успѣхъ воскресныхъ школъ служилъ для Достоевскаго доказательствомъ, что народъ „желаетъ, ищетъ грамотности“, что онъ уже „созрѣлъ для нея“ **).

Кромѣ „быстрѣйшаго распространенія“ грамотности, для просвѣщенія народа и сближенія его съ образованными сословіями, Достоевскій считалъ необходимымъ развитіе въ народѣ „охоты къ чтенію“. Съ этой точки зрѣнія въ своихъ статьяхъ „Книжность и грамотность“ онъ вооружался противъ поучительныхъ и назидательныхъ народныхъ книжекъ и требовалъ прежде всего доставленія народу чтенія пріятнаго и занимательнаго. Только тогда, когда народъ полюбитъ такое чтеніе, по мнѣнію Достоевскаго, можно приняться за

---

*) Сочиненія Достоевскаго, IX, 89. Изд. Маркса.
**) Соч. Дост., IX, 33—37.

его образованіе и воспитаніе посредствомъ истинно хорошихъ и полезныхъ книжекъ.

Впослѣдствіи, приступивъ къ изданію „Дневника писателя", Достоевскій въ первомъ же номерѣ заявилъ: „я не хочу мыслить и жить иначе, какъ съ вѣрой, что всѣ наши девяносто милліоновъ русскихъ (или сколько ихъ тамъ народится) будутъ всѣ когда-нибудь образованы, очеловѣчены и счастливы. Я знаю и вѣрую твердо, что всеобщее просвѣщеніе никому у насъ повредить не можетъ *). Правда, въ томъ же самомъ „Дневникѣ писателя" Достоевскій писалъ, что „нашъ народъ просвѣтился уже давно, принявъ въ свою суть Христа и ученія Его", что „намъ вовсе и нечему учить такой народъ"; но рядомъ съ этими парадоксами мы находимъ сужденія болѣе вѣрныя и болѣе здравыя. „Народъ чистъ сердцемъ, но ему нужно образованіе", писалъ Достоевскій въ февралѣ 1877 года. „Нашъ народъ духовно боленъ", онъ „ищетъ правды" и „жаждетъ просвѣщенія", говорится въ послѣднемъ номерѣ „Дневника писателя", вышедшемъ уже послѣ смерти Достоевскаго. Для „оздоровленія народа" и для удовлетворенія его духовной жажды Достоевскій въ концѣ своей жизни такъ же, какъ и въ шестидесятыхъ годахъ, призывалъ все ту же интеллигенцію. „Просвѣщеніе народа, говоритъ онъ,—это наше право и наша обязанность". „Не раздача имѣнія обязательна и не надѣванье зипуна: все это лишь буква и формальность... Всѣ эти старанія „опроститься"—лишь одно только переряживанье, невѣжливое даже (по отношенію) къ народу и васъ унижающее... Если не хотите сбирать, какъ Власъ, на храмъ Божій, то заботьтесь о просвѣщеніи души этого бѣдняка, свѣтите ему, учите его" **). Достоевскій и умеръ съ сознаніемъ, что „страшно нужна народу интеллигенція, предводящая его", что „самъ онъ жаждетъ и ищетъ ея" ***).

Средняя школа сравнительно мало интересовала Достоевскаго; но и о ней онъ оставилъ намъ замѣчанія, не лишенныя значенія. Достоевскій принадлежалъ къ числу сторонниковъ учебной реформы, проведенной гр. Д. А. Толстымъ, и ставилъ въ зависимость отъ нея „*всю* нашу будущность" (IX, 344). Но хорошо также Достоевскій

*) Соч. Дост., X, 37.

**) Соч. Дост., XI, 17, 69.

***) Соч. Дост. XI, 510. Въ своей записной книжкѣ Достоевскій проектировалъ „два разряда народныхъ школъ: въ однихъ только читать, *кое какъ* (курсивъ Достоевскаго) писать... и три молитвы; другой разрядъ школъ.. повыше". Достаточно, по мнѣнію Достоевскаго, создать школы перваго разряда, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ сами собой явились и школы высшаго разряда.

видѣлъ и слабыя стороны реформированной классической гимназіи. „Математика и два древніе языка, латинскій и греческій, писалъ онъ въ 1876 году,—признаны наиболѣе развивающимъ средствомъ, умственнымъ и даже духовнымъ. Не мы признали это и не мы это выдумали: это фактъ и фактъ безспорный, выжитый на опытѣ всею Европою въ продолженіе вѣковъ, а нами только перенятый. Но вотъ въ чемъ дѣло: рядомъ съ страшно усиленнымъ преподаваніемъ этихъ двухъ древнихъ великихъ языковъ и математики, почти совсѣмъ подавлено у насъ преподаваніе языка русскаго. Спрашивается: какъ, какимъ средствомъ и черезъ какой матеріалъ наши дѣти усвоятъ себѣ формы этихъ двухъ древнихъ языковъ, если русскій языкъ въ упадкѣ... Вся нравственно-развивающая сила этихъ двухъ древнихъ языковъ, этихъ двухъ наиболѣе законченныхъ формъ человѣческой мысли и уже поднявшихъ, вѣками, весь бывшій варварскій Западъ до высочайшей степени развитія и цизилизаціи,—вся эта сила, естественно, минуетъ нашу новую школу именно изъ-за упадка въ ней русскаго языка *).

Кромѣ пренебреженія къ родному языку, другимъ недостаткомъ учебной реформы гр. Д. Толстого Достоевскій считалъ чрезмѣрную быстроту ея примѣненія („ввели дубиной"). По его мнѣнію, для этой реформы надо было сначала „постепенно приготовить почву" и образовать необходимый контингентъ собственныхъ учителей-классиковъ. „Долго ждать, говоритъ Достоевскій,—но было-бы вѣрнѣе". Тогда не нужно было-бы прибѣгать къ посредству „холодныхъ, безучастныхъ, враждебныхъ къ юношеству" чеховъ, „не знающихъ русскаго языка и свысока смотрящихъ на русскій языкъ" **). Вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ, по мысли Достоевскаго, должно быть усилено и преподаваніе исторіи. „Исторія у насъ,—говоритъ онъ—дала-бы духовныя идеи... Исторія бы спасла отъ растлѣнія и направила-бы умъ юности хотя-бы въ міръ историческій изъ отвлеченнаго бреда и бурды, составляющихъ духовный міръ для нашего общества... Исторія, всемірная исторія, по крайней мѣрѣ, вселила-бы уваженіе къ историческимъ формамъ жизни человѣческой, дала-бы смыслъ" ***).

Слѣдуетъ также упомянуть, что Достоевскій горячо высказывался за допущеніе женщинъ къ высшему образованію. По его словамъ, „допустивъ искренно и вполнѣ высшее образованіе женщины, со всѣми правами, которыя даетъ оно, Россія еще разъ ступила-бы ог-

*) Соч. Дост., X, 272.
**) „Записная книжка" Достоевскаго, сс. 361, 367.
***) „Записная книжка" Достоевскаго, сс. 367—368.

ромный и свободный шагъ передъ всей Европой въ великомъ дѣлѣ обновленія человѣчества". Потребность у насъ высшаго образованія для женщинъ, говоритъ Достоевскій въ другомъ мѣстѣ своего „Дневника",—потребность самая настоятельная и именно теперь, въ виду серьезнаго запроса дѣятельности въ современной женщинѣ, запроса на образованіе, на участіе въ общемъ дѣлѣ. Я думаю, отцы и матери этихъ дочерей сами должны были настаивать на этомъ, для себя же, если любятъ дѣтей своихъ. Въ самомъ дѣлѣ, только лишь высшая наука имѣетъ въ себѣ столько серьезности, столько обаянія и силы, чтобъ умирить это почти волненіе, начавшееся среди нашихъ женщинъ. Только наука можетъ дать отвѣтъ на ихъ вопросы, укрѣпить умъ, взять, такъ сказать, въ опеку расходившуюся мысль" *).

Еще болѣе, чѣмъ народное образованіе, занимали Достоевскаго вопросы народнаго воспитанія. Онъ глубоко сожалѣлъ, что современное русское семейство въ интеллигентныхъ кругахъ все болѣе и болѣе становится „случайнымъ семействомъ". „Никогда семейство русское, писалъ онъ въ 1877 году,—не было болѣе расшатано, разложено, болѣе разсортировано и неоформлено, какъ теперь" **). А въ своей записной книжкѣ Достоевскій прямо говоритъ: „у насъ въ семействахъ лишь растлѣніе". Признаками этого „растлѣнія" великій писатель считалъ отсутствіе высшихъ цѣлей жизни и даже сатирическое отношеніе къ нимъ, исключительное погруженіе въ „шкурные" вопросы и въ особенности крайнее небреженіе о дѣтяхъ.

Защитѣ дѣтей Достоевскій посвятилъ въ своемъ „Дневникѣ писателя" цѣлый рядъ горячо написанныхъ страницъ. По его словамъ, „мы не должны превозноситься надъ дѣтьми, мы ихъ хуже. И если мы учимъ ихъ чему нибудь, чтобъ сдѣлать ихъ лучшими, то и они насъ учатъ многому и тоже дѣлаютъ насъ лучшими уже однимъ только нашимъ соприкосновеніемъ съ ними. Они очеловѣчиваютъ нашу душу однимъ только своимъ появленіемъ между нами. А потому мы ихъ должны уважать и подходить къ нимъ съ уваженіемъ къ ихъ лику ангельскому (хотя бы и имѣли ихъ научить чему), къ ихъ невинности, даже и при порочной какой-нибудь въ нихъ привычкѣ,—къ ихъ безотвѣтственности и къ трогательной ихъ беззащитности" ***). Только такое любовное отношеніе къ дѣтямъ, только сознаніе, что „воспитаніе дѣтей есть трудъ и долгъ", способны создать нормальную семью. „Эти созданія, говоритъ Достоевскій о дѣтяхъ,—только тогда вторгаются въ душу нашу и приростаютъ къ

*) Соч. Дост., X, 202, 233.
**) Соч. Дост., XI, 211.
***) Соч. Дост., X, 83—84.

нашему сердцу, когда мы, родивъ ихъ, слѣдимъ за ними съ дѣтства, не разлучаясь, съ первой улыбки ихъ, и затѣмъ продолжаемъ родниться взаимною душою каждый день, каждый часъ въ продолженіе всей жизни нашей. Вотъ это семья, вотъ это святыня!“ *).

Разъ семья создается „неустаннымъ трудомъ любви“, разъ дѣти—„ангелы“, то, конечно, отсюда слѣдуетъ, что и обращеніе съ дѣтьми должно быть самое гуманное. „Розга въ семействѣ, по словамъ Достоевскаго,—есть продуктъ лѣни родительской, неизбѣжный результатъ этой лѣни. Все, что можно-бы сдѣлать трудомъ и любовью, неустанной работой надъ дѣтьми и съ дѣтьми, все, чего можно-бы было достигнуть разсудкомъ, разъясненіемъ, внушеніемъ, терпѣніемъ, воспитаніемъ и примѣромъ,—всего того слабые, лѣнивые, но нетерпѣливые отцы полагаютъ всего чаще достигнуть розгой“. „Какой же результатъ выходитъ?“—спрашиваетъ Достоевскій. „Ребенокъ хитрый, скрытный, непремѣнно покорится и обманетъ васъ, и розга ваша не исправитъ, а только развратитъ его. Ребенка слабаго, трусливаго и сердцемъ нѣжнаго—вы забьете. Наконецъ, ребенка добраго, простодушнаго, съ сердцемъ прямымъ и открытымъ—вы сначала измучаете, а потомъ ожесточите и потеряете его сердце“ **).

Гуманное и сердечное отношеніе къ дѣтямъ проповѣдуетъ Достоевскій и въ художественныхъ своихъ произведеніяхъ. Самъ Достоевскій горячо любилъ дѣтей и надѣлилъ этою любовью лучшихъ своихъ героевъ. „Дѣтокъ любите особенно, говоритъ старецъ Зосима,—ибо они тоже безгрѣшны, яко ангелы, и живутъ для умиленія нашего, для очищенія сердецъ нашихъ и какъ нѣкое указаніе намъ. Горе оскорбившему младенца!“ Алешу Карамазова и князя Мышкина въ Швейцаріи мы видимъ въ самомъ близкомъ общеніи съ дѣтьми. А Ивану Карамазову однихъ дѣтскихъ страданій достаточно для того, чтобы поднять свой знаменитый „бунтъ“. Этой любви къ дѣтямъ и глубокому интересу къ дѣтской психологіи русская литература обязана существованіемъ цѣлой галлереи дѣтскихъ типовъ, которую мы находимъ въ произведеніяхъ Достоевскаго, начиная съ „Неточки Незвановой“ и кончая „Братьями Карамазовыми“. Въ этой галлереѣ передъ нами проходятъ въ большинствѣ случаевъ дѣти, болѣзненно и преждевременно развившіяся подъ гнетомъ нужды и горя и сдѣлавшіяся нелюдимыми и подозрительными, крайне обидчивыми, а иногда даже озлобленными и мстительными. Такова Неточка Незванова въ повѣсти того-же названія, Нелли въ „Униженъ-

*) Соч. Дост., X, 85.
**) Соч. Дост., XI, 233—234.

ныхъ и оскорбленныхъ“ и Илюша въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“. Рядомъ съ этими типами „забитыхъ“ дѣтей стоятъ такія мечтательныя и склонныя къ созерцательности натуры, какъ Алеша Карамазовъ и „подростокъ“, такіе властные, гордые и настойчивые характеры, какъ княжна Катя въ „Неточкѣ Незвановой“ и Лиза Хохлакова, наконецъ, такіе преждевременно зараженные недѣтскими идеями мальчики, какъ Коля Иволгинъ и Коля Красоткинъ.

Всѣ эти дѣти изображены съ тѣмъ глубокимъ проникновеніемъ въ ихъ психическій міръ, которое составляетъ особенность таланта Достоевскаго, и съ тою любовью, которая дала Оресту Миллеру право назвать Достоевскаго „самымъ сильнымъ проповѣдникомъ на убійственный для нашей совѣсти текстъ: „блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ силъ“ *). Кромѣ этой „проповѣди евангелія“ по отношенію къ дѣтямъ, художественныя произведенія Достоевскаго представляютъ спеціальный интересъ не только для педагога: они даютъ „много данныхъ для изученія внутреннихъ процессовъ дѣтской душевной жизни и тѣмъ самымъ не мало способствуютъ пониманію духовной природы ребенка“ **).

Придавая такое важное значеніе воспитанію дѣтей, относясь съ такимъ чисто-религіознымъ уваженіемъ къ дѣтямъ, Достоевскій, естественно, предъявлялъ самыя высокія требованія не только къ родителямъ ***), но и къ учителямъ. „Учитель—это штука тонкая,—писалъ онъ въ 1873 году;—народный, національный учитель вырабатывается вѣками, держится преданіями, безчисленнымъ опытомъ... Что въ томъ, что онъ ученый, коли дѣла не смыслитъ? Педагогіи онъ, напримѣръ, выучится и будетъ съ каѳедры отлично преподавать педагогію, а самъ все-таки педагогомъ не сдѣлается. Люди, люди—это самое главное. Люди дороже даже денегъ. Людей ни на какомъ рынкѣ не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются“ ****).

Слѣдуетъ упомянуть и о тѣхъ надеждахъ, которыя возлагалъ Достоевскій на скромнаго сельскаго учителя. По его мнѣнію, народный учитель не долженъ ограничиваться однимъ только обученіемъ дѣтей въ школѣ: онъ долженъ быть и воспитателемъ взрослыхъ. Достоевскаго приводило въ ужасъ народное пьянство, и онъ возла-

---

*) *О. Миллеръ*. „Русскіе писатели послѣ смерти Гоголя“, I, 294. Спб. 1890.

**) *Пользинскій*. „Дѣтскій міръ въ произведеніяхъ Достоевскаго“. Ревель. 1891.

***) Хорошій отецъ, по мнѣнію Достоевскаго, долженъ иногда даже „совсѣмъ перевоспитать себя“ ради блага дѣтей (XI, 235).

****) Соч. Достоевскаго, IX. 286.

галъ на сельскаго учителя обязанность бороться съ этимъ зломъ. „Даже самый бѣднѣйшій какой-нибудь школьный учитель, по его словамъ, ужасно много могъ-бы сдѣлать", взявши „на себя весь починъ, всю иниціативу освобожденія народа отъ варварской страсти къ пьянству *).

Считая воспитаніе дѣтей священнымъ долгомъ родителей, доказывая необходимость „національныхъ" педагоговъ, Достоевскій, естественно, относился вполнѣ отрицательно къ воспитательной роли гувернеровъ, гувернантокъ и боннъ, особенно иностраннаго происхожденія, доходя въ этомъ отношеніи до крайности. „О, маменька не знаетъ, восклицалъ Достоевскій въ 1876 году,—какимъ ядомъ она отравляетъ свое дѣтище еще съ двухлѣтняго возраста, приглашая къ нему бонну. Всякая мать и всякій отецъ знаютъ, напримѣръ, объ одной дѣтской физической привычкѣ... Прямо осмѣлюсь сказать, что бонна, т. е. французскій языкъ съ перваго дѣтства, съ перваго дѣтскаго лепета, есть все равно въ нравственномъ смыслѣ, что та ужасная привычка въ физическомъ **). Не французскій, а родной языкъ, по мнѣнію Достоевскаго, долженъ усваивать русскій ребенокъ въ дѣтствѣ и долженъ усваивать его, если не отъ матери, то, по крайней мѣрѣ, отъ русской няни.

Можно спорить о томъ, кто величайшій изъ русскихъ писателей, Достоевскій или *Левъ Толстой*. Но никакого спора не можетъ быть о томъ, кто изъ нихъ больше занимался вопросами народнаго образованія. Въ этомъ отношеніи со Львомъ Толстымъ не можетъ соперничать ни одинъ изъ русскихъ писателей. Еще во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, когда крѣпостное право, по выраженію Тургенева, стояло, какъ скала, юный Толстой сознаъ свой долгъ передъ закрѣпощеннымъ народомъ. Весною 1847 года онъ оставляетъ Казанскій университетъ, поселяется въ своемъ имѣніи Ясной Полянѣ и всецѣло отдается заботамъ о счастьи и благополучіи своихъ крестьянъ. Филантропическія мечтанія Толстого на первыхъ порахъ не замедлили испариться передъ лицомъ суровой дѣйствительности. Между прочимъ, по свидѣтельству его біографа, „когда онъ пожелалъ основать школы для обученія и воспитанія крестьянскихъ дѣтей,—невѣжественные мужики просили не утомлять слабыхъ дѣтей наукой" ***). Несмотря на такую просьбу, Толстой все же нѣсколько позже, въ 1849 году, основалъ въ Ясной Полянѣ сельскую школу, а десять лѣтъ спустя, наканунѣ освобожденія крестьянъ, самъ сталъ

---

*) Соч. Дост., IX, 289—290.

**) Соч. Достоев., X, 273.

**) *Левенфельдъ*. „Графъ Левъ Толстой, его жизнь, произведенія и міросозерцаніе". Спб. 1896. Стр. 31.

заниматься въ этой школѣ обученіемъ крестьянскихъ дѣтей. Цѣлый годъ занимался Толстой въ сельской школѣ, пока не убѣдился въ своей недостаточной подготовленности къ педагогическому поприщу и не отправился во второй разъ за границу, „чтобы, говоря его словами, на мѣстѣ узнать, какъ слѣдуетъ поступать, если желаешь учить, а самъ ничего не знаешь“. Во время этого путешествія, продолжавшагося около двухъ лѣтъ, Толстой внимательно осматривалъ народныя школы въ Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи, знакомился съ иностранной педагогической литературой, велъ бесѣды и споры о народномъ образованіи съ иностранными писателями и педагогами, напримѣръ, съ Бартольдомъ Ауэрбахомъ, Юліусомъ Фребелемъ и Дистервегомъ. Возвратился Толстой изъ-за границы съ цѣлой библіотекой педагогическихъ сочиненій и съ убѣжденіемъ, что „народное образованіе въ Европѣ идетъ ложнымъ путемъ“. „Я могъ бы, говоритъ Толстой,—написать цѣлыя книги о томъ невѣжествѣ, которое видалъ въ школахъ Франціи, Швейцаріи и Германіи“ *).

По возвращеніи изъ-за границы въ 1861 году Толстой сдѣлался мировымъ посредникомъ и сталъ насаждать школы въ своемъ уѣздѣ **), а въ слѣдующемъ году онъ сталъ издавать журналъ „Ясная Поляна“ съ цѣлью пропагандировать свои педагогическіе взгляды. Первая книжка этого журнала начиналась статьей „О народномъ образованіи“, въ которой Толстой высказалъ свое отрицательное отношеніе къ заграничной педагогіи и къ западно-европейскому строю народнаго образованія. По словамъ Толстого, „народъ самъ собой вездѣ учится и считаетъ образованіе благомъ“, а къ правительственнымъ школамъ питаетъ одно только отвращеніе. Объясняется это явленіе принудительнымъ характеромъ правительственной школы, которая, по мнѣнію Толстого, существуетъ не столько для учениковъ, сколько для учителя, и потому не только безполезна, но даже вредна. Кромѣ того „принудительное устройство школы, по мнѣнію Толстого, исключаетъ возможность всякаго прогресса“. Признавая единственнымъ методомъ образованія опытъ, а единственнымъ критеріемъ его свободу, Толстой требовалъ такой школы, которая одновременно была бы и „орудіемъ образованія“, и „опытомъ надъ молодымъ поколѣніемъ, дающимъ постоянно новые выводы“. „Только когда опытъ будетъ основаніемъ школы, говоритъ Толстой,—только тогда, когда каждая школа будетъ, такъ сказать, педагогической лабораторіей, только тогда школа не отстанетъ отъ всеобщаго про-

---

*) Соч. гр. Л. Н. Толстого. Изд. 8. М. 1889. Т. IV, с. 21.

**) Всего было имъ открыто четырнадцать школъ.

гресса, и опытъ будетъ въ состояніи положить твердыя основанія для науки образованія" *).

Такою „педагогическою лабораторіею" и была Ясно-Полянская школа, въ которой занимался самъ Толстой въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Это была вполнѣ свободная школа, не признававшая классной дисциплины, строго-опредѣленныхъ программъ, расписаній и заграничныхъ методовъ, наконецъ, школа, свободная отъ наградъ и наказаній, а также отъ экзаменовъ. Дѣти приходили въ школу и уходили домой, когда хотѣли; имъ не дѣлали замѣчаній, когда они опаздывали; ихъ не останавливали, когда они во время скучнаго урока покидали классную комнату. Ни книгъ, ни тетрадей дѣти въ школу не приносили, потому что никакихъ уроковъ на домъ имъ не задавалось. Во время уроковъ дѣти стояли, сидѣли или лежали, гдѣ кому вздумается: на лавкахъ, на столахъ, на подоконникахъ, на полу, въ креслѣ и даже подъ кресломъ учителя. Такое же отсутствіе порядка было и въ распредѣленіи занятій. Хотя по расписанію до обѣда значилось четыре урока, на самомъ дѣлѣ выходило два или три, при чемъ вмѣсто предметовъ, обозначенныхъ въ расписаніи, преподавались совсѣмъ другіе. „Учитель начнетъ ариѳметику и перейдетъ къ геометріи, начнетъ священную исторію, а кончитъ грамматикой. Иногда увлечется учитель и ученики, и вмѣсто одного часа классъ продолжается три часа" **). Спрашиваніе учениковъ въ одиночку Толстой считалъ такимъ-же „остаткомъ стараго суевѣрія", какъ и экзамены. Въ его школѣ всѣ дѣти отвѣчали разомъ, стараясь перебить и перекричать другъ друга. Выборъ темъ для сочиненія былъ предоставленъ самимъ ученикамъ.

Толстой, конечно, не могъ не видѣть, что такая анархія имѣетъ свои вредныя стороны, но въ то же время онъ былъ убѣжденъ, что „внѣшній безпорядокъ этотъ полезенъ и незамѣнимъ". По словамъ Толстого, „есть въ школѣ что-то неопредѣленное, почти неподчиняющееся руководству учителя, что-то совершенно неизвѣстное въ наукѣ педагогики и вмѣстѣ съ тѣмъ составляющее сущность успѣшности ученія: это—духъ школы. Этотъ духъ подчиненъ извѣстнымъ законамъ... Духъ школы, напримѣръ, находится всегда въ обратномъ отношеніи къ принужденію и порядку школы, въ обратномъ отношеніи къ вмѣшательству учителя въ образъ мышленія учениковъ, въ прямомъ отношеніи къ числу учениковъ, въ обратномъ отношеніи къ продолжительности урока и т. п... Какъ слюна во рту необходима для пищеваренія, но непріятна и излишня безъ пищи, такъ и этотъ духъ напряженнаго оживленія, скучный и непріятный внѣ

*) Соч. Толстого, IV, 18.
**) Соч. Толстого. IV, 240.

класса, есть необходимое условіе принятія умственной пищи... Ребенокъ и человѣкъ воспринимаетъ только въ раздраженномъ состояніи; поэтому смотрѣть на веселый духъ школы, какъ на врага, какъ на помѣху, есть грубѣйшая ошибка, которую мы слишкомъ часто дѣлаемъ" *). Даже въ ссоры и драки между дѣтьми Толстой не считалъ нужнымъ вмѣшиваться. „Я убѣжденъ, говоритъ онъ, что школа не должна вмѣшиваться въ дѣло воспитанія, подлежащее только семейству; что школа не должна и не имѣетъ права награждать и наказывать; что лучшая полиція и администрація школы состоятъ въ предоставленіи полной свободы ученикамъ учиться и вѣдаться между собой, какъ имъ хочется" **).

Такая же точно свобода господствовала въ Ясно-Полянской школѣ и относительно методовъ преподаванія. Самъ Толстой преподавалъ тамъ самые разнообразные предметы: и священную исторію, и русскій языкъ, и математику, и всеобщую и русскую исторію, и географію, и физику, и рисованіе, и пѣніе. Вездѣ онъ примѣнялъ всѣ извѣстные ему методы, стараясь убѣдиться, какой изъ нихъ самый цѣлесообразный и наиболѣе удобопримѣнимый. Въ концѣ концовъ опытъ убѣдилъ Толстого въ томъ, что „нѣтъ ни одной методы дурной и ни одной хорошей; что недостатокъ методы состоитъ только въ исключительномъ слѣдованіи одной методѣ, а лучшая метода есть отсутствіе всякой методы, но знаніе и употребленіе всѣхъ этихъ методъ и изобрѣтеніе новыхъ по мѣрѣ встрѣчающихся трудностей" ***). Такъ, напримѣръ, „всякій учитель грамоты, по словамъ Толстого,— долженъ твердо знать и опытомъ своимъ провѣрить одну, выработанную въ народѣ, методу: долженъ стараться узнавать наибольшее число методъ, принимая ихъ какъ вспомогательныя средства; долженъ, принимая всякое затрудненіе пониманія ученика не за недостатокъ ученика, а за недостатокъ своего ученія, стараться развивать въ себѣ способность изобрѣтать новые пріемы" ****).

М. Столяровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Соч. Толстого, IV, 308—309.

**) Соч. Толстого. IV, 245—246.

***) Соч. Толстого, IV, 46.

****) Соч. Толстого, IV, 60.

Первый международный школьно-гигіеническій конгрессъ.

Мнѣ неизвѣстно, кому собственно принадлежитъ инціатива устройства 1 международнаго школьно-гигіеническаго конгресса, бывшаго въ Нюрнбергѣ 22—29 марта (ст.ст.) 1904 года; но если не инціаторами, то его устроителями были проф. *Griesbach* (Mühlhausen I. E.) и д-ръ *Schubert* (Nürnberg). Первый состоитъ предсѣдателемъ „всеобщаго нѣмецкаго школьно-гигіеническаго союза“ и былъ предсѣдателемъ главнаго нѣмецкаго комитета по организаціи конгресса, а другой — былъ генеральнымъ секретаремъ указаннаго комитета. Тотъ и другой имѣютъ имя въ области школьной гигіены. Griesbach открылъ и примѣнилъ къ школѣ фактъ уменьшенія кожной чувствительности при мозговомъ и мышечномъ утомленіи, а д-ръ Schubert является инціаторомъ и горячимъ защитникомъ „прямого“ положенія тетради и „прямого“ письма взамѣнъ обычно употребляемаго „косого“. При помощи своего (эстезіометрическаго) метода Griesbach нашелъ между прочимъ, что особенно утомительны и слѣд. тяжелы для учащихся нѣмцевъ—латинскій, французскій и англійскій языки, ариѳметика и геометрія, менѣе тяжелы — нѣмецкій языкъ, естествовѣдѣніе и исторія, стоитъ по срединѣ географія, легче ея— естествовѣдѣніе и Законъ Божій, а наименѣе всего утомляютъ рисованіе и писаніе. Гимнастика вообще сильно утомляетъ нервную систему. Но особенно большое утомленіе замѣчается при испытаніяхъ. Griesbach, на основаніи своихъ изслѣдованій, предложилъ ввести не мало измѣненій въ постановкѣ школьнаго дѣла (см. его Hygienische Schulreform, 1899). Между прочимъ, онъ является сторонникомъ „нераздѣльнаго“ обученія, такъ какъ его наблюденія показали, что послѣ дообѣденнаго ученія и черезъ 2 часа еще не наблюдается возвращенія кожной чувствительности къ нормѣ. По поводу этого можно указать, конечно, на то, что при непрерывномъ ходѣ обученія

послѣдніе уроки должны проходить еще при большемъ нервномъ утомленіи, чѣмъ послѣ двухчасового отдыха. Очевидно, сторонникамъ „нераздѣльнаго“ обученія нужно руководиться иными мотивами, чѣмъ указанное утомленіе.

О примѣненіи „прямого“ письма въ самомъ Нюрнбергѣ, гдѣ д-ръ Schubert состоитъ „общиннымъ уполномоченнымъ“, мы скажемъ впослѣдствіи въ особой статьѣ о современномъ состояніи гигіены воспитанія и обученія.

Вначалѣ по письменнымъ сношеніямъ главнаго нѣмецкаго комитета, организованнаго нѣмецкимъ школьно-гигіеническимъ союзомъ, былъ составленъ „постоянный международный комитетъ“ по организаціи школьно-гигіеническихъ конгрессовъ. Члены этого комитета въ свою очередь приняли мѣры къ организаціи мѣстныхъ комитетовъ въ разныхъ странахъ. Мнѣ, какъ члену международнаго комитета, не удалось сдѣлать этого въ Россіи; но онъ, при помощи общей и медицинской прессы, какъ и пользуясь бывшими зимой 1903—1904 г. въ Петербургѣ съѣздами (техническимъ и медицинскимъ), старался пропагандировать приглашеніе принять участіе на конгрессѣ, что, какъ потомъ увидимъ, не осталось безъ результата, несмотря между прочимъ на тѣ невыгодныя условія, которыя были созданы неожиданно вспыхнувшей войной.

Нюрнбергскій конгрессъ вообще можно признать удавшимся. Всего было на немъ 1.247 участниковъ, въ томъ числѣ 181 соревнователь и 82—по дамскимъ билетамъ. Собственно членовъ конгресса было *984*. Изъ участниковъ 621 пало на Германію, 322 на Австрію собственно, *60 на Россію*, 51 на Голландію, 48 на Англію, 26 на Швейцарію, 19—на Венгрію, 15 — на Испанію, 11—на Сѣв. Америку, по 9—на Бельгію, Данію и Францію, 8—на Португалію,5—на Японію, по 4—на Болгарію и Италію, по 3—на Чили, Люксембургъ, Румынію и Сербію, 2—на Норвегію и по 1 — на Кубу, Турцію и Урагвай. Такимъ образомъ, большее или меньшее участіе на конгрессѣ принимали представители 24 государствъ (если считать за одно государство Германію, за 2 Австро-Венгрію и за отдѣльное государство Кубу). Но въ общемъ, въ виду громаднаго преобладанія нѣмецкаго элемента, конгрессъ имѣлъ настолько нѣмецкій характеръ, что изъ всѣхъ сдѣланныхъ на немъ сообщеній едва-ли найдется 10 такихъ, при которыхъ пользовались-бы другимъ, а не нѣмецкимъ языкомъ. Мнѣ показалось страннымъ, что даже сообщенія на французскомъ языкѣ вызывали сразу массовой выходъ изъ аудиторіи; по отношенію къ одной дамѣ такой выходъ былъ, можно сказать, очень неделикатнымъ. Какъ хозяева, нѣмцы, конечно, могли обнаруживать въ нѣкоторой степени свои симпатіи и антипатіи, но не въ такой

формѣ и не по такому случаю. Русскіе, какъ всегда и вездѣ, вели себя очень скромно, и къ нимъ относились нѣмцы не то, чтобы очень любезно, но снисходительно. На первомъ и послѣднемъ общемъ собраніи по поводу Россіи были не менѣе шумныя демонстраціи, чѣмъ и по поводу Японіи, хотя ея немногочисленные представители, какъ далекіе гости, несомнѣнно пользовались очень большимъ расположеніемъ со стороны хозяевъ и господъ положенія. Нюрнбергскій конгрессъ далъ, между прочимъ, поводъ небольшому кружку славянъ, состоявшему изъ русскихъ, болгаръ, чеховъ и одного поляка, подѣлиться мыслями въ интересахъ взаимнаго общенія.

Заранѣе было заявлено около 180 докладовъ и сообщеній, да въ теченіе конгресса прибавилось не мало. Но изъ заранѣе заявленныхъ сообщеній многіе не состоялись, такъ что всего въ общихъ и секціонныхъ засѣданіяхъ заслушано 161 сообщеніе, въ томъ числѣ 32 реферата. О содержаніи этихъ сообщеній дастъ понятіе имѣющій появиться въ „Русской школѣ" подробный отчетъ о занятіяхъ конгресса. Здѣсь можно сказать, что содержаніе это было въ высшей степени разнообразно, и что школьная гигіена стремится обнять всѣ стороны школьнаго дѣла, какъ самого по себѣ, такъ и по отношенію его къ человѣчеству, государству, обществу и семьѣ. На конгрессѣ, между прочимъ, спеціально былъ выдвинутъ и крайне важный вопросъ объ участіи женщинъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія, а особенно, конечно, перваго, опредѣляющаго нравственную сторону жизни человѣка и поведенія его относительно другихъ. Въ связи съ нимъ нужно поставить и вопросъ о совмѣстномъ обученіи дѣтей обоего пола въ низшихъ и среднихъ школахъ. Что касается высшихъ учебныхъ заведеній, то, кажется, вопросъ этотъ достаточно убѣдительно рѣшается въ положительномъ смыслѣ опытомъ самой жизни. Содержаніе сообщеній на конгрессѣ пополнялось бывшей при немъ *выставкой*, на которой принимало участіе до 200 экспонентовъ и которая занимала 20 большихъ комнатъ въ новомъ зданіи „промышленнаго училища", гдѣ имѣли мѣсто секціонныя засѣданія, и гдѣ помѣщалось бюро конгресса, почтовое отдѣленіе и пр.—Общія собранія имѣли мѣсто въ залѣ-театрѣ Виттельсбахскаго отеля, занимающаго чуть-ли не первое мѣсто среди многочисленныхъ и вообще хорошо устроенныхъ отелей Нюрнберга.

Конгрессъ не обошелся, конечно, безъ разныхъ празднествъ—вечеровъ, обѣдовъ, представленій, а также безъ экскурсій. Празднества эти начались съ пріемнаго вечера (Begrüssungsabend), имѣвшаго мѣсто наканунѣ открытія конгресса (4, IV—22, III) въ велодромѣ „Геркулесъ". Здѣсь говорились привѣтственныя рѣчи, играла военная музыка и пѣлъ „Gesangverein". Угощались преиму-

щественно пивомъ, каждый за свой счетъ; а кто хотѣлъ, тотъ могъ воспользоваться кое-какимъ кушаньемъ, болѣе всего—ростбифомъ.

Въ день открытія конгресса въ обширной залѣ отеля „Adler" былъ товарищескій обѣдъ, начавшійся „русской закуской" и кончившійся рѣчами и уплатой по 5 марокъ каждымъ участникомъ. Какъ на всѣхъ другихъ, такъ и на этомъ „празднествѣ" было очень много непричастныхъ къ конгрессу участниковъ изъ мѣстнаго общества, которые, конечно, имѣли возможность лучше устроиться, чѣмъ иногородные, а особенно иностранные гости, если ихъ не брали подъ свое покровительство хозяева конгресса.

6, IV (24, III) былъ въ томъ же велодромѣ „увеселительный" вечеръ (Unterhaltungsabend), на которомъ не только играла музыка и пѣлъ хоръ, но и была представлена одна изъ веселыхъ старыхъ піесъ (Schwank) Нюрнбернскаго гражданина XVI вѣка, башмачника и „послѣдняго миннезингера" Ганса Сакса. Въ XVI в. Нюрнбергъ считался чуть-ли не первымъ нѣмецкимъ городомъ и Г. Саксъ былъ первымъ нѣмецкимъ поэтомъ XVI в. Разыгранная любителями одна изъ его многочисленныхъ „шутокъ", характерныхъ для своего времени, была очень „къ лицу" Нюрнбергу, едва ли не болѣе всѣхъ старыхъ нѣмецкихъ городовъ сохранившему свой средневѣковый внѣшній обликъ. Многіе изъ зрителей были во всякомъ случаѣ, очень довольны этимъ возстановленіемъ старины и своего рода урокомъ по исторіи нѣмецкой литературы.

7, IV (25, III) большинство членовъ конгресса было въ городскомъ театрѣ на „гала-представленіи". Ставилась опера „Самсонъ и Далила" при очень посредственныхъ силахъ. Нѣкоторые конгрессисты были въ „интимномъ театрѣ" на представленіи изъ народной баварской жизни (очень напоминаютъ представленія нашихъ малорусскихъ труппъ), но больше—въ „Apollotheater" (гдѣ происходили общія собранія) на представленіи легкаго жанра съ фокусниками.

8, IV (26, III) былъ устроенъ Festabend отъ города Нюрнберга въ томъ же велодромѣ. Этотъ „праздничный вечеръ" имѣлъ особенный уже характеръ потому, что онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прощальнымъ праздникомъ" (Abschiedsfest). На немъ хозяевами явились представители города, на счетъ котораго однако можно было только пить пиво, почему его нѣкоторые присутствующіе назвали „Fastabend'омъ". Помѣщеніе было красиво убрано флагами германскими, баварскими, нюрнбергскими. Передъ эстрадой стояли украшенные зеленью бюстры германскаго императора и баварскаго принца —регента. На эстрадѣ игралъ филармоническій оркестръ и пѣлъ учительскій пѣвческій союзъ, пѣлъ съ большимъ воодушевленіемъ и со свойственнымъ нѣмцамъ умѣньемъ. Желая, видимо, придать

международный характеръ и содержанію увеселеній, оркестръ сыгралъ между прочимъ Capriccio Чайковскаго и сыгралъ артистически, не смотря на царившій въ залѣ шумъ. Но публика отзывалась только на то, что имѣло чисто германскій или нѣмецкій характеръ. Особенные восторги вызвало „Deustches Lied". — Такой праздничнопрощальный вечеръ не могъ конечно обойтись безъ рѣчей, хотя слушать, а еще болѣе говорить было очень трудно и по величинѣ помѣщенія, и по невозможности въ большой массѣ водворить тишину. Весь громадный залъ чуть не вплотную былъ уставленъ столами, впереди „почетными" для представителей конгресса, мѣстной администраціи, города и иностранныхъ гостей; одинъ изъ такихъ столовъ занималъ тотъ славянскій кружокъ, о которомъ говорено выше. На столахъ въ разныхъ мѣстахъ имѣлись флаги разныхъ націй; между ними наиболѣе видными были — красное солнце съ красными лучами на бѣломъ полѣ и бѣлый орелъ на красномъ полѣ, эмблемы Японіи и былой Польши. Всѣ столы были заняты вплотную; вездѣ шли разговоры, постоянно двигалась прислуга съ пивомъ и заказанными на свой счетъ кушаньями. Подѣлиться въ общемъ было чѣмъ... Понятно, что водворить тишину при такихъ условіяхъ было прямо невозможно. Но всетаки рѣчи для большаго или меньшаго числа слушателей говорились.

Первымъ говорилъ представитель города комм. сов. Hesse. Онъ привѣтствовалъ прибывшихъ и благодарилъ за честь, оказанную городу, желалъ, чтобы всѣ были удовлетворены взаимной встрѣчей, и затѣмъ задался вопросомъ, почему Нюрнбергъ избранъ мѣстомъ конгресса. При этомъ въ серьезномъ тонѣ онъ могъ сослаться только на новыя школьныя зданія, а затѣмъ пустился въ область характернаго для нѣмцевъ Witz'а, сближая воспитаніе съ воронкой, имѣющей для Нюрнберга какое-то историкобытовое значеніе, а требуемую гигіеной чистоплотность со стариннымъ, аляповато раззолоченнымъ фонтаномъ „der schöne Brunnen", только „вымытые въ которомъ дѣти попадаютъ черезъ каминъ въ утробу матери..." „Есть, говорилъ Herr Hesse, цѣлый рядъ прекрасныхъ пѣсенъ, восхваляющихъ Нюрнбергъ. Проф. Iohannessen говорилъ, что на сѣверѣ называютъ нашъ городъ глазомъ и ухомъ Германіи. Онъ долженъ былъ бы показать себя достойнымъ этой похвалы. Но онъ былъ бы также радъ, если бы его назвали сердцемъ Германіи, которое тепло бьется на встрѣчу иностраннымъ гостямъ..." Въ заключеніе ораторъ провозгласилъ hoch въ честь конгресса и его устроителей, Griesbach'а и Schubert'а.

Слѣдующая рѣчь произнесена была при сильнѣйшемъ напряженіи голоса проф. Griesbach'омъ. „Пользуйтесь временемъ, которое

идетъ такъ быстро, говоритъ поэтъ. Представители разныхъ націй дѣйствительно показали, что они использовали время во всѣхъ отношеніяхъ, какъ это они показали на секціонныхъ засѣданіяхъ, работая изъ всѣхъ силъ. Остается немного часовъ конгрессу пребывать въ почтенномъ городѣ патриціевъ. Теперь всѣ соединены здѣсь въ веселые застольные ряды, чтобы разомъ запечатлѣть ту дружбу, которая приковала насъ къ городу и его обитателямъ. Всѣ сохранятъ воспоминаніе объ этой дружбѣ на всѣ времена..." Затѣмъ проф. Griesbach выразилъ благодарность за привѣтствіе предшествовавшему оратору и наконецъ, послѣ довольно длиннаго предисловія, предложилъ встать и прокричать троекратное hoch въ честь правительственнаго президента области Frhr. v. Welser'а, который затѣмъ самъ отвѣтилъ благодарственной рѣчью, сказавъ, что правительство не можетъ не интересоваться вопросами воспитанія и образованія. Но еще большая благодарность конгрессу будетъ отъ тѣхъ, которые въ самой школѣ работаютъ для школы. Въ заключеніе г. президентъ пожелалъ иностраннымъ гостямъ счастливаго возвращенія на родину и дружескаго воспоминанія о своемъ пребываніи въ Нюрнбергѣ.

На первомъ и послѣднемъ общихъ собраніяхъ конгресса говорились представителями разныхъ учрежденій и странъ привѣтствія, на одномъ встрѣчныя, а на другомъ—прощальныя, на одномъ съ пожеланіемъ успѣха, а на другомъ—съ осуществленіемъ его.— На второмъ еще общемъ собраніи было сообщено рѣшеніе постояннаго международнаго комитета принять предложеніе Англіи, переданное ея представителемъ проф. Laudor Brunton'омъ, созвать II международный школьно-гигіеническій конгрессъ въ Лондонѣ въ первую августовскую недѣлю 1907 г. Сэръ L. Brunton избранъ и президентомъ предстоящаго конгресса. Ему же принадлежало прощальное привѣтствіе на заключительномъ (3-мъ) общемъ собраніи. Онъ назвалъ конгрессы мостами дружбы народовъ. Чѣмъ больше общенія, тѣмъ меньше нерасположенія между націями. Въ юности онъ жилъ на границѣ Шотландіи и помнитъ ту горькую ненависть, которая тогда существовала между англичанами и шотландцами. Когда же вблизи мѣста тогдашняго его пребыванія была проложена желѣзная дорога, тогда мѣсто ненависти заняли дружескія чувства... Конгрессъ особенно дорогъ потому, что онъ далъ возможность учителямъ разныхъ странъ узнать и оцѣнить другъ друга. Въ заключеніе Br. благодарилъ за честь, оказанную ему и Англіи избраніемъ Лондона мѣстомъ будущаго конгресса, а его—президентомъ послѣдняго и наконецъ выразилъ признательность за сердечный пріемъ, который члены конгресса нашли въ Нюрнбергѣ.

Представитель Франціи д-ръ Mathieu выразилъ надежду, что третій конгрессъ соберется въ Парижѣ, что было потомъ поддержано официальнымъ делегатомъ Франціи Gautier. „Франція и Парижъ съ симпатіей и по братски откроютъ свои ворота для конгресса. Скрѣпляя узы дружбы между учителями всѣхъ странъ, международные школьно-гигіеническіе конгрессы въ то же время во имя гуманности помогутъ школамъ въ ихъ нуждахъ".

Педсѣдатель конгресса Griesbach выразилъ удовольствіе, что на ихъ призывъ отозвались представители медицины, школы, администраціи и техники, и притомъ изъ разныхъ странъ. Онъ выразился увѣренно, что работы конгресса, чуждыя политикѣ и т. п., стояли на высотѣ времени, „каждый получилъ новыя побужденіи и пріобрѣлъ новыя свѣдѣнія". Воздавъ должное всѣмъ учредителямъ, руководителямъ и участникамъ конгресса, Griesbach высказалъ, что конгрессъ имѣлъ громадное значеніе для всѣхъ, на немъ присутствовавшихъ и потому мы разъѣдемся „съ чувствомъ и убѣжденіемъ, что мы вѣрные союзники на благо юношества всѣхъ націй. Пусть это убѣжденіе все болѣе и болѣе проникаетъ во всѣ слои населенія. До свиданія въ Лондонѣ!"

Болгарскій министръ просвѣщенія Шишмановъ выразилъ въ заключеніе желаніе, чтобы тѣ факторы, отъ силы которыхъ зависитъ осуществленіе дѣлаемыхъ конгрессами предложеній, принимали въ нихъ дѣятельное участіе.

Что касается предложеній, сдѣланныхъ Нюрнбергскимъ конгрессомъ, то они сводятся къ слѣдующимъ: 1) Принято предложеніе Leubuscher'а образовать коммиссію изъ 5 членовъ для выработки однообразныхъ основъ школьно-врачебной службы. 2) Постановлено, чтобы, по примѣру Швейцаріи, и другія страны издавали собранія плановъ образцовыхъ школьныхъ зданій (у насъ это дѣлаютъ уже нѣкоторыя губернскія земства, какъ Московское, Харьковское); конгрессъ затѣмъ высказался 3) За ограниченное (если авторъ не ошибается) совмѣстное воспитаніе лицъ обоего пола, 4) За нераздѣльный ходъ дневного преподаванія, 5) За выработку основныхъ положеній, которыми слѣдуетъ руководиться при ознакомленіи учащихся съ родовой (половой) стороной жизни, 6) За учрежденіе постояннаго международнаго совѣта по вопросамъ воспитанія и образованія, 7) За обязательность тѣлесныхъ упражненій для учениц и за запрещеніе носить имъ корсеты, 8) За доставку напитковъ (неспиртныхъ, конечно) въ школы, 9) За учрежденіе городскихъ школьныхъ зубоврачебныхъ клиникъ (собственно — амбулаторій), 10) За ознакомленіе съ зубоврачебной практикой на врачебныхъ курсахъ для усовершенствованія и 11) За учрежденіе *гигіеническаго бюро*, кото-

рое доставляло бы разныя свѣдѣнія, разрабатывало бы школьно-гигіеническія задачи и устраивало бы постоянныя или временныя выставки. — Всѣ указанныя предложенія явились результатомъ мотивированныхъ докладовъ и обсужденія ихъ въ соотвѣтственныхъ секціяхъ. Общая сумма всѣхъ сдѣланныхъ на Нюрнбергскомъ конгрессѣ докладовъ, сообщеній, рефератовъ, въ связи съ бывшей при конгрессѣ выставкой, даютъ возможность составить себѣ болѣе или менѣе полное понятіе *о современномъ состояніи гигіены воспитанія и обученія въ школахъ*. Выясненію этого состоянія по матеріаламъ, доставленнымъ указаннымъ конгрессомъ, авторъ намѣренъ посвятить особую статью, которая имѣетъ быть помѣщена въ „Русской Школѣ“ въ началѣ будущаго 1905 года.

Проф. **Ир. Скворцовъ**.

Новыя изслѣдованія и мысли въ области педагогической психологіи.

Два слова о новой наукѣ, такъ называемой, „педологіи“.—Выдающіяся работы, сдѣланныя въ послѣднее время въ ея области—относительно памяти, способовъ запоминанія, вліянія на память принятія пищи и пр.—Изслѣдованія нѣмецкихъ педагоговъ о колебаніяхъ способностей дѣтей въ разные мѣсяцы года. — Изученіе языка дѣтей. — Гимнастика. — Претензіи педологовъ.—Значеніе педіатріи для педологовъ, и психологіи дѣтей—для медиковъ.—Книга Дюпра о лжи.—Книги Джемса Селли о смѣхѣ. — Значеніе смѣха въ педагогикѣ.—Дисциплина.—Требованіе изученія философіи для педагоговъ.—Книжка Кейра о логикѣ у дѣтей.

I.

Мнѣ уже не разъ приходилось говорить о возникновеніи новой науки, которую ея основатели французы назвали „педологіей“, возбудивъ этимъ названіемъ упреки филологовъ *). Тѣмъ не менѣе, наука эта продолжаетъ развиваться; надъ ея разработкой трудятся упорно, къ ней постоянно притекаютъ новые вклады. Такимъ образомъ, говоря о новинкахъ педагогической мысли, нѣтъ никакой возможности обойти „новую“ науку, хотя правильнѣе было бы называть ее не новой наукой, а новымъ направленіемъ въ педагогикѣ, направленіемъ, стремящимся поставить старую науку (или, точнѣе, старое искусство воспитанія) на почву современныхъ методовъ естествознанія, т. е. вообще на почву положительныхъ научныхъ изслѣдованій и опытовъ.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ, занимавшихъ въ послѣднее время педологовъ, были вопросы о *памяти, ея условіяхъ и воспитаніи.*

Этимъ вопросамъ посвященъ цѣлый рядъ статей въ „L'Année

*) Одни требуютъ, чтобы она называлась „пайдологіей“, другіе указываютъ на совпаденіе ея названія съ другой научной отраслью, не имѣющей ничего общаго съ педагогіей и т. п. Названіе придумано Бине и Фере.

psychologique“, за прошедшій годъ. Это изданіе можно назвать главнымъ штабомъ „педологіи“ во Франціи, съ главнокомандующимъ А. Бине, тогда какъ въ Германіи главнымъ штабомъ новой науки является небольшой журналъ „Die Kinderfehler“, а въ Италіи „Институтъ для физическаго и психологическаго изслѣдованія перваго возраста“, основанный Витали (Vitali).

Что же новаго говоритъ намъ о памяти „педологія“?

Откровенно сказать, еще не особенно много.

Въ вышедшемъ томѣ l'Année psychologique,—если не считать статьи В. Анри (Henri), не дающей почти ничего новаго сравнительно съ прекрасной главой о памяти въ „Психологіи“ Джемса, – мы находимъ работу Ларгье-де-Банселя *о методахъ запоминанія*.— Вопросъ идетъ о томъ, какъ лучше заучивать на память какой-нибудь отрывокъ или стихотвореніе,—частичками-ли или, наоборотъ, сразу въ цѣломъ видѣ, и какой изъ двухъ этихъ способовъ дѣлаетъ запоминаніе прочнѣе; т. е. продолжительнѣе.

Вопросъ этотъ уже подвергался изслѣдованію г-жей Стеффенсъ, которая пришла къ выводу, что запоминаніе идетъ нѣсколько быстрѣе, когда употребляется способъ цѣльнаго заучиванія. Кромѣ того, этотъ методъ (такъ называемый „globale“) обезпечиваетъ гораздо болѣе продолжительное сохраненіе въ памяти заученнаго, чѣмъ методъ отрывочный или фрагментарный. Ларгье-де-Бансель пришелъ къ такому же выводу и даетъ этому факту нижеслѣдующее объясненіе: во-1-хъ, этотъ способъ возбуждаетъ болѣе устойчивое и прочное вниманіе, такъ какъ при его употребленіи не теряются изъ виду главныя мысли и положенія заучиваемаго, ни ихъ развѣтвленія или детали, въ ихъ связи съ цѣлымъ. Во-2-хъ, когда задача состоитъ, напримѣръ, въ заучиваніи стихотворенія, методъ огульный увеличиваетъ до максимума повтореніе каждаго отдѣльнаго стиха, такъ какъ между послѣдовательными повтореніями одного и того же стиха тутъ необходимо вводить чтеніе всѣхъ другихъ стиховъ; при этомъ расширеніе промежутка между повтореніями вообще благопріятствуетъ сохраненію воспоминаній.

Это послѣднее свойство памяти объясняется тѣми физіологическими гипотезами о ней, которыя даются новѣйшей психологіей: ея сохраняющую или удерживающую сторону составляютъ „слѣды“ или „отпечатки“, которые остаются въ мозговыхъ молекулахъ отъ прохожденія черезъ нихъ нервнаго тока или молекулярнаго движенія. Чтобы эти слѣды нѣсколько закрѣпились тамъ, необходимъ извѣстный промежутокъ времени, потому что такое закрѣпленіе, конечно, должно имѣть связь съ питаніемъ мозговой ткани при посредствѣ омывающей ея крови.

Тотъ-же авторъ и въ томъ же изданіи помѣстилъ результаты своихъ изслѣдованій объ „измѣненіяхъ памяти въ теченіе дня". Эти результаты оказались противоположными извѣстной поговоркѣ, гласящей, что „сытое брюхо къ ученію глухо". Оказывается наоборотъ, что послѣ пріема пищи (напр., послѣ завтрака) память работаетъ гораздо лучше, чѣмъ до него: время, требующееся для запоминанія, гораздо короче въ первомъ случаѣ, чѣмъ во второмъ. Авторъ полагаетъ, что это явленіе имѣетъ связь съ увеличеніемъ быстроты пульса, которое всегда происходитъ послѣ пріема пищи, то есть, это еще разъ подтверждаетъ, что въ процессѣ запоминанія играетъ важную роль питаніе мозга при посредствѣ омывающей его крови.

Однако, несмотря на убѣдительность такихъ доводовъ и соображеній, нельзя забывать, какъ мнѣ кажется, и стараго утвержденія гигіенистовъ, состоящаго въ томъ, что умственная работа (какъ и работа вообще) вредна, если производится немедленно послѣ принятія пищи. Это положеніе гигіены основывается на томъ безспорномъ фактѣ, что во время работы желудка, кровь притекаетъ къ нему въ болѣе значительной степени, а, слѣдовательно, ея количество, притекающее къ мозгу, должно соотвѣтственно уменьшаться. Такимъ образомъ, обремененіе мозга работой въ моменты нѣкоторой временной его анемичности опасно для общаго благосостоянія мозга, да едва ли и можетъ способствовать прочности запоминанія. Если же мы допустимъ, что напряженное желаніе заучить заданное тотчасъ послѣ пріема пищи, вызоветъ все-таки и усиленный притокъ крови къ мозгу, то эта кровь будетъ притекать насчетъ работы желудка, то есть пострадаютъ пищеварительные органы. Но и это, конечно, не желательно. Разстройство этихъ органовъ влечетъ значительныя бѣдствія, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ.

Поэтому я полагаю, что практическое примѣненіе наблюденія Ларгье-де-Банселя должно дѣлаться съ большой осмотрительностью и осторожностью.

Нѣмецкіе педагоги удѣляли значительную часть своихъ работъ изученію тѣхъ колебаній, какія замѣчаются въ способностяхъ дѣтей школьниковъ, отъ $8^1/_2$ до $10^1/_2$ лѣтъ. Дѣло идетъ о колебаніяхъ въ силѣ и напряженности вниманія дѣтей, а также ихъ мышечной силы въ различныхъ возрастахъ и въ разное время года. Подобныя изслѣдованія производилъ еще ранѣе Шнитенсъ (Schpytens), директоръ психологической лабораторіи въ Анверѣ. Полученныя имъ кривыя показываютъ правильное постепенное повышеніе вниманія до декабря съ кульминаціоннымъ пунктомъ въ январѣ; послѣ этого вниманіе постепенно понижается до іюня. Въ то же время, получаются

и нѣкоторыя измѣнчивыя кривыя, показывающія временную психическую подавленность въ апрѣлѣ, іюнѣ и особенно въ октябрѣ. Періодъ наилучшей работы дѣтей простирается отъ декабря до апрѣля. Другой такой періодъ выступаетъ послѣ іюня и вакацій и устанавливается въ октябрѣ.

Что касается кривыхъ, выражающихъ мышечную силу, то онѣ поднимаются гораздо быстрѣе, чѣмъ кривыя вниманія, при чемъ возростаніе мышечной силы почти всегда сопровождается пониженіемъ силы психической и наоборотъ. Между ростомъ физическимъ и психическимъ нѣтъ параллелизма.

Большое вниманіе было удѣлено изученію дѣтскаго языка, при чемъ Аманъ (Ament) пришелъ къ выводу совершенно сходному съ тѣмъ, какой давно уже былъ сдѣланъ у насъ въ Россіи г-жей Симоновичъ, а именно, что „языкъ дѣтей, въ своихъ существенныхъ чертахъ, воспроизводитъ развитіе языка человѣческой расы“.

Къ числу „педологическихъ“ работъ можно отнести и изслѣдованія о значеніи и вліяніи гимнастики на развитіе у дѣтей различныхъ способностей какъ физическихъ, такъ и психическихъ. По вопросамъ этого рода французская педагогическая литература рекомендуетъ,—какъ весьма замѣчательную,—книгу д-ра философіи Тиссье (Tissié), „Education physique“, составленную имъ съ участіемъ врачей, педагоговъ, даже археологовъ и артистовъ. Археологи участвовали въ историческомъ отдѣлѣ этой книги. Не входя въ детали этого сочиненія, отмѣтимъ его оригинальные выводы, вытекающіе изъ солидныхъ фактовъ и изслѣдованій. Онъ утверждаетъ что легочная система у дѣтей, какъ и система кровообращенія, значительно отличаются отъ тѣхъ же системъ у взрослыхъ. Представляется цѣлый рядъ доказательствъ, показывающихъ, что мы не можемъ имѣть настоящаго познанія о ребенкѣ на основаніи нашихъ наблюденій надъ взрослыми и на основаніи тѣхъ воспоминаній, которыя мы имѣемъ въ зрѣломъ возрастѣ о нашемъ дѣтствѣ. „Сравненіе фигуры, изображающей ребенка, съ фигурой взрослаго, показываетъ, что ребенокъ не есть человѣкъ въ маломъ видѣ, а существо особаго рода (un être à part). Такъ, у ребенка, сравнительно съ взрослымъ человѣкомъ, голова больше, туловище также больше, но ноги короче“. У ребенка своя особая патологія, своя, отличающаяся отъ взрослыхъ, сексуальность (половая жизнь). Авторъ опирается въ своихъ выводахъ, между прочимъ, и на работы нашего Сикорскаго относительно нервной системы у дѣтей. Всѣ эти выводы оканчиваются довольно курьезнымъ заключеніемъ: „у педологіи имѣется свой собственный

предметъ и свои специальные методы, такъ какъ ребенокъ—не человѣкъ, но особое существо".

Основатель журнала „Paidology" O. Chrismann говоритъ во вступленіи къ своему изданію, что „педологія" не есть *часть* или отдѣлъ какой-нибудь другой науки. Она—самодовлѣющая наука, у которой есть своя область и свое собственное дѣло: изученіе ребенка, то посредствомъ лабораторныхъ изслѣдованій, то непосредственно путемъ наблюденій за нимъ и при помощи его отвѣтовъ на вопросы, то въ семьѣ, то на улицѣ, то въ его играхъ, то въ его отдыхѣ и дѣятельности нормальной и ненормальной, нравственной или преступной, во снѣ и наяву, во всѣхъ условіяхъ и фазахъ его жизни настоящей и прошедшей".

Къ предыдущему краткому обзору главнѣйшихъ педологическихъ теченій, не мѣшаетъ еще добавить нижеслѣдующее.

Въ послѣднее время „педологія" занялась очень усердно изученіемъ ненормальныхъ дѣтей, что ее сближаетъ съ педіатріей.

Несмотря на кажущуюся односторонность такого движенія, его польза для „педологіи" не можетъ быть отвергнута по многимъ причинамъ. Такъ, напримѣръ, нужно-ли говорить, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ воспитанія нормальныхъ дѣтей, играетъ весьма важную роль педіатрія съ ея знаніемъ дѣтей ненормальныхъ. Возьмемъ для примѣра хотя-бы необходимость разъединять дѣтей больныхъ и здоровыхъ съ тѣмъ, чтобы для ненормальныхъ выработать и примѣнять особыя программы и пріемы преподаванія, а въ то же время систематически врачевать ихъ. Уже для одной этой цѣли, т. е. для классификаціи дѣтей, нужно педагогамъ нѣкоторое знаніе дѣтскихъ болѣзней, т. е. тѣхъ первоначальныхъ симптомовъ ихъ, которые указываютъ на необходимость обратиться къ врачамъ за болѣе точнымъ опредѣленіемъ состоянія ребенка.

Одной изъ важныхъ заслугъ новаго направленія въ педагогіи является все большее и большее выясненіе потребности въ томъ, чтобы, съ одной стороны, педагоги имѣли нѣкоторую подготовку не только въ своей спеціальности, но и въ физіологіи и даже въ педіатріи, а съ другой стороны, чтобы, подготовляя *врачей, не забывали знакомить ихъ съ психологіей дѣтскаго возраста въ частности.* Это пожеланіе выразилъ Жанэ (Janet) на „3-мъ международномъ конгрессѣ высшаго образованія" въ такихъ словахъ: „Не является-ли психологія единственнымъ путеводителемъ, какого можно имѣть въ тѣхъ утонченныхъ задачахъ, которыя связаны съ воспитаніемъ дѣтей и особенно дѣтей анормальныхъ? Вѣдь, въ наше время врачи все больше и больше призываются заняться ими".

II.

Къ области научной „педологіи“ можно отнести и нѣсколько психологическихъ этюдовъ.

Въ Парижѣ, напр., вышла недавно небольшая книжечка Дюпра (Duprax) въ 190 стр., имѣющая очень важное значеніе для педагоговъ и родителей. Ея заглавіе: „Le Mensonge: étude de psychologie pathologique et normale *).

Авторъ говоритъ: „Почти нѣтъ явленія болѣе банальнаго, чѣмъ ложь... И однако, его рѣдко изучали съ точки зрѣнія науки, какъ фактъ, подлежащій наблюденію, а не съ цѣлью его порицать или, наоборотъ, оправдывать. Такое научное изученіе, при посредствѣ опросовъ (анкетъ), психофизіологическихъ анализовъ, а также анализовъ психіатрическихъ и соціологическихъ, невозможно до тѣхъ поръ, пока на ложь смотрятъ только съ моральной точки зрѣнія“.

Что же такое ложь?

Если ее опредѣлять по внѣшнимъ (объективнымъ) проявленіямъ,— то она есть не что иное, какъ „*употребленіе такихъ средствъ, которыми свойственно вводить другихъ въ заблужденіе*“.

Чего добивается человѣкъ, который лжетъ? Для него важно прежде всего—вызвать въ другомъ вѣру въ то, что онъ утверждаетъ, заставить согласиться съ утвержденіемъ своимъ.

Такимъ образомъ, ложь, — будетъ ли она несложнымъ орудіемъ обыкновенной свѣтской вѣжливости, или же болѣе сложнымъ орудіемъ дѣловыхъ сношеній,—представляетъ нѣчто общее съ „внушеніемъ“, т. е. съ возбужденіемъ въ другомъ той или иной идеи или представленія, но идеи и представленія, не имѣющихъ за собой истины или цѣнности.

Людей лгущихъ можно назвать „внушителями заблужденій или ошибокъ“.

„Можно опредѣлить ложь такъ,—говоритъ Дюпра:—она есть психологическій фактъ внушенія — слухового или не слухового (вѣдь, можно лгать жестами, слезами и т. п.), при помощи котораго стремятся болѣе или менѣе преднамѣренно ввести въ умъ другого какую-нибудь увѣренность, — положительную или отрицательную, — которая не находится въ согласіи съ тѣмъ, что авторъ этого внушенія предполагаетъ справедливымъ“.

Изъ словъ, подчеркнутыхъ нами въ вышеприведенномъ опредѣленіи, читатель видитъ, что существуютъ два сорта лжи — ложь положительная и ложь отрицательная. Въ моральномъ и обществен-

*) „Ложь“. Этюдъ по патологической и нормальной психологіи.

номъ смыслѣ, различіе этихъ двухъ формъ можетъ быть не важно или даже совсѣмъ ничтожно, но въ смыслѣ психологическомъ разница значительна. Ложью положительною называютъ такую, въ которой человѣкъ изобрѣтаетъ цѣлую фикцію, нѣчто не существующее и, такъ сказать, вставляетъ свое изобрѣтеніе посредствомъ воображенія въ дѣйствительность. Что же касается лжи отрицательной, то она является полнымъ сокрытіемъ или отрицаніемъ,—способнымъ давать всѣ черты дѣйствительности (реальности).

Наконецъ, возможны формы лжи, переходныя между этими двумя или, говоря точнѣе, смѣшанныя. Если исключить изъ счета эти послѣднія, то всѣ способы „внушенія ошибокъ или заблужденій" можно классифицировать, по Дюпра, въ слѣдующія группы:

1. Внушенія положительныя: изобрѣтеніе цѣлыхъ вымысловъ,—(какъ, напр., при клеветѣ, при ложномъ свидѣтельскомъ показаніи и т. п.), симулированіе, а также искаженія посредствомъ прибавокъ, преувеличеній и т. п.

2. Отрицательныя внушенія:—полное сокрытіе, отрицаніе, утайка обстоятельствъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ пропускъ въ передачѣ какихъ-нибудь фактовъ, искаженіе ихъ посредствомъ умолчанія, уменьшеніе ихъ значенія или важности.

Такимъ образомъ, отрицательные лжецы могутъ быть названы безгласными или молчаливыми лжецами.

Несмотря на различія между положительной и отрицательной ложью, и для той, и для другой требуется, — по мнѣнію автора,— нѣкоторая работа воображенія. Правда, въ положительной лжи работа эта гораздо больше, и воображеніе здѣсь, такъ сказать, изобрѣтающее, созидающее. Во всякомъ изобрѣтающемъ воображеніи лжецовъ необходимо отмѣтить нѣкоторыя существенныя черты, отличающія его отъ нормальнаго творческаго или созидающаго воображенія: дѣло въ томъ, что лживое воображеніе всегда заключаетъ въ себѣ нѣчто особенное, свойственное только ему и состоящее въ возможности идти до полнаго отрицанія опредѣленнаго предмета.

Я не буду излагать подробно попытку автора намѣтить различныя формы лжи въ связи съ разными формами воображенія, напр.: пластическаго, мистическаго, научнаго, практическаго, утопическаго, расплывчатаго (diffluente?) и т. п.

И конечно, нельзя не согласиться, что, если воображеніе играетъ во лжи важную роль, то въ ней должны отразиться и тѣ формы воображенія, какія свойственны данному лицу вслѣдствіе его психическихъ или умственныхъ привычекъ, особенностей его, конституціи и пр.

Но не только особенности воображенія и психической конститу-

ціи (привычной или врожденной) имѣютъ вліяніе на характеръ лживыхъ изобрѣтеній, а и весь темпераментъ лжеца. Такъ, напр., натуры живыя, подвижныя являются по большей части представителями положительной изобрѣтающей лжи. Наоборотъ, характеры покойные, вялые, малоподвижные оказываются почти всегда отрицательными лгунами. Объясняется это тѣмъ, что отрицательная ложь требуетъ не движенія, а задержки.

„Во многихъ случахъ,—говоритъ Дюпра,—ложь есть больше задержка, чѣмъ созиданіе. Лгунъ долженъ сдерживать себя отъ выраженія вслухъ или въ чертахъ лица всей своей мысли. Такимъ образомъ, тутъ происходитъ психо-физіологическій процессъ гораздо болѣе сложный, чѣмъ въ случаѣ чистаго созидающаго воображенія".

Такъ какъ каждое лживое изобрѣтеніе или выдумка опредѣляются извѣстной склонностью, то изъ этого слѣдуетъ, что исходнымъ пунктомъ для объясненія у лжецовъ должно быть отношеніе между аффективной стороной ихъ психики и стороной „идеаціонной". Именно, натуры подвижныя, темпераменты сангвиническіе,—о которыхъ мы уже сказали выше, какъ о болѣе способныхъ къ положительной, изобрѣтающей лжи,—являются въ то же время и натурами наиболѣе способными къ аффектамъ. Наоборотъ, натуры покойныя болѣе склонны къ идеаціи, т. е. къ образованію продуктовъ и комбинацій мысли. Всевозможныя сочетанія этихъ свойствъ въ различныхъ пропорціяхъ способны объяснять намъ и различныя формы лжи.

Нужно ли объяснять, какое важное значеніе въ педагогикѣ можетъ имѣть такая точная, психо-физіологическая классификація лжи?

Попутно Дюпра излагаетъ довольно распространенное мнѣніе, будто бы ложь особенно свойственна женщинѣ и притомъ ложь всѣхъ сортовъ, хотя, однако, преимущественно ложь въ формѣ „притворства" (симуляціи), скрытности, изобрѣтеній (выдумокъ)... „Ихъ душевная неустойчивость,—такъ передаетъ онъ это мнѣніе,—доходитъ у нихъ до полнаго недостатка „духа послѣдовательности", критическаго чувства, точности, а слѣдовательно, и правдивости. Женщины очень любятъ увертываться отъ точныхъ вопросовъ, избѣгаютъ ясныхъ отвѣтовъ, сохраняютъ заднія мысли... Говоря короче, если повѣрить этому взгляду на прекрасный полъ, то „вѣчное женственное" (ewig Weibliches) оказалось бы просто безстыднымъ плутовствомъ"...

Но Дюпра возстаетъ противъ этого, довольно распространеннаго и у насъ, мнѣнія во всеоружіи солидной научной аргументаціи. Онъ показываетъ, что, если бы въ основу этого мнѣнія и были положены кое-какіе факты, то обобщать ихъ на цѣлое понятіе „женщины"

вообще является логической безсмыслицей. Тутъ, кромѣ того, существуетъ другая, еще болѣе любопытная нелогичность: люди, высказывающіе такое мнѣніе о „женщинѣ“ вообще, не различаютъ того, что является продуктомъ ея природы, какъ женщины, отъ того, что является плодомъ ея ненормальнаго положенія въ окружающей общественной и семейной средѣ. А это необходимо различать, иначе мы впадемъ въ самыя нелогичныя обобщенія. Поясню нагляднымъ примѣромъ. Путешественники, попадавшіе на необитаемые острова, гдѣ еще не была нога человѣка, утверждаютъ, что тамъ дикія птицы совершенно не боятся людей. Наоборотъ, мы знаемъ, что тамъ, гдѣ обитаетъ человѣкъ, птицы—самыя пугливыя существа. Не ясно ли, что эта пугливость не есть врожденное свойство птицъ, а явилась плодомъ воздѣйствія среды. Также и ложь: у животныхъ, какъ и у многихъ дикарей,—говоритъ Дюпра,—лукавство и ложь неизвѣстны *). И у тѣхъ, и у другихъ они замѣчаются по большей части какъ продуктъ хищническаго отношенія къ нимъ сосѣдей и особенно цивилизованныхъ. Среди же культурныхъ обществъ ложь развита тѣмъ больше, чѣмъ сложнѣе общественныя отношенія, т. е. чѣмъ больше въ нихъ контраста между силой и правомъ однихъ и безсильнымъ безправіемъ другихъ. Дюпра напоминаетъ знаменитый афоризмъ: „ложь—оружіе слабыхъ“. Этимъ онъ объясняетъ и вышеприведенное мнѣніе,—если не фактъ,—что въ цивилизованныхъ обществахъ ложь особенно развита среди женщинъ и представляетъ среди нихъ всевозможныя формы... „Цивилизованныя женщины,—говоритъ онъ,—являются въ настоящемъ случаѣ,—какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ,—гораздо больше продуктомъ соціальныхъ условій, въ какія онѣ поставлены, чѣмъ продуктами физіологическихъ особенностей ихъ пола. Женщина, по своему общественному положенію, не испытываетъ такого сильнаго и яркаго желанія, какъ мужчина, избѣжать лжи, въ которой чувствуетъ себя выше мужчины, но не испытываетъ только потому, что она нуждается во лжи, чтобы съ ея помощью защитить себя отъ грубости, наглости и безнравственныхъ требованій“.

Что касается соотношенія лжи и нравственности, то Дюпра считаетъ ложь *всегда* безнравственной. Трудно допустить, говоритъ онъ,—чтобы лжецы прославляли плутовство даже тогда, когда оно возникаетъ изъ желанія спасти религію или отечество. „Если натуралисты доходятъ до крайности, мирясь съ ложью, какъ съ необходимымъ зломъ, то и они не могутъ не признавать, что намѣренное

---

*) Такія же факты приводятся Спенсеромъ, который и происхожденіе лжи объясняетъ тѣми же условіями, какъ и Дюпра.

внушеніе заблужденій, введенное въ жизнь частную или коллективную, есть опасный зародышъ умственной и общественной неустойчивости". На это могутъ возразить: „А не приводится-ли въ любомъ учебникѣ исторіи легендарный Муцій Сцевола, какъ образецъ героизма, хотя онъ, говоря строго, обманывалъ враговъ, увѣряя ихъ, что воины его страны всѣ таковы, какъ онъ, т. е. способны сжечь на огнѣ свою руку? И не опровергается ли этимъ примѣромъ увѣреніе Дюпра, что лжецы не будутъ прославлять плутовства, хотя бы оно имѣло пѣлью спасать отечество или религію?"

Мнѣ думается, что возведеніе Муція Сцеволы въ герои не опровергаетъ утвержденія Дюпра. Этотъ герой прославляется не за то, что онъ солгалъ,—да и солгалъ-ли онъ? Развѣ не могло быть правдой, что и большая часть его товарищей способны на такое же самоотверженіе? Восхищаетъ въ этомъ героѣ не ложь, а способность вынести ради любви къ родинѣ самое жесточайшее мученіе. — Но, въ общемъ, едва-ли утвержденіе Дюпра вѣрно для всѣхъ племенъ и расъ, для всѣхъ историческихъ періодовъ; даже больше, — для всѣхъ группъ и классовъ нашего современнаго общества. Гербертъ Спенсеръ приводитъ въ примѣръ страны, гдѣ долго господствовалъ деспотизмъ и рабство, и гдѣ,—въ силу этого,—совершенно потерялся инстинктъ правдивости, то есть, ложь не только не считается порокомъ, но чуть не возводится въ добродѣтель.

А въ современныхъ обществахъ, напримѣръ, среди торговцевъ средней руки, развѣ не существуетъ поговорка: „не обманешь, не продашь". А свѣтская ложь? Развѣ въ какой-нибудь гостиной не взглянули бы на человѣка, начавшаго говорить всѣмъ правду въ глаза, какъ на урода или сумасшедшаго? А ложь сословная, требующая не выносить ссору изъ избы, ложь общественная, заставляющая, напр., въ провинціяхъ изгонять корреспондентовъ изъ залы засѣданій или какими-либо иными способами вызывать молчаніе печати? Мы не замѣчаемъ, что все это — формы лжи, которыя могутъ быть такъ разнообразны, что сразу и не сообразишь, что это—самая заурядная ложь, но умѣвшая облечься въ благовидныя мотивы и даже общеполезныя (яко-бы) цѣли.

Впрочемъ, и Дюпра не забываетъ этихъ разнообразныхъ формъ лжи. Онъ говоритъ о лжи въ жизни коллективной или лжи въ общественныхъ формахъ,— о лжи воспитателей, журналистовъ, религіозныхъ сектъ, политическихъ партій и группъ, о лжи свѣтскихъ условностей и т. д.

Значительная часть его книжечки посвящена, однако, лжи у дѣтей. При этомъ факты для этого отдѣла онъ заимствуетъ главнымъ образомъ изъ многочисленныхъ документовъ, сообщаемыхъ „Свобод-

нымъ Обществомъ для психологическаго изученія дѣтства". (Société libre pour l'étude psychologique de l'enfance).

Значительное мѣсто удѣлено лжи у ненормальныхъ субъектовъ— преступниковъ, нравственно сумасшедшихъ, импульсиковъ, эпилептиковъ, истеричныхъ, вырождающихся (дегенератовъ).

Въ концѣ книжки Дюпра приходитъ къ выводу, что къ лжи склонны прибѣгать индивидуумы тѣмъ больше, чѣмъ менѣе они обладаютъ чувствами смѣлыми, великодушными, эстетическими и общественными. — Въ умственномъ отношеніи, лживыя изобрѣтенія образуются съ тѣмъ большой легкостью и быстротой, чѣмъ глубже диссоціированы наши болѣе многочисленные эмпирическіе синтезы противорѣчащими имъ ассоціаціями (des associations en interference).

Привычка дѣлаетъ ложь болѣе легкой, и это происходитъ вслѣдствіе того, что *задержка* нервно-мышечныхъ процессовъ и рефлексовъ, несовмѣстныхъ съ утайкой истины, становится менѣе тяжелой и непріятной".

III.

Неоцѣнный вкладъ въ сокровищницу научной психологіи, соприкасающейся съ педагогикой, сдѣлалъ недавно знаменитый англійскій психологъ Джемсъ Селли своимъ капитальнымъ сочиненіемъ о смѣхѣ.

Но какое-же отношеніе можетъ имѣть смѣхъ къ педагогикѣ? Американскіе педагоги давно уже обратили вниманіе на значеніе смѣха въ дѣлѣ школьнаго преподаванія. Значеніе это было замѣчено первоначально чисто эмпирически: инспекторъ одного изъ школьныхъ округовъ въ Нью-Іоркѣ обратилъ вниманіе на то, что въ двухъ отдѣленіяхъ одной и той же школы замѣчаются совершенно различные успѣхи, хотя преподавательницами въ обоихъ являются молодыя дѣвушки почти одинаковаго возраста, и получившія педагогическую подготовку въ одномъ и томъ-же преподавательскомъ институтѣ. Инспекторъ задался цѣлью ближе изслѣдовать причины столь поразительной разницы результатовъ.

Оказалось, что одна изъ преподавательницъ отличается отъ другой замѣчательно живымъ и подвижнымъ характеромъ съ большой наклонностью къ веселому юмору. Въ ея отдѣленіи, среди учениковъ, не рѣдко слышится общій неудержимый смѣхъ. Другая, наоборотъ, отличается серьезнымъ, нѣсколько меланхолическимъ и суровымъ нравомъ.

Дѣти въ ея отдѣленіи не смѣютъ пошевелиться, не позволяютъ себѣ улыбки.

Блестящіе успѣхи, вопреки всякимъ апріорнымъ ожиданіямъ, оказались именно въ первомъ отдѣленіи съ веселой и смѣшливой учительницей. И наоборотъ, серьезная и суровая представительница педагогики, несмотря на всѣ свои усилія, не могла похвастаться успѣхами своего отдѣленія.

Чтобы провѣрить на собственномъ опытѣ это наблюденіе, инспекторъ самъ далъ нѣсколько уроковъ въ различныхъ школахъ, находившихся въ его завѣдываніи, примѣняя поочередно то пріемы исключительно серьезнаго преподаванія, то пріемы, сопровождаемые возбужденіемъ смѣха среди дѣтей въ тѣ моменты, когда онъ замѣчалъ, что ихъ вниманіе начинаетъ утомляться, глаза и лица становятся сонливыми и разсѣянными.

Результаты оказались поразительные. Они вполнѣ подтвердили наблюденіе его, сдѣланное первоначально въ вышеописанной школѣ съ двумя параллельными отдѣленіями. То есть, смѣхъ имѣлъ огромное благодѣтельное вліяніе на умственную работоспособность учениковъ, на запоминаніе ими сообщаемыхъ фактовъ, на ихъ сообразительность при рѣшеніи задачъ и при отвѣтахъ на вопросы.

Оставалось выяснить психо-физіологическую причину этого удивительнаго явленія на основаніи того, что уже было извѣстно физіологамъ о механизмѣ смѣха и его органическихъ условіяхъ.

Объясненія не замедлили явиться.

Я не буду излагать здѣсь всѣхъ догадокъ и гипотезъ, какія были сдѣланы по этому поводу, такъ какъ ихъ компетентность не всегда стоитъ на уровнѣ, достаточно убѣдительномъ для русскихъ читателей. Я полагаю, что будетъ гораздо болѣе внушительнымъ изложить главнѣйшіе пункты, касающіеся этого вопроса, взявъ ихъ изъ вышеупомянутаго сочиненія о смѣхѣ, принадлежащаго Джемсу Сёлли (James Sully). Онъ достаточно извѣстенъ русскимъ читателямъ по переводу его „Психологіи", приспособленной для учителей, родителей и воспитателей *), и составляющей сокращеніе его обширнаго труда по этому-же предмету. Джемсъ Селли является однимъ изъ самымъ компетентныхъ педагоговъ психо-физіологовъ нашего времени **).

---

*) „Teacher's Handbook of Psychology", составляющее сокращеніе его книги „The outline of psychology".

**) За его компетентность ручается уже то, что онъ состоитъ много лѣтъ профессоромъ теоріи воспитанія въ Лондонской College of Preceptors, былъ долгое время экзаменаторомъ въ Teacher's training Syndieste въ Кембриджскомъ университетѣ, и т. д. Ему принадлежатъ знаменитыя сочиненія „О пессимизмѣ", „Объ иллюзіяхъ", „О дѣтскомъ возрастѣ" (Studies of Childhood) „Ощущеніе и интуиція"... Почти всѣ они переведены на русскій языкъ.

Сочиненіе его о смѣхѣ носитъ заглавіе „An Essay on Laugher; its forms its causes, its development and its value“.

По свойственной Селли манерѣ изложенія, его новая книга представляетъ необычайное богатство матеріала, требующагося для рѣшенія вопроса о сущности смѣха и его значеніи не только педагогическомъ, но и соціальномъ.

Я здѣсь не имѣю въ виду излагать всей книги. Да это было бы невозможно по разнообразію и изобилію содержащагося въ ней матеріала. Цѣль моей настоящей замѣтки—выяснить на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя даетъ книга Селли, значеніе смѣха въ педагогикѣ. Сущность физіологическаго процесса, совершающагося въ человѣкѣ въ то время, какъ онъ смѣется, опредѣляется Селли такъ.

Въ общемъ видѣ, смѣхъ, являющійся развитіемъ улыбки, есть внѣшнее проявленіе чувства удовольствія. У дѣтей, какъ и у дикарей, онъ выражаетъ внезапное увеличеніе яркости или живости (brightening) пріятнаго тона или тона удовольствія (pleasure-tone) въ сознаніи. Это внѣшнее выраженіе состоитъ обыкновенно въ перерывѣ естественнаго ритма дыхательнаго процесса; перерывъ этотъ характеризуется рядомъ короткихъ и спазматическихъ движеній *выдыханія*, которымъ предшествуетъ исключительно глубокое и энергическое *вдыханіе*, хотя еще мало замѣчаемое. Совершенно спеціальное чередованіе двухъ этихъ актовъ, т. е. глубокаго вдыханія и продолжительнаго выдыханія, имѣетъ результатомъ ускореніе кровообращенія и обезпеченіе крови болѣе полнымъ ея насыщеніемъ кислородомъ, что въ то же время, по всей вѣроятности помогаетъ и мозгу, усиливая движеніе крови въ его мелкихъ сосудахъ.

Это опредѣленіе вполнѣ достаточно, чтобы понять, насколько важно устраненіе изъ школьной жизни той мертвящей дисциплины, которая подавляетъ радостное настроеніе и смѣхъ дѣтей, которая видитъ въ немъ нарушеніе школьнаго „порядка“. Но что такое „порядокъ“? Это заведенный искусственно или установившійся самъ собою,—обычай. Если установится въ школѣ такой порядокъ, что смѣхъ станетъ здѣсь явленіемъ обычнымъ, то безпорядкомъ окажется, наоборотъ, отсутствіе смѣха и мертвая дисциплина. Этимъ я не отрицаю дисциплины. Но что такое дисциплина? Это все то, что полезно установить, какъ правило для общаго исполненія, съ цѣлью достиженія наилучшимъ способомъ данной цѣли. Недавно были произведены въ высшей степени интересныя изслѣдованія о степени утомленія различныхъ органовъ тѣла при работѣ *). И что

*) Сообщеніе *А. М. Блокка* (Block) въ парижскомъ біологическомъ Обществѣ: „Enquête sur la fatigue musculaire professionelle“.

же оказалось? Утомляются не столько тѣ органы, которые работаютъ (т. е. находятся въ движеніи), какъ тѣ, которые во время работы приходится *удерживать отъ движенія*, чтобы сдѣлать изъ нихъ пункты опоры для работающихъ. Такъ, при разспросахъ пильщиковъ, оказалось, что тотъ изъ нихъ, который стоитъ вверху бревна (дѣло идетъ о пиленіи длинной пилой съ участіемъ двухъ работниковъ), чувствуетъ усталость не въ рукахъ и не въ спинѣ, которыя движутся и сгибаются въ теченіе цѣлаго дня, а въ ногахъ, которыя остаются неподвижными. Къ такимъ же выводамъ привели распросы булочниковъ, мѣсящихъ по цѣлымъ ночамъ тѣсто,—солдатъ при длинныхъ переходахъ, кавалеристовъ и т. п. Вездѣ и всегда усталость чувствуется не въ органахъ, находившихся въ движеніи, а наоборотъ. Изъ этого сдѣланъ совершенно правильный практическій выводъ, что, напр., „дисциплина" въ германскихъ войскахъ, требующая во время переходовъ неподвижнаго положенія головы, нѣсколько приподнятой вверхъ, и груди, выпяченной впередъ, должно въ высшей степени утомлять, если поддерживается искусственно все время. Наоборотъ, пѣніе во время перехода,—какъ у русскихъ солдатъ, и полная свобода движеній, при командѣ „вольно", должны значительно ослаблять усталость.

Это изслѣдованіе я привелъ именно для того, чтобы показать во-1-хъ, какъ условно понятіе дисциплины, и во-2-хъ, какъ должна сама дисциплина приспособляться къ физіологическимъ требованіямъ организма, чтобы достигать наилучшимъ образомъ главной цѣли какого-нибудь учрежденія.

Такимъ образомъ, если цѣль школы состоитъ въ наилучшемъ пониманіи преподаваемаго, въ усиленномъ вниманіи, въ прочномъ запоминаніи и т. п., то лучшей дисциплиной школы является веселое настроеніе и смѣхъ учащихся. Конечно, этотъ „смѣхъ" и эта „веселость" должны быть поставлены въ извѣстныя рамки, чтобы не мѣшать другимъ сторонамъ, требующимся для усвоенія урока, напримѣръ, правильному „слушанію" его. Если бы смѣхъ сталъ непрерывнымъ, онъ вызвалъ бы такой шумъ, который не позволилъ-бы ничего слышать. Но никто и не говоритъ о непрерывномъ смѣхѣ. Это вело-бы къ обратнымъ результатамъ, такъ какъ излишній смѣхъ самъ производитъ утомленіе. Совѣтуется смѣхъ своевременный, возбуждаемый въ моменты утомленія внимательности учениковъ,—смѣхъ, какъ временная очистка организма и въ частности мозга посредствомъ усиленнаго смѣхомъ дыханія и кровообращенія, — омывающаго утомленный мозгъ, т. е. мозгъ, переполненный продуктами своей работы, углекислотой и пр.

IV.

Въ заключеніе, мнѣ представляется важнымъ — сообщить одно требованіе, исходящее не отъ „педологовъ", а отъ чистыхъ педагоговъ и даже педагоговъ-идеалистовъ. Я держусь того убѣжденія, что полная истина почти никогда не бываетъ на одной сторонѣ,— если мнѣнія раздѣляются,—а заключается *въ синтезѣ* противоположныхъ мнѣній. Зависитъ это отъ того, что умъ человѣка весьма склоненъ къ односторонности: увлекшись какой-нибудь одной идеей или теченіемъ, мы уже не замѣчаемъ значенія другихъ сторонъ и другихъ теченій *).

Такъ, современная „педологія" и близкая ей научная педагогика, обладая несомнѣннымъ и важнымъ значеніемъ, по самымъ задачамъ своимъ не могутъ обращать достаточнаго вниманія на другія требованія, предъявляемыя къ воспитанію. Я имѣю здѣсь въ виду—требованія, такъ сказать, *этически-идеальныя*.

Недавно во Франціи явилось сочиненіе Ф. Віаля „L'Enceignement secondaire et la Democratie". Авторъ не возстаетъ противъ вмѣшательства положительной науки въ дѣло образованія и воспитанія. (Кто-же въ наше время не возлагаетъ надеждъ на такое вмѣшательство?)... Но онъ требуетъ отъ педагогики *нравственнаго и умственнаго усовершенствованія личности* или индивидуума **). А для такого усовершенствованія необходимъ, по его мнѣнію, *идеалъ*. Центромъ воспитанія должна быть не наука, а *человѣкъ*. Но для достиженія такой цѣли, какъ выработка нравственной личности, необходимо, чтобы педагоги стояли на *философской* почвѣ. Віаль полагаетъ, что радикальное измѣненіе программъ преподаванія, какое было совершено во Франціи въ послѣднее время, не будетъ имѣть важнаго результата, какъ-бы ни были хороши эти программы, безъ кое-чего другого. Въ высшихъ педагогическихъ сферахъ Франціи уже сознана и заявлена открыто потребность въ философской и педагогической подготовкѣ учителей. Однако, мало одного заявленія объ искреннемъ желаніи правящихъ сферъ идти въ этомъ направленіи,—говоритъ Віаль, — необходимо выработать программы преподаванія философіи и педагогіи, чтобы онѣ соотвѣтствовали сознан-

---

*) Въ этомъ лежитъ психологическое объясненіе знаменитой *тріады* Гегеля съ ея тезисомъ, антитезисомъ и синтезисомъ.

**) Когда-нибудь я поговорю особо о противоположномъ мнѣніи, выразившемся ярко въ работѣ *Каланта*: „Une idole pédagogique: l'éducationisme". („Revue philos." № 7, 1903 г.).

ной потребности, а главное—необходимо создать профессоровъ, способныхъ провести эти дисциплины въ педагогическую среду.

Въ связи съ этой потребностью, во Франціи все сильнѣе говорятъ теперь за необходимость введенія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ серьезнаго и систематическаго *преподаванія философіи*. За это преподаваніе высказались Бутру, Эггеръ, Малапертъ, Дарлю, Эвеллинъ, Берне (Bernès), на послѣднемъ конгрессѣ философіи. Между прочимъ, Эггеръ предлагаетъ начинать философскій курсъ съ преподаванія логики.

Какъ бы въ отвѣтъ на это требованіе вышла въ свѣтъ во Франціи, очень интересная и полезная книга Кейра (Queyrat) „Логика у дѣтей“. Я не буду говорить о ней подробно, такъ какъ она уже переведена на русскій языкъ, и каждый изъ моихъ читателей можетъ ознакомиться съ нею лично. Написана она общедоступно, хотя методомъ строго научнымъ, сближающимъ ее съ „педологіей“. Кромѣ наблюденій надъ логикой дѣтей, она даетъ и краткій очеркъ нормальной логики, а въ заключеніе указываетъ способы развитія мышленія у дѣтей, рисуя ясно и образно ошибки этого мышленія, ихъ причины и условія.

Л. Е. Оболенскій.

Къ вопросу о повышеніи учительскихъ окладовъ.

Принятое у насъ за аксіому представленіе о недостаточности учительскихъ окладовъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія до сихъ поръ не вылилось въ настолько опредѣленную форму, чтобы можно было съ увѣренностью сказать, какъ велики размѣры зла, обусловливаемаго малой обезпеченностью преподавательскаго персонала, а также, въ какихъ предѣлахъ должны быть произведены разумныя попытки къ улучшенію матеріальнаго положенія учителей какъ въ интересахъ ихъ самихъ, такъ и въ интересахъ школы.

Замѣчаемый нынѣ усиленный отливъ преподавателей на службу въ другія министерства — преимущественно въ Министерство Финансовъ, также по учебной части, не можетъ быть вѣрнымъ мѣриломъ недостаточности учительскихъ окладовъ, а, въ извѣстныхъ случаяхъ, указываетъ лишь на то, что въ Министерствѣ Финансовъ чувствуется большій спросъ и большая нужда въ преподавателяхъ, нежели въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, соотвѣтственно чему предлагается и болѣе высокое вознагражденіе. Въ виду-же того, что самыя понятія объ обезпеченности и необезпеченности— понятія весьма растяжимыя, едва-ли не съ полной достовѣрностью можно утверждать, что однимъ повышеніемъ окладовъ не будетъ достигнутъ тотъ главный результатъ, къ которому должно бы стремиться Министерство Народнаго Просвѣщенія въ дѣлѣ вознагражденія своихъ служащихъ: не укрѣпятся среди нихъ чувства довольства настоящимъ и увѣренности въ будущемъ, безъ которыхъ нельзя требовать спокойной работы, не смущаемой ни безсильными порывами къ лучшему, ни страхомъ за судьбу своихъ семей.

Дѣло въ томъ, что пользованіе окладами и вообще денежнымъ довольствіемъ имѣетъ свою психологію, тѣсно связанную съ природою и людей и вещей: къ только *повышеннымъ* окладамъ служащіе быстро приспособятся; расходы скоро уравновѣсятся съ доходами; экономія и сбереженія будутъ такими-же исключительными и рѣд-

жими явленіями, какъ и въ настоящее время, а въ результатѣ—то-же, какъ и нынѣ, захуданіе учительскихъ хозяйствъ по мѣрѣ близости службы къ окончанію, то-же прогрессивное, съ годами, обѣднѣніе, выражающееся въ обратно пропорціональномъ численному росту семьи пониженіи внѣшняго комфорта домашней обстановки учителей и въ паденіи образовательнаго уровня младшихъ членовъ учительскихъ семействъ, а однородность явленій вызоветъ и однородность жалобъ. — Потому никакъ нельзя признать единственной причиной неудовлетворительнаго матеріальнаго положенія преподавателей и вытекающаго изъ него чувства недовольства *недостаточность* окладовъ; несомнѣнно большую роль играетъ *неподвижность* этихъ окладовъ и полное отсутствіе надежды на улучшеніе положенія въ будущемъ, а также перспектива грошевой пенсіи въ отставкѣ. — Тѣ повышенія содержанія, какія допускаются нынѣ существующими штатами—повышенія чисто случайныя; большинство-же учителей служатъ безъ всякой надежды когда-либо дождаться пресловутыхъ 1.250 и 1.500 рублей въ годъ за 12 уроковъ. Для этого большинства нѣкоторымъ утѣшеніемъ остается только ожиданіе пенсіи, которая, въ единственномъ изъ всѣхъ министерствъ, выплачивается въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія лицамъ, продолжающимъ состоять на дѣйствительной службѣ, притомъ съ правомъ на увеличеніе этой пенсіи за выслугу добавочныхъ пятилѣтій. Пенсія на службѣ для лицъ, не уволенныхъ въ отставку по выслугѣ двадцати пяти лѣтъ, и составляетъ желанную, и единственно прочную прибавку, слишкомъ позднюю и слишкомъ недостаточную въ виду долгихъ лѣтъ предшествовавшихъ лишеній, униженій или сдѣлокъ съ совѣстью, такъ какъ не всѣ выходятъ съ честью изъ искуса прогрессивнаго обнищанія семьи, а безчестіе отдѣльныхъ лицъ нерѣдко падаетъ на все сословіе.

Вторымъ, по степени нравственнаго вліянія на служащихъ, факторомъ недовольства, является совершенно одинаковое вознагражденіе учителей какъ въ дешевой провинціи, такъ и въ дорогихъ центрахъ; подобные заработки, уравновѣшивающіе балансы провинціальныхъ и центральныхъ содержаній, не могутъ считаться желательными воспособленіями въ учительскихъ бюджетахъ; къ тому-же и распредѣленіе ихъ черезчуръ неравномѣрно между отдѣльными преподавателями.

Третью составляющую всей суммы золъ надо искать въ отсутствіи различія вознагражденій преподавателямъ холостымъ, женатымъ и семейнымъ; возраженіе, что такого различія не дѣлается и въ другихъ вѣдомствахъ, не выдерживаетъ критики, такъ какъ работа учителей, по интенсивности и по характеру, черезчуръ рѣзко

отличается отъ работы служащихъ по другимъ вѣдомствамъ. Къ тому-же принципъ воспособленія семейнымъ, подъ видомъ пособій на воспитаніе дѣтей, давно примѣняется на привилегированныхъ окраинахъ; желательно лишь распространеніе его на всѣхъ служащихъ и въ непривилегированныхъ мѣстностяхъ.

Такимъ образомъ, въ основаніе новаго положенія о штатахъ для лицъ служащихъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія желательно-бы поставить нижеслѣдующіе четыре главныхъ принципа:

1) постепенное и правильное повышеніе окладовъ независимо отъ наличности вакансій (какъ нынѣ), а исключительно за выслугу лѣтъ;

2) раздѣленіе служащихъ на разряды по семейному ихъ положенію;

3) установленіе нѣкоторыхъ оттѣнковъ вознагражденія въ зависимости отъ мѣстонахожденія учебныхъ заведеній;

4) усиленіе учительскихъ пенсій, съ прекращеніемъ полученія ихъ на учебной службѣ, но съ сохраненіемъ таковыхъ въ случаѣ перехода на другую службу.

I. О повышеніи окладовъ за выслугу лѣтъ.

Исходя изъ положенія, что начало учительской дѣятельности не должно быть обставлено болѣе роскошно, чѣмъ начало всякой другой службы, при наличности равнаго образовательнаго ценза, придемъ къ заключенію, что первоначальный окладъ въ 1.000 р. за 12 недѣльныхъ уроковъ, при условіи 20% прибыли за каждое выслуженное пятилѣтіе, можетъ считаться вполнѣ достаточнымъ обезпеченіемъ, гарантирующимъ учителю, по выслугѣ пяти пятилѣтій, двойной окладъ жалованья, т. е. 2.000 р. за 12 уроковъ. А такъ какъ выслуга пятаго пятилѣтія не должна исключать возможности дальнѣйшей службы, при достаточномъ запасѣ силъ и энергіи, то имѣется на лицо вѣроятность повышенія окладовъ до 2.200 и 2.500—но не болѣе рублей за 12 уроковъ, такъ какъ едва ли цѣлесообразно дальнѣйшимъ повышеніемъ окладовъ поощрять свыше чѣмъ 35-лѣтнюю учительскую службу, полезность которой, сверхъ указанныхъ предѣловъ, составляетъ во всякомъ случаѣ явленіе, выходящее изъ нормы.

Вышеприведенная градація окладовъ въ 1.000, 1.200, 1.400, 1.600, 1.800, 2.000, 2.200 и 2.400 рублей въ годъ за 12 уроковъ будетъ представлять такимъ образомъ неотъемлемый отъ каждаго учителя *минимумъ* его правъ на матеріальное обезпеченіе по службѣ, въ отличіе отъ того случайнаго характера, который носятъ въ настоя-

щее время повышенія окладовъ. Тѣмъ не менѣе, полное устраненіе оттѣнка случайности едва ли возможно; послѣднее обстоятельство стоитъ въ прямой зависимости отъ нѣкоторой особенности учительской службы, кроющейся въ колебаніи числа уроковъ; колебанія эти незначительны, а злоупотребленіе ими легко устранимо строгимъ соблюденіемъ правила о распредѣленіи уроковъ коллективною властью Совѣтовъ. Уроки эти, такъ называемые дополнительные, оплачивались до сихъ поръ по 60 р. за годовой часъ. Въ среднемъ достаточная, сумма эта является безусловно убыточной для учителей въ большихъ центрахъ, гдѣ издавна существуютъ высокія нормы вознагражденія за учительскій трудъ. Иная нормировка вознагражденія за дополнительные уроки—въ зависимости отъ характера населенныхъ мѣстностей, къ которымъ пріурочены учебныя заведенія, весьма желательна, и можетъ сослужить хорошую службу, какъ одинъ изъ факторовъ въ дѣлѣ установленія градацій учительскихъ окладовъ по мѣстонахожденію учебныхъ заведеній. Не надо также забывать, что повышеніе поурочной платы въ большихъ центрахъ желательно также въ интересахъ учащихся: самые лучшіе учителя нерѣдко предпочитаютъ заработокъ на сторонѣ скудно оплачиваемымъ дополнительнымъ урокамъ въ своемъ учебномъ заведеніи, а это обстоятельство влечетъ весьма нежелательную ежегодную перетасовку предметовъ и классовъ, такъ что рѣдкій учитель доводитъ своихъ учениковъ до конца: число учителей растетъ, но каждый изъ нихъ лишь временный гость въ своемъ классѣ.

II. О раздѣленіи служащихъ на разряды, согласно семейному ихъ положенію.

Наиболѣе естественному подраздѣленію служащихъ на три категоріи: а) *одинокихъ*, б) *женатыхъ* и в) *семейныхъ*, соотвѣтсвовало бы и назначеніе категоріямъ б) и в) добавочныхъ содержаній; а именно—по категоріи б) *квартирныхъ денегъ* и по категоріи в), *квартирныхъ*, а также *пособій на воспитаніе дѣтей*.

Такъ какъ квартирное довольствіе должно естественно производиться примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, то подробное разсмотрѣніе вопроса о размѣрахъ выдачи таковаго должно быть отнесено къ слѣдующему пункту. Здѣсь же разсмотримъ лишь вопросъ о пособіяхъ на воспитаніе дѣтей.

Такія пособія, давно уже вошедшія въ практику въ нѣкоторыхъ привилегированныхъ мѣстностяхъ, должны бы выдаваться, пусть даже въ самомъ скромномъ размѣрѣ, на *всѣхъ* дѣтей, не ограничи-

вая числа ихъ опредѣленной нормой; срокъ же теченія пособій желательнѣе всего было бы опредѣлить временемъ окончанія образованія дѣтьми обоего пола. Но, въ виду растяжимости послѣдняго понятія, предпочтительно ограничить срокъ полученія пособій: для дѣтей женскаго пола—восемнадцатью годами; для дѣтей мужского пола—двадцатью однимъ годами, съ прекращеніемъ выдачи денегъ на воспитаніе дѣтей и ранѣе вышеуказанныхъ сроковъ буде дѣти воспитываются на казенный счетъ; такое же срочное прекращеніе пособій на воспитаніе, должно, конечно, наступать: для *дочерей*—въ случаѣ замужества; и для дѣтей и того и другого пола—при поступленіи ихъ на государственную или общественную службу ранѣе наступленія предѣльнаго для выдачи пособій возраста.

Исходя далѣе изъ того положенія, что выдача пособій на воспитаніе дѣтей не должна снимать съ родителей всѣхъ заботъ и расходовъ, а лишь служить имъ воспособленіемъ и средствомъ пресѣченія постепенно нарождающагося у насъ, по примѣру Запада, уклоненія отъ материнства, и стремленія къ бездѣтнымъ семьямъ, возможно-бы, на первое время, установить пособія въ нижеслѣдующихъ скромныхъ размѣрахъ:

Возрасты.	Годичное воспособленіе.
Отъ 7— 9 лѣтъ	60 руб.
„ 9—12 „	80 „
„ 12—15 „	100 „
„ 15—18 „	120 „
„ 18—21 года	150 „

Подраздѣленіе пособій на воспитаніе дѣтей на разряды, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, едва-ли необходимо, въ виду того, что стоимость образованія чаще всего находится въ обратномъ отношеніи къ дороговизнѣ жизни, почему опредѣленіе уравнительныхъ нормъ для тѣхъ или другихъ мѣстностей могло-бы встрѣтить непреодолимыя затрудненія.

———————

III. Объ установленіи нѣкоторыхъ оттѣнковъ вознагражденія въ зависимости отъ мѣстонахожденія учебныхъ заведеній.

Подходящими статьями для установленія такихъ оттѣнковъ явились-бы, какъ выше указано, на *первомъ* планѣ—выдача женатымъ и семейнымъ преподавателямъ квартирныхъ денегъ въ томъ или иномъ размѣрѣ; и на *второмъ* — установленіе варіантовъ нормъ вознагражденія за дополнительные, сверхъ двѣнадцати, уроки.

Въ отношеніи квартирнаго довольствія всѣ мѣстности могли-бы быть распредѣлены, въ зависимости отъ цѣнъ на квартиры, на *пять* категорій, съ выдачей соотвѣтственныхъ квартирныхъ денегъ *помѣсячно* (не по третямъ) и въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Категоріи.	Ежемѣсячная выдача.
I	60 руб.
II	50 „
III	40 „
IV	30 „
V	20 „

Въ *первую* категорію вошли-бы обѣ столицы, Петербургъ и Москва, и немногіе другіе, славящіеся дороговизною квартиръ, окраинные города; во *вторую* такіе города, какъ Варшава, Одесса, Кіевъ, Харьковъ, Лодзь, Рига, и пр.; въ *третью* — большинство остальныхъ губернскихъ городовъ и нѣкоторые изъ уѣздныхъ; въ *четвертую*—немногіе изъ особенно дешевыхъ, по жизненнымъ условіямъ, губернскихъ городовъ и большинство уѣздныхъ; въ *пятую*—всѣ мѣстности, не вошедшія ни въ одну изъ предыдущихъ четырехъ категорій.

Въ отношеніи платы за дополнительные уроки достаточно было-бы установить только *три* категоріи, съ повышеніемъ поурочной платы для первой категоріи до 80 р. за годовой часъ, а для второй до 70 р. Для третьей категоріи могла-бы быть сохранена та-же плата, что и нынѣ, т. е. по 60 р. за годовой урокъ.

Исходя изъ того положенія, что нормировка размѣра платы за дополнительный урокъ должна зависѣть отъ условій спроса на учительскій трудъ и отъ дороговизны жизни, получимъ весьма удобныя начала для установленія границъ всѣхъ трехъ категорій поурочной платы, въ соотвѣтствіи съ размѣрами квартирнаго довольствія. Такъ, *первой* категоріи квартирнаго довольствія соотвѣтствовала бы *первая* категорія размѣра поурочной платы; *второй* и *третьей* категоріямъ квартирнаго довольствія—*вторая* поурочной платы; наконецъ *четвертой* и *пятой* перваго—*третья* категорія второй. Для наглядности приводимъ таблицу.

Разрядъ мѣстности.	Мѣсячное квартирное довольствіе.	Плата за годовой дополнительный урокъ.	Разрядъ платы.
I	60 руб.	80 руб.	I
II III	50 руб. 40 руб.	70 руб.	II
IV V	30 руб. 20 руб.	60 руб.	III

IV. Объ усиленіи учительскихъ пенсій, съ прекращеніемъ полученія ихъ на учебной службѣ.

Ничтожные размѣры учительскихъ пенсій являются вездѣ, за исключеніемъ Привислинскаго края (Варшавскаго учебнаго округа), чрезвычайно больнымъ мѣстомъ въ дѣлѣ обезпеченія преподавателей.—Да и то, что установлено въ данномъ направленіи въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, создано не нами: наше вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія лишь приспособилось къ тому, что издавна существовало въ краѣ, и, сокративъ срокъ выслуги на пенсію для лицъ русскаго происхожденія, превратило норму въ особую льготу. Суть положенія, существующаго нынѣ въ Привислинскомъ краѣ, можетъ быть очерчена въ нѣсколькихъ словахъ.

Въ пенсію идетъ послѣдній штатный окладъ жалованья; для лицъ русскаго происхожденія этотъ окладъ пенсіи полагается за 20 и за 25 лѣтъ; для мѣстныхъ элементовъ за 35 и за 40 лѣтъ. Вычеты въ пенсіонный капиталъ исчисляются для лицъ русскаго происхожденія изъ 2% годовыхъ; вычеты въ такъ называемую эмеритальную коммиссію для лицъ польскаго происхожденія и немногихъ православныхъ уроженцевъ Царства Польскаго, удерживаются въ размѣрѣ 6% годовыхъ по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія и 10% годовыхъ для всѣхъ прочихъ вѣдомствъ.

Положеніе, дѣйствующее въ Привислинскомъ краѣ, могло-бы быть принято въ основу для новыхъ общеимперскихъ пенсіонныхъ правилъ для лицъ учебнаго вѣдомства — съ нѣкоторыми, однако, существенными измѣненіями порядковъ, установленныхъ по отношенію къ лицамъ такъ называемаго русскаго происхожденія.

Во-первыхъ, долженъ быть безусловно поддержанъ главный принципъ, положенный въ основаніе эмеритальныхъ правилъ Царства Польскаго для лицъ не русскаго происхожденія, а именно: *пенсія за выслугу лѣтъ должна являться не просто въ качествѣ благодѣянія со стороны государства, но и результатомъ сбереженій самихъ служащихъ*. Такимъ образомъ, принципъ высокихъ процентныхъ складокъ въ пенсіонный капиталъ долженъ быть проведенъ со всею строгостью и послѣдовательностью, и размѣръ ихъ установленъ, въ среднемъ, около 10% со всего получаемаго на службѣ содержанія, не исключая квартирнаго довольствія, пособій на воспитаніе дѣтей и платы за дополнительные уроки. Изъятію могли-бы подлежать развѣ одни только случайныя пособія изъ спеціальныхъ средствъ.

Во-вторыхъ, въ виду вышепроектированнаго, послѣдовательнаго возвышенія окладовъ, назначеніе въ пенсію послѣдняго выслуженнаго оклада настолько значительно увеличило-бы размѣры пенсій,— даже сравнительно съ получаемыми нынѣ въ Привислинскомъ краѣ,— что и десятипроцентныя складки въ пенсіонный капиталъ оказались-бы недостаточными. Посему установленіе пенсій въ размѣрахъ, нѣсколькими разрядами низшихъ по отношенію къ послѣднимъ выслуженнымъ окладамъ, можно-бы признать наиболѣе раціональнымъ разрѣшеніемъ вопроса—конечно, съ нѣкоторыми варіантами, въ зависимости отъ отдаленности мѣста служенія отъ центральныхъ областей Имперіи и отъ трудностей самой службы.

Сверхъ сокращенныхъ сроковъ на пенсію, дающихъ возможность служащимъ нѣсколько раньше вернуться на родину, въ привычныя условія жизни, бо̀льшая часть прочихъ преимуществъ по службѣ въ привилегированныхъ мѣстностяхъ, за исключеніемъ самыхъ отдаленныхъ, подлежала-бы уничтоженію, или, по крайней мѣрѣ, ограниченію. Многія изъ подобныхъ привилегій возбуждаютъ лишь недовольство и рознь между служащими и не оправдываются никакими соображеніями.

Говоря о пенсіяхъ за учительскую службу, нельзя обойти молчаніемъ вопросъ о томъ, какой минимальный срокъ долженъ быть принятъ за правовую норму при назначеніи пенсій. Подразумѣваемъ, конечно, не исключительные случаи, вродѣ неизлѣчимыхъ болѣзней, неспособности къ дальнѣйшему учительскому труду, смерти (пенсіи дѣтскія и вдовьи), а случаи нормальные, когда уходитъ со службы человѣкъ еще относительно здоровый, способный, не старый, котораго гонитъ изъ школы непреодолимое отвращеніе къ учительству, сознаніе своей безполезности, или даже приносимаго учащимся вреда.

Дѣло въ томъ, что учительская служба настолько рѣзко отличается, по своему характеру, отъ всякой другой службы, что подобные случаи должны быть приняты въ разсчетъ, такъ какъ учитель, съ переходомъ къ другому роду дѣятельности, не можетъ *продолжать* начатой карьеры, какъ продолжаетъ ее чиновникъ, мѣняющій контроль на акцизъ или судъ на администрацію: *онъ буквально долженъ начинать службу съизнова.* Обрекать-же себя и семью на матеріальныя лишенія тяжело во всякомъ возрастѣ и при всякомъ запасѣ здоровья и силъ, а тѣмъ болѣе въ возрастѣ зрѣломъ или пожиломъ.

Поэтому желательно было-бы установленіе десяти и пятнадцатилѣтнихъ минимальныхъ сроковъ для выслуги пенсіи по учебной части, пусть-бы даже только для далекихъ или особенно суровыхъ окраинъ. Тогда всякій, добровольно или принудительно обрекшій себя на учительство, зналъ-бы, что онъ не безповоротно прикованъ къ школѣ, что есть выходъ, есть пенсія, которая дастъ возможность и во время оставить педагогическую дѣятельность, и поддержать свое существованіе въ началѣ новаго рода службы.

Конечно, дарованіе такой привилегіи не можетъ обойтись безъ крупныхъ жертвъ или со стороны государственной казны, или же самихъ преподавателей; въ послѣднемъ случаѣ, если твердо стоять на однажды уже высказанной точкѣ зрѣнія, что пенсіи должны быть въ значительной мѣрѣ результатомъ собственныхъ сбереженій подъ видомъ принудительныхъ складокъ и вычетовъ, придемъ къ естественному заключенію, что, чѣмъ короче срокъ на выслугу пенсіи, тѣмъ крупнѣе должны быть складки, откуда уже одинъ только шагъ къ установленію *прогрессивно убывающихъ, съ годами службы, пенсіонныхъ складокъ.*—А именно: начинаясь хотя-бы съ 15% въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ службы, складки убывали-бы последовательно черезъ каждое послѣ перваго пятнадцатилѣтія десятилѣтія, понижаясь прогрессивно до 10, 7, 5 и 3 процентовъ со всего получаемаго на службѣ содержанія. Все вышесказанное можетъ быть выражено ниже помѣщенною сводною таблицей:

Въ таблицѣ намѣчены, кромѣ высказанныхъ раньше, еще три принципа:

1) прекращеніе роста окладовъ ранѣе роста пенсіи;

2) прекращеніе того и другого на окраинахъ ранѣе, чѣмъ въ Имперіи, такъ какъ окраины нуждаются въ молодыхъ, бодрыхъ силахъ, почему поощреніе продолжительности службы на нихъ далѣе извѣстнаго предѣла едва-ли желательно, и

3) ограниченіе нормальнаго срока учительской службы тридцатью пятью, вмѣсто теперешнихъ двадцати пяти лѣтъ срока—слишкомъ

Число лѣтъ службы	Оклады жалованія за 12 уроковъ.		Разряды пенсій.			Размѣры процентныхъ складокъ со всего получаемаго на службѣ содержанія.
	Нормальные	На окраинахъ	Нормальная	На окраинахъ. 1	На окраинахъ. 2	
0	1.000	1.200				
5	1.200	1.500				До пятнадцати лѣтъ
10	1.400	1.800		900		15 %
15	1.600	2.100		1.200	900	. . . .
20	1.800	2.400	1.000	1.500	1.200	До двадцатипяти лѣтъ
25	2.000	2.700	1.200	1.800	1.500	10 %
30	2.200	3.000	1.400	2.100	1.800	До тридцати пяти лѣтъ
35	2.400		1.600	2.400	2.100	7 %
40			1.800			До сорока пяти лѣтъ
45			2.000			5 %
50						Свыше сорока пяти лѣтъ 3 %

короткаго, обиднаго, дающаго поводъ къ устраненію многихъ полезныхъ педагоговъ во цвѣтѣ лѣтъ и силъ.

Вышеописаннымъ исчерпывается главное, существенное, касающееся повышенія учительскихъ окладовъ. Въ частностяхъ, по вопросу, напр., о вознагражденіяхъ, получаемыхъ инспектирующими преподавателями, классными наставниками, ихъ помощниками, а также врачами учебныхъ заведеній, полагаемъ, что измѣненіе ихъ окладовъ должно быть поставлено въ прямую зависимость отъ коренной реформы въ опредѣленіи функцій и обязанностей вышеназванныхъ лицъ, и даже отъ упраздненія нѣкоторыхъ должностей.—

Для вознагражденія-же библіотекарей, секретарей совѣта и письмоводителей, слѣдовало-бы установить для всѣхъ учебныхъ заведеній нѣкоторыя минимальныя, хотя и значительно высшія нынѣшнихъ, нормы, измѣняемыя in plus, въ зависимости отъ состава учебныхъ заведеній и большаго или меньшаго обилія спеціальныхъ средствъ.

Мы умышленно не затронули въ настоящей коротенькой замѣткѣ вопроса о вознагражденіи начальствующихъ лицъ—это потому, что центромъ всѣхъ заботъ и краеугольнымъ камнемъ школы долженъ быть всегда и вездѣ учитель; приложить искреннія, нелицемѣрныя старанія къ поднятію уровня учительства нравственно и матеріально значитъ устранить многія нежелательныя явленія въ жизни нашей школы.

Тогда и вопросъ о матеріальномъ благополучіи начальства школы, вопросъ также далеко не лишній, разрѣшится самъ собой, какъ естественное послѣдствіе благополучія учительскаго.

Ѳ. П.

———

Педагогическій процессъ.

Часть II.

О видоизмѣненіяхъ педагогическаго процесса.

VIII.

О видоизмѣненіяхъ педагогическаго процесса подъ вліяніемъ внѣшней природы.

Человѣкъ живетъ въ средѣ двоякаго рода: внѣшней природы и людского общества. Онъ одинаково тѣсно связанъ и съ той и съ другой: обѣ снабжаютъ организмъ матеріаломъ развитія и значительно вліяютъ на самый ходъ органическаго развитія. Разсмотримъ какъ видоизмѣняется педагогическій процессъ подъ этими вліяніями.

Внѣшняя природа есть могучая воспитательница людей: ея вліяніе сказывается и на физическомъ, и на духовномъ развитіи человѣка. Во вліяніи внѣшней природы слѣдуетъ различать значеніе фигуры мѣста (горы, равнины, низменности), его положенія—при морѣ, рѣкѣ, въ степи, состава почвы, теплоты, влажности или сухости воздуха, обилія или скудости свѣта, господствующихъ вѣтровъ, пищи. Такое множество различныхъ свойствъ не можетъ не производить глубокаго и разносторонняго вліянія на населяющихъ извѣстное мѣсто людей. Мы отмѣтимъ лишь нѣкоторые виды измѣненій, производимыхъ нѣкоторыми свойствами страны въ физической и духовной организаціи человѣка.

Чтобы жить въ извѣстной мѣстности, человѣкъ непремѣнно долженъ къ ней приспособиться: между его свойствами и свойствами внѣшней среды должна быть гармонія, иначе человѣку жить невозможно. Ему предстоитъ грозная дилемма: приспособиться (себя приспособить къ внѣшней средѣ или внѣшнюю среду къ себѣ) или умереть. Приспособленіе въ томъ или другомъ видѣ обыкновенно и происходитъ.

Дикія и полудикія племена, живущія на крайнемъ сѣверѣ, отличаются, вообще говоря, небольшимъ ростомъ, тогда какъ племена,

населяющія благословенныя страны юга, гораздо рослѣе. Бѣднымъ дикарямъ-сѣверянамъ сама природа присудила, какъ внѣшній отличительный признакъ, малый ростъ, потому что пищевой матеріалъ расходуется у нихъ весьма односторонне—на поддержаніе теплоты тѣла. Между тѣмъ, если расходъ пищи на поддержаніе нормальной теплоты тѣла очень великъ, то, очевидно, на всѣ другіе процессы, въ частности и на ростъ, останется ея меньше, чѣмъ нужно.

Нужно, впрочемъ, оговориться, что ростъ обусловливается не только внѣшними климатическими данными, но и многими другими причинами. На югѣ, въ тропической Африкѣ, есть весьма малорослыя племена, напримѣръ, бушмены. Въ Африкѣ же путешественнику Стэнли пришлось встрѣтиться съ племенемъ карликовъ.

Величина окружности грудной клѣтки, равно какъ длина верхнихъ и нижнихъ конечностей, въ значительной степени зависятъ отъ свойствъ внѣшней среды и обусловливаемаго ею образа жизни. Такъ, племена, живущія на высокихъ горахъ, напримѣръ, въ Андахъ, въ разрѣженномъ воздухѣ, нуждаются въ болѣе сильномъ дыханіи, чѣмъ обитатели равнинъ. Поэтому жители высокихъ Андъ отличаются такимъ сильнымъ развитіемъ грудной клѣтки и легкихъ, что они нерѣдко достигаютъ необыкновенной величины. Вліяніе внѣшней среды и обусловленнаго ею образа жизни на длину верхнихъ и нижнихъ конечностей также не подлежитъ никакому сомнѣнію. Уже у матросовъ и солдатъ, въ виду различія ихъ занятій, замѣчается разница въ длинѣ верхнихъ и нижнихъ конечностей. Индѣйцы британской Колумбіи и нѣкоторые другія племена отличаются дугообразными искривленными ногами, потому что они обезображиваютъ свои нижнія конечности постояннымъ сидѣніемъ на корточкахъ въ лодкахъ.

Подъ тропиками воздухъ содержитъ менѣе кислорода, чѣмъ въ Европѣ. Вслѣдствіе этого дѣятельность легкихъ у переселяющихся туда европейцевъ понижается на 18,5%, а дальнѣйшимъ слѣдствіемъ этого служитъ пониженіе температуры тѣла на 0,83%. Дѣятельность всѣхъ органовъ ослабѣваетъ, количество выдѣляемой легкими углекислоты падаетъ на 12,24%. Весь организмъ разстраивается, становится необычайно воспріимчивымъ ко всякаго рода воспаленіямъ и лихорадочнымъ заболѣваніямъ, аппетитъ пропадаетъ, умственныя способности значительно ослабѣваютъ. Въ жаркихъ странахъ европейцы въ два, три поколѣнія вымираютъ—постоянный зной болѣзненно вліяетъ на ихъ сердце и нервную систему. Южное небо безжалостно къ сѣвернымъ людямъ. Варвары, оставившіе свои холодныя страны и устремившіеся на римскую имперію, разрушили ее, но скоро и сами погибли въ земляхъ болѣе теплыхъ и плодоносныхъ.

Спустя столѣтіе послѣ нашествія, не осталось въ Италіи ни одного гота. Народы, много разъ завоевывавшіе Египетъ, не могли укорениться въ немъ: поселенцы вымирали въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Римляне сдѣлали латинскими странами Галлію и Испанію, но не могли колонизовать жаркія страны Африки, которыми владѣлъ Карѳагенъ. Въ Алжирѣ французы встрѣчаютъ то же самое препятствіе. Расы завоевателей гибнутъ въ завоеванныхъ странахъ, если между свойствами странъ завоевателей и покоренныхъ оказывается большое различіе.

Любопытныя измѣненія испытали англо-саксы въ Америкѣ, сблизившись по строенію своего организма съ туземцами страны—краснокожими. Катрфажъ такъ резюмировалъ наблюденія различныхъ изслѣдователей по этому предмету: „англо-саксы въ Америкѣ со второго поколѣнія представляютъ черты индійскаго типа, сближающія ихъ съ лени-леннапами, ирокезами и чероками. Система железъ доходитъ до минимума своего естественнаго развитія; кожа становится сухой, какъ бы выдѣланной, теряетъ свѣжесть окраски, а щеки румянецъ, который у мужчинъ замѣняется желтизной, а у женщинъ вялою блѣдностью. Голова уменьшается и закругляется или заостряется, покрываясь гладкими волосами густого цвѣта. Замѣчается значительное развитіе скуловыхъ костей и жевательныхъ мышцъ; височныя впадины глубоки, челюсти массивны. Глаза вставлены въ очень глубокія впадины и довольно значительно сближены одинъ съ другимъ. Радужная оболочка темная, взглядъ острый и дикій. Кости удлиняются, особенно на верхнихъ конечностяхъ; впадины костей очень съужены, ногти легко принимаютъ круглую и острую форму. Глотка велика, голосъ хриплый и крикливый. Женскій тазъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сближается съ тазомъ обезьяны, или, по словамъ другого корреспондента, съ тазомъ мужчины. Отмѣчается и такая особенность: языкъ стремится приблизиться къ полисинтетизму языковъ краснокожихъ своими формулами“ *).

Обиліе пищи прямо зависитъ отъ плодородія почвы. Самыя древнія цивилизаціи возникли тамъ, гдѣ по берегамъ большихъ рѣкъ представлялись изобильные источники питанія: по теченію Нила, Тигра, Евфрата, Инда, Ганга. Вмѣстѣ съ жгучимъ солнцемъ обильное питаніе рано пробуждаетъ половой инстинктъ, скорѣе приводитъ къ физической зрѣлости и дѣлаетъ человѣка страстнѣе, порывистѣе. Напримѣръ, въ Швеціи полная зрѣлость у юношей и дѣвушекъ достигается годомъ позже, чѣмъ въ Италіи и Америкѣ.

---

*) Dr. Gustave Le Bon. L'Homme et les Sociétés. Leurs origines et leur histoire. Deuxieme partie. Paris, 1881. P. 63—4.

И вообще, по наблюденіямъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, дѣвушки жаркихъ странъ начинаютъ менструировать въ возрастѣ 11—14 лѣтъ, а въ холодныхъ странахъ 15—18 лѣтъ, въ умѣренныхъ 13—16 лѣтъ. Англійскій женскій врачъ Тильтъ (Tilt), спеціально изслѣдовавшій вопросъ о вліяніи климата на появленіе первой менструаціи и сравнившій показанія по этому предмету различныхъ наблюдателей, такъ опредѣляетъ среднее время первой менструаціи: въ жаркомъ климатѣ 13 лѣтъ и 16 дней; въ умѣренномъ—14 лѣтъ, 4 мѣсяца, 4 дня; въ холодномъ—15 лѣтъ, 10 мѣсяцевъ и 5 дней. Конечно, на время появленія половой зрѣлости имѣютъ не малое вліяніе и другіе факторы, особенно свойства расъ, затѣмъ принадлежность къ извѣстному сословію и образъ жизни *). А ускоренная физическая зрѣлость и повышенная страстность влекутъ за собой весьма значительныя измѣненія во всей тѣлесной жизни человѣка: ускореніе общаго хода дѣятельности человѣческаго организма и раннее увяданіе.

Продолжительность временъ года, средняя годовая температура, продолжительность дня и ночи или способствуютъ или препятствуютъ правильному и равномѣрному труду человѣка. Есть мѣста, гдѣ цѣлые мѣсяцы тянется ночь, и наоборотъ, цѣлые мѣсяцы дни; есть страны необычайно холодныя или необычайно жаркія въ извѣстное время года. Очевидно, въ такихъ странахъ людской трудъ не можетъ быть равномѣрно распредѣленнымъ на весь годъ; неизбѣжно приходится значительную часть времени ничего не дѣлать, а въ остальное время чрезмѣрно напрягать свои силы. У нашихъ крестьянъ-земледѣльцевъ наблюдается то же явленіе, только въ смягченной формѣ. Вообще природа ставитъ людей въ весьма различныя и даже противоположныя условія жизни и безусловно требуетъ примѣненія къ себѣ: въ одномъ мѣстѣ она донимаетъ человѣка чрезвычайною сухостью воздуха, въ другомъ—чрезвычайною его сыростью; однихъ она подвергаетъ крайнему холоду, другихъ—крайней жарѣ. И одинъ и тотъ же человѣческій организмъ долженъ видоизмѣняться, приспособляясь: то пріобрѣтать нечувствительность къ холоду, то способность работать на сильнѣйшей жарѣ; то не страдать отъ сухости воздуха, то отъ его сырости. Не видоизмѣнишься, не приспособишься—наживешь болѣзни и скоро погибнешь.

Вліяніе внѣшней природы на духовное развитіе людей также велико. Различные виды природы различно вліяютъ на складъ человѣческаго ума и настроенія. Суровый сѣверъ, съ своимъ холоднымъ,

*) Ploss, Das Weib in der Natur—und Völkerkunde. 4 Auflage Max Bartels. Leipzig, 1895. 4 Lieferung, S. 269.

хотя, можетъ быть, и величавымъ въ своемъ родѣ, однообразіемъ замораживаетъ умъ обитателей. Ставя борьбу съ холодомъ, при помощи юртъ, одежды и соотвѣтствующаго питанія, на первый планъ, онъ оставляетъ слишкомъ мало силъ для другихъ проявленій духовной жизни человѣка. Эскимосы, жители береговъ Ледовитаго океана отъ Сибири до Гренландіи, главную свою дѣятельность сосредоточивали въ добываніи пищи. До своего знакомства съ европейцами они не имѣли никакого понятія о металлѣ; всѣ предметы обыденной жизни и всѣ вообще издѣлія изготовлялись изъ камня, рога, кости, дерева. Занятые постоянно вопросомъ о снисканіи пропитанія при помощи своихъ несовершенныхъ орудій, они въ насыщеніи видѣли высшее блаженство; а потому у нихъ является чрезвычайно распространеннымъ страшное обжорство, доходящее до невѣроятныхъ степеней: наѣдаются до отупѣнія, тутъ же засыпаютъ съ открытымъ ртомъ и воспаленнымъ краснымъ лицомъ, и когда ротъ освобождается отъ пищи, заботливая жена, неустанно наблюдающая за мужемъ, съ помощью своего указательнаго пальца, сейчасъ же втискиваетъ новые огромные куски недовареннаго мяса. Живя для ѣды, эскимосы мало имѣютъ настоящихъ человѣческихъ чувствъ и способностей: считаютъ мало и плохо; по словамъ нѣкоторыхъ ученыхъ (Крантцъ), у гренландскихъ эскимосовъ не было никакихъ религіозныхъ обрядовъ или поклоненія идоламъ, вообще никакихъ религіозныхъ церемоній; безсердечность эскимосовъ прямо пропорціональна ихъ обжорству—они не заботятся о томъ, чтобы прекратить или сколько-нибудь облегчить страданія, а, напротивъ избавляются отъ немощныхъ стариковъ и вообще болѣзненныхъ людей самымъ жестокимъ образомъ, зарывая ихъ живыми въ землю или оставляя въ ледяныхъ хижинахъ, которыя запираются, какъ могильные склепы. Къ памяти умершихъ эскимосы совершенно равнодушны: они совершенно спокойно смотрятъ, какъ трупъ, вырытый собаками или лисицами, поѣдается ими; мало того, эти люди желудка допускаютъ даже, чтобы человѣческія кости валялись рядомъ съ костями другихъ животныхъ около ихъ хижинъ. Эскимосы точно также чужды всякаго понятія о томъ, что значитъ сдержать свое слово: черство-эгоистичные, они никогда не имѣютъ обыкновенія отдавать что-нибудь даромъ, даже рѣшительно не предполагаютъ, чтобы можно было поступать такимъ образомъ. Чувство благодарности имъ тоже совершенно неизвѣстно. При этомъ эскимосы были вполнѣ миролюбивы, спокойны, терпѣливы, очень любили своихъ дѣтей. Не всѣ эскимосы даже знали слово война; нѣкоторые изъ нихъ рѣшительно не могли понять, что такое война, и не имѣли никакого военнаго оружія. Зато они обнаруживали способности къ

гравированію и рисованію, довольно хорошо умѣли обдѣлывать и украшать каменные ножи, каменные наконечники стрѣлъ и копій. У 77-го градуса сѣверной широты Джонъ Россъ встрѣтилъ еще племена, считавшія себя не только единственными эскимосами, но даже единственными обитателями земли.

Южныя богатыя страны, съ разнообразными и величественными явленіями природы, дѣйствуютъ совершенно иначе на душевную жизнь: предъ грозными и могучими силами природы въ душу закрадываются страхъ и трепетъ, умъ наполняется всякаго рода суевѣрными и нелѣпыми представленіями, фантазія начинаетъ усиленно работать. Не имѣя опоры въ трезвомъ наблюденіи явленій, въ изученіи ихъ свойствъ и разсудочномъ выясненіи ихъ причинъ, фантазія обнаруживаетъ себя массой чудовищныхъ построеній, которыя по своей грандіозности подстать окружающей природѣ, но далеки отъ ея пониманія и выясненія; возникаютъ какія-то поэтическія сказки, одинаково чуждыя и точному наблюденію и правильной хронологіи и трезвому анализу. Такова была умственная дѣятельность древнихъ индусовъ, отъ всей духовной жизни которыхъ вѣетъ фантазіей, поэзіей, которая была переполнена громадными, чудовищными построеніями, совершенно чуждыми дѣйствительности и ея здравому пониманію. Страхъ предъ природой и оживленная дѣятельность фантазіи, отличающія такія племена, съ возникновеніемъ и развитіемъ культуры, выражаются построеніемъ системъ и созданіемъ религій пантеистическаго и мистическаго характера, въ которыхъ отдѣльная личность тонетъ въ безграничномъ морѣ существующаго. Личность это капля, а остальное существующее—море.

Дѣйствіе на умъ и настроеніе умѣренной по размѣру своихъ явленій природы бываетъ иное. Такая природа не придавливаетъ человѣка, не парализуетъ его наблюдательности и чисто разсудочныхъ соображеній, не заставляетъ все видѣть въ поэтическомъ и таинственномъ свѣтѣ; она даетъ полный просторъ его уму, не наполняетъ сердце страхомъ и ужасомъ. Поэтому среди умѣренной природы скорѣе развиваются человѣческое самосознаніе, довѣріе къ своимъ силамъ, а вмѣстѣ индивидуалистическія стремленія въ наукѣ и жизни. Религіозныя чувствованія не выражаютъ лишь одну зависимость, страхъ и покорность: боги не кажутся такими всемогущими; человѣкъ чувствуетъ себя болѣе или менѣе свободно по отношенію къ высшимъ силамъ. Всякаго рода предразсудковъ и нелѣпыхъ фантазій у него бываетъ меньше, и если природа не одолѣваетъ его своею скудостью, то въ борьбѣ съ ней онъ закаляется, развивая въ то же время всѣ свои силы. Создается благопріятная почва для вы-

сокой культуры, каковыя условія и встрѣтились, напримѣръ, въ древней Греціи.

Само собой разумѣется, что было бы крайне несправедливо и односторонне характеръ и свойства извѣстнаго культурнаго типа объяснять исключительно характеромъ и свойствами воздѣйствій внѣшней природы на человѣка; но не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію значительность вліянія природы на характеръ народовъ и ихъ развитія въ предъисторической жизни народовъ, когда у человѣка еще не было соотвѣтствующихъ орудій для борьбы съ природой. Въ настоящее время вліяніе внѣшней природы на душевное развитіе человѣка менѣе замѣтно; природа, какъ будто, отодвинута на второй планъ, а на первомъ мѣстѣ стоитъ общественность, вліяніе человѣка на человѣка. Но было бы ошибочно думать, что въ настоящее время природа не играетъ значительной роли въ развитіи душевной жизни людей. И понынѣ она—могучій дѣятель въ формировкѣ всей и духовной и физической личности человѣка. Знаменитый авторъ „Духа Законовъ" географическимъ особенностямъ странъ и климатовъ приписывалъ даже болѣе или менѣе совершенное нравственное состояніе ихъ обитателей. „Вы найдете, говорилъ онъ, въ холодномъ климатѣ племена, имѣющія мало пороковъ, достаточное число добродѣтелей и много искренности и чистосердечія. Приближаясь къ южнымъ странамъ, вы подумаете, что удаляетесь отъ нравственности: болѣе сильныя страсти умножаютъ преступленія. Каждый желаетъ извлечь изъ другихъ выгоды, благопріятствующія его страстямъ. Въ странахъ умѣренныхъ вы найдете народы непостоянные въ своемъ поведеніи какъ порочномъ, такъ и добродѣтельномъ. Измѣнчивый климатъ не въ состояніи фиксировать поведеніе" *).

На русскаго человѣка, на складъ его жизни и дѣятельности, на его исторію, а вмѣстѣ и на народный характеръ природа страны оказала значительное вліяніе. Проф. Ключевскій утверждаетъ, что лѣсъ, степь и рѣка — основныя стихіи русской природы по своему историческому значенію, особенно же рѣки, начертавшія программу русской исторіи. „Въ первоначальномъ племенномъ, какъ и смѣнившемъ его областномъ земско-княжескомъ дѣленіи древней Руси легко замѣтить гидрографическое основаніе. Древняя лѣтопись размѣщаетъ русско-славянскія племена на равнинѣ прямо по рѣкамъ. Точно также древняя Кіевская земля—это область средняго Днѣпра, земля Черниговская — область его притока Десны, Ростовская — область верхней Волги и т. д. Тоже гидрографическое основаніе еще

*) Le Bon, ibidem; p. 65.

замѣтнѣе въ послѣдующемъ удѣльномъ дѣленіи XIII—XV вѣковъ, довольно точно согласовавшемся съ сложнымъ развѣтвленіемъ бассейновъ Оки и верхней Волги. Но это центробѣжное дѣйствіе рѣчной сѣти сдерживалось другой ея особенностью. Взаимная близость главныхъ рѣчныхъ бассейновъ равнины при содѣйствіи однообразной формы поверхности не позволила размѣщавшимся по нимъ частямъ населенія обособляться другъ отъ друга, замыкаться въ изолированныя гидрографическія клѣтки, поддерживала общеніе между ними, подготовляла народное единство и содѣйствовала государственному объединенію страны". Рѣки дѣйствовали и прямо на развитіе извѣстныхъ душевныхъ свойствъ: воспитывали духъ предпріимчивости, привычку къ совмѣстному артельному дѣйствію, пріучали обращаться съ чужими людьми, заставляли размышлять и изловчаться и т. д.

Лѣсъ былъ многовѣковой обстановкой русской жизни до второй половины XVIII вѣка.

Жизнь наибольшей части русскаго народа шла въ лѣсной полосѣ нашей равнины. Лѣсъ оказывалъ русскому человѣку разнообразныя услуги хозяйственныя, политическія и даже нравственныя: давалъ топливо, матеріалъ для построекъ, домашней посуды, питалъ народное хозяйство пушнымъ звѣремъ и лѣсной пчелой, служилъ самымъ надежнымъ убѣжищемъ отъ внѣшнихъ враговъ, замѣняя русскому человѣку горы и замки. „Само государство, первый опытъ котораго на степной границѣ не удался по винѣ этого сосѣдства, могло укрѣпиться только на далекомъ отъ Кіева сѣверѣ подъ прикрытіемъ лѣсовъ со стороны степи. Лѣсъ служилъ русскому отшельнику Ѳиваидской пустыней, убѣжищемъ отъ соблазновъ міра. Съ конца XIV вѣка люди, въ пустынномъ безмолвіи искавшіе спасенія души, устремлялись въ лѣсныя дебри сѣвернаго Заволжья, куда только они могли проложить тропу".

Наконецъ, степь широкая, раздольная, своимъ просторомъ давала другія впечатлѣнія. Можно предполагать раннее и значительное развитіе хлѣбопашества на открытомъ черноземѣ, скотоводства, особенно табуннаго, на травянистыхъ степныхъ пастбищахъ. Вообще различіемъ въ составѣ почвы разныхъ частей русской равнины съ неодинаковою растительностью опредѣлялись особенности народнаго хозяйства, вырабатывались мѣстные экономическіе типы, смотря по тому, на какой полосѣ, лѣсной или степной, сосредоточивалась главная масса русскаго населенія *).

Такимъ образомъ, природа опредѣляетъ схему жизни человѣка,

*) Проф. Ключевскій, „Курсъ русской исторіи". Москва, 1904. Лекція IV.

характеръ его занятій, промысловъ, душевныхъ склонностей и народной исторіи. Вліянія эти часто не замѣчаются, такъ какъ они постоянны и выдѣлить ихъ довольно трудно; но они одинаково значительны и въ жизни взрослыхъ, и въ жизни дѣтей. Послѣднія настолько же имъ подлежатъ, какъ и первыя.

Вообще всѣ приведенные факты свидѣтельствуютъ о глубинѣ вліянія природы на всего человѣка, о томъ, какою могучею воспитательницею является природа по отношенію и къ дѣтямъ, и къ взрослымъ людямъ, и къ цѣлымъ человѣческимъ обществамъ. Чему учитъ природа собственно по части воспитанія дѣтей? Въ чемъ состоитъ естественное, натуральное воспитаніе дѣтей?

Естественный человѣкъ, человѣкъ природы, прежде всего, чуждъ какихъ-либо намѣренныхъ и сознательныхъ плановъ въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ. Онъ ничего въ этомъ дѣлѣ не обдумываетъ, ничего не желаетъ, не ставитъ себѣ никакихъ цѣлей. Родившійся организмъ развивается въ силу присущей ему самодѣятельности, вполнѣ согласно съ своей природой и дѣйствующими на него внѣшними вліяніями. Какъ внѣшняя природа воспитываетъ людскія общества, заставляя ихъ, безъ всякихъ намѣреній и цѣлей, примѣняться къ себѣ, образовывать извѣстный характеръ, точно также поступаютъ взрослые въ отношеніи своихъ дѣтей. Послѣднія живутъ въ той средѣ, которую создаютъ взрослые, и примѣняются къ ней. Что ѣдятъ взрослые, то ѣдятъ и дѣти; чѣмъ занимаются взрослые, тѣмъ занимаются и дѣти; каковъ порядокъ жизни взрослыхъ, таковъ порядокъ жизни и дѣтей. Спеціально дѣтскаго уголка, учрежденія, занятія у первобытнаго человѣка еще не имѣется, нѣтъ особаго дѣтскаго міра; дѣти живутъ въ средѣ взрослыхъ и по примѣру взрослыхъ, обособленія между отцами и дѣтьми еще не возникло. Жизнь первобытнаго человѣка такъ несложна, нехитра, его занятія, промыслы, вѣрованія такъ просты, что разстояніе между отцами и дѣтьми въ духовномъ отношеніи бываетъ очень небольшимъ и скоро совсѣмъ исчезаетъ.

Дѣти учатся жизнью, путемъ примѣра и подражанія. Что дѣлаютъ отецъ и мать, тѣмъ же играютъ сынъ и дочь, весьма рано пріучаясь къ родительскимъ занятіямъ. Отецъ ловитъ рыбу или стрѣляетъ изъ лука звѣрей—и сынъ съ нимъ въ лодкѣ, чрезвычайно рано научается плавать,—какъ говорятъ иные путешественники, ранѣе, чѣмъ ходить,—или забавляется пусканіемъ стрѣлъ изъ маленькаго лука, а скоро становится и прямымъ помощникомъ отца по ловлѣ звѣрей. Какъ дѣти выучиваются языку взрослыхъ, никѣмъ намѣренно не обучаемыя, точно такъ же они выучиваются и всему прочему, тоже никѣмъ этому не обучаемыя.

Естественное свободное развитіе организма въ силу присущей ему самодѣятельности, чуждое всякихъ намѣренныхъ и искусственныхъ вліяній—вотъ что составляетъ главнѣйшую существеннѣйшую черту естественнаго первоначальнаго воспитанія. Дѣти растутъ и воспитываются такъ же, какъ растутъ и воспитываются молодыя животныя. Какъ скоро дѣти немного подросли, всякія заботы и попеченія о нихъ со стороны родителей прекращаются, и дѣти предоставляются самимъ себѣ.

Другая видная черта естественнаго первобытнаго воспитанія—безграничность родительской власти надъ дѣтьми. Какъ внѣшняя природа повелительно распоряжается людьми, требуя безусловнаго себѣ подчиненія, такъ же повелительно относятся и родители къ своимъ дѣтямъ. И природа безпощадна, и родители безпощадны; родители — почти ничто предъ лицомъ природы, дѣти почти ничто по сравненію съ родителями. Безжалостное право силы царитъ всюду. Дитя есть вещь, принадлежащая родителямъ: они его создали. Дитя не имѣетъ никакихъ правъ; родители ничѣмъ не связаны въ своихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ. Любятъ родители дитя естественнымъ, родительскимъ чувствомъ—хорошо; въ гнѣвѣ, въ случайномъ раздраженіи, отецъ искалѣчилъ дитя и даже убилъ его—тоже въ порядкѣ вещей. Никто противъ этого не протестуетъ; мысль о правахъ дитяти, даже о его правѣ на существованіе, еще не брезжитъ ни въ одной головѣ. Признается единственный догматъ относительно дѣтей: дѣти суть вещи своихъ родителей; что хотятъ родители, то и дѣлаютъ съ своими дѣтьми. Подобно тому, какъ пройдетъ много времени, прежде чѣмъ человѣкъ начнетъ воздѣйствовать на внѣшнюю природу и измѣнять ее, согласно своимъ потребностямъ и желаніямъ, такъ точно пройдетъ много времени, прежде чѣмъ дѣти получатъ въ сознаніи родителей извѣстныя права и потребностями своей дѣтской натуры будутъ видоизмѣнять складъ жизни взрослыхъ.

Къ этому естественному первоначальному воспитанію съ теченіемъ времени присоединяется постепенно вліяніе идеала, нѣсколько измѣняющаго первобытныя педагогическія черты въ воспитаніи дикарей. Вліяніе идеала, прежде всего, сказывается въ стремленіи воспитать красивыхъ и мужественныхъ, выносливыхъ въ физической боли, дѣтей. Эстетическая черта выражается исправленіемъ органовъ человѣческаго тѣла. Дикари остаются недовольными естественной формой головы человѣка, размѣромъ его ушей, величиной ступни, числомъ зубовъ, цвѣтомъ кожи и т. д. и начинаютъ, въ видахъ красоты, исправлять организмъ, подвергая дѣтей жесточайшимъ мученіямъ, отдавливая мозгъ къ затылку, придавая головѣ удлиненно заостренную форму, выбивая нѣсколько переднихъ зубовъ, чрез-

мѣрно растягивая уши, татуируя тѣло и т. п. Въ видахъ развитія выносливости, при наступленіи половой зрѣлости, юношей и дѣвушекъ подвергаютъ разнообразнымъ и довольно продолжительнымъ истязаніямъ, чтобы убѣдиться, что испытуемый уже не дитя, а взрослый, могущій спокойно и бодро выдержать разныя физическія неудобства и страданія, столь неизбѣжныя въ жизни каждаго дикаря. Не выдержать этого экзамена значило бы жестоко осрамиться.

Такимъ образомъ, естественное первоначальное воспитаніе совершается присущей организму самодѣятельностью и заключается въ свободномъ саморазвитіи, при самой незначительной помощи и участіи взрослыхъ. Къ этому естественному воспитанію съ теченіемъ времени присоединяется новый элементъ—вліяніе идеала, хотя бы самого скуднаго и несовершеннаго. Съ вліяніемъ идеала начинается давленіе общественности на воспитаніе. Разсмотримъ вліяніе этого новаго элемента на воспитаніе, т. е. общественности.

IX.

О видоизмѣненіяхъ педагогическаго процесса подъ вліяніемъ общественной среды.

Общественная среда оказываетъ могучее давленіе на дѣтей не какими-либо частными сторонами своего быта и склада, свойствами тѣхъ или другихъ личностей, разными мелкими обстоятельствами, случающимися въ жизни взрослыхъ на глазахъ дѣтей: она вліяетъ на дѣтей самыми основами своего устройства и организаціи, тѣми устоями, на которыхъ держится жизнь даннаго народа. Такими устоями служатъ народные языкъ, религія и бытъ, т. е. семейный, общественный и государственный складъ жизни, въ связи съ строемъ школы и состояніемъ народной культуры вообще. Скажемъ въ общихъ чертахъ, какъ всѣ эти факторы народной жизни отражаются на развитіи дитяти.

Народный языкъ находится въ самой тѣсной связи съ народной жизнью: съ преобладающими занятіями и склонностями народа, свойствами населяемой имъ страны, особенностями его мышленія и взглядовъ, съ исторіей народа. Для языка народа не безразлично, гдѣ живетъ народъ и чѣмъ занимается. Если народъ живетъ при морѣ и занимается морскими промыслами и торговлей, то въ его словарѣ будетъ много словъ, относящихся къ водѣ, морю, морскимъ бурямъ, волненію, кораблямъ, лодкамъ, парусамъ, морскимъ животнымъ, морскимъ промысламъ и т. п.; если народъ живетъ въ степи или пустынѣ или въ горахъ, его словарь опять получитъ своеобраз-

ную окраску: появятся разныя категорiи словъ, обозначающiя пустыню съ ея свойствами, животныхъ, въ ней водящихся, караваны, проходящiе черезъ нее, множество наименованiй верблюдовъ, коней или степныхъ животныхъ, растенiй, ихъ роста и увяданiя, причемъ слова, относящiяся къ морю и горамъ, ихъ свойствамъ, жизни на морѣ и въ горахъ, будутъ очень малочисленными. Чѣмъ, какими впечатлѣнiями и какою дѣятельностью народъ живетъ, о томъ онъ и говоритъ, то и отражается въ его словарѣ богатствомъ извѣстныхъ словъ и бѣдностью другихъ. Народъ, живущiй въ горахъ или степи и не видящiй почти воды, не можетъ быть богатъ словами, относящимися къ морю, его жизни, морской торговлѣ и т. п. Точно также преобладающiя занятiя и промыслы народа—земледѣлiе, торговля, охота, скотоводство, фабричная промышленность — оставятъ явственный слѣдъ въ народномъ словарѣ: народъ скотоводъ или земледѣлецъ, народъ войнолюбивый или прямо разбойничiй и народъ миролюбивый и торговый будутъ имѣть различный словарь, съ различными преобладающими категорiями словъ. Понятно, что и исторiя народа, все замѣчательное и выдающееся въ народной жизни, преобладающiя духовныя склонности и господствующiе интересы, всякаго рода перевороты также отразятся въ народномъ языкѣ соотвѣтствующими группами словъ. Народъ съ преобладанiемъ въ своей духовной дѣятельности фантазiи и народъ съ господствомъ надъ всѣмъ практическаго смысла и трезваго разсудка будутъ имѣть и въ своемъ словарѣ соотвѣтствующiя особенности. Въ историческомъ развитiи народный языкъ представляетъ сокровищницу, въ которую народъ въ теченiе вѣковъ складывалъ свое духовное богатство, свои духовныя прiобрѣтенiя, и которую онъ предоставляетъ для пользованiя новымъ поколѣнiямъ. Словомъ, каковъ народъ, таковъ и языкъ. Народъ, богатый знанiями, наукой, культурой, и языкъ имѣетъ богатый, съ огромнымъ словаремъ; полудикое племя и языкъ имѣетъ скудный. Если оно имѣетъ отдѣльныя обозначенiя только для первыхъ пяти чиселъ, а что выше пяти обозначаетъ просто словомъ много, то, конечно, въ словарѣ такого племени мы не можемъ надѣяться встрѣтить слова, обозначающiя процессы высшаго математическаго разсужденiя.

Въ народномъ языкѣ отражается не только запасъ знанiй народа, но и характеръ его мышленiя, обозначаются точки зрѣнiя на предметы и явленiя, тѣ стороны, на которыя преимущественно обращается вниманiе народомъ, тѣ свойства, по которымъ онъ судитъ о предметахъ. Прежде всего характеръ народнаго мышленiя отражается въ грамматическомъ образованiи словъ и синтаксисѣ. Способъ, которымъ въ языкахъ образуются части рѣчи, склоненiя и спряженiя,

весьма различенъ: есть языки, въ которыхъ частей рѣчи, склоненій и спряженій нѣтъ, а въ другихъ все это имѣется; въ однихъ языкахъ части рѣчи, склоненія и спряженія образуются однимъ способомъ, въ другихъ —другимъ. Склоненіе, напримѣръ, русскихъ словъ и англійскихъ весьма различно. Синтаксисъ языковъ также весьма различенъ. Есть языки, въ которыхъ отдѣльныя слова суть и предложенія, въ которыхъ мысль является какъ будто, не чѣмъ-то послѣдовательнымъ, а одновременнымъ; въ другихъ языкахъ мысль не укладывается въ коренное значеніе слова и его различныя приставки, но требуетъ послѣдовательнаго раскрытія въ рядѣ словъ. Это послѣдовательное раскрытіе мысли въ иныхъ языкахъ бываетъ яснымъ, легкимъ, короткимъ, а въ другихъ запутаннымъ, тяжелымъ, длиннымъ, сообразно народному мышленію. Французскій строй рѣчи и нѣмецкій—дѣло, какъ извѣстно, весьма различное.

Если затѣмъ присматриваться къ значенію словъ, къ тому, что собственно замѣчалъ и обозначалъ словомъ каждый народъ въ окружаюшихъ его явленіяхъ, то окажется, что хотя бы предметы были тѣ же, но пониманіе ихъ было различно. Каждый народъ видѣлъ въ предметахъ нѣчто особенное, понималъ ихъ по своему. Солнце одно и то же для всѣхъ, но оно свѣтитъ различно въ разныхъ мѣстахъ и разнымъ народамъ представляется различнымъ. Одинъ народъ цѣнитъ особенно одно его дѣйствіе, а другой—другое. Справедливость, мужество, великодушіе, повидимому, общечеловѣческія явленія; но они и понимаются и переживаются народами весьма различно: великодушное для одного не есть великодушное для другого; для одного нѣтъ ничего выше справедливости, для другого простая справедливость довольно низменное свойство.

Коротко, каждый, сколько нибудь развитой языкъ заключаетъ въ себѣ двѣ существенно важныя и различныя стороны: собраніе результатовъ народнаго мышленія, народнаго творчества, словомъ, всей душевной народной дѣятельности, и собраніе способовъ мышленія, указаніе точекъ зрѣнія на предметы, своеобразную логику, особенное построеніе разсужденія.

Понятно теперь, что усвоеніе народнаго языка есть усвоеніе народной души, духовное пріобщеніе себя къ тому великому цѣлому, которое называется извѣстнымъ народомъ и говоритъ на извѣстномъ языкѣ; усвоить народный языкъ значитъ усвоить и извѣстную культуру, пріобрѣтенныя народомъ знанія, а вмѣстѣ и народный способъ мышленія, намѣченныя въ языкѣ руководящія точки зрѣнія на весь Божій міръ. Прежде всего чрезъ языкъ народъ отливаетъ отдѣльную дѣтскую душу въ народный общій типъ; чрезъ языкъ онъ втискиваетъ и умъ и чувство дѣтей въ опредѣленныя твердыя

рамки, изъ которыхъ бываетъ довольно трудно выбиться и взрослому, когда позднѣе онъ сознаетъ тѣсноту и недостаточность этихъ рамокъ. Замѣчательно, что дѣти не безъ сопротивленія входятъ въ твердыя рамки народной рѣчи, ихъ творчество возмущается налагаемыми на ихъ умъ оковами грамматики взрослыхъ: дѣти сначала пытаются обыкновенно создать свой языкъ, сочиняютъ множество своихъ собственныхъ словъ, по своему склоняютъ и спрягаютъ слова взрослыхъ и своеобразно сочетаютъ ихъ въ предложенія; но подъ вліяніемъ взрослыхъ, совсѣмъ не хотящихъ знать своеобразнаго дѣтскаго языка, не понимающихъ его и не желающихъ понять, дѣти обуздываютъ свою склонность къ творчеству въ области слова, бросаютъ свой выдуманный языкъ и кончаютъ тѣмъ, что пріучаются правильно говорить на языкѣ окружающихъ ихъ взрослыхъ, т. е. на народномъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ все, что есть въ языкѣ важнаго и характернаго, впитывается въ дѣтскую душу и формируетъ ее по проникающему языкъ народному типу.

Вторая основа народной жизни есть народная религія. Въ ней выражаются идеальныя стремленія народа; въ ней народъ отвлекается отъ своихъ будничныхъ дѣлъ, ежедневныхъ занятій и возносится въ идеальный міръ. По своимъ элементамъ религіи суть весьма сложныя явленія; поэтому первенствующее значеніе въ нихъ могутъ получать весьма различныя черты. Самое существенное въ религіи—отношеніе ея къ нравственности, разуму и общій тонъ. Каждая религія, болѣе или менѣе, учитъ, какъ жить, какъ относиться къ людямъ, въ чемъ задача человѣческаго существованія. Но, къ сожалѣнію, въ большинствѣ религій на практикѣ этотъ существенный нравственный элементъ отходитъ на второй и даже на третій планъ, а выдающееся значеніе получаетъ обыкновенно культъ, церемоніальная, обрядовая сторона. Представители религіи часто приходятъ къ печальному и пагубному убѣжденію, что можно людей, особенно иновѣрныхъ, не любить, даже ненавидѣть, вредить имъ, истреблять ихъ; но если при этомъ будешь тщательно исполнять религіозные обряды и установленныя церемоніи, если будешь твердо вѣровать, какъ и во что предписано, то все будетъ прекрасно: спасешься, окажешься угоднымъ Богу.

Въ другихъ религіяхъ выдающееся значеніе получаетъ отношеніе религіи къ разуму. Выше всего ставится твердая вѣра въ установленные догматы и величайшимъ не только заблужденіемъ, но и преступленіемъ считается ересь, т. е. неправильное вѣроученіе въ какомъ-либо пунктѣ. Разуму и наукѣ въ этихъ религіяхъ плохо, собственно нечего дѣлать: предполагается, что въ священныхъ книгахъ всѣ вопросы разрѣшены и все нужное для человѣка сказано. Больше

изслѣдовать нечего и незачѣмъ: въ результатѣ изслѣдованія можетъ получиться только ересь. Всякая свободная, независимая попытка изслѣдованія признается неразумнымъ высокомѣріемъ, дерзновеніемъ противъ Бога, колебаніемъ весьма почтенныхъ и давнихъ авторитетовъ, невѣріемъ. Соотвѣтственно съ такими взглядами и поступаютъ съ свободномыслящими людьми: къ нимъ относятся, какъ къ преступникамъ.

Наконецъ, весьма важенъ общій тонъ религіи. Есть религіи свѣтлыя, радостныя, гуманныя, бодрящія, а есть религіи мрачныя суровыя, жестокія, подавляющія. Въ однѣхъ религіяхъ и человѣческая личность и жизнь цѣнятся высоко; исповѣдники религіи призываются къ бодрому труду и наслажденію жизнью; въ другихъ религіяхъ человѣкъ объявляется червякомъ, жизнь признается временемъ испытаній и плача и высшей задачей ставится пренебреженіе къ землѣ и всѣмъ ея благамъ и устремленіе ума и сердца въ загробный міръ.

Въ этихъ особенностяхъ религій выражается различіе народнаго характера, склада народнаго ума, народной души и степени ея культурности. Каковъ народъ, таковъ и его Богъ, такова и его религія. Разные народы, держащіеся по названію одной и той же религіи, напримѣръ, христіанской, на самомъ дѣлѣ исповѣдываютъ различныя. Христіанская религія итальянцевъ, нѣмцевъ, англичанъ и русскихъ далеко не одна и таже религія, хотя, конечно, и имѣетъ много сходнаго, какъ есть не мало сходства между названными народами, ихъ исторіей и культурой. Точно также христіанство различныхъ вѣковъ было не одною и тою же религіей.

Взрослые передаютъ дѣтямъ народную религію, какъ передаютъ и языкъ. Творчества дѣтей въ религіозной области такъ же не допускается, какъ и въ области языка; отъ дѣтей требуютъ, чтобы они вѣровали и спасались не на свой собственный ладъ, а какъ ихъ учатъ, какъ имъ внушаютъ. Дѣтскихъ религіозныхъ идеаловъ не допускается: религіозные идеалы должны быть не личными, а народными. Какъ предки думали о Богѣ и жизни, какъ думаютъ отцы, такъ же должны вѣровать и дѣти. Попытки дѣтскаго религіознаго творчества, какъ и дѣтской своеобразной рѣчи, бываютъ, но подавляются взрослыми еще скорѣе и суровѣе, чѣмъ въ области языка, изъ боязни, какъ бы попущеніемъ такихъ попытокъ не прогнѣвить Бога. Дѣтское религіозное творчество замираетъ еще скорѣе, чѣмъ творчество дѣтей въ области языка, и въ области религіи дѣти быстро приводятся къ обычаямъ взрослыхъ, также погружаются въ религіозные обряды и церемоніи, также начинаютъ бояться собствен-

наго разума и его свободныхъ независимыхъ сужденій, какъ боятся всего этого въ большинствѣ и взрослые.

Въ то же время нельзя не признать, что единство вѣры есть одна изъ могучихъ связей народности: въ народной вѣрѣ отдѣльная личность сливается съ народной душой въ ея стремленіи къ идеальному міру. Понятно поэтому, какъ глубоко и сильно вліяютъ свойства религіозной вѣры на все развитіе дѣтской личности. Совсѣмъ не безразлично для формированія дѣтской психики, что таитъ въ себѣ народная религія: свободу для ума, радость и любовь для сердца, глубокія внутреннія возбужденія и высоко идеальные призывы, или стѣсненіе, суровость, требованія строгаго духовнаго повиновенія, соединенныя съ пышными церквными церемоніями.

Какъ небесныя дѣла каждой личности устроятся для нея, помимо ея желанія и воли, народной религіей, такъ земныя опредѣляются установившимся порядкомъ семейной, общественной и государственной жизни, бытомъ, культурой, историческими преданіями. Дитя входитъ въ готовыя и весьма твердыя формы жизни и быта; взрослые къ нимъ очень привыкли и на измѣненія соглашаются не легко. Какъ новшество въ вѣрѣ носитъ названіе ереси и влечетъ за собой для еретика не особенно завидное положеніе, такъ и новшества въ семейномъ, общественномъ и государственномъ строѣ и бытѣ также не особенно поощряются, и нововводителямъ часто приходится плохо. Даже всесильный и крутой императоръ Петръ I встрѣтилъ серьезное и упорное противодѣйствіе своимъ реформамъ и попалъ за нихъ, въ мнѣніи многихъ русскихъ людей, въ антихристы. Такой твердый укладъ жизни имѣетъ громадное вліяніе на развитіе каждой отдѣльной личности. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить прежде всего общій характеръ учрежденій, не только допускающихъ, но и требующихъ свободы и самодѣятельности гражданъ, ихъ предпріимчивости и почина, или же ставящихъ ихъ въ совершенно иное положеніе, въ которомъ они лишены серьезнаго вліянія на ходъ дѣлъ въ своей родной странѣ и имъ предоставлено главнымъ образомъ уплачивать безнедоимочно подати, отбывать военную службу и повиноваться установленнымъ властямъ. Одни учрежденія воспитываютъ открытые, независимые и твердые характеры, а другіе духъ угодливости, лести и отреченія отъ своей воли. Бываютъ общества, насквозь пропитанныя холопствомъ и стремленіемъ угодить, въ которыхъ, кажется, навсегда потеряна самостоятельность дѣйствій, и гдѣ свободомыслящему человѣку трудно дышать... Степень народной культурности, духовной и матеріальной, умѣнье или неумѣнье народа образовывать кружки, союзы и ассоціаціи для достиженія общественныхъ цѣлей, поверхностный или глубокій инте-

ресъ къ вопросамъ духовной и общественной жизни—всѣ эти и подобныя условія и особенности народной жизни, ея порядки и формы съ страшною силой давятъ на формировку подрастающихъ поколѣній въ извѣстномъ направленіи, и уйти, увернуться отъ этого давленія строя общественно-государственной и семейной жизни невозможно.

Старшее поколѣніе въ народѣ, дѣды и отцы, унаслѣдовавъ отъ безконечнаго ряда предковъ языкъ, религію, строй семьи, общества и государства, вообще народную культуру, сжилось со всѣми этими порядками и формами, составляющими основу его дѣятельности, пропиталось, прониклось ими. Понятно, что старшее поколѣніе передаетъ эти устои младшему невольно, неизбѣжно, какъ народную святыню; оно говоритъ постоянно на языкѣ страны и на другомъ говорить не можетъ. Оно всѣмъ сердцемъ исповѣдываетъ народную вѣру, страшась всякаго уклоненія отъ нея, какъ погибельной ереси; оно срослось съ формами быта, съ извѣстнымъ семейнымъ, общественнымъ и государственнымъ укладомъ жизни и плохо представляетъ возможность иного строя всѣхъ жизненныхъ распорядковъ. Естественно, что оно безсознательно, ненамѣренно, но совершенно неизбѣжно и съ страшною силою давитъ на формировку подрастающихъ поколѣній въ извѣстномъ направленіи, т. е. въ духѣ народности, народнаго типа. Тотъ, кто родится среди даннаго народа и живетъ съ нимъ, будетъ дышать его воздухомъ, впитывать его воззрѣнія. Каждый неизбѣжно есть сынъ своей страны и своего народа.

Изъ общественно-государственныхъ народныхъ учрежденій слѣдуетъ особо упомянуть еще о вліяніи школы и семьи на развитіе личности.

Школа формируетъ личность совершенно въ томъ же духѣ, какъ и народность, дѣлая сознательно и намѣренно то, что народность дѣлаетъ безъ всякихъ цѣлей, часто стихійно. Народность воспитываетъ прежде всего языкомъ. Школа пользуется тѣмъ же самымъ средствомъ, отводя широкое мѣсто родному языку въ учебныхъ программахъ, ставя его даже въ основу всего учебнаго курса. Въ школахъ родной языкъ изучается болѣе или менѣе основательно, выясняются законы языка, его строеніе, учащіеся пріучаются къ владѣнію хорошею рѣчью, устною и письменной. Если для пониманія законовъ и строенія современнаго отечественнаго языка оказываются необходимыми какія-либо знанія о древнемъ отечественномъ языкѣ, его особенностяхъ, или элементарныя свѣдѣнія по другимъ языкамъ, то они также привлекаются къ выясненію дѣла. Къ изученію языка въ школахъ присоединяется знакомство съ отечественной литературой, съ болѣе видными дѣятелями слова, такъ что учащіеся глубоко про-

питываются тѣми духовными элементами, которые заключены въ языкѣ. Такимъ образомъ школа повторяетъ, углубляетъ и дѣлаетъ болѣе или менѣе сознательнымъ стихійное вліяніе народнаго языка на развитіе личности.

То же совершается въ школѣ и съ другими народными стихійными вліяніями на человѣка. Изученіе религіи занимаетъ въ школѣ видное мѣсто: учащихся знакомятъ съ ея теоріей, исторіей и богослуженіемъ. То, на что смотрѣло, что слушало дитя мало сознательно, что плохо понимало, то теперь въ школѣ разъясняется ему всесторонне; механическое запоминаніе превращается въ достояніе разума. Точно также на урокахъ отечественной исторіи выясняются сущность, происхожденіе и развитіе общественныхъ и государственныхъ учрежденій, ихъ формы и взаимныя отношенія, изучается народная культура, запоминаются главнѣйшія событія народной жизни, преимущественно свѣтлыя и героическія. Народность, всасываемая съ молокомъ матери, въ школѣ превращается въ патріотизмъ, нерѣдко весьма грубый и неразумный, возбуждаемый искусственными мѣрами и средствами и соединяемый съ насажденіемъ пренебреженія къ другимъ народамъ, гордости передъ ними, съ насажденіемъ античеловѣческихъ и антисоціальныхъ чувствъ. Наконецъ, даже вліяніе внѣшней природы углубляется и выясняется въ школѣ изученіемъ отечествовѣдѣнія, географіи, мѣстной флоры и фауны, которое иногда ведется также съ особенной, патріотической, точки зрѣнія, не столько для ознакомленія съ самыми изучаемыми предметами, сколько для возбужденія любви къ отечеству и народной гордости.

Если ко всему этому прибавить еще, что въ школахъ воспитаніе и обученіе совершаются фабричнымъ способомъ, для всѣхъ одинаковымъ, по одному типу и образцу, съ весьма малымъ вниманіемъ къ личнымъ свойствамъ учащихся, которымъ въ школахъ почти нѣтъ совсѣмъ мѣста; что школьная организація и школьныя рамки измѣняются туго и медленно въ своемъ существѣ (а не въ подробностяхъ и мелочахъ), то будетъ понятно, какимъ могучимъ орудіемъ служитъ школа для формировки подрастающихъ поколѣній въ народномъ духѣ, по господствующему народному типу и даже по признанному временно нужнымъ патріотическому шаблону. Въ воспитаніи личностей школа дѣйствуетъ вполнѣ согласно со стихійными народными вліяніями, повторяя, углубляя и освѣщая ихъ. Въ школѣ, правда, есть и другіе образовательные элементы и предметы, помимо народныхъ, отечественныхъ, предметы международные, общечеловѣческіе; но въ элементарныхъ школахъ они ничтожны, а въ среднихъ

ихъ довольно много, но они, къ сожалѣнію, часто бываютъ мало вліятельными.

Строй семьи есть одно изъ проявленій народности и ея культуры: основы семейнаго строя покоятся въ глубинахъ народнаго характера и народной исторіи. Поэтому семья вліяетъ на развитіе личности не только согласно съ общими стихійными началами народности, но и сама есть народность, часть ея. Въ такомъ общемъ видѣ семья и школа дѣйствуютъ въ одномъ направленіи, стремятся къ достиженію тѣхъ же цѣлей. Въ семьѣ дитя учится говорить, впервые знакомится съ религіей, семейными и общественными учрежденіями: семья руководитъ и первымъ его сближеніемъ съ внѣшней природой. Словомъ, народность дѣйствуетъ сначала чрезъ семью. Но отношеніе къ воспитываемому въ семьѣ и школѣ бываетъ различное: въ семьѣ дается видное значеніе личнымъ свойствамъ дѣтей, имѣющимъ такъ мало примѣненія въ школѣ. Семья весьма внимательно слѣдитъ за здоровьемъ своихъ подрастающихъ членовъ, за ихъ занятіями, ихъ трудностью или легкостью, стараясь трудныя облегчить и предоставить время и мѣсто для упражненій по личному выбору, по сердцу, по доброй волѣ и охотѣ. Дитя отдыхаетъ въ семьѣ отъ школы: въ послѣдней его личность тонетъ въ массѣ другихъ личностей, въ обязательныхъ курсахъ и неизмѣнныхъ, для всѣхъ одинаковыхъ, порядкахъ; въ школѣ дитя не столько личность, сколько нумеръ, просто единица, равная другой единицѣ. Въ семьѣ совсѣмъ другое дѣло: въ семью дитя возвращается лицомъ, имѣющимъ личныя права. Здѣсь оно живетъ не общешкольною, а личною своею жизнью; здѣсь оно разсматривается и цѣнится по всей совокупности своихъ свойствъ, а не по части ихъ, какъ въ школѣ. Правда, и въ семьѣ учащееся дитя много занимается школьными дѣлами, но оно занимается на свой ладъ, тогда и столько, сколько признаетъ нужнымъ, и всегда выкроитъ себѣ время для излюбленнаго занятія. Стремленіе, обнаруживаемое подчасъ школою, надзирать и руководить дѣтьми и въ семьѣ, прямо вредно.

Другое, весьма важное, вліяніе, оказываемое семьей на дитя, заключается въ сердечности семейныхъ отношеній, въ развитіи и укрѣпленіи чувствованій у дитяти. Въ школѣ, при ея фабрично-казарменномъ строѣ, при одинаковости требованій и взысканій со всѣхъ, дѣтямъ холодно, часто не по себѣ; не будь товарищества, дѣтское сердце совсѣмъ замирало бы въ школѣ. Въ школахъ много чиновничества и дисциплинарныхъ требованій; да и некогда руководителямъ школы входить въ дѣтскую душу—дѣтей очень много. Въ семьѣ совсѣмъ не то: въ ней внимательно ознакомятся со всѣми

дѣтскими радостями и печалями, посочувствуютъ, утѣшатъ. Загнанный и запуганный въ школѣ ребенокъ отдыхаетъ въ семьѣ; его сердце согрѣвается, отходитъ отъ школьной духовной стужи; въ семьѣ дитя набирается духу и душевной теплоты. Источникъ жизнерадостности дѣтей находится въ семьѣ; и чѣмъ меньше дитя, тѣмъ больше оно льнетъ къ семьѣ, тѣмъ съ большею грустью уходитъ изъ нея.

П. Каптеревъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Гимназисты - актеры и писатели.

(Письмо въ редакцію „Русской Школы“).

Недавно нашею печатью какъ спеціально педагогическою, такъ и общею выдвинуты два вопроса: о спектакляхъ съ гимназистами въ качествѣ актеровъ и о гимназическихъ литературныхъ журналахъ, въ которыхъ учащіеся юноши могутъ печатать свои произведенія. Нѣсколько прочитанныхъ мною статей по этимъ вопросамъ—одобрительнаго свойства; авторы высказываются за несомнѣнную пользу и актерства, и писательства для гимназической молодежи относительно ея умственнаго и вообще духовнаго развитія.

Позвольте мнѣ на страницахъ вашего журнала высказать свои соображенія, идущія, какъ увидите, совершенно въ разрѣзъ съ вышесказанными одобреніями.

Начну съ театра.

Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ приходится мнѣ стоять болѣе или менѣе близко къ этому учрежденію въ лицѣ профессіональныхъ его дѣятелей, а также такъ называемыхъ „любителей“; неоднократно бывалъ я и на спектакляхъ, устраиваемыхъ въ стѣнахъ гимназій и входилъ въ общеніе съ юными участниками этихъ зрѣлищъ. Изъ многихъ выводовъ, сдѣланныхъ мною въ этой области, одинъ, и притомъ несомнѣнный, имѣетъ непосредственное отношеніе къ предмету, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь: это выводъ, что нѣтъ самолюбія болѣе сильнаго, болѣе щекотливаго, болѣе, могу прямо сказать, чудовищнаго, чѣмъ то, которымъ обуреваема выступающая на театральные подмостки братія. Слово „самолюбіе“ употреблено, впрочемъ, здѣсь мною неправильно; самолюбіе, въ истинномъ значеніи его, предполагаетъ нѣчто благородное, подымающее духъ, поддерживающее энергію, двигающее человѣка впередъ на его житейскомъ пути. Самолюбіе актера — въ огромномъ большинствѣ случаевъ, — ничто иное, какъ тщеславная жажда успѣха, какъ усиленіе фальшиваго самомнѣнія при выпадающихъ на долю исполнителя аплодисментахъ публики и, съ другой стороны, — болѣзненная и злобная раздражи-

тельность при отсутствіи этихъ поощреній. Если этимъ недугомъ страдаютъ даже многіе первоклассные актеры (говорю это на основаніи личныхъ наблюденій), то въ „посредственностяхъ", на долю которыхъ поощренія и оваціи выпадаютъ довольно скудно, онъ развитъ еще сильнѣе. Но своей высшей степени онъ достигаетъ въ „любителяхъ", а такъ какъ именно къ нимъ должны быть причислены юноши-участники гимназическихъ спектаклей (какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ), то каждому педагогу, полагаю, понятенъ нравственный вредъ, приносимый спектаклями молодежи въ *этомъ* отношеніи. Но здѣсь къ этому присоединяется еще одно пагубное дѣйствіе спектаклей—развитіе въ выступающихъ на сценическіе подмостки любителяхъ непомѣрнаго самомнѣнія. Всякому, конечно, извѣстно, съ какою снисходительностью относится къ любительскимъ спектаклямъ собирающаяся на нихъ публика — особенно, когда передъ нею учащееся юношество; иногда эта снисходительность выражается въ формѣ совершенно глупыхъ и преувеличенныхъ „комплиментовъ" — и вотъ стоитъ юному актеру услышать двѣ-три такихъ любезности, чтобы вообразить себя будущимъ, если не Сальвини, Мартыновымъ, Дузе, то во всякомъ случаѣ—Савиной, Давыдовымъ, Варламовымъ; а отъ такой воображаемой перспективы до рѣшенія сдѣлаться современемъ профессіональнымъ актеромъ и до приведенія его въ исполненіе — нѣсколько шаговъ... Вотъ тутъ-то я и подошелъ къ самому опасному мѣсту въ разбираемомъ вопросѣ. Неоднократно случалось мнѣ видѣть, какъ эти, возомнившіе себя будущими геніями, юноши или выходили, не кончивъ курса, изъ своего учебнаго заведенія, или съ грѣхомъ пополамъ дотягивали до выпуска и затѣмъ немедленно примащивались къ какому-нибудь театру, столичному или провинціальному, хотя бы въ качествѣ выходныхъ актеровъ, съ надеждой, разумѣется, быстро пойти въ гору; но большинство, если не всѣ, такъ на этихъ третьестепенныхъ роляхъ и оставались всю свою жизнь, влача очень горемычное въ матеріальномъ отношеніи существованіе, соединенное притомъ — въ огромномъ большинствѣ случаевъ—съ нравственнымъ извращеніемъ, противъ котораго въ театральной сферѣ могутъ устоять, за весьма рѣдкими исключеніями, только люди или съ крупнымъ талантомъ, или съ сильнымъ характеромъ, или съ высокимъ уровнемъ умственнаго и нравственнаго развитія... Да, сценическіе подмостки — великій соблазнъ, и немногіе изъ тѣхъ, кто нѣсколько разъ выступилъ на нихъ, будь это въ стѣнахъ учебнаго заведенія, или въ любительскомъ кружкѣ, — немногіе изъ нихъ не губятъ себя впослѣдствіи, какъ бездарные профессіональные актеры. Сколько такихъ юныхъ существъ, мужского и женскаго пола, приходило ко

мнѣ съ сообщеніемъ о своемъ рѣшеніи поступить на сцену, и сколько ихъ обливалъ я холодной водой, сколькимъ доказывалъ, не только теоретически, но и фактами, всю неосновательность, весь вредъ ихъ намѣренія — ничто не помогало, и не разъ я былъ свидѣтелемъ весьма плачевныхъ послѣдствій необдуманнаго шага. Когда на него рѣшается человѣкъ, вполнѣ сложившійся, самостоятельный, пусть себѣ дѣлаетъ, что хочетъ, и ужъ потомъ винитъ самого себя; но когда на будущую актерскую дѣятельность рѣшается, при отсутствіи истиннаго таланта (а такое отсутствіе — явленіе почти нормальное въ этихъ случаяхъ), юноша, почти мальчикъ, да еще съ поощренія и санкціи своихъ руководителей, которые, правда, сами не вѣдаютъ, что творятъ—тогда долгъ всякаго истиннаго педагога не только не поощрять, но, напротивъ, протестовать и противодѣйствовать... Я не говорю уже о томъ, что устройство спектаклей въ учебныхъ заведеніяхъ приноситъ существенный ущербъ учебному дѣлу. Говорятъ: вѣдь эти спектакли устраиваются на праздникахъ, когда ученья нѣтъ. Правда; но спектаклямъ предшествуютъ репетиціи, продолжающіяся нѣсколько недѣль, даже мѣсяцевъ, предшествуетъ наполненіе умовъ исполнителей перспективою будущихъ успѣховъ и естественно соединяемое съ этимъ отвлеченіе отъ учебныхъ занятій...

Такова, по моему убѣжденію, отрицательная, вредная сторона этого дѣла. Что же въ немъ положительнаго, что могущаго хоть сколько-нибудь ослабить эти неблагопріятныя явленія? На этотъ счетъ я читалъ и слышалъ, что спектакли въ учебныхъ заведеніяхъ полезны, въ смыслѣ содѣйствія умственному развитію учащихся и усовершенствованію въ нихъ эстетическаго чувства ознакомленіемъ ихъ съ лучшими драматическими произведеніями, въ которыхъ они притомъ дѣлаются, такимъ образомъ, какъ бы непосредственными участниками. Въ высшей степени неосновательнымъ и страннымъ представляется мнѣ такое мнѣніе. Высказывающіе его, надо думать, понимаютъ вѣдь подъ „ознакомленіемъ“ ничто иное, какъ уясненіе юному актеру смысла даннаго произведенія, его отдѣльныхъ подробностей, однимъ словомъ—критическую оцѣнку. Но во-1-хъ, для постановки спектакля, т. е. такой постановки, которая соотвѣтствовала бы своей *образовательной* цѣли—потребенъ, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ, съ пятнадцатью-двадцатью репетиціями; что же, вы будете тратить столько времени на ознакомленіе съ какимъ-нибудь *одни изъ* произведеніемъ, имѣя еще при этомъ въ виду, что бо̀льшая часть этого времени должна пойти на чисто техническую, режиссерскую, въ собственномъ смыслѣ слова сторону дѣла, со стороною критическою въ литературномъ отношеніи не имѣющую ничего общаго? А

во-2-хъ,—и аргументъ болѣе важный,—для сценической постановки нуженъ прежде всего режиссеръ, т. е. лицо, хорошо знакомое съ условіями и требованіями сцены; для критическаго же разъясненія—лицо, образованное литературно и надѣленное тѣмъ, безъ чего немыслимъ истинный хорошій преподаватель; совмѣщеніе этихъ двухъ функцій въ одномъ и томъ же лицѣ—явленіе весьма и весьма рѣдкое. Въ-3-хъ, изъ тѣхъ драматическихъ произведеній, ознакомленіе съ которыми учащихся желательно и необходимо, очень и очень немногія могутъ быть, хоть даже и плоховато, разыграны учениками; вѣдь не станутъ же руководители этихъ упражненій включать въ свой репертуаръ произведеній Софокла, Шекспира, Шиллера. Въ 4-хъ, наконецъ, какъ вы полагаете, гг. руководители, когда будутъ ученики внимательнѣе относиться къ предлагаемымъ имъ разъясненіямъ—сидя въ классѣ и слушая основательное, на научномъ фундаментѣ построенное, по возможности талантливое слово своего преподавателя, или участвуя въ репетиціяхъ, на которыхъ у каждаго исполнителя въ головѣ исключительно мысль о его собственномъ будущемъ успѣхѣ, безъ всякаго отношенія къ литературному достоинству и смыслу разыгрываемой пьесы?.. Да сколько еще доводовъ противъ вышеуказаннаго мнѣнія о полезности ученическихъ спектаклей! Хотя бы, напримѣръ, тотъ, что въ спектаклѣ участвуетъ самая минимальная часть всѣхъ учащихся въ заведеніи и что, слѣдовательно, этимъ путемъ только имъ предоставляется „развивать свой умъ, совершенствовать свой эстетическій вкусъ“ и обогащать себя познаніями въ русской и иностранной драматической литературѣ.

Итакъ, мой выводъ, отнюдь, смѣю думать, не голословный—что спектакли, устраиваемые въ учебныхъ заведеніяхъ съ *образовательной* цѣлью, этой цѣли рѣшительно не достигаютъ, а къ результатамъ противоположнымъ и вреднымъ несомнѣнно должны приводить. Перехожу теперь къ гимназической журналистикѣ въ *печатной* формѣ.

Тутъ опять останавливаюсь я на вопросѣ о развитіи самолюбія—развитіи, повторяю, очень вредномъ съ педагогической точки зрѣнія. Для каждаго юноши, имѣющаго поползновеніе къ „писательству“, перспектива увидѣть плоды своего творчества въ печати почти также заманчива, какъ для страдающаго недугомъ актерства—мысль увидѣть себя на сценѣ и снискивать рукоплесканія зрителей. Обращаться со своими произведеніями въ наши періодическія изданія имѣютъ смѣлость очень немногіе; при существованіи же печатныхъ *ученическихъ* журналовъ, т. е. открытыхъ исключительно для учениковъ, каждый, одолѣваемый жаждой строчить стихи или прозу

(а въ комъ нѣтъ этой жажды въ юные годы?) будетъ тратить огромную часть того времени, которое должно быть посвящено ученью, на собственное сочинительство, съ соблазнительной надеждой фигурировать въ кругу своихъ знакомыхъ, какъ „настоящій сочинитель“, т. е. такой, котораго произведенія сдѣлались достояніемъ печати. Я гдѣ-то прочелъ, что именно съ цѣлью не поощрять развитія самолюбія статьи въ ученическихъ журналахъ предполагается печатать безъ имени автора; думаю, что это обстоятельство уменьшитъ неблагопріятную сторону дѣла въ незначительной степени; авторъ будетъ изыскивать—и найдетъ—всѣ средства къ тому, чтобы его имя сдѣлалось извѣстно въ немногочисленномъ кружкѣ его читателей.

Но положимъ, что я ошибаюсь; положимъ, что эти quasi—самолюбивыя стремленія не особенно вредны, что послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ попасть на страницы журнала рвеніе юнаго писателя охладится, и онъ перестанетъ такъ непроизводительно тратить свои часы, — хотя я склоненъ думать, что мѣсто этого „охлажденія“ должно заступать раздраженіе, нервное разстройство, т. е. явленія, конечно, весьма нежелательныя. Спрашивается однако—если нѣтъ вреда, то гдѣ же польза, ибо вѣдь не иначе, какъ въ видахъ пользы для сотрудниковъ ученическихъ журналовъ предполагается учрежденіе этихъ послѣднихъ? Въ числѣ школьныхъ упражненій занимаютъ видное мѣсто сочиненія на заданныя темы; стало быть, эта работа, несомнѣнно полезная, если она ведется на раціональныхъ основаніяхъ, практикуется и безъ помощи журналовъ. Разница въ томъ, что теперь эти сочиненія *пишутся*, тогда лучшія изъ нихъ будутъ *печататься*. Здѣсь первый вопросъ, представляющійся мнѣ: для *чего*? Всякому, знакомому съ этимъ дѣломъ, извѣстно, а незнакомому понятно, что всѣ труды этого рода—произведенія незрѣлыя, пишущіяся съ чужого голоса, однимъ словомъ, работы чисто ученическія, имѣющія значеніе только какъ таковыя, только какъ необходимое дополненіе къ урокамъ словесности; какой-же смыслъ можетъ имѣть появленіе ихъ въ печати? И съ этимъ въ связи второй вопросъ: для *кого* будутъ они печататься, для какого контингента читателей? Если для самихъ учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ, то для нихъ неизмѣримо полезнѣе читать то, что печатается серьезными и свѣдущими людьми, чѣмъ измышленія и разсужденія своихъ товарищей, такихъ-же еще недоучившихся юношей, какъ они сами. Если для учителей, для ознакомленія ихъ со степенью образованности и развитія учащихся въ разныхъ заведеніяхъ, а пожалуй и для публики, интересующейся этимъ дѣломъ—то дерзаю высказать, можетъ быть, обидное для будущихъ редакторовъ этихъ

журналовъ, но естественное предположеніе, что вышеупомянутое ознакомленіе будетъ довольно фиктивное, такъ какъ большинство статей будетъ, конечно, появляться въ сильно „исправленномъ и дополненномъ“ редакціею видѣ. Этого потребуетъ „честь“ журнала, и если такое явленіе очень часто имѣетъ мѣсто въ настоящихъ періодическихъ изданіяхъ, то существованіе его и подавно неизбѣжно въ журналѣ, гдѣ сотрудники — учащіеся юноши, и только они... Итакъ, допуская даже отсутствіе вреда въ этомъ дѣлѣ (хотя я все-таки склоняюсь къ убѣжденію, что время, которое будетъ тратиться учениками на сочинительство для печати, можетъ быть употребляемо гораздо производительнѣе)—присутствія пользы въ немъ нельзя допустить ни въ какомъ случаѣ...

Буду очень радъ, если гг. педагоги и преподаватели, несогласные со мною, захотятъ высказать свои возраженія и доводы.

Петръ Вейнбергъ.

Чѣмъ объяснить уменьшеніе числа желающихъ поступить въ духовную академію?

Всякій, кто внимательно слѣдитъ за состояніемъ нашего высшаго богословскаго образованія, долженъ признать, что съ каждымъ годомъ число желающихъ поступить въ духовную академію становится все меньше и меньше. Здѣсь нѣтъ нужды приводить статистическія данныя, подтверждающія высказанную мысль, потому что отмѣченное обстоятельство является неподлежащимъ никакому сомнѣнію фактомъ.

Такое печальное явленіе невольно вызываетъ чувство скорби у всѣхъ, кому дороги интересы нашей богословской науки и православной церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественно возбуждаетъ желаніе выяснить причины этого грустнаго факта.

Намъ нерѣдко приходилось бесѣдовать по этому поводу со многими компетентными лицами, и всѣ они предлагали свои объясненія этого явленія. Но ни одно изъ этихъ объясненій насъ не удовлетворило. Во всѣхъ этихъ объясненіяхъ обращалось вниманіе на частности, и ни одно изъ нихъ не затрагивало вопроса по существу. Въ своей замѣткѣ мы и хотѣли бы указать на эти болѣе существенныя и болѣе важныя причины разсматриваемаго явленія.

По нашему глубокому убѣжденію, два обстоятельства создаютъ отмѣченный нами ненормальный порядокъ вещей: трудность пріемныхъ испытаній при поступленіи въ академію и та непривлядная перспектива, которая ожидаетъ въ жизни кандидата богословія.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, какія требованія предъявляются теперь къ лицамъ, желающимъ поступить въ наши духовныя академіи. По сравнительно недавнему распоряженію Святѣйшаго Сѵнода, лица, желающія поступить въ число студентовъ духовныхъ академій, должны подвергнуться устнымъ и письменнымъ повѣрочнымъ испытаніямъ, при чемъ устныя повѣрочныя испытанія должны производиться: по Священному Писанію Ветхаго и Новаго Завѣта, догматическому богословію, церковной исторіи—общей и рус-

ской и одному изъ древнихъ языковъ (по выбору экзаменующихся), а письменныя—по нравственному богословію, одному изъ философскихъ предметовъ и по гомилетикѣ *). Всякій, кто самъ прошелъ духовную школу и кто хорошо знакомъ съ семинарскими программами, согласится съ нами въ томъ, что нуженъ каторжный трудъ для того, чтобы усвоить ту массу свѣдѣній, которая предлагается семинаристу при изученіи этихъ предметовъ, и быть въ состояніи удовлетворительно отвѣтить на повѣрочныхъ испытаніяхъ. На этотъ трудъ способенъ только лишь семинаристъ съ его непобѣдимымъ терпѣніемъ и съ его умѣньемъ воспринимать рѣшительно все, что предлагается ему на школьной скамьѣ. Нужно знать Св. Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта... Иначе говоря, нужно знать всю Библію, при чемъ требуется не одно только знаніе фактическихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Библіей, и умѣнье передать ихъ въ изустномъ разсказѣ, нѣтъ: это была бы легкая задача; отъ изучающаго Св. Писаніе требуется знаніе текста Библіи, умѣнье истолковать то или другое не совсѣмъ понятное, а иногда и совсѣмъ темное мѣсто библейскаго повѣствованія, сдѣлать филологическій разборъ его и установить истинный смыслъ этого запутаннаго текста Библіи. Но этого еще мало. Отъ человѣка, изучившаго Св. Писаніе, требуется знаніе предварительныхъ свѣдѣній о каждой библейской книгѣ, т. е. о лицѣ писателя той или другой книги, о времени ея написанія, о ея характерѣ и т. п. Этотъ, такъ называемый, исагогическій отдѣлъ особенно труденъ для усвоенія по своей сбивчивости. Всѣ эти свѣдѣнія легко спутываются и такъ же быстро испаряются, какъ быстро и усваиваются. Это не трудно понять, если представить себѣ довольно значительное количество св. книгъ, входящихъ въ составъ Библіи, и то, что эти свѣдѣнія составлены въ семинарскихъ учебникахъ въ высшей степени однообразно. Но и это еще не все. Экзаменующійся по Св. Писанію обязанъ знать смыслъ того или другого библейскаго термина, указать, гдѣ онъ встрѣчается въ Библіи и сколько именно разъ; онъ долженъ знать обстановку и условія жизни еврейскаго народа въ тотъ или другой періодъ его историческаго существованія съ тѣмъ, чтобы умѣть объяснить нѣкоторыя не совсѣмъ понятныя на первый взглядъ, а иногда и совершенно странныя явленія, о которыхъ повѣствуетъ Библія. Словомъ, онъ долженъ имѣть удовлетворительныя свѣдѣнія и по критикѣ текста св. книгъ, и по исагогикѣ, и по библейскому богословію, и по библейской исторіи и археологіи. Конечно, все это требуется въ сравнительно скромныхъ размѣрахъ; но эти скромные размѣры могутъ казаться таковыми только лишь для спеціалиста,

*) Теперь эти требованія на повѣрочныхъ испытаніяхъ уже сокращены. *Ред.*

а для человѣка, который познакомился только съ элементами науки, и такіе размѣры несомнѣнно должны казаться слишкомъ громадными. При этомъ нужно имѣть въ виду то, что мы набросали лишь общіе штрихи, указали лишь общіе пункты, около которыхъ сосредоточивается главнымъ образомъ вниманіе изучающихъ Св. Писаніе; а какая масса мелочныхъ частностей встрѣчается при изученіи Библіи, частностей, которыя всегда могутъ поставить въ безвыходное положеніе человѣка, едва познакомившагося съ Библіей! Можно съ положительностью утверждать, что никто изъ желающихъ подвергнуться повѣрочнымъ испытаніямъ по Св. Писанію не можетъ выйти къ экзаменаціонному столу въ полной увѣренности, что онъ все знаетъ и на всѣ вопросы можетъ дать удовлетворительные отвѣты.

Обратимся теперь къ догматическому богословію. Задача догматическаго богословія сводится къ тому, чтобы уяснить смыслъ того или другого православнаго догмата и доказать, что этотъ догматъ не есть ученіе, измышленное человѣческимъ разумомъ, но есть истина, имѣющая для себя твердыя основанія въ Св. Писаніи и въ ученіи св. отцовъ и учителей церкви. Не совсѣмъ легко бываетъ иногда уяснить себѣ смыслъ того или другого догмата, но несравненно труднѣе бываетъ запомнить всѣ тѣ основанія, которыя приводятся въ подтвержденіе этого догмата, взятыя изъ Св. Писанія и изъ святоотеческихъ твореній. Надо прекрасно знать Св. Писаніе и святоотеческую литературу, чтобы легко и свободно по первому требованію умѣть подтвердить извѣстное догматическое положеніе текстомъ Св. Писанія и подходящей выдержкой изъ святоотеческихъ твореній, и только въ такомъ случаѣ изученіе догматическаго богословія не будетъ представлять убійственнаго труда; а разъ этого нѣтъ, тогда удовлетворительно изучить и основательно знать догматическое богословіе можно только послѣ продолжительныхъ и упорныхъ занятій, требующихъ затраты большого запаса энергіи и труда. Трудность изученія догматическаго богословія въ значительной степени обусловливается качествами принятаго въ семинаріяхъ учебника по этому предмету. Въ нашихъ семинаріяхъ догматическое богословіе изучаютъ по учебнику преосв. Макарія. Всякій, кто только знакомъ съ этимъ произведеніемъ нашего маститаго іерарха, согласится съ тѣмъ, что этотъ учебникъ представляетъ собою типичный образецъ схоластическаго построенія науки. Здѣсь на каждомъ шагу вы встрѣтитесь съ массой ненужныхъ подраздѣленій и рубрикъ, и каждая изъ этихъ рубрикъ подтверждается весьма внушительнымъ количествомъ текстовъ, не связанныхъ между собою единствомъ мысли, отрывочныхъ и иногда совсѣмъ не относящихся къ существу дѣла. Заучить всю эту пеструю массу мелкихъ и крупныхъ, отрывочныхъ и выхваченныхъ изъ кон-

текста рѣчи цитатъ,—это трудъ, посильный только для отчаянныхъ зубрилъ доброй и старой бурсы. Теперь, къ счастью, такихъ зубрилъ, кажется, нѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ и людей, безусловно способныхъ на такой каторжный трудъ. Мы сами, по личному опыту, можемъ засвидѣтельствовать, что послѣ изученія *догматики* Макарія въ головѣ остается какой-то хаосъ; сознанію предносится какое-то сѣрое и туманное пятно безъ всякаго опредѣленнаго, точно формулированнаго содержанія. Ясно представляются страницы учебника и мѣсто на этой страницѣ, гдѣ находится тотъ или другой требуемый текстъ, но вспомнить этотъ текстъ, сказать въ доказательство какой мысли онъ приведенъ, можно, только значительно подумавши и достаточно намучившись. Этотъ нашъ личный опытъ мы провѣряли показаніями другихъ, хорошо знакомыхъ съ учебникомъ Макарія, лицъ, и въ результатѣ получалось трогательное согласіе. Представьте себѣ теперь человѣка, являющагося на повѣрочныя испытанія съ такимъ хаосомъ въ головѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что студентъ семинаріи не въ состояніи отвѣтить иногда ни на одинъ изъ предложенныхъ ему экзаменаторомъ вопросовъ, и онъ уходитъ отъ стола съ мыслью, что онъ позорно провалился, а между тѣмъ, вѣдь, онъ училъ и зналъ то, что его спрашивали. Непріятная перспектива спутаться и забыть все, что изучалъ, невольно внушаетъ страхъ въ каждомъ, желающемъ подвергнуться пріемнымъ испытаніямъ, а въ малодушномъ и трусливомъ убиваетъ даже самую рѣшимость явиться на конкурсный экзаменъ.

Такое же сознаніе трудности и такое же чувство страха вызываетъ въ молодомъ человѣкѣ изученіе и церковной исторіи. Извольте-ка изучить всю многовѣковую исторію христіанской церкви во всѣхъ ея многоразличныхъ проявленіяхъ. Трудъ весьма почтенный и весьма не легкій. Одна количественная масса фактическаго матеріала способна подавить сознаніе молодого человѣка и подѣйствовать на него удручающимъ образомъ. Нужна большая память, чтобы удержать въ сознаніи массу именъ, годовъ, названій; а иначе нечего и приступать къ изученію церковной исторіи. Трудъ увеличивается еще отъ того, что требуется знаніе не одной общей церковной исторіи, но и русской. Послѣдняя является въ составѣ семинарскихъ наукъ не второстепеннымъ и добавочнымъ предметомъ, а вполнѣ самостоятельною, гораздо болѣе разработанною и несравненно болѣе трудною для изученія научною дисциплиною. Если тамъ, въ общей церковной исторіи, обращается вниманіе главнымъ образомъ на выдающіяся событія церковно-исторической жизни и обходятся менѣе важные факты, то здѣсь, въ русской церковной исторіи, все должно заслуживать вниманія: не только о крупныхъ событіяхъ нужно

имѣть представленіе, но нужно знать и о мелкихъ явленіяхъ въ прошлой жизни русской церкви. Чтобы яснѣе представить себѣ обиліе церковно-историческаго матеріала, который долженъ быть усвоенъ желающимъ подвергнуться конкурснымъ экзаменамъ при вступленіи въ академію, достаточно, хотя бѣгло и поверхностно, просмотрѣть существующіе по общей и русской церковной исторіи учебники Е. Смирнова и П. Знаменскаго. Здѣсь, что ни строчка, то фактъ, что ни страница, то цѣлая серія собственныхъ именъ, хронологическихъ датъ и географическихъ названій. Но не однимъ обиліемъ фактическаго матеріала обусловливается трудность при изученіи церковной исторіи. Изученіе церковной исторіи требуетъ не одной только памяти, но и способности строго логическаго мышленія и умѣнья разбираться въ самыхъ запутанныхъ діалектическихъ тонкостяхъ. Возьмите вы отдѣлъ еретическихъ ученій. Здѣсь недостаточно одной механической памяти: здѣсь нужна извѣстная доля глубокомыслія; здѣсь требуется вдумчивое отношеніе къ дѣлу. Чтобы знать о гностицизмѣ, неоплатонизмѣ, манихействѣ, монтанизмѣ, аріанствѣ со всѣми его многочисленными развѣтленіями, несторіанствѣ, монофизитствѣ, монофелитствѣ и пр. и пр., нужно понять эти еретическія доктрины, нужно внимательно продумать ихъ внутреннее содержаніе. А это несомнѣнно увеличиваетъ и безъ того не легкій трудъ изученія церковно-историческаго матеріала.

Не меньшій страхъ возбуждаютъ въ студентѣ семинаріи и повѣрочный экзаменъ по одному изъ древнихъ языковъ. Повидимому, этотъ страхъ неоснователенъ, и опасеніе неумѣстно; семинариста учатъ древнимъ языкамъ въ теченіе цѣлыхъ девяти лѣтъ; можно, кажется, ожидать, что окончившій курсъ въ духовной семинаріи имѣетъ, если уже не вполнѣ хорошія, то во всякомъ случаѣ удовлетворительныя познанія въ классическихъ языкахъ. Но кто знаетъ постановку дѣла преподаванія классическихъ языковъ въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ, тотъ пойметъ этотъ страхъ и признаетъ вполнѣ основательнымъ это опасеніе. Семинаристовъ учатъ языкамъ слишкомъ долго, но результаты получаются поразительно плачевные. Къ концу семинарскаго курса многіе весьма основательно забываютъ то, что знали раньше, а нѣкоторые даже почти что разучиваются читать по-гречески или по-латыни. Исключенія въ этомъ отношеніи не составляютъ даже лучшіе воспитанники семинаріи. Конечно, объ этомъ нужно сожалѣть, но отрицать этого нельзя. Посмотрите въ отчеты академическихъ коммиссій, изъ года въ годъ производящихъ повѣрочныя испытанія студентовъ духовныхъ семинарій по классическимъ языкамъ, и вы всегда встрѣтите жалобы на упадокъ классицизма въ духовныхъ школахъ и увидите порази-

тельные примѣры невѣжества воспитанниковъ въ классическихъ языкахъ, невѣжества классическаго. Съ такими знаніями въ области классическихъ языковъ вполнѣ естественно страшиться повѣрочныхъ испытаній по этимъ предметамъ при пріемѣ въ академію. Но намъ скажутъ, что въ такомъ случаѣ нужно прежде, чѣмъ явиться на пріемныя испытанія, тщательно подготовиться по тому изъ классическихъ предметовъ, по которому студентъ думаетъ держать экзаменъ, нужно воспроизвести забытое. Совершенно вѣрно. Но здѣсь является вопросъ, что именно готовить изъ классическихъ языковъ. Опредѣленныхъ требованій въ этомъ отношеніи нѣтъ, какого-либо спеціальнаго отдѣла для перевода не указывается, и студентъ семинаріи находится въ страшномъ затрудненіи, на чемъ именно остановиться и что избрать. И это недоумѣніе вскорѣ разрѣшается тѣмъ, что онъ махнетъ рукой на классическіе языки и станетъ питать надежду на счастливый случай. Къ тому же у него и такъ много работы къ подготовкѣ къ другимъ, болѣе важнымъ, предметамъ.

Въ такомъ положеніи обстоитъ дѣло съ устными предметами. Иной характеръ носитъ на себѣ подготовка къ письменнымъ повѣрочнымъ испытаніямъ. Здѣсь не нужно запоминать, заучивать, зубрить. Чтобы удачно написать экспромты, нужно имѣть удовлетворительное общее богословско-философское развитіе и навыкъ владѣть перомъ. Этого, конечно, не дадутъ учебники. Но питомецъ духовной школы какъ-то такъ устроенъ, что положительно не можетъ представить себѣ, какимъ образомъ можно являться на письменный экзаменъ, не прочитавши учебниковъ, не усвоивши всего того, о чемъ тамъ трактуется. Не проштудировавши учебниковъ, онъ потеряется, не будетъ чувствовать подъ собой никакой почвы. И вотъ онъ, чтобы пріобрѣсти больше увѣренности, считаетъ нужнымъ просмотрѣть учебники по предметамъ, назначеннымъ для письменныхъ испытаній. Но это ему кажется недостаточнымъ, и онъ читаетъ еще рекомендованныя пособія, журнальныя статьи и отдѣльныя монографіи. Все это, конечно, хорошо, но требуетъ большого труда и отнимаетъ много времени. И только, тогда когда ему объявятъ тему, онъ пойметъ и воочію убѣдится, что весь его трудъ пропалъ даромъ, потому что темы въ большинствѣ случаевъ *) дѣй-

*) Мы говоримъ „въ большинствѣ случаевъ" потому, что иногда бываютъ исключенія. Не такъ давно въ Москов. дух. академіи для одного изъ письменныхъ экспромтовъ была дана такая тема: „Что вы думаете и что знаете о папѣ Львѣ XIII"? Конечно, на такую тему, не имѣя фактическихъ свѣдѣній, ничего не напишешь. Но въ общемъ темы подобнаго характера избѣгаютъ давать для письменныхъ работъ на пріемныхъ испытаніяхъ.

ствительно даются общаго характера, не требующія спеціальныхъ фактическихъ свѣдѣній. Но не одинъ трудъ подготовки дѣлаетъ страшными письменныя испытанія. Семинаристъ въ общемъ любитъ читать и мыслить. Но его страшитъ мысль о томъ, что ему въ письменныхъ работахъ не удастся обнаружить требуемаго общаго богословско-философскаго развитія; его смущаетъ профессорская оцѣнка его письменной работы. Для написанія упражненія дается всего 5 часовъ; въ теченіе этого срока онъ не надѣется обдумать всѣхъ деталей даннаго вопроса, боится спутаться и не дать прямого яснаго и логически правильнаго отвѣта на тему. А тамъ возникаетъ мысль, что такую работу будетъ читать не простой преподаватель, а профессоръ, у котораго несомнѣнно повышенныя требованія къ письменнымъ упражненіямъ. Несомнѣнно, такое опасеніе напрасно, потому что времени все-таки дается достаточно для написанія коротенькаго и связнаго упражненія, а профессора обычно снисходительно относятся къ такимъ спѣшнымъ работамъ. Но тѣмъ не менѣе боязнь существуетъ и преодолѣть ее не всякій въ состояніи.

Таковы труды, страхи и опасенія, которые ожидаютъ всякаго, кто желаетъ попытать счастье поступить въ число студентовъ духовной академіи. И многіе, которые искренне желали поступить въ академію, узнавши объ этихъ трудностяхъ, съ болью въ сердцѣ оставляютъ мысль объ академіи. Мы лично много знаемъ такихъ студентовъ семинаріи, которые именно по этимъ мотивамъ не пошли въ академію и предпочли ее ветеринарному институту.

Но, можетъ быть, намъ скажутъ, что мы слишкомъ преувеличиваемъ дѣло, что на самомъ дѣлѣ подготовка къ пріемнымъ испытаніямъ въ академію не такъ трудна. Вѣдь, желающему поступить въ высшую богословскую школу приходится готовиться не вновь, не по предметамъ, для него совершенно неизвѣстнымъ, а приходится только воспроизвести то, что ему уже извѣстно, что имъ уже изучено. Предметы, по которымъ назначаются повѣрочныя испытанія, ему хорошо знакомы: онъ ихъ изучаетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но это возможное возраженіе будетъ имѣть значеніе только для тѣхъ, кто совершенно не знаетъ того, какъ ведется дѣло обученія въ нашихъ средне-учебныхъ духовныхъ заведеніяхъ. Совершенно вѣрно, что предметы, по которымъ назначаются конкурсные испытанія, не новы для того, кто поступаетъ въ академію изъ семинаріи, и что для такого молодого человѣка является необходимость только воспроизвести ихъ. Но здѣсь-то и заключается эта трудность, о которой мы говорили. Легко сказать: воспроизвести то, что уже извѣстно; но не легко это сдѣлать. Предметы для пріемныхъ испытаній въ академію проходятся въ семинаріяхъ не въ одинъ годъ, а изученіе ихъ растяги-

вается на нѣсколько лѣтъ; такъ, напр., Св. Писаніе изучается въ теченіе всѣхъ шести лѣтъ семинарскаго курса. Церковная исторія— въ теченіе четырехъ, догматическое богословіе — въ теченіе двухъ, греческій яз.—въ теченіе всего курса, философскія науки—въ теченіе двухъ лѣтъ, столько же лѣтъ занимаетъ и изученіе гомилетики, и только одно нравственное богословіе проходится въ теченіе одного года. Но всякій согласится, что сразу воспроизвести то, что пріобрѣтено въ теченіе многихъ лѣтъ, дѣло далеко не легкое. Затѣмъ, легко воспроизводить то, что пріобрѣтено сравнительно недавно. Но поступающему въ академію приходится вспоминать и то, что изучено имъ давно; такъ, напр., онъ долженъ воспроизвести то, что онъ училъ еще въ первомъ классѣ семинаріи. И если мы прибавимъ къ этому еще то, что изученіе большинства изъ назначенныхъ предметовъ требуетъ по преимуществу механической памяти, то для насъ вполнѣ яснымъ станетъ тотъ трудъ, который предстоитъ желающему подвергнуться пріемнымъ испытаніямъ. Кромѣ этого, нужно имѣть въ виду еще и то обстоятельство, что нерѣдко студенческаго званія ищутъ люди, которые давно уже окончили курсъ въ семинаріи, успѣли уже пожить и забыть то, что имъ преподавалось въ средней школѣ. Для такихъ трудъ воспроизведенія давно воспринятаго, полузабытаго, а иногда и совсѣмъ испарившагося несомнѣнно увеличивается. Не надо забывать и того, что въ числѣ желающихъ поступить въ академію не мало бываетъ лицъ, вышедшихъ изъ свѣтскихъ среднихъ школъ. Для такихъ людей подготовка въ академію сопряжена съ каторжнымъ неимовѣрнымъ трудомъ. — Возможно и другое возраженіе. Если предметы, по которымъ назначаются повѣрочныя испытанія, проходятся въ теченіе многихъ лѣтъ, то семинаристу представляется возможность начать свою подготовку задолго до окончанія курса, такъ что ко времени выпуска онъ можетъ чувствовать себя уже подготовленнымъ къ конкурснымъ экзаменамъ въ академію. Но на это нужно сказать, что семинаристъ такъ заваленъ работой во все время прохожденія имъ учебнаго курса, что ему впору справиться только съ тѣмъ, что составляетъ его прямую обязанность. Особенно это нужно сказать по отношенію къ лучшимъ ученикамъ. Другой воспитанникъ можетъ иногда не приготовить урока; ему этого не поставятъ въ особую вину. Но если сдѣлаетъ это хорошій ученикъ, его репутація можетъ пошатнуться и положеніе испортиться. Онъ долженъ быть всегда аккуратнымъ. А эта аккуратность положительно несовмѣстима съ сторонними занятіями: она исключаетъ возможность удѣлять нѣкоторымъ предметамъ больше времени и положительно не допускаетъ исключительнаго вниманія къ этимъ предметамъ въ ущербъ занятіямъ въ другихъ наукахъ. Хорошій воспи-

танникъ въ семинаріи освѣдомленъ во всемъ; но все онъ знаетъ плохо и ничего—хорошо. Кромѣ этого, многіе изъ поступающихъ въ академію поднимаются въ разрядномъ спискѣ только лишь въ послѣднихъ классахъ, а раньше они ничѣмъ не выдѣляются и примыкаютъ къ типу обычнаго средняго воспитанника, который не всегда исправенъ и аккуратенъ. У такихъ воспитанниковъ мысль объ академіи является довольно поздно. И, само собою разумѣется, подготовка въ академію для такихъ лицъ становится труднѣе, потому что приходится не только воспроизводить воспринятое раньше, но и пріобрѣтать вновь то, что въ свое время было упущено. Такимъ образомъ, утверждать, что семинаристы постепенно въ теченіе всего учебнаго курса могутъ заниматься подготовкой въ академію, нельзя; одни изъ нихъ не могутъ этого дѣлать потому, что обременены текущими занятіями, а другіе потому, что поступленіе въ академію первоначально не входило въ ихъ планы. Для студента семинаріи временемъ для подготовки въ академію являются только лишь тѣ лѣтніе мѣсяцы, какіе проходятъ со времени окончанія ими курса въ семинаріи до начала пріемныхъ испытаній въ академіи, т. е. два съ небольшимъ мѣсяца. За этотъ короткій срокъ приходится преодолѣть всѣ тѣ трудности, о которыхъ мы говорили выше. Невольно можетъ смутиться духъ и пропасть желаніе постучаться въ двери высшей богословской школы.

Такова, по нашему мнѣнію, первая существенная причина отмѣченнаго нами ненормальнаго явленія.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію другой, не менѣе важной, причины этого печальнаго явленія.

Современную молодежь обычно упрекаютъ въ отсутствіи у ней идеализма и въ слишкомъ замѣтномъ практицизмѣ. Это часто справедливо. Нерѣдко современный молодой человѣкъ, только что окончившій курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, прежде чѣмъ окончательно рѣшиться на выборъ того или другого высшаго учебнаго заведенія, того или другого факультета, предварительно взвѣситъ и тщательно обдумаетъ всѣ тѣ выгоды и удобства, какія можетъ ему дать дипломъ намѣченнаго имъ высшаго учебнаго заведенія. Не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія и воспитанники нашихъ духовныхъ семинарій. И они, рѣшаясь поступить въ высшую школу, долго думаютъ о томъ, что ждетъ ихъ впереди, какое общественное положеніе могутъ занять они по выходѣ изъ того высшаго учебнаго заведенія, въ которое они намѣреваются поступить. Объ этомъ думаютъ и тѣ изъ нихъ, которые рѣшаются поступить въ академію. Къ тому же побуждаетъ ихъ и представленіе о тѣхъ трудностяхъ, которыя сопряжены съ поступленіемъ въ высшую богословскую школу.

Они разсуждаютъ такъ: „поступить въ академію трудно; нужно потратить много энергіи и употребить большія усилія для этого; но, можетъ быть, этотъ трудъ будетъ вознагражденъ въ будущемъ, можетъ быть, по окончаніи курса въ академіи насъ ждетъ, если не блестящее, то весьма хороше общественное положеніе“. И вотъ, вполнѣ естественно ихъ мысль обращается къ этому, еще далекому для нихъ, будущему. Но что они видятъ въ этой отдаленной перспективѣ? Они видятъ здѣсь то, отъ чего содрогается ихъ юношеское сердце и остываетъ разгоряченное воображеніе: имъ представляется непривлекательная жизненная обстановка, отъ которой вѣетъ холодомъ, которая способна убить лучшіе порывы и стремленія и совсѣмъ подавить человѣка. Представивши себѣ такое будущее, ожидающее академиста, они невольно колеблются въ своемъ первоначальномъ намѣреніи и уже не прочь бросить самую мысль объ академіи.

Но что же въ самомъ дѣлѣ ожидаетъ кандидата богословія? Неужели его будущее дѣйствительно такъ мрачно? На этотъ вопросъ можно дать только утвердительный отвѣтъ. Двѣ дороги главнымъ образомъ открываются предъ каждымъ оканчивающимъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ: ему предстоитъ или преподавательство въ среднихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ или священство. Но что такое преподаватель духовно-учебныхъ заведеній? Это прежде всего существо, плохо обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи. Онъ пользуется убогимъ окладомъ жалованья. За 12 штатныхъ уроковъ онъ получаетъ 750 р. въ годъ, или иначе—за вычетомъ обязательныхъ отчисленій—61 р. 25 к. въ мѣсяцъ. Цыфра весьма незначительная. И на эту сумму онъ долженъ жить. Ему нужна квартира, ему нуженъ столъ, ему предстоитъ расходъ по мелочамъ, безъ которыхъ нельзя обойтись. При современной дороговизнѣ жизни этой суммы можетъ хватить только при самой тщательной и строгой экономіи. Но ему нужно быть и прилично одѣтымъ, а это, несомнѣнно, увеличиваетъ его расходы. Кромѣ того, онъ не можетъ отказываться отъ различныхъ пожертвованій въ пользу благотворительныхъ учрежденій и отъ взносовъ на какое-либо обще-преподавательское дѣло. Почти у каждаго изъ преподавателей есть бѣдные родственники, которымъ онъ обязанъ помогать. Все это требуетъ матеріальныхъ затратъ. Скудость средствъ заставляетъ нашего педагога, по пословицѣ, *по одежкѣ протягивать ножки*. И онъ по-неволѣ ставитъ себя въ самыя неприглядныя условія существованія. Онъ принужденъ ютиться въ убогой квартиркѣ, гдѣ нельзя даже требовать всѣхъ удобствъ; онъ сокращаетъ свои потребности до минимума и не позволяетъ себѣ никакой роскоши; онъ принужденъ избѣгать разумныхъ развлеченій и удовольствій, потому что это бьетъ его по карману.

А между тѣмъ, ему хотѣлось бы сходить въ театръ, послушать концертъ, принять участіе въ какой-либо загородной прогулкѣ. Ему хотѣлось бы выписать какую-либо новенькую книжку; но онъ не прежде можетъ осуществить свое намѣреніе, какъ справившись съ состояніемъ своихъ финансовъ. Этотъ постоянный расчетъ, постоянная мысль о возможности дефицита заставляетъ его искать стороннихъ занятій съ цѣлью увеличенія средствъ къ жизни. И онъ прибѣгаетъ къ широко распространенному на Руси совмѣстительству должностей. Онъ хватаетъ первыя попавшіяся вакантныя должности, набираетъ много побочныхъ занятій, создаетъ себѣ массу труда. Онъ теперь лучше обезпеченъ, гораздо больше получаетъ жалованья, но онъ сталъ „водовозной клячей". И то, къ чему онъ такъ стремился, для него теперь стало невозможнымъ. Онъ думалъ найти отдыхъ, забвеніе этой ужасной житейской прозы; но теперь ему некогда наслаждаться благами культурной жизни. Онъ заваленъ тетрадками, срочными порученіями и неотложными дѣлами. Для него началась та лямка, изъ которой ему трудно уже выскочить и которая убиваетъ благіе порывы и свѣтлыя стремленія. А если еще онъ вздумаетъ жениться? Тогда онъ пропалъ. Онъ женится обычно на такой же бѣдной барышнѣ, какъ и онъ самъ. Она приноситъ ему не радость и счастье, а увеличиваетъ его бѣдность и заботы о насущномъ кускѣ хлѣба, и семейная жизнь, если и не становится для него адомъ, то несомнѣнно тяготитъ его. Намъ скажутъ, что мы слишкомъ мрачными красками рисуемъ положеніе преподавателя. Но мы не станемъ оправдываться, а только убѣдительно попросимъ такихъ людей провѣрить насъ на фактахъ, и мы надѣемся, что они возьмутъ свое возраженіе назадъ. Правда, есть преподаватели, которые тепло устроились и которымъ живется весьма хорошо. Но это исключеніе, и не о немъ у насъ идетъ рѣчь. При этомъ такіе преподаватели устраиваютъ хорошо свою жизнь не на одни преподавательскія средства, а прибѣгаютъ къ другимъ источникамъ доходовъ: они или выгодно женятся, или занимаются какими-либо предпріятіями, ничего общаго съ учебнымъ дѣломъ не имѣющими. Но это одна непривлекательная сторона въ положеніи преподавателя. Есть и другая сторона, еще болѣе угнетающая самочувствіе человѣка, заставляющая его испытывать нравственныя страданія и изнывать въ безсильной злобѣ на то, что причиняетъ эти страданія. Прежде всего каждому преподавателю приходится устанавливать извѣстныя отношенія съ воспитанниками. Хорошо, если онъ мягокъ, кротокъ, снисходителенъ, отзывчивъ: тогда его полюбятъ ученики и будутъ уважать. Но если этихъ качествъ у него нѣтъ, тогда отношенія между нимъ и учениками примутъ характеръ взаимной борьбы. Каждый разъ онъ будетъ

выходить изъ класса разстроенный и разсерженный; онъ принужденъ будетъ всегда жить нервами, вѣчно будетъ хандрить, злиться, станетъ мнительнымъ, подозрительнымъ; у него разовьется мстительность по отношенію къ воспитанникамъ. Словомъ, онъ пріобрѣтетъ всѣ тѣ черты завзятаго педагога, которыя всѣмъ извѣстны и которыя такъ нежелательны въ человѣкѣ, служащемъ такому святому и великому дѣлу. Но если много горькихъ минутъ могутъ доставить преподавателю его ученики, то немало непріятностей онъ можетъ испытать и со стороны своего начальства...

Но, можетъ быть, гораздо лучше другая дорога—священство? Да, въ матеріальномъ отношеніи священство несравненно лучше преподавательства. Кандидаты богословія, принявшіе священный санъ, обыкновенно получаютъ мѣста въ городѣ и пользуются несравненно лучшимъ содержаніемъ. Но и они не избавлены отъ нравственныхъ мукъ и страданій. Послѣднихъ на ихъ долю приходится гораздо больше, чѣмъ преподавателямъ. Тяжело уже одно то, что имъ приходится почти постоянно чувствовать душевный разладъ... Имъ весьма часто приходится испытывать укоры совѣсти и сознаніе, что они почти безсильны успокоить смущенное сердце. Вотъ почему очень немногіе изъ кандидатовъ академіи идутъ въ священники, а большинство предпочитаетъ поступать въ преподаватели.

Предъ кандидатомъ академіи открывается еще одна дорога; это—монашество. Эта дорога ведетъ къ блестящей карьерѣ, къ почестямъ, всеобщему уваженію и поклоненію; но это—путь весьма немногихъ и, какъ выражаются, *избранныхъ* натуръ...

Если ко всему сказанному мы прибавимъ нѣсколько словъ объ отношеніи къ окончившему курсъ въ академіи свѣтскаго интеллигентнаго общества, то мы получимъ полное представленіе объ общественномъ положеніи кандидата богословія. Намъ нѣтъ нужды останавливаться подробно на этомъ, потому что объ этомъ всякій знаетъ, а потому мы ограничимся очень немногимъ. Свѣтское интеллигентное общество смотритъ неодобрительно на все вообще духовное сословіе, и въ этомъ отношеніи оно не дѣлаетъ исключенія и для тѣхъ изъ духовныхъ, которые получаютъ высшее богословское образованіе. И на такихъ оно смотритъ, какъ на людей, которые знаютъ только тексты и больше ничего. Оно смотритъ на нихъ не какъ на носителей свѣта... Конечно, такое отношеніе по большей части не заслуженно и не имѣетъ для себя серьезныхъ основаній; но оно существуетъ, съ нимъ надо считаться, и оно доставляетъ немало горечи и обиды для человѣка, который самъ лично ничѣмъ не заслужилъ такого отношенія къ себѣ. Такое отношеніе не было-бы чувствительно для человѣка съ академическимъ дипломомъ, если бы ему

не приходилось сталкиваться съ этимъ обществомъ; но въ томъ-то и дѣло, что ему приходится входить въ сношенія съ свѣтскими людьми, а иногда является стремленіе служить по свѣтской службѣ. И вотъ тутъ-то и даютъ ему чувствовать, что онъ кандидатъ богословія и что разсчитывать ему не на что. Горько и обидно становится на душѣ человѣка, который виноватъ только въ томъ, что онъ обладаетъ дипломомъ окончившаго курсъ въ духовной академіи.

Вотъ что сулитъ будущее кандидату академіи. Это будущее какъ бы говоритъ всякому желающему поступить въ высшую богословскую школу: „если хочешь быть человѣкомъ, если хочешь сохранить свою личность и свое достоинство, если хочешь жить, а не влачить жалкое существованіе, не ходи въ академію, а иди въ другое какое-либо высшее учебное заведеніе и избирай какую-либо другую профессію".

Таковы двѣ существенно важныя причины разсматриваемаго нами ненормальнаго явленія. Есть и еще одна, довольно важная причина, коренящаяся въ самомъ характерѣ высшаго богословскаго образованія и въ учебномъ строѣ академической жизни. Но объ этомъ какъ-нибудь въ другой разъ поговоримъ. **Скромный.**

Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1903 годъ.

(*Продолженіе*).

Губерніи: *Костромская*, *Нижегородская*, *Казанская* и *Симбирская.*

Костромское губернское земское собраніе постановило учредить ежегодные образовательные курсы для учителей и учительницъ земскихъ народныхъ училищъ, и лѣтомъ, 1903 г., въ Костромѣ состоялось открытіе учительскихъ курсовъ, устроенныхъ по постановленію губернскаго земства въ память сорокалѣтія великой реформы—освобожденія крестьянъ отъ вѣковаго рабства.

Предсѣдатель губенской земской управы, В. И. Исаковъ, въ своей рѣчи напомнилъ аудиторіи слушателей, что послѣ освобожденія крестьянъ земство первое занялось просвѣщеніемъ народа, открывало курсы, учреждало стипендіи, и нынѣ въ память великаго событія 19-го февраля земство рѣшило устроить такіе-же курсы съ цѣлью пополнить запасъ знаній народныхъ учителей и учительницъ. Священникъ о. Орловъ напомнилъ курсистамъ, что съ паденіемъ крѣпостнаго права народъ получилъ широкій путь къ свободѣ и свѣту, и земство, идя навстрѣчу просвѣщенію, устраивало школы, а для учителей курсы, и потому нельзя не быть благодарнымъ ему за такое отношеніе къ народному просвѣщенію. Затѣмъ говорили директоръ народныхъ училищъ и губернаторъ. Всѣхъ курсистовъ собралось 300 человѣкъ.

Костромская губернская управа внесла на очередное губернское собраніе предложеніе возбудить предъ правительствомъ рядъ ходатайствъ, касающихся разныхъ нуждъ земскаго хозяйства Костромской губерніи. Относительно народнаго образованія предположено ходатайствовать:

1) О болѣе совершенномъ удовлетвореніи нуждъ средняго образованія на средства казны; 2) о передачѣ двухклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія въ вѣдѣніе училищныхъ совѣ-

товъ и объ измѣненіи программы этихъ училищъ съ передачей земству тѣхъ средствъ, которыя нынѣ затрачиваются казной на ихъ содержаніе; 3) объ образованіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія особаго фонда на нужды народнаго образованія. Вопросъ о такомъ фондѣ поднятъ и въ самомъ министерствѣ. Величину фонда на ссуды земствамъ Костромской губерніи управа исчисляла въ $1^1/_2$ милл. рублей. Затѣмъ губернское земское собраніе постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о передачѣ въ вѣдѣніе земства суммъ, отпускаемыхъ попечительству о народной трезвости. Изъ данныхъ доклада губернской земской управы о народномъ образованіи видно, что самымъ выгоднымъ типомъ народной школы является земская школа. Это дало основаніе прессѣ высказать мысль о томъ, чтобы земство возбудило ходатайство о передачѣ въ его вѣдѣніе не только министерскихъ школъ, но и церковныхъ школъ. Послѣднее тѣмъ болѣе желательно, что духовное вѣдомство очень своеобразно понимаетъ задачи просвѣщенія населенія.

Такъ, между прочимъ, редакція „*Костромскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей*“ въ 1903 году рекомендовала всѣмъ священникамъ епархіи внимательнѣе слѣдить за тѣми книгами, которыя при посредствѣ библіотекъ-читаленъ распространяются въ народѣ. Между этими книгами есть такія, распространеніе которыхъ, по мнѣнію редакціи, прямо должно отнести къ числу вредныхъ, несмотря на то, что онѣ прошли черезъ цензуру.

Нижегородское губернское земство устраивало весною 1903 года съѣздъ учащихъ земскихъ школъ Нижегородской губерніи, причемъ съ открытіемъ этого съѣзда совпалъ пріѣздъ г. Зенгера въ Нижній-Новгородъ. Министръ присутствовалъ при открытіи съѣзда, выслушалъ нѣсколько рѣчей нижегородскихъ земцевъ и самъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Я радъ, что мой пріѣздъ сюда совпалъ съ открытіемъ съѣзда. Но, къ сожалѣнію, я не имѣю возможности быть ни на одномъ засѣданіи, гдѣ будутъ обсуждаться вопросы. Порука успѣха во всякомъ дѣлѣ—великая строгость къ себѣ, великая преданность дѣлу, полное доброжелательство къ тѣмъ, кто высказываетъ мнѣнія, хотя-бы и несогласныя съ нашими. Относиться къ дѣлу воспитанія нужно по возможности наивно, безъ мудрствованій лукавыхъ. Недостатокъ такого отношенія особенно сказывается въ тѣхъ занятіяхъ, гдѣ происходитъ обмѣнъ мнѣній, а стало быть, проявляется и разница ихъ. Тутъ часто люди оказываютъ другъ другу основную несправедливость. А нужно довѣріе, нужно сближаться другъ съ другомъ на этихъ съѣздахъ. Сердцу человѣческому сама природа подсказываетъ умиленіе при видѣ ребенка. Трудность воспитанія — да, конечно,—

состоитъ въ томъ, что здѣсь было названо матеріаломъ. Но эта трудность упростилась-бы, если-бы во всѣхъ случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ ребенкомъ, мы подходили къ нему возможно проще. Я часто замѣчалъ, что самые сложные теоретическіе выводы педагогіи не могутъ сравниться съ непосредственнымъ, простымъ чувствомъ и отношеніемъ къ ребенку, напримѣръ, матери, брата. Вотъ я и желаю, чтобы этотъ духъ простоты и святости въ отношеніи къ дѣтямъ парилъ надъ вами и служилъ вамъ благословеніемъ". Въ одной изъ рѣчей (г. Богоявленскаго) было высказано, между прочимъ: „Если мы порой чувствуемъ патріотическую радость, смотря на молодецкій маршъ храбрыхъ войскъ, оберегающихъ дорогую родину отъ внѣшнихъ враговъ, то съ тѣмъ большею радостью мы видимъ ту армію спасенія, которая борется не съ внѣшними, а съ нашими внутренними злыми врагами, съ народнымъ невѣжествомъ и безграмотностью. Вы призваны бороться съ этимъ страшнымъ врагомъ, съ тѣмъ зломъ, которое, быть можетъ, служитъ единственной причиной недавнихъ печальныхъ явленій—безобразій аграрныхъ, еврейскихъ и другихъ погромовъ. Если-бы страна была культурнѣе, они не выразились-бы такъ грубо. Съ другой стороны, мнѣ пріятно, что самоотверженные работники—созданіе и родное дѣтище почти единственно земскихъ и общественныхъ управленій. Потому намъ и дороги ваши интересы, что они связаны съ существеннѣйшими интересами земства и города".

По поводу внесенной въ Нижегородское губернское земское собраніе 1902 года извѣстной записки А. И. Зыбина о нуждахъ народнаго образованія въ губернское собраніе 1903 года былъ внесенъ громадный докладъ члена земской школьной коммиссіи А. И. Лебедева, сущность котораго резюмируется въ слѣдующихъ положеніяхъ *):

1) Законодательнымъ актомъ должно быть установлено, что на опредѣленное количество населенія (напримѣръ, на 1.000 человѣкъ) должна быть одна школа съ двумя классными комнатами и двумя учащими, и что всѣ дѣти школьнаго возраста, входящія въ школьный районъ, должны обучаться въ ней четыре года (minimum); 2) средства на школьныя зданія должны быть добыты путемъ займовъ, разрѣшенныхъ общественнымъ учрежденіямъ подъ гарантіей государственнаго казначейства, съ погашеніемъ долга сполна или отчасти за счетъ казны; 3) для завѣдыванія школами, изысканія средствъ на ихъ содержаніе, для завѣдыванія библіотеками и народными чтеніями и т. п. должны быть организованы коллегіальныя школьныя

*) Мѣсто не дозволяетъ намъ изложить этотъ докладъ, занимающій съ таблицами 55 печатныхъ убористыхъ страницъ.

попечительства; 4) программа школьнаго начальнаго образованія должна заключать минимумъ требованій предъявляемыхъ къ начинающимъ курсъ ученикамъ, и имѣть цѣлью общее развитіе дѣтей; въ то же время она должна предоставлять учащемуся возможность свободнаго перехода въ среднюю школу; 5) земскія и городскія учрежденія черезъ особыя школьныя коммиссіи должны участвовать во всѣхъ сторонахъ школьнаго дѣла; 6) слѣдуетъ ходатайствовать объ отпускѣ казенныхъ средствъ на школы безъ ограниченія нынѣ принадлежащихъ земству правъ въ области школьнаго дѣла; 7) желательно просить академію наукъ объ упрощеніи орѳографіи; 8) рекомендовать уѣзднымъ управамъ учредить отдѣленія по народному образованію съ приглашеніемъ въ нихъ спеціалистовъ и школьныя коммиссіи съ участіемъ въ нихъ представителей отъ учащихъ; 9) желательно устроить всероссійскій съѣздъ представителей земствъ, педагоговъ и практическихъ дѣятелей по народному образованію для обсужденія школьныхъ вопросовъ.

Продолжительныя и довольно горячія пренія вызвалъ на собраніи докладъ о введеніи запретительнаго каталога книгъ для народныхъ библіотекъ вмѣсто нынѣ существующей системы одобренія.

Сторонниками существующей системы выступили гласные Хотяинцевъ, Обтяжновъ и особенно докторъ Зененко. Послѣдній провелъ рѣзкую грань между книгами для народа и для культурныхъ классовъ, признавая для перваго „вреднымъ“ даже такой журналъ, какъ „Журналъ для всѣхъ“. Какъ аргументъ противъ расширенія каталога „народныхъ“ книгъ, онъ выдвинулъ истину о вредѣ просвѣщенія безъ нравственнаго воспитанія, сдѣлавъ попутно нѣсколько вылазокъ противъ современной литературы и даже противъ того, что въ Нижнемъ-Новгородѣ торгуютъ книгами въ нѣкоторыхъ магазинахъ... евреи. Запретительный каталогъ онъ признаетъ какъ средство къ распространенію запретныхъ книгъ, какъ запретнаго плода. Гл. Обтяжновъ видѣлъ въ теперешней литературѣ опасное подрываніе основъ. Собраніе однако почти единогласно присоединилось къ докладу управы и постановило ходатайствовать о расширеніи каталога народныхъ чтеній; кромѣ того, оно ходатайствовало: о разрѣшеніи московскому земству устроить общеземскую выставку по народному образованію въ 1905 году и объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія окончившихъ начальную школу. Вопросъ о прогрессивныхъ прибавкахъ къ жалованью учащихъ земскихъ училищъ изъ средствъ губернскаго земства, рѣшенный въ 1902 году въ положительномъ смыслѣ, былъ отложенъ собраніемъ до будущаго года „въ виду невыясненности отношеній къ этому вопросу уѣздныхъ земствъ и размѣра прибавокъ при условіи введенія всеобщаго обученія въ

губерніи". Горячимъ противникомъ отсрочки рѣшенія вопроса былъ гласный А. И Зыбинъ.

Для *Нижегородскаго уѣзднаго земства* 1903 годъ начался сообщеніемъ инспектора народныхъ училищъ, что съѣздъ учащихъ Нижняго-Новгорода и Нижегородскаго уѣзда съ 15-го по 21-е мая попечителемъ московскаго учебнаго округа разрѣшенъ по представленной въ округъ программѣ, за исключеніемъ вопроса о правовомъ положеніи учащихъ, внесеннаго § 25-мъ программы и формулированнаго такъ: „Права и обязанности учащихъ по существующимъ узаконеніямъ".

Предсѣдательство на съѣздѣ возложено на мѣстнаго инспектора, а ходатайство земскаго собранія о предоставленіи предсѣдательствованія предсѣдателю училищнаго совѣта осталось безъ удовлетворенія. Общія образовательныя лекціи, о включеніи которыхъ въ программу съѣзда ходатайствовалъ училищный совѣтъ, также не разрѣшены, причемъ разъяснено, что въ случаѣ ихъ устройства независимо отъ съѣзда онѣ подлежатъ разрѣшенію въ порядкѣ, установленномъ для публичныхъ лекцій на общемъ основаніи. Въ виду этого инспекторъ просилъ земство войти въ соглашеніе съ лекторами объ устройствѣ лекцій независимо отъ съѣзда учащихъ, но во время его и съ безплатнымъ входомъ на лекціи участниковъ съѣзда.

О результатахъ этого съѣзда управа внесла докладъ въ очередное земское собраніе. Съѣздомъ были разсмотрѣны вопросы, касающіеся: 1) учебно-воспитательной обстановки училищъ, 2) внѣшней обстановки школъ, 3) положенія учащихъ и 4) общихъ сторонъ школьнаго дѣла въ уѣздѣ.

Съѣздъ твердо высказался за общеобразовательный характеръ начальной школы, отрицательно отнесясь къ внесенію въ программу ея всякихъ прикладныхъ предметовъ, ремеслъ и т. п. Признавая четырехгодичный курсъ обученія наиболѣе желательнымъ при настоящихъ условіяхъ народной школы, съѣздъ не нашелъ возможнымъ и удобопримѣнимымъ организацію этого курса въ школѣ при одномъ учителѣ. Сильно подчеркнута на съѣздѣ необходимость широкаго примѣненія принципа наглядности, смягченія требованій къ буквѣ ѣ, усиленія въ школѣ общеобразовательнаго развивающаго элемента, объяснительнаго чтенія, и такъ далѣе. Одобрена съѣздомъ работа учащихъ по распредѣленію учебнаго матеріала соотвѣтственно продолжительности учебнаго года въ городѣ и въ уѣздѣ. Много было высказано пожеланій объ упорядоченіи производства экзаменовъ, о возвращеніи къ экзаменамъ стараго типа подъ предсѣдательствомъ и при участіи учащихъ. Одною изъ льготъ, даваемыхъ окончаніемъ курса въ школѣ, признано право освобожденія отъ тѣлесныхъ нака-

заній. Съѣздъ пришелъ также къ единогласному заключенію, что главное и единственное средство улучшенія хозяйства и обстановки школъ—передача содержанія ихъ всецѣло въ руки земства и учащихъ; участіе сельскихъ обществъ могло бы выражаться организаціей хозяйственныхъ комитетовъ или попечительствъ при школахъ; въ составъ ихъ входятъ представители отъ сельскихъ обществъ. Съѣздъ высказался за правильную постановку надзора за школьными постройками при участіи опытныхъ лицъ и учителей. Вопросъ о положеніи учащихъ въ виду исключенія изъ программы съѣзда вопроса о „правовомъ“ положеніи былъ затронутъ только со стороны матеріальной обстановки учащихъ и условій самообразованія. На съѣздѣ было высказано пожеланіе объ усиленіи пенсіи земскихъ (вмѣсто 120-ти 240 р.) и городскихъ учителей (сохраненіе пенсіи въ 450 р.), о помощи со стороны казны на пенсіи учащимъ, объ организаціи учительскихъ совѣщаній, съѣздовъ, общеобразовательныхъ курсовъ и лекцій, учительскаго клуба въ городѣ съ правомъ участія въ немъ сельскихъ учителей, кружковъ самообразованія. Съѣздъ присоединился къ пожеланіямъ доклада учителя Н. Н. Нарбова объ организаціи при управѣ школьнаго совѣта при участіи учащихъ по образцу врачебнаго совѣта. Подробно остановившись на вопросѣ о внѣшкольномъ образованіи, какъ мѣрѣ, не только содѣйствующей самообразованію взрослаго населенія деревни, но и усиливающей связь населенія со школой и учителемъ, съѣздъ въ заключеніе пришелъ къ общему выводу, что улучшеніе и развитіе школьнаго дѣла въ уѣздѣ возможно лишь при условіи экономическаго и нравственнаго подъема жизни населенія: лишь при взаимодѣйствіи этихъ двухъ факторовъ возможно расчитывать на болѣе продуктивные результаты работы учителя и школы.

Особенностью съѣзда было то, что значительная часть вопросовъ была разсмотрѣна учащими на предварительныхъ частныхъ совѣщаніяхъ подъ руководствомъ инспектора народныхъ училищъ. Во время съѣзда было прочитано пять лекцій К. Е. Линдемана по зоологіи, и демонстрированы наглядныя пособія и физическія опыты отъ петербургскаго подвижнаго музея.

Вопросы, поднятые и разрѣшенные съѣздомъ, ясно показываютъ, какой высоты развитія достигли учащіе земскихъ школъ. А между тѣмъ на нихъ продолжаютъ смотрѣть какъ на людей неполноправныхъ. Такъ, напримѣръ, не смотря на ходатайство нижегородскаго уѣзднаго комитета попечительства о народной трезвости, мѣстнымъ директоромъ народныхъ училищъ было запрещено сельскимъ учителямъ и учительницамъ участвовать въ народныхъ спектакляхъ, устраиваемыхъ комитетомъ. Затѣмъ, это запрещеніе подтверждено и

попечителемъ учебнаго округа, къ которому комитетъ обратился съ запросомъ. Онъ находитъ, что „подготовка къ спектаклямъ отвлечетъ учащихъ отъ ихъ прямыхъ обязанностей, и участіе на сценѣ, при неудачномъ публичномъ исполненіи учителями ролей, можетъ повести къ такимъ недоразумѣніямъ, которыя подорвутъ авторитетъ ихъ, какъ педагоговъ“. Комитетъ, въ свою очередь, постановилъ снова возбудить этотъ вопросъ уже черезъ губернскій комитетъ, т. е. предъ министерствомъ финансовъ, которое въ своихъ послѣднихъ распоряженіяхъ усиленно рекомендуетъ комитетамъ привлекать учащихъ къ работѣ въ учрежденіяхъ комитета при устройствѣ народныхъ развлеченій и т. п. Мѣстныя организаціи по устройству народныхъ спектаклей крайне заинтересованы въ рѣшеніи этого вопроса; отъ него во многихъ мѣстахъ зависитъ судьба народныхъ развлеченій, организаторами которыхъ въ деревнѣ чаще всего бываютъ сельскіе учителя и учительницы.

Въ доказательство выше выраженной нами мысли о замѣтномъ поднятіи уровня учителей земскихъ школъ приведемъ еще весьма характерный примѣръ изъ того же нижегородскаго уѣзда. Въ 1903 г. въ с. Дальнемъ-Константиновѣ состоялось совѣщаніе учащихъ Нижегородскаго уѣзда, на которое съѣхалось до 60-ти учащихъ. Совѣщаніе пришло къ выводу о нежелательности въ начальной школѣ отмѣтокъ. И сейчасъ есть въ деревняхъ среди педагоговъ любители старины, хотя слѣдуетъ сказать, что въ рядахъ ихъ есть, къ нашему стыду, и молодые, которые прибѣгаютъ къ разнымъ формамъ наказанія. Извѣстно, что училищная отчетная вѣдомость и до сихъ поръ предлагаетъ въ своемъ бланкѣ вопросы учителямъ, не ставятся ли дѣти на колѣни и вообще какія принимаются дисциплинарныя мѣры.

Во время преній по вопросу о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, между прочимъ, выяснилось, что существуетъ, какъ исключеніе, и теперь еще тѣлесное наказаніе въ Нижегородскомъ уѣздѣ, и какъ на мѣру противъ тѣлесныхъ наказаній указывалось на подъемъ нравственнаго развитія учителей. По вопросу о продолжительности урока и учебнаго дня, а также о домашнихъ работахъ учащихся пришли къ слѣдующему заключенію: въ школахъ, въ виду вообще плохихъ помѣщеній, слѣдуетъ сократить уроки до 45—50-ти минутъ. Домашнее приготовленіе уроковъ признано ненормальнымъ явленіемъ, хотя оно и практикуется въ силу необходимости. Самостоятельное чтеніе дома признано желательнымъ.

На совѣщаніи были поставлены на разрѣшеніе 53 вопроса. Изъ постановленій наиболѣе интересными были слѣдующіе:

1) Выбрано 12 делегатовъ на земское собраніе для поддержки учительскихъ интересовъ и педагогическихъ. 2) Назначены 3 пун-

кта въ уѣздѣ для устройства музеевъ съ наглядными пособіями. 3) Отъ министерства былъ запросъ относительно учрежденія при школахъ „сберегательныхъ кассъ“ для дѣтей, въ видѣ продажи кассовыхъ карточекъ. По этому вопросу всѣ единогласно рѣшили, что такихъ „кассъ“ не нужно, мотивируя нежелательность тѣмъ, что дѣти будутъ развращаться нравственно, въ погонѣ за наживой, будутъ воровать у родителей или переклеивать марки, учиться „мошенничать“, что съ подобными кассами мы создадимъ литературный школьный типъ Чичиковыхъ и Плюшкиныхъ.

Въ нижегородскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи былъ разсмотрѣнъ обширный и интересный докладъ по народному образованію. Съ начала новаго, 1904-го, учебнаго года, рѣшено въ дополненіе къ существующимъ 129-ти земскимъ и министерскимъ училищамъ открыть еще 10 училищъ, въ томъ числѣ шесть училищъ съ пособіемъ, уже назначеннымъ отъ казны, и три въ селеніяхъ, гдѣ есть церковно-приходскія школы, по ходатайству мѣстныхъ крестьянъ. Одна школа открывается въ честь Ѳ. И. Шаляпина совмѣстно съ обществомъ распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губ. въ виду щедрыхъ пожертвованій г. Шаляпина на устройство народнаго дома въ Нижнемъ-Новгородѣ. Возбудивъ ходатайство объ открытіи въ уѣздѣ въ дополненіе къ четыремъ еще одного двухкласснаго училища, собраніе постановило ходатайствовать о передачѣ всѣхъ министерскихъ училищъ въ вѣдѣніе училищнаго совѣта или же объ организаціи завѣдыванія ими по образцу двухкласснаго училища имени барона Корфа, разрѣшеннаго александровскому земству. По предложенію гл. А. А. Савельева рѣшено ходатайствовать объ отпускѣ единовременно на постройку и перестройку школьныхъ зданій 16.000 р. отъ казны. Предложеніе управы объ отчисленіи части доходовъ отъ винной монополіи на школьное дѣло отложено, но принято предложеніе А. А. Савельева о перечисленіи средствъ, отпускаемыхъ комитетомъ попечительства о народной трезвости, въ распоряженіе земства. При обсужденіи доклада о съѣздѣ учащихъ собраніе приняло предложеніе управы объ организаціи при управѣ постоянной коммиссіи по народному образованію съ участіемъ въ ней съ правомъ голоса учащихъ (до 12-ти чел.) по выбору совѣщаній учащихъ. Собраніе высказалось также за сосредоточеніе завѣдыванія хозяйствомъ школы въ рукахъ земства, а чрезъ него и въ рукахъ учителя, передавъ детальную разработку этого вопроса въ управу для доклада будущему земскому собранію. Рѣшено также устройство систематическихъ лекцій для учащихъ на средства земства и возбуждено ходатайство передъ губернскимъ земствомъ о съѣздѣ учащихъ двухклассныхъ министерскихъ училищъ. По внѣшкольному образо-

ванію собраніе утвердило смѣту управы; какъ новая мѣра, была принята проектированная уѣзднымъ комитетомъ трезвости организація совмѣстно съ земствомъ передвижныхъ народныхъ чтеній съ особо приглашенными лекторами.

Вопросъ объ участіи учащихъ въ народныхъ спектакляхъ, рѣшенный отрицательно мѣстною учебною администраціей, постановлено вновь возбудить чрезъ губернское земское собраніе.

На народное образованіе въ 1903 г. истрачено 80.237 р., 38,3% всей смѣты, исключая уплату долговъ, образованіе оборотнаго капитала и запасной суммы—41%. На 1904 г. смѣта утверждена въ размѣрѣ до 92 тыс. руб. Мальчиковъ въ школахъ было 7,2% населенія, дѣвочекъ 2,4%. Собраніе рѣшило произвести изслѣдованіе причинъ слабаго процента учащихся въ тѣхъ волостяхъ уѣзда, гдѣ во всѣхъ селеніяхъ есть школы и фактически осуществлено всеобщее обученіе. Училищный совѣтъ указываетъ на причины экономическаго характера. Въ виду недорода обнаружилась крайняя необходимость продовольствія дѣтей школьнаго возраста во многихъ селеніяхъ уѣзда (свыше 40), на что ассигновано собраніемъ 1.000 руб. въ дополненіе къ средствамъ, отпускаемымъ на это мѣстнымъ комитетомъ попечительства о народной трезвости. Это же обстоятельство вызвало важное постановленіе собранія объ организаціи въ уѣздѣ общественныхъ работъ и въ частности—объ организаціи возки лѣса для постройки и ремонта школъ при отпускѣ казеннаго лѣса въ счетъ средствъ, отпускаемыхъ на общественныя работы. Общая земская смѣта составлена съ превышеніемъ противъ прошлогодней до 14%. Это превышеніе вызвано полной неотложностью и при этой смѣтѣ многихъ важныхъ земскихъ потребностей. Превысивъ такъ смѣтныя назначенія, собраніе въ то же время было вынуждено высказаться за необходимость займа въ губернскомъ земствѣ на школьно-строительныя нужды въ размѣрѣ 5.000 руб.

Въ началѣ 1903 г. уѣздная земская управа обратилась къ начальнику губерніи съ просьбой о разрѣшеніи открытія народныхъ библіотекъ при 77-ти земскихъ училищахъ. При осуществленіи этого плана въ Нижегородскомъ уѣздѣ не останется ни одного селенія безъ библіотеки. Въ завѣдующіе библіотеками представлялись учителя и учительницы. Въ концѣ года Нижегородскому уѣздному земству было разрѣшено открыть публичныя библіотеки при 77 народныхъ училищахъ на основаніи ст. IV журнала совѣта министерства народнаго просвѣщенія отъ 30-го января 1867 г. № 22. Эти библіотеки могутъ помѣщаться въ зданіи училищъ; каталогъ ихъ составляется примѣнительно къ каталогу народныхъ библіотекъ; книги выдаются только на домъ.

Дѣятельность земства не могла не отразиться на повышеніи запроса со стороны населенія на образованіе. Любопытнымъ образчикомъ такого запроса является просьба группы грамотныхъ крестьянъ с. Румянцева, Симбилейской волости Нижегородскаго уѣзда, ходатайствовавшихъ предъ уѣзднымъ попечительствомъ о народной трезвости объ открытіи библіотеки читальни. Помимо стремленія къ знанію, заявленіе крестьянъ раскрываетъ интересную картину борьбы стараго и новаго поколѣнія деревни на почвѣ просвѣщенія. Вотъ это прошеніе въ дословныхъ извлеченіяхъ.

...„Когда отъ попечительства усилилась доставка газетъ и журналовъ въ читальню Румянцевскаго Никольскаго братства, въ которой были книги всѣ духовнаго содержанія, то молодой народъ принялся читать ихъ съ охотой; которые и не ходили въ читальню, а тутъ стали ходить и читать. Къ несчастію нашему, не много пришлось посвѣтить нашу читальню свѣтскимъ чтеніемъ: какъ нами было заявлено попечительству, такъ оказалось и на дѣлѣ,—что у насъ народъ шибко отсталый. Взроптали старики по своей темнотѣ противъ газетъ, журналовъ и свѣтскихъ книжекъ: не надо, говорятъ, намъ нововведенія еретическаго; мы братствомъ должны подавлять расколъ книгами священнаго писанія, и больше ничего. Какъ молодые люди ни убѣждали стариковъ, что свѣтскимъ чтеніемъ можно разсѣять народную темноту, и убѣдить ихъ не могли, почему и произошелъ у насъ въ читальнѣ расколъ. 12-го апрѣля свѣтскія книги, газеты и журналы перенесли мы въ домъ, который предлагалъ намъ крестьянинъ Кальпинъ и раньше. Помѣщеніе хорошее, и уже свѣтская читальня начала у насъ свою операцію". Далѣе излагается просьба о помощи со стороны попечительства на отопленіе и освѣщеніе помѣщенія и наемъ прислуги для него. Самое же помѣщеніе крестьянами уступается на три года безплатно... „Чѣмъ и просимъ насъ удовлетворить и не отказать намъ въ этомъ добромъ дѣлѣ. Молодой народъ охотно идетъ на свѣтское чтеніе. А братство и духовную читальню устроилъ у насъ о. дьяконъ Т., изъ дьячковъ, который къ вамъ же и обращался за вспоможеніемъ. Можетъ быть, и пошло бы оно такъ, да нашъ-то основатель братства на наше несчастье не основалъ ничего братскаго, а тамъ ушелъ въ попы, и больше ему ничего не надо стало. Братчики, какъ были въ темнотѣ, такъ и теперь остаются въ невѣжествѣ... почему вотъ и приходится намъ обращаться къ попечительству и просить основать у насъ библіотеку и читальню въ с. Румянцевѣ". На случай удовлетворенія просьбы крестьяне указываютъ изъ своей среды шесть лицъ, изъ которыхъ одинъ можетъ быть завѣдующимъ библіотекою, другой—библіотекаремъ и четверо—членами правленія библіотеки. „Въ

настоящее время,—заканчиваютъ прошеніе крестьяне,—мы отъ попечительства получаемъ: „Биржевыя Вѣдомости“, „Нижегородскій листокъ“, „Ремесленную газету“, „Ниву“, „Сельское Хозяйство“ и „Всходы“, на чемъ остаемся очень довольны; но, къ сожалѣнію, книгъ очень мало: приняли мы изъ братской библіотеки 42 книги, въ томъ числѣ и брошюры. Добавка книгъ необходима. Хорошо бы еще одну газету имѣть, которая издается въ Москвѣ, и журналы „Вокругъ Свѣта“ и „Природа и Люди“, а также просимъ прислать правила для читальни. И если утвердите завѣдывающаго, библіотекаря и членовъ, то пожалуйста разрѣшеніе вышлите поскорѣе, а то въ нашу читальню хотя и ходятъ читать, но вывѣску безъ разрѣшенія приколачивать мы не смѣемъ.“

При обсужденіи въ Балахнинскомъ земскомъ собраніи извѣстнаго предложенія министерства финансовъ объ установленіи совмѣстной дѣятельности земства и попечительствъ о народной трезвости въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ гл. Г. Р. Килевейнъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

„Министерство теперь сильно озабочено этимъ вопросомъ; дѣло не идетъ. И это, конечно, вполнѣ естественно. Съ попечительствомъ я знакомъ по личному опыту. Составъ его слишкомъ разнообразенъ, и члены его относятся къ дѣятельности болѣе, чѣмъ безразлично. Теперь министерство рѣшило привлечь земство, но сохранивъ „общій надзоръ“ за попечительствомъ. Дѣло въ томъ, однако, что контроль за дѣятельностью земства и безъ того существуетъ, и мы, земцы, и безъ того, открывая школы, насаждая библіотеки, содѣйствуемъ достиженію той же цѣли, къ какой должно стремиться и попечительство. Весь вопросъ сводится къ денежному. Я бы предложилъ возбудить ходатайство о томъ, чтобы изъ доходовъ монополіи болѣе отчислялось на просвѣтительныя цѣли, и чтобы средства эти были переданы въ руки земства“.

Въ *Кирилловскомъ*, Нижегородской губерніи, уѣздѣ, въ послѣдніе годы стали открываться народныя школы съ четырьмя отдѣленіями и двумя учителями.

Школы эти въ высшей степени полезны: лишній годъ при второмъ учителѣ значительно увеличиваетъ продуктивность работы, и въ большинствѣ школъ новаго типа дѣти проходятъ, и довольно основательно, курсъ по естествовѣдѣнію, географіи и отечественной исторіи. Но такъ какъ опредѣленной программы для IV отдѣленія нѣтъ, то каждый изъ учителей до сихъ поръ работалъ по своей собственной. Въ 1903 г. инспекторъ народныхъ училищъ разослалъ учителямъ приглашеніе собраться въ гор. Кирилловѣ на нѣсколько дней для выработки программы. Участниковъ собранія предполага-

лось человѣкъ 20 — 30. Учителя ждали и готовили проекты программъ. Но ожиданія оказались несбыточными. Повторилась довольно обычная у насъ исторія: незадолго до дня съѣзда учителя получили извѣщеніе, что предполагавшееся собраніе состояться не можетъ. Не состоялся съѣздъ по независящимъ отъ учебнаго начальства обстоятельствамъ.

Семеновское земство просило правительство объ уравненіи правъ земской и церковно-приходской школъ. Одноклассныя церковныя школы въ отношеніи льготы по воинской повинности причислены къ 3-му разряду учебныхъ заведеній (т. е. окончившіе въ нихъ курсъ служатъ только три года), земскія же училища одинаковой программы отнесены къ 4-му разряду. Нижегородское губернское собраніе единогласно поддержало это ходатайство.

Закончимъ обозрѣніе Нижегородской губерніи любопытнымъ фактомъ изъ дѣятельности духовнаго вѣдомства.

Попечитель церковно-приходской школы въ г. *Горбатовѣ* Смолинъ и завѣдующій школой священникъ о. Алмазовъ подали губернскому начальству жалобы на постановленіе городской думы, коимъ исключены изъ смѣты на будущій годъ 60 р., отпускавшіеся до сего времени городомъ на жалованье учителю церковно-приходской школы.

Отказъ объясняется,—пишутъ жалобщики,—съ одной стороны, тѣмъ, что Дума въ большинствѣ состоитъ изъ раскольниковъ и другихъ лицъ, враждебно настроенныхъ противъ церкви и церковно-приходской школы; съ другой стороны—агитаціей противъ церковно-приходскихъ школъ горбатовскаго мѣщанина Орѣхова, который передъ баллотировкой сказалъ: „Господа, имѣйте въ виду, что баллотируется вопросъ о 60 р., на смолинскую церковно-приходскую школу, а Смолинъ самъ—милліонеръ. Отказъ этотъ,—пишутъ въ жалобѣ,—есть не что иное, какъ несочувствіе церковно-приходскимъ школамъ со стороны указанныхъ гласныхъ и нынѣшняго городского головы. Жалобщики просятъ губернское начальство постановленіе городской Думы, какъ незаконное, отмѣнить.

Казанскою губернскою земскою управою въ 1903 г. былъ полученъ указъ сената по вопросу, возникшему пять лѣтъ тому назадъ. Въ 1898 г. въ очередное уѣздное земское собраніе гласный и членъ отъ земства въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ проф. Д. А. Корсаковъ внесъ подробную записку о неправильныхъ дѣйствіяхъ инспектора народныхъ училищъ, В. О. Люстрицкаго, въ которой, указывая, что послѣдній стремится ставить свои служебныя обязанности въ несоотвѣтствующемъ имъ по закону обширномъ размѣрѣ (присваиваетъ права директора), отсюда часто впадаетъ въ служебныя правонару-

шенія, изъ-за чего въ совѣтѣ между ними, Корсаковымъ и Люстрицкимъ, постоянно возникаютъ пререканія,—привелъ рядъ фактовъ изъ дѣйствій г. Люстрицкаго, касающихся матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ земства.

Такъ, для библіотекъ пріобрѣтены книги, несоотвѣтствующія своему назначенію, частью по непринаровленности ихъ по содержанію не только къ уровню знаній учениковъ, но и преподавателей сельской школы, частью по ихъ дороговизнѣ: брошюра о всемірной выставкѣ въ Чикаго; пріобрѣтена книга, не одобренная ученымъ комитетомъ и не допущенная къ обращенію въ библіотекахъ „Города и селенія Поволожья въ Казан. г.“ (цѣна 2 р. 30 к.), составленная самимъ г. Люстрицкимъ, и введена въ училищахъ въ качествѣ учебника его азбука, также не допущенная въ школахъ. Всѣ эти книги предстоитъ изъять изъ обращенія, и земству будетъ нанесенъ денежный ущербъ. Люстрицкій собиралъ офиціальной бумагой отъ учителей объ избираемыхъ земскимъ собраніемъ попечителяхъ училищъ различныя свѣдѣнія, гдѣ, между прочимъ, поставленъ вопросъ: „не былъ ли въ штрафахъ, подъ слѣдствіемъ или судомъ, если былъ, то за что именно, когда и чѣмъ дѣло кончено“,—свѣдѣнія, прямо порочащія попечителей, и которыя учитель не обязанъ и знать. Люстрицкій несоотвѣтствующимъ образомъ относился и къ членамъ училищнаго совѣта: назначилъ подъ своимъ предсѣдательствомъ (за отъѣздомъ предводителя дворянства) засѣданіе совѣта, на которое собрались члены, нѣкоторые пріѣхали изъ уѣзда, а самъ не явился на засѣданіе, и оно не состоялось. Земское собраніе постановило довести обо всемъ этомъ до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа, прося его назначить разслѣдованіе по данному поводу, а затѣмъ постановило просить училищный совѣтъ ограничить сферу вліянія инспектора на остальныхъ членовъ совѣта въ предѣлахъ закона. Первое постановленіе губернаторъ опротестовалъ и передалъ на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, которое при участіи въ засѣданіи помощника попечителя учебнаго округа А. Ѳ. Спѣшкова (нынѣ попечитель округа) нашло, что въ силу указа правительствующаго сената 27-го іюля 1889 г. за № 4.385 и положенія о земскихъ учрежденіяхъ, земскія собранія, завѣдуя школами только въ хозяйственномъ отношеніи, отнюдь не должны вмѣшиваться въ педагогическую часть училищъ, а слѣдовательно не имѣютъ никакого права касаться и служебной дѣятельности неподчиненныхъ себѣ инспекторовъ. По этимъ главнымъ образомъ, соображеніямъ (были приведены и другія) губернское присутствіе постановленіе собранія отмѣнило. Слѣдующее очередное собраніе сессіи 1899 г. постановило обжаловать рѣшеніе присутствія

въ сенатъ. Въ 1903 г., какъ сказано выше, былъ полученъ указъ сената отъ 19-го іюня за № 5.249, въ которомъ разъяснено, что возбужденные гл. Корсаковымъ вопросы не могутъ быть признаны выходящими изъ круга вѣдомства земскихъ учрежденій. Сенатъ нашелъ, что собраніе не высказало какого-либо опредѣленнаго заключенія о дѣйствіяхъ инспектора Люстрицкаго, а постановило лишь довести о сообщенныхъ гласнымъ Корсаковымъ фактахъ до свѣдѣнія попечителя округа, прося его назначить разслѣдованіе. Постановленіе собранія представляется вполнѣ согласнымъ съ закономъ: собраніе нашло свои интересы нарушенными дѣйствіями должностного лица и имѣло полное право обратиться къ начальству этого лица съ просьбой назначить разслѣдованіе, и другого исхода для огражденія своихъ интересовъ у земства не было. Гласный Корсаковъ не могъ возбудить этотъ вопросъ лично отъ себя, такъ какъ онъ былъ заинтересованъ не какъ частное лицо, а какъ представитель земствъ, а для принесенія жалобы отъ имени земства у него не было полномочій. Не усматривая въ постановленіи собранія нарушенія закона, сенатъ постановленіе губернскаго присутствія отмѣнилъ.

Въ 1902 году губернское земское собраніе возбудило ходатайство предъ Министерствомъ народнаго просвѣщенія объ ассигнованіи нѣкоторой суммы на увеличеніе жалованія учителелямъ, именно въ четвертой части расходовъ земства (около 217 т. руб.)—54 т. руб. Эта поддержка дала бы энергію земству стремиться ко всеобщему обученію, которое важно и въ государственныхъ соображеніяхъ, ведя инородцевъ, населяющихъ губернію, къ сближенію съ русскими на почвѣ государственнаго языка. Въ 1903 г. былъ полученъ отвѣтъ Министерства, что улучшеніе положенія учителей и учительницъ народныхъ училищъ входитъ въ общіе планы Министерства народнаго просвѣщенія, но дѣло матеріальнаго обезпеченія учащихъ въ виду его крайней сложности можетъ быть осуществлено только лишь постепенно въ зависимости отъ средствъ, которыми будетъ располагать Министерство. Гласный А. В. Васильевъ внесъ въ губернское собраніе 1903 г. предложеніе—возбудить предъ высшимъ правительствомъ ходатайство объ образованіи правительственнаго фонда въ размѣрѣ $1^1/_2$ милл. рублей, изъ котораго выдавались бы пособія на осуществленіе земствомъ намѣченнаго уже имъ плана *всеобщаго обученія*.

Собраніе постановило образовать для той цѣли особый фондъ посредствомъ ежегодныхъ, начиная съ 1905 года, отчисленій изъ средствъ губернскаго земства по 10 тыс. рублей и просить уѣздныя земства принять съ своей стороны матеріальное участіе какъ въ образованіи этого фонда, такъ и въ самомъ осуществленіи предпри-

13*

нятаго дѣла. Фондъ предназначается для выдачи безвозвратныхъ пособій сельскимъ обществамъ и уѣзднымъ земствамъ на постройку школъ въ селеніяхъ, которыя ихъ не имѣютъ, и на улучшеніе уже существующихъ школьныхъ помѣщеній. Изъ представленнаго губернскою земскою управой доклада по этому вопросу видно, что въ Казанской губ. 3.316 селеній, изъ которыхъ въ 2.160 нѣтъ школъ, между тѣмъ населенія въ этихъ деревняхъ и селахъ свыше 500 тыс. человѣкъ, въ томъ числѣ дѣтей школьнаго возраста, не обучающихся въ школахъ, болѣе 100 тыс. По разсчетамъ губернской земской управы, расходъ на устройство школъ въ этихъ селеніяхъ составляетъ сумму около 300 тыс. руб. Для покрытія хотя бы части этого расхода казанское губернское земство еще въ 1897 году возбуждало передъ правительствомъ ходатайство о снятіи съ земства расходовъ по подводной и квартирной повинности и по земскимъ дѣламъ. При этомъ губернское земство объясняло, что освобожденіе отъ указаннаго расхода въ суммѣ около 115 тыс. руб. „дастъ земству возможность полнѣе удовлетворять важнѣйшія потребности настоящаго времени,—потребности народнаго образованія, которыя теперь за недостаткомъ средствъ у земскихъ плательщиковъ остаются далеко не удовлетворенными; между тѣмъ болѣе широкая постановка дѣла народнаго образованія сослужила бы большую службу и государству, такъ какъ степень благосостоянія народа всегда соотвѣтствуетъ степени его просвѣщенія“. Но на это ходатайство только въ 1902 году былъ полученъ отвѣтъ: оно было оставлено безъ послѣдствій. Рѣшивъ въ настоящее время учредить для выполненія упомянутой задачи особый фондъ, губернское земское собраніе постановило назвать его „фондомъ имени Императора Александра II“ и присоединиться къ возбужденному костромскимъ земствомъ ходатайству объ учрежденіи при Министерствѣ народнаго просвѣщенія фонда въ $1^1/_2$ милл. руб. для выдачи пособій нуждающимся въ средствахъ губернскимъ земствамъ на введеніе всеобщаго обученія.

Затѣмъ въ губернскомъ собраніи были разсмотрѣны доклады коммиссіи по народному образованію.

Коммиссія подробно ознакомила собраніе съ исторіей организаціи разрѣшеннаго Министерствомъ народнаго просвѣщенія къ созыву съѣзда учителей инородческихъ училищъ и отмѣненнаго попечителемъ учебнаго округа „въ виду недостаточной подготовки дѣла открытія этого съѣзда“. Отмѣна съѣзда попечителемъ послѣдовала за нѣсколько дней до открытія его, когда распоряженія по командированію учителей на съѣздъ, учениковъ во временную при немъ школу и представителей земскихъ учрежденій были уже выполнены на основаніи распоряженій директора народныхъ училищъ, на кото-

раго попечителемъ была возложена организація съѣзда, когда средства на проѣздъ учителей въ Казань и проживаніе здѣсь были имъ выданы земствомъ и значительная часть учителей и учениковъ уже явились на съѣздъ. Попечитель округа, отложивъ съѣздъ на 1904 годъ, выразилъ желаніе, чтобы средства, ассигнованныя земствомъ на съѣздъ въ 1903 г., были сохранены и на будущій годъ. Нѣкоторыя уѣздныя земства, принявъ прежніе расходы, ассигновали деньги и на будущій съѣздъ, но нѣкоторыя отъ ассигновокъ отказались. Губернское собраніе вновь назначило на съѣздъ 1.700 руб. и при этомъ постановило о дѣйствіяхъ попечителя округа, принесшихъ денежный ущербъ земству, довести до свѣдѣнія Министерства народнаго просвѣщенія и просить послѣднее гарантировать земство отъ повторенія вновь неожиданной отмѣны съѣзда. Въ виду того, что на ходатайства прошлогодняго губернскаго собранія о допущеніи на съѣздъ земскихъ гласныхъ Министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило присутствовать на съѣздѣ по одному только представителю отъ губернскаго и отъ каждаго уѣзднаго земства, собраніе постановило просить Министерство разъяснить, какими основаніями и законоположеніями оно руководствовалось, ограничивая представительство земства на съѣздѣ, и въ случаѣ полученія необоснованнаго на законахъ отвѣта обжаловать распоряженіе Министерства въ правительствующій сенатъ. По ходатайству нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ объ устройствѣ при участіи губернскаго земства возможно чаще порайонныхъ, изъ двухъ - трехъ уѣздовъ, педагогическихъ курсовъ и съѣздовъ учителей народныхъ училищъ, губернское собраніе, принявъ представленный коммиссіей проектъ условій субсидированія этихъ курсовъ и съѣздовъ, передало его на заключеніе всѣхъ уѣздныхъ собраній. По поводу проектируемой къ устройству въ Москвѣ общеземской выставки по народному образованію собраніе, отнесясь сочувственно къ этому предположенію, внесло въ смѣту 1.000 руб. на составленіе обзора народнаго образованія въ Казанской губерніи, согласилось съ мнѣніемъ коммиссіи принять на губернскій сборъ весь расходъ на участіе Казанской губ. на выставкѣ—устройство витринъ, пересылка экспонатовъ, командировка лицъ для распорядительныхъ дѣйствій и пр., оставивъ на уѣздныхъ земствахъ собраніе экспонатовъ и расходы по командировкѣ на выставку учителей. Такъ какъ опытъ организаціи въ текущемъ году, хотя въ небольшомъ размѣрѣ, склада книгъ и учебныхъ пособій для земскихъ школъ далъ благопріятные результаты, собраніе ассигновало на это дѣло 10.000 руб. съ возвратомъ отъ уѣздныхъ земствъ и поручило управѣ и коммиссіи разработать вопросъ объ издательской дѣятельности Казанскаго губернскаго земства и объ объявленіи конкурсовъ на

изданія, относящіяся къ здѣшней мѣстности, напр. карты Казанской губерніи и описанія ея въ отношеніи географическомъ, этнографическомъ, историческомъ и т. д. Затѣмъ собраніе ассигновало по 6.000 руб. на уѣздъ, всего 72.000 руб., изъ страхового сбора на постройку образцовыхъ огнестойкихъ школъ не менѣе двухъ въ каждомъ уѣздѣ. Эту ассигновку предположено возобновлять въ будущемъ ежегодно. Постепенное сокращеніе числа учащихся въ земскихъ школахъ Казанскаго уѣзда обратило на себя вниманіе земскихъ дѣятелей. По изслѣдованіи оказалось, что главною причиной служитъ обѣднѣніе населенія, которое вызвало широкую потребность въ побочныхъ заработкахъ: уходъ на заводы и фабрики и мѣстное кустарничество. Тутъ и тамъ требуется дѣтскій трудъ, и въ результатѣ школы наполовину пустуютъ. Лица, близко стоящія къ школѣ, прямо заявляютъ, что ученикамъ зачастую не въ чемъ ходить въ школу,—нѣтъ теплой одежды. Для борьбы съ этимъ зломъ уѣздная управа выработала проектъ школьныхъ попечительствъ, въ составъ которыхъ первоначально войдутъ: попечитель школы, законоучитель и учителя и не болѣе двухъ членовъ изъ крестьянъ; это—непремѣнные члены попечительства, не обязанные членскими взносами. Попечительство обязано изыскивать средства на ремонтъ школьныхъ зданій, устраивать ночлежные пріюты при школахъ, снабжать учениковъ одеждой, пищей и необходимыми учебниками, устраивать при школахъ огороды и сады, пріучать учениковъ къ ручному труду, устраивать библіотеки, читальни, чтенія и т. п.

Очередному уѣздному казанскому собранію управа представила докладъ о преподаваніи Закона Божія въ земскихъ школахъ.

По этому поводу матеріалъ полученъ изъ 81 училища, изъ которыхъ 44 находятся въ селахъ и 37—въ деревняхъ (19 школъ не дали никакихъ свѣдѣній „опасаясь непріятностей“). Оказывается, между прочимъ, что въ этихъ 81 школахъ должно быть дано 10.750 часовыхъ уроковъ по Закону Божію, дано же 8.157, т. е. пропущено болѣе 24%. Это число уроковъ дано: законоучителями — 4.094 въ селахъ и 1.633—въ деревняхъ и учителями—288 въ селахъ и 2.142—въ деревняхъ Въ школахъ, находящихся въ селахъ, большинство уроковъ падаетъ на законоучителей, въ деревняхъ же трудъ преподаванія лежитъ преимущественно на учителяхъ и почти безвозмездно, такъ какъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ законоучители удѣляютъ часть своего вознагражденія учителямъ. Преподаватели же вынуждены заниматься Закономъ Божіимъ, потому что безъ знанія этого основного предмета не можетъ быть произведено переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ. Въ селахъ законоучителями пропущено 1.863 урока (30%) и въ деревняхъ—730 (16%), но это потому, что въ дерев-

няхъ занимаются Закономъ Божіимъ главнымъ образомъ учителя. О причинахъ, почему не даны были законоучителями уроки, сообщили свѣдѣнія только 45 школъ, остальныя 36 умолчали объ этомъ. Въ шести школахъ преподаваніе Закона Божія поручено было учителямъ учебнымъ вѣдомствомъ, въ шести школахъ преподаватели вели занятія по собственной инцiативѣ, съ молчаливаго согласія законоучителей, въ 26-ти по соглашенію, во всѣхъ остальныхъ—по недостатку времени, а въ одной школѣ законоучитель не посѣщалъ ея со времени открытія школы—съ 1887 года. Многіе преподаватели затруднялись сообщать о дѣйствительномъ положеніи дѣла потому, что законоучители своевременно не записываютъ данныхъ уроковъ въ классные журналы и, пріѣзжая въ школы на экзамены, или сразу вносятъ уроки, яко-бы данные ими, или же требуютъ выслать журналы къ себѣ. По закону преподаваніе Закона Божія составляетъ обязанность приходскихъ священниковъ, преподаваніе свѣтскими лицами допускается лишь въ видѣ исключенія, для опредѣленныхъ лицъ съ благословленія мѣстныхъ преосвященныхъ, но подъ условіемъ, чтобы о каждомъ такомъ случаѣ доводилось до свѣдѣнія святѣйшаго синода. При настоящихъ условіяхъ земство не имѣетъ никакой возможности поставить правильно и прочно преподаваніе Закона Божія въ школахъ. Оно нуждается въ такомъ же правѣ допускать кандидатокъ къ преподаванію Закона Божія, какое предоставлено ему въ назначеніи вообще учителей. Но нельзя разсчитывать, чтобы такое право было дано; преосвященные также едва ли признаютъ возможнымъ давать массовыя разрѣшенія на преподаваніе свѣтскимъ лицамъ, будучи стѣснены условіемъ доводить о каждомъ случаѣ до свѣдѣнія святѣйшаго синода. Земское собраніе, обсудивъ докладъ, постановило представить чрезъ казанскаго архіепископа ходатайство святѣйшему синоду, чтобы выяснить безвыходное положеніе земства въ дѣлѣ преподаванія Закона Божія въ школахъ, въ особенности находящихся въ деревняхъ, и чтобы было предоставлено мѣстнымъ преосвященнымъ болѣе широкое право допускать къ преподаванію свѣтскихъ лицъ.

Спасское уѣздное земское собраніе постановило утвердить нормальную школьную сѣть, для чего ходатайствовать о ссудѣ въ 25.000 руб. на постройку школьныхъ зданій; въ память освобожденія крестьянъ открыть сельскохозяйственную школу низшаго типа, пріурочивъ открытіе къ 50-тилѣтію освобожденія.

Въ *Симбирской* губерніи имѣлъ мѣсто замѣчательный фактъ. Самъ начальникъ губерніи обратился къ губернской земской управѣ съ предложеніемъ внести на ближайшее губернское земское собраніе „вопросъ о своевременности повсемѣстной въ губерніи организаціи

небольшихъ земскихъ складовъ для продажи народу дешевой и полезной книги". Губернская управа въ докладѣ своемъ по этому предмету полагала, что при организаціи правильнаго снабженія населенія дешевой и полезной книгой нужно избрать путь, выработанный самою жизнью, которымъ нѣкоторыя земства уже воспользовались: населеніе покупаетъ книги преимущественно на базарахъ и у офеней, и нѣкоторыя губернскія земства, помимо открытія отдѣленій книжнаго склада въ уѣздахъ и крупныхъ селеніяхъ, ввели у себя книгонош и привлекли къ участію въ продажѣ книгъ сельскихъ учителей и другихъ земскихъ служащихъ. Если губернское собраніе въ принципѣ одобритъ этотъ проектъ, то къ будущему очередному собранію (1904 г.) необходимо: 1) выяснить, каково будетъ участіе въ этомъ дѣлѣ уѣздныхъ земствъ, и 2) въ зависимости отъ этого разработать проектъ склада и способовъ продажи книгъ населенію. Для операцій склада потребуется оборотный капиталъ приблизительно въ 30.000 р. Въ виду затруднительности образованія его періодическими ассигновками за счетъ губернскаго сбора источникомъ для этого можетъ служить заемъ изъ 4% изъ страхового капитала; о разрѣшеніи этого займа необходимо теперь же возбудить ходатайство предъ правительствомъ, чтобы дѣйствія склада открыть съ 1905 года. Собраніе ассигновало по 1.000 р. въ распоряженіе каждой уѣздной управы на организацію продажи дешевыхъ народныхъ изданій. Оно же постановило принять на счетъ казны содержаніе учащихъ во всѣхъ земскихъ школахъ Симбирской губерніи съ тѣмъ, чтобы освободившіяся вслѣдствіе этого земскія средства были и впредь обращаемы на дѣло народнаго образованія, и о введеніи предсѣдателей уѣздныхъ управъ въ число обязательныхъ членовъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ.

Симбирскою губернскою земскою управой въ 1903 г. были получены отвѣты на слѣдующія ходатайства передъ правительствомъ, возбужденныя по постановленію губернскаго собранія очередной сессіи 1902 года:

1) О предоставленіи въ распоряженіе земства на нужды начальнаго образованія всей суммы, получавшейся въ Симбирской губерніи до введенія винной монополіи сельскими обществами и частными лицами и установленіями въ видѣ дохода за предоставленіе права виноторговли; ходатайство это не удовлетворено, между прочимъ, потому, что вопросъ о возможности и источникахъ возмѣщенія означенныхъ убытковъ повсемѣстно „находится нынѣ на обсужденіи подлежащихъ вѣдомствъ".

2) О предоставленіи въ распоряженіе земства на дѣло народнаго

образованія средствъ, отпускаемыхъ попечительству о народной трезвости; получено увѣдомленіе, что отпускаемыя попечительствамъ средства не могутъ подлежать использованію исключительно на нужды народнаго образованія, а потому признано невозможнымъ удовлетворить и это ходатайство.

И. П. Бѣлоконскій.

(*Окончаніе будетъ*).

Къ вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія.

(*Окончаніе*).

Вь § 12 говорится объ употребленіи буквы *э*: „буква *э* пишется только въ началѣ слова“.

„Исключеніе составляютъ: *поэтъ*, *силуэтъ*, *бельэтажъ*, *пятіэтажный*, *шестіэтажный* и т. п., и иноязычныя имена собственныя, въ которыхъ *э* пишется вездѣ, гдѣ слышится нейотованный звукъ *э*“.

Въ отношеніи употребленія *э* дѣйствительно примѣненъ принципъ фонетическій, какъ и въ общепринятомъ правописаніи; неясно лишь, какъ слѣдуетъ понимать слова „и т. п.“, поставленныя послѣ словъ *поэтъ*... *шестіэтажный?* Неясно это потому, что не указано общаго признака перечисленныхъ словъ.

Кромѣ того, и вообще формулировка правила кажется намъ не совсѣмъ-то удачной и простой, такъ какъ къ сущности правила мы приходимъ не сразу, а послѣ лишь вовсе ненужныхъ размышленій.

„Буква *э*, читаемъ мы въ общемъ правилѣ, пишется *только* въ началѣ слова“.

Обращаемъ вниманіе на примѣры, и видимъ такія слова: *этотъ*, *этакъ*, *экзаменъ*, *этажъ*, т. е. два слова русскаго происхожденія и два слова заимствованныхъ; слѣдовательно, *э* въ началѣ слова можетъ писаться и въ русскихъ словахъ и въ словахъ иностранныхъ.

Какъ произносится это *э*? Какъ нейотованный звукъ *е*.

Читаемъ приведенное нами исключеніе и находимъ въ немъ такіе примѣры: *поэтъ*, *силуэтъ*, *бельэтажъ*, *пятіэтажный*, *шестіэтажный*; къ нимъ, въ концѣ параграфа, присоединены еще такія слова: *Бэръ*, *Вогюэ*, *Жервэ*, *Тэнъ*. Всѣ только что приведенныя слова—иноязычныя; слѣдовательно, заключаемъ мы, въ серединѣ и въ концѣ слова буква *э* пишется въ словахъ иноязычныхъ. Какъ же произносится это *э*?

Какъ нейотованный звукъ *е*, т. е. точно такъ же, какъ и въ первомъ случаѣ, когда буква *э* стояла въ началѣ слова.

Соединяя первый выводъ со вторымъ, мы приходимъ къ такому общему заключенію: буква *э* пишется въ началѣ слова въ словахъ чисто русскихъ и заимствованныхъ изъ другихъ языковъ; та же буква *э* пишется въ серединѣ и въ концѣ слова лишь въ словахъ заимствованныхъ; произношеніе этой буквы въ томъ и другомъ случаѣ тожественно.

Подумаемъ немного, и придемъ къ такому выводу, имѣющему значеніе для практики правописанія: во всякомъ словѣ—будетъ ли это слово чисто русское, или заимствованное—нейотованный звукъ *е*—слышится ли онъ въ началѣ слова, въ серединѣ, или въ концѣ его—мы должны изображать посредствомъ буквы *э*. Еще короче: нейотованный звукъ *е* изображается посредствомъ буквы *э*. Этимъ послѣднимъ *правиломъ* и придется руководствоваться на практикѣ, недоумѣвая, почему это проф. Воеводскій сразу не сказалъ намъ такой простой вещи, а далъ сперва правило, которое нельзя назвать правиломъ, и далъ исключеніе, которое нельзя назвать исключеніемъ?

Почему въ самомъ дѣлѣ? А потому, что, формулируя свое правило объ употребленіи буквы *э*, проф. Воеводскій, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, имѣлъ предъ глазами „Руководство“ Грота. Гротъ, упомянувъ объ отсутствіи буквы *э* въ ц.-славянской азбукѣ, говоритъ о необходимости ея въ русскомъ алфавитѣ, особенно для начертанія словъ чужеземныхъ, такъ какъ въ чисто русскихъ словахъ нейотованный звукъ *е* встрѣчается лишь въ началѣ немногихъ словъ. Все это въ „руководствѣ“ Грота вполнѣ понятно: Гротъ разсматриваетъ наше правописаніе по преимуществу съ исторической точки зрѣнія и старается сохранить по возможности подлинное начертаніе въ словахъ заимствованныхъ, что видно, напр., изъ употребленія имъ буквы *э*. Проф. же Воеводскому, который долженъ основывать свои правила на современномъ литературномъ произношеніи, который обѣщаетъ формулировать свои правила такъ, чтобы для примѣненія ихъ не надо было справляться съ языкомъ ц.-славянскимъ и иностранными,—не должно бы быть дѣла, при формулировкѣ правилъ, ни до исторіи разсматриваемой буквы, разъ она дѣйствительно обозначаетъ особый звукъ, ни до того, въ чисто ли русскомъ словѣ она пишется, или въ заимствованномъ. Все это могъ имѣть въ виду проф. Воеводскій, такъ сказать, про себя, но не долженъ былъ вводить въ правило, если желалъ выполнить обѣщанія, изложенныя въ предисловіи.

Чисто механическая переработка проф. Воеводскимъ правилъ акад. Грота является, между прочимъ, причиной, по отношенію къ

разсматриваемому нами параграфу, такого страннаго отношенія между правиломъ и исключеніемъ: изъ числа словъ, въ которыхъ пишется *э* въ началѣ слова, исключаются слова, въ которыхъ пишется то же *э*, при томъ же произношеніи его, въ серединѣ и въ концѣ слова!

Если такое отношеніе между правиломъ и исключеніемъ признать возможнымъ, когда рѣчь идетъ объ употребленіи буквы *э*, то едва ли можно возразить что-либо противъ подобныхъ же правилъ и исключеній и по отношенію къ употребленію другихъ буквъ; но что же будетъ тогда?

Въ § 13 дается правило объ употребленіи буквы *я*: „буква *я* пишется вездѣ, гдѣ произношеніе звука *я* не противно чутью языка".

Правило короткое, но едва ли удобное на практикѣ. Чутье языка и здѣсь, по отношенію къ звуку, можетъ во многихъ случаяхъ сказаться не вполнѣ надежнымъ руководителемъ въ виду смѣшенія въ произношеніи звука *я* съ другими звуками (напр., съ *е*, *и*). Не мѣшаетъ при этомъ припомнить стремленіе въ народномъ языкѣ произносить гласный, напр., *е* какъ *я*; не мѣшаетъ также обратить вниманіе на произношеніе въ литературномъ языкѣ *запрéчь, запрёгъ* вмѣсто *запряхъ*, *запрягъ*. Въ литературномъ языкѣ случаевъ смѣшенія гласнаго *я* съ другими гласными, несомнѣнно, меньше, чѣмъ смѣшенія звуковъ *а* и *о*, но все же достаточно для того, чтобы пишущій не разъ становился втупикъ, не зная, что ему написать.

Если рекомендуемое проф. Воеводскимъ правило не вызываетъ сомнѣній по отношенію къ тѣмъ примѣрамъ, которые приведены въ подтвержденіе его, то лишь потому, что въ этихъ примѣрахъ и по обычному написанію надо писать букву *я*. Положеніе дѣла однако измѣнится, если мы возьмемъ другія слова, даже такія, которыя находятся въ родствѣ (этимологическомъ или звуковомъ) со словами, предлагаемыми проф. Воеводскимъ. Развѣ, на основаніи правила проф. Воеводскаго, я не могу написать—*племяни* и т. д., *стремяни* и т. д., *сѣмяни* и т. д. (за ними потянутся, конечно, *имяни*, *бремяни* и т. д.). Быть можетъ, проф. Воеводскій скажетъ, что начертанія такихъ словъ указываются въ элементарной грамматикѣ? Но вѣдь приводитъ же проф. Воеводскій въ примѣръ слово „сѣмянъ", хотя мы его тоже найдемъ въ элементарной грамматикѣ. Какъ же узнать, что слѣдуетъ, при пользованіи „Опытомъ", выбросить изъ элементарной грамматики и что оставить?

Быть можетъ, однако, проф. Воеводскій ничего не будетъ имѣть противъ предложенныхъ нами начертаній сообразно съ разсматриваемымъ правиломъ? Но самъ же проф. Воеводскій пишетъ разсматриваемыя слова обычно: *имена* и т. д. (стр. 9). Какъ же быть?

Могу также я и такъ писать: *мяту*, *мясти* (при мёлъ), *освящать* (отъ *свѣтъ*). Если такъ писать можно, то, конечно, ничего нельзя имѣть и противъ правила проф. Воеводскаго. Въ такомъ случаѣ однако ничего нельзя имѣть и противъ отсутствія правилъ.

Въ § 14 идетъ рѣчь объ употребленіи буквы *е*.

Здѣсь проф. Воеводскій говоритъ о правописаніи суффиксовъ именъ уменьшительныхъ и ласкательныхъ, при чемъ, сообразно со своими правилами объ употребленіи *ь*, хотя и не согласно съ произношеніемъ, даетъ для такихъ суффиксовъ начертанія *енка*, *енкій*, въ силу чего мы должны будемъ писать, напр., *Лизенка*, *тихенкій* и т. д.; въ краткой формѣ извѣстныхъ именъ прилагательныхъ предлагается писать одно лишь окончаніе *енъ*, что облегчаетъ дѣло, такъ какъ уничтожаетъ единственное, при общепринятомъ правописаніи, исключеніе—*достоинъ*; предложеніе писать окончаніе *инскій* во всѣхъ именахъ прилагательныхъ, произведенныхъ отъ именъ существительныхъ женскаго рода, также упрощаетъ правописаніе, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ получатся начертанія, несогласныя съ этимологическимъ составомъ слова.

Такимъ образомъ правило объ употребленіи буквы *е* дѣйствительно какъ будто упрощаетъ правописаніе; но что въ данномъ случаѣ положено въ основу упрощенія? Не этимологическій принципъ, которому все же сдѣлана почему-то уступка по отношенію къ уменьшительнымъ именамъ, произведеннымъ отъ сущ. на *ина* *), но и не фонетическій, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ предлагаемыя проф. Воеводскимъ окончанія не соотвѣтствуютъ вполнѣ произношенію. Въ основу положено стремленіе формулировать примѣняемое теперь правило такъ, чтобы уничтожить тѣ, повидимому, исключенія, которыя допускаются при общепринятомъ правописаніи.

Это, конечно, желательно, но желательно также и то, чтобы такія правила не противорѣчили ни этимологическому составу, ни—по возможности—произношенію; другими словами—надо найти нѣчто примиряющее оба эти начала, а это, конечно, не такъ-то легко.

Разставаясь съ разсматриваемымъ правиломъ, не можемъ не замѣтить, что и въ этомъ случаѣ проф. Воеводскій, какъ кажется, противорѣчитъ себѣ, примѣняя на практикѣ свое же правило. Въ § 19 (стр. 9) мы находимъ, между прочимъ, такія слова: *легонкій*, *легонко*. Что второе слово написано чрезъ *о* послѣ *г*, это понятно,

---

*) Для такихъ именъ существительныхъ (а не прилагательныхъ, какъ сказано у проф. Воеводскаго) сохраняется окончаніе *инка*—*градинка*, *морщинка*, *соломинка*.

такъ какъ здѣсь и произносится *о* подъ удареніемъ; но почему же написано *легонкій?*

Въ разбираемомъ нами правилѣ указано для уменьшительныхъ именъ прилагательныхъ лишь окончаніе *енкій*, приведенъ, между прочимъ, примѣръ—*тихенкій*. Произносятся обѣ эти прилагательныя одинаково; нарѣчія отъ этихъ прилагательныхъ также одинаковы—*тихóнько, легóнько*. Почему же такое различіе въ начертаніи? Положимъ, въ 19 § указано еще новое окончаніе уменьшительныхъ именъ прилагательныхъ—*онкій*, которое почему-то не показано въ разбираемомъ параграфѣ. Но въ какихъ же случаяхъ слѣдуетъ пользоваться этимъ окончаніемъ *онкій?* Почему я на основаніи правила § 14 не могу написать *легенкій*, хотя долженъ писать *тихенкій?* Почему, наоборотъ, не могу написать *тихонкій*, когда, по § 19, долженъ писать *легонкій?* Неужели все это можно назвать упрощеніемъ и облегченіемъ? Неужели такія правила, неизвѣстно на чемъ основанныя, лучше вполнѣ яснаго и прочно обоснованнаго правила о правописаніи уменьшительныхъ именъ прилагательныхъ, какое мы находимъ у Грота?

Объ употребленіи буквъ *ы* и *и* проф. Воеводскій говоритъ въ § 15 такъ: „послѣ *г, к, х, ж, ч, ш, щ*, слышится ли *ы*, или *и*,—всегда пишется буква *и*; наоборотъ, послѣ *ц* въ томъ и другомъ случаѣ пишется *ы*".

Сохраняется, слѣдовательно, обычное употребленіе *ы* и *и* послѣ шипящихъ, не выдерживающее однако строгой критики съ точки зрѣнія фонетическаго принципа; если держаться принципа фонетическаго, то почему бы послѣ *ж* и *ш* не писать *ы?* Правило объ однообразномъ начертаніи *ы* послѣ *ц* упрощаетъ теперешнее правописаніе, хотя, при желаніи быть послѣдовательнымъ, можно было повести упрощеніе еще дальше: если возможно, держась фонетическаго принципа въ правописаніи, требовать постояннаго начертанія *и* послѣ *ж* и *ш*, то почему нельзя этого же требовать и по отношенію къ *ц?* Если такое начертаніе *и* послѣ *ц* слѣдуетъ считать нарушеніемъ фонетическаго начала, то вѣдь таковымъ же нарушеніемъ является начертаніе *и* послѣ *ж* и *ш* *).

Странно также, почему это проф. Воеводскій предостерегаетъ отъ употребленія *ы* послѣ гортанныхъ? Вполнѣ понятно, что гово-

*) Замѣтимъ между прочимъ, что проф. Воеводскій въ текстѣ своего „Опыта" допускаетъ, повидимому, исключенія изъ общаго правила о написаніи *ы* послѣ *ц*; такъ, напр., мы встрѣчаемъ слово *транскрипціи* (стр. 2). Если слова съ основой на *і* должны составлять исключеніе, то слѣдовало бы, во избѣжаніе недоразумѣній, оговорить это.

ритъ объ этомъ Гротъ, который сопоставляетъ произношеніе и написаніе современныя съ прежними (въ древнемъ языкѣ допускалось произношеніе *ы* послѣ гортанныхъ звуковъ, а потому и писалось *ы* послѣ буквъ *г*, *к*, *х*), но къ чему говорить о невозможности писать *ы* послѣ *г*, *к*, *х* проф. Воеводскому, который долженъ, при формулировкѣ своихъ правилъ, опираться, согласно своему обѣщанію, на современное литературное произношеніе, въ которомъ никогда не слышится *ы* послѣ гортанныхъ? Причина такого явленія намъ уже извѣстна.

Обратимся къ буквамъ *ь* и *ъ*, правила объ употребленіи которыхъ изложены въ §§ 18, 19, 20 и 4.

Въ § 18 объ употребленіи *ь* въ срединѣ словъ предъ гласной проф. Воеводскій говоритъ такъ:

„буква *ь* внутри словъ пишется для отдѣленія согласнаго звука отъ слѣдующаго за нимъ йотованнаго гласнаго“.

Если принять во вниманіе, что *ь* ставится послѣ согласной для обозначенія мягкаго произношенія ея (см. § 4 „Опыта“), то, очевидно, правило это слѣдуетъ понимать такъ: если въ какомъ-либо словѣ встрѣчаются рядомъ согласный и гласный йотованный, причемъ согласный не сливается въ произношеніи съ гласнымъ йотованнымъ, то, при мягкомъ произношеніи этого согласнаго, на письмѣ между согласной и гласной йотованной ставится *ь*. При такомъ пониманіи правило проф. Воеводскаго будетъ отличаться полной удобопонятностью и опредѣленностью, и если, при примѣненіи его, будетъ нарушаться въ нѣкоторыхъ случаяхъ—однако не рѣзко—принципъ этимологическій, за то всецѣло можетъ быть выдержанъ фонетическій принципъ, что для проф. Воеводскаго должно быть наиболѣе желательнымъ. На основаніи такого правила мы должны писать *) *ладья*, *судьи*, *премьеръ*, *субьектъ*, *адьюнктъ*, *адьютантъ*, какъ пишетъ и проф. Воеводскій, а также: *подьемъ*, *предьявитель*, хотя послѣднія два слова проф. Воеводскій пишетъ такъ: *подъемъ*, *предъявитель*, т. е. чрезъ *ъ*.

Почему же такъ? А потому, что эти слова являются исключеніемъ изъ общаго правила: „въ сложныхъ словахъ, говоритъ проф. Воеводскій, для отдѣленія конечнаго согласнаго первой составной части отъ слѣдующаго йотованнаго гласнаго пишется *ъ*“ (§ 18). Формулировано это исключеніе вполнѣ опредѣленно; но дальнѣйшія объясненія правописанія приведенныхъ въ подтвержденіе исключенія примѣровъ заставляютъ насъ нѣсколько усомниться въ видимой опре-

---

*) Беремъ лишь тѣ примѣры, которые приведены проф. Воеводскимъ.

дѣленности и спросить у проф. Воеводскаго, что именно называетъ онъ сложнымъ словомъ, хотя съ общепринятой точки зрѣнія это и вполнѣ, какъ кажется, понятно.

Въ самомъ дѣлѣ: приводя въ качествѣ примѣровъ среди другихъ словъ слова *субьектъ*, *адьюнктъ*, *адьютантъ*, проф. Воеводскій замѣчаетъ: „послѣднія три слова не могутъ съ точки зрѣнія русскаго языка разсматриваться какъ сложныя, такъ какъ ихъ составныя части въ русскомъ языкѣ отдѣльно не существуютъ"; объясняя далѣе начертаніе слова *субъинспекторъ*, проф. Воеводскій говоритъ: „последнее слово разсматривается какъ сложное въ виду того, что слово *инспекторъ* существуетъ въ русскомъ языкѣ и отдѣльно".

Изъ всѣхъ этихъ объясненій проф. Воеводскаго вытекаетъ, если не ошибаемся, такое опредѣленіе сложнаго слова: „сложнымъ словомъ въ русскомъ языкѣ мы называемъ такое слово, составныя части котораго существуютъ въ русскомъ языкѣ отдѣльно", т. е. въ качествѣ самостоятельныхъ словъ съ опредѣленнымъ значеніемъ, что ясно изъ указанія на слово *инспекторъ*.

Если же проф. Воеводскій такъ смотритъ на сложное слово, то почему же въ числѣ таковыхъ онъ помѣщаетъ слова *подъемъ*, *предъявитель*, *возъимѣть?* Вѣдь въ словахъ *подъемъ* и *предъявитель* слова *емъ* и *явитель*, а въ словѣ *возъимѣть* слово *воз* вовсе не существуютъ въ русскомъ яз. отдѣльно. Съ указанной нами точки зрѣнія на сложное слово, приведенныя нами слова, несомнѣнно, простыя, и ихъ надо бы писать по образцу простыхъ словъ—*подьемъ предьявитель* (о словѣ *возъимѣть* скажемъ ниже), т. е. сообразно съ общимъ правиломъ, что было бы умѣстнѣе съ фонетической точки зрѣнія, такъ какъ въ произношеніи, не исковерканномъ книгою, въ указанныхъ словахъ слышится *д* мягкое, а не твердое.

Если же на сложное слово смотрѣть такъ, какъ смотрятъ обыкновенно, и какъ въ другомъ мѣстѣ своего „Опыта" смотритъ самъ же проф. Воеводскій *), то совершенно напрасно въ числѣ простыхъ словъ помѣщаетъ проф. Воеводскій слово *субьектъ* и пишетъ его какъ простое слово: для лица, даже не знакомаго съ латинскимъ языкомъ, но—чего требуетъ проф. Воеводскій—знакомаго съ литературной рѣчью и употребляющаго предлагаемыя проф. Воеводскимъ

*) Въ § 22 говорится: „слитно пишется также всякое сложное слово, то есть обозначающее одно понятіе *сочетаніе словъ*, если которое либо изъ нихъ 1) измѣнило свою обычную форму, или 2) измѣнило свой основной грамматическій характеръ, или 3) не встрѣчается внѣ даннаго, или аналогичныхъ сочетаній". Слѣдовательно (см. пунктъ 3-й), составная часть сложнаго слова можетъ и не встрѣчаться отдѣльно? Какъ же примирить такое разногласіе?

слова *адъюнктъ*, *адъютантъ*, такое слово, какъ *субъектъ*, должно быть сложнымъ. Положимъ, слова *ектъ* не существуетъ въ русскомъ яз. отдѣльно, какъ не существуетъ однако и слово *емъ*; нѣтъ также отдѣльно и слова *суб*, но нѣтъ опять-таки и слова *воз*, но за то есть слова *проектъ*, *объектъ*, знакомыя, конечно, всякому образованному человѣку. Лицо, владѣющее литературной рѣчью, знакомое лишь съ элементарной грамматикой, о сложности слова *субъектъ* догадается такимъ же путемъ, какимъ дойдетъ и до мысли о сложности слова *подъемъ* (сложность послѣдняго слова, по предположенію проф. Воеводскаго, должна быть понятна): съ одной стороны—оно припомнитъ слова *пріемъ*, *наемъ* и т. п., а съ другой—слова *проектъ*, *объектъ* —тѣмъ болѣе, что для такого лица, если оно не знакомо съ иностранными языками, и слово *субъектъ* не иностранное вовсе слово, а *русское*. Указанное нами исключеніе въ пользу ъ вполнѣ согласно съ тѣмъ, что говоритъ проф. Воеводскій въ § 4: „буква ъ необходима внутри словъ между приставкой, оканчивающеюся твердымъ согласнымъ звукомъ, и остальною частью слова, начинающеюся съ йотованнаго гласнаго. Такъ, напр., начертаніе *возиметь*, *предявитель* не соотвѣтствовало бы правильному произношенію словъ *возъиметь*, *предъявитель*".

На основаніи послѣднихъ словъ слѣдуетъ заключить, что проф. Воеводскій оставляетъ ъ въ серединѣ словъ, имѣя въ виду произношеніе. Но мы уже говорили, что такой взглядъ ошибоченъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ въ такихъ словахъ, какъ *предъявитель*, согласный, послѣ котораго пишется ъ, произносится не твердо, а мягко, и если проф. Воеводскій пишетъ все же ъ, то вовсе не на основаніи произношенія, какъ онъ ошибочно думаетъ, а на основаніи этимологическаго состава слова. Еще болѣе рѣзкое нарушеніе фонетическаго принципа видимъ мы въ такихъ начертаніяхъ, предлагаемыхъ проф. Воеводскимъ, какъ *возъиметь*, гдѣ ъ и *и* въ произношеніи вовсе не раздѣляются, а сливаются въ одинъ звукъ—*ы*: *возымѣть*. Написаніе *возъимѣть* будетъ правильнымъ съ точки зрѣнія этимологическаго принципа. Недоразумѣніе это произошло, какъ намъ кажется, потому, что проф. Воеводскій гласный *и* въ этомъ словѣ, какъ и вообще во всѣхъ словахъ, начинающихся этимъ звукомъ послѣ приставки съ твердымъ конечнымъ согласнымъ, считаетъ йотованнымъ *), тогда какъ на самомъ дѣлѣ йотованное *и*

*) „*Йотованные* гласные, т. е. сочетанія гласныхъ съ предшествующимъ полугласнымъ *й*, обозначаются въ началѣ слова, послѣ гласныхъ и послѣ знаковъ ъ, ь такъ называемыми йотованными буквами: я, е, ё, ю, и... Буква *и* въ значеніи йотованной... встрѣчается, наприм., въ словахъ: *ихъ*, *имъ*, *ладьи*" (§ 2).

мы находимъ лишь послѣ гласныхъ, въ томъ числѣ и послѣ *ь*, и въ немногихъ словахъ въ началѣ (*ихъ*, *имъ*).

Въ концѣ словъ букву *ъ* проф. Воеводскій считаетъ въ сущности лишнею, хотя и оставляетъ ее въ покоѣ на томъ основаніи, что въ этомъ случаѣ „она указываетъ не только на твердость звука, но и на слѣдующій за нимъ перерывъ голоса. Ср. *подъаркали* и *подаркали*" (§ 4, стр. 3).

Основаніе, какъ и слѣдовало ожидать, чисто фонетическое, хотя не совсѣмъ-то удачное. Существуетъ ли на самомъ дѣлѣ такое различіе въ произношеніи *подъ арками* и *подарками*, на какое указываетъ проф. Воеводскій? Кажется, что нѣтъ. Человѣкъ, говорящій языкомъ литературнымъ, но не подчиняющій своего произношенія книгѣ, едва ли различаетъ въ произношеніи слова *подъ арками* отъ слова *подарками*, дѣлая перерывъ между первыми двумя словами. Другое дѣло, если бы проф. Воеводскій, желая указать на значеніе *ъ* для произношенія въ концѣ слова, поставилъ рядомъ такія два слова, изъ которыхъ первое оканчивалось бы *ъ*, а второе начиналось гласнымъ *и*, какъ, напр., слова *съ именемъ*, *въ Италію*, *онъ идетъ* и т. п. Въ такихъ случаяхъ дѣйствительно рѣзко выдѣляется особое вліяніе *ъ* на произношеніе гласнаго *и*, такъ какъ въ произношеніи получается - *съменемъ*, *выталію*, *оныдетъ*, чего не могло бы быть, если бы первыя слова заканчивались одними согласными безъ *ъ*.

Въ § 19 проф. Воеводскій указываетъ случаи, когда не слѣдуетъ писать *ь* въ серединѣ слова предъ согласными: „не обозначается *мягкость* согласнаго звука: 1) предъ мягкимъ согласнымъ; 2) предъ *н*, *ск*, *ств*, *ч*, *ш*, *щ*; 3) при встрѣчѣ мягкаго шипящаго звука съ слѣдующимъ за нимъ согласнымъ; и 4) въ ласкательныхъ, и уменьшительныхъ окончаніяхъ:—*енка*,—*онка*,—*енкій*,—*онкій*,—*онко*", а въ исключеніи указываются случаи, когда все-таки слѣдуетъ писать *ь*: 1) послѣ мягко произносимаго *л*, 2) предъ мѣстоименіемъ *ся* въ глагольныхъ формахъ, 3) во всѣхъ падежахъ имени сущ., если *ь*, по общему правилу, встрѣчается въ которомъ-либо изъ падежей этого имени предъ твердымъ согласнымъ.

Трудно разобраться, какой или какихъ точекъ зрѣнія придерживался проф. Воеводскій, когда составлялъ приведенное выше правило и исключенія изъ него.

Не фонетической, такъ какъ видимъ начертаніе *писменный* (на ряду однако съ *письмо*), *встанте* (но *кинься*), *іюнскій* (но *іюльскій*), *меншій* (но *уменьшать*, какъ видимъ не разъ въ текстѣ „Опыта"), *банщикъ*, *дочка*, *ночка*, *папенка*, *моешься*; не этимологической, такъ какъ проф. Воеводскій пишетъ, напр., *вста́нте*: кромѣ того, встрѣ-

чаются странные примѣры, какъ *подданство*, *пятнадцать*, которые должны предостеречь пишущаго отъ опасности написать здѣсь послѣ *н* и послѣ *т* мягкій знакъ; но какого же пишущаго предостерегаетъ отъ этого проф. Воеводскій? Того, который, пользуясь „Опытомъ", при написаніи слова прежде всего обращаетъ вниманіе на произношеніе? Но вѣдь кто же произноситъ *подданьство*, хотя и есть слово *дань*, указываемое проф. Воеводскимъ въ скобкахъ при словѣ *подданство*? Кто произноситъ *пятьнадцать*, хотя и есть слово *пять*? Неужели все это не собьетъ съ толку пишущаго?

Затѣмъ, чѣмъ руководствуется проф. Воеводскій по отношенію къ правописанію глагольныхъ формъ, когда предлагаетъ писать *встанте*, хотя произношеніе звука *н* здѣсь мягкое, и въ то же время рекомендуетъ обозначать „мягкость согласныхъ предъ мѣстоименіемъ *ся* въ концѣ глагольныхъ формъ", къ которымъ, кромѣ поставленныхъ въ числѣ примѣровъ формъ повелительнаго наклон. (*кинься*) и 2 лица ед. ч. изъявит. наклон. (*моешься*), мы должны отнести и форму неопредѣленнаго наклоненія, какъ это видно изъ примѣровъ къ § 22 (стр. 11)—*мыться*, *целоваться*, *нравиться*? Неужели въ формахъ 2 лица ед. ч. изъявит. н. и особенно въ формахъ неопредѣленнаго н. согласная предъ мѣстоименіемъ *ся* произносится мягко, какъ это утверждаетъ проф. Воеводскій въ § 19?

Неужели въ самомъ дѣлѣ легко запомнить, что надо такъ писать: *кинь*, *кинте*, *кинься* и т. п., *писменный*, *въ письме*, при чемъ послѣднее начертаніе дано „для однообразія" потому, что слово *письмо* (съ твердымъ гласнымъ на концѣ) по правилу надо писать съ *ь*?

Всѣ эти подобныя недоумѣнія объяснить можно лишь тѣмъ, что проф. Воеводскій, желая всячески облегчить пишущихъ, стремится подвести правописаніе подъ придуманныя правила, составленныя на основаніи того матеріала, который даетъ Гротъ.

Дѣйствительно, вопросъ о написаніи *ь* въ серединѣ словъ разработанъ въ нашемъ правописаніи неудовлетворительно; но неужели же можно сказать, что проф. Воеводскій разрѣшаетъ его, а не запутываетъ еще болѣе?

Если при теперешнемъ правописаніи крайне трудно дать общія правила для употребленія *ь* въ серединѣ словъ, то все же въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы понимаемъ, почему выбирается такое-то начертаніе; понимаешь также, что въ такомъ выборѣ нѣтъ личнаго вкуса и произвола.

У проф. же Воеводскаго на первый планъ выступаетъ именно личный произволъ, не основанный во многихъ случаяхъ ни на этимологическомъ, ни на фонетическомъ принципѣ, ни на обычаѣ.

При такихъ условіяхъ правила проф. Воеводскаго, при примѣненіи ихъ на практикѣ, должны вызывать постоянныя недоумѣнія и на самомъ дѣлѣ вовсе не упрощаютъ правописанія, а лишь усложняютъ его и запутываютъ. Какъ, напр., писать формы разныхъ лицъ въ будущемъ времени отъ глагола *взять*? По правилу проф. Воеводскаго придется давать такія начертанія: *возьму*, *возмешь*, *возметъ*, *возмемъ*, *возмете*, *возьмутъ*. Едва ли можно считать удобнымъ такое разнообразное начертаніе однородныхъ формъ; но съ этимъ разнообразіемъ придется мириться, такъ какъ однообразное начертаніе однородныхъ формъ „Опытъ" предоставляетъ почему-то однимъ лишь существительнымъ.

Мы не говоримъ уже о томъ, что, несмотря на стремленіе проф. Воеводскаго сохранить по возможности общепринятыя начертанія, во многихъ случаяхъ получатся начертанія, рѣзко отступающія отъ обычныхъ.

Придется, на основаніи прямого смысла правила „Опыта", писать, напр., такъ: *пятдесятъ*, *шестдесятъ* и т. п., *четверьгъ* (во всѣхъ падежахъ съ *ь*), *церьковь* (во всѣхъ падежахъ съ *ь*), *верьхъ* (id.) *перьвый* (при мягкомъ произношеніи *р*), *коверкать* (при мягкомъ произношеніи *р*). Выше мы приводили примѣры и другихъ отступленій.

Страннымъ также кажется намъ правило о правописаніи словъ съ основой на *і* (*ь*): „при начертаніи словъ, допускающихъ замѣну буквы *и* буквою *ь*, можно во избѣжаніе колебаній придерживаться слѣдующаго правила: писать *и*, когда этотъ звукъ отдѣляется отъ предшествующаго гласнаго нѣсколькими согласными, и писать *ь*, когда онъ отдѣляется отъ предшествующаго гласнаго только однимъ согласнымъ. Примѣры: *следствіе*, *отверзтіе*, *лезвіе; именье*, *бытьё*, *бытье*" (§ 19, стр. 9).

Съ этимологической точки зрѣнія формы и съ *и* и съ *ь* въ основѣ въ разсматриваемыхъ словахъ имѣютъ право на существованіе; съ точки зрѣнія фонетическаго принципа, котораго и долженъ былъ бы придерживаться авторъ „Опыта", формы эти также различаются вполнѣ опредѣленно, такъ какъ въ однихъ словахъ слышится вполнѣ ясно *и*, а въ другихъ *ь*, нѣкоторыя же слова живутъ и въ той и въ другой формѣ *).

Къ чему же такое искусственное дѣленіе этихъ словъ въ отношеніи правописанія, когда принятое начертаніе ихъ по произношенію не представляетъ никакихъ затрудненій? Положимъ, нѣко-

---

*) Формы съ основой на *и* считаются заимствованными изъ языка ц.-слав., а съ основой на *ь* чисто русскими.

торое основаніе для такого дѣленія есть, такъ какъ слова съ нѣсколькими согласными предъ спорнымъ гласнымъ основы легче произнести при *і* въ основѣ, чѣмъ при *ѣ*; но во всякомъ случаѣ такое дѣленіе не соотвѣтствуетъ дѣйствительному произношенію многихъ словъ, и намъ кажется, что разсматриваемое правило во многихъ случаяхъ будетъ рѣзко нарушать произношеніе, такъ какъ нѣкоторыя слова въ литературной рѣчи произносятся только съ *і* въ основѣ, произношеніе же ихъ съ *ѣ* можетъ быть весьма непріятнымъ.

Правила объ употребленіи *ъ* и *ь* заканчиваются общепринятымъ правиломъ о постановкѣ этихъ знаковъ послѣ шипящихъ въ концѣ словъ (§ 20), при чемъ формулировка его отличается большею простотою, чѣмъ въ „Руководствѣ“ Грота, такъ какъ исключаетъ необходимость перечислять тѣ формы словъ, въ которыхъ пишется на концѣ *ь*. Извѣстныя исключенія, касающіяся начертанія *ъ* послѣ шипящихъ, оставлены тѣ же, что и въ „Руководствѣ“.

Въ примѣрахъ, помѣщенныхъ въ § 20, останавливаетъ на себѣ вниманіе слово *точьвточь*. Что *ь* стоитъ послѣ второго *ч*, это понятно, но почему тотъ же знакъ стоитъ и послѣ перваго *ч*? Вѣдь только что, въ § 19, мы читали, что нельзя ставить мягкаго знака „при встрѣчѣ мягкаго шипящаго звука съ слѣдующимъ за нимъ согласнымъ“, а здѣсь онъ поставленъ между *ч* и *в*?

Положимъ, это—сложное слово; но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы дать особыя правила для начертанія простыхъ словъ при соединеніи ихъ въ сложное слово, чего въ „Опытѣ“ мы не находимъ.

Заканчивая разсмотрѣніе первой главы труда проф. Воеводскаго, обратимся къ тѣмъ правиламъ, которыя рекомендуются имъ для правописанія иностранныхъ словъ.

Общее правило о начертаніи такихъ словъ мы находимъ въ § 9: „*заимствованныя* и *иноязычныя* слова—говорится здѣсь—подчиняются правиламъ правописанія словъ русскаго происхожденія“.

„Исключеніе составляютъ нѣкоторыя фамильныя имена, начертаніе которыхъ установлено офиціально“, при чемъ дѣлается ссылка на § 7, гдѣ, между прочимъ, говорится о томъ, что „многія имена фамильныя, правописаніе которыхъ установлено офиціально“, пишутся, несогласно съ общимъ правиломъ объ удвоеніи согласныхъ, черезъ двойную согласную.

Правило это можно было бы считать вполнѣ яснымъ и опредѣленнымъ, если бы мы знали, какъ именно разграничиваетъ проф. Воеводскій слова „иноязычныя“ и слова „заимствованныя“? По всей вѣроятности, подъ „заимствованными“ словами проф. Воеводскій

разумѣетъ тѣ иноязычныя слова, которыя давно уже вошли въ нашъ языкъ и получили въ немъ полныя права гражданства, а подъ „иноязычными" тѣ, съ которыми еще не успѣлъ освоиться русскій языкъ.

Быть можетъ, однако, проф. Воеводскій въ основаніе для дѣленія беретъ не время появленія иностранныхъ словъ, а какой-либо иной признакъ?

Во избѣжаніе недоразумѣній приходится не придавать значенія предлагаемому въ „Опытѣ" раздѣленію иностранныхъ словъ, такъ или иначе употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ.

Въ такомъ случаѣ получается, какъ мы говорили, правило вполнѣ ясное, предлагающее иностранныя вообще слова писать на основаніи тѣхъ же правилъ, которыя даны для начертанія словъ русскаго происхожденія.

Все это, конечно, понятно, но вопросъ вотъ въ чемъ: что выйдетъ при примѣненіи такого правила? Какъ мы видѣли, въ большинствѣ правилъ, рекомендуемыхъ проф. Воеводскимъ для начертанія словъ русскаго происхожденія, фонетическому принципу отводится на дѣлѣ лишь незначительное мѣсто, а на первый планъ, хотя и противъ желанія автора „Опыта", выступаетъ этимологическій принципъ. Какъ же быть въ такомъ случаѣ съ иностранными словами? Вѣдь къ нимъ, съ точки зрѣнія самого же проф. Воеводскаго, никакъ нельзя примѣнить начала этимологическаго, такъ какъ при этомъ потребовалось бы знаніе иностранныхъ языковъ.

Такимъ образомъ, на нашъ взглядъ, правило о правописаніи иностранныхъ словъ формулировано не особенно удачно. Болѣе удачную, кажется, формулировку его мы находимъ въ примѣчаніи къ § 5, гдѣ говорится такъ: „въ начертаніи иноязычныхъ, и заимствованныхъ словъ приходится руководиться исключительно фонетическимъ принципомъ такъ какъ, съ точки зрѣнія русскаго языка, составъ этихъ словъ не можетъ считаться *яснымъ*" (стр. 4).

Такая формулировка является болѣе правильной съ точки зрѣнія фонетическаго письма, хотя и въ этомъ случаѣ можетъ явиться такой вопросъ: если по отношенію къ словамъ чисто русскимъ слѣдуетъ руководиться двумя принципами—фонетическимъ и этимологическимъ, а по отношенію къ словамъ иностраннымъ исключительно фонетическимъ, то для точнаго примѣненія такого правила на практикѣ не придется ли пишущему строго отличать слова иностранныя отъ словъ чисто русскихъ? Но при такихъ условіяхъ пишущій долженъ будетъ или ознакомиться съ языками иностранными или, по крайней мѣрѣ, хорошенько изучить тѣ слова иноземнаго происхожденія, которыя вошли въ русскій языкъ, чего однако, по взгляду проф. Воеводскаго, вовсе не требуется.

Такимъ образомъ, и вторая формулировка правила о правописаніи иностранныхъ словъ, нѣсколько противорѣчащая первой, не можетъ быть названа удачной.

Какъ же однако слѣдовало бы формулировать это правило?

Такъ какъ проф. Воеводскій, судя по предисловію, желалъ формулировать свои правила такъ, чтобы для примѣненія ихъ не требовалось не только знанія иностранныхъ языковъ, но и языка ц.-славянскаго, то естественнѣе всего было бы и не упоминать въ правилахъ „Опыта" о словахъ иностраннаго происхожденія, такъ какъ, несомнѣнно, такое упоминаніе для лицъ, незнакомыхъ съ иностранными языками, лишь звукъ пустой. При такомъ полномъ отсутствіи какого бы то ни было правила о правописаніи иностранныхъ словъ проф. Воеводскій скорѣе достигнетъ того, что пишущій будетъ соблюдать, при начертаніи иностранныхъ словъ, основное правило предлагаемое § 5 „Опыта": для лица, незнакомаго съ иностранными языками, этимологическій составъ ихъ окажется, конечно, неяснымъ, и такое лицо поневолѣ напишетъ заимствованное слово по произношенію, даже не подозрѣвая, что изображаетъ слово иностраннаго происхожденія. Такой выходъ изъ затруднительнаго положенія при установленіи правила начертаній иностранныхъ словъ, годнаго для лицъ, незнакомыхъ съ иностранными языками и знающихъ лишь элементарную грамматику русскаго языка, долженъ былъ бы быть желательнымъ, какъ намъ кажется, и проф. Воеводскому, — тѣмъ болѣе, что слова иностраннаго происхожденія, употребляемыя въ русскомъ языкѣ, для такихъ лицъ будутъ словами русскими, а не иностранными; такой взглядъ особенно естественъ по отношенію къ тѣмъ словамъ, которыя давно уже вошли въ нашъ языкъ и, такъ сказать, обрусѣли. Заставлять же лицъ съ требуемой авторомъ „Опыта" подготовкой отличать слова иностраннаго происхожденія неудобно еще и потому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ происхожденіе слова не такъ-то легко опредѣлить и наукѣ.

Если въ „Руководствѣ" Грота мы находимъ особый отдѣлъ, посвященный вопросу о начертаніи словъ иностраннаго происхожденія, то это вполнѣ понятно, такъ какъ Гротъ держится въ общемъ того взгляда, что въ правописаніи иностранныхъ словъ должно по возможности сохраняться ихъ подлинное начертаніе. Взгляду же автора „Опыта" болѣе будетъ соотвѣтствовать, кажется, полное отсутствіе подобныхъ правилъ.

Конечно, отступленія отъ обычнаго теперь написанія иностранныхъ словъ — будетъ ли проф. Воеводскій давать особыя правила для начертанія ихъ, или нѣтъ—должны быть, какъ мы видѣли, и по отношенію къ словамъ собственно русскимъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ

(едва ли малочисленныхъ) иностранныя слова будутъ изображаться, на основаніи правилъ самого же проф. Воеводскаго, далеко не такъ, какъ изображаетъ ихъ проф. Воеводскій въ текстѣ своего „Опыта“; но вѣдь то же самое можетъ быть, какъ мы видѣли, и по отношенію къ русскимъ словамъ.

Такъ, напр., на основаніи правилъ §§ 10 и 11, могутъ получиться такія начертанія: *квортира*, *попироска* (даже *попероска*), *солфетка*, *окодемикъ*, *Поурижъ* (у проф. Воеводскаго послѣднее слово дается въ начертаніи *Парижъ*—стр. 22,—хотя правило § 11 допускаетъ возможность написать это слово и чрезъ *о*, такъ какъ во всякомъ случаѣ при произношеніи *Порижъ* для лица, незнакомаго съ французскимъ языкомъ, никакого искаженія слова быть не можетъ).

Исключеніе, помѣщенное въ приведенномъ нами § 9, едва ли удобно, такъ какъ оно заставляетъ пишущаго разузнавать, установлено ли офиціально опредѣленное начертаніе такой-то фамиліи, или нѣтъ. Странно при этомъ, почему такое исключеніе проф. Воеводскій предлагаетъ лишь для „нѣкоторыхъ“ (какихъ же именно?) фамилій, а въ § 7, на который дѣлается ссылка, для „многихъ“ (опять таки—для какихъ именно?). Почему же не для всѣхъ? Развѣ нельзя сказать, что правописаніе всѣхъ вообще фамилій установлено офиціально? Непонятно также, почему это такому офиціальному установленію правописанія фамилій дается привилегія по отношенію лишь къ удвоенію согласныхъ? Вѣдь при другихъ правилахъ, кромѣ правила въ § 7, гдѣ идетъ рѣчь объ удвоеніи согласныхъ, такихъ исключеній по отношенію къ фамиліямъ не указано. Почему это фамилію, въ которой офиціально пишется, напр., *ѣ*, можно написать, несмотря на офиціальное установленіе, черезъ *е*, а нельзя, положимъ, написать одно *л* вм. двухъ, или наоборотъ?

Кромѣ того, и по отношенію къ правописанію иностранныхъ словъ проф. Воеводскій, какъ кажется, самъ не всегда соблюдаетъ свои правила.

Въ самомъ дѣлѣ: въ примѣрахъ къ § 9 мы видимъ, напр., такія слова, какъ *Еркъ*, *маёръ*, написанныя сообразно съ правиломъ, но въ то же время въ текстѣ „Опыта“ мы много разъ встрѣчаемъ слово *іотованный* (стр. 1, 2, 3 и т. д.). Почему же не *ётованный*? Развѣ при произношеніи этого слова мы раздѣляемъ гласныя *і* и *о* такъ, что каждая изъ нихъ составляетъ особый слогъ? Если нѣтъ, то почему же мы должны писать *іотованный*, когда по точному смыслу правилъ „Опыта“ слѣдовало бы писать *ётованный*?

На этомъ мы закончимъ разсмотрѣніе первой главы, самой важной въ трудѣ проф. Воеводскаго, такъ какъ въ ней мы находимъ правила, касающіяся правописанія отдѣльныхъ словъ; на основаніи именно этихъ правилъ и можно судить болѣе или менѣе вѣрно о томъ,—удовлетворительно ли поставленъ вопросъ о началахъ нашего правописанія, соотвѣтствуютъ ли частныя правила этимъ началамъ, дѣйствительно ли предлагаемая система упрощаетъ и облегчаетъ практику правописанія.

Откладывая пока общіе выводы, касающіеся разсмотрѣнной нами части „Опыта", а также обсужденіе вопроса о важнѣйшемъ, по словамъ проф. Воеводскаго, отступленіи отъ обычнаго начертанія отдѣльныхъ словъ—объ устраненіи буквы *ѣ*, перейдемъ къ остальнымъ частямъ труда проф. Воеводскаго.

Во II главѣ идетъ рѣчь о слитномъ написаніи двухъ или болѣе словъ, составляющихъ одно понятіе, и объ употребленіи большихъ буквъ.

Вопросъ о слитномъ или раздѣльномъ начертаніи двухъ или болѣе словъ является однимъ изъ наименѣе разработанныхъ вопросовъ въ общепринятой системѣ нашего правописанія, которое, рекомендуя то или иное написаніе, руководствуется или этимологическими формами словъ, или синтаксическимъ ихъ употребленіемъ, или обычаемъ, причемъ старается по возможности ограничить употребленіе слитныхъ начертаній во избѣжаніе загроможденія словаря множествомъ лишнихъ словъ.

Излишне говорить, что при рѣшеніи вопроса о слитномъ или раздѣльномъ начертаніи словъ фонетическій принципъ почти не имѣетъ мѣста; не имѣетъ онъ мѣста и въ правилахъ, предлагаемыхъ проф. Воеводскимъ.

Въ § 22 мы читаемъ: „слитно... пишется всякое сложное слово, то есть, обозначающее одно понятіе *сочетаніе словъ*, если которое либо изъ нихъ: 1) измѣнило свою обычную форму, или 2) измѣнило свой основной грамматическій характеръ, или 3) не встрѣчается внѣ даннаго, или аналогичныхъ сочетаній", а въ примѣчаніи добавлено „само собою понятно, что не слѣдуетъ писать слитно словъ, между которыми можетъ быть вставлено новое слово, не нарушающее ихъ связи. Слѣдуетъ, поэтому, писать: *полъ ложки* (ср. *полъ чайной ложки*), *на верхъ* (ср. *на самый верхъ*), *въ низу* (ср. *въ самомъ низу*), и т. д.".

Къ числу исключеній изъ общаго правила проф. Воеводскій относитъ отдѣльное начертаніе *не* „при употребительныхъ отдѣльно глагольныхъ формахъ и при формахъ отглагольныхъ (причастіяхъ и

дѣепричастіяхъ), не получившихъ значенія простыхъ прилагательныхъ или нарѣчій", а также раздѣленіе на письмѣ составныхъ частей сложныхъ словъ „*никто, ничто, ничей, никакой, некого, нечего*, и т. д.", когда эти слова употреблены съ предлогомъ.

Какъ видно изъ приведеннаго правила, проф. Воеводскій, при слитномъ или раздѣльномъ начертаніи отдѣльныхъ реченій, принимаетъ во вниманіе этимологическія формы словъ и синтактическую ихъ роль, не придавая значенія обычаю, если онъ ни на чемъ не основанъ, и обремененію словаря лишними, съ точки зрѣнія общепринятаго правописанія, словами.

Что два послѣднія обстоятельства не принимаются во вниманіе, это, конечно, вполнѣ естественно и даже желательно въ видахъ прочности основъ правописанія,—но дѣйствительно ли отличаются ясностью и опредѣленностью тѣ правила, которыя даетъ намъ проф. Воеводскій, дѣйствительно ли они уничтожаютъ тѣ затрудненія, которыми страдаетъ по отношенію къ этому вопросу общепринятое правописаніе? На нашъ взглядъ, отвѣтъ долженъ быть отрицательный, въ виду того главнымъ образомъ, что формулировка правила страдаетъ нѣкоторой неопредѣленностью, дающей возможность слишкомъ, какъ кажется, широко примѣнять его на практикѣ; кромѣ того, замѣчается нѣкоторая искусственность въ тѣхъ объясненіяхъ, которыя даетъ проф. Воеводскій при приводимыхъ имъ примѣрахъ для оправданія ихъ начертанія сообразно съ правиломъ. Однимъ изъ условій необходимости слитнаго начертанія словъ является, какъ мы видѣли, измѣненіе „обычной формы" того или другого слова. Что слѣдуетъ разумѣть подъ „обычной" формой — форму ли слова, употребительную въ современномъ языкѣ, или форму, употреблявшуюся прежде, но теперь потерянную? Въ первомъ случаѣ придется при объясненіи нѣкоторыхъ сложныхъ начертаній давать искусственныя и неправильныя, съ точки зрѣнія науки, объясненія, что едва ли можетъ быть желательно; во второмъ случаѣ—придется обращаться къ исторіи формъ русскаго языка, чего однако проф. Воеводскій не долженъ допускать, такъ какъ свой „Опытъ" проф. Воеводскій предназначаетъ и для лицъ, знакомыхъ лишь съ современной русской рѣчью. Недоумѣніе, указанное нами, является само собою, такъ какъ примѣры, приведенные проф. Воеводскимъ, допускаютъ и то и другое толкованіе.

Въ числѣ примѣровъ мы находимъ, между прочимъ, слово *двести*. Слитное начертаніе въ этомъ случаѣ вполнѣ, повидимому, соотвѣтствуетъ правилу, такъ какъ слово *сти* представляетъ собою измѣненіе „обычной" формы. Но какой формы? Если формы *стъ*, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ, то едва ли такое объясненіе можетъ

быть понятно безъ знанія языка ц.-славянскаго и древне-русскаго; если же проф. Воеводскій имѣетъ въ виду форму *сто*, то получится произвольное толкованіе, едва ли удобное, такъ какъ, допустивъ одно такое произвольное толкованіе, мы должны будемъ допустить и другое, и третье,—и въ концѣ концовъ потеряемъ всякую возможность опереться на что-либо дѣйствительно прочное.

Кромѣ того, если форму *сти* считать измѣненіемъ „обычной" формы ед. ч. слова *сто*, то вѣдь придется придумать особое объясненіе и для формы *двѣ* (*две* — въ начертаніи проф. Воеводскаго), такъ какъ при предполагаемомъ нами объясненіи форму *двѣсти* можно вывести лишь такъ: *двѣсти* есть видоизмѣненіе *два ста*. Придумать такое объясненіе, быть можетъ, и возможно, но едва ли удобны и желательны такія придумыванія.

Нельзя также не обратить вниманія на то, что, примѣняя правило проф. Воеводскаго, мы должны писать — *двухъ сотъ* и т. д., *три ста* и т. д. Неужели же удобно, хотя бы въ практическомъ отношеніи, одно и то же слово, при измѣненіи его по падежамъ, писать различно—то соединяя составныя его части, то раздѣляя ихъ?

Если обратимся къ другимъ числительнымъ, то окажется, что надо писать: *пятдесятъ*, *шестдесятъ* и т. д. (пишемъ безъ *ь* по § 19), но—*пяти десяти*, *шести десяти* и т. д. Едва ли опять-таки такое разнообразное написаніе одного и того же слова можетъ быть признано желательнымъ, особенно если принять во вниманіе, что и въ произношеніи оба эти слова соединяются въ неразрывное цѣлое при помощи ударенія. Еще больше пестроты получится при начертаніи означенныхъ числительныхъ, если мы примемъ во вниманіе входящія въ употребленіе въ разговорномъ языкѣ формы творит. пад. *пятйдесятью*, *шестйдесятью* вм. пятьюдесятью и т. д.: вѣдь въ указанныхъ формахъ слова *пяти*, *шести* и т. д. придется, пожалуй, писать слитно съ слѣдующимъ числительнымъ, такъ какъ они измѣнили свою „обычную" форму творительнаго падежа.

Со всѣмъ этимъ однако можно было бы примириться, но главная-то бѣда вотъ въ чемъ: въ то время какъ на основаніи разсматриваемаго нами перваго пункта приведеннаго нами правила формы числительнаго *сотъ* и т. д. слѣдуетъ писать отдѣльно отъ предшествующаго числительнаго, составляющаго съ нимъ одно понятіе,—на основаніи третьяго пункта того же правила тѣ же самыя числительныя мы должны писать слитно.

Въ 3-емъ пунктѣ правила говорится, что слитное начертаніе двухъ словъ обязательно въ томъ случаѣ, если „которое либо изъ нихъ не встрѣчается внѣ даннаго, или аналогичныхъ сочетаній". При обсужденіи вопроса о томъ, какъ написать—слитно или раз-

дѣльно—формы косвенныхъ падежей отъ имени числительнаго, напр., *двѣсти*,—я могу разсуждать такимъ образомъ: такъ какъ формы множ. числа отъ числит. *сто*, не употребляясь отдѣльно (отдѣльно употребляются лишь формы единственнаго числа), встрѣчаются лишь въ данномъ сочетаніи (напр., *двухъ сотъ*) и въ сочетаніяхъ аналогичныхъ (при другихъ числительныхъ—*трехъ сотъ четырехъ сотъ* и при словахъ, обозначающихъ, подобно числительнымъ, число—*нѣсколько*, *сколько* и т. д.), то, на основаніи 3-яго пункта правила § 22, эти формы множ. числа отъ слова *сто* слѣдуетъ писать слитно съ предшествуюшими числительными (а также со словами *нѣсколько сколько* и т. п.).

Такимъ образомъ, отдѣльные пункты одного и того же правила исключаютъ другъ друга. Одного этого, кажется намъ, вполнѣ достаточно для того, чтобы подорвать довѣріе къ такому правилу и считать его несостоятельнымъ. Вызываютъ недоумѣнія и другіе примѣры, приведенные проф. Воеводскимъ въ подтвержденіе 1-го пункта правила.

Въ чемъ, напр., заключается измѣненіе „обычной" формы словъ въ словахъ *мыться целоваться нравиться*? Проф. Воеводскій, несомнѣнно, имѣетъ въ виду слово *ся*. Но вѣдь *ся*, стоящее при глаголахъ, представляетъ собою не что иное, какъ первоначальную форму винит. пад. (*ся—са*), хотя въ отдѣльности и не употребляемую теперь. Быть можетъ, проф. Воеводскій желаетъ указать на то, что здѣсь *ся* есть сокращенное *себя*, какъ это дѣйствительно говорится нерѣдко въ элементарныхъ руководствахъ, но кажется намъ, едва ли можно оправдывать подобныя произвольныя толкованія, которыя обыкновенно съ толку сбиваютъ, а вовсе не облегчаютъ. Форма винит. пад. *себя*, конечно, соотвѣтствуетъ по значенію формѣ того же падежа *ся*, но только о такомъ соотвѣтствіи по значенію и можно говорить,—никакого же измѣненія „обычной" формы здѣсь нѣтъ.

Если же намъ возразятъ, что формы словъ вообще должны быть объясняемы, въ силу ложно понимаемаго облегченія обучающихся, съ точки зрѣнія въ данный моментъ существующаго литературнаго языка, то на это можно отвѣтить, что, примѣняя строго и послѣдовательно такую точку зрѣнія по отношенію къ слитному или раздѣльному начертанію словъ, придется признать, что всякій разъ, какъ попадется намъ слово въ прежней формѣ, на которое мы принуждены будемъ смотрѣть какъ на измѣнившее свою „обычную" форму,—мы должны будемъ писать его слитно съ предшествующимъ или слѣдующимъ словомъ, если оба эти слова будутъ обозначать „одно понятіе". Не повлечетъ ли это множества недоразумѣній и излишнихъ осложненій, не говоря уже о томъ, что такая точка зрѣнія вовсе

не можетъ считаться научной? Не придется ли слитно писать такія выраженія, какъ „*въ Бозѣ почившій*", „*зимни вихри*" (и подобныя выраженія), „*Богъ вѣсть*" и т. д.?

Нельзя также назвать удачными и примѣры *домовладѣлецъ*, *миропомазанный*, *мореплаванье*, *путешествія*, *синешейка*. По точному смыслу правила и на основаніи замѣтокъ въ скобкахъ при нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ словъ (при словѣ *мореплаванье* отмѣчено въ скобкахъ: „вм. моремъ плаванье", при словѣ *синешейка*: „вм. синяя шейка") пришлось бы допустить, что слово *море* есть измѣненіе „обычной" формы *моремъ*, слова *сине* – измѣненіе „обычной" формы *синяя* и т. д. Какъ въ отношеніи формъ *ся* и *себя*, такъ и здѣсь можно говорить лишь о соотвѣтствіи по смыслу, но никакъ нельзя утверждать, что *море* есть звуковое измѣненіе *моремъ*, *сине*— звуковое измѣненіе *синяя* и т. д., какъ это приходится дѣлать, примѣняя точно правило проф. Воеводскаго.

Нельзя при этомъ не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ,—напр., по отношенію къ слитному начертанію *ся* въ глаголахъ, проф. Воеводскій легко могъ избѣжать указанныхъ нами недоразумѣній и необходимости давать явленіямъ языка произвольныя толкованія, если бы приведенные нами глаголы съ мѣстоименіемъ *ся* помѣстилъ въ подтвержденіе 3-яго пункта своего правила. Не говоримъ объ остальныхъ примѣрахъ, такъ какъ по отношенію къ нѣкоторымъ изъ нихъ мы не можемъ опредѣленно рѣшить, какъ бы слѣдовало объяснить ихъ съ точки зрѣнія проф. Воеводскаго. Вполнѣ ясными представляются намъ лишь примѣры—*одиннадцать*, *тридцать*, *девяносто*.

Во 2-мъ пунктѣ правила говорится, что слитное начертаніе необходимо въ томъ случаѣ, если какое-либо изъ словъ „измѣнило свой основной грамматическій характеръ". Какъ видно изъ объясненій при примѣрахъ, измѣненіе это слѣдуетъ понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ. Для наглядности перечислимъ тѣ измѣненія основной грамматической формы, на которыя указываетъ проф Воеводскій: 1) слитное начертаніе двухъ именъ сущ. необходимо тогда, когда какое-либо изъ нихъ при сложеніи не склоняется (нпр., *генералгубернаторъ*), *) 2) слитно съ другимъ словомъ пишется предлогъ, не управляющій падежомъ (напр., *приходъ*, *изза*, *изподъ* и т. д.); 3) слитно съ предшествующимъ предлогомъ пишутся имена прилагательныя (и подобныя имъ части рѣчи), являющіяся „въ значеніи существительныхъ, котораго внѣ сочетаній не имѣютъ" (*вразсыпную*,

---

*) Въ числѣ примѣровъ мы находимъ также слово *полдень*. Развѣ при склоненіи этого слова первая часть его не измѣняется?

вопервыхъ, *вправо* и т. п.); *) 4) слитно съ предлогомъ пишутся нарѣчія въ значеніи существительныхъ (*докуда* и т. п.); 5) слитно съ частицами *то*, *ни*, *не* (=нѣ и не) пишутся мѣстоименія и нарѣчія лишившіяся „обычнаго значенія вопросительныхъ, или относительныхъ мѣстоименій, и нарѣчій“ (*ктото*, *нигде*, *негде* и т. п.); 6) слитно пишутся „сочетанія“, лишившіяся „своего значенія придаточныхъ предложеній“ (*ктонибудь*, *какойлибо*, *чейлибо*); 7) слитно пишутся слова въ томъ случаѣ, когда „сліяніе столь тѣсно, что отдѣльное значеніе составныхъ частей не сознается“ (*вместе*, *вместо*); 8) слитно съ существительнымъ, прилагательнымъ и нарѣчіемъ пишется отрицаніе *но*, если оно „образуетъ вмѣстѣ съ даннымъ понятіемъ противоположное ему“ (*непріятель*=*врагъ*); 9) союзы *чтобы*, *ибо*, *таккакъ*; нарѣчія *итакъ* (союзъ ?), *всетаки*, *тактаки*, *неужели* (объясненій при этихъ словахъ не дано).

Какъ видимъ, подъ „измѣненіемъ основной грамматической формы“ проф. Воеводскій разумѣетъ и измѣненіе этимологической формы, и измѣненіе синтактической роли, и измѣненіе значенія вообще; при этомъ исходнымъ пунктомъ въ сужденіяхъ объ измѣненіи грамматической формы является то употребительная въ современномъ языкѣ форма, то прежняя, въ настоящее время утратившая первоначальное свое значеніе, чего въ другихъ случаяхъ проф. Воеводскій тщательно избѣгаетъ, такъ какъ, по мысли его, для усвоенія правописанія вовсе не требуется знаніе и пониманіе исчезнувшихъ формъ и прежнихъ значеній существующихъ словъ.

Если же все-таки можно предъявлять такія требованія по отношенію къ словамъ, приведеннымъ въ подтвержденіе разбираемаго пункта правила, то почему же нельзя требовать того же въ отношеніи разсмотрѣнныхъ уже нами словъ при первомъ пунктѣ правила? Почему нельзя дать правильнаго объясненія формы мѣстоименія *ся* при глаголахъ, основываясь на прежнемъ употребленіи ея, и въ то же время можно такія слова, какъ *ктонибудь*, *какойлибо*, *чейлибо*, объяснять съ точки зрѣнія прежняго значенія составныхъ частей ихъ? Неужели объясненіе слитнаго начертанія словъ *ктонибудь* и т. д. съ точки зрѣнія прежняго употребленія ихъ можно считать

---

*) Приводимъ подлинныя слова проф. Воеводскаго: „*вразсыпную*, *зачастую*, *напропалую*, *вопервыхъ*, *впервые*, *вправо*, *докрасна*, *досыта*, *заново*, *смолоду*, *понемногу*, *вообще* (въ этихъ примѣрахъ краткія прилагательныя являются въ значеніи существительныхъ, котораго внѣ сочетаній не имѣютъ)“. Неужели можно сказать, что объясненіе, помѣщенное въ скобкахъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ приведеннымъ примѣрамъ? Развѣ въ примѣрахъ помѣщены *только* имена прилагательныя? Развѣ формы прилагательныхъ въ такихъ словахъ какъ вразсыпную, зачастую и т. п., краткія формы?

болѣе легкимъ и доступнымъ, чѣмъ объясненіе съ той же точки зрѣнія слитнаго начертанія мѣстоименія *ся* съ глаголомъ? Неужели такая двойственность въ объясненіяхъ облегчаетъ и упрощаетъ дѣло, особенно если обратить вниманіе на то, что двойственность эта противорѣчитъ основной цѣли проф. Воеводскаго—въ основу правилъ правописанія положить исключительно современный литературный языкъ?

Едва ли.

Кромѣ того, при указанной нами формулировкѣ 2-го пункта правила не мало можетъ быть недоразумѣній и колебаній при начертаніи словъ, не помѣщенныхъ въ числѣ примѣровъ.

Какъ, напр., слѣдуетъ писать слова—*мать-и-мачеха*, *рыба золотыя перья*, *у Иванъ Петровича*, *у князь Ивана* и т. п.?

Руководствуясь 2-мъ пунктомъ правила и объясненіемъ къ нему, обозначеннымъ у насъ подъ цифрой 1), можно, кажется, придти къ заключенію, что перечисленныя нами слова слѣдуетъ писать слитно: сущ. *мать* въ указанномъ нами сочетаніи не склоняется, какъ не склоняется сущ. *генералъ* въ приведенномъ у проф. Воеводскаго словѣ *генералгубернаторъ*; слова *золотыя перья*, какъ и слова *Иванъ*, *князь*, также не склоняются въ предложенныхъ сочетаніяхъ.

Съ другой стороны—какъ произнести, напр., слова *мать-и-мачеха*, если написать ихъ слитно? Вѣдь произношеніе этихъ словъ при слитномъ начертаніи ихъ будетъ отличаться отъ дѣйствительнаго произношенія ихъ.

Затѣмъ, можно ли, напр., писать слитно *насего́дня*, *назавтра*, руководствуясь объясненіемъ, обозначеннымъ у насъ подъ цифрой 4), или нѣтъ?

Неясно также, почему проф. Воеводскій въ формахъ сослагательнаго наклоненія не пишетъ *бы* слитно съ глагольной формой? Вѣдь можно же сказать, что *бы* въ этомъ случаѣ „измѣнило свой основной грамматическій характеръ“, такъ какъ раньше это словечко было самостоятельной глагольной формой. Опереться на прежнее значеніе слова мы имѣемъ полное право, такъ какъ пишетъ же проф. Воеводскій *ктонибудь*, *какойлибо* слитно на томъ основаніи, что „эти сочетанія лишились своего значенія придаточныхъ предложеній“.

3-й пунктъ правила формулированъ болѣе опредѣленно, хотя и здѣсь могутъ легко возникнуть сомнѣнія и колебанія, если имѣть въ виду требованіе проф. Воеводскаго опираться исключительно на современную рѣчь. Какъ, напр., писать *по сю пору*, *во времена оны*, *ранымъ-рано*, *давнымъ-давно*, *тѣмъ-сѣмъ*, *въ кою пору*, *по скольку*, даже *и́зъ дому* и т. п. — слитно или раздѣльно? Повидимому,

правило „Опыта“ заставляетъ писать подобныя выраженія слитно.

Кромѣ того, нѣсколько страннымъ кажется намъ указаніе въ числѣ примѣровъ на слово *недоставать*, въ которомъ, по словамъ проф. Воеводскаго, отрицаніе *не* слѣдуетъ писать слитно съ слѣдующимъ глаголомъ на томъ основаніи, что „*доставать* въ значеніи безличнаго глагола не встрѣчается отдѣльно“. Едва ли есть достаточное основаніе для такого утвержденія: глаголы *доставать*, *достать* употребляются въ значеніи безличныхъ глаголовъ и безъ отрицанія.

Мы упоминали уже, по поводу правописанія косвенныхъ падежей отъ слова *двѣсти* и подобныхъ, о взаимномъ отношеніи между 1-мъ и 3-мъ пунктами правила. Неудачная формулировка этихъ двухъ пунктовъ видна также изъ того, что нѣкоторые изъ примѣровъ одного пункта свободно могутъ быть перенесены въ другой пунктъ. Почему, напр., такія слова, какъ *спереди*, *позади*, *вдоволь*, *вдвоемъ*, помѣщены въ 1-мъ пунктѣ, а не въ третьей? То же самое можно сказать и о пунктахъ 2-мъ и 3-мъ: слова, напр., *напропалую*, *досыта*, *смолоду*, *понемногу* свободно могутъ быть помѣщены и въ 3-мъ пунктѣ.

Кромѣ того, формулировка 2-го и 3-го пункта заставляетъ раздѣлять слова, представляющія въ сущности однородныя сочетанія: такія слова, какъ *приходъ*, *отдать*, помѣщены въ пунктѣ второмъ, а слова *налогъ*, *предметъ*, *переходитъ*—въ третьемъ пунктѣ. Заканчивая разсмотрѣніе главы о слитномъ начертаніи словъ, мы не можемъ не замѣтить, что, при примѣненіи правила „Опыта“, получится весьма значительное число отступленій отъ обычнаго правописанія, несмотря на стремленіе проф. Воеводскаго допускать лишь незначительныя и несущественныя отклоненія.

Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія на неудобныя опечатки и въ отношеніи слитнаго и раздѣльнаго начертанія словъ. Такъ, напр., проф. Воеводскій пишетъ то *за темъ* (стр. 15), то *затѣмъ* (17), то *по этому* (10), то *поэтому* (18), то *сего дня* (13), то *сегодня* (16). Видна также нѣкоторая, на нашъ взглядъ, непослѣдовательность: при слитномъ начертаніи *впрочемъ* мы встрѣчаемъ раздѣльное начертаніе *между прочимъ*; встрѣчаемъ начертаніе *по мѳему*, хотя *мѳему* употребляется лишь въ сочетаніи съ предлогомъ *по*; союзъ *же* то соединяется съ предыдущимъ словомъ, то отдѣляется отъ него (нарѣчіе *также*, но *такой же* *)

---

*) Стр. 5, 4.

Заканчивается 2-я глава § 23, въ которомъ излагаются правила употребленія прописныхъ буквъ. Существенное отличіе отъ общепринятаго употребленія этихъ буквъ заключается, повидимому, въ томъ, что проф. Воеводскій предлагаетъ прилагательныя, производныя отъ именъ собственныхъ, писать во всѣхъ случаяхъ съ малой буквы, и тогда, когда эти прилагательныя вмѣстѣ съ именемъ существительнымъ составляютъ названіе „странъ, государствъ, областей, горъ и озеръ".

Если такъ понимать правило проф. Воеводскаго о начертаніи именъ прилагательныхъ отъ именъ собственныхъ, то оно имѣло бы, конечно, значеніе, такъ какъ ограничивало бы употребленіе большихъ буквъ по отношенію къ именамъ прилагательнымъ. Смущаетъ насъ одно обстоятельство: на заглавномъ листѣ „Опыта", гдѣ всѣ вообще слова напечатаны съ соблюденіемъ орѳографіи, предлагаемой проф. Воеводскимъ, мы находимъ слова „Новоросійскаго университета", при чемъ слово „Новоросійскаго" написано чрезъ одно *с* согласно правиламъ „Опыта" и съ прописной буквы. Считать случайнымъ такое начертаніе мы не въ правѣ, такъ какъ оно встрѣчается 3 раза—каждый разъ съ однимъ *с* и съ прописнымъ *Н*.

Слѣдовательно, не всегда слѣдуетъ имя прилагательное, произведенное отъ имени собственнаго, писать чрезъ малую букву, а только, какъ и сказано у проф. Воеводскаго, въ качествѣ исключенія изъ общаго правила, „въ названіяхъ странъ, государствъ, областей, горъ и озеръ". Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ, когда по общему правилу рекомендуется писать прописную букву, въ именахъ прилагательныхъ, произведенныхъ отъ именъ собственныхъ, слѣдуетъ писать большую букву. Придется поэтому писать, напр., такъ: *петербургская губернія*, но—*Петербургскій университетъ*. Едва ли это послѣдовательно.

Въ общемъ—правила, предлагаемыя проф. Воеводскимъ, представляютъ собою сокращеніе правилъ въ „Руководствѣ" Грота, состоящее, между прочимъ, въ томъ, что проф. Воеводскій вовсе не упоминаетъ о нѣкоторыхъ случаяхъ употребленія прописной буквы, указанныхъ въ „Руководствѣ". Такъ, напр., въ „Опытѣ" (ни въ правилѣ, ни въ примѣрахъ) мы не находимъ указаній на то, какъ слѣдуетъ писать названія улицъ, мостовъ, зданій—съ прописной или съ малой буквы. Въ виду отсутствія такихъ указаній придется писать эти названія съ малой буквы.

Третья глава вся посвящена правиламъ о постановкѣ знаковъ препинанія, къ которымъ, на ряду съ другими, дѣйствительными знаками *препинанія*, отнесены и такіе знаки, какъ знакъ „пере-

носа", „сокращенія", „знакъ параграфный", „знакъ подраздѣленія", „знаки выносочные", что весьма неудобно, такъ какъ указанные нами знаки, по значенію своему, вовсе не соотвѣтствуютъ тому понятію, какое заключается въ словахъ „знаки *препинанія*.

Слѣдовало бы или выдѣлить знаки „переноса", „сокращенія" и т. д. въ особую группу или придумать иное общее названіе для всѣхъ знаковъ, которое, по смыслу своему, дѣйствительно объединяло бы собою всѣ тѣ знаки, о которыхъ говоритъ проф. Воеводскій. Какъ мы говорили уже, глава эта занимаетъ почти половину всего „Опыта" (стр. 13—22) и представляетъ собою подробно разработанное ученіе о знакахъ препинанія (слова „знаки препинанія" мы употребляемъ въ общепринятомъ значеніи), отличающееся въ большинствѣ случаевъ достаточной ясностью и опредѣленностью. Въ этомъ отношеніи, въ отношеніи ясности и опредѣленности, названный нами отдѣлъ „Опыта" стоитъ гораздо выше остальныхъ частей его. Въ виду этого желающіе пользоваться указаніями проф. Воеводскаго относительно постановки знаковъ препинанія могутъ съ достаточной увѣренностью примѣнять его правила, что, какъ мы видѣли, трудно достижимо по отношенію къ правописанію отдѣльныхъ словъ. Намъ кажется однако, что проф. Воеводскому, составившему „Опытъ" съ цѣлью замѣнить своими правилами правила общепринятаго правописанія, вовсе непригодныя, по его мнѣнію, на практикѣ, слѣдовало бы несравненно болѣе обратить вниманія на первые отдѣлы своего труда, чѣмъ на послѣдній, посвященный ученію о знакахъ препинанія, такъ какъ правила о знакахъ препинанія, изложенныя въ „Руководствѣ" Грота, менѣе всего могутъ подлежать упреку въ непригодности ихъ. Притомъ, тѣ нововведенія, которыя предлагаетъ проф. Воеводскій въ отношеніи постановки знаковъ препинанія, едва ли могутъ быть признаны желательными, такъ какъ въ основу ихъ положены чисто внѣшніе признаки.

Что, въ самомъ дѣлѣ, должно быть положено въ основу пунктуаціи?

Академикъ Гротъ, на 416 стр. II тома „Филологическихъ разысканій", говоритъ такъ: „въ живой рѣчи логическое отношеніе между словами обозначается интонаціей и пріостановками голоса (паузами); на письмѣ къ означенію такихъ паузъ служатъ знаки препинанія". Затѣмъ, въ его же брошюрѣ — „Нѣсколько разъясненій по поводу замѣчаній о книгѣ „Русское правописаніе", мы, между прочимъ, читаемъ: „въ сущности цѣль знаковъ препинанія заключается просто въ показаніи состава рѣчи, въ уясненіи взаимной связи, болѣе или менѣе тѣсныхъ отношеній между предложеніями... Назначеніе знаковъ препинанія—облегчать разумѣніе письменной рѣчи указаніемъ

границъ между предложеніями, а отчасти и между членами ихъ".

Такимъ образомъ, въ основу пунктуаціи должны быть положены логическія отношенія между предложеніями и частями предложенія, обозначаемыя въ живой рѣчи интонаціей и паузами,—не даромъ же интересующіе насъ знаки названы знаками *препинанія*. Слѣдовательно, идеальнымъ письмомъ, по отношенію къ знакамъ препинанія, было бы такое письмо, въ которомъ-бы, подобно живой рѣчи, ясно обозначались всѣ оттѣнки мысли пишущаго. Однако такое письмо, если-бы оно и было возможно, едва-ли бы представляло особыя удобства и для пишущаго и для читающаго, такъ какъ, при передачѣ на письмѣ всѣхъ оттѣнковъ мысли, которые могутъ быть весьма разнообразны въ зависимости отъ намѣренія пишущаго, получилось бы письмо, слишкомъ ужъ испещренное разнообразными знаками. Особой однако надобности въ такихъ разнообразныхъ знакахъ нѣтъ, такъ какъ тѣ или иные оттѣнки мысли могутъ быть достаточно ясны и безъ нихъ -- изъ связи между мыслями, изъ той или иной разстановки словъ и т. д. Кромѣ того, правила о знакахъ препинанія ставятся обыкновенно въ тѣсную зависимость отъ ученія о сочетаніи словъ и предложеній, указывающемъ общія логическія отношенія между членами предложенія и предложеніями, которыя и обозначаются на письмѣ. Такимъ путемъ устанавливается, на сколько это возможно, единообразіе въ постановкѣ знаковъ препинанія, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ—какъ въ простомъ, такъ и въ сложномъ предложеніи—предоставляется желательная и даже необходимая свобода ставить знакъ или вовсе не ставить его, поставить такой знакъ или иной, смотря по тому, какой оттѣнокъ мы хотимъ придать нашей мысли.

На какихъ же началахъ построено ученіе о знакахъ препинанія въ „Опытѣ"? Едва-ли на тѣхъ же, о которыхъ мы только что говорили, такъ какъ основное значеніе знаковъ препинанія—указывать логическое отношеніе между членами предложенія и предложеніями, обозначаемое въ живой рѣчи интонаціей и паузами, въ правилахъ „Опыта" вовсе не выдержано. Особый взглядъ проф. Воеводскаго на значеніе знаковъ препинанія и послужилъ, вѣроятно, причиною того, что, раздѣляя знаки препинанія на виды, авторъ „Опыта" къ числу знаковъ препинанія относитъ и такіе, которые вовсе не обозначаютъ „препинанія" (знакъ переноса, сокращенія и т. д.) *).

*) „Знаки препинанія дѣлятся на слѣдующія категоріи: 1) знаки *расчленяющіе*: запятая, точка съ запятою, двоеточіе, точка; 2) *характеризующіе*: черта, знакъ вопросительный, знакъ восклицательный, кавычки, скобки; 3) *дополнительные*: знакъ переноса, знакъ сокращенія, многоточіе, знакъ

Стремясь къ упрощенію правилъ о постановкѣ знаковъ препинанія, проф. Воеводскій старается формулировать ихъ такъ, чтобы однимъ какимъ-либо правиломъ охватить какъ можно большее число отдѣльныхъ случаевъ. Къ такому стремленію нельзя, конечно, не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ; но дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, на первый планъ у проф. Воеводскаго при формулировкѣ правилъ выступаютъ внѣшніе признаки, что едва-ли желательно въ особенности по отношенію къ ученію о знакахъ препинанія и что едва-ли упрощаетъ дѣло; во-вторыхъ, объединяются не всегда однородные случаи, а иной разъ встрѣчаются и нарушенія обычныхъ объясненій синтактическихъ явленій, что слѣдовало-бы оговорить, такъ какъ, очевидно, проф. Воеводскій на нѣкоторыя явленія смотритъ вовсе не такъ, какъ принято, хотя въ предисловіи и ссылается на элементарный синтаксисъ.

Въ результатѣ же получаются правила, едва-ли прочно обоснованныя и выдвигающія на первый планъ работу чисто механическую.

Остановимся на нѣкоторыхъ правилахъ:

Въ § 27 читаемъ: „по отношенію къ знакамъ препинанія *союзы* и отрицательныя частицы *не*, *ни* составляютъ съ слѣдующимъ за ними словомъ нераздѣльное цѣлое“. Затѣмъ идетъ „исключеніе“: „между слѣдующими другъ за другомъ, но относящимися къ разнымъ предложеніямъ союзами ставится запятая“. Въ подтвержденіе данъ, между прочимъ, такой примѣръ: „я теперь занятъ, но, если желаешь, зайду къ тебѣ вечеромъ“. Къ чему такое правило и такое исключеніе? Неужели удобно, по отношенію къ приведенному примѣру и подобнымъ ему, примѣнять приведенное правило, заставляющее производить подсчетъ союзамъ? Не заставитъ-ли такое правило, при примѣненіи его на практикѣ, сперва написать фразу, а потомъ уже ставить знаки препинанія, чего всячески слѣдуетъ избѣгать? И при теперешней системѣ правописанія встрѣчаются подобныя правила, особенно въ элементарныхъ учебникахъ, но нельзя же считать это желательнымъ.

Только что приведенное нами правило, въ связи съ правиломъ § 28 („запятою отдѣляются другъ отъ друга: 1) однородные члены слитнаго предложенія; 2) предложенія, входящія въ составъ одного и того же періода“), заставляетъ насъ всегда ставить запятую предъ союзомъ *и*, *или*. Но къ чему же такое требованіе, когда запятая въ

параграфный, знакъ подраздѣленія, знаки выносочные“ (§ 24.) Замѣтимъ также, что многоточіе отнесено къ той же категоріи, что и знакъ переноса и т. д.

такихъ случаяхъ вовсе не соотвѣтствуетъ тому, что мы слышимъ обыкновенно въ живой рѣчи? На сколько удобно такое правило, видно изъ того, какъ пишетъ самъ проф. Воеводскій, у котораго мы находимъ, напр., такую разстановку знаковъ: 1)... „предложенія, входящія въ составъ одного, и того же періода“ (стр. 14); 2) „...внутри рѣчи предъ каждымъ союзомъ, или относящимся къ одному, и тому же предложенію сочетаніемъ союзовъ долженъ стоять... какой-либо знакъ препинанія“ (стр. 14) и т. д. Приходится, какъ видимъ, раздѣлять запятой даже такое сочетаніе словъ, какъ „*одинъ и тотъ же*“.

Въ § 31, гдѣ говорится о постановкѣ двоеточія, встрѣчаемъ, между прочимъ, такой примѣръ: „кажется: собирается гроза“.

Почему здѣсь двоеточіе? Да потому, что „послѣ вступительнаго полуперіода“ мы должны ставить двоеточіе *).

Замѣтимъ при этомъ, что проф. Воеводскій сохраняетъ и обычное значеніе двоеточія.

Какъ же произнести приведенную фразу, если имѣть въ виду обычное значеніе двоеточія? Можно, пожалуй, опасаться, что при такой разстановкѣ знаковъ препинанія мы и говорить-то станемъ не такъ, какъ теперь.

Въ § 30 говорится, между прочимъ, что точкой съ запятой дѣлятся на группы „однородные члены слитнаго предложенія“, и приведенъ такой примѣръ: „лошадь, двѣ коровы, и нѣсколько овецъ; шкафы, столы и прочая мебель; все это было продано“.

Слѣдовательно, проф. Воеводскій находитъ въ этомъ примѣрѣ такія группы однородныхъ членовъ слитнаго предложенія: 1) „лошадь, двѣ коровы, и нѣсколько овецъ“, 2) „шкафы, столы(,) и прочая мебель“, 3) „все это“.

Ясно, что проф. Воеводскій держится особыхъ взглядовъ на нѣкоторые вопросы въ области синтаксиса, такъ какъ, по обычному ученію, согласному вполнѣ съ логикой, никакъ нельзя слово *все* считать членомъ, однороднымъ со словами „лошадь“ и т. д., потому что въ такомъ случаѣ получился бы такой смыслъ: были проданы лошадь, двѣ коровы и нѣсколько овецъ; затѣмъ были проданы шкафы, столы и прочая мебель; кромѣ всѣхъ перечисленныхъ вещей, еще было продано „все это“. На нашъ взглядъ, знакомства съ элементарнымъ синтаксисомъ недостаточно, чтобы понять правило проф. Воеводскаго въ примѣненіи къ подобнымъ примѣрамъ.

---

*) Своебразное ученіе о вводныхъ словахъ, раздѣляемыхъ на вводныя реченія, вводные періоды и вводные полуперіоды, при чемъ изъ послѣднихъ выдѣляются вступительные полуперіоды, см. въ примѣч. къ § 29, стр. 15, 16.

Недостаточно также такого знакомства для того, чтобы можно было правильно примѣнять такое, напр., замѣчаніе проф. Воеводскаго: „при постановкѣ запятой слѣдуетъ также имѣть въ виду, что причастіе, и дѣепричастіе являются сокращеннымъ предложеніемъ, или сказуемымъ сокращеннаго предложенія только тогда, когда опредѣляемое ими существительное предшествуетъ имъ“ (§ 28, стр. 15).

Да развѣ дѣепричастіе можетъ служить опредѣленіемъ къ существительному?

Отступленія отъ обычнаго ученія мы видимъ и въ разсужденіи проф. Воеводскаго о вводныхъ словахъ, не отличающемся притомъ достаточной ясностью.

Такимъ образомъ, элементарный синтаксисъ въ обычномъ его видѣ не можетъ служить достаточно прочной опорой при примѣненіи правилъ „Опыта“ о постановкѣ знаковъ препинанія, хотя проф. Воеводскій въ предисловіи и ссылается на него.

Закончимъ разсмотрѣніе послѣдней главы „Опыта“ указаніемъ на § 38, гдѣ дается правило о переносѣ частей слова изъ строки въ строку: „...слово, говорится здѣсь, раздѣляется на двѣ части такъ, чтобы каждая изъ нихъ была удобопроизносима, и чтобы правильное произношеніе не нарушалось“. Слѣдовательно, переносъ частей слова основывается на произношеніи, что значительно упрощаетъ и облегчаетъ дѣло сравнительно съ общепринятыми правилами, въ основу которыхъ, кромѣ произношенія, положено и начало этимологическое.

Перейдемъ теперь къ тому, что проф. Воеводскій считаетъ главной особенностью,—къ уничтоженію буквы *ѣ*, которая, со временъ Тредьяковскаго, имѣла и имѣетъ многихъ противниковъ.

Не вдаваясь въ подробныя разсужденія о значеніи буквы *ѣ* для нашего языка, позволимъ себѣ привести на этотъ счетъ мнѣніе Стоюнина. „Въ грамматическомъ устройствѣ языка, говоритъ Стоюнинъ, обѣ буквы—*ѣ* и *е*—имѣютъ свое значеніе и свои особенные, отличные одинъ отъ другого законы. Мы можемъ уничтожить знакъ, но не уничтожимъ законовъ, которые всегда останутся въ языкѣ; вредъ будетъ состоять только въ томъ, что мы лишимся *видимыхъ* фактовъ, какъ представителей звука. Пусть *ѣ* уступитъ всѣ свои права *е*, тогда у насъ для одной буквы явится множество правилъ, различныхъ, несогласныхъ и, можетъ быть, часто противорѣчащихъ правилъ, которыя теперь распредѣляются между *двумя* буквами и составляютъ немногосложныя и простыя правила. Но намъ скажутъ: вѣдь исключена уже буква *юсъ*, которая имѣетъ свои особенности, отличныя отъ коренныхъ *у* и *я*? Да, въ письмѣ она исключена, но

мы безпрестанно должны къ ней обращаться при изученіи грамматическаго образованія многихъ русскихъ словъ; въ русскомъ письмѣ ея нѣтъ, но въ русской грамматикѣ она все-таки существуетъ во всей своей силѣ и не можетъ оттуда никогда исчезнуть. Въ такомъ случаѣ не можетъ ли и буква *ѣ* существовать только въ одной грамматикѣ? Какая же изъ того польза? Развѣ та, что большинство не будетъ затрудняться въ правописаніи многихъ словъ; но вѣдь и кромѣ буквы *ѣ* есть не мало случаевъ въ русскомъ правописаніи, гдѣ затрудняется большинство: неужели все это уничтожать и измѣнять по требованію большинства, которому между тѣмъ легко можетъ помочь наука? Такимъ образомъ, буква *ѣ* не можетъ назваться *условной* буквой, до которой нѣтъ дѣла филологіи; нѣтъ, она имѣетъ свое свойство, свое значеніе, имѣетъ полное право стать подъ защиту разумной науки" (II т. „Филологическихъ Разысканій", стр. 265).

Замѣтимъ при этомъ, что Стоюнинъ былъ горячимъ сторонникомъ упрощенія нашей орѳографіи.

Въ виду тѣхъ узко-практическихъ цѣлей, которыя преслѣдуются обыкновенно противниками буквы *ѣ*, мы не будемъ останавливаться на томъ, что буква *ѣ* „имѣетъ полное право стать подъ защиту разумной науки".

Мы позволимъ себѣ обратить вниманіе лишь на первую половину разсужденія Стоюнина, который, съ практической точки зрѣнія, совершенно справедливо полагаетъ, что уничтоженіе буквы *ѣ* вовсе не повлечетъ за собою того облегченія въ отношеніи усвоенія правилъ правописанія, на которое разсчитываютъ противники этой буквы.

Думается намъ, что всѣ эти походы противъ буквы *ѣ* являются плодомъ увлеченія кажущейся простотой, результатомъ простого недоразумѣнія: противники этой буквы, предлагая ея уничтоженіе, судятъ не съ точки зрѣнія лицъ, еще не знакомыхъ съ употребленіемъ буквы *е*, а съ своей личной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія лицъ, прекрасно знающихъ, когда слѣдуетъ писать *ѣ*, когда *е*.

Для такихъ лицъ вопросъ разрѣшается, конечно, просто: стоитъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда теперь употребляется *ѣ*, писать *е*— и все.

Но попробуйте же сообразить, въ такомъ ли, хотя бы приблизительно, положеніи будетъ то лицо, которое только обучается правописанію, которое не знаетъ, гдѣ мы ставимъ *ѣ*, гдѣ *е*?

По отношенію къ правильному начертанію буквы *е* (при уничтоженіи *ѣ*) въ словахъ съ удареніемъ на звукъ *е* (или ё) положеніе будетъ, конечно, совершенно одинаковое—и тѣ и другіе одинаково

напишутъ е (или ё). Въ такихъ случаяхъ дѣйствительно съ уничтоженіемъ буквы ѣ уничтожится и часть затрудненій—по отношенію къ тѣмъ словамъ, въ которыхъ звукъ *е* находится подъ удареніемъ (какъ въ корняхъ, такъ и въ остальныхъ частяхъ слова).

Въ сущности упрощеніе этимъ и ограничится, такъ какъ по отношенію къ остальнымъ случаямъ употребленія *е*, съ уничтоженіемъ ѣ, „у насъ для одной буквы явится множество правилъ, различныхъ, несогласныхъ и, можетъ быть, часто противорѣчащихъ правилъ“.

Въ самомъ дѣлѣ: развѣ не придется, съ уничтоженіемъ ѣ, составлять особыя правила, которыя давали бы возможность безошибочно употреблять *е* тамъ, гдѣ оно смѣшивается съ другими гласными? А такихъ случаевъ у насъ громадное количество по отношенію ко всѣмъ этимологическимъ частямъ слова. Громадное же количество получится и правилъ, ничѣмъ прочнымъ другъ съ другомъ не связанныхъ, ни на чемъ прочномъ не основанныхъ,—тѣхъ правилъ, которыми мы теперь пользуемся для отличенія на письмѣ *е* отъ другихъ гласныхъ, окажется недостаточно.

Этого однако мало. Сторонникамъ уничтоженія буквы ѣ придется, пожалуй, заставлять своихъ послѣдователей заучивать слова съ *е* въ корнѣ, что, кажется, будетъ потруднѣе заучиванія словъ съ ѣ въ корнѣ.

Повторяемъ, что, говоря такъ, мы имѣемъ въ виду не тѣхъ лицъ, которыя уже знаютъ, когда слѣдуетъ въ общепринятомъ правописаніи писать ѣ и *е*, а тѣхъ, которыя еще не искушены въ этомъ отношеніи, которыя и не будутъ знать о существованіи ѣ.

Что проф. Воеводскій, предлагая уничтожить ѣ, и не подозрѣваетъ тѣхъ затрудненій, которыя явятся результатомъ такого уничтоженія, видно изъ того, что въ „Опытѣ“ мы вовсе не находимъ правилъ о томъ, какъ слѣдуетъ на письмѣ отличать неударяемое *е* отъ другихъ звуковъ.

Между тѣмъ, проф. Воеводскій въ текстѣ „Опыта“ вездѣ ставитъ правильно *е* тамъ, гдѣ мы пишемъ или *е* или ѣ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ, обозначенныхъ въ § 14)—и въ корняхъ, и въ флексіяхъ, и въ другихъ частяхъ слова. *).

Конечно, проф. Воеводскому легко такъ писать, такъ какъ ему

*) Кстати: на чемъ основано встрѣчающееся въ „Опытѣ“ разнообразное начертаніе формъ предложнаго пад. ед. ч. въ именахъ съ основой на *ь*? То мы видимъ на концѣ *е* (*на безрыбье*—стр. 14), то *и* (*въ именьи*—стр, 19, *въ предложеньи*—стр. 10). Очевидно, проф. Воеводскій пользуется въ этомъ случаѣ правиломъ „Руководства“ (стр. 67, изд. 1898 г.), просто замѣняя ѣ посредствомъ *е*.

хорошо извѣстно употребленіе и *ѣ* и *е*, и извѣстно на основаніи правилъ общепринятаго правописанія. Но вѣдь „Опытъ" свой проф. Воеводскій предназначаетъ, конечно, не для такихъ лицъ, которымъ все это уже извѣстно, которыя чисто механически могутъ замѣнять *ѣ* посредствомъ *е*, а для такихъ, которыя вовсе не знакомы съ общепринятымъ правописаніемъ. Пользуясь „Опытомъ", такія лица на каждомъ шагу будутъ встрѣчать затрудненія относительно правильнаго употребленія буквы *е*. Для уничтоженія такихъ затрудненій слѣдовало бы составить точныя правила употребленія буквы *е*— ясныя и простыя; слѣдовало бы также перестроить фонетику, которая въ настоящемъ ея видѣ, пока не отняты права на существованіе у буквы *ѣ*, не можетъ быть пригодной для тѣхъ, которые пожелаютъ писать на основаніи „Опыта", уничтожающаго *ѣ*, хотя проф. Воеводскій, ссылаясь въ предисловіи на элементарную грамматику, имѣетъ, конечно, въ виду и фонетику въ теперешнемъ ея видѣ.

Если же мы въ настоящее время, до указанныхъ нами преобразованій, пожелаемъ кого-либо обучить правильному употребленію *е* съ тѣмъ, чтобы можно было писать такъ же, какъ пишетъ авторъ „Опыта", то мы должны поступить такъ: сперва, на основаніи правилъ общепринятаго правописанія, должны научить правильно употреблять *ѣ* и *е*, а потомъ уже, имѣя въ виду облегчить пишущаго, сказать, что вездѣ вмѣсто *ѣ* слѣдуетъ писать *е*.

Просто и легко.

Соображая все сказанное нами по поводу отдѣльныхъ пунктовъ ученія проф. Воеводскаго, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ.

1. То взаимное отношеніе между принципомъ фонетическимъ и этимологическимъ, въ какое ставитъ ихъ въ теоріи проф. Воеводскій, на самомъ дѣлѣ вовсе почти не выдержано: фонетическое начало, которое, по мнѣнію проф. Воеводскаго, должно быть основою нашего правописанія, отодвигается на практикѣ на задній планъ; начало же этимологическое, которое, по словамъ автора „Опыта", должно занимать лишь второстепенное мѣсто, на дѣлѣ является первенствующимъ.

Такое нежелательное, съ точки зрѣнія проф. Воеводскаго, отношеніе между двумя началами ясно обнаруживается какъ въ начертаніи словъ, гораздо болѣе соотвѣтствующемъ ихъ этимологическому составу, чѣмъ произношенію, такъ и въ томъ, что отдѣльныя правила, предлагаемыя въ „Опытѣ", заставляютъ насъ въ большинствѣ случаевъ искать опоры для надлежащаго написанія словъ вовсе не въ произношеніи, а въ разборѣ этимологическаго состава. При этомъ

этимологическому началу дается даже большій просторъ, чѣмъ въ „Руководствѣ“ Грота, такъ какъ во многихъ словахъ, при начертаніи которыхъ Гротъ дѣлаетъ уступку произношенію, проф. Воеводскій возстановляетъ этимологическое начертаніе; наоборотъ, фонетическому началу проф. Воеводскій уступаетъ во многихъ случаяхъ меньше, чѣмъ акад. Гротъ, такъ какъ предлагаетъ нерѣдко начертаніе словъ, рѣзко расходящееся съ произношеніемъ, чего у Грота мы почти не встрѣчаемъ.

2. Кромѣ того, непослѣдовательность въ примѣненіи на дѣлѣ фонетическаго и этимологическаго принциповъ обнаруживается и въ томъ, что проф. Воеводскій, предлагая правила правописанія, не оправдываемыя ни тѣмъ ни другимъ началомъ, руководствуется, по всей вѣроятности, въ такихъ случаяхъ обычаемъ, утвердившимъ условное начертаніе. Такія отступленія проф. Воеводскаго, вообще старающагося избѣгать всякихъ условныхъ начертаній, могутъ быть оправдываемы—отчасти, по крайней мѣрѣ—съ той точки зрѣнія, что примѣненіе правилъ, въ которыхъ мы находимъ указанную непослѣдовательность, не представляетъ особыхъ затрудненій; едва ли однако ихъ можно оправдать съ научной точки зрѣнія, такъ какъ они являются неожиданнымъ противорѣчіемъ и выставляемому основному принципу и главной цѣли автора „Опыта“ — упростить русское правописаніе.

3. Формулировка отдѣльныхъ правилъ въ „Опытѣ“ страдаетъ многими весьма существенными недостатками.

Такъ, большинство правилъ формулировано внѣ связи съ основнымъ правиломъ, вслѣдствіе чего на практикѣ за исходную точку приходится брать не произношеніе, какъ требуетъ этого основное правило, а этимологическій составъ слова; формулировка нѣкоторыхъ правилъ лишаетъ возможности пользоваться ими, такъ какъ предполагаетъ уже у пишущаго знаніе правописанія тѣхъ словъ, начертанію которыхъ должны были бы научить эти правила. Кромѣ того, ясности и опредѣленности многихъ правилъ (въ томъ числѣ и основного) мѣшаетъ то обстоятельство, что проф. Воеводскій, при формулировкѣ ихъ, предлагаетъ руководствоваться тѣмъ, что вовсе не имѣетъ безусловнаго значенія, а потому и не облегчаетъ пишущаго, а лишь затрудняетъ его Мы имѣемъ въ виду рекомендуемыя проф. Воеводскимъ, преимущественно по отношенію къ распознаванію неясно произносимыхъ гласныхъ, чутье языка и, во всѣхъ вообще случаяхъ, „достаточную ясность этимологическаго состава“. Неопредѣленность указанія на чутье языка вовсе не сглаживается требованіемъ знанія литературнаго произношенія, а возможность широкаго толкованія на практикѣ ясности этимологическаго состава не уни-

чтожается указаніемъ на необходимость предварительнаго ознакомленія съ элементарной грамматикой, которую придется прежде переделать сообразно съ желаніями проф. Воеводскаго, а потомъ уже дать въ руки желающимъ писать по „Опыту", такъ какъ, во-первыхъ, мы встрѣчаемся въ „Опытѣ" съ такими требованіями, которымъ едва ли можетъ удовлетворить обычная элементарная грамматика, а во-вторыхъ, находимъ въ „Опытѣ" и такія данныя, которыя идутъ въ разрѣзъ съ общепринятымъ ученіемъ элементарной грамматики.

Нѣкоторыя, наконецъ, правила построены нескладно и неточно въ обычномъ смыслѣ этихъ словъ, вслѣдствіе чего пользоваться такими правилами возможно лишь въ томъ случаѣ, если мы, понявъ, въ чемъ заключается неточность, замѣнимъ ихъ болѣе понятной редакціей.

4. „Опытъ" не представляетъ собою цѣльной и стройной системы, такъ какъ отдѣльныя части ученія проф. Воеводскаго не вытекаютъ изъ общаго начала (см. „основное правило") и не объединяются имъ.

Принимая во вниманіе указанные нами въ общихъ чертахъ недостатки труда проф. Воеводскаго, едва ли мы погрѣшимъ противъ истины, если позволимъ себѣ сказать, что, несмотря на доброе намѣреніе проф. Воеводскаго, его „Опытъ" не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ ни въ научномъ отношеніи, ни въ отношеніи чисто практическомъ.

Говоря такъ, мы предполагаемъ, что самъ же проф. Воеводскій желаетъ, чтобы пишущіе по его правиламъ писали единообразно— въ большинствѣ, по крайней мѣрѣ, случаевъ. Если же такого единообразія не требовать, то, несомнѣнно, многіе изъ указанныхъ нами недостатковъ „Опыта" уже нельзя будетъ считать крупными недостатками.

Останется тогда сказать одно: если возможно, ради облегченія пишущихъ, примириться съ разнообразіемъ письма на основаніи правилъ „Опыта", то лучше уже, имѣя въ виду дѣйствительное облегченіе, уничтожить всякія правила правописанія.

Сопоставляя обѣщанія проф. Воеводскаго въ предисловіи къ тѣмъ, что дѣйствительно дано имъ въ „Опытѣ", нельзя не замѣтить, что совершенно напрасно проф. Воеводскій такъ строго отнесся къ „Руководству" Грота, находя въ немъ такіе „крупные" и „очевидные" недостатки, что „нѣтъ необходимости указывать на нихъ особо".

Проф. Воеводскій правила въ „Руководствѣ" Грота считаетъ „непригодными", но въ то же время свои правила формулируетъ такъ, что они невольно, какъ мы видѣли, приводятъ въ весьма многихъ

случаяхъ къ „непригоднымъ“ правиламъ Грота, чего, повидимому, авторъ „Опыта“ и не замѣчаетъ.

Проф. Воеводскій упрекаетъ Грота въ разнообразіи и многочисленности правилъ; но зато правила эти охватываютъ всѣ случаи правописанія.

У проф. Воеводскаго правилъ дано несравненно меньше; но эти правила далеко не исчерпываютъ всего, что намъ нужно, и внѣ этихъ немногихъ правилъ лежитъ многое такое, за объясненіемъ чего мы должны будемъ обратиться къ тому уже Гроту.

Проф. Воеводскій упрекаетъ Грота въ томъ, что, не довольствуясь многочисленными правилами, авторъ „Руководства“ помѣстилъ въ концѣ книги обширные списки словъ, занимающіе 40 страницъ въ два столбца.

Но если проф. Воеводскій желаетъ, чтобы можно было, пользуясь его „Опытомъ“, писать болѣе или менѣе единообразно, давая себѣ отчетъ въ написанномъ, то къ „Опыту“ придется присоединить словарь не въ 40 страницъ, а во много разъ больше, какъ объ этомъ мы упоминали уже.

Многіе изъ указанныхъ нами недостатковъ „Опыта“ объясняются, какъ намъ кажется, тѣмъ, что проф. Воеводскій, строя систему правописанія на извѣстномъ отношеніи между двумя главными принципами его, старался въ то же время, какъ самъ заявляетъ объ этомъ въ предисловіи, сохранить по возможности начертанія общепринятаго правописанія, построеннаго на совсѣмъ иномъ отношеніи между тѣми же принципами. Кромѣ того, успѣшному выполненію благой цѣли—упростить наше правописаніе и облегчить усвоеніе его помѣшало, кажется, также и то, что проф. Воеводскій, при составленіи своихъ правилъ, руководствовался, повидимому, правилами акад. Грота, стараясь по возможности нѣсколько правилъ „Руководства“ замѣнить однимъ, при чемъ—что самое главное—во многихъ случаяхъ имѣлъ въ виду лишь тѣ примѣры, которые даны въ текстѣ „Руководства“. Но вѣдь проф. Воеводскій держится совсѣмъ иной точки зрѣнія на основы нашего правописанія; слѣдовательно, явленія, однородныя съ точки зрѣнія акад. Грота, далеко не всегда могутъ быть таковыми же съ точки зрѣнія проф. Воеводскаго, а потому и того количества примѣровъ, какимъ могъ ограничиться Гротъ въ подтвержденіе своего правила, едва ли могло быть достаточно и для проф. Воеводскаго. Эта-то недостаточная обоснованность выводовъ, выраженныхъ въ правилахъ, и ведетъ къ тому, что нѣкоторыя правила, вполнѣ, повидимому, подтверждающіяся приведенными въ „Опытѣ“ примѣрами, начинаютъ расплываться и оказываются не-

примѣнимыми, какъ только мы выйдемъ за предѣлы данныхъ примѣровъ.

Весьма возможно, что при другомъ способѣ работы, не стѣсняющемъ широкаго захвата явленій языка, и результаты у проф. Воеводскаго могли бы быть иные—могла бы дѣйствительно получиться стройная и цѣльная система, основанная на возможно точномъ примѣненіи основныхъ началъ правописанія. Начертанія словъ при томъ отношеніи между двумя принципами, которое кажется проф. Воеводскому желательнымъ, получились бы, конечно, далеко не тѣ, что теперь; но зато эти начертанія могли бы соотвѣтствовать прочно обоснованнымъ правиламъ. Можно было бы, при построеніи такой системы, многое возразить противъ широкаго примѣненія фонетическаго начала; но, быть можетъ, нельзя было бы сказать, что формулировка тѣхъ или иныхъ правилъ даетъ возможность различно примѣнять ихъ на дѣлѣ.

Сопоставляя труды акад. Грота и проф. Воеводскаго, мы не можемъ сказать, какъ это видно и изъ начала нашей статьи, что „Руководство“ Грота совершенно свободно отъ какихъ бы то ни было недостатковъ; на недостатки „Руководства“ указывалось много разъ раньше, о нихъ продолжаютъ говорить и въ настоящее время. Заключаются они главнымъ образомъ въ томъ, что акад. Гротъ на дѣлѣ отводитъ этимологическому началу меньше мѣста, чѣмъ, кажется, слѣдовало бы, и въ довольно многихъ случаяхъ удерживаетъ условныя начертанія, утвержденныя обычаемъ, но не оправдываемыя ни этимологическимъ началомъ, ни фонетическимъ. Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ положительныхъ сторонъ въ трудѣ проф. Воеводскаго. Къ числу таковыхъ, на нашъ взглядъ, относятся нѣкоторыя отступленія отъ обычнаго правописанія, представляющія собою болѣе широкое примѣненіе этимологическаго начала, чѣмъ въ „Руководствѣ“ Грота, и болѣе ограниченное примѣненіе условныхъ начертаній. Объ этихъ отступленіяхъ мы говорили уже въ разныхъ мѣстахъ своей статьи.

Вообще, имѣя въ виду нашъ алфавитъ и вдумываясь въ исторію нашего правописанія, едва ли, кажется, можно серьезно возражать противъ того, что преобладающимъ началомъ въ нашемъ правописаніи должно быть начало этимологическое, при нѣкоторой однако поддержкѣ со стороны фонетическаго принципа, въ силу котораго не слѣдуетъ, по возможности, допускать такихъ начертаній, которыя слишкомъ ужъ расходились бы съ произношеніемъ. Условнымъ начертаніямъ вовсе не должно быть мѣста.

Упрощая наше правописаніе путемъ болѣе широкаго примѣненія этимологическаго начала, мы тѣмъ самымъ облегчимъ усвоеніе его

и для учащихся, такъ какъ уничтожимъ многочисленныя и недостаточно обоснованныя исключенія изъ общихъ правилъ и дадимъ болѣе прочную опору при выборѣ тѣхъ или иныхъ начертаній.

Для болѣе успѣшнаго достиженія цѣли, школѣ придется обратить особенное вниманіе на изученіе этимологическаго состава словъ, и занятія эти, если ихъ вести въ извѣстной системѣ, принесутъ—и помимо цѣлей правописанія—несравненно больше пользы и будутъ больше содѣйствовать пониманію языка, чѣмъ практикуемый въ настоящее время въ такихъ широкихъ размѣрахъ обычный разборъ по частямъ рѣчи и по частямъ предложенія.

Такое упрощеніе нашего правописанія дѣло, несомнѣнно, не легкое, такъ какъ оно требуетъ крайней осторожности въ установленіи возможно точныхъ границъ между двумя началами.

Въ настоящее время однако задача эта значительно облегчается, благодаря трудамъ акад. Грота, который въ своихъ „Филологическихъ разысканіяхъ“ даетъ обильный и тщательно разработанный матеріалъ, котораго, какъ кажется намъ, достаточно для рѣшенія вопроса.

Пользуясь этимъ матеріаломъ, возможно установить болѣе опредѣленное и простое отношеніе между двумя началами, не принимая во вниманіе нарушеній обычнаго начертанія словъ, которое можетъ имѣть значеніе лишь для тѣхъ, которые уже привыкли писать извѣстнымъ образомъ. Кое-что въ этомъ направленіи уже сдѣлано. Напомнимъ весьма удачныя въ этомъ отношеніи работы покойнаго Вл. П. Шереметевскаго, который, въ интересахъ школы, предлагаетъ нѣкоторыя отступленія отъ „Руководства“ Грота, основанныя, въ большинствѣ случаевъ, на болѣе широкомъ примѣненіи этимологическаго начала *).

Указанія на желательность нѣкоторыхъ измѣненій въ томъ же „Руководствѣ“ мы находимъ также въ статьѣ г. Кремлева—„Мытарства одного юнца на письменныхъ экзаменахъ по русскому языку“ („Русская Школа“ 1898 г., № 12, стр. 36—68).

Однако въ настоящее время, когда, какъ кажется, вопросъ о необходимости упрощенія нашего правописанія выяснился вполнѣ достаточно, едва ли возможно ограничиться указаніями желательныхъ измѣненій въ отдѣльныхъ случаяхъ. Необходимо пересмотрѣть *все*

---

*) См. статьи его—„Объ орѳографіи вообще и о письмѣ подъ диктовку, какъ упражненіи элементарномъ, въ особенности“ (1883 г.) и „Къ вопросу о единообразіи въ орѳографіи по поводу академическаго руководства Русское Правописаніе“ (1891 г.).

„Сочиненія Вл. П. Шереметевскаго“, 1897 г., стр. 1—35 и 237—312.

„Руководство“ акад. Грота,—и именно съ точки зрѣнія болѣе широкаго примѣненія этимологическаго начала.

Еще въ 1883 г. (а затѣмъ и въ 1891 г.) Шереметевскій, въ указанныхъ статьяхъ, обратился съ такими словами къ учителямъ русскаго языка: „Господа учителя русскаго языка,... постарайтесь придти къ возможному соглашенію ради объединенія и упрощенія орѳографіи; такихъ случаевъ, вполнѣ допускающихъ соглашеніе, найдется довольно. Разъ состоится соглашеніе, и намъ и нашимъ ученикамъ будетъ легче... Начать... работу, по моему мнѣнію, нужно съ тщательнаго пересмотра школьнаго орѳографическаго кодекса, взявши за точку отправленія V главу 2-го тома Фил. Раз. акад. Грота: Критическій обзоръ современнаго правописанія. Пусть составится небольшой кружокъ изъ 5, 6 свѣдущихъ людей и ohne Hast, ohne Rast поработаетъ годъ, два, затѣмъ свой проектъ, какъ результатъ своихъ работъ, скрѣпленный подписями возможно большаго числа преподавателей русскаго языка, представитъ на усмотрѣніе II отд. Императорской Академіи Наукъ. Если заявленіе одного лица (преподавателя Новаковскаго) по тому же вопросу было принято во вниманіе Академіей и было поводомъ къ составленію „настольной“ книги для каждаго преподавателя русскаго языка, книги Грота о правописаніи (Филолог. Разыск. т. II), то коллективный проектъ за подписью десятка, другого преподавателей, можно надѣяться, не будетъ обойденъ вниманіемъ“ („Сочиненія“, стр. 240, 241).

Такой путь рѣшенія даннаго вопроса кажется намъ наиболѣе цѣлесообразнымъ.

П Селивановъ.

Литературныя чтенія дѣтямъ*).

Предметомъ этой статьи послужатъ мои наблюденія надъ дѣтскою впечатлительностью во время чтенія, произведенныя мною въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ средѣ дѣвочекъ одного изъ московскихъ пріютовъ въ возрастѣ отъ 9 до 14 лѣтъ, съ которыми я занималась литературнымъ чтеніемъ и письменнымъ изложеніемъ.

Едва ли нужно доказывать важность наблюденій въ этой области. Только путемъ наблюденій можно выяснить много характерныхъ фактовъ, знакомство съ которыми должно предшествовать всякимъ предвзятымъ методамъ и системамъ. Изученіе отношенія дѣтей къ чтенію можно вести двоякимъ путемъ: путемъ опроса дѣтей относительно ихъ вкуса, мнѣній, предпочтеній, связанныхъ съ матеріаломъ для чтенія съ одной стороны, съ другой—путемъ непосредственнаго наблюденія надъ ихъ душевнымъ состояніемъ во время чтенія. Первымъ изъ этихъ способовъ можно получить цѣлый рядъ очень цѣнныхъ дѣтскихъ отвѣтовъ, которые въ состояніи открыть намъ много новаго въ этой области. Однако же нельзя не замѣтить, что дѣтскіе отвѣты и мнѣнія не всегда могутъ быть вѣрнымъ источникомъ. Мы имѣемъ отвѣты дѣтей; но въ большинствѣ случаевъ мы не знаемъ той внутренней подкладки, тѣхъ ускользающихъ побужденій, которыя заставляютъ отвѣчать такъ или иначе. Поэтому, дѣтскіе отвѣты часто выражаютъ совсѣмъ не то, что дѣти на самомъ дѣлѣ чувствуютъ или думаютъ уже вслѣдствіе одной неточности дѣтской терминологіи. Въ этомъ случаѣ болѣе цѣннымъ и надежнымъ способомъ изученія отношенія дѣтей къ чтенію является прямое наблюденіе ихъ во время чтенія. Здѣсь ихъ впечатлѣнія выражаются не столько словами, сколько молчаливымъ вниманіемъ, выраженіемъ

---

*) Рефератъ, читанный въ засѣданіи отдѣленія по начальнымъ училищамъ Педагогическаго общества въ Москвѣ 6 февр. 1903 г.

(Разсказы Мамина-Сибиряка, Станюковича, Тургенева, Засодимскаго, Лукашевичъ, Баранцевича, Чехова, Чебышевой-Дмитріевой, М. Богданова, Бичеръ-Стоу).

глазъ, въ ихъ позахъ, въ восклицаніяхъ. Такъ, напр., если нѣкоторыя дѣти заявляютъ, что они предпочитаютъ разсказы про взрослыхъ, то въ этомъ, можетъ быть, сказывается проявленіе любознательности или дѣтскаго самолюбія (мы не дѣти, не маленькіе), между тѣмъ какъ во время чтенія они могутъ проявить невольный и гораздо большій интересъ къ дѣтскимъ разсказамъ. У другихъ то же самое заявленіе можетъ произойти оттого, что они только что прочли нѣсколько слабыхъ морализирующихъ дѣтскихъ разсказовъ, которыхъ фальшь и тенденція не ускользнули отъ ихъ чутья. Въ такомъ случаѣ дѣтскія отрицательныя мнѣнія говорятъ не столько противъ дѣтскихъ, сколько противъ антихудожественныхъ разсказовъ.

Никто не споритъ съ тѣмъ, что дѣтямъ нужно читать, чтобы пріохотить ихъ къ чтенію и пріучить къ правильному пониманію читаемаго. Но дѣло въ томъ, что въ нашемъ семейномъ воспитаніи, еще въ большей степени въ нашей низшей и средней школѣ литературныя чтенія цѣлыхъ беллетристическихъ произведеній, къ сожалѣнію, далеко еще не занимаютъ того важнаго и первенствующаго мѣста, на которое они имѣютъ несомнѣнное право. Поэтому вопросъ о методѣ чтенія въ дѣтскомъ возрастѣ не настолько разработанъ, чтобы считать излишнимъ обмѣнъ личнымъ опытомъ между интересующимися дѣломъ воспитанія и обученія.

Быть можетъ, одна изъ причинъ того, что въ нашей школѣ такъ мало читаютъ дѣтямъ, состоитъ въ неразработанности вопроса о томъ, какія изъ сочиненій нашихъ дѣтскихъ писателей могутъ быть признаны вполнѣ пригодными для этой цѣли, хотя наша литература довольно богата библіографическими обзорами и рецензіями произведеній дѣтскихъ книгъ *).

---

*) 1) А. Лебедевъ. Дѣтская и народная литература. Опытъ руководства для систематическаго чтенія. Вып. I Нижн. Новг. ц. 40 к. 1901 г.

2) М. Лемке. О дѣтскомъ чтеніи. „Русская Школа“ № 12.

3) Родительскій кружокъ при педаг. муз. воен. учеб. завед. въ Спб. Что читать дѣтямъ дошкольнаго возраста? Спб., 1896.

Педаг. музей воен. учебн. завед. Что читать дѣтямъ? Вып. I. Спб. 1898 г.

4) Опытъ каталога ученическихъ библіотекъ средн. учебн. завед. вѣдом. мин. нар. просв. Спб. 1897 г.

5) Первое дополненіе къ опыту каталога учебн. библіотекъ средн. учебн. завед. вѣдом. мин. нар. просв. Спб. 1897 г.

6) Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы, отдѣлъ по родному языку, изд. 1895, составленный по порученію спб. Комитета грамотности спеціальною коммиссіей.

7) М. В. Соболевъ., Къ елкѣ, указатель книгъ, одобренныхъ педагогическою критикой для дѣтскаго чтенія, изд. 1895 г. Спб.

Оцѣнки, данныя книгамъ въ этихъ рецензіяхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно совпадаютъ съ тѣми впечатлѣніями, которыя онѣ производятъ, по моимъ наблюденіямъ, на дѣтей. Но въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ чтеніе дѣтямъ, недостаточно однѣхъ рецензій, основанныхъ на впечатлѣніяхъ, производимыхъ дѣтскими книгами на взрослыхъ ихъ критиковъ. Необходима фактическая провѣрка основанная на живыхъ наблюденіяхъ дѣтскихъ впечатлѣній, которая могла бы дополнить и освѣтить вопросъ о воспитательномъ вліяніи дѣтскаго чтенія. Такимъ образомъ, первая цѣль, которую можно преслѣдовать въ подобнаго рода наблюденіяхъ, есть разработка методики чтенія. Поэтому среди разсказовъ, прочитанныхъ мною съ несомнѣннымъ успѣхомъ и пользой, я считаю нужнымъ упомянуть и о разсказахъ, имѣвшихъ мало успѣха или совсѣмъ неудачныхъ, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ и промахи бываютъ поучительны. Вообще же я старалась дѣлать серьезный выборъ лучшихъ разсказовъ Мамина-Сибиряка, Станюковича, Сливицкаго, Засодимскаго, Бичеръ-Стоу. Читались также разсказы Чебышевой-Дмитріевой, Лукашевичъ, Баранцевича, Короленко, Чехова. Наблюденія, связанныя съ постояннымъ чтеніемъ въ одной и той же средѣ ученицъ, могутъ представить собой нѣкоторый интересъ и для изученія индивидуальнаго характера дѣтей, насколько онъ можетъ проявиться въ ихъ отношеніяхъ къ содержанію чтенія. Наконецъ систематически веденныя чтенія въ связи съ бесѣдами о прочитанномъ представляютъ очень удобную почву для изученія художественнаго вкуса дѣтей, степени ихъ художественной чувствительности и пониманія, отзывчивости къ разнымъ сторонамъ изображаемой жизни и другихъ интересныхъ проявленій дѣтской природы.

Замѣтки мои, сгруппированныя вокругъ каждаго разсказа, будутъ относиться, во-1-хъ, къ замѣчаніямъ, сдѣланнымъ во время чтенія самими дѣвочками, къ характеристикѣ ихъ вниманія, во-2-хъ, къ бесѣдамъ, имѣвшимъ цѣлью вызвать дѣвочекъ къ болѣе подробному, мотивированному выраженію своихъ впечатлѣній.

Приступая къ изложенію впечатлѣній и бесѣдъ о прочитанномъ, я должна замѣтить, что въ теченіе первыхъ нашихъ бесѣдъ дѣ-

---

8) Критическій указатель дѣтской и педагогической литературы. Спб. 1893 г. Изд. журнала „Дѣтское Чтеніе". Вып. I.

9) Изданіе „Семейно-педагогическаго кружка въ Казани": указатель книгъ, рекомендуемыхъ для чтенія дѣтямъ. Вып. I, младш. возр. Казань. 1900 г.

10) А. В. Мезіеръ. Указатель историческихъ романовъ, оригинальныхъ и переводныхъ, расположенныхъ по странамъ и эпохамъ.

вочки обнаруживали нерѣшительность, сдержанность, и вообще не были такъ общительны, какъ въ послѣдующихъ бесѣдахъ.

Моимъ отчетамъ о впечатлѣніяхъ, производимыхъ чтеніемъ на учениць, необходимо предпосылать краткое изложеніе содержанія читанныхъ разсказовъ, чтобы замѣчанія дѣтей были болѣе понятны.

Упрямый козелъ. (Сказки и разсказы). Д. Мамина-Сибиряка.

Весело работалось столяру, и прекрасно шло его хозяйство; помощницей была его жена. Все измѣнилось послѣ ея смерти: работа уже не клеилась; все хозяйство постепенно приходило въ запустѣніе. Эта перемѣна въ жизни живо отражается на благосостояніи, настроеніи и разговорахъ домашнихъ животныхъ: козла, кота, собаки, пѣтуха и др. Послѣ одной ссоры съ козломъ хозяинъ рѣшилъ его продать, а потомъ ужъ продать и избушку. Но упорное возвращеніе козла отъ новаго хозяина и его привязанность къ домашнему очагу образумливаютъ столяра: онъ принимается за работу и скоро возстановляетъ все свое хозяйство.

Этотъ разсказъ прочитанъ слушательницамъ во второй разъ по ихъ просьбѣ. Увидѣвши, что я его принесла съ собой, заговорили: „Ахъ, я очень рада".—„Прочтите, пожалуйста!" Каждый разъ при упоминаніи объ немъ, на ихъ лицахъ разливаются довольныя улыбки и слышатся постоянныя замѣчанія: „Ахъ, какъ это хорошо!"—„Это лучше всѣхъ, какой чудной!"

„Свѣтлячки", напр., (Вторая ночь) того же автора, слушались безъ всякаго увлеченія, вѣроятно потому, что они не такъ живо рисуются воображенію дѣтей, какъ дѣйствующія лица и животныя въ „Упрямомъ козлѣ", о которомъ дѣвочки не могутъ вспоминать равнодушно. Въ „Упрямомъ козлѣ" много движенія, много сосредоточеннаго дѣйствія, ярко сгруппированы черты животныхъ — вотъ причины такой симпатіи дѣтей къ этому разсказу.

По окончаніи разсказа замѣтили: „Это все черезъ козла; если бы не козелъ, то плохо было бы съ хозяиномъ".—„А эта мышь какая хвастушка!"—„Разсказъ этотъ мнѣ нравится: тутъ про людей говорится, про животныхъ и особенно потому, что здѣсь хорошая, добрая собачка Шарикъ".

Лютикъ (Бывальщины и сказки). П. Засодимскаго.

Этотъ разсказъ, не чуждый нѣкоторыхъ недостатковъ, излишнихъ авторскихъ поясненій, пришлось прочитать съ пропусками.

Лютикъ, избалованная эгоистичная дѣвочка богатой семьи, не знающая жизни, относится сначала безучастно къ людямъ. Но во время своихъ скитаній въ лѣсу, куда увлекло ее желаніе отыскать кладъ, она сближается съ дѣдомъ-нищимъ, съ деревенскимъ мальчикомъ-сиротой и проникается новыми симпатіями и стремленіями.

Спросили вначалѣ, что такое Лютикъ и хорошая ли она была дѣвочка. Я отвѣтила, что она сначала была не хорошей. Онѣ заинтересовались и слушали съ возрастающимъ вниманіемъ, сопровождая чтеніе такими замѣчаніями. „А, она только о деньгахъ думаетъ, не то, чтобы о бѣдныхъ“.—„Я знаю, къ чему дѣло клонитъ; я знаю, что за кладъ будетъ!“—„Прежде людей не жалѣла“. Во время показыванія картинокъ конца не было восторгамъ: „Какая хорошенькая дѣвочка, ахъ, какая красивенькая“. По окончаніи чтенія всѣ оживленно заговорили: „Какой славный старичекъ!“—„Какая хорошая дѣвочка!“—„Она нашла болѣе цѣнный кладъ: она сдѣлалась добрѣе“.—„Лютикъ стала любить людей, помогать имъ въ горѣ“.—„Она научилась добро дѣлать; когда сами испытаютъ, когда сами увидятъ, тогда лучше дѣлаются“.

Пожаръ на кораблѣ (Среди моряковъ). К. Станюковича.

Транспортъ „Діана“ задержанъ штилемъ въ океанѣ. Уже нѣсколько недѣль экипажъ томится отъ жары и вынужденъ питаться ограниченными порціями пищи. На кораблѣ начинается пожаръ. Всѣ мѣры въ борьбѣ съ нимъ оказались безплодными. Экипажъ принужденъ высадиться на лодки. На глазахъ у всѣхъ тонетъ ихъ пылающее судно. Долгое плаваніе на лодкахъ ужасно: зной и голодъ унесли много жертвъ. Болѣе половины экипажа не было въ живыхъ, остальные спасены французскимъ судномъ.

Спросили, что такое альбатросъ и цынга. Описанія бѣдствій вызывали живое сочувствіе. Дѣвочки часто сокрушенно вздыхали: „О, Господи!“ Нѣкоторымъ разсказъ показался недоконченнымъ: „Если бы еще было продолженіе“.—„Я бы прибавила, какъ они пріѣхали, какъ бы дали имъ ужинъ, какъ легли спать, какъ вышли бы на берегъ и разошлись всѣ“.—„Мнѣ нравится, тутъ жалобное и радостное, люблю слушать про пожары“.—„Мертвыхъ прямо за бортъ въ воду бросали! Хоронили бы ихъ тамъ какъ-нибудь“.—„Не хорошо людей бросать; неужели и капитана они такъ бы бросили?“

Антонъ Поповъ. (Бывальщины и сказки) П. Засодимскаго.

Съ первыхъ дней по поступленіи въ гимназію у Дементьева завязалась горячая дружба съ Поповымъ, которая росла и укрѣплялась съ годами, проявляясь въ цѣломъ рядѣ интересныхъ эпизодовъ школьной жизни. Во всѣхъ случаяхъ вдумчивый и добрый характеръ Попова игралъ роль руководителя и отзывчивой совѣсти для Дементьева. Въ старшемъ классѣ настроеніе Попова принимаетъ экзальтированный идеалистическій характеръ. Онъ берется за проповѣдь добра и любви между товарищами, но простуда, схваченная имъ во время катанья на лыжахъ, сводитъ его въ могилу.

Всѣхъ особенно заинтересовала дружба мальчиковъ. Всякій разъ

при описаніи ихъ взаимныхъ дружескихъ чувствъ дѣвочки умильно усмѣхались. Во время рѣчи Попова слышались такія замѣчанія: „Это нашъ батюшка то же самое говоритъ".—„Онъ вѣрно священникомъ будетъ".—„Онъ точно въ патріархи поступаетъ".—„А вѣдь это онъ все хорошее говоритъ". —„Какіе хорошіе его стихи: онъ вѣрно былъ поэтомъ".

По окончаніи всѣ оживленно заговорили: „Очень, очень понравился". На всѣхъ сильное впечатлѣніе произвела дружба мальчиковъ и смерть Попова: „Бѣдный, умеръ, какой онъ былъ хорошій!"—„Понравилось, какъ онъ нашелъ друга".—„Какъ они съ перваго раза подружились, тутъ любовь ко всѣмъ".—„Понравились дружба и защита".

Кара-ханымъ (Зарницы). Д. Мамина-Сибиряка.

Въ башкирскую деревню, доведенную до крайнихъ предѣловъ истощенія постоянными голодовками, пріѣзжаетъ русская учительница съ намѣреніемъ основать школу для дѣвочекъ и очень скоро убѣждается послѣ того, какъ башкиры украли и съѣли ея лошадь на ея глазахъ, что ея роль въ этой деревнѣ не должна ограничиться обученіемъ, но направиться также на матеріальную помощь населенію и на улучшеніе его экономическаго быта. Сперва недовѣрчиво встрѣченная населеніемъ въ лицѣ старой бабушки, она постепенно пріобрѣтаетъ его довѣріе и благодарность. Во время чтенія выражались недоумѣнія, касавшіяся нѣкоторыхъ особенностей башкирскаго быта, употребленіе лошадинаго мяса, отсутствіе чернаго цвѣта въ одеждѣ, похвальба конокрадствомъ и т. п. Разсказъ слушали внимательно. Всѣхъ увлекла гуманная сторона разсказа: „Разсказъ не понравился бы, если бы не учительница, которая сдѣлала добро, пріучила башкирокъ къ хозяйству".—„Больше всего понравилось, какъ она пріѣхала и сдѣлала добро, тутъ доброта, и печальное, и веселое".—„Я бы продолженіе написала, какъ они приняли бы христіанство".

Стучитъ. Тургенева.

Въ лунную лѣтнюю ночь, нанявъ лошадей у крестьянина Филоѳея, авторъ выѣзжаетъ въ своемъ тарантасѣ изъ деревни въ Тулу. Встревоженный сначала разсказомъ о неладномъ мѣстѣ, затѣмъ опасностью, которой подвергался тарантасъ среди глубокой рѣки, авторъ, наконецъ, переживаетъ вмѣстѣ съ Филоѳеемъ цѣлый рядъ волненій въ ожиданіи нагоняющей ихъ телѣги съ разбойниками. Все обходится благополучно: разбойники удовлетворились двумя рублями. На возвратномъ пути изъ города въ деревню авторъ узнаетъ, что въ эту же ночь на этой же дорогѣ былъ убитъ купецъ.

Прочитанъ разсказъ, по просьбѣ дѣтей, во второй разъ и слу-

шался съ неменьшимъ удовольствіемъ. Это можно объяснить массою движеній въ немъ. Описанія картинъ природы очень ярки и живы. Въ положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ много драматизма. Передъ чтеніемъ большое движеніе.

„Вотъ интересное! Это какое страшное, страшное".

„Я люблю страшное".

— „Почему?" спрашиваю.

— „Тогда чего-то ждешь", былъ отвѣтъ. Спросили, какая бываетъ дробь и что такое тетеревъ. Прижимая руки къ груди, шепчутъ: „Вотъ сейчасъ, сейчасъ". Таинственное обращеніе Филоѳея: „Баринъ, а баринъ. Стучитъ!" ихъ чрезвычайно волнуетъ. Слышались испуганные возгласы, когда разбойники не давали дороги ѣхавшимъ, и успокоительные, когда они, взявши деньги не причинили имъ никакого вреда. Одной ученицѣ „понравился разсказъ, потому что тутъ разбойники сдѣлали добро". Другая съ этимъ не согласилась: „Ну вотъ еще добро; если бы они не дали денегъ имъ, то они бы ихъ убили".

Бѣднота. К. Лукашевичъ.

Въ разсказѣ Лукашевичъ главной темой служитъ описаніе житья-бытья бѣдныхъ студентовъ у сердобольной квартирной хозяйки. Въ немъ мало движенія, разговоры однообразные; но всетаки дѣвочки его слушали внимательно, хотя и не съ захватывающимъ интересомъ. Разсказъ имъ понравился. Мотивъ, пріобрѣвшій для нихъ симпатію къ этому разсказу, очевидно, практическій, моральный. Всѣ такъ высказались: „Здѣсь добро есть: это разсказъ про людей, жалость есть, какъ пожалѣли больного чиновника".

Скверный день Василія Ивановича. Мамина-Сибиряка.

Мальчику принесли двухъ морскихъ свинокъ, и онѣ сидѣли у него въ клѣткѣ. Одна изъ нихъ была задушена его же собственнымъ котомъ; другой грозила та же участь, но ее во время спасли, благодаря помощи пуделя. Коварный котъ навлекъ на себя большое неудовольствіе со стороны своего маленькаго хозяина. Разсказъ хотя и не отличается разнообразіемъ фабулы, но всетаки слушался довольно охотно. Во время чтенія одна ученица заявляетъ: „А, я догадываюсь, что дальше будетъ: пудель съѣстъ, вѣроятно, другую свинку". Володина нотація коту вызываетъ сочувствіе: „такъ ему и надо". Надписи надъ могилой свинки волнуютъ ученицъ. Одна взволнованно произноситъ: „Ахъ, грѣхъ, грѣхъ!" Общее движеніе. Чтеніе прервано. Другая ученица вспоминаетъ такой же случай изъ своей жизни, какъ хоронили воробья. Первая ученица переспрашиваетъ: „Вѣдь грѣхъ?" Старшая изъ всѣхъ тихо и нерѣшительно замѣчаетъ: „нѣтъ".

Разсказъ однѣмъ „не понравился: коту все попадаетъ; здѣсь котъ нехорошій, злой“, а другимъ разсказъ понравился, такъ какъ онѣ „очень любятъ собакъ, особенно кошекъ“.

Сказки черного таракана. Дѣдушкино кресло. Баранцевича.

Это разсказъ таракана о бѣдной семьѣ, живущей на квартирѣ богатаго человѣка. Бѣднякъ, для содержанія семьи, до изнуренія работаетъ и продаетъ все изъ мебели. Только оставшееся старое кресло сыграло важную роль въ жизни его семьи. Въ креслѣ была чудесная сила, навѣвавшая мысли о любви. Богачъ рѣшилъ выселить бѣдняковъ изъ своей квартиры, приходитъ къ нимъ съ укорами на счетъ ихъ лѣни и дармоѣдства; но сидя въ креслѣ, говоря съ отцомъ и дѣтьми, онъ узнаетъ, какъ велика ихъ нужда, какъ теплы ихъ отношенія, какъ искренне стремленіе къ свѣту, къ честному заработку, проникается чувствомъ состраданія къ бѣднякамъ и рѣшаетъ не оставлять ихъ безъ поддержки. Среди моихъ слушательницъ хозяинъ квартиры вызвалъ общую антипатію: „Злой, злой, у, какой злой!“ Бѣднымъ надо подсоблять“. Приходъ его въ квартиру обойщика вызываетъ запальчивое восклицаніе одной ученицы: „Злой человѣкъ въ квартиру бѣдныхъ: да онъ ее опоганитъ!“ Слышно замѣчаніе: „Все, что говоритъ тараканъ, все это правда.“ Описаніе болѣзни и усталости жены обойщика вызываютъ сочувственный вздохъ. Во время складыванія богачомъ денежныхъ пачекъ замѣчаютъ: „Миленькій тараканчикъ, если бы ты взялъ немного денегъ и отнесъ бы бѣднымъ.“ Слова таракана о креслѣ, какъ причинѣ перемѣны въ характерѣ хозяина, вызываютъ замѣчаніе: „Положимъ не оно, оно не волшебное, это такъ Богъ устроилъ“. Замѣчаніе это встрѣтило общее сочувствіе. Всѣ повторяли: „Это все Богъ.“

Разсказъ имъ „очень понравился: хозяинъ былъ сначала злой, потомъ смягчился и сталъ добрымъ. Одна выразила сожалѣніе, что „это было уже потомъ.“

„Здѣсь все правда“, было замѣчено: „потому что, если не заплатишь за квартиру, то, правда, выгонятъ“.

Ванька. Чехова.

Сирота мальчикъ, отданный на служеніе сапожному мастеру, терпитъ у него голодъ и побои. Стремясь избавиться отъ такого горькаго житья, онъ пишетъ слезное письмо своему дѣду, моля взять его къ себѣ обратно въ деревню. Опустивъ письмо безъ точнаго адреса, онъ ложится спать, убаюканный мыслью о будущемъ свиданіи съ своимъ дѣдомъ.

Форма письма деревенскаго мальчика иногда вызывала улыбки у дѣвочекъ, а горькая его участь вызвала къ себѣ ихъ состраданіе. Онѣ прониклись еще большимъ сочувствіемъ къ нему, узнавши о

томъ, какъ онъ написалъ адресъ дѣду: „Куда же дѣваютъ такія письма“?—Бѣдный, если бы онъ написалъ адресъ, какъ слѣдуетъ, то дѣдушка получилъ бы его и тогда взялъ бы его къ себѣ въ деревню: я бы его взяла къ себѣ“, замѣтила одна изъ дѣвочекъ.

Артюшка-бѣглый. Чебышевой-Дмитріевой.

Бѣднаго деревенскаго мальчика Артюшку привозятъ въ городъ и опредѣляютъ въ мастерскую. Оторванный отъ родственной ласки и вольнаго деревенскаго воздуха, онъ не выноситъ городской подневольной жизни и вскорѣ тайно отъ хозяина убѣгаетъ обратно въ деревню. Онъ остается тамъ и впослѣдствіи дѣлается честнымъ трудящимся человѣкомъ.

Упоминаніе о докторѣ, сестрѣ милосердія и мальчикахъ, подружившихся съ Артюшкой въ больничной палатѣ, вызываетъ сочувственное замѣчаніе: „У, миленькіе“.

Замѣчаніе тетки, что у него хозяинъ хорошій, вызываетъ общій протестъ: „Ну, ужъ хорошій, нечего сказать, хорошій: то и дѣло дерется“. Одна съ оттѣнкомъ ожесточенія повторяетъ: „пьяница, пьяница“. Послѣ словъ: „Артюшка зашагалъ впередъ“—крестятся со словами: „Дай Богъ, чтобы дошелъ.“ Общій громкій смѣхъ, когда тетка отслужила панихиду по немъ, какъ по мертвомъ. Всѣмъ разсказъ „очень, очень понравился: здѣсь про людей; все здѣсь: и счастье, и горе, и радость.“ „Тутъ жалобно, говорится о родинѣ, говорится, какъ Артюшка поѣхалъ, какъ жилъ и какъ убѣжалъ.“

Умнѣе всѣхъ. Аленушкины сказки. Мамина-Сибиряка.

Хотя слушали внимательно, но чувствовалось равнодушное отношеніе дѣвочекъ къ разсказу. Не было ни напряженнаго выраженія лицъ, ни особыхъ возгласовъ и движеній. Разсказъ не захватилъ даже тѣхъ, которыя любятъ слушать про животныхъ, можетъ быть оттого, что бѣденъ движеніемъ, сосредоточенъ на характерѣ индюка, исполненнаго самомнѣнія и озабоченнаго репутаціей, какъ самой умной птицы среди птичьяго двора. Разсказъ „такъ себѣ понравился: тутъ человѣка-то нѣтъ, про Матрену (птичницу) и слуху то нѣтъ, ея мало слышно“.

— „Про животныхъ не очень люблю“.—„А я просто страсть люблю про животныхъ“, замѣчаетъ другая, и она одна только усмѣхалась во время чтенія.

Въ ученьи. Мамина-Сибиряка.

Бѣдная деревенская женщина привозитъ своего маленькаго сына въ городъ къ дядѣ, который опредѣляетъ его къ знакомому сапожнику. Со стороны родственниковъ мальчикъ ласки не видитъ; не больше утѣшенія онъ находитъ въ хозяинѣ—сапожникѣ, человѣкѣ, хотя не зломъ, но часто пьяномъ. Подъ вліяніемъ тоски по деревнѣ,

мальчикъ устраиваетъ неудачный побѣгъ. Затѣмъ онъ примиряется съ своей печальной участью и терпѣливо ждетъ окончанія срока своей службы въ мастерской. Большимъ утѣшеніемъ въ его жизни была дружба и привязанность его къ больной хозяйской дѣвочкѣ. Вернуться обратно въ деревню было его мечтой. Изъ него вышелъ серьезный трудящійся юноша. Но городская жизнь такъ ему понравилась, что онъ, уѣхавши въ деревню, вернулся обратно жить въ городъ, взявъ съ собой мать и сестру. Когда дѣвочки узнаютъ, что дѣло идетъ объ опредѣленіи мальчика въ ученье, то всѣ вспоминаютъ Ваньку и Артюшку-бѣглаго и дѣлаютъ предположенія о томъ, что „онъ, вѣроятно, убѣжитъ".

— „Какъ отдадутъ въ ученье, такъ и бѣгутъ". Первоначальное намѣреніе мальчика убѣжать встрѣчаетъ дружное одобреніе: „И слава Богу". Описаніе сельской природы вызываетъ мечтательное настроеніе: „Ахъ, какъ я люблю". Дикая расправа съ мальчикомъ за его попытку бѣжать приводитъ дѣвочекъ въ сильное негодованіе: „Бѣдный Сережа, такой хорошій мальчикъ". Ни одинъ разсказъ не обсуждался такъ оживленно, какъ этотъ. Вотъ ихъ замѣчанія: „Я очень осталась довольна: съ Ванькой никакого сравненія нѣтъ, онъ маленькій, не складно, не ладно, все не дошло; а тутъ почтеніе къ старшимъ, тоска по родинѣ" выражается дѣтское недовольство.

— „Въ тысячу милліонъ разъ лучше „Ваньки": тамъ ничего не знаешь, а это лучше,—Сережа сдѣлался хорошимъ человѣкомъ". — „Тутъ любовь, терпѣніе; Артюшка сразу убѣжалъ, а этотъ терпѣлъ, всѣ его любили".—„Оба хорошіе, и Артюшка, и Сережа: оба вышли хорошими людьми".

Вольный человѣкъ Яшка. Мамина-Сибиряка.

На баркѣ по рѣкѣ Чусовой авторъ встрѣчается съ знакомымъ охотникомъ Яшкой. Яшка бурлачилъ поневолѣ; онъ мечтаетъ заработать ружье и опять зажить вольнымъ человѣкомъ. Бурлаки у него въ презрѣніи. На барку сѣло много обезсиленныхъ перелетомъ гусей, застигнутыхъ раннимъ утреннимъ снѣгомъ. Обезумѣвшій Яшка не позволялъ бурлакамъ ловить ихъ, считая грѣхомъ убивать усталую перелетную птицу. Бурлаки рѣшили оставить на волѣ „божью тварь". Спросили: „какой это вольный, что такое балагуритъ, шутовство, выкинетъ колѣнце, Пермь, лихоманка, параликъ, бурлацкая неволя". Слова Яшки: „который богъ вымочитъ, тотъ и высушитъ" вызываютъ удивленіе одной ученицы, которая съ протянутой впередъ рукой, съ убѣжденностью въ голосѣ, съ разстановкой замѣчаетъ: „Какъ онъ говоритъ: „который... вѣдь одинъ Богъ". При чтеніи словъ: „слышу я всю эту перебранку", одна ученица спрашиваетъ: „Кто это говоритъ?"

Другая отвѣчаетъ ей: „Это авторъ".—„Гдѣ же онъ былъ? Онъ съ ними ѣхалъ?" Во время чтенія было много разнообразныхъ восклицаній, выражающихъ сочувствіе къ положенію Яшки. Общее впечатлѣніе было таково: „Тутъ доброта, жалость и воля, я люблю волю, гулять по полямъ, по лужайкамъ".—„Яшка добрый человѣкъ, любитъ приволье, свободу, жалостливый, любитъ перелетныхъ птицъ".

— „Люблю, когда вы про автора читаете, когда авторъ про себя пишетъ".

Другая ученица, какъ бы въ поясненіе, прибавляетъ: „когда онъ существуетъ въ разсказѣ".—„А мнѣ, замѣчаетъ другая ученица, не очень понравился здѣсь авторъ: не люблю, когда авторъ существуетъ". На мой вопросъ, почему это ей не нравится, она отвѣчаетъ: „самъ сочиняетъ и самъ въ разсказѣ бываетъ—зачѣмъ это?"

При этомъ она слегка строитъ удивленное лицо. Въ эту бесѣду эта ученица въ первый разъ обнаружила столько впечатлительности по отношенію къ прочитанному. Надо замѣтить, что во время дальнѣйшихъ воспоминаній автора о Яшкѣ, она нѣсколько разъ прерывала чтеніе вопросомъ: „это раньше было?" Вмѣшательство автора въ ходъ событій, очевидно, мѣшало ей сосредоточивать вниманіе на дѣйствіи разсказа.

Максимка. Среди моряковъ. К. Станюковича.

Русскій военный клиперъ держитъ курсъ въ Тихомъ океанѣ. Часовой матросъ увидѣлъ въ океанѣ человѣка. Клиперъ остановленъ, и лодка съ матросами отчалила для спасенія тонувшаго. Спасеннымъ оказался мальчикъ—негръ. Весь экипажъ принялъ живое участіе въ его судьбѣ. Отеческую заботливость проявилъ къ нему матросъ Лучкинъ, назвавшій его Максимкой. Замѣтивши, что мальчикъ привязался къ нимъ и пожелалъ быть русскимъ матросомъ, матросы рѣшили просить капитана оставить его у себя на суднѣ. Максимка выучивается грамотѣ. По возвращеніи изъ плаванія въ Кронштадтъ, капитанъ опредѣляетъ его въ школу фельдшерскихъ учениковъ.

Слушали разсказъ очень внимательно. Объяснялись слова: палуба, докъ, клиперъ, мачта. Гуманный элементъ разсказа произвелъ на нихъ сильное впечатлѣніе: „Тутъ спасенье, говорили онѣ, жалость всѣхъ матросовъ, ласка".—„Понравился тѣмъ, какъ Лучкинъ заботился о немъ и какъ Максимка выучился грамотѣ".

Хижина Дяди Тома. Бичеръ-Стоу.

Разсказъ, какъ можно было ожидать, произвелъ чрезвычайно сильное и благотворное впечатлѣніе. Такого напряженнаго вниманія въ теченіе 3-хъ часовъ я не ожидала. Книга была взята на срокъ, и я принуждена была читать безъ перерыва. Я спрашивала нѣсколько разъ, не устали ли онѣ; но не успѣвала я докончить фразы,

какъ дѣвочки въ торопливомъ нетерпѣніи отвѣчали: „Нѣтъ, нѣтъ, читайте, читайте!“

— Какой хорошій Томъ, правда? замѣтила одна ученица.

Полное сочувствіе съ себѣ вызвали Лиза съ мужемъ и Джоржъ Шельби. Спрашивали въ промежуткахъ: „А гдѣ же теперь Лиза?“— „Про Лизу еще будетъ?“ Слышалцсь неоднократные враждебные возгласы по адресу мучителей невольниковъ: „У, противные!“ Или скорбные, вызванные печальной судьбою послѣднихъ: „О, Господи, Господи!“ Общіе радостные возгласы и пожеланія вслѣдъ за бѣгствомъ Лизы: „Господи, хоть бы спаслась“.

Нѣкоторыя крестятся въ моментъ избавленія невольницы. Разсказъ такъ ихъ заинтересовалъ, что онѣ выразили желаніе, чтобы я еще почитала имъ что-нибудь о неграхъ. Передъ чтеніемъ я сказала имъ нѣсколько словъ о невольничествѣ; объяснялись слова: плантаторъ, невольникъ, негроловъ, рабовладѣлецъ, купчая, вольная.

Мальчикъ и *Желтогрудка*. К. Станюковича. Родникъ, 2, 1898.

Мальчикъ, бѣгая по парку, видитъ замерзающую птичку и беретъ ее къ себѣ. Послѣ первыхъ нѣжныхъ заботъ о своей Желтогрудкѣ, мальчикъ, не замѣчая въ ней благодарности къ себѣ за свое спасеніе, дѣлается равнодушнымъ къ ней. Наконецъ въ злобномъ порывѣ онъ душитъ ее. Потрясенный этимъ своимъ поступкомъ онъ заболѣваетъ, призывая къ себѣ въ болѣзненномъ бреду загубленную птичку.

Дѣвочки нѣсколько разъ спрашивали: „Что это за птичка?“ „Это барскій былъ мальчикъ?“ Послѣ каждаго грубаго его обращенія съ птичкой слѣдуютъ со всѣхъ сторонъ восклицанія: „У, какой скверный мальчишка! - Какой нехорошій!—Противный, злой!“ Смерть птички взволновала всѣхъ, особенно одну ученицу, которая всегда съ большимъ удовольствіемъ слушаетъ разсказы про животныхъ. У нея въ глазахъ стояли слезы. Онѣ прониклись такимъ сожалѣніемъ къ птичкѣ, что даже обрадовались болѣзни мальчика: „Слава Богу, что онъ захворалъ: тутъ есть наказаніе, противный мальчишка!“ По поводу сравненія этого разсказа съ „Ванькой“ Чехова было сдѣлано дѣвочками нѣсколько любопытныхъ замѣчаній: „Ну, что Ванька, тамъ только и сказано: „и пишу тебѣ письмо, и пишу тебѣ“.— „Тутъ авторъ сочинялъ длинный разсказъ, а „Ванька“ очень маленькій, и я ему (автору „Ваньки“) очень неблагодарна“. Очевидно „Ванька“ неудовлетворялъ ихъ бѣдностью дѣйствія.

Завѣтный рубль. Сливицкаго.

Это воспоминанія дѣтства самого автора. Мать его, вдова, живетъ съ мальчикомъ въ глухомъ городкѣ, гдѣ проживаетъ и его дѣдушка. Онъ не богатъ и самъ, однако, всегда дѣлился съ ними

всѣмъ, чѣмъ могъ. Дѣдушка любилъ своего внучка и все обѣщался пойти съ нимъ на ярмарку, не исполняя никогда своихъ обѣщаній. Но когда дѣдушка умираетъ, они узнаютъ, какую онъ всегда терпѣлъ нужду въ деньгахъ, насколько его обѣщанія были искренни, какъ бережно сохранялся имъ обѣщанный мальчику рубль въ надеждѣ когда-нибудь подарить ему. Воспоминанія объ этомъ рублѣ всегда возбуждаютъ въ душѣ автора мягкія, добрыя чувства.

Какъ иногда одностороння бываетъ критика, приступающая къ оцѣнкѣ дѣтской книги исключительно со стороны богатства и разнообразія сюжета! Здѣсь нѣтъ почти никакой интересной исторіи, ни занимательныхъ приключеній; но какой захватывающей сердечной теплотой проникнутъ этотъ разсказъ. Въ этомъ отношеніи онъ принадлежитъ къ поэзіи обыденной дѣйствительности, противоположной всему фантастическому, поэзіи новаго времени въ исторіи развитія дѣтской литературы.

Опасеніе того, не вредно ли подобными разсказами преждевременно останавливать дѣтское вниманіе на мелкихъ матеріальныхъ житейскихъ разсчетахъ взрослыхъ, было бы съ воспитательной точки зрѣнія неосновательно. Надо помнить, что дѣйствительная жизнь множества дѣтей проходитъ среди такой обстановки, гдѣ они слышатъ разсчеты, внушенные бѣдностью. Въ эти разсчеты и мелкія заботы этотъ разсказъ вноситъ нравственный элементъ. Если этотъ разсказъ прежде всего долженъ отозваться въ душѣ дѣтей бѣднаго слоя, то онъ будетъ съ другой стороны не лишенъ поучительности въ средѣ дѣтей, живущихъ среди роскоши и богатства, такъ какъ заставитъ понять, лучше всякихъ разсужденій, что значитъ одинъ рубль для бѣднаго человѣка.

Слушали съ большимъ волненіемъ и интересомъ. Сначала поведеніе дѣдушки въ отношеніи внучка вызывало общее негодованіе: „Какой недобрый дѣдушка!—Какой скряга, нехорошій!“ Только одна ученица, старше всѣхъ, замѣтила: „Нѣшто можно про дѣдушку такъ говорить? Дѣдушка хорошій, какой же онъ скряга, когда онъ имъ помогаетъ“. Но далѣе болѣзнь его начинаетъ вызывать сожалѣніе: „Лишь бы дѣдушка не умеръ!“

Эти слова вызываютъ ироническое замѣчаніе одной ученицы: „Да вѣдь онъ все равно умеръ: вѣдь это воспоминанія“. По прочтеніи онѣ поспѣшили замѣтить: „Этотъ разсказъ въ милліонъ разъ лучше Ваньки“. — „Разсказъ понравился тѣмъ, что онъ длинный: здѣсь мальчикъ былъ всегда хорошій, любилъ старшихъ“. — „Тутъ есть доброта, радость, любовь и печаль“.

Стали вспоминать, не Сливицкаго ли „Волчья дубрава“ и „Ра-

зоренное гнѣздо", и замѣтили, что имъ „разсказы Сливицкаго нравятся".

Дорогой камень. Мамина-Сибиряка.

Въ селѣ Мурзинкѣ на Уралѣ проживала семья Четвериковыхъ. Бабушка ихъ жила не въ обидѣ, но всетаки всѣмъ всегда завидовала. Теперь ей не давали покоя „струганцы", обогатившіе нѣкоторыхъ изъ сосѣдей. Сынъ былъ противъ такого богатства, и старушка, побаиваясь его, часто заводила о нихъ рѣчь со внукомъ. Ихъ родственникъ, Лукичъ, уговорилъ дѣда начать раскопки, и тотъ соглашается на это втайнѣ отъ сына. Лукичу не удается скрыть отъ дѣда гнѣздо аметистовъ. Мальчикъ Никита скрываетъ найденный имъ дорогой камень, разсчитывая продать его скупщику. Скупщикъ, предупрежденный Лукичемъ, беретъ у него камень, ничего ему не платя, а самого мальчика выпроваживаетъ за ухо, грозя сказать дѣду.

Чтеніе „Дорогого камня" могло убѣдить лишній разъ, что описанія мало захватываютъ дѣтскій умъ. Я видѣла, по выраженіямъ лицъ, что дѣвочки равнодушно слушаютъ разсказъ въ описательныхъ частяхъ, напр., въ описаніи расположенія села Мурзинки. Мотивъ разсказа — добываніе камней ихъ, повидимому, заинтересовалъ; онѣ часто меня прерывали вопросами о томъ „какой величины могутъ быть камни, могутъ ли другіе придти копать въ ту же яму; что будетъ, если какіе-нибудь чужіе придутъ копать, не зная, что здѣсь уже работаютъ". Спросили, что такое суевѣріе. Во время нападокъ Лукича на Никиту за утаенный камень, дѣвочки дружно защищаютъ мальчика, повторяя по нѣсколько разъ: „Никита не воръ. Вѣдь онъ не воръ? — переспрашиваетъ меня одна ученица: „онъ самъ нашелъ камень; вотъ, если онъ получитъ деньги за камень, онъ отдастъ дѣдушкѣ". У всѣхъ съ непріятнымъ и неожиданнымъ удивленіемъ вытягиваются лица въ моментъ, когда узнаютъ о поступкѣ скупщика съ Никитой. Это буквально вызываетъ бурю негодующихъ восклицаній: „У, какой скверный! Какой гадкій!"

Одна ученица громко и ожесточенно кричитъ, потрясая кулачкомъ: „Въ тюрьму, въ тюрьму его! Вотъ взять бы его разложить, да показать, какъ надо правду понимать". Мнѣнія объ этомъ разсказѣ были такія: „Тутъ не добро, обманъ; если бы не Иванъ Васильевичъ (скупщикъ, обманувшій Никиту) разсказъ понравился бы".—„Лукичъ не добрый, совѣсти и доброты нѣтъ, стыда нѣтъ маленькаго мальчика обманывать".—„Разсказъ мнѣ бы понравился, если бы не описанія, я не люблю описанія; когда я читаю, то описанія всегда пропускаю, а разговоры читаю".

Дѣти не обратили вниманія на полноту содержанія этого разсказа: они осудили его за представленные въ немъ характеры. Однако же

при упоминаніи разсказа „Ваньки“ было замѣчено: „Что вы съ „Ванькой“ все сравниваете: „Ванька“ совсѣмъ не хорошій“.

Ванька и колдунъ Волкъ. М. Богданова. Изъ жизни русской природы.

Крестьянскій мальчикъ, убирая зимой возъ сѣна, натолкнулся на ужа, принялъ его за пропавшій кнутикъ гостившихъ въ деревнѣ господскихъ дѣтей и положилъ его за пазуху. Ужъ, очнувшись, зашевелился и страшно перепугалъ мальчика. Всѣ окружающіе, въ особенности женщины, въ полной увѣренности, что „змѣя въ нутро въѣлась“ и принялись отчитывать ребенка. Рѣшили послать за знахаремъ. Это былъ жадный невѣжественный, но хитрый чувашъ, злоупотреблявшій легковѣріемъ крестьянъ. Онъ расположился въ семьѣ на три дня, собираясь вдоволь ѣсть и пить, обѣщая выгнать змѣя. Онъ былъ ловкимъ конокрадомъ. Всѣ его плутни разоблачаетъ сельскій учитель. Колдунъ, по прозвищу Волкъ, изъ мести поджигаетъ сельскую школу. Его удалось арестовать. Съ тѣхъ поръ даже старухи перестали вѣрить въ колдуновъ.

Во время чтенія спросили, что значитъ пѣгашки, барчата, прикурнулъ, недоуздокъ, малую толику. Причитанія бабъ вызывали смѣхъ. Учитель возбуждаетъ сочувствіе, а колдунъ общую непріязнь. Поджогъ школы сильно волнуетъ всѣхъ: „Ну, вотъ, это онъ со зла на учителя: тотъ открылъ, какой онъ былъ колдунъ, а этотъ захотѣлъ отомстить, взялъ вотъ, да и поджогъ школу“. Разсказъ „понравился бы, если бы не было воровства, лганья, суевѣрія, если бы не было знахаря“. — „Понравился тѣмъ, что здѣсь есть школа, умный человѣкъ и доброта; учитель, ребята были хорошіе, не люблю знахаря, люблю доктора, фельдшера“.

Мышь. М. Богданова. Мірскіе захребетники.

Это просто изложенная исторія о томъ, какъ дикія полевыя мыши постепенно превратились въ домовыхъ животныхъ. Разсказъ не увлекалъ даже любительницъ животныхъ. Слова: „муху-бабуху, мышь-говоруху“—вызываютъ улыбки. Пришлось объяснить, что значитъ „просвѣщенный хозяинъ, владѣющій силою пара, телеграфами, телефонами“. Слѣдовали разспросы объ этихъ предметахъ. Нѣсколько разъ спрашивали: „когда же будетъ про мышку-говоруху?—„Неужели, правда, мышь говоритъ; почему мыши перестали пѣть?“ Отзывы объ этомъ разсказѣ получились такіе: „Мнѣ совсѣмъ бы не понравился, если бы авторъ не говорилъ, мнѣ нравится, когда авторъ отъ себя говоритъ“.—„Понравился, только разговоровъ нѣтъ“.—„Не особенно понравился: здѣсь только описывается, какъ мышь жила, я думала, что мышка будетъ возиться, а тутъ только сказано, какъ она прыгала и пѣла“.

Очевидно, этотъ описательный разсказъ не понравился по отсутствію въ немъ сюжета.

Лѣшій. М. Богданова. Изъ жизни русской природы. Авторъ вспоминаетъ, какъ его старая няня постоянно пугала его въ дѣтствѣ разсказами о лѣшемъ, и какъ онъ черезъ это сдѣлался трусомъ. Уже будучи гимназистомъ 4-го класса, онъ получилъ въ подарокъ отъ отца ружье; отправившись въ лѣсъ на охоту, онъ заблудился; таинственные голоса въ лѣсной тиши и призраки лѣшихъ леденили въ немъ кровь. Много претерпѣлъ онъ страха, пока не встрѣтился съ знакомымъ лѣсникомъ, котораго издали принялъ за лѣшаго. Съ тѣхъ поръ онъ разстался съ своимъ дѣтскимъ предразсудкомъ.

Въ началѣ чтенія спросили: „Это кто пишетъ, авторъ?“ При словахъ автора: „Нѣтъ, лѣшій только озорникъ, а въ сущности добрый малый“—одна ученица, покачивая головой, съ насмѣшкой протяжнымъ тономъ произноситъ: „Авторъ, а какую глупость говоритъ!“—„Какую глупость?“ спрашиваю. „А что лѣшій добрый малый“.—„Вѣдь лѣшаго же нѣтъ“—говорю я ей.—„Когда вы читаете, мнѣ думается, что онъ есть“. Разговоры заблудившагося мальчика съ лѣсникомъ оживили дѣвочекъ. Разсказъ преимущественно описательный. Свѣдѣнія, сообщаемыя въ послѣдней части разсказа, о происхожденіи росы, о свойствахъ влажнаго воздуха, звука, картины просыпающейся весенней природы—не особенно заинтересовали дѣвочекъ, не вызвали съ ихъ стороны вопросовъ, можетъ быть, вслѣдствіе ихъ недостаточнаго развитія.

Подводя итоги всѣмъ пережитымъ впечатлѣніямъ, прежде всего я должна замѣтить, что среда дѣтей, въ которой мнѣ приходилось читать, представляетъ собою благопріятную почву для наблюденія дѣтской впечатлительности къ чтенію. Эти дѣти, далеко не избалованныя утонченнымъ воспитаніемъ, принадлежатъ къ классу бѣднѣйшаго городского населенія. Ихъ отношеніе къ чтенію совершенно свѣжо и живо. Отсюда полная, почти первобытная непосредственность, выраженіе въ жестахъ, взглядахъ и игрѣ лицъ малѣйшихъ чувствъ, мыслей и настроеній. Всякое душевное движеніе тотчасъ же отражается на ихъ дѣтскихъ физіономіяхъ. Характеризуя въ общихъ чертахъ ихъ отношеніе къ чтенію, надо отмѣтить прежде всего неутомимость дѣтскаго вниманія къ слушанію длинныхъ художественныхъ разсказовъ. Эти дѣти своимъ отношеніемъ къ чтенію опровергаютъ господствующій у насъ въ школьныхъ сферахъ предразсудокъ, будто для дѣтскаго чтенія нужны отрывки и короткіе разсказы, которыми такъ усердно переполнены хрестоматіи и такъ называемыя „книги для чтенія“. Мы видѣли, напротивъ того, какъ дѣти неуто-

мимы въ этомъ отношеніи; ихъ интересъ къ чтенію растетъ вмѣстѣ съ объемомъ читаемаго. И какое разочарованіе испытываютъ они, когда видятъ напередъ, что разсказъ очень коротокъ. Вотъ ихъ обычныя восклицанія или вопросы, касающіеся объема разсказа: „Ахъ, какой коротенькій разсказъ, миленькія, какой коротенькій".—„Миленькія, сейчасъ кончится".—„Малюсенькій, дѣвочки, какой!"—„Ужъ кончили?!" удивились онѣ послѣ разсказа Гославскаго „Полотеръ", продолжавшійся около 20 м. „Коротенькій до смерти!" Или радостный возгласъ: „Батюшки, какой длинный!" Какъ только заявишься съ книгой, всегдашніе вопросы: „Короткій, длинный, веселый, скучный?"—„Я люблю скучные".—„А я люблю веселые". Онѣ всякій разъ готовы были слушать чтеніе нѣсколько часовъ подъ рядъ. Этотъ фактъ можно объяснить тѣмъ, что художественные образы чѣмъ дальше, тѣмъ больше становятся близкими и понятными для ихъ воображенія и въ такой степени, что, наконецъ, всякій сторонній шумъ, звукъ, движеніе, мѣшающіе имъ слушать, вызываютъ въ нихъ чуть ли не враждебныя чувства.

У насъ часто повторялся характерный въ этомъ отношеніи эпизодъ. Какъ только среди чтенія стѣнные часы начинаютъ громко и тяжеловѣсно отбивать удары, я прерываю чтеніе; тогда одна особенно подвижная ученица, поворачиваясь къ часамъ, морщась, нетерпѣливо произноситъ: „Ахъ, ужъ эти часы противные!" Вотъ одно изъ удачно выраженныхъ опредѣленій той роли, которую могутъ имѣть художественные образы въ жизни человѣка: „Проходитъ много лѣтъ, уходятъ люди, уходятъ радости—но образы, которые рано поразили или полюбились, все стоятъ предъ глазами величавые, дорогіе, какъ въ первую минуту, часто еще дороже: тогда они только восхищали, теперь утѣшаютъ" *).

Дѣвочки реагировали на чтеніе очень эмоціонально. Чтеніе всякаго разсказа, въ которомъ встрѣчался рядъ неожиданныхъ приключеній, онѣ часто прерывали такими замѣчаніями: „Господи, что дѣлается-то!—Что-то дальше случится". Иногда при чтеніи вслухъ приходится прибѣгать къ пропускамъ какъ отдѣльныхъ фразъ, такъ и отдѣльныхъ эпизодовъ въ разсказахъ по общему содержанію вполнѣ соотвѣтствующихъ своему назначенію.

Побужденія, заставляющія дѣлать пропускъ, бываютъ самыя разнообразныя, напр., устраненіе непонятныхъ словъ, отвлеченныхъ разсужденій автора или описаній, ослабляющихъ впечатлѣніе; но всего чаще этимъ побужденіемъ является желаніе устранить отъ дѣтскаго вниманія нѣкоторыя преждевременныя для нихъ черты

*) В. Крестовскій въ своемъ предисловіи къ книгѣ Де-Амичисъ: „Дневникъ школьника".

жизни. Пропуски этого рода особенно затруднительны, во-1-хъ, потому, что сами дѣти не любятъ пропусковъ. Это усиливаетъ ихъ любопытство и вселяетъ недовѣріе къ читающему. Замѣчаются недовѣрчивые взгляды, недовольные возгласы. Въ разсказѣ, напр., „Невольный убійца" Короленко пропуски дѣвочки замѣчали и, недовольныя, энергично протестовали. „Ну, что это, пропустили! Ну, вотъ, видите, опять". Во-2-хъ, потому, что пропуски, въ томъ случаѣ, если книга попадается въ руки дѣтей, могутъ вести къ цѣли, противоположной той, ради которой они дѣлаются. Вмѣсто того, чтобы ослабить вниманіе дѣтей по отношенію къ извѣстнымъ сторонамъ жизни, они могутъ только усилить его къ нимъ. Лучше было бы не дѣлать пропусковъ, вообще вредныхъ въ педагогическомъ отношеніи. Это вопросъ такой трудный и важный, что желательно было бы обратить на нихъ вниманіе самихъ авторовъ.

Относительно содержанія разсказовъ надо сказать, что всѣ почти предпочитали разсказы съ реальнымъ содержаніемъ и преимущественно про людей. Онѣ часто тономъ сожалѣнія или разочарованія произносятъ: „Сказка! Ска-а-зка! А я думала быль". Быль нравится дѣтямъ болѣе явнаго вымысла, разговоры больше описаній. Описательныя части разсказа онѣ всегда выслушиваютъ равнодушно. Въ этомъ отношеніи интересно замѣчаніе, сдѣланное одной ученицей: „Описанія, гдѣ кто живетъ, какая мѣстность, пропускаю". Дѣтямъ нравится постепенное развитіе дѣйствія; ихъ захватываетъ смѣна переживаемыхъ чувствъ и положеній. Характерны ихъ такія замѣчанія: „Все не дошло, не складный". Въ этихъ словахъ выражается недовольство неполнотою въ развитіи сюжета и эскизностью въ изображеніи характеровъ, или разсказъ не удовлетворялъ ихъ бѣдностью содержанія.

Что же касается собственно отношенія дѣтей къ художественнымъ достоинствамъ разсказовъ, ихъ способности проявлять художественное чувство, то надо признать, что хотя дѣйствіе его несомнѣнно, но оно проявляется у нихъ еще въ своей первоначальной, смутной, неразвитой формѣ. Можно съ увѣренностью сказать, что проблески художественнаго чутья никогда ихъ не покидаютъ.

По ихъ отвѣтамъ, иногда очень остроумнымъ, чувствуется, что для нихъ художественная полнота или отрывочность разсказа не проходитъ безслѣдно. Онѣ это чувствуютъ, хотя, конечно, не могутъ формулировать въ достаточно опредѣленныхъ выраженіяхъ. Сюда слѣдуетъ отнести постоянное требованіе, чтобы въ разсказѣ заключалось живое развитіе сюжета (все не дошло, ничего не знаешь), болѣе цѣльная, полная картина жизни (ждешь, что дальше будетъ), смѣна разнообразныхъ событій.

Но дѣти еще не въ состояніи отдѣлять художественныхъ свойствъ разсказа отъ такихъ случайныхъ чувствъ и ассоціацій, которыя возбуждаются въ нихъ содержаніемъ. Поэтому въ дѣтскихъ оцѣнкахъ приговоры, основанные на художественныхъ свойствахъ разсказа, стоятъ на второмъ планѣ или совсѣмъ стушевываются. На первомъ планѣ у нихъ всегда стоятъ оцѣнки моральной стороны. Чѣмъ больше въ разсказѣ, по ихъ понятіямъ, добра, тѣмъ легче онъ удостаивается ихъ одобренія. Иногда у дѣвочекъ проявлялись разнообразныя точки зрѣнія при одномъ и томъ же впечатлѣніи. Одна переживаетъ какое-нибудь описаніе, какъ текущій фактъ дѣйствительности, другая смотритъ на него, какъ на воспроизведеніе минувшей дѣйствительности (см. Антонъ Поповъ, Завѣтный рубль). Наблюдая надъ дѣтской впечатлительностью, не слѣдуетъ смѣшивать ихъ непосредственнаго вниманія съ ихъ сужденіемъ: нерѣдко разсказы, вызывающіе своею художественностью высшую степень вниманія съ ихъ стороны и слѣдовательно доставляющіе имъ удовольствіе, не удостаиваются хорошихъ отзывовъ и не вызываютъ желанія повторить чтеніе ихъ только потому, что заключаютъ, по ихъ выраженіямъ, „много зла, обмана, воровства (Кара-ханымъ). То важное обстоятельство, на которое обратитъ вниманіе взрослый читатель, именно на то, что воровство изображено правдиво, художественно, ускользаетъ изъ ихъ сужденія, и воровство, какъ жизненный фактъ, служитъ причиной неодобренія разсказа. Судя по нѣкоторымъ замѣчаніямъ дѣвочекъ объ участіи автора въ разсказѣ, можно видѣть, какъ рано уже у нихъ проявляется совершенно опредѣленное отношеніе къ такимъ утонченнымъ сторонамъ художественнаго творчества, какъ объективное изображеніе и субъективный элементъ. Въ то время, какъ одна ученица съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣчаетъ личное участіе автора въ разсказѣ, другая въ наивной, но вполнѣ ясно выраженной формѣ рѣшительно высказывается въ пользу объективнаго изображенія.

Но, какъ мы уже замѣтили, было бы очень ошибочно вполнѣ довѣриться дѣтскимъ оцѣнкамъ разсказовъ въ отношеніи ихъ художественныхъ достоинствъ. Иногда дѣти сами не знаютъ, что имъ доставляетъ больше удовольствія. Одно дѣло выслушивать дѣтскія, иногда безотчетныя, сужденія о прочитанномъ и совсѣмъ другое, болѣе важное—слѣдить за непосредственнымъ дѣйствіемъ чтенія на ихъ душевную жизнь. Другая причина смутнаго состоянія ихъ способности къ художественному сужденію состоитъ въ томъ, что дѣти слишкомъ сильно, непосредственно переживаютъ содержаніе читаемаго разсказа, который является въ ихъ воображеніи не картиной воспроизведенія дѣйствительности, а скорѣе самой дѣйствительностью.

Онѣ присутствуютъ при событіяхъ, разсказываемыхъ въ повѣсти, и слѣдятъ за ними такъ, какъ бы онѣ слѣдили за уличнымъ или какимъ-нибудь житейскимъ происшествіемъ, происходящимъ на ихъ глазахъ. До какой степени сильно дѣйствуютъ слова на дѣтскую душу и образы, съ ними связанные, какъ они заставляютъ дѣтей вѣрить въ ихъ реальную дѣйствительность, объ этомъ можно судить по интересному замѣчанію одной изъ дѣвочекъ о существованіи лѣшаго: „когда вы читаете, говорила она, мнѣ думается, что онъ есть“. Дальнѣйшимъ проявленіемъ того же самаго свойства дѣтской души, т. е. ея довѣрчивости и легковѣрія, служитъ то постоянное стремленіе дѣвочекъ опередить своимъ воображеніемъ ходъ развитія разсказа, предугадать дальнѣйшій ходъ событій, пока разсказъ еще не прочитанъ до конца или дополнить его новыми подробностями, придѣлать къ нему свое окончаніе, если онъ кажется имъ недоконченнымъ у автора. Отсюда же вытекаетъ крайняя эмоціональность ихъ отношенія къ чтенію, эти постоянныя восклицанія, вздохи, замѣчанія, высказываемыя вслухъ безъ стѣсненія во время самого чтенія. Изъ этихъ особенностей отношенія дѣтей къ чтенію вытекаетъ сила воспитательнаго вліянія прочитаннаго дѣтямъ произведенія дѣтской беллетристики. Для нихъ это настоящая замѣна жизненнаго опыта.

Съ точки зрѣнія воспитательныхъ задачъ школы, можно высказать убѣжденіе, что литературныя чтенія въ младшихъ классахъ, составляющія въ настоящее предметъ роскоши въ школьномъ обиходѣ, должны были бы сдѣлаться, въ связи съ письменными работами, главнымъ средоточіемъ преподаванія родного языка.

Кругъ наблюденій моихъ въ области дѣтскаго чтенія, какъ видитъ читатель изъ этого очерка, ограниченъ небольшимъ числомъ слушателей и потому не могъ бы служить основаніемъ для болѣе рѣшительныхъ выводовъ; но мы имѣли въ виду этимъ сообщеніемъ вызвать дальнѣйшіе труды въ этомъ направленіи со стороны многочисленнаго класса учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ, въ которыхъ правильная организація литературныхъ чтеній дѣтямъ и наблюденій надъ ними могла бы доставить обширный и интересный матеріалъ какъ для изученія умственныхъ запросовъ дѣтей школьнаго возраста, такъ и для оцѣнки произведеній дѣтской литературы.

Вѣра Балталонъ.

Обученіе грамотѣ.

А. Понятіе о грамотѣ; значеніе грамоты; положеніе вопроса объ обученіи грамотѣ.

Подъ грамотой разумѣютъ или одно только умѣнье читать, или умѣнье читать и писать *).

Во время возникновенія письменности грамотнымъ могъ быть только тотъ, кто умѣлъ писать. Умѣнье писать само собой обусловливаетъ и умѣнье читать, потому что читать—значитъ воспроизводить по письменнымъ знакамъ написанное, а со времени изобрѣтенія книгопечатанія—кромѣ того и напечатанное.

Самостоятельно дойти до умѣнья читать и писать почти невозможно, особенно въ раннемъ возрастѣ. Здѣсь нужна посторонняя помощь, и чѣмъ разумнѣе она будетъ, тѣмъ скорѣе учащіеся овладѣютъ этими умѣньями.

Умѣнья читать и писать изъ сознательныхъ должны обратиться въ механическіе процессы, въ родѣ процессовъ ходьбы, пиленья, строганья, точенья и т. п. Чѣмъ больше процессы чтенія и письма будутъ механическими, безсознательными, тѣмъ это лучше для сознательнаго отношенія къ тому, что мы читаемъ и пишемъ.

Поэтому наилучшимъ способомъ обученія процессу чтенія и письма должно признать тотъ, который возможно скорѣе дѣлаетъ эти процессы механическими, безсознательными.

Къ крайнему сожалѣнію, вопросъ объ обученіи грамотѣ вообще и русской въ частности, несмотря на усилія очень многихъ талантливыхъ педагоговъ, и до сихъ поръ остается открытымъ **).

---

*) Читать въ данномъ случаѣ значитъ воспроизводить слова по письменнымъ знакамъ. Писать—значитъ переводить слова посредствомъ письменныхъ знаковъ.

**) На Нижегородской выставкѣ 1896 г. В. Флеровъ говорилъ: „Ни одинъ вопросъ по начальному обученію не имѣетъ столь богатой литературы, какъ вопросъ о методахъ обученія грамотѣ. Но если вы имѣли нужду обратиться къ ней за разъясненіемъ по интересующему насъ вопросу (т. е. по вопросу о сліяніи звуковъ), то могли убѣдиться, что изъ занятій, входящихъ въ

Происходитъ это оттого, что безъ надлежащаго вниманія относятся къ тѣмъ условіямъ, которыя могутъ способствовать удовлетворительному рѣшенію даннаго вопроса.

Б. Условія, необходимыя для удовлетворительнаго рѣшенія вопроса объ обученіи русской грамотѣ.

Для удовлетворительнаго рѣшенія вопроса объ обученіи русской грамотѣ необходимо 1) знать истинную природу звуковъ русскаго языка и буквъ русской азбуки, 2) понимать, въ чемъ состоитъ процессъ чтенія и письма вообще и русскаго въ частности, 3) также обратить вниманіе на существовавшіе и существующіе методы обученія грамотѣ.

I.

Понятіе о звукахъ русскаго языка и буквахъ русской азбуки.

Анализируя русскую общепринятую литературную рѣчь, мы ясно и отчетливо можемъ распознавать слѣдующіе гласные и согласные звуки: гласные—*а*, *о*, *у*, *ы*, *э*, *и* (и безъ йота); согласные: *й*, *ръ*—*рь*, *лъ*—*ль*, *нъ*—*нь*, *дъ*—*дь*, *тъ*—*ть*, *зъ*—*зь*, *съ*—*сь*, *бъ*—*бь*, *пъ*—*пь*, *въ*—*вь*, *фъ*—*фь*, *) *hъ*—*hь*, *хъ*—*хь*, *γъ*—*γь*, **) *къ*—*кь*, *ш*, *ж*.

составъ обученія грамотѣ, менѣе удовлетворительно разсмотрѣно именно это важнѣйшее занятіе — обученіе сліянію звуковъ". („Русская Школа". 1896 г. № 11 стр. 176).

Черезъ годъ послѣ этого г. Житомирскій писалъ: „Едва ли есть въ педагогической литературѣ вопросъ, о которомъ было бы болѣе написано и который тѣмъ не менѣе оставался бы болѣе открытымъ, чѣмъ вопросъ о методѣ обученія грамотѣ" („Педаг. Сборн.". 1897 г. № 1 стр. 70).

Еще черезъ годъ г. Кл. Тихомировъ свою статью „Культурно-историческія основы звукового метода обученія грамотѣ" началъ словами: „Наша методологическая литература по обученію грамотѣ, несмотря на свою значительность и довольно длинную исторію на Западѣ, въ качественномъ отношеніи оставляетъ желать еще очень многаго и иногда не въ состояніи дать положительнаго отвѣта на самые существенные вопросы". („Русск. Шк.", 1898 г. № 5 стр. 234).

Французы тоже недовольны существующими методами и чуть ли не ежегодно придумываютъ новые.

Американцы также дѣлаютъ попытки къ измѣненію господствующаго у нихъ въ настоящее время метода обученія грамотѣ.

*) Звукъ *ф* попалъ въ русскую литературную рѣчь посредствомъ внесенія въ нее иностранныхъ словъ съ этимъ звукомъ: Ѳедоръ, кафтанъ, графинъ и т. п. Потому то простой народъ и говоритъ Хведоръ, Хома, кахвтанъ.

**) Латинской буквой *h* обозначенъ длительный звучный звукъ, которому противопоставляется отзвучный *х*; греческой буквой *γ* обозначенъ мгновенный звучный, которому противопоставляется отзвучный *к*. Вслѣдствіе этого буква *г*, при встрѣчѣ съ отзвучными на концѣ словъ, произносится

Житомирскій, исходя изъ положеній: 1) что въ финикійскомъ языкѣ всѣ гласные, кромѣ *а*, произносились съ ясно-различаемымъ заднеязычнымъ *h*: *ho*, *he*, *hi*; 2) что греки различали тонкое и густое придыханіе; 3) что Гельмгольцъ своей машиной воспроизвелъ совершенно чистые гласные звуки, свободные отъ придыхательнаго звука,— приходитъ къ заключенію, что въ русскомъ языкѣ гласнымъ: *а*, *о*, *у*, *ы*, *э*, *и* долженъ предшествовать придыхательный согласный звукъ (гортанный, какъ онъ называетъ его)*). Если признать это справедливымъ, тогда станетъ вполнѣ очевиднымъ, почему такъ безплодны усилія добиться того, чтобы дѣти безъ подсказыванія, самостоятельно сливали согласные звуки съ гласными, т.-е., чтобы они звуки, положимъ, *б* и *а* произнесли, какъ *ба*, а не какъ *бъ а*. Не дается это имъ по той простой причинѣ, что *а*, *о*, *у*, *ы*, *э*, *и* въ дѣйствительности есть не звуки, а слоги, состоящіе изъ согласнаго звука (придыханія тонкаго) и гласной окраски, какъ выражается Житомирскій.

или какъ *х* (легкій — лехкій, Богъ — Бохъ), или какъ *к* (другъ—друкъ), смотря по тому, какой звукъ она обозначаетъ—*h* или γ.

*) Кто желаетъ отчетливо разслышать этотъ звукъ, долженъ, по совѣту Житомирскаго („Педаг. Сборн." 1897 г. № 2, стр. 162), произвести слѣдующій опытъ. Нужно взять 6—7 лѣтняго неграмотнаго ребенка и потребовать отъ него, чтобы онъ, когда вы произносите слогъ *ба*, сказалъ: *бъ*, *да—дъ*, *па—пъ*, *та—тъ*, *я—й*, *га—гъ*, *ка—къ*, *и*, наконецъ, когда вы скажете *а*, онъ произнесетъ гортанный звукъ. Этотъ звукъ и будетъ тѣмъ согласнымъ звукомъ, который произносится нами, когда мы говоримъ гласные: *а*, *о*, *у*, *ы*, *э*, *и*, но который настолько слабъ, что мы его не распознаемъ. Хорошо удается этотъ опытъ надъ еврейскими дѣтьми, которымъ произношеніе гортаннаго звука дается легче, чѣмъ русскимъ. Производимые мной опыты надъ взрослыми удачными выходили тогда, когда между ними были евреи. Присутствіе этого звука замѣчается въ словахъ: съузить, а не сузить, съумѣть, а не сумѣть. Въ древне-еврейскомъ языкѣ присутствіе его было настолько замѣтно, что въ древне-еврейской азбукѣ были особыя буквы (алефъ, оинъ, іодъ, эй) для гласныхъ съ этимъ звукомъ и буквы (пасахъ, помацъ, цейрей, сегойлъ, хойломъ, шурукъ, кибуцъ) для гласныхъ, слѣдующихъ за согласнымъ. Напримѣръ, письменный знакъ: — (пасахъ) всегда ставится послѣ согласной и обозначаетъ звукъ *а*; письменный знакъ: γ (одинъ) обозначаетъ слогъ *хо* или *ho*. Еврейскія слова: Іоаннъ, Іиуй показываютъ, что такимъ звукамъ предшествовало ясно распознаваемое слухомъ придыханіе; въ противномъ случаѣ пришлось бы признать стеченіе гласныхъ чего каждый языкъ избѣгаетъ. Изъ славянскихъ племенъ малороссы сохраняютъ любовь къ заднеязычному звуку *h* и начинаютъ съ него тѣ слова, въ которыхъ великороссы замѣнили его тонкимъ придыханіемъ или небнымъ *j*, напримѣръ: Ганна (Анна — читай Ганна), гармата (армата), гаспидъ (аспидъ), гайстеръ (айстеръ), гарапникъ (арапникъ). Но передъ гласнымъ *у* они предпочитаютъ согласный *в*: вуголъ (уголъ), вуголь (уголь), вугоръ (угри на лицѣ), вудка (удочка), вужъ (ужъ), вулица (улица), вусъ (усъ), вухо (ухо) и т. п.

Когда мы произносимъ *а*, *о*, *у*, *ы*, *э*, *и*, то нашъ слухъ не распознаетъ согласнаго звука, такъ онъ слабъ, а только его окраску. Но когда мы соединяемъ какой-либо ясно-распознаваемый согласный, тогда онъ даетъ себя чувствовать, препятствуя сліянію яснаго согласнаго съ гласной окраской. Чтобы произошло безпрепятственное сліяніе сильнаго согласнаго съ гласной окраской, необходимо произвести замѣну этого слабаго звука сильнымъ, тогда получится слогъ съ отчетливо распознаваемымъ согласнымъ звукомъ *).

Нельзя также и разлагать слоговъ на звуки: нельзя сказать, что слогъ, положимъ, *ра* состоитъ изъ звука *ръ* и *а* (т.-е. *а* съ тонкимъ придыханіемъ—'*а*) потому что того гласнаго звука, который входитъ въ составъ слога *ра*, отдѣльно произнести невозможно. Произнося отдѣльно *а* ('*а*), мы произносимъ не звукъ, а слогъ='*а*.

Слѣдовательно, нѣтъ ни слiянія звуковъ въ слоги, ни разложенія слоговъ на звуки, а есть только чередованіе согласныхъ звуковъ съ какой-либо гласной окраской: 'а, ра, рь а, ла, ль а; 'о, ро, рь о, ло, ль о и т. п. Невозможность соединенія согласнаго звука съ гласными слогами: *а*, *о*, *у*, *ы*, *э*, *и* очевидна: мы слышимъ, что звуки *р* и *а* (='а) даютъ въ соединеніи *р'а* а не *ра*; невозможность разложенія слоговъ на звуки не очевидна: мы не замѣчаемъ никакой несообразности, когда говоримъ, что слогъ *ра* состоитъ изъ звуковъ *ръ* и *а*.

Что касается согласныхъ звуковъ, то они могутъ быть произнесены сами по себѣ, безъ гласнаго звука, правильнѣе сказать, безъ гласной окраски. Вслѣдствіе того, что въ рѣчи мы почти никогда

---

*) Изъ этого ясно, что г. Вахтеровъ ошибается, думая, что даже маленькія дѣти въ состояніи сливать звуки. Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ приводитъ разсказъ объ одномъ мальчикѣ, сообщенный авторомъ психологіи перваго дѣтства Треси, изъ наблюденій, произведенныхъ и записанныхъ Сарой Вохта. „Двухлѣтній мальчикъ хорошо зналъ названіе употребляемой имъ пищи, и когда мать въ его присутствіи произносила слово „молоко", онъ сейчасъ же начиналъ просить, чтобъ ему дали молока. Поэтому, когда мать желала избѣжать этого, она не говорила слова „молоко", а произносила рядъ звуковъ, изъ которыхъ состоитъ это слово. Скоро однако мальчикъ сталъ узнавать слово и въ такомъ видѣ, и однажды, когда мать спросила м-о-л-о-к-а (m-i-i-k), мальчикъ сталъ громко радоваться, произнося по своему слово „молоко" (мики). Работа, оказавшаяся посильной для двухлѣтняго ребенка, не можетъ быть трудна для восьмилѣтнихъ дѣтей". („Русск. Шк." 1899 г. № 2 стр. 204). Выходитъ, что двухлѣтній ребенокъ сдѣлалъ то, что невозможно для взрослыхъ. Если этотъ ребенокъ умѣлъ сливать звуки, то почему же онъ не произносилъ слоговъ м-о-л-о-к-о, а вмѣсто нихъ слоги: ми-ки? Нѣтъ сомнѣнія, что ребенокъ не сливалъ звуковъ, но по первому или послѣднему звуку догадывался, что рѣчь идетъ о молокѣ. Догадаться ему было не трудно, такъ какъ съ этимъ словомъ онъ больше всего былъ знакомъ, и вниманіе его было направлено на это слово.

не употребляемъ согласныхъ безъ гласныхъ *), произношеніе ихъ безъ гласныхъ дается съ нѣкоторымъ трудомъ, но послѣ упражненія мы произносимъ ихъ совершенно свободно и легко.

Каждый согласный звукъ, кромѣ тонкаго придыхательнаго, можетъ быть произнесенъ твердо и мягко: **) бъ и бь, лъ и ль, ръ и рь и т. д.

Итакъ, русская рѣчь, какъ и всякая человѣческая рѣчь, состоитъ изъ согласныхъ звуковъ, сопровождаемыхъ гласными звуками (лучше окрасками, тонами). Гласный звукъ самъ по себѣ произнесенъ быть не можетъ. Ему всегда предшествуетъ или не распознаваемое нашимъ слухомъ тонкое придыханіе, или ясно распознаваемые согласные звуки: *й*, *р*, *л*, *д*, *т* и т. д. Въ виду того, что придыханіе ясно не слышно, гласныя окраски, сопровождающія его, можно считать за самостоятельные звуки (гласные); но все-таки не слѣдуетъ думать, что возможно сливать согласные звуки съ этими гласными. Сліяніе не получится: этому мѣшаетъ придыханіе.

Сказанное о звукахъ русскаго языка составляетъ главнѣйшія общія черты, равно свойственныя звукамъ всѣхъ языковъ. Необходимо еще остановиться на особенностяхъ звуковъ русскаго языка.

Въ русскомъ языкѣ наиболѣе рѣзкая разница между твердостью и мягкостью замѣтна у зубныхъ (переднеязычныхъ): *ръ* и *рь*, *лъ* и *ль*, *нъ* и *нь*, *дъ* и *дь*, *тъ* и *ть*, *зъ* и *зь*, *съ* и *сь*; наименѣе у небныхъ (среднеязычныхъ) и гортанныхъ (заднеязычныхъ).

Звуки *ц*, *ч*, *щ* представляются намъ простыми звуками, тогда какъ въ дѣйствительности они сложные: *ц* состоитъ изъ звуковъ *тс*, *ч*—изъ *тьш*, *щ*—изъ *штьш*.

Кромѣ основныхъ пяти гласныхъ звуковъ (*а*, *о*, *у*, *і*, *э*— читай какъ латинское *е*), въ русскомъ языкѣ развились широкое *ы* и широкое *э*.

Въ русскомъ языкѣ, какъ и въ древнемъ церковно-славянскомъ, предъ всѣми основными гласными очень часто встрѣчается согласный *й* (j).

Вслѣдствіе того, что въ нашей азбукѣ онъ не обозначается особой буквой передъ гласными: а, о, у, і, э, то слоги: *я* (йа), *е* (йэ), *ё* (йо), *ю* (йу), *ѣ* (иэ), *и* (йі) мы считаемъ звуками, а не слогами,

*) Употребленіе въ рѣчи предлоговъ: въ, съ, къ не можетъ служить возраженіемъ, потому что предлоги входятъ въ составъ слога слѣдующаго за нимъ слова: въ домѣ—фдо—мѣ, съ кры-ши—скры-ши.

**) Проф. Брандтъ различаетъ еще и среднее произношеніе согласныхъ. См. объ этомъ подробнѣе въ „Обученіи грамматикѣ“.

Проф. Богородицкій согласные *ш ж* и *ц* считаетъ только твердыми: *г* и *j* только мягкими; остальные и твердыми и мягкими.

такъ какъ привыкли съ одной буквой ассоцiировать представленіе объ одномъ звукѣ.

Теперь разсмотримъ звуковое и орѳоэпическое значеніе буквъ нашей своеобразной азбуки.

Согласныя буквы: *б*, *в*, *д*, *ж*, *з*, *к*, *л*, *м*, *н*, *п*, *р*, *с*, *т*, *ф*, *х*, *ш*, *ѳ* означаютъ по два звука—твердый и мягкій: *б*ъ —*б*ь , *в*ъ —*в*ь и т. д.

Буква *г* можетъ обозначать 5 звуковъ: *h*ъ —*h*ь , γъ —γь , и *в* въ окончаніяхъ родительнаго падежа единственнаго числа прилагательныхъ, числительныхъ порядковыхъ и мѣстоименіяхъ: добраго (доброва), второго (второво), того (тово).

Буквы: *ц*, *ч*, *щ* служатъ знаками звуковъ: *тс*, *т*ь*ш*, *шт*ь*ш*.

Буквы: *а*, *о*, *у*, *ы*, *э* обозначаютъ слоги, состоящіе изъ тонкаго придыханія *ъ* и гласныхъ *а*, *о*, *у*, *ы*, *э*.

Буквы эти, кромѣ звукового значенія имѣютъ еще орѳоэпическое: они показываютъ, что предшествующая имъ согласная должна быть произнесена твердо, почему онѣ и названы твердыми гласными буквами.

Буква *ы* не начинаетъ собою словъ; буква *э* не ставится послѣ согласныхъ въ русскихъ словахъ и употребляется только въ нѣкоторыхъ иностранныхъ: портмонэ, купэ и др.

Буква *и* означаетъ или слогъ, состоящій изъ тонкаго придыханія и гласнаго звука, напримѣръ, въ словахъ: имя, ива; или слогъ состоящій изъ небнаго *j* и гласнаго звука, напримѣръ, въ словахъ: ихъ, имъ.

Буква *і* означаетъ слогъ, состоящій изъ тонкаго придыханія и гласнаго звука: Іоаннъ, Іерусалимъ

Буква *й* означаетъ небный согласный *j*, произносимый въ началѣ слога нѣсколько рѣзче, чѣмъ въ концѣ.

Буквы: *ѣ*, *ю*, *я*, начиная слова, означаютъ слоги: *jэ*, *jу*, *jа*; слѣдуя за согласными, онѣ обозначаютъ звуки: *э*, *у*, *а* (вѣра, мята, рюмка=вьэра, мьата, рьумка).

Буква *е* означаетъ слоги: *jэ* и *jо*; слѣдуя за согласными, она обозначаетъ звуки: *э* и *о*, напримѣръ, береза=бьэрьоза.

Буквы: *и*, *і*, *ѣ*, *е*, *ю*, *я* показываютъ, кромѣ того, что предшествующую имъ согласную нужно произнести мягко, почему онѣ и называются мягкими гласными.

Буквы: *ъ* и *ь* звуковъ не обозначаютъ; онѣ имѣютъ только орѳоэпическое значеніе: *ъ* показываетъ твердое произношеніе предшествующей согласной, *ь*—мягкое, почему онѣ и называются или безгласными, или полугласными.

Итакъ, однѣ наши буквы имѣютъ звуковое значеніе, другія — нѣтъ. Звукового значенія не имѣютъ только *ъ* и *ь*. Всѣ остальныя

имѣютъ и раздѣляются на согласныя и гласныя. Согласныя обозначаютъ по два звука: твердый и мягкій. Гласныя означаютъ слоги. Гласныя: *я*, *е*, *ѣ*, *ю*, *и*, обозначаютъ ясно распознаваемые слоги: *йа*, *йэ*, *йо*, *йу*, *йі*. Гласныя: *а*, *э*, *о*, *у*, *ы*, *и* (і) обозначаютъ гласные звуки съ предшествующимъ тонкимъ придыханіемъ.

Вотъ самыя элементарныя и необходимыя свѣдѣнія о звукахъ вообще, русскаго языка въ частности и объ отношеніи послѣднихъ къ буквамъ русской азбуки *). Эти свѣдѣнія необходимо имѣть каждому учителю грамоты, обучающему по звуковому методу, а тѣмъ болѣе каждому составителю методики грамоты, говорящему о звуковомъ методѣ обученія грамотѣ.

Въ противномъ случаѣ первый будетъ и самъ путаться и дѣтей путать, что, къ крайнему сожалѣнію, въ настоящее время очень часто бываетъ **); а второй будетъ сбивать съ толку десятки тысячъ учителей ***).

---

*) Кто обратитъ серьезное вниманіе на сказанное о звукахъ и ихъ буквахъ въ русскомъ языкѣ, тотъ пойметъ, почему такъ много сбивчивости и путаницы при обученіи грамотѣ по звуковому методу; почему до сихъ поръ продолжаютъ полемизировать авторы методикъ грамоты; пойметъ также, почему въ рѣшеніи вопроса о возможно лучшемъ методѣ грамоты не могутъ помочь ни культурно-историческія основы, ни психологія грамоты, на что опирается г. Кл. Тихомировъ въ своихъ статьяхъ: „Культурно-историческія основы звукового метода обученія грамотѣ“ („Русская Школа“ 1898 года № 5, 6, 7 и 8) и „Опытъ психологіи грамоты съ главнѣйшими изъ нея дидактическими выводами“ („Русская Школа“ 1900 года № 1, 2, 3 и 4).

**) Такъ, напримѣръ, на требованіе учителя привести слова со звукомъ *а*, ученики приводятъ между прочимъ такія: пуля, поля и т. д. Учитель, отожествляя звукъ съ буквой, говоритъ, что въ этихъ словахъ нѣтъ звука *а*; и, чтобы убѣдить въ этомъ своихъ учениковъ, отчетливо произноситъ приведенныя слова, дѣлая удареніе на послѣднемъ звукѣ. Подобный пріемъ ведетъ къ тому, что ученики еще явственнѣе распознаютъ въ нихъ на концѣ звукъ *а*.

Когда я писалъ это, подслушалъ въ сосѣдней комнатѣ слѣдующій споръ между сестрою-учительницей и братомъ-ученикомъ. Братъ написалъ *Аньута*. Сестра замѣчаетъ, что нужно писать *нъ*, *ю*. Брату показалось это настолько несообразнымъ, что онъ, забывъ всякую вѣжливость по отношенію къ своей учительницѣ, воскликнулъ: „какая ты глупая! *нъ-ю* выйдетъ *нъю*, а не *ню*“.

То, что говорила сестра брату, въ школахъ говорятъ учителя ученикамъ, а въ методикахъ нѣкоторые составители. Въ школахъ, конечно, ученики не возражаютъ учителямъ въ такой формѣ, въ какой возразилъ братъ сестрѣ; но видѣть несообразность въ томъ, что говоритъ учитель, никто не можетъ помѣшать имъ.

***) Что въ сказанномъ нѣтъ никакого преувеличенія, стоитъ только обратить вниманіе на то, что сказано г. Ельницкимъ о сущности звукового метода въ его „Методикѣ начальнаго обученія русскому языку“. „Звуковъ въ языкѣ“, утверждаетъ г. Ельницкій, „немного, около 35. Изъ сочетанія этихъ

Сказанное о звукахъ даетъ возможность перейти къ слѣдующему условію, необходимому для удовлетворительнаго рѣшенія вопроса, какъ должно обучать грамотѣ—опредѣленію процесса чтенія и письма.

II.

Понятіе о процессѣ чтенія и письма вообще и русскаго въ частности.

Чтобы понять, въ чемъ состоитъ сущность процессовъ чтенія и письма, необходимо предварительно понять сущность человѣческой рѣчи.

Человѣческая рѣчь, какъ уже было сказано, состоитъ изъ согласныхъ звуковъ, сопровождаемыхъ гласными; иначе говоря, человѣческая рѣчь представляетъ собой рядъ послѣдовательно произносимыхъ слоговъ, состоящихъ изъ согласныхъ звуковъ, окрашенныхъ гласными.

Это подтверждается рѣшительно всѣми существующими языками.

Корневые языки (изолированные) состоятъ изъ односложныхъ корней-словъ, не соединяющихся другъ съ другомъ, изолированныхъ другъ отъ друга.

Склеенные языки (агглютинирующіе) представляютъ рядъ сложныхъ словъ, состоящихъ опять-таки изъ односложныхъ корней.

Гибкіе языки (флексирующіе), хотя и состоятъ изъ такихъ словъ, въ которыхъ корни-слова (морфемы) неразрывно слились, но зато ихъ слова дѣлятся на просодическіе слоги.

немногихъ звуковъ составляются всѣ слова языка". Очевидно, что г. Ельницкій, говоря о сущности звукового способа обученія грамотѣ, смѣшиваетъ буквы со звуками. Буквъ въ русской азбукѣ, дѣйствительно, 35; но звуковъ въ русскомъ языкѣ, даже ясно различаемыхъ, около 50. Профессоръ Брандтъ въ своихъ „Лекціяхъ по исторической грамматикѣ" ч. I различаетъ болѣе 75 звуковъ.

„Каждый звукъ", говорится дальше, „имѣетъ въ письменной рѣчи свое изображеніе—букву". Если звуковъ больше 50, а буквъ всего 35, то, очевидно, что не каждый звукъ передается буквой, да. кромѣ того, буквы *ъ* и *ь* не имѣютъ звукового значенія, буквы *ф* и *ѳ*, *і* и *и*, *е* и *ѣ* обозначаютъ по одному звуку. Изъ сказаннаго ясно видно, что между звуками русскаго языка и его азбукой нѣтъ соотвѣтствія; такъ, напримѣръ, буква *г*, какъ уже было сказано, обозначаетъ слѣдующіе звуки: *h*ъ, *h*ь, γъ, γь, *в*, *х*, *к*.

„Пиша слова, говоритъ Ельницкій, мы изображаемъ рядъ звуковъ, буквъ, соотвѣтствующихъ ряду звуковъ, различаемыхъ нами въ словахъ".

Насколько справедливо это утвержденіе, сравнимъ, какъ первая попавшаяся фраза произносится и какъ пишется.

Майа дарагайа Л'убоф' Сав'ишна н'и хад'ит'и сь ивотн'и ф сат май-

Словомъ, во всѣхъ языкахъ мы находимъ не членораздѣльно произносимые звуки, а членораздѣльно произносимые слоги, между которыми передышку голоса мы можемъ удлинять, или укорачивать по своему желанію, напр.: чле — но — раз — дѣль — ны — е сло — ги, чле—но—раз—дѣль—ны—е сло—ги и, наконецъ, чле-но-раз-дѣль-ны-е сло-ги.

Хотя слоговъ въ каждомъ языкѣ безчисленное множество, но они состоятъ изъ весьма незначительнаго числа согласныхъ звуковъ и еще меньшаго числа гласныхъ окрасокъ. Это дало возможность уловить звуковой составъ рѣчи, несмотря на то, что въ ней звуки отдѣльно не произносятся, придумать для каждаго звука особый пись-

---

Моя дорогая Любовь Саввична, не ходите сегодня въ садъ моеэво атса.
го отца.

„Для того, чтобы умѣть читать, писать", говорится дальше, „необходимо, во-первыхъ, знать, что слова состоятъ изъ звуковъ; во-вторыхъ, знать эти звуки и ихъ начертанія—буквы; въ третьихъ, умѣть сливать звуки рядомъ стоящихъ буквъ въ слова (при чтеніи), и, въ-четвертыхъ, умѣть разлагать слова на звуки и изображать ихъ соотвѣтственными значками — буквами (при письмѣ)".

Г. Ельницкій знаетъ, что слова состоятъ изъ звуковъ, но главнаго: изъ какихъ именно звуковъ они состоятъ—онъ не знаетъ, и это не только не мѣшаетъ ему читать, но даже и писать о томъ, какъ обучать чтенію и письму по звуковому методу.

Г. Ельницкій говоритъ, что нужно „умѣть сливать звуки рядомъ стоящихъ буквъ". Интересно было бы знать, какъ сумѣть слить звуки буквъ *р* и *я* рядомъ стоящихъ и отчетливо называемыхъ *рь* и *йа*, въ слогѣ *ря*, въ которомъ, какъ извѣстно, звукъ *р* и его гласная окраска *а*.

Четвертое требованіе г. Ельницкаго состоитъ въ томъ, чтобы „умѣть разлагать слова на звуки и изображать ихъ соотвѣтственными значками — буквами".

Слѣдуя этому требованію, нужно писать: ношка (ножка), хль эпъ (хлѣбъ), канешна (конечно), агань очикъ (огонечекъ) и т. д.

„Въ основу обученія грамотѣ", заключаетъ г. Ельницкій, „кладется изученіе звуковъ, сочетаніе ихъ въ слова, разложеніе словъ на звуки и изображеніе послѣднихъ буквами. Такъ какъ въ основу обученія грамотѣ кладется ознакомленіе со звуками, а потому способъ этотъ называется звуковымъ". (На языкъ г. Ельницкаго не будемъ обращать вниманія).

Приведенная цитата съ научной точки зрѣнія совершенно несостоятельна. Но если мы даже и не будемъ разсматривать ее съ этой стороны, а только со стороны примѣненія къ обученію грамотѣ, то и тогда получимъ знаніе звуковъ, сочетаніе ихъ въ слова (слѣдовало бы сказать въ слоги), разложеніе словъ на звуки и изображеніе послѣднихъ буквами, но не получимъ самой грамоты, т. е. умѣнья читать и писать.

Учителямъ и составителямъ методикъ грамоты нужно внимательно отнестись къ тому, что они говорятъ, и посмотрѣть, не говорятъ ли и они чего-нибудь подобнаго—одни на урокахъ, а другіе въ методикахъ.

менный знакъ, а гласныя окраски съ предшествующимъ гортаннымъ согласнымъ признать тоже за звуки и для нихъ рядомъ со звуками придумать особые письменные знаки—буквы.

Посредствомъ какихъ-либо условныхъ письменныхъ знаковъ рѣчь можно передать на любомъ матеріалѣ. Это значитъ записать рѣчь. Письменные знаки можно придумать или для словъ, или для слоговъ, или, наконецъ, для звуковъ. Въ первомъ случаѣ письменность называется идеографической (пословной); во второмъ—силлабической (слоговой); въ третьемъ фонетической (звуковой). Такъ какъ письменные знаки, обозначающіе знаки, называются буквами, то звуковая письменность иначе называется буквенной *).

Писать идеографически значитъ каждое слово рѣчи обозначать особымъ письменнымъ знакомъ (идеограммой). Писать силлабически значитъ каждый слогъ слова обозначать особымъ письменнымъ знакомъ (силлабограммой). Писать фонетически значитъ каждый согласный звукъ и гласную окраску обозначать особымъ письменнымъ знакомъ (фонограммой). Письменный знакъ для обозначенія звука и окраски принято называть буквой.

Если по письменнымъ знакамъ воспроизводить рѣчь, то это значитъ читать.

Читать пословную письменность значитъ по идеограммамъ **) (т. е. письменнымъ знакамъ для словъ) воспроизводить слова (пословная письменность существуетъ для тѣхъ языковъ, въ которыхъ слова представляютъ односложные корни).

Читать слоговую письменность значитъ по силлабограммамъ ***) воспроизводить слоги.

Читать буквенную письменность значитъ по буквамъ воспроизводить звуки съ ихъ окрасками, иначе слоги ****).

Не только природа звуковъ, но и вся исторія обученія грамотѣ подтверждаетъ справедливость такого воззрѣнія на процессъ чтенія—стоитъ только вникнуть въ сущность методовъ обученія грамотѣ. Если внимательно всмотрѣться въ сущность методовъ, какіе когда-либо были, то увидимъ, что по всѣмъ методамъ обученіе идетъ въ общемъ совершенно одинаково, и что они отличаются одинъ отъ

*) Въ виду сказаннаго о гласныхъ окраскахъ ни одна письменность не можетъ быть названа звуковой или буквенной въ строгомъ смыслѣ слова. Особенно это названіе не подходитъ къ письменности церковно-славянской и русской, потому что въ обѣихъ такъ называемыя іотованныя гласныя обозначаютъ явные слоги, а не звуки: я (йа), е (йэ), ю (йу).

**) Китайскіе и египетскіе идеограммы называются гіероглифами.

***) Знакамъ для каждаго слога.

****) Буквенная письменность отличается отъ слоговой тѣмъ, что въ слоговой звуковой составъ не различается и разсматривается какъ нѣчто цѣлое.

другого только тѣмъ, чтобы облегчить усвоенiе процессовъ чтенiя и письма.

III.

Разсмотрѣнiе существовавшихъ и существующихъ методовъ обученiя грамотѣ.

Извѣстно, какъ мучительно было научиться чтенiю при такъ называемомъ буквослагательномъ методѣ, когда сначала заучивали названiя буквъ, а потомъ безчисленное множество слоговъ *).

Облегченiе въ обученiи процессу чтенiя очевидно стало со времени Стефани и Жакото.

Стефани облегчилъ усвоенiе процесса чтенiя тѣмъ, что далъ буквамъ звуковыя названiя и старался, чтобы ученики сами составляли слоги изъ усвоенныхъ буквъ **).

---

*) Особенно тягостно было одолѣть слоги тѣмъ, кто учился еврейской, греческой и церковно-славянской грамотѣ, потому что названiя еврейскихъ, греческихъ и церковно-славянскихъ буквъ далеки были отъ звукового значенiя буквъ, и названiя буквъ слишкомъ мало помогали усвоенiю слоговъ, которое происходило слѣдующимъ образомъ: буки-азъ-*ба*, вѣди-есть-*ве*, слово-твердо-ять-*стѣ* и т. п.

Латинскiя названiя буквъ нѣсколько облегчали усвоенiе слоговъ: легче было заучить, что эмъ-а-ма, чѣмъ заучить, что мыслете-азъ-ма.

Такъ какъ названiя буквъ, несходныя съ ихъ звуковымъ значенiемъ, мало помогали усвоенiю слоговъ, то нѣкоторые учителя заставляли учащихся заучивать слоги, не называя буквъ, т. е. такимъ образомъ: учитель, указывая, положимъ, на слоги *ба*, *бе*, *би*, читалъ ихъ и заставлялъ учащихся повторять за нимъ до тѣхъ поръ, пока они не усвоили всѣхъ слоговъ.

Этотъ способъ обученiя чтенiю, называемый силлабическимъ, конечно, нисколько не облегчилъ усвоенiя слоговъ.

**) Достигалъ онъ этого слѣдующими двумя способами: онъ или закрывалъ указкой первую букву и заставлялъ произносить другую, а потомъ, снявъ указку, прибавить къ ней первую (разумѣется спереди), или же еще лучше: закрываетъ вторую букву, а первую велитъ тянуть до тѣхъ поръ, пока онъ не сниметъ указки, послѣ чего ученикъ невольно сольетъ двѣ буквы въ одинъ слогъ. Чтобы представить этотъ прiемъ наглядно, Стефани выражаетъ продолженное произношенiе первой буквы посредствомъ черточекъ. Въ началѣ ученики читаютъ: м . . . . . а, затѣмъ короче: м . . а, наконецъ, прямо: ма.

Относительно перваго прiема еще Паульсонъ замѣтилъ, что никуда не годится, и нельзя не согласиться съ почтеннымъ педагогомъ. Но нужно удивляться чутью Стефани: онъ, видимо, смутно распознавалъ, что передъ гласнымъ находится какой-то звукъ, и стоитъ его замѣнить отчетливымъ согласнымъ—и получится слогъ. Такъ какъ онъ ясно не сознавалъ звука передъ гласными, то, вмѣсто того, чтобы упражнять въ замѣнѣ одного согласнаго другимъ, указалъ довольно странный прiемъ. Второй прiемъ, который у насъ настойчиво пропагандировалъ баронъ Корфъ, сводится къ

Жакото облегчалъ усвоеніе процесса чтенія такимъ образомъ: онъ читалъ по книгѣ („Телемакъ“ Фенелона) предложеніе, заставлялъ дѣтей повторять его, потомъ читалъ и показывалъ отдѣльныя слова, дѣти повторяли; читалъ и показывалъ слоги, дѣти повторяли. То же дѣлалось и съ буквами. Все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока дѣти безошибочно указывали слова, слоги, буквы.

Послѣ изученія нѣсколькихъ страницъ такимъ путемъ, дѣти отлично усвоивали слоги и буквы и быстро научались читать *).

Итакъ, Стефани облегчилъ усвоеніе слоговъ тѣмъ, что давалъ буквамъ названія по ихъ звуковому значенію, благодаря чему дѣти по буквамъ догадывались, какія слова они читаютъ. Жакото облегчилъ усвоеніе слоговъ тѣмъ, что переходилъ къ нимъ отъ словъ, которыя дѣти гораздо скорѣе и легче запоминаютъ, чѣмъ слоги.

Значитъ, успѣхъ методовъ Стефани и Жакото зависитъ отъ того, что они придумали такіе пріемы, которые облегчали усвоеніе слоговъ. Первый шелъ отъ буквы къ слогу, почему его методъ можно назвать букво слоговымъ; второй отъ слога къ буквѣ, почему его методъ можно назвать слого-буквеннымъ. Разница, слѣдовательно, въ подходѣ къ слогамъ. Усвоеніе самого процесса чтенія, какъ и должно, остается въ обоихъ случаяхъ однимъ и тѣмъ же послѣдовательнымъ воспроизведеніемъ слоговъ. Исключеніе составляетъ англійскій языкъ, въ которомъ орѳографія словъ такъ рѣзко отличается отъ ихъ орѳоэпіи, что приходится заучивать произношеніе цѣлыхъ словъ, а не слоговъ.

Стефани и Жакото, идя по разнымъ путямъ, **) оба съ одина-

тому, что Стефани до замѣчательной легкости доводитъ заучиваніе словъ и облегчаетъ ученикамъ переходъ отъ буквъ къ слогамъ.

*) Методъ Жакото надѣлалъ шуму на всю Европу. Со всѣхъ концовъ ея съѣзжались посмотрѣть, какъ онъ обучаетъ.

Секретъ успѣха Жакота въ обученіи грамотѣ объясняется очень просто. Дѣти безъ труда усваиваютъ коротенькія предложенія. Возьмемъ, положимъ, предложеніе: „Буря мглою небо кроетъ“. Когда усвоена фраза, нетрудно замѣтить, гдѣ стоитъ каждое слово. Разлагая слова на слоги, дѣти запоминаютъ послѣдніе.

Въ самомъ дѣлѣ, если знаешь слово *буря*, то нетрудно замѣтить слоги: *бу-ря*. При знаніи слоговъ *буря*, нетрудно запомнить буквы *б-у-р-я*.

Жакото, хотя Стефани уже выяснилъ разницу между буквой и звукомъ, между звуковымъ значеніемъ буквы и ея названіемъ, не давалъ буквамъ звуковыхъ названій, а обыкновенныя латинскія *а*, *бе*, *це*, *де*. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что, если умѣть читать слоги, названія буквъ не представляютъ важности.

**) Стефани шелъ синтетическимъ путемъ—отъ буквы къ слогу, отъ слога къ слову и отъ слова къ предложенію.

ковымъ успѣхомъ шли къ намѣченной цѣли — научать дѣтей читать.

Способъ обученія грамотѣ Жакото труднѣе; онъ со стороны дѣтей требуетъ большого вниманія, умственнаго напряженія, но онъ лучше подготовляетъ къ умѣнію писать.

Оба метода настолько совершенны, что улучшать ихъ можно только въ частностяхъ, но не въ общемъ.

Къ сожалѣнію, послѣдователями Стефани и Жакото это не было понято, и они стали вводить въ обученіе грамотѣ много лишняго, впрочемъ, не лишеннаго нѣкоторыхъ основаній. Такъ, напримѣръ, полагали, что неудобно сразу начинать съ обученія буквамъ, *) слогамъ, чтенію и письму, и находили болѣе цѣлесообразнымъ предварительно ознакомить со звуками, съ различіемъ между звуками и буквами.

Такъ какъ съ устной рѣчью дѣти знакомятся съ колыбели, то полагали, что въ школѣ должно начинать съ нея.

Одни пошли путемъ синтеза—отъ простого къ сложному, отъ звуковъ къ словамъ; другіе путемъ анализа—отъ сложнаго къ простому—отъ слова—къ звуку. Т.-е. первые со звуками дѣлали то, что Стефани съ буквами; вторые съ устными словами производили то, что Жакото съ печатными.

Такой пріемъ обученія чтенію находили, кромѣ того, болѣе естественнымъ, потому что начинали съ устной рѣчи, которая явилась раньше письменной, и болѣе педагогическимъ, потому что шли отъ извѣстнаго (устной рѣчи) къ неизвѣстному (печатной рѣчи). Главнымъ же образомъ надѣялись, что предварительныя звуковыя упражненія, **) будутъ ли они синтетическими или аналитическими, облегчатъ усвоеніе механизма чтенія и письма.

Жакото шелъ аналитическимъ—отъ предложенія къ слову, отъ слова къ слогу, отъ слога къ буквѣ.

*) И это произошло, кажется, главнымъ образомъ отъ неправильнаго воззрѣнія на букву. На нее обыкновенно смотрятъ, какъ на письменный знакъ, лишенный какого-бы то ни было смысла и значенія. Между тѣмъ съ этимъ словомъ нужно тѣсно и неразрывно соединять представленіе о звукѣ и письменномъ знакѣ. Если мы видимъ письменный знакъ и не соединяемъ съ нимъ звукового представленія, то такой знакъ не буква, а просто письменный знакъ. Понятіе о буквѣ шире, чѣмъ понятіе о звукѣ: буква заключаетъ въ себѣ и внѣшнее изображеніе и звуковое значеніе. Эти два представленія такъ тѣсно слиты, что буква безъ звука немыслима.

**) За предварительныя звуковыя упражненія и самый способъ обученія грамотѣ получилъ названіе звукового.

Если предварительныя звуковыя упражненія шли синтетически—отъ звуковъ къ словамъ, то и способъ обученія чтенію назывался синтетическимъ.

Если же они шли аналитически, т. е. отъ слова къ звуку, то и способъ обученія грамотѣ назывался аналитическимъ.

Путемъ предварительныхъ звуковыхъ упражненій хотѣли избѣжать усвоенія слоговъ, отъ котораго не свободны методы Стефани и Жакото.

Дѣйствительно, предварительныя звуковыя упражненія синтетическаго характера помогали угадывать читаемое слово. Чтеніе происходитъ такъ: ученикъ смотритъ на буквы, по нимъ воспроизводитъ звуки, по звукамъ догадывается, какое слово. Чтеніе такимъ образомъ продолжается до тѣхъ поръ, пока, въ концѣ концовъ, учащіеся постепенно не усвоятъ слоговъ.

Звуковой анализъ слова облегчаетъ его звуковой синтезъ *). Звуковой анализъ оказался особенно пригоднымъ для того, чтобы учащіеся быстро усвоивали процессъ буквеннаго письма, который, какъ извѣстно, есть не что иное, какъ переводъ звуковъ и ихъ окрасокъ на буквы.

Послѣдними двумя методами съ предшествующими предварительными звуковыми упражненіями закончилась попытка внести облегченіе въ усвоеніе процесса чтенія и письма.

Послѣдовавшіе за этими методами методъ письма, чтенія и методъ нормальныхъ словъ **) стремятся только къ тому, чтобы обученіе грамотѣ сдѣлать болѣе естественнымъ, но эти методы въ самый процессъ чтенія и письма новаго рѣшительно ничего не внесли, ***) а потому я ихъ здѣсь не буду касаться, такъ какъ я задался одной только цѣлью—показать, что при всѣхъ рѣшительно методахъ во всѣ времена при обученіи чтенію практиковалось усвоеніе слоговъ. Если же уклоняются отъ этого, то получается не чтеніе, а угадываніе словъ по буквамъ, вслѣдствіе чего чтеніе идетъ неплавно, скачками до тѣхъ поръ, пока читающій постепенно не освоится со слогами. Что же касается обученія письму, то до изобрѣтенія аналитическаго метода заботились, чтобы учащіеся усвоили буквенный составъ словъ; съ изобрѣтеніемъ послѣдняго стараются,

---

*) Если, например, разложить слово *рама* на звуки р-а-м-а, то легко догадаться, что звуки р-а-м-а составляютъ слово *рама*.

**) Иначе синкритическій, наглядно-звуковой, по имени изобрѣтателей методъ Фогеля-Бэме.

***) Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, какъ ведется обученіе по этимъ двумъ методамъ. Не вносятъ ничего новаго въ процессъ чтенія даже самые новѣйшіе методы обученія грамотѣ—словесный, методъ предложеній (практикуются въ американскихъ школахъ), фоническій и фонетическій (практикуются главнымъ образомъ въ нѣмецкихъ школахъ). Всѣ эти методы въ большей или меньшей степени облегчаютъ процессъ чтенія и только.

чтобы учащійся разложилъ слово на звуки и потомъ обозначилъ каждый звукъ буквой.

Обученіе по аналитическому методу, особенно по методу письма, сдѣлало необходимыми такъ называемыя предварительныя звуковыя упражненія существенной частью обученія грамотѣ, потому что на звуковомъ анализѣ и синтезѣ останавливаются столько, чтобы письмо и чтеніе не представляло никакихъ затрудненій.

Попытаемся рѣшить, насколько пригодны предварительныя звуковыя упражненія для процесса чтенія и письма.

IV.

Звуковыя упражненія, предшествующія обученію грамотѣ.

Сначала разсмотримъ, нужны ли предварительныя звуковыя упражненія для чтенія или нѣтъ, а потомъ нужны ли они для письма или нѣтъ.

Природѣ звуковъ не противорѣчатъ производимыя слѣдующимъ образомъ звуковыя упражненія.

Учитель произноситъ, положимъ, слогъ *ка*, спрашиваетъ, какой впереди согласный звукъ. Дѣти отвѣчаютъ. Учитель требуетъ, чтобы они вмѣсто *к*ъ подставили *б*ъ. Подставляютъ и получаютъ слогъ *ба*. Учитель требуетъ подставить *б*ь. Подставляютъ и получаютъ слогъ *б*ь*а* (*бя*). Чтобы эти упражненія происходили безъ затрудненія, учитель раньше долженъ обратить вниманіе на положеніе губъ при произнесеніи звуковъ: *б*, *п* и др. Тогда замѣну однихъ согласныхъ другими онъ долженъ производить такъ: произнесите *ка*, приготовьтесь къ произнесенію звука *б*ъ и раскройте ротъ такъ же, какъ и раньше: *ба*; приготовьтесь къ произнесенію звука *б*ь и такъ же раскройте ротъ: *б*ь*а*. *)

Въ приведенныхъ примѣрахъ замѣна тонкаго придыханія другими согласными не очевидна, потому что этотъ звукъ не обозначается буквой и не распознается слухомъ. Гораздо очевиднѣе замѣна, когда мы станемъ подставлять мягкіе согласные вмѣсто *й*, потому что этотъ согласный вполнѣ распознается нашимъ слухомъ, напримѣръ, *йа* (-я).

рьа.
льа.

---

*) Само собой разумѣется, что раньше учитель упражняется съ учениками въ произнесеніи этихъ звуковъ и обращаетъ ихъ вниманіе на положеніе органовъ рта.

Такъ какъ къ тонкому придыханію ближе всего гортанные твердые (заднеязычные) г ($=h$ и γ), *к*, *х*, то для замѣны его при первоначальныхъ упражненіяхъ удобнѣе всего брать эти звуки, а потомъ губные твердые, какъ прежде всего появляющіеся въ языкѣ дѣтей. Для замѣны небнаго звука *й* слѣдуетъ брать мягкіе зубные: *нь*, *дь*, *ть*, *ль*, потому что они ближе всего къ нему. Слова дѣтскаго языка: няня, дядя, тятя, ляля указываютъ на сравнительную легкость слоговъ: ня, дя, тя, ля. Подобнаго рода предварительныя звуковыя упражненія нредставляютъ большія затрудненія и, кромѣ того, непрактичны.

Гораздо легче и практичнѣе звуковыя упражненія такъ называемаго сліянія и разложенія; но они противорѣчатъ природѣ звуковъ. Правда, послѣ нѣкотораго навыка несообразность сліянія звуковъ и разложенія слоговъ преодолѣвается, и дѣти начинаютъ догадываться, что *бъ а—ба*, *въ а—ва*, *ль а—ля* и т. д.; что слогъ *ра* состоитъ изъ звуковъ *ръ* и *а*, *ля* изъ *ль* и *а* и т. д. Чтеніе при подобныхъ упражненіяхъ долго отличается крупными недостатками. Оно продолжительное время бываетъ неплавнымъ, съ запинками, скачками; производитъ впечатлѣніе отгадыванія словъ по буквамъ, а не чтенія. *)

---

*) Объ этомъ между прочимъ говоритъ и В. Флеровъ въ своей статьѣ „Способы обученія сліянію звуковъ при обученіи грамотѣ“. „Представимъ себѣ, что дѣти научились устно, на память, сливать звуки во всевозможныя сочетанія,—въ чемъ тогда состоитъ задача чтенія для нихъ? При видѣ буквъ, составляющихъ слово, они не могутъ же къ ряду произносить соотвѣтствующихъ имъ звуковъ, а должны предварительно припомнить устное ихъ сліяніе, сложить эти звуки про себя, и только тогда они произносятъ слово въ готовомъ видѣ. Какъ видите, продолжаетъ онъ дальше, предварительныя устныя сліянія внесли въ процессъ чтенія актъ припоминанія, сліянія „въ умѣ“—актъ совершенно излишній и крайне вредный, для образующагося навыка чтенія. Не приходилось ли вамъ наблюдать дѣтей, которыя при чтеніи каждаго слова предварительно что-то обдумываютъ, шевелятъ губами, шепчутъ, и потомъ сразу, залпомъ произносятъ все слово? Вы навѣрняка можете сказать, что эти дѣти учились по способу предварительныхъ устныхъ сліяній. Вѣроятно, случалось вамъ замѣчать въ нѣкоторыхъ школахъ и другой недостатокъ—крайне неплавное чтеніе, такъ сказать, скачками: скажутъ слово и помолчатъ, опять скажутъ и помолчатъ и т. д. Это тоже прямое слѣдствіе устныхъ сліяній. Не думаю, чтобы для васъ было непонятно, почему при устныхъ сліяніяхъ дѣти получаютъ и другіе дурные навыки въ чтеніи: привыкаютъ искажать, перепначивать слова, измѣняютъ начало или конецъ словъ, читаютъ по догадкѣ и т. п. Въ этомъ случаѣ буквы мало помогаютъ имъ, такъ какъ, взглянувъ на нихъ, дѣти въ умѣ складываютъ звуки и, складывая, такъ же сбиваются въ порядкѣ ихъ, такъ же легко забываются начальные и конечные звуки, какъ и при устныхъ сліяніяхъ. Обратите вниманіе, что всѣ эти недостатки чтенія не случайны, а зависятъ отъ самой сущности способа устныхъ слі-

Въ виду приведенныхъ соображеній слѣдуетъ признать болѣе цѣлесообразнымъ приступать къ обученію процессу чтенія безъ всякихъ предварительныхъ звуковыхъ упражненій. *)

Теперь посмотримъ, нужны ли предварительныя звуковыя упражненія для письма. Объ этомъ, кажется, не стоило бы и вопроса поднимать. Необходимость ихъ видна изъ даннаго раньше понятія о буквенномъ письмѣ. Чтобы написать слово, нужно отчетливо представлять, изъ какихъ оно состоитъ слоговъ, а слоги изъ какихъ звуковъ. Кто ясно представляетъ звуковой составъ слова, тому легко перевести его на буквы. И если бы мы писали такъ, какъ говоримъ т. е. такъ, какъ намъ подсказываетъ слухъ, тогда дѣти въ совершенствѣ овладѣвали бы процессомъ письма въ нѣсколько мѣсяцевъ.

Но мы должны писать слова не такъ, какъ произносимъ, а такъ,

яній, что всѣ они очень вредны и весьма трудно искореняются, оставаясь и такъ или иначе отражаясь на чтеніи даже у учениковъ, оканчивающихъ курсъ начальной школы". („Р. Ш.". 1896 г. № 11 стр. 187). Такихъ явленій не знаютъ тѣ школы, въ которыхъ не обучаютъ сліянію звуковъ.

*) Подкрѣплю свой выводъ словами Житомирскаго, который одинъ изъ всѣхъ, писавшихъ до сихъ поръ объ обученіи грамотѣ, обратилъ должное вниманіе на природу звуковъ, а потому онъ одинъ только и пришелъ къ основательнымъ выводамъ относительно обученія грамотѣ. „Не слѣдуетъ забывать", говоритъ онъ, „что и согласный, отдѣльно взятый, можно произносить безъ всякой примѣси гласнаго оттѣнка, впереди или позади его, только при нѣкоторомъ навыкѣ. Начинающіе обыкновенно этого не умѣютъ сдѣлать. Тутъ такъ же мало поможетъ протягиваніе длительныхъ согласныхъ для предполагаемаго ихъ слитія съ слѣдующимъ согласнымъ, какъ и при „слитіи" согласныхъ съ гласными. А потому и здѣсь лучше не уговаривать учащихся, что искомаго слитія они могутъ достигнуть путемъ протягиванія согласнаго или гласнаго. Стоитъ вникнуть въ дѣло, чтобы понять невозможность этого требованія. Въ самомъ дѣлѣ, пусть ученикъ долженъ прочитать шрам. Пусть ему извѣстны всѣ три звука (ш, ра, м), входящіе въ составъ этого слова. Называя только звуки, онъ прочтетъ: ъшъ-ра-ъмъ (маленькій ъ обозначаетъ вокальный форшлагъ, предшествующій длительнымъ), а слово брат онъ прочтетъ бы-ра-ты (маленькое ы обозначаетъ вокальный нахшлагъ за мгновенными). Если же онъ станетъ протягивать длительные согласные и гласные окраски, то онъ прочтетъ: ъшшшъ-раа-ъ мммъ, бы рааа-ты, но ни „шрамъ", ни „братъ" у него не выйдетъ. Я убѣдился, что даже у тѣхъ учениковъ, которые тотчасъ овладѣваютъ искусствомъ правильнаго произношенія согласныхъ, слово все-таки состоитъ изъ отдѣльныхъ элементовъ, не сливающихся ни по слуху, ни въ сознаніи. Ученикъ скоро и правильно прочитываетъ: шъ-ра-мъ, бъ-ра-тъ и все-таки не понимаетъ ихъ значенія, пока учитель самъ ихъ не произнесетъ. *Ясно, что безъ подсказыванія обойтись нельзя*, да безъ этого практически и не обходятся; но дурно то, что многіе воображаютъ, будто каждый случай подсказыванія объясняется нѣкоторыми случайными причинами".

какъ принято *), т. е. мы *не должны прислушиваться къ звуковому составу словъ*, а *присматриваться къ буквенному, и въ большинствѣ случаевъ даже должны поступать вопреки тому, что подсказываетъ намъ слухъ.* **)

Слѣдовательно, и для письма предварительныя звуковыя упражненія скорѣе вредны, чѣмъ полезны.

Правда, они даютъ возможность писать слова съ первыхъ же уроковъ, но зато образуютъ вредную привычку полагаться на слухъ — на звуковой составъ слова, а не на зрѣніе—на буквенный, который-то и должно знать, чтобы правильно написать. Въ виду этого въ опредѣленіе понятія о томъ, что значитъ писать, нужно внести поправку: писать значитъ воспроизводить буквенный составъ словъ въ томъ видѣ, какъ онъ принятъ. Въ самомъ дѣлѣ, если станемъ каждый звукъ слова *бѣснуешься* переводить на буквы, то должны будемъ написать *бьэснуйэшсьа*. Письмо переводомъ звуковъ на буквы бываетъ только при своемъ возникновеніи, когда записываютъ слова такъ, какъ подсказываетъ слухъ.

Итакъ, будемъ считать доказаннымъ, что предварительныя звуковыя упражненія мало облегчаютъ процессъ обученія чтенію, а для обученія письму они совершенно безполезны и даже вредны при дальнѣйшемъ обученіи письму, когда дѣлается переходъ къ словамъ, звуковой составъ которыхъ не совпадаетъ съ буквеннымъ.

Съ этимъ едва-ли согласятся современные методисты грамоты; такъ, напримѣръ, г. Кл. Тихомировъ сильно настаиваетъ на томъ, чтобы звуковой составъ словъ изучался какъ можно тщательнѣе и рѣзко нападаетъ на тѣхъ, кто небрежно относится къ этому. „На обстоятельное изученіе звукового состава рѣчи при обученіи грамотѣ", говоритъ онъ, „слѣдуетъ обращать самое серьезное вниманіе, не жалѣть на это времени и не спѣшить въ фиксаціи его буквами. Въ нынѣшнихъ методическихъ руководствахъ это изученіе принято называть „предварительными звуковыми упражненіями", которыя какъ бы только предшествуютъ самому дѣлу обученія, но не входятъ въ его составъ. Въ синтетическомъ же способѣ эта работа почти совсѣмъ сводится къ нулю: тамъ считаютъ достаточнымъ „выдѣлить" данный звукъ изъ какого-либо слова и затѣмъ начинаютъ оперировать съ нимъ въ разныхъ синтетическихъ комбинаціяхъ съ другими ранѣе „выдѣленными" звуками. Вслѣдствіе такого неправильнаго взгляда на значеніе изученія звукового состава рѣчи, отчасти уза-

---

*) А общепринятое письмо очень часто рѣзко отличается отъ общепринятаго произношенія. См. „Обученіе письму".

**) См. тамъ же.

коненнаго и современною методическою литературою, на практикѣ учителя всегда спѣшатъ поскорѣе отдѣлаться отъ этой „предварительной“ работы и поскорѣе перейти къ „самому дѣлу“, т. е. къ ознакомленію съ буквами и чтенію. Само собой понятно, что отъ этого получаются печальные результаты. Между тѣмъ наблюденія надъ культурно-историческимъ ростомъ письменнаго языка весьма наглядно убѣждаютъ насъ, что это изученіе звукового состава рѣчи должно быть не предварительною лишь, но самою важною, самою существенною работою во всемъ процессѣ обученія грамотѣ: въ этомъ все дѣло, весь секретъ грамоты. Учащіеся продѣлываютъ здѣсь подъ руководствомъ учителя, въ теченіе непродолжительнаго времени ту исполинскую работу человѣка, на которую онъ употребилъ не только цѣлые вѣка, но даже и тысячелѣтія. Величайшую трудность для него въ дѣлѣ усовершенствованія письма представляло, конечно, не изобрѣтеніе или улучшеніе письменныхъ знаковъ, или буквъ, а то (для насъ теперь очень простое) открытіе, что названія предметовъ и явленій имѣютъ особую звуковую природу, которая можетъ быть раздѣлена на простѣйшіе звуковые элементы, и что такимъ образомъ вся рѣчь наша, съ своей звуковой, внѣшней стороны, представляетъ собою разнообразныя комбинаціи основныхъ звуковыхъ элементовъ. И лишь только послѣ длиннѣйшаго ряда усилій удовлетворительно достигнутъ былъ этотъ результатъ, фиксировать найденные элементы письменными знаками уже не представляло никакой трудности. То же самое должно быть и при обученіи грамотѣ. Важно показать дѣтямъ, что каждое слово состоитъ изъ ряда простѣйшихъ звуковъ, которые даютъ его въ своей совокупности, въ своемъ сліяніи; важно показать имъ, какъ этотъ данный намъ въ рѣчи, въ словѣ, цѣлостный синтезъ разлагается на свои составные элементы, и какъ эти раздѣленные элементы обратно сливаются въ свое прежнее цѣлое. А какъ только дѣти сдѣлаются полными хозяевами взятой для изученія части звукового состава рѣчи, имъ останется сдѣлать до конца лишь одинъ завершительный и уже совсѣмъ не трудный шагъ. Цѣлью звуковой аналитической работы“, продолжаетъ онъ дальше, „должно поставляться не изученіе звуковъ, какъ дѣлается это нынѣ, но изученіе самого звукового состава рѣчи Методическія руководства, особенно изъ числа „ремесленныхъ“, обычно рекомендуютъ разные пріемы для „выдѣленія“ звуковъ изъ слова и для ихъ изученія; все вниманіе они сосредоточиваютъ именно на этой новой звуковой единицѣ и считаютъ дѣло законченнымъ, когда учащіеся ознакомлены со всѣми звуками. Такая постановка дѣла представляется намъ совершенно превратною: примѣчая новый звукъ, необходимо однако все вниманіе сосредоточиват

не на немъ, а на звуковомъ составѣ цѣлаго слова, и изученіе звукового состава рѣчи можно считать законченнымъ только тогда, когда дѣти будутъ свободно анализировать его (конечно, въ предѣлахъ избранной для изученія части). Послѣ этого переходъ къ чтенію и письму не представитъ уже ровно никакой трудности" *).

Все это справедливо, и приведенными указаніями вполнѣ пригодно было бы пользоваться, если бы читать нужно было такъ, какъ говоримъ. Но ни того, ни другого нѣтъ, а потому всѣ эти, повидимому, очень основательныя соображенія г. Кл. Тихомирова сами собой должны пасть, если, какъ слѣдуетъ, посмотрѣть на историческое развитіе языка и письменности, т. е. на то самое основаніе, на которое такъ энергично, но, къ сожалѣнію, не всегда умѣло опирается г. Кл. Тихомировъ.

Прежде всего исторія языка говоритъ, что онъ подъ вліяніемъ разныхъ физіологическихъ, фонетическихъ и психологическихъ причинъ чрезвычайно быстро измѣняется въ звуковомъ отношеніи; напротивъ, исторія письменности свидѣтельствуетъ объ ея необыкновенной устойчивости въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій. Про англійское письмо одинъ острякъ не безъ основанія сказалъ: „написан-*здравствуйте*, а нужно читать *благодарю*". И въ самомъ дѣлѣ, написано: wife, читается уайфъ, написано: calfes, а читается кафсъ. Во французскомъ письмѣ почти то же. И наша письменность, какъ извѣстно, не отстала въ этомъ отношеніи отъ англійской и французской: пишется *въ садъ*, а читается *ф сат*; пишется *сегодня*, а читается *сивотни;* пишется *добраго*, а читается *доброва;* пишется *конечно*, а читается *канешна* и т. д.

Кромѣ того, наша письменность при самомъ своемъ возникновеніи не слѣдовала естественному ходу развитія. Мы придерживаемся того же самаго принципа обозначенія слоговъ посредствомъ буквъ, на которомъ основано древне-церковное письмо, т. е. для твердыхъ и мягкихъ согласныхъ звуковъ не имѣемъ особыхъ буквъ; и одна и та же согласная буква можетъ обозначать твердый или мягкій согласный звукъ, смотря по тому, какая гласная буква слѣдуетъ за ней.

Сказанное г. Кл. Тихомировымъ въ защиту аналитико-синтетическаго изученія *звукового* состава устной рѣчи можетъ быть отнесено только къ аналитико-синтетическому изученію *буквеннаго* состава письменной рѣчи.

Допустимъ, что можно произвести звуковой анализъ, положимъ, надъ словомъ *березѣ*, произносимомъ *бирезѣ*. Получимъ звуки: бь - и - рь - о - зьэ. Дѣйствительно, изъ звуковъ: бь - и - рь - о - зь - э очень

*) „Русская Шк." 1898 г. № 7 стр. 163 и 164.

легко составить, лучше сказать, по звукамъ бь-и-рь-о-зь-э легко догадаться о словѣ, состоящемъ изъ звуковъ: бь-и-рь-о-зь-э, лучше сказать, изъ словъ би-ре-зѣ. Но чѣмъ съ большей точностью дѣти произведутъ этотъ звуковой анализъ и синтезъ надъ устнымъ словомъ, тѣмъ труднѣе будетъ имъ прочесть слово, состоящее изъ буквъ: б-е-р-е-з-ѣ.

Можно ли въ такомъ случаѣ согласиться съ г. Кл. Тихомировымъ, что послѣ аналитико-синтетическаго изученія звукового состава словъ „переходъ къ чтенію и письму не представитъ уже ровно никакой трудности?"

Его ссылка на методъ Жакото, имѣвшій необычайный успѣхъ и приводившій въ изумленіе какъ современниковъ, такъ и послѣдующихъ педагоговъ, можетъ служить подтвержденіемъ цѣлесообразности аналитико-синтетическаго изученія буквеннаго состава словъ, а не звукового. Г. Кл. Тихомировъ въ увлеченіи и не замѣтилъ, что онъ рекомендуетъ аналитико-синтетическое изученіе звукового состава устной рѣчи, а Жакото производилъ это надъ печатной. Ученики Жакото, какъ извѣстно, заучивали сначала слова въ предложеніи, потомъ слоги и, наконецъ, буквы. Отъ этой трудной аналитической работы они переходили къ легкой синтетической—воспроизведенію заученныхъ слоговъ, словъ и предложеній. Въ методѣ Жакото усвоеніе процесса чтенія и письма было основано исключительно на памяти. Въ этомъ всякій убѣдится, кто прочтетъ обстоятельное изложеніе метода Жакото въ извѣстномъ сочиненіи Паульсона: „Методика грамоты по историческимъ и теоретическимъ даннымъ".

Къ сожалѣнію, г. Кл. Тихомировъ не вникнулъ въ сущность метода Жакото, изложилъ его неправильно и потому сдѣлалъ изъ него несоотвѣтствующіе дѣйствительности выводы.

У Жакото особенно цѣнно то, что онъ *анализировалъ* письменную рѣчь и заставлялъ твердо усвоивать проанализированное.

Къ знанію буквеннаго состава словъ и должно стремиться, потому что это знаніе даетъ больше, чѣмъ знаніе звукового состава: буква заключаетъ въ себѣ представленіе о звукѣ и объ его письменномъ знакѣ. Кромѣ того, ознакомленіе съ буквеннымъ составомъ словъ необходимо при чтеніи, письмѣ, изученіи грамматики, тогда какъ со звуковымъ не приходится имѣть дѣла.

Допустимъ, что мы ознакомили ребенка съ звуковымъ составомъ слова *рѣжь*, произносимаго рьэшъ. Знаніе, что слово *рѣжь* состоитъ изъ звуковъ *р*ь, *э*, *ш*ъ принесетъ ему только вредъ: вмѣсто того, чтобы написать *рѣжь*, онъ напишетъ *р*ь*эшъ*. Тогда какъ, разложивъ слово рѣжь на буквы, онъ безъ труда прочтетъ его, правильно напишетъ, правильно укажетъ его грамматическую форму.

М. А. Тростниковъ

(*Окончаніе будетъ*).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Н. Куломзинъ. Доступность начальной школы въ Россіи. Спб. 1904 г.

Степень образованія населенія данной страны имѣетъ главное и рѣшающее значеніе при опредѣленіи степени, какой достигло и на какой можетъ находиться какъ экономическое, такъ и умственное и нравственное развитіе этой страны. Книга г. Куломзина „Доступность начальной школы въ Россіи" захватываетъ важнѣйшую сторону въ исторіи развитія нашего отечественнаго образованія. Самое заглавіе уже свидѣтельствуетъ о большомъ успѣхѣ въ постепенномъ ходѣ развитія идеи народнаго образованія. До общей доступности народнаго образованія у насъ вопросъ этотъ дозрѣлъ лишь въ послѣднее время. Для иллюстраціи этой идеи не безполезно припомнить основные факты изъ исторіи нашего народнаго просвѣщенія. Въ до-петровское время образованіе имѣло характеръ религіозно-нравственный и служило преимущественно религіозно-церковнымъ цѣлямъ. И до Петра Великаго многіе передовые люди сознавали необходимость реформъ и дѣлали попытки познакомиться съ европейской культурой. А въ XVII столѣтіи въ Москвѣ уже образовалась цѣлая нѣмецкая слобода просвѣщенныхъ иностранцевъ по всѣмъ отраслямъ знаній. Впрочемъ, искреннее желаніе усвоить европейскую образованность проявлялась только со стороны отдѣльныхъ лицъ; масса же людей, т.-е. населеніе государства, вмѣстѣ съ руководящими его сословіями, т.-е. дворянствомъ и духовенствомъ, вовсе не думали о сближеніи Россіи съ Европой. Въ періодъ всеобщихъ, непреклонныхъ, коренныхъ петровскихъ преобразованій обнаружились новыя государственныя потребности, и вмѣстѣ съ тѣмъ расширились задачи, которымъ должно было служить образованіе. Потребовались разнообразныя науки и техническія знанія. Явилась нужда въ самыхъ разнообразныхъ училищахъ—преимущественно спеціальныхъ и профессіональныхъ. Съ самаго же начала, въ первыя времена преобразовательнаго періода, новое образованіе должно было служить ближайшимъ, практическимъ цѣлямъ государства *). Петръ Великій хотѣлъ результаты, добытые европейской наукой, тотчасъ же

*) „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ". Соч. П. Пекарскаго. 1862.

перенести въ русскую жизнь и примѣнить ихъ къ ея потребностямъ посредствомъ воспитанія нужныхъ для этого дѣятелей—ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, военныхъ и чиновниковъ. Отсюда вытекала необходимостъ завести прежде всего школы профессіональныя. Вопросъ объ общемъ, народномъ образованіи, какое необходимо для всякаго человѣка вообще, въ какомъ бы званіи и въ какой бы службѣ онъ ни находился, явился уже впослѣдствіи. Только въ царствованіе Екатерины II-й стали сознавать необходимость образованія народнаго, общечеловѣческаго и стали заботиться о воспитаніи умныхъ, добрыхъ и честныхъ людей, объ ихъ умственномъ и нравственномъ развитіи, т.-е. именно о воспитаніи тѣхъ качествъ, которыя необходимы во всѣхъ сферахъ общественной дѣятельности. Убѣжденная истолковательница гуманитарныхъ идей XVIII вѣка, императрица стояла во главѣ новаго просвѣтительнаго движенія въ своемъ государствѣ и давала направленіе, опредѣляла духъ всѣхъ мѣропріятій на пользу отечественнаго народнаго просвѣщенія. Не даромъ Бецкій въ составленномъ имъ „Планѣ Воспитательнаго Дома“, обращаясь къ Екатеринѣ, сказалъ: „Петръ Великій создалъ для Россіи людей; Ваше Величество влагаете въ нихъ души“ *). Екатерина нашла нужнымъ учредить повсемѣстно открытыя „народныя“ училища и попеченіе о нихъ возложила на учрежденные тогда (1775 г.) приказы общественнаго призрѣнія. Въ заявленіи особой училищной коммиссіи, учрежденной Екатериною же, сказано: „Благополучнымъ быть есть предметъ каждаго человѣка; отъ добраго воспитанія и руководства еще съ молодыхъ лѣтъ жизнь каждаго гражданина, всѣ его склонности и дѣла, все вѣчное и временное благополучіе зависитъ. Государство обязано доставить каждому безъ изъятія гражданину воспитаніе, ибо не мѣстомъ рожденія, къ произволенію судебъ относящагося, государство доставляетъ гражданамъ своимъ благодѣяніе; но отечество обязываетъ къ себѣ благодарностью своихъ сыновъ чрезъ воспитаніе“. По плану коммиссіи учреждены училища общеобразовательныя трехъ родовъ: малыя или „нижнія“ изъ двухъ классовъ, среднія—изъ трехъ и „вышнія“—изъ четырехъ. Въ „нижнихъ“ училищахъ обучали грамотѣ и ариѳметикѣ; въ среднихъ преподавались св. Исторія, русская грамматика, краткая всеобщая исторія, краткая географія; въ „вышнихъ“—геометрія, архитектура, механика, физика и естествовѣдѣніе. Училища, учрежденныя коммиссіею, назывались „народными“ потому, что доступъ въ нихъ былъ открытъ „для всего народа“, безъ различія званія и происхожденія. Въ 1781 году Екатерина II, на счетъ собственнаго своего кабинета, учредила въ Петербургѣ первое городское училище—Исаакіевское (въ настоящее время—второе Коломенское). Общество дружно откликнулось на этотъ починъ и по-

*) „Заботы Екатерины II о народномъ образованіи, по письмамъ къ Гримму“. Я. К. Грота 1879. „Исторія Россійской Академіи“. М. И. Сухомлинова.

могло матеріальными средствами настолько, что въ томъ же 1871 году открыто въ Петербургѣ еще шесть подобныхъ же училищъ.

Эпоха Александра I характеризуется словами манифеста о восшествіи на престолъ. Императоръ возвѣстилъ въ немъ, что будетъ править народомъ „по законамъ и сердцу бабки своей Екатерины Великой". И Александръ I доказалъ это тѣмъ, что прежде всего обратилъ вниманіе на народное образованіе, какъ на „краеугольный камень государственнаго зданія". По совѣту съ Лагарпомъ и съ другими близкими, просвѣщенными людьми—Н. Н. Новосильцовымъ, княземъ Чарторыйскимъ, П. А. Строгановымъ, Александръ I задумалъ дать полную организацію народному образованію и воспитанію, а для водворенія единства направленія въ этой области въ 1802 г. учреждено было министерство народнаго просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ". Рѣшено было учредить учебныя заведенія четырехъ степеней: 1) училища приходскія, 2) училища уѣздныя, 3) губернскія (или гимназіи) и 4) университеты; изъ нихъ приходскія—въ каждомъ церковномъ приходѣ, въ вѣдѣніи приходскаго священника и одного изъ почетныхъ прихожанъ, уѣздныя—въ каждомъ уѣздномъ городѣ, въ вѣдѣніи смотрителя училища. Не касаясь среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, отмѣтимъ, что къ концу царствованія Александра I уѣздныхъ училищъ состояло уже 337, а учащихся въ нихъ 29.479.

Эпоха Николая I-го ознаменовалась введеніемъ новаго и строгаго руководящаго принципа воспитанія и образованія юношества. Государь учредилъ комитетъ устройства учебныхъ заведеній подъ предсѣдательствомъ министра народ. просв., и въ рескриптѣ на имя его (14 мая 1826 года) обозначены смыслъ и цѣль предстоявшаго преобразованія въ народномъ воспитаніи и образованіи, указанъ самый характеръ работы комитета: пересмотръ уставовъ всѣхъ училищъ, отъ приходскихъ школъ до университетовъ, устраненіе многопредметности и случайности въ распредѣленіи учебныхъ занятій, установленіе наилучшихъ учебныхъ плановъ и курсовъ для всѣхъ степеней ученія и наконецъ—подготовка проекта преобразованій въ училищахъ съ цѣлью усовершенствованія. Изъ манифестовъ 13 іюля и 22 августа 1826 года отчетливо видно, какого именно рода преобразованія были желательны. То же самое видно и изъ извѣстной записки Пушкина, составленной по порученію императора (1826 г.) *). Въ ней поэтъ рѣшительно изобличаетъ господствовавшее у насъ въ то время одностороннее подражаніе всему иноземному, поверхностное образованіе и безпорядочное воспитаніе. „Дурное воспитаніе или, лучше сказать, отсутствіе воспитанія есть корень всякаго зла". Такъ говоритъ Пушкинъ. Въ рѣчи одного изъ членовъ комитета академика Генриха Шторха, профессора и публициста, слышится изобличеніе поверхностнаго образованія: „Ничто такъ не вредитъ устойчивости мысли, какъ разнообразіе научныхъ занятій и поверхностное изученіе предметовъ. Послѣднее хуже полнаго незнанія. Въ лучшихъ

*) „Русскій Архивъ". 1868. Стр. 926—938.

школахъ Германіи, Англіи и Швейцаріи учениковъ не загромождаютъ множествомъ предметовъ. Они занимаются изученіемъ немногихъ, важнѣйшихъ предметовъ, но зато изучаютъ ихъ глубоко. И знаютъ они не многое, но хорошо. Основательность образованія оказываетъ прямое вліяніе на характеръ молодыхъ людей; она воспитываетъ въ нихъ скромность, трудолюбіе и настойчивость во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ. По выходѣ изъ школы, если имъ понадобится то или другое знаніе, они приложатъ силы къ пріобрѣтенію его; и вообще во всѣ свои послѣдующія занятія они внесутъ то же прилежаніе и ту же настойчивость, къ которымъ они привыкли еще въ школѣ. Только этотъ способъ образованія производитъ глубокихъ ученыхъ и великихъ писателей, составляющихъ гордость отечества, людей съ могучимъ характеромъ, который такъ завидно выдѣляетъ ихъ изъ толпы" *). Въ 1828 г. 8 декабря обнародованъ новый уставъ о народныхъ общеобразовательныхъ училищахъ всѣхъ степеней,—низшихъ, среднихъ и высшихъ, а также о гимназическихъ пансіонахъ и о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Насколько глубоко вопросъ о народномъ образованіи занималъ Николая I видно изъ того, что въ его же царствованіи послѣдовали существенныя мѣропріятія также относительно частныхъ учебныхъ заведеній и домашнихъ преподавателей и воспитателей. Указомъ 1831 г. 18 февраля запрещено воспитывать внѣ предѣловъ Россіи молодыхъ людей отъ 10 до 18-ти лѣтняго возраста; а въ 1834 г. послѣдовалъ указъ Сенату о запрещеніи принимать наставниками въ дома дворянъ, чиновниковъ и купцовъ такихъ иностранцевъ, которые не получили аттестатовъ отъ русскихъ университетовъ на учительскія или воспитательскія званія. Наконецъ, въ томъ же 1834 году Высочайше утверждено „Положеніе о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ" (дѣйствующее и въ настоящее время). Въ этомъ „Положеніи" званіе домашняго наставника присвоено исключительно лицамъ, окончившимъ полный курсъ въ университетѣ или, вообще, въ одномъ изъ высшихъ русскихъ учебныхъ заведеній, а званіе домашняго учителя предоставлено лицамъ, выдержавшимъ испытаніе въ университетѣ, лицеѣ или гимназіи по тѣмъ предметамъ, которые они намѣрены пре-

---

*) Il n'y a rien qui nuise tant à la solidité de l'esprit que la variété des études qu'on fait, et une instruction superficielle est pire qu'une ignorance absolue. Dans les meilleures écoles de l'Allemagne, de l'Angleterre et de la Suisse les éleves ne sont occupés que de fort peu d'objets, mais ce sont des objets essentiels, et les jeunes gens les approfondissent. Ils savent fort peu de choses, mais ils les savent bien. La solidité de leur instruction influe même sur leur caractère, elle les rend modestes, laboreux et pérsévérants dans tout ce qu'ils entreprennent. Si, au sortir de l'école, ils trouvent que telle connaissance leur manque, ils tâchent de l'acquérir et ils mettent dans les études postérieures et spontanées la même application, la même persévérance dont leurs études précédentes leur ont fait une habitude. C'est cette méthode d'étudier qui a produit les savants profonds et les grands écrivains dont ces pays s'enorgueillissent. C'est elle qui a donné à leurs habitants cette solidité de caractère qui les distingue si avantageusement".

подавать. О количествѣ учащихся и грамотныхъ въ это время въ Россіи можно судить по тѣмъ цыфровымъ даннымъ, которыя заключаются въ отчетѣ министра народ. просв. за 1837 годъ. Въ немъ показано въ Россіи, при населеніи въ $50^1/_2$ милліоновъ (за исключеніемъ Царства Польскаго и В. Кн. Финляндскаго) число учащихся 245.000 челов.

Эпоха Александра II богаче всѣхъ предыдущихъ гуманными, глубоко-преобразовательными и воспитательными началами, которыя постепенно проникли во всѣ слои населенія, во всѣ уголки жизни общественной и частной. По отношенію къ народному просвѣщенію они съ особенной силой и яркостью проявились во всѣхъ мѣропріятіяхъ, связанныхъ съ коренною реформою крестьянскаго быта. Организаторы реформы крестьянскаго быта разсматривали распространеніе и улучшеніе образованія въ народѣ не только какъ существенный элементъ въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ, но и какъ необходимое условіе успѣшнаго проведенія реформы въ жизнь. Общее ихъ убѣжденіе было таково, что большая часть предпринятыхъ измѣненій только тогда достигнетъ своей цѣли, когда крестьянское сословіе въ состояніи будетъ знать права и обязанности, предоставляемыя ему новымъ положеніемъ, а это невозможно безъ распространенія между крестьянами грамотности и необходимыхъ въ ихъ быту первоначальныхъ свѣдѣній. Требовалось привлечь къ дѣлу народнаго образованія всѣ общественныя силы, при помощи которыхъ народное образованіе только и можетъ правильно и успѣшно развиваться. Всѣ эти соображенія особой коммиссіи, Высочайше утвержденныя 18 февраля 1861 г., послужили исходнымъ пунктомъ продолжительной и обстоятельной разработки министерствомъ нар. просв. и другими заинтересованными учрежденіями вопроса объ устройствѣ начальныхъ народныхъ училищъ. Въ томъ же 1861 г. министерствомъ нар. просв. былъ представленъ „Проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ", и въ первомъ же § этого плана проектировано: въ видахъ утвержденія въ народѣ религіозныхъ и нравственныхъ понятій и доставленія всему сельскому сословію и нижнимъ классамъ городского населенія первоначальныхъ общихъ и каждому необходимыхъ свѣдѣній —устроить повсемѣстно отъ сельскихъ и городскихъ обществъ училища въ потребномъ соразмѣрно населенію числѣ. Въ 1864 г. издано „Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ", а съ 1866 года стали поступать въ министерство ходатайства различныхъ земствъ о дозволеніи ввести обязательное обученіе въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и губерніяхъ. Въ 1869 г. положено основаніе образцовымъ сельскимъ училищамъ министерства нар. просв., а въ 1870 г. получила правильную организацію учительская семинарія въ Молодечнѣ, по образцу которой затѣмъ были учреждены такого рода семинаріи повсемѣстно. Въ 1873 г. (25 дек.) въ рескриптѣ на имя министра нар. просв., во всеуслышаніе всему народу, высказано: „Дѣло народнаго образованія въ духѣ религіи и нравственности есть дѣло столь великое и священное, что поддержанію и упроченію его въ семъ истинно благомъ направленіи должны служить не одно только духовенство,

но и всѣ просвѣщеннѣйшіе люди страны. Россійскому дворянству, всегда служившему примѣромъ доблести и преданности гражданскому долгу, по преимуществу принадлежитъ о семъ попеченіе. Я призываю вѣрное Мое дворянство стать на стражѣ народной школы. Да поможетъ оно правительству бдительнымъ наблюденіемъ на мѣстѣ къ огражденію оной отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліяній. Возлагая на него и въ семъ дѣлѣ Мое довѣріе, Я повелѣваю вамъ, по соглашенію съ министромъ внутр. дѣлъ, обратиться къ мѣстнымъ предводителямъ дворянства, дабы они, въ званіи попечителей начальныхъ училищъ въ ихъ губерніяхъ и уѣздахъ и на основаніи правъ, которыя имъ будутъ предоставлены особыми о томъ постановленіями, способствовали ближайшимъ своимъ участіемъ къ обезпеченію нравственнаго направленія этихъ школъ, а также къ ихъ благоустройству и размноженію". Царскій призывъ *) возбудилъ во всѣхъ сословіяхъ и классахъ населенія, во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ, во всемъ народѣ русскомъ живѣйшій восторгъ и возвысилъ энергію къ достиженію желанной цѣли. Между тѣмъ поступавшія отъ разныхъ земствъ ходатайства о введеніи обязательнаго обученія еще не могли получить удовлетворенія. При всемъ сочувствіи къ идеѣ обязательнаго обученія министерство нар. просв. и по собственнымъ соображеніямъ, и согласно большинству поступившихъ въ министерство отзывовъ мѣстныхъ директоровъ народныхъ училищъ, пришло къ заключенію, что вопросъ объ обязательномъ обученіи не имѣетъ пока подъ собою почвы, что при недостаточномъ наличномъ числѣ существующихъ народныхъ училищъ не имѣется основаній къ введенію какихъ-либо понудительныхъ мѣръ, а надлежитъ озаботиться изысканіемъ средствъ для повсемѣстнаго учрежденія школъ въ такомъ количествѣ, которое соотвѣтствуетъ спросу населенія **), другими словами, соотвѣтствуетъ наличности дѣтей школьнаго возраста. Послѣдующія дѣйствія министерства показали, что оно вполнѣ перешло на практическую почву, на которую сводило вопросъ мѣстное училищное начальство. Во все царствованіе Александра III и въ нынѣшнее царствованіе дѣло, главнымъ образомъ, сводится къ разработкѣ деталей типа и размѣщенію училищъ, а также—къ усиленію кредитовъ министерства на устройство и содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ. Къ этому необходимо прибавить, что вопросъ о всеобщей доступности начальной народной школы сдѣлалъ въ послѣдніе годы огромный шагъ впередъ, благодаря развитію общественнаго самосознанія. Кромѣ того, благополучному и близкому разрѣшенію этого вопроса могущественно помогли руководящія указанія, преподанныя Государемъ Императоромъ на всеподданнѣйшихъ отчетахъ различныхъ губернаторовъ, указанія, собранныя во введеніи къ книгѣ г. Куломзина.

---

*) „Труды съѣзда при Управленіи Московскаго Учеб. Округа по вопросамъ народнаго образованія, 1—11 марта 1901 года". Москва 1902 года". Томъ 1-й, стр. 8.

**) Отчеты министерства нар. просв., за 1876, 1877 и 1878 гг.

Въ приведенной здѣсь исторической замѣткѣ о послѣдовательномъ ходѣ развитія у насъ вопроса о народномъ образованіи довольно, кажется, ясно опредѣляются какъ важнѣйшіе моменты въ поступательномъ движеніи и развитіи этого вопроса, такъ и тѣ обстоятельства, при которыхъ зарождалась и укрѣплялась идея обязательнаго обученія, а потомъ—идея общедоступности начальной народной школы. Въ этомъ смыслѣ приведенная историческая справка обезпечиваетъ книгѣ г. Куломзина извѣстное значеніе.

Но, кромѣ того, въ книгѣ г. Куломзина мы находимъ интересный планъ устройства у насъ общедоступности начальнаго народнаго образованія и способы достиженія этой опредѣленной, заранѣе начертанной цѣли. Книга г. Куломзина есть, такъ сказать, послѣднее слово въ томъ рядѣ мнѣній, которыя, какъ показываетъ историческая справка, высказывались у насъ уже со временъ Екатерины II-й.

Книга г. Куломзина дѣлится на три части: 1) Введеніе, 2) Общія основанія плана устройства доступности начальной школы въ Россіи и 3) Примѣрный порайонный расчетъ осуществленія на дѣлѣ этого плана. Въ приложеніи къ книгѣ находится множество отлично составленныхъ таблицъ, служащихъ наглядною иллюстраціей къ различнымъ мѣстамъ текста.

Во *Введеніи* обстоятельно и доказательно разъясняется основная идея этого труда, а именно: необходимость безотлагательно приступить къ осуществленію задачи, т.-е. къ устройству повсемѣстно общедоступности начальной народной, общеобразовательной школы. Авторъ вскользь упоминаетъ о бывшихъ два раза, за послѣдніе сорокъ лѣтъ, неудачныхъ попыткахъ министерства нар. просв. выработать общедоступную въ Россіи сѣть начальныхъ народныхъ училищъ; ничего не говоритъ о безуспѣшномъ ходѣ представленной (въ 1875 г.) записки члена совѣта министра—Воронова „О введеніи обязательнаго обученія по ходатайствамъ земскихъ собраній“ и сосредоточивается на объясненіи обстоятельствъ, требующихъ устройства не обязательности, а общедоступности начальной народной школы. Среди этихъ обстоятельствъ съ особенной настойчивостью выдѣляются тѣ, которыми характеризуется умственное, нравственное, экономическое и политическое значеніе для страны умноженія и правильнаго распредѣленія—какъ въ центрѣ, такъ и по окраинамъ—общедоступныхъ начальныхъ народныхъ школъ. Принимая за аксіому, что только образованіемъ достигается правильное развитіе естественныхъ дарованій народа, воспитывается въ немъ сильный и привлекательный нравственный характеръ, авторъ сводитъ обсужденія различныхъ вѣдомствъ и учрежденій къ тому, что увеличить народное благоустройство и довольство можно только при условіи *увеличенія производительности народнаго труда*, а это послѣднее дается только путемъ достаточнаго общаго образованія и необходимыхъ профессіональныхъ знаній, примѣнимыхъ къ различнымъ сторонамъ жизни въ народномъ быту. Земства нѣкоторыхъ южныхъ губерній (напримѣръ, Черниговской, Полтавской), разсуждая о причинахъ ежегоднаго выселенія оттуда крестьянъ въ довольно

значительномъ количествѣ въ другія мѣстности, относятъ это несчастіе прямо на счетъ малыхъ въ губерніи успѣховъ народнаго образованія и утверждаютъ, что съ расширеніемъ и улучшеніемъ средствъ къ образованію непремѣнно возрастетъ интенсивность производительнаго крестьянскаго труда, а вслѣдствіе того эмиграціи уменьшатся и даже вовсе прекратятся *).

Касаясь политическаго значенія общедоступности народнаго образованія, авторъ напоминаетъ, что Государю Императору, при разсмотрѣніи всеподданнѣйшихъ отчетовъ волынскаго (1895) и ковенскаго (1898) губернаторовъ, благоугодно было указать на правительственную начальную школу на окраинахъ государства какъ на могущественное, единственно вѣрное орудіе объединенія, разноплеменнаго и разновѣрнаго населенія. Приведена ясная и сильная резолюція, положенная Государемъ на отчетѣ Ковенскаго губернатора: „Повторяю: не слѣдуетъ жалѣть средствъ для достиженія столь важныхъ политическихъ цѣлей“. — Въ недостаточной численности у насъ народныхъ школъ авторъ видитъ еще одно, тоже политическаго свойства, неудобство, отъ котораго онъ и предостерегаетъ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится возможность содѣйствовать быстрому умноженію повсемѣстно начальныхъ народныхъ училищъ. „У насъ наростаетъ—говоритъ авторъ—крупная политическая опасность; она заключается въ томъ, что грамотность растетъ у насъ быстрѣе, чѣмъ число школы“. И въ объясненіе этой мысли авторъ свидѣтельствуетъ, на основаніи документальныхъ данныхъ, что за недостаткомъ мѣста въ правительственныхъ школахъ, мѣстное населеніе (напримѣръ, въ губерніяхъ Привислинскихъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губ. Владимірской, Полтавской и др.) учится у мѣстныхъ грамотеевъ, у добрыхъ людей, въ лавочкѣ, въ вольныхъ школахъ, у родственниковъ вообще—у такихъ людей, въ такихъ домашнихъ заведеніяхъ, которыя не обезпечиваютъ правильной дисциплины ума и характера.

Г. Куломзинъ придерживается того взгляда, что, при настоящемъ у насъ положеніи дѣла, намъ вовсе нѣтъ нужды во введеніи обязательнаго обученія, но есть настоятельнѣйшая необходимость обезпечить населенію безотлагательное устройство сѣти достаточнаго числа училищъ, *доступныхъ всей наличности дѣтей школьнаго возраста* и притомъ—повсемѣстно какъ въ центральныхъ губерніяхъ, такъ и на окраинахъ, хотя не вдругъ, а постепенно, но такъ, чтобы весь проектъ устройства общедоступности начальной школы осуществить сполна, напримѣръ, для городовъ повсемѣстно въ теченіе 10 лѣтъ; для селеній—по всѣмъ губерніямъ Европейской Россіи—въ 15 лѣтъ; по губерніямъ и областямъ Сибири и Кавказа—въ 20 лѣтъ и, наконецъ, въ Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ—въ 25 лѣтъ.

Во *Введеніи*, разсуждая о томъ, какими способами лучше всего исполнить Высочайшія указанія о необходимости распространенія въ средѣ крестьянскаго

---

*) „Описаніе Черниговской губерніи“ А. А. Русова. Изданіе редакціи земскаго сборника Черниговской губерніи. Черниговъ 1899. Томъ 2-й, стр. 145.

населенія сельско-хозяйственнаго знанія, ремеслъ и различныхъ техническихъ занятій, авторъ останавливается на томъ типѣ начальной народной школы, который, кажется, наиболѣе желателенъ всему населенію, а именно: въ основѣ одноклассная, съ трехлѣтнимъ курсомъ, общеобразовательная школа, а въ дополненіи къ ней—однолѣтнее или двухлѣтнее профессіональное отдѣленіе, посвященное спеціальнымъ занятіямъ въ школьныхъ садахъ, огородахъ и въ особыхъ ремесленныхъ,—а для дѣвочекъ въ рукодѣльныхъ—мастерскихъ. Таковъ желательный типъ двухклассной народной школы, отчасти уже осуществленный въ дѣйствительности. Пермское губернское земство уже устроило у себя такія школы. Въ основаніе проекта доступности начальнаго обученія полагаются на выборъ четыре наиболѣе общіе типа школы: 1) министерскія образцовыя (двухклассныя) школы, 2) одноклассныя школы министерства нар. просв., находящіяся въ завѣдываніи училищныхъ совѣтовъ и дирекцій народныхъ училищъ (земскія), 3) церковно-приходскія училища и 4) школы грамотности. Но противъ такой параллели слѣдуетъ серьезно возразить. Двухклассныя образцовыя министерскія, безспорно очень хорошо устроенныя, со своимъ пятилѣтнимъ курсомъ и относительной дороговизной (въ среднемъ—2.040 р. въ годъ) не по силамъ крестьянству. Школы грамотности, по своей крайне-нищенской обстановкѣ, безъ всякаго правильно-устроеннаго учебнаго курса, подъ руководствомъ учителей недоучекъ (крестьянъ, отставныхъ солдатъ черничекъ, дьячковъ и т. п.) совершенно не отвѣчаютъ своему назначенію Церковно-приходскія, по своему удовлетворительному учебному, хозяйственному и административному устройству, представляютъ собою типъ, совершенно сходный съ министерскою одноклассною съ трехлѣтнимъ курсомъ. Онѣ обѣ составляютъ какъ бы одинъ, однородный типъ. Слѣдовательно, правильнѣе и удобнѣе всего остановить теперь свой выборъ именно на этомъ типѣ. Такая школа и не дорога: рублей 500 или 600 въ годъ. Къ тому же многолѣтній опытъ и недавнія заявленія земствъ различныхъ губерній, сдѣланныя на бывшемъ въ Москвѣ въ 1901 г. съѣздѣ, удостовѣряютъ, что огромное большинство мѣстностей желаютъ имѣть начальныя народныя училища именно этого типа *), то есть правительственную одноклассную школу трех-лѣтнимъ съ курсомъ общаго образованія и съ дополнительнымъ четвертымъ годомъ характера профессіональнаго технческія знанія, ремесла, ручной трудъ, рукодѣліе и т. п.—смотря по мѣстнымъ условіямъ и требованіямъ).

Въ первой части книги *Общія основанія плана* вниманіе автора посвящено послѣдовательно всѣмъ обстоятельствамъ, которыми обусловлено полное осуществленіе у насъ доступности начальной школы. Прежде всего—о школьномъ возрастѣ мальчиковъ и дѣвочекъ. Не увлекаясь примѣромъ современныхъ гасударствъ Европы и Америки, несравненно болѣе насъ успѣвшихъ

---

*) ,, Труды съѣзда при Управленіи Московскаго учеб. окр. по вопросамъ народнаго образованія". 1—11 Марта 1901. Москва 1902. Томъ 2-й.

распространить у себя блага народнаго общаго образованія, авторъ строитъ свои расчеты по тому слишкомъ скромному показателю, какимъ обозначается въ настоящее время количество учащихся въ русскихъ школахъ. Это именно — 3% населенія, т. е. трое учащихся на 100 душъ населенія (въ другихъ, болѣе счастливыхъ въ этомъ отношеніи государствахъ этотъ % несравненно выше, во Франціи—15%, въ Англіи—16%, въ Германіи—19%, въ Саксоніи—21%, въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ—23% на 100 душъ населенія обоего пола). Точно также, не увлекаясь примѣромъ западно-европейскихъ государствъ, гдѣ дѣти остаются въ начальныхъ училищахъ 7 и 8 лѣтъ, авторъ настаиваетъ на необходимости держаться той продолжительности учебнаго курса въ начальныхъ народныхъ училищахъ, какая выработалась и утвердилась у насъ въ послѣдніе тридцать лѣтъ и достаточно удовлетворяетъ потребности русскаго крестьянства въ образованіи, именно—трехлѣтній общеобразовательный курсъ. Русскому крестьянину было бы не по силамъ отпускать дѣтей въ школу на 7, на 8 лѣтъ. И въ настоящее время, при трехлѣтнемъ курсѣ, болѣе 20% учащихся выбываютъ изъ школы до окончанія курса, какъ свидѣтельствуетъ отчетъ министра нар. просв. за 1900 г. (вѣдомость № 24). Для крестьянскихъ хозяйствъ при ихъ нынѣшнемъ положеніи непосильно обучать дѣтей долѣе двухъ, трехъ лѣтъ: такъ настоятельна потребность ихъ въ дѣтскомъ рабочемъ трудѣ. Такимъ образомъ, принимая въ основаніе трехлѣтній курсъ ученія для дѣтей школьнаго возраста, т. е. отъ 8 до 11 лѣтъ, и руководствуясь тѣмъ, что на основаніи возрастныхъ таблицъ, составленныхъ у насъ компетентными лицами и учрежденіями, дѣти 8—11 лѣтъ составляютъ въ Россіи, въ среднемъ, 9% населенія, авторъ заключаетъ, что 1) въ настоящее время, по малочисленности наличныхъ школъ, ежегодно остается безъ обученія 6.563.373 дѣтей школьнаго возраста и 2) что для нихъ потребовалось бы (считая по 50 челов. на 1 школу въ селеніяхъ и по 60 челов. въ городахъ) открытіе 129.711 школъ; да на ежегодный приростъ населенія—при чемъ ежегодное увеличеніе числа дѣтей школьнаго возраста выражается цыфрою 143.000 челов.—еще понадобилось бы дополнительно 2.860 школъ.

Останавливаясь на выработанномъ уже дѣйствительною жизнью русскаго крестьянства типѣ начальной одноклассной народной школы съ трехлѣтнимъ курсомъ, г. Куломзинъ предостерегаетъ отъ увлеченія тѣхъ лицъ, которыя пожелали бы теперь же удлинить курсъ, усовершенствовать и расширить учебныя программы, которыя естественно потребовали бы сейчасъ же новыхъ, болѣе подготовленныхъ учителей. Такія увлеченія, по мнѣнію г. Куломзина, могли бы только повредить ближайшему дѣлу: они поставили бы на очередь новые опыты въ области начальнаго обученія; они отодвинули бы на задній планъ вопросъ о доступности населенію той школы, какую Россія можетъ сейчасъ имѣть. И въ отношеніи образованія дѣвочекъ г. Куломзинъ выражаетъ любопытныя соображенія. Оставляя въ сторонѣ кажущееся равнодушіе крестьянъ къ обученію дѣвочекъ, г. Куломзинъ стоитъ на томъ, что дѣвочекъ слѣдуетъ какъ

можно старательнѣе обучать, чтобы этимъ способомъ обезпечить народу большую мѣру культурности. „На грамотности дѣвочекъ, будущихъ матерей, покоится все образованіе, вся культурность народа“. Это замѣчаніе, высказанное во всеподданнѣйшемъ отчетѣ Тульскаго губернатора (за 1893 г.), вызвало отмѣтку нынѣ царствующаго Государя: „Совершенно согласенъ съ этимъ. Вопросъ этотъ чрезвычайной важности“.

Изъ прочихъ статей, входящихъ въ составъ этой части книги Куломзина, съ особеннымъ вниманіемъ разработаны подробности, относящіяся 1) къ положенію учащихъ, 2) къ расчету общаго размѣра затратъ на содержаніе полной школьной сѣти и 3) къ тому, въ какой срокъ слѣдуетъ завершить все дѣло.

Въ характеристикѣ положенія учащихъ въ начальной народной школѣ авторъ выставляетъ рядомъ два обстоятельства, которыя, казалось бы, не могутъ и не должны совмѣщаться. „Учитель несомнѣнно *душа* начальной школы—такъ говоритъ авторъ.—Отъ него зависитъ оживить матеріалъ школьнаго обученія, соединить обученіе грамотѣ съ общимъ развитіемъ кругозора дѣтей, или же—оставить ученика недоразвитымъ, а обученіе—скучнымъ и мертвымъ. Между тѣмъ, учащіе—одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашей начальной школы“. И тутъ же объясняется плачевное состояніе учителя въ начальной народной школѣ: одиночество, необезпеченность, безпомощность, а вслѣдствіе того—неустойчивость его на учительскомъ мѣстѣ. Всѣ профессіи выгоднѣе профессіи учителя народной школы; а потому завѣтное желаніе его—какъ можно скорѣе оставить школу и устроиться какъ-нибудь иначе. Объ учительницахъ тѣхъ же школъ авторъ даетъ болѣе симпатичный отзывъ: при всѣхъ печальныхъ и трудныхъ условіяхъ жизни учительницы какъ бы примиряются съ незатѣйливой обстановкой существованія и умѣютъ внести въ свое дѣло много любви, настойчивости въ трудѣ и вниманія. Это обстоятельство привлекло къ себѣ Монаршее вниманіе. На всеподданнѣйшемъ отчетѣ Псковского губернатора (за 1901—1902 г.) Государю Императору благоугодно было отмѣтить: „Желалъ бы видѣть побольше учительницъ въ народныхъ школахъ“. А на отчетѣ Приамурскаго генералъ-губернатора (за 1901—1902 г.)—о необходимости открытія, въ первую очередь, учительской семинаріи въ Приморской области—Его Величествомъ дано было категорическое указаніе: „Не мужскую учительскую семинарію, а женскую. Полезно было бы и въ Европейской Россіи часть мужскихъ учительскихъ семинарій преобразовать въ женскія. Принять это указаніе къ исполненію“.

Такъ какъ по расчету автора при доведеніи школьной сѣти до нормы потребуется не менѣе 130.000 новыхъ учителей или учительницъ, и нѣтъ возможности приготовить такой контингентъ въ короткое время, то крайне необходимо открыть разомъ, а затѣмъ открывать и ежегодно, достаточное число учительскихъ семинарій и институтовъ и широко разрѣшать кратко-срочные лѣтніе курсы для учителей или учительницъ—какъ при министерскихъ, такъ

и при церковныхъ училищахъ. Затѣмъ авторъ видитъ значительный ресурсъ въ ежегодномъ выпускѣ оканчивающихъ курсъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, въ епархіальныхъ училищахъ и во второклассныхъ церковныхъ школахъ. При этомъ отмѣчено, что въ 1900 г. изъ этихъ заведеній выпущено въ общемъ числѣ 14.098 человѣкъ. Поэтому нѣтъ основаній опасаться, чтобы учителей или учительницъ не достало для доведенія школьной сѣти до нормы, хотя бы даже и въ самый краткій изъ предположенныхъ сроковъ, т. е. въ теченіе десяти лѣтъ.

Обсуждая расходы на исполненіе общей школьной сѣти повсемѣстно въ Россіи, авторъ указываетъ еще на нѣкоторые необходимые же дополнительные расходы, а именно: на увеличеніе инспекціи (по 1 добавочному инспектору на уѣздъ) 1.506.000 р.; на открытіе новыхъ учительскихъ семинарій и на преобразованіе старыхъ 677.000 р.; на педагогическіе курсы 1.503.000 р. и на вычетъ 6% въ пенсіонную кассу учащихъ 1.298.231 р., а всего 4.984.231 р., а при постепенномъ ихъ ассигнованіи въ теченіе 15—20 лѣтъ—по 250.000 р. ежегоднаго увеличенія расходовъ (подробнѣйшими наглядными иллюстраціями къ этимъ расчетамъ служатъ соотвѣтствующія таблицы, приложенныя въ концѣ книги). Сводя итоги плана, авторъ предлагаетъ слѣдующее распредѣленіе всего необходимаго расхода на обезпеченіе доступности народной школы въ городахъ и селеніяхъ Россійской Имперіи. Предстоитъ расходовать на содержаніе дополнительной сѣти школъ—78.899.542 р.; на школы, ежегодно открываемыя для прироста или на дополнительные ремесленные классы, всего, считая все время постепеннаго осуществленія плана—26.607.540 р.; на добавочную инспекцію и учащихъ—4.984.231 р., итого—110.491.313 р.—Предположено расходъ этотъ покрыть и разверстать между различными источниками слѣдующимъ образомъ:

	въ руб.	въ %
1. Изъ Государственнаго казначейства (по двумъ вѣдомствамъ: Мин. Нар. Прос. и Св. Синода).	41.048.813	37,2
2. Отъ земствъ 34 губерній.	20.325.000	18,4
3. Изъ земскихъ сборовъ въ прочихъ губерніяхъ . .	11.878.686	10,7
4. Отъ сельскихъ обществъ	18.783.805	1,7
5. Частныхъ пожертвованій	9.129.199	8,3
6. Отъ городскихъ обществъ.	9.325.810	8,4
Изъ всѣхъ источниковъ	110.491.313	100%

Въ послѣдней статьѣ этого отдѣла, именно въ объясненіи того, въ какой срокъ слѣдуетъ завершить все дѣло устройства повсемѣстно общедоступности начальной школы, авторъ проводитъ идею строгой постепенности. На основаніи анализа школьныхъ смѣтъ, произведеннаго въ приложенныхъ къ книгѣ таблицахъ и въ текстѣ второй части проекта, гдѣ подробно изложены порайонные расчеты по городамъ и селеніямъ, сроки завершенія всего дѣла

школьной сѣти располагаются въ различныхъ частяхъ имперіи слѣдующимъ образомъ: для городовъ повсемѣстно 10 лѣтъ; для селеній же: по всѣмъ губерніямъ Европейской Россіи 15 лѣтъ; по губерніямъ и областямъ Сибири и Кавказа 20 лѣтъ; наконецъ—Средне-Азіатскихъ владѣній 25 лѣтъ. - Теченіе сроковъ должно начаться для всѣхъ районовъ одновременно, напримѣръ съ 1 января 1905 года. Двигать дѣло слѣдуетъ повсемѣстно, одновременно, равномѣрно, какъ въ центральныхъ губерніяхъ, сравнительно болѣе подготовленныхъ къ устройству общедоступной сѣти начальныхъ училищъ, такъ и на окраинахъ, очень мало подготовленныхъ къ принятію такой сѣти, но зато наиболѣе нуждающихся въ томъ, чтобы правительственная народная школа ускорила бы полное объединеніе ихъ (окраинъ) съ государствомъ. Въ статьѣ г. Фармаковскаго *): „Къ вопросу о всеобщемъ обученіи", гдѣ разработаны мотивы устройства въ Россіи повсемѣстной доступности образованія, проектируется вводить всеобщее обученіе поочередно по учебнымъ округамъ, начиная съ Московскаго, гдѣ почва для этого уже вполнѣ подготовлена и, покончивъ въ теченіе 10 лѣтъ, переходить затѣмъ поочередно къ остальнымъ учебнымъ округамъ. Г. Куломзинъ совершенно справедливо находитъ (стр. 5) такой способъ нецѣлесообразнымъ, слишкомъ медленнымъ и даже несправедливымъ. И въ этомъ съ нимъ нельзя не согласиться.

П. В. Евстафіевъ

Педагогическая библіотека, издаваемая К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ. *Дидактика* какъ теорія образованія въ ея отношеніяхъ къ соціологіи и исторіи образованія. Отто *Виллъмана*. Пер. съ нѣм. проф. Казанской Духовной Академіи *свящ. А. Дружинина*. Томъ первый. Введеніе. Историческіе типы образованія. Ц. 2 р. 50 к. Москва 1904.

Трудъ Виллъмана такъ хорошо извѣстенъ нашимъ педагогамъ, что достаточно упомянуть о третьемъ его изданіи, дополненномъ кой-какими ссылками и указаніями на новѣйшую литературу.

Мы очень рады, что первый томъ этого капитальнаго труда появился въ довольно удовлетворительномъ русскомъ переводѣ Казанскаго профессора. Переводчикъ помѣстилъ въ своей книгѣ только предисловіе Виллъманна къ *первому* изданію, которое вышло въ 1882 г.; но ссылка на книгу Паульсена „Geschichte des gelehrten Unterrichts" показываетъ, что въ рукахъ его было *второе* изданіе, такъ какъ означенное сочиненіе Паульсена появилось въ 1885 г. Жаль, что переводчикъ не сдѣлалъ дополненій къ своему переводу *по 3-ему* нѣмецкому изданію, первый томъ котораго былъ оконченъ уже въ апрѣлѣ 1902 г. Но это еще не такой грѣхъ; а вотъ переводы автора съ латинскаго языка не заслуживаютъ никакого довѣрія. Приведу при-

---

*) „Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія". 1903. Февраль.

мѣры: стр. 207 (примѣч.). Liv. IX, 32. Habeo auctores, vulgo tum Romanos pueros, sicut nunc Graecis, ita Etruscis litteris erudiri solitos, проф. Дружининъ переводитъ: *Знаю авторовъ, затѣмъ вообще римскихъ отроковъ, имѣвшихъ обычай учиться какъ греческому, такъ и этрурійскому языку.* На самомъ дѣлѣ это мѣсто значитъ: *я имѣю свидѣтелей, что въ то время былъ среди римскихъ мальчиковъ распространенъ обычай изучать этрусскую литературу, какъ теперь они изучаютъ греческую.* Стр. 359 (прим.), слова Декарта: „non est quod antiquis multum tribuamus“ переводчикъ передаетъ такъ: „*мы не приписываемъ* древнимъ большого значенія“, надо же перевести: „*нѣтъ основанія приписывать* древнимъ большое значеніе.

Стр. 379 (въ текстѣ), извѣстное изреченіе Горація изъ его Ep. I, 2, 40: Sapere aude переведено: *разсуждай смѣло*, вмѣсто: *имѣй смѣлость быть благоразумнымъ* или, какъ Фетъ выражается: „рѣшись здраво мыслить“. Будемъ надѣяться, что во второмъ томѣ редакція внимательнѣе отнесется къ переводамъ проф. Дружинина съ древнихъ языковъ.

Г. Зоргенфрей.

Я. И. Рудневъ. Краткое руководство по методикѣ географіи для учительскихъ семинарій и школъ. 1904 г.

У насъ въ русской учебной литературѣ далеко не такъ много книгъ по методикѣ географіи, чтобы можно было не обратить вниманіе на появленіе новаго руководства по этому предмету. Изъ самаго названія книги, а также и изъ предисловія автора видно, для кого она предназначается. Авторъ поясняетъ, что въ учительскихъ семинаріяхъ и учительскихъ школахъ очень трудно пользоваться извѣстными уже руководствами Оберлендера, Петри и Соколова, такъ какъ они составлены по болѣе широкой программѣ и приноровлены для университетскаго слушателя, готовящагося быть учителемъ въ средней школѣ, тогда какъ контингентъ слушателей въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ и по уровню знаній и по общему развитію стоитъ, конечно, ниже контингента слушателей университета. А затѣмъ и времени на этотъ предметъ въ учебномъ курсѣ указанныхъ заведеній отведено очень мало: только одинъ урокъ въ недѣлю. И то и другое заставляетъ преподавателя методики въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ сильно сокращать и упрощать содержаніе даннаго предмета. Авторъ въ составленіи своего руководства задался именно этой цѣлью. Принявъ въ основаніе вышеупомянутыя и нѣкоторыя другія руководства, онъ умѣло воспользовался ими, взявъ изъ нихъ самое существенное, самое необходимое, не задаваясь при этомъ цѣлью дать въ своемъ руководствѣ какое-нибудь новое освѣщеніе вопросовъ или выработку новыхъ положеній по методикѣ даннаго предмета. Разбираемые вопросы авторъ излагаетъ просто и понятно, лишнія подробности опускаетъ и, вмѣстѣ

съ тѣмъ, для желающихъ пополнить свое образованіе, расширить свои познанія по методикѣ даннаго предмета, онъ приводитъ довольно полную литературу, имѣющуюся на русскомъ языкѣ.

Въ первой главѣ авторъ даетъ историческій очеркъ развитія географической науки, очеркъ необходимый, особенно въ учительскихъ семинаріяхъ и учительскихъ школахъ, такъ какъ учащіеся въ нихъ не занимаются спеціально географіей, а между тѣмъ имъ, какъ будущимъ преподавателямъ, важно имѣть болѣе или менѣе ясное представленіе о задачахъ научной географіи.

Далѣе, въ книгѣ идутъ обычныя главы по методикѣ географіи: Географія, какъ учебный предметъ", „Подготовка учителя географіи", „Методика обученія" и т. д. При этомъ авторъ обращаетъ особенное вниманіе на выясненіе содержанія курса родиновѣдѣнія. Подъ родиновѣдѣніемъ онъ понимаетъ ознакомленіе учащихся съ окружающимъ райномъ, доступнымъ непосредственному наблюденію самихъ учащихся, а никакъ не въ смыслѣ ознакомленія ихъ съ цѣлымъ уѣздомъ или губерніей, какъ трактуется нѣкоторыми преподавателями и составителями руководствъ. Курсъ родиновѣдѣнія авторъ считаетъ весьма умѣстнымъ и необходимымъ въ начальной школѣ и удобно соединимымъ съ предметными уроками и уроками объяснительнаго чтенія.

Тотъ объемъ свѣдѣній по математической и физической географіи, который авторъ полагаетъ необходимымъ въ начальной школѣ, мнѣ не представляется непосильнымъ для учащихся, хотя авторъ, въ предупрежденіе нападокъ на него въ этомъ отношеніи, и дѣлаетъ оговорку, что онъ здѣсь указываетъ только на желательный объемъ свѣдѣній изъ этой области, но предоставляетъ преподавателю въ этомъ отдѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, сообразоваться съ силами учащихся, составомъ класса и количествомъ времени.

Что касается практическихъ пріемовъ преподаванія, а также и критики учебныхъ руководствъ, то авторъ почти не останавливается на этихъ вопросахъ, предоставляя и то и другое индивидуальнымъ взглядамъ преподавателя методики даннаго предмета.

Къ нѣкоторымъ недочетамъ даннаго руководства можно отнести попадающіяся иногда слишкомъ общія мѣста въ изложеніи. Такъ, на стр. 8 авторъ, указывая на значеніе работъ Коперника въ развитіи географической науки, говоритъ: „работы Коперника объ обращеніи небесныхъ тѣлъ коренным образомъ измѣнили взглядъ на вселенную и нашу землю", а въ чемъ собственно выразилось это измѣненіе, не указываетъ, между тѣмъ какъ этому вопросу въ интересахъ дѣла можно было бы удѣлить нѣсколько объяснительныхъ строкъ, хотя бы и въ примѣчаніи. На стр. 12-ой, говоря о Нансенѣ, авторъ указываетъ на то, что его путешествіе къ сѣверному полюсу дало крупные результаты, а въ чемъ они заключались, опять не поясняетъ.

Затѣмъ, къ нѣкоторымъ промахамъ можно отнести слѣдующія мѣста книги: на стр. 10 авторъ говоритъ, что Стэнли въ своемъ путешествіи пересѣкъ Африку по самому длинному пути, тогда какъ путь черезъ экваторіальную

Африку вѣдь не самый длинный по этой части свѣта. Затѣмъ, на стр. 37, говоря о значеніи плана, авторъ совѣтуетъ преподавателямъ географіи упражнять учениковъ въ черченіи плана. Это очень опасный совѣтъ, такъ какъ на этомъ основаніи начинающій учитель, пожалуй, дѣйствительно будетъ упражнять въ этомъ своихъ учениковъ, тогда какъ дѣло заключается, конечно, не въ упражненіи ихъ въ черченіи плана, а въ упражненіи въ чтеніи плана, въ умѣніи обращаться съ маштабомъ, въ умѣніи оріентироваться въ данной мѣстности по плану и только отчасти въ умѣніи схематически набрасывать ея планъ.

Къ неудачнымъ выраженіямъ можно отнести слѣдующія мѣста. На стр. 40-ой сказано: „вслѣдствіе вращенія земли всякая точка на ея поверхности описываетъ кругъ". Здѣсь неясно, гдѣ точка описываетъ кругъ, на поверхности ли земли, или въ пространствѣ. Далѣе, на стр. 41-ой авторъ говоритъ: „Мы видѣли, что солнце въ теченіе года какъ бы передвигается по меридіану вверхъ и внизъ". Здѣсь опять неясно: не сказано, по какому меридіану, и ни раньше, ни послѣ не разъясняется.

Но эти указанные небольшіе недочеты нисколько не уменьшаютъ положительныхъ сторонъ разбираемаго нами руководства, отличающагося въ общемъ простымъ и толковымъ изложеніемъ существенныхъ вопросовъ и положеній методики географіи. Руководство это можно считать весьма полезнымъ пособіемъ для тѣхъ учебныхъ заведеній, для которыхъ оно составлено; не менѣе полезнымъ оно является также для педагогическихъ классовъ женскихъ институтовъ и женскихъ гимназій.

М. Усковъ.

Г. О. Коварскій. Какъ защищать себя отъ заразныхъ болѣзней. Вильна. 1903. 87 стр. in 12°. Цѣна 25 коп.

Авторъ смѣло и самоувѣренно приступаетъ къ своей задачѣ научить читателя защищаться отъ заразныхъ болѣзней; на самомъ же дѣлѣ онъ въ текстѣ брошюры скромно излагаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія по патологіи и профилактикѣ этихъ болѣзней. „Задача наша", говоритъ онъ, „дать читателямъ по возможности ясное понятіе о современномъ положеніи вопроса о заразныхъ болѣзняхъ, разъяснить причину ихъ, происхожденіе, способы предупрежденія, отношеніе къ болѣзнямъ вообще и сущность отдѣльныхъ болѣзней съ этой точки зрѣнія въ частности. Я надѣюсь, что любезный читатель не посѣтуетъ на многія детали, касающіяся этіологіи (происхожденія) болѣзней, такъ какъ на нихъ основано все наше разумное отношеніе ко всякаго рода эпидеміи". „Въ настоящее время темное царство (заразныхъ болѣзней) озарено (благодаря бактеріологіи) полнымъ свѣтомъ: мы не только знаемъ, откуда и какъ является заразная болѣзнь, умѣемъ отъ нея защищаться, но и во многихъ случаяхъ можемъ совершенно и навсегда искоренить ее".

Только что приведенныя многообѣщающія положенія должны, однако, смущать читателя, болѣе или менѣе критически относящагося къ дѣлу. По словамъ самого же автора, бактеріологія, хотя и должна рано или поздно открыть и откроетъ причины всѣхъ заразныхъ заболѣваній, до сихъ поръ далеко ихъ всѣхъ еще не открыла, а всѣ извѣстныя дезинфекціонныя (микробоубивающія) средства непрерывно смѣняются одни другими, старыя новыми, хуже дѣйствующія лучше дѣйствующими, т. е. все болѣе и болѣе гарантирующія человѣка отъ заразы, но все еще нуждающіяся въ совершенствованіи. Правда, читателямъ отчаяваться не слѣдуетъ. Въ утѣшеніе имъ авторъ на стр. 20-й высказываетъ слѣдующее существенное положеніе: „Въ этой борьбѣ человѣка съ микробами рѣшающее значеніе имѣетъ умѣніе организма справиться съ такой задачей: правильное физическое развитіе, нормальное функціонированіе всѣхъ органовъ, крѣпкіе нервы и бодрое настроеніе, дающее извѣстнымъ образомъ толчокъ нервамъ къ энергичной борьбѣ—вотъ факторы, играющіе первостепенную роль не только въ предупрежденіи болѣзней, но и въ борьбѣ съ ними". Значитъ, первостепенная-то роль заключается не въ мѣропріятіяхъ, направленныхъ противъ микробовъ, а въ воспитаніи въ человѣкѣ способности приспособляться къ микробамъ, противодѣйствовать ихъ гибельному вліянію. Центръ тяжести борьбы съ заразными болѣзнями ясно лежитъ въ воспитаніи, укрѣпленіи, закаливаніи тѣла человѣка, въ правильной, вполнѣ удовлетворительной гигіенической его обстановкѣ. А все это, къ сожалѣнію, далеко не достаточно выяснено въ брошюрѣ, и вниманіе читателя постоянно отвлекается не въ ту сторону, куда слѣдуетъ.

Для успѣха борьбы съ заразными болѣзнями на первомъ планѣ должны, слѣдовательно, стоять мѣры личной гигіены и личнаго тѣлеснаго воспитанія, а на второмъ мѣры противомикробныя, т. е. должны быть предпринимаемы мѣры, противоположныя тѣмъ, какія обыкновенно принимаются обществомъ и частными лицами. Каждый профанъ слышитъ объ ужасахъ любой заразной бациллы, со страхомъ думаетъ о возможности на всякомъ шагу вдохнуть или проглотить какую-нибудь болѣзнотворную бактерію, а между тѣмъ, съ другой стороны, и видитъ, и слышитъ, что самъ врачъ спокойно идетъ къ заразному больному и не заражается, что больницы для заразныхъ болѣзней строятся и содержатся антигигіенично въ самихъ городахъ, заражая воздухъ, воду и почву окружающей мѣстности,—словомъ, каждый профанъ, наталкиваясь на всѣ эти противорѣчія, принужденъ успокоиваться тѣмъ, что врачи—дескать, увлекаются, напрасно пугаютъ публику и только утѣшаютъ ее имѣющимися въ ихъ именно рукахъ вѣрными (!) средствами противъ зараженія. Выясненіе всѣхъ этихъ недоразумѣній крайне существенно для публики, существеннѣе, пожалуй, всякихъ разговоровъ о микробахъ, а главное, крайне важно для поддержанія въ людяхъ добраго душевнаго настроенія и для лѣченія болѣзни. Для такого выясненія требовалось бы пожертвовать если не десятью страницами, то ужъ никакъ не десятью какими-нибудь строками.

Далѣе. Хваленыя дезинфекціонныя средства, знакомыя по вонючей карболовой кислотѣ, наливаемой около тротуаровъ и на лѣстницахъ, и по удушающей хлористой извести, разсыпаемой по полу ретирадъ, не приносятъ, да и не могутъ приносить никакой пользы вслѣдствіе ихъ дороговизны и примѣненія ихъ въ ничтожныхъ количествахъ.—Все это публика понимаетъ и смѣется надъ врачами, видя во всѣхъ ихъ мѣропріятіяхъ лишь пустую игру въ профилактику, годную развѣ только для отведенія глазъ отъ бѣды, но отнюдь не для предотвращенія. Словомъ, вмѣсто того, чтобы учить съ толкомъ профановъ кореннымъ мѣрамъ противъ заразныхъ болѣзней, а именно: соблюденію строжайшей чистоты и опрятности въ окружающей обстановкѣ, личному закаливанію, установленію правильнаго жизненнаго режима, поддержанію хорошаго душевнаго настроенія, гг. спеціалисты твердятъ о микробахъ, да о дезинфекціонныхъ мѣрахъ, т. е. о томъ, что наиболѣе далеко отъ истинной задачи борьбы съ заразами. Всѣмъ, вѣроятно, извѣстенъ старый анекдотъ о томъ, какъ умирающій паціентъ на успокоительныя слова врачей-консультантовъ сказалъ: „Вы, гг. профессора, утѣшаете меня тѣмъ, что все сдѣлано вами будетъ по правиламъ науки. Напрасно. Вы лучше вылѣчите меня безъ всякихъ правилъ, чѣмъ отправить на тотъ свѣтъ по всѣмъ ея правиламъ“. Такъ точно и каждый профанъ на обѣщанія санитаровъ уничтожить заразу противомикробными средствами справедливо могъ-бы сказать: „вы, гг. санитары, лучше оставьте въ покоѣ вашихъ микробовъ, а сдѣлайте такъ, чтобъ я ихъ не боялся, чтобъ я имъ могъ сопротивляться, могъ переносить ихъ безнаказанно“. Одинъ врачъ лѣтъ сорокъ тому назадъ писалъ, что для избавленія Россіи отъ заразныхъ болѣзней потребовалось-бы ни больше ни меньше, какъ шесть милліардовъ цѣлковыхъ. Если-бы эту цыфру увеличить въ десять разъ, то и тогда заразныя болѣзни не исчезли-бы съ лица Россіи. Это и понятно. Если въ самомъ человѣкѣ нѣтъ силъ и средствъ бороться съ вредными условіями внѣшней среды, тогда не помогутъ ему никакія стороннія средства, никакіе милліарды. Повторяемъ: въ дѣлѣ спасенія отъ заразныхъ болѣзней на первомъ планѣ должно стоять тѣлесное воспитаніе, укрѣпленіе тѣла человѣка, на второмъ-же мѣры гигіены индивидуальной и общественной. А гг. спеціалисты, вмѣсто того, чтобы твердить это публикѣ, безконечно повторяютъ „сказку про бѣлаго бычка“, ведутъ разговоры о микробахъ, о дезинфекціонныхъ средствахъ и считаютъ долгъ свой исполненнымъ предъ лицомъ современной бактеріологіи.

Разсматривая вопросъ со своей точки зрѣнія, авторъ, конечно, удовлетворяетъ ея требованіямъ, и заурядный рецензентъ не найдетъ, конечно, и повода къ какимъ-либо возраженіямъ противъ брошюры. Однако, пора было-бы какъ г. Коварскому, такъ и вообще гг. популяризаторамъ стать на болѣе раціональную, болѣе современную точку зрѣнія, и раскрыть публикѣ глаза на настоящія мѣры борьбы съ заразными болѣзнями, а не тѣ только, какія извѣстны узкимъ спеціалистамъ, бактеріологамъ.

Авторъ говоритъ (82): „Наша цѣль была познакомить читателя съ сущностью заразныхъ болѣзней, преимущественно эпидемическихъ, и этимъ способомъ избавить ихъ отъ страха, царящаго предъ разными эпидеміями, заставить разумно и сознательно относиться не только къ болѣзни, но и къ больному, къ уходу за нимъ, къ дезинфекціи и ко всѣмъ мѣропріятіямъ общественнымъ и личнымъ, возможнымъ и нужнымъ при эпидеміяхъ вообще, и при каждой болѣзни въ частности". Нѣтъ, цѣли этой не отвѣтилъ авторъ, какъ не отвѣчаютъ ей и подобные ему спеціалисты, не желающіе отступиться своими взглядами и упорно держащіеся указаній бактеріологіи. Гг. бактеріологи оказались уже со своимъ стерилизованнымъ молокомъ при пиковомъ интересѣ; то-же самое повторится и по отношенію къ преслѣдованію микробовъ разныхъ болѣзней. Никто не станетъ отрицать заслугъ Пастера, Р. Коха, Листера и другихъ, указавшихъ намъ злѣйшихъ враговъ въ микробахъ; но не слѣдуетъ небрежно относиться и къ тѣмъ мѣрамъ, которыя учатъ насъ бороться съ этими микробами помощью гигіены и тѣлеснаго воспитанія, къ мѣрамъ болѣе могущественнымъ, болѣе надежнымъ, если не единственно ведущимъ къ цѣли.

Брошюра г. Коварскаго—за исключеніемъ описаннаго пробѣла—излагаетъ впрочемъ предметъ достаточно популярно, написана легкимъ литературнымъ языкомъ и охватываетъ сущность ученія о заразныхъ болѣзняхъ. Въ числѣ опечатокъ (ихъ, впрочемъ, немного) одна только особенно непріятно дѣйствуетъ на читателя: авторъ упорно вмѣсто слова „дезинфицировать" (отъ desinficio, desinficere) повторяетъ „дезинфецировать", что, конечно, невѣрно.

А. Виреніусъ.

Е. Ф. Карскій. Митрофанъ Алексѣевичъ Колосовъ. Изъ исторіи русскаго языковѣдѣнія. Варшава. 1903. Цѣна 50 к.

Въ нынѣшнемъ году „Русскій Филологическій Вѣстникъ" празднуетъ 25-лѣтіе своего существованія. Поэтому было весьма кстати проф. Карскому помянуть нѣсколькими словами проф. М. А. Колосова († 14 янв. 1881 г.), основателя этого ученаго и педагогическаго журнала. Несмотря на то, что Колосову не удалось слушать лекціи Лавровскаго по сравнительному языковѣдѣнію въ Харьковскомъ университетѣ, который онъ окончилъ въ 1865 году, несмотря также на то, что разработка важнѣйшихъ вопросовъ лингвистики началась у насъ сравнительно поздно, и добытые ею результаты совершенно измѣнили зданіе старой научной школы,—тѣмъ не менѣе труды Колосова для своего времени имѣли большую цѣну, отчасти и для нашего не утратили всего значенія. Его „Старославянская грамматика", первое изданіе которой вышло въ 1868 году, долгое время считалась самымъ популярнымъ учебникомъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Изъ другихъ работъ Колосова наиболѣе извѣстны: „Отношенія гласныхъ звуковъ въ старославянскомъ языкѣ", 1872,

„Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе“ 1872, „Матеріалъ для характеристики сѣверо-великорусскаго нарѣчія“ 1874, „Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области того же нарѣчія“ 1876, „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка“, 1878 и мн. др. Интересно также отношеніе покойнаго ученаго къ реформамъ русской ороографіи. По его мнѣнію, „принципъ историческаго правописанія и уваженіе къ преданію минувшихъ вѣковъ—дѣло хорошее; безцѣльное же отреченіе отъ формъ, завѣщанныхъ стариной, не желательно. Однако, когда сохраненіе этихъ формъ теряетъ, наконецъ, всякій смыслъ и значеніе,—слѣдуетъ отречься отъ нихъ“. Поэтому онъ печаталъ свой журналъ безъ ъ, ѳ и ѵ; но ѣ оставилъ, въ виду цѣлей этимологическихъ“.

А. Я.

И. Я. Акинфіевъ. Лѣса, деревья и кустарники южно-русскихъ степей. Біологическія свѣдѣнія. Пособіе для экскурсій съ учениками. Съ 59 рис. Цѣна 60 к. Екатеринославъ 1903 г.

Авторъ назначаетъ свою книжку ученикамъ и любителямъ природы въ пособіе для экскурсій въ области лѣсовъ южной Россіи.

Въ книжкѣ четыре главы, содержащія слѣдующій матеріалъ.

Гл. I. Лѣса въ степной полосѣ Россіи. Здѣсь устанавливается фактъ, что на югѣ Россіи преобладаетъ чернолѣсье и что травы, деревья и кустарники селятся сообществами въ зависимости отъ почвенныхъ и климатическихъ особенностей мѣстности; затѣмъ указаны главнѣйшія растенія свѣтолюбивыя и тѣнелюбивыя и даны характеристики двухъ, свойственныхъ южно-русской степной полосѣ, лѣсныхъ группъ: лѣса болотнаго или нагорнаго и лѣса прирѣчнаго.

Вторая глава озаглавлена: „Начало вегетаціи и цвѣтеніе деревьевъ и кустарниковъ по семействамъ“. Здѣсь указанъ общій порядокъ пробужденія жизни въ степныхъ лѣсахъ, и разсмотрѣны три группы растеній, распускающихся послѣдовательно одна за другою. Въ первый періодъ южно-русской весны въ началѣ марта зацвѣтаютъ сережчатыя, а во второй періодъ (съ середины апрѣля) цвѣтутъ кленовыя, масляничныя, розоцвѣтныя и плюсконосныя, позже ихъ мотыльковыя. Это и будетъ первая группа деревьевъ и кустовъ. Ко второй отнесены дикорастущіе кустарники, зацвѣтающіе съ середины апрѣля (крушиновыя, бересклетовыя, посленовыя, суматъ, жимолостныя, хвойниковыя, омела, липовыя). Къ третьей группѣ отнесены разводимые кустарники и деревья (кизилъ, крыжовникъ, жасминъ, каракосъ, каштанъ, шелковица, грецкій орѣхъ, виноградъ, лохъ); но тутъ уже попадаются растенія, цвѣтущія не въ одно время: кизилъ—въ началѣ марта, бѣлый жасминъ—въ апрѣлѣ-маѣ, виноградъ—въ концѣ мая. Такимъ образомъ, самый поводъ къ раздѣленію перечисленныхъ растеній на эти три произвольныя группы остается неяснымъ. Вѣроятно было бы лучше, если бъ авторъ сгруппировалъ всѣ это

растенія или по порядку цвѣтенія, или по семействамъ. Въ третьей главѣ сообщаются общеизвѣстныя данныя относительно цвѣтенія, опыленія и плодоношенія деревьевъ и кустарниковъ. Въ четвертой главѣ дается сжатый очеркъ совмѣстной жизни животныхъ и растеній въ лѣсахъ степной полосы. Здѣсь даны списки травянистыхъ растеній, появляющихся ранней весною (до распусканія деревьевъ) и растеній, появляющихся лѣтомъ въ нагорныхъ и приреѣчныхъ лѣсахъ, причемъ отдѣльно данъ списокъ травъ лѣсныхъ окраинъ и лѣсныхъ чащъ. Хотя авторъ и говоритъ въ предисловіи, что книга его назначается, между прочимъ, и для учащихся, но учащіеся немногимъ изъ нея воспользуются. Они найдутъ нѣчто доступное для себя только въ первой главѣ, гдѣ идетъ описаніе лѣсовъ южной степной полосы, да въ третьей главѣ, гдѣ говорится о цвѣтеніи и плодоношеніи деревьевъ и кустарниковъ. Остальной же матеріалъ, имѣющій чисто справочный характеръ, доступенъ только спеціалисту. Не спеціалистъ врядъ ли вынесетъ что-нибудь изъ тѣхъ бѣглыхъ описаній, какія даны, напр., во второй главѣ. Для учителя же книжка эта несомнѣнно полезна, такъ какъ даетъ ему общій очеркъ растительности южнорусскихъ лѣсовъ, руководствуясь которымъ можно безъ лишней потери времени собирать необходимый для уроковъ матеріалъ.

Н. К.

Д. Горячевъ, прив.-доц. Московск. унив., и **А. Воронецъ**, преподават. частнаго реал. учил. Воскресенскаго. Задачи, вопросы и софизмы для любителей математики. М. 1903. Ц. 75 коп.

За послѣднее время все болѣе и болѣе общимъ становится сознаніе, что постановка курса математики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нуждается въ коренныхъ преобразованіяхъ. Наилучшимъ образомъ охарактеризовано недавно современное преподаваніе математики и указанъ идеалъ, къ которому оно должно приближаться, П. А. Некрасовымъ въ его запискѣ, прочитанной на съѣздѣ преподавателей физико-химическихъ наукъ въ Москвѣ въ 1899 году.

„Принадлежа къ числу лицъ, признающихъ положеніе преподаванія математики, особенно въ гимназіяхъ и отчасти въ реальныхъ училищахъ, ненормальнымъ“,—говоритъ авторъ записки,—„я убѣжденъ, что среди многихъ причинъ неудовлетворительности преподаванія математики одна изъ главныхъ кроется въ самомъ направленіи этого преподаванія. Это направленіе во многихъ отношеніяхъ держитъ математику въ сторонѣ отъ дѣйствительныхъ научныхъ интересовъ, ставя ей въ гимназіи слишкомъ одностороннюю, схоластическую цѣль: усвоеніе послѣдовательности и логичности выводовъ и доказательствъ. Учебные планы и программы гимназіи, учебныя руководства и пособія составлены въ духѣ этой односторонней цѣли, которой не противорѣчатъ одобренные задачники съ фантастическимъ, часто нелѣпымъ матеріаломъ въ ихъ содержаніи. При этомъ часто забываютъ, что математика не есть

формальная логика и отвлеченная схоластическая эквилибристика, а наука и вмѣстѣ съ тѣмъ величайшій изъ научныхъ методовъ міропониманія, что таковою она является не только въ высшихъ частяхъ, но и въ ея элементахъ..."

Если согласиться съ мнѣніемъ, выраженнымъ въ указанной запискѣ (а не согласиться съ нимъ нельзя людямъ, близко стоящимъ къ средней школѣ и понимающимъ ея насущныя потребности), то какъ-же представить себѣ въ ближайшемъ будущемъ прогрессъ въ дѣлѣ созданія новыхъ плановъ, новыхъ пріемовъ преподаванія математики, новыхъ учебниковъ и задачниковъ? Очевидно, учебники должны заключать въ себѣ minimum научно и практически приложимой теоріи, въ силу чего придется отказаться отъ очень многихъ теоретическихъ деталей элементарнаго курса, устраненіе которыхъ не нарушитъ собой стройности логическаго цѣлаго. Изъ задачниковъ ариѳметическихъ, алгебраическихъ и тригонометрическихъ должно быть устранено большое число типовъ задачъ „фантастическаго и нелѣпаго", а также и научно неприложимаго матеріала. При такой реформѣ учебниковъ и задачниковъ, должно освободиться значительное число учебныхъ часовъ, которые можно будетъ посвятить выясненію значенія математики, какъ орудія научнаго мышленія. А для этого придется создать особый отдѣлъ задачъ, доступныхъ умственнымъ силамъ учащихся и вмѣстѣ съ тѣмъ—имѣющихъ настоящее научное содержаніе; подобныя задачи можно извлекать изъ области физики, астрономіи, статистики, механики, повседневной жизни...

Вотъ основная точка зрѣнія, съ которой мы можемъ и должны цѣнить всякое новое произведеніе въ области научно-педагогической литературы математическаго характера.

Внимательно просматривая сборникъ г.г. Горячева и Воронца, мы немного отмѣтили въ немъ задачъ, содержаніе и рѣшеніе которыхъ способствовало-бы укрѣпленію взгляда на математику, какъ на орудіе научнаго мышленія: онѣ относятся большею частью къ отысканію maxim'а и minim'а. Большинство-же задачъ, собранныхъ и составленныхъ г.г. Горячевымъ и Воронцомъ, имѣютъ, дѣйствительно, интересъ для любителей математическаго спорта. Для оживленія-же уставшаго и скучающаго класса подобныя задачи оказываются единственными и незамѣнимыми. Если смотрѣть на сборникъ г.г. Горячева и Воронца, какъ на коррективъ къ существующимъ учебникамъ и задачникамъ, то онъ является единственнымъ на русскомъ языкѣ по своему выдающемуся интересному содержанію. Для любителей же математики этотъ сборникъ—истинный кладъ, въ который вошли „хитроумныя" задачи, головоломные вопросы и софизмы, извѣстные не только въ Россіи, но и въ Англіи, Франціи и Германіи.

К. Л.

М. Быстровъ. Теорія словесности. 279 стр. Изд. А. К. Пурышева. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 60 к.

Теорія словесности это наука, которая существуетъ, кажется, только у

насъ, въ Россіи. Напрасно стали бы мы искать ее подъ этимъ названіемъ въ западно-европейскихъ программахъ среднихъ учебныхъ заведеній: никакой теоріи словесности на Западѣ не имѣется. Но тамъ есть два предмета, которые вмѣстѣ соотвѣтствуютъ нашей теоріи словесности: реторика и поэтика. Поэтика это наша теорія поэзіи; реторика—стилистика и теорія прозы. До половины XIX го вѣка теорія словесности выступала и у насъ подъ собственными, нѣсколько видоизмѣненными, именами: реторика и піитика. Эти два предмета играли большую роль: они замѣняли исторію отечественной и всеобщей литературы, которыя въ концѣ XVIII-го в. только что нарождались и еще не получили права гражданства въ школѣ даже на Западѣ. Роль реторики и піитики не ограничивалась этимъ: реторика представляла изложеніе „правилъ", извлеченныхъ изъ образцовыхъ авторовъ, древнеклассическихъ и неоклассическихъ, для изящнаго изложенія въ прозѣ; піитика излагала такого же рода „правила" поэтическаго творчества. Такимъ образомъ, претензіи этихъ двухъ предметовъ состояли ни болѣе ни менѣе какъ въ томъ, чтобы своими „правилами" научить учащихся литературному творчеству, даже поэтическому! Эти претензіи подверглись суровому и безпощадному осмѣянію со стороны нашей критики. На піитику и реторику сталъ сыпаться градъ насмѣшекъ, тянувшійся нѣсколько десятковъ лѣтъ и создавшій этимъ двумъ „наукамъ" очень неблагопріятную репутацію. Подъ вліяніемъ этого реторика и піитика устыдились самихъ себя и рѣшились... отречься отъ своихъ названій: реторика и піитика умерли, но возродились подъ звучнымъ, претендующимъ на научность, названіемъ теоріи словесности. Сущность, однако, нисколько отъ этого не измѣнилась: старыя „правила" творчества, слегка лишь измѣнившись въ формулировкѣ, были предложены въ качествѣ научныхъ теоретическихъ опредѣленій, обозначающихъ основныя свойства стиля, формъ, родовъ и видовъ словесныхъ произведеній. Въ такомъ обновленномъ видѣ реторика и піитика, съ трудомъ спасшіяся отъ погрома, произведеннаго нашей критикой, благополучно дожили до XX-го вѣка, заключая въ себѣ опредѣленія, плохо оправдываемыя даже древнеклассической и неоклассической литературой.

Между тѣмъ за это время развилось творчество германо-романское и славянское. Изученіе литературныхъ произведеній, ограничивавшееся нѣкогда узкими предѣлами, совершавшееся по любительскимъ, а не научнымъ пріемамъ, радикально измѣнилось. Въ настоящее время знатоки русской и всеобщей литературы, находятся лицомъ къ лицу съ громаднымъ матеріаломъ, изъ котораго они пытаются извлечь основанія для изложенія *сравнительно-исторической* поэтики. Такіе люди науки, какъ академикъ А. Веселовскій, совершенно справедливо полагаютъ, что за построеніе теоріи стиля и поэзіи вообще можно взяться съ нѣкоторою надеждою на научность только тогда, когда произведенія литературъ разныхъ народовъ и временъ будутъ тщательно сравнены между собой въ однихъ и тѣхъ же отношеніяхъ, когда будетъ установлена точная эволюція того или другого рода, вида, формы и т. д. сло-

веснаго произведенія, когда, однимъ словомъ, выяснятся болѣе или менѣе черты временныя и постоянныя. Изъ этого видно, что наша школа въ смыслѣ наукообразнаго знанія словесности отстала чуть ли не на сто лѣтъ. Изъ этого слѣдуетъ далѣе, что необходимо упразднить изученіе теоріи словесности, какъ особаго предмета, и освободившееся время (цѣлый учебный годъ) отвести для систематическаго прохожденія полнаго курса русской новой литературы.

На основаніи вышеизложеннаго, кажется, мнѣ не для чего разъяснять, въ чемъ состоятъ недостатки учебника г. Быстрова. Не останавливаясь на нихъ, я укажу положительныя стороны учебника, выгодно отличающія его отъ существующихъ нынѣ. Во-первыхъ, авторъ свои теоретическія положенія подкрѣпляетъ фактически, давая обильный матеріалъ въ видѣ отрывковъ изъ различныхъ произведеній. Во-вторыхъ, авторъ беретъ отрывки не только изъ нашей литературы до второй половины XIX-го вѣка: въ учебникѣ мы находимъ отрывки изъ Л. Толстого, Тургенева, А. Толстого, Некрасова, Достоевскаго и т. д. Такъ, въ примѣръ ораторской рѣчи приведена знаменитая рѣчь Достоевскаго о Пушкинѣ; въ примѣръ автобіографіи приведены отрывки изъ автобіографическаго стихотворенія Некрасова „На Волгѣ". Въ-третьихъ, опредѣляя отличительныя черты поэзіи, авторъ не ограничивается только изложеніемъ своего мнѣнія, а дѣлаетъ рядъ историко-литературныхъ справокъ, приводя мнѣнія нашихъ писателей—поэтовъ и прозаиковъ; кромѣ того, авторъ приводитъ въ извлеченіяхъ мнѣнія писателей по тѣмъ или другимъ вопросамъ поэтики,—какъ, напр., мнѣніе Бѣлинскаго о типахъ и ихъ значеніи, взгляды на поэзію Аристотеля. Такое сочетаніе теоріи съ хрестоматіей дѣлаетъ учебникъ г. Быстрова очень полезнымъ пособіемъ, пока еще существуетъ у насъ теорія словесности. **В. Келтуяла**.

А. Ѳ. Быкова Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Съ 7 рисунками въ текстѣ и съ географической картой С.-Амер. Соед. Штатовъ. Изданіе 2-ое безъ перемѣнъ. Одобрено для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. Москва 1903 г. Изд. магазина „Книжное Дѣло". 181 страница. Цѣна 50 коп.

Издательская фирма „Книжное Дѣло" выпускаетъ серію книгъ подъ названіемъ „Для школы и домашняго чтенія". Разбираемая нами книга тоже относится къ этой серіи. Въ 1896 г. эта книга была издана впервые безвременно и по независящимъ обстоятельствамъ прекратившею свое существованіе фирмою Муриновой. Первое изданіе книги Быковой быстро разошлось. Выходъ ея въ свѣтъ вторымъ изданіемъ было весьма желательно особенно потому, что она была допущена Учен. Ком. М. Н. Пр. въ разныя библіотеки.

Г-жа Быкова очень просто и понятно разсказываетъ о томъ, какъ заселялись Соединенные Штаты, какъ велась война за независимость колоній съ метрополіей—Англіей, какъ установилось союзное правительство, конституція Соединенныхъ Штатовъ, и какъ вообще организовались государственный строй новаго союзнаго государства, административная, судебная власть, общинное и городское управленіе.

Авторъ достаточно мѣста удѣляетъ и чисто географическому описанію Соединенныхъ Штатовъ: климату, орошенію, природнымъ достопримѣчательностямъ, растительному и животному міру.

Шестая глава книги посвящена почти исключительно борьбѣ сѣверныхъ штатовъ съ южными за освобожденіе негровъ отъ рабства, о положеніи негровъ до и послѣ войны.

Въ седьмой, восьмой и девятой главѣ г-жа Быкова говоритъ о положеніи сельскаго хозяйства, вообще сельско-хозяйственной промышленности, о горнозаводской и металургической промышленности, о хлопчато-бумажной промышленности, о торговлѣ и быстромъ развитіи желѣзныхъ дорогъ въ государствѣ, о положеніи рабочихъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности.

Довольно подробно говорится въ десятой главѣ вообще о народномъ образованіи: о всеобщемъ безплатномъ обученіи, о народной школѣ, объ учителяхъ и ученикахъ, объ управленіи школами, учительскихъ съѣздахъ, школьныхъ комитетахъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, о „народныхъ университетахъ“, о публичныхъ библіотекахъ и читальняхъ и т. д.

Въ послѣднихъ двухъ главахъ авторъ останавливается на положеніи церкви, религіи и духовенства въ государствѣ, на нѣкоторыхъ чертахъ изъ жизни, быта и нравовъ сѣверо-американцевъ.

Такимъ образомъ, авторъ въ очень понятномъ, доступномъ изложеніи знакомитъ со всѣми сторонами жизни сѣверной американской республики, съ исторіей основанія ея и съ физической природой этой страны.

Основной недостатокъ книги заключается въ томъ, что статистическія данныя и цыфры, приведенныя авторомъ, уже устарѣли; онѣ относятся главнымъ образомъ къ 1891 — 92 году. А за 10 лѣтъ Соединенные Штаты сдѣлали громадные успѣхи во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Можетъ быть, авторъ не сдѣлалъ дополненія въ новомъ изданіи потому, что новое, дополненное изданіе пришлось бы вновь представлять на разсмотрѣніе и одобреніе Ученаго Комитета М. Н. Пр. И трудно сказать, — заслужило ли бы вновь дополненное изданіе одобренія Ученаго Комитета...

Книга написана понятно, и ее можетъ свободно читать какъ подростокъ, такъ и грамотный рабочій. Она отличается тѣми же достоинствами, какъ и другія ея научно-популярныя сочиненія („Разсказы изъ исторіи Англіи“, „Разсказы изъ исторіи Ирландіи“).

А. Локтинъ.

Э. К. Пименова. Австралія и ея обитатели. Изд. Поповой. С.-Петербургъ. 1903.

Книжка эта входитъ въ составъ цѣлой географической библіотеки, издаваемой г-жей Поповой подъ общимъ заглавіемъ „Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ". Эта серія разсказовъ и описаній знакомитъ широкую публику какъ съ самыми отдаленными окраинами земного шара,—Австраліей, Новой Зеландіей, Огненной землей, Сахарой, Трансваалемъ и т. д., такъ и съ ближайшими нашими сосѣдями на Востокѣ—съ Китаемъ, Кореей и Японіей. Въ трудахъ этихъ участвуютъ лучшіе наши популяризаторы географы—Красновъ, Шрейдеръ, Сѣрошевскій и др. такъ же, какъ и иностранные писатели де-Сеноръ и др. Такая библіотека очень цѣнна въ настоящее время, когда народный читатель проявляетъ особенный интересъ къ знакомству съ чужими странами и народами. Г-жа Пименова даетъ очень обстоятельное описаніе далекаго материка, его природы, жителей какъ туземныхъ, такъ и пришлыхъ, его колонизаторовъ. Но, очевидно, она имѣетъ въ виду довольно подготовленнаго читателя, а потому все ея изложеніе, очень точное и серьезное, не останавливается передъ т. наз. „трудными словами"—рифъ, экспедиція, ископаемые остатки и т. п. Нельзя однако не пожалѣть, что, составляя свою книжку для неученаго читателя, авторъ не выяснилъ, гдѣ находится материкъ Австраліи по отношенію къ др. материкамъ, къ экватору и т. д. Очень неясно также разсказано политическое устройство колоніи; жаль, что, упомянувъ очень вскользь о Миклухѣ Маклаѣ, г-жа Пименова не остановилась подольше на заслугахъ нашего великаго путешественника и на его гуманномъ отношеніи къ дикарямъ. Въ общемъ книжка г-жи Пименовой даетъ полное представленіе о природѣ и жителяхъ Австраліи, хотя желательно, чтобъ географическія книги отличались болѣе живой картинностью изображенія далекихъ странъ.

С. Русова.

М. Герасимовъ. Русская грамматика для начальныхъ училищъ. Изд. 2. Спб. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова.

Г. Герасимовъ включилъ въ свою небольшую „Грамматику" болѣе 200 практическихъ упражненій и вообще идетъ въ ней по стопамъ Д. П. Тихомирова, одного изъ извѣстнѣйшихъ у насъ почитателей новыхъ порядковъ въ начальной школѣ. Въ первый отдѣлъ книжки „входятъ свѣдѣнія изъ грамматики, которыя указываются программой, утвержденной 7 февр. 1897 г.". Во второмъ — „помѣщены свѣдѣнія изъ грамматики, которыя могутъ быть сообщены ученикамъ въ томъ случаѣ, если позволитъ время". И очень жаль, разумѣется, что къ „менѣе важнымъ" параграфамъ приходится относить, напр., понятія о составѣ слова, нѣкоторыя, такъ сказать, наблюденія надъ образованіемъ нарѣчій и т. п. Вѣдь именно подобныя упражненія и осмысливаютъ

„правописаніе“ и доставляютъ подчасъ ученику болѣе живую работу въ сферѣ языка. Не претендуя на новшества въ своемъ уечбникѣ, г. Герасимовъ тѣмъ самымъ избавляетъ себя отъ лишнихъ неудачныхъ опредѣленій. Но въ 110 параграфѣ приведено претяжелое толкованіе. „Уступительное предложеніе указываетъ противоположную причину той, которая необходима для совершенія дѣйствія главнаго предложенія“. И недовольно убѣдителенъ и 61 параграфъ: „Предлогъ пишется слитно, когда послѣ него *нельзя поставить вопроса*: подъѣздъ, уходитъ“. А *в*бить—*во* что? *В*ходъ—куда? *во* что? *В*бить гвоздь *въ* стѣну, *в*ойти *въ* пещеру?

А. Налимовъ.

Авенаріусъ. Создатель русской оперы Михаилъ Ивановичъ Глинка. Біографическая повѣсть для юношества. Спб. 1 р. 50 к.

Повѣсть эта написана съ обычнымъ для автора мастерствомъ и даетъ подробный и живой очеркъ жизни великаго композитора; мѣстами попадаются выписки изъ автобіографіи. Современные Глинкѣ дѣятели-литераторы, художники и музыканты также обрисованы довольно ярко. Взрослый читатель съ удовольствіемъ прочтетъ эту книгу, несмотря на искусственный характеръ изложенія въ видѣ повѣсти, гдѣ историческія лица говорятъ и дѣйствуютъ, какъ герои вымышленнаго повѣствованія. Но для юнаго читателя книга представитъ навѣрное меньше интереса. Жизнь Глинки не изобилуетъ внѣшними событіями и лишена эффектнаго содержанія. Что же касается до общества, въ которомъ онъ вращался, до всѣхъ этихъ такъ извѣстныхъ, такъ характеризующихъ эпоху личностей, какъ Кукольникъ, Брюлловъ, Булгаринъ, они сами, какъ личности, ихъ роль и значеніе въ литературѣ и обществѣ совершенно неизвѣстны и непонятны дѣтямъ хотя бы и старшаго возраста. Если же читатель хорошо знакомъ съ исторіей литературы и общественной дѣятельности того времени, ему можетъ быть дана въ руки серьезная біографія, а не дѣтская повѣсть.

Этимъ нисколько, конечно, не умаляется достоинство самой книги; надо сознаться только, что это неблагодарный видъ литературныхъ произведеній. Біографическія повѣсти для дѣтей интересны только тогда, когда внѣшняя жизнь даннаго лица полна событіями и разнообразна. Издана книга прекрасно и рисунки интересны.

П. А. Висковатовъ. „Бабушка Татьяна“. „Первая Люшина книжка.“ Иллюстраціи художника А. Эйснера. „Вторая Люшина книжка“. Иллюстраціи А. Эйснера. Изд. А. Ф. Девріена.

Каждому, кто увидитъ названныя книжки, особенно первую изъ нихъ, невольно вспомнится много свѣтлыхъ минутъ дѣтства, первое ученіе и такъ

всѣми любимое „Родное Слово" Ушинскаго, доставившее столько радости не одному поколѣнію, и захочется дать эту книжку и своимъ дѣтямъ.

Мы имѣли возможность дать ее читать и разсматривать многимъ дѣтямъ разнаго возраста и положенія, и результатъ каждый разъ получался одинъ и тотъ-же—радость: старшія находили знакомые съ ранняго дѣтства любимые пѣсенки и разсказы; младшія узнали разсказы и пѣсенки, которые такъ легко запомнить и такъ пріятно мурлыкать про себя. Въ одномъ отношеніи и маленькія, и большія дѣти сходились вполнѣ: и тѣ и другія приходили въ полный восторгъ отъ того, что картинки въ мельчайшихъ подробностяхъ соотвѣтствовали тексту и воспроизводили его. Намъ пришлось слышать много радостнаго смѣха и восклицаній удовольствія по поводу того, что, напримѣръ въ пѣсенкѣ о „Сорокѣ Воровкѣ" видно, какъ она несетъ ложку, какъ оча ее держитъ, когда варитъ кашу и пр. Въ пѣсенкѣ о „Козликѣ" всѣ были удовлетворены тѣмъ, что „видно, сразу видно", по ихъ словамъ, какъ старался козликъ скорѣе убѣжать, чтобы бабушка его не хватилась, и какъ онъ „саршано испугался волка". Когда же маленькіе читатели доходили до картинки, на которой изображены и рожки, и всѣ четыре ножки козлика, не было ни одного, кто бы не пересчиталъ ихъ цальцемъ (а мы ихъ показывали по крайней мѣрѣ 60-ти): „да, всѣ тутъ"!

Кромѣ собственнаго опыта, намъ приходилось уже не разъ слышать, что эта книжка дѣлалась любимѣйшей изъ всѣхъ другихъ. Въ дѣтской библіотекѣ, куда мы помѣстили свой экземпляръ, не было ни одной раздачи, послѣ которой книга осталась бы въ библіотечномъ шкапу,—при чемъ уже читавшіе ее не уступаютъ разглядывать ее вмѣстѣ съ тѣми, кто ее только что получилъ. Въ чемъ же секретъ такого успѣха книги среди дѣтей?

Во-первыхъ, въ содержаніи и законченности разсказовъ, подобранныхъ и составленныхъ въ полномъ соотвѣтствіи съ пониманіемъ и развитіемъ едва научившихся читать дѣтей. Большинство героевъ разсказовъ — домашнія животныя и домашнія вещи, постоянно окружающія дѣтей, при чемъ всѣ они, получивъ отъ автора даръ слова, говорятъ не скучныя и непонятныя поученія и наставленія, а высказываютъ мысли, которыя, несомнѣнно, каждый ребенокъ приписываетъ данному животному; такъ, напр., козликъ упрямится, собака ворчитъ, лисица всѣхъ обманываетъ и пр.

Главное же достоинство, почти, можно сказать, красота книги заключается въ ея изданіи. Каждая даже самая маленькая пѣсенка помѣщается на отдѣльной страницѣ, напечатана крупнымъ, замѣчательно четкимъ шрифтомъ, такъ что читать эту книгу можетъ всякій, едва постигшій сліяніе слоговъ; кромѣ того, каждая пѣсенка снабжена цѣлымъ рядомъ картинокъ, на которыхъ изображены и дѣйствующія лица, и то, что они видятъ, и то, что они дѣлаютъ. Картинки эти нарисованы удивительно:—въ нихъ нѣтъ перспективы, но всѣ позы и выраженія вполнѣ живыя; во всѣхъ рисункахъ сохранена полностью манера рисованія дѣтей, требующая, чтобы у изображаемыхъ жи-

вотныхъ и вещей были видны всѣ отличительные признаки; но всему этому придана художественность и красота. На обложкѣ нарисованы въ миніатюрѣ всѣ дѣйствующія лица всѣхъ разсказовъ.

Вторая часть „Бабушки Татьяны“, къ сожалѣнію, во многихъ отношеніяхъ слабѣе первой; въ ней чувствуется искусственность подбора разсказовъ; не слѣдовало бы помѣщать такихъ разсказовъ, какъ „Ваня и Таня“, которые совсѣмъ не подходящи къ остальнымъ разсказамъ; и еще болѣе странно встрѣтить передѣлку Пушкинской „Птички“, такъ какъ, казалось бы, что произведенія Пушкина въ передѣлкахъ не нуждаются.

Мы слышали, что на появленіе первой части обратили большое вниманіе за границей, и книжка разошлась тамъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ въ переводѣ.

Отъ души можно пожелать, чтобы и у насъ она получила возможно большее распространеніе. **Н. М.**

В. Буснахъ. Своими силами. Библіотека „Всходовъ“. Перев. съ франц. Ц. 30 коп.

Интересная, увлекательно написанная повѣсть объ энергичномъ мальчикѣ, который на 10 году убѣжалъ изъ пріюта и послѣ многихъ скитаній неожиданно нашелъ свою мать, давно потерявшую его въ припадкѣ безумнаго отчаянія. Интересны его приключенія, борьба за существованіе, и поражаютъ читателя энергія ребенка, настойчивость его, честный открытый нравъ и горячее сочувствіе ко всякому несчастному, обездоленному, готовность помочь, заступиться за обиженнаго при всякомъ случаѣ. Всевозможными способами добывалъ себѣ Максъ пропитаніе: продавалъ букеты цвѣтовъ, дѣлалъ забавныя игрушки изъ пойманныхъ жуковъ, носилъ корзины на рынкѣ, служилъ въ ресторанахъ, подметалъ улицы. Весною поступилъ въ циркъ, желая помочь маленькой замученной наѣздницѣ, возбудившей въ немъ участіе. Убѣжалъ онъ изъ цирка вмѣстѣ съ Сусанной и скрывался на пустой дачѣ, но попался въ руки полицейскихъ. Далѣе идетъ счастливая развязка: Максъ своимъ открытымъ невиннымъ личикомъ и подробнымъ разсказомъ возбуждаетъ довѣріе; прокуроръ узнаетъ въ Сусаннѣ свою племянницу, а вскорѣ и Максъ встрѣчаетъ старуху, которая привезла его младенцемъ въ пріютъ, и у которой оказался адресъ его матери — богатой и знатной женщины. Пріѣзжаетъ мать Макса, возобновляется дружба съ Сусанной, а лѣтъ черезъ двѣнадцать герой является уже извѣстнымъ художникомъ и счастливымъ семьяниномъ.

Андрей Осиповъ. „Варягъ“. Историческая повѣсть. Съ рис. Лансере. Спб. 1902 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Въ глубинѣ древлянскихъ лѣсовъ ютится славянскій поселокъ. Отецъ се-

мейства ушелъ на охоту, а въ отсутствіе его членъ враждебнаго рода подкрадывается къ его вежѣ и убиваетъ стараго Яна, отца отсутствующаго Люта. По умершемъ Янѣ-родоначальникѣ справляютъ тризну, приносятъ человѣческую жертву, и Лютъ замышляетъ мщеніе. Собравъ своихъ родичей, онъ врасплохъ нападаетъ на рядъ убійцъ своего отца, сжигаетъ городъ враждебнаго племени, какъ Ольга древлянскую столицу, и торжествуетъ побѣду.

Отомстивъ за смерть отца, Лютъ рѣшаетъ переселиться, искать лучшей земли. На берегу Днѣпра древлянинъ знакомится съ варягами, а дочь его Малуша встрѣчается съ молодымъ варягомъ, который тяготится жизнью воина и мечтаетъ о мирномъ трудѣ земледѣльца. Гордыя женщины его народа не нравятся Игельду, и его привлекаетъ скромная красота нѣжной Малуши. Ей, тоже полюбился молодой мечтатель Игельдъ; но счастье не суждено молодымъ людямъ: врагъ Люта похищаетъ Малушу. Тоскующій Игельдъ встрѣчаетъ старца-христіанина, который говоритъ ему о покорности, о Богѣ, Спасителѣ, прощеніи обидъ, о любви къ врагамъ. Игельдъ жадно слушаетъ слова, которыя находятъ живой откликъ въ кроткомъ сердцѣ юноши, и запечатлѣваетъ свою вѣру въ Бога мученической смертью во время языческаго жертвоприношенія.

Довольно живо и картинно написанная повѣсть читается съ интересомъ и можетъ служить хорошей иллюстраціей къ урокамъ исторіи.

Л. Т. Мидъ. Ангелъ любви. Разсказъ для дѣтей. Переводъ съ англійскаго Н. Кургановой. Съ рисунками. Изд. Девріена. Петербургъ.

Мать разсказываетъ своимъ тремъ дѣвочкамъ сказку объ ангелѣ любви который живетъ въ ихъ сердцахъ. Дѣтское сердце—его домикъ, свѣтлые дѣтскіе глазки—окошечки, въ которыя ангелъ ясно смотритъ на Божій міръ. Но у маленькаго ангела много враговъ, которые стучатся въ домикъ и входятъ, если владѣлецъ домика допуститъ это. Враги ангела—себялюбіе, тщеславіе, жадность и т. д. Когда враги ангела проникнутъ въ домикъ, ангелъ отходитъ отъ окошечекъ, прячется въ глубинѣ домика и можетъ совсѣмъ покинуть свое жилище, если оно наполнится его врагами. Милая сказочка эта производитъ сильное впечатлѣніе на дѣтей, и они начинаютъ каждый посвоему бороться съ врагами ангела. Легче всѣхъ побѣда дается старшей восьмилѣтней дѣвочкѣ; малютка Бэбъ тоже защищается по мѣрѣ силъ; зато средней, Рози, побѣда дается недаромъ: у ея ангела множество враговъ—нетерпѣливость, вспыльчивость и жадность, которая заставляетъ Рози совершить нѣсколько грѣховъ и много страдать; но и она въ концѣ концовъ побѣждаетъ. Бабушка даритъ каждой внучкѣ по золотому и предоставляетъ имъ право сдѣлать на эти деньги, что каждая изъ нихъ пожелаетъ. Ложась спать, дѣти кладутъ свои монетки подъ подушку кроватокъ своихъ куколъ. Проснувшись раньше сестеръ, Рози вздумала полюбоваться на свой золотой. Она

босикомъ выбѣжала въ сосѣднюю комнату, достала соверенъ, начала катать его по столу и уронила монету въ щель пола. Боясь выговора строгой старой няни, она, недолго думая, взяла монетку младшей сестры, положила ее подъ подушку своей куклы и, никѣмъ незамѣченная, улеглась въ постель Бэбъ скоро хватилась соверена, начались поиски, заподозрили младшую няню, а Рози... молчала. Днемъ поѣхали съ бабушкой за покупками. Старшая дѣвочка Эди, настоящая маленькая мисъ, купила подарки всѣмъ, начиная съ Бэбъ и кончая няней, а Рози, мучимая упреками совѣсти, но не имѣвшая силъ сознаться, и желая заглушить свои мученія, накупила сластей, объѣлась сластей и обкормила маленькую сестру. Маленькій ангелъ улетѣлъ изъ сердца Рози; но бабушка, тоже знавшая сказку объ ангелѣ, сказала, что, если ребенокъ раскается и усердно помолится Богу о возвращеніи ангела, то онъ вернется. Рози раскаялась, помолилась, искренно призналась во всемъ, и ангелъ любви вернулся въ ея сердце. Милые дѣтскіе образы живо очерчены въ повѣсти; граціозныя сцены дѣтской жизни, трогательные и забавные эпизоды заинтересуютъ маленькихъ читателей и затронутъ лучшія струны дѣтской души. Переведена повѣсть очень хорошо и доставитъ много удовольствія дѣтямъ средняго возраста.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Изъ хроники народнаго образованія на Западѣ.

Первый съѣздъ германскихъ дѣятелей по распространенію высшаго образованія въ народѣ.—Вопросъ о допущеніи народныхъ учителей въ нѣмецкіе университеты.

Въ нынѣшнемъ году состоялся первый съѣздъ германскихъ дѣятелей по распространенію высшаго образованія въ народѣ. Съѣздъ этотъ происходилъ въ Вѣнѣ и продолжался три дня—19-го, 20-го и 21-го марта. Онъ былъ созванъ правленіемъ Вѣнскихъ университетскихъ курсовъ для народа и союзомъ нѣмецкихъ учителей высшихъ учебныхъ заведеній, поставившимъ себѣ цѣлью организацію высшихъ курсовъ для народа. На съѣздъ собрались 109 участниковъ. Занятія съѣзда обнимали собой всю дѣятельность на пользу распространенія высшаго образованія во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ и касались слѣдующихъ вопросовъ: 1) организація высшихъ курсовъ для народа, 2) преподавательская дѣятельность студентовъ, 3) результаты, достигнутые университетскими курсами по настоящее время, 4) курсы для учителей.

Отчетъ объ этомъ съѣздѣ помѣщенъ въ журналѣ „Pädagogische Reform“ № 18. Изъ этого отчета видно не только современное положеніе вопроса о высшемъ народномъ образованіи, но и исторія его развитія.

Раньше всего возникли университетскіе курсы для народа въ Вѣнѣ. Принявъ за образецъ англійское „university extension“, профессора Вѣнскаго университета первые изъ всѣхъ нѣмецкихъ профессоровъ согласились организовать популярныя лекціи. Вскорѣ на помощь пришелъ возникшій въ 1887 году Вѣнскій союзъ народнаго образованія, развивавшійся съ замѣчательной быстротой: въ 1902 году союзъ насчитывалъ уже болѣе 7.000 членовъ. За 15 лѣтъ своего существованія союзъ проявилъ оживленную дѣятельность и достигъ большихъ результатовъ: такъ, въ эти 15 лѣтъ имъ основано въ Вѣнѣ 14 народныхъ библіотекъ, которыми было выдано 8.270.000 томовъ, организовано 2.973 лекціи, множество народныхъ концертовъ, театральныхъ представленій для народа, экскурсій въ музеи и другія образовательныя учрежденія.

Наибольшее число слушателей на лекціяхъ этого союза было въ 1896—1897 году, а именно 75.589; въ общемъ же среднее число посѣтителей на лекцію приходилось 245 человѣкъ. Этотъ вѣнскій союзъ представляетъ собой одинъ изъ отдѣловъ общеавстрійскаго союза народнаго образованія, насчитывающаго 75.000 членовъ. Вѣнскій союзъ представлялъ собой, по выраженію автора отчета, большой резервуаръ, изъ котораго постоянно пополнялись ряды

слушателей университетскихъ курсовъ. Онъ устраиваетъ для народа отдѣльныя чтенія или небольшой циклъ лекцій и этимъ мало по малу возбуждаетъ въ слушателяхъ любознательность и интересъ къ умственной работѣ. Получивъ вкусъ къ такимъ занятіямъ и стремленіе къ дальнѣйшему образованію, не удовлетворяясь уже отдѣльными случайными лекціями и обрывками знанія, они ищутъ ихъ пополненія на курсахъ, организованныхъ университетскими профессорами.

Высшіе курсы, устраиваемые вѣнскимъ университетомъ, распадаются на небольшія серіи, обнимающія собой различные отдѣлы науки и искусства. Каждая такая серія представляетъ собой нѣчто законченное и состоитъ не менѣе, чѣмъ изъ 6-ти лекцій. Лекціи эти платныя. За курсъ въ шесть лекцій взимается входная плата въ одну крону (85 пфенниговъ); для ремесленниковъ и рабочихъ плата эта уменьшается до 7 пфениговъ за лекцію. Такихъ отдѣльныхъ курсовъ вѣнскимъ университетомъ было организовано съ 1895 г. по 1903-й годъ—570 въ самой Вѣнѣ и 108 внѣ ея, всего 678. Общая сумма слушателей составляетъ 86.774 человѣка, т. е. среднимъ числомъ по 128 слушателей на каждый курсъ. Лица, прослушавшія не менѣе 3-хъ курсовъ, связанныхъ между собой послѣдовательностью матеріала, имѣютъ право участвовать на особомъ собесѣдованіи, на коллоквіумѣ. Однако, сравнительно съ громаднымъ числомъ слушателей, количество желающихъ воспользоваться этимъ правомъ было очень невелико. Гораздо больше нашлось желающихъ закрѣпить и углубить полученныя знанія практическими упражненіями на особыхъ дополнительныхъ курсахъ, гдѣ меньшее число участниковъ даетъ возможность войти въ болѣе тѣсныя дружескія отношенія съ лекторами.

Въ этомъ направленіи работало еще одно общество: „Союзъ Народнаго Дома“. Желающіе пользоваться всѣми учрежденіями Народнаго Дома вступаютъ въ число членовъ союза. Ежегодный членскій взносъ составляетъ три кроны. Основы организаціи союза — чисто демократическія: всѣ слои общества имѣютъ своихъ представителей въ числѣ членовъ правленія. Пока Народный Домъ не имѣетъ еще собственнаго зданія, а помѣщается въ наемномъ. Помѣщеніе состоитъ изъ залы для лекцій, разсчитанной на 300 человѣкъ, библіотеки, читальни, естественно-историческаго кабинета и химической лабораторіи. Къ осени Народный Домъ будетъ переведенъ въ особое зданіе, въ которомъ устроенъ громадный залъ для лекцій, гдѣ можетъ помѣщаться 1.300 человѣкъ, и всѣ учрежденія этого Дома будутъ значительно расширены. Всѣ три общества — и союзъ народнаго образованія, университетскіе курсы для народа и Народный Домъ работаютъ совмѣстно въ одномъ направленіи, объединены одной цѣлью. Душой всего дѣла и связующимъ звеномъ является доцентъ университета и секретарь популярныхъ курсовъ докторъ Людвигъ Гартманнъ, обладающій, по словамъ автора отчета, организаторскимъ талантомъ, способностью къ неутомимой дѣятельности и умѣньемъ привлекать людей къ работѣ на пользу своего дѣла. Какъ и всегда и вездѣ, конечно, главная суть дѣла въ личности организатора и вдохновителя.

Примѣръ Вѣны не остался безъ подражанія, и популярные курсы открылись вскорѣ и при другихъ австрійскихъ университетахъ—въ Прагѣ, Грацѣ, Инсбрукѣ. Въ настоящее время курсы эти организуются при австрійскихъ университетахъ вполнѣ офиціально, и государство отпускаетъ на ихъ поддержку ежегодно 38.000 кронъ.

Въ Германіи дѣло поставлено иначе: такъ, популярные курсы при университетахъ организуются по иниціативѣ единичныхъ личностей или частныхъ

кружковъ, составляютъ вполнѣ частное предпріятіе и содержатся исключительно на частныя средства. Исключеніе составляютъ гамбургскіе курсы, которые, впрочемъ, и не имѣютъ широко популярнаго характера, а разсчитаны на слушателей съ болѣе высокимъ уровнемъ образованія.

Вообще же въ Германіи дѣло распространенія высшаго образованія въ народѣ еще въ зачаточномъ состояніи. Только въ 1900 году образовали тамъ союзъ преподавателей высшихъ школъ для организаціи популярныхъ университетскихъ курсовъ. Не болѣе полдюжины нѣмецкихъ университетовъ организовали такіе курсы; что же касается провинціальныхъ городовъ, промышленныхъ центровъ—тамъ еще ничего не сдѣлано въ этомъ отношеніи.

На съѣздѣ обсуждался вопросъ о томъ, въ какомъ направленіи должно вестись дѣло организаціи высшихъ народныхъ курсовъ. Одни находили, что это дѣло правительства. Всѣ германскія государства должны предоставить университетамъ право организовать популярные курсы и снабдить ихъ для этого средствами, причемъ общее руководительство и надзоръ за высшимъ народнымъ образованіемъ должны принадлежать государству. Другіе же участники съѣзда стояли за полную независимость народныхъ курсовъ.

Въ одномъ отношеніи согласны между собой всѣ участники съѣзда — а именно, въ стремленіи сдѣлать курсы доступными низшимъ классамъ населенія—ремесленникамъ и рабочимъ. Это не значитъ, что доступъ на курсы будетъ ограниченъ для лицъ изъ средняго сословія,—и они будутъ допускаться наравнѣ съ другими, но не ихъ интересы и потребности будутъ приниматься во вниманіе организаторами курсовъ. Люди обезпеченные могутъ сами разными способами добиться образованія; дѣло общества придти на помощь тѣмъ, кто не въ силахъ этого сдѣлать самъ и кому до сихъ поръ было отказано въ благѣ высшаго духовнаго развитія. „До сихъ поръ лозунгомъ нашихъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій было „образованіе и собственность“; теперь пароль другой: „образованіе и трудъ“,—такъ формулируетъ новое направленіе авторъ приводимой нами статьи. „Не должно быть болѣе противоположенія между занимающимися физическимъ и умственнымъ трудомъ, а только между работникомъ и бездѣльникомъ“.

Однако стремленіе пріобщить рабочій классъ къ высшему образованію встрѣчаетъ противодѣйствіе съ двухъ сторонъ. Во-1-хъ профессора и ученые стараго закала недоброжелательно смотрятъ на популяризацію науки, на выходъ ея изъ стѣнъ университета, а во-2-хъ и сами рабочіе иногда съ недовѣріемъ встрѣчаютъ всѣ заботы объ ихъ образованіи. Что касается до хранителей старыхъ традицій, они, по мнѣнію молодыхъ энтузіастовъ, должны будутъ уступить, какъ пришлось сдѣлать это нѣкогда приверженцамъ средневѣковаго обычая—излагать научные труды на латинскомъ языкѣ. Мало-по-малу стѣна между университетомъ и народомъ должна пасть, и новыя птицы запоютъ новыя пѣсни.

Что же касается до недовѣрія рабочихъ (вполнѣ оправдываемаго, по мнѣнію многихъ участниковъ съѣзда, многими примѣрами, когда поборники народнаго образованія оказывались въ политикѣ противниками мѣръ улучшенія въ положеніи рабочихъ), то довѣріе можетъ быть пріобрѣтено мало-по-малу при умѣломъ и искреннемъ отношеніи къ рабочему классу. Необходимо сумѣть войти въ сношенія съ рабочими союзами и другими ремесленными и рабочими организаціями, начиная съ соціалъ-демократическихъ и кончая католическими, заинтересовать ихъ, или, войдя въ непосредственныя сношенія съ главными ихъ дѣятелями, пользуясь ихъ вліяніемъ, распространять идею не-

обходимости пополненія и расширенія образованія рабочаго при помощи посѣщенія высшихъ народныхъ курсовъ. Такъ, гдѣ принимались за дѣло умѣло, оно шло удачно, и мало-по-малу число слушателей изъ рабочаго класса стало преобладать надъ другими. Такъ, напримѣръ, на курсахъ въ Карльсруэ рабочіе составляютъ 90% всѣхъ слушателей.

Затѣмъ на съѣздѣ обсуждался очень интересный вопросъ объ участіи студентовъ въ высшемъ народномъ образованіи. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ, между прочимъ, и у насъ на нынѣшнемъ съѣздѣ дѣятелей по техническому образованію. По мнѣнію референтки, коснувшейся этого вопроса, лекторами на курсахъ для рабочихъ должны быть профессора или приватъ-доценты, а не студенты. Съ мнѣніемъ этимъ не согласилось громадное большинство, находя, что студенческая молодежь именно и въ состояніи съ наибольшимъ жаромъ и интересомъ, а слѣдовательно, и съ наибольшимъ успѣхомъ вести народные курсы. Положительные нѣмцы смотрятъ на этотъ вопросъ иначе. Съѣздъ единодушно рѣшилъ, что студенты не должны быть лекторами. „Они еще сами должны учиться; они должны еще сначала сдѣлаться вполнѣ взрослыми людьми съ выработаннымъ характеромъ; большинство изъ студентовъ еще не достаточно созрѣли и еще не опредѣлились, какъ личности. Кромѣ того, они не должны думать, что на такомъ серьезномъ поприщѣ можно гнаться за дешевыми лаврами оратора и популярнаго учителя“.

Но и для студентовъ найдется работа, и ихъ молодой энтузіазмъ долженъ найти приложеніе: они могутъ быть помощниками лектора при опытахъ, работахъ съ микроскопомъ; ихъ услуги понадобятся при посѣщеніи музеевъ, при устройствѣ литературныхъ вечеровъ и т. п.

Кромѣ того, на практическихъ занятіяхъ студенты могутъ работать рука объ руку съ рабочими. Такъ, въ Мюнхенѣ профессоръ Лотцъ сдѣлалъ опытъ, давшій прекрасные результаты. Въ его рабочей семинаріи, какъ онъ ее называетъ, изъ 20 учениковъ было 14 рабочихъ, которые совмѣстно съ 6-ю студентами изучали серьезное научное сочиненіе, реферируя его по главамъ и обсуждая ихъ. И эти дебаты такъ интересовали участниковъ, что они нерѣдко засиживались за полночь.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній желательно, чтобы высшіе народные курсы были доступны всѣмъ классамъ общества, хотя они должны имѣть въ виду преимущественно потребности рабочаго класса.

Отдѣльно стоятъ только каникулярные курсы для народныхъ учителей, которые, конечно, должны отличаться отъ народныхъ курсовъ, такъ какъ имѣютъ дѣло съ иной, подготовленной аудиторіей. Въ Австріи такіе курсы устраиваются не только въ университетскихъ городахъ, но и въ маленькихъ мѣстечкахъ, гдѣ-нибудь въ живописномъ уголкѣ. Это имѣетъ за собой много преимуществъ: болѣе дешевыя условія жизни, отдыхъ въ здоровой и красивой мѣстности съ экскурсіями въ лѣса и горы, болѣе тѣсное сближеніе между профессорами и сельскими учителями, проводящими нѣсколько недѣль въ постоянномъ сообществѣ.

Въ Австріи существуетъ особое общество, устраивающее подобные курсы— „Союзъ народныхъ учителей и профессоровъ для распространенія научныхъ каникулярныхъ курсовъ“. Каникулярные курсы организуются вѣнскимъ университетомъ и для учителей средне-учебныхъ заведеній.

Особенный интересъ возбудилъ на съѣздѣ вопросъ о допущеніи народныхъ учителей въ университеты. Извѣстный профессоръ Бернгеймъ, организаторъ университетскихъ курсовъ для учителей, произнесъ горячую рѣчь, въ

которой ярко обрисовалъ могучее движеніе, охватившее всю учительскую корпорацію, имѣющее цѣлью добиться для учителя „открытыхъ дверей въ университетъ“. Усердно поддерживалъ своего коллегу и докторъ Кюнъ, который ссылался на свой опытъ—на удачные результаты занятій съ учителями въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ учителя проявили больше серьезности и рвенія къ занятіямъ, чѣмъ обыкновенные студенты. Въ концѣ своей рѣчи докторъ Кюнъ обратился съ горячимъ призывомъ ко всѣмъ профессорамъ университетовъ, убѣждая ихъ всѣми силами поддерживать и стараться удовлетворить стремленію къ высшему образованію, проявляемому съ такой настойчивостью нѣмецкимъ учительскимъ союзомъ и всей корпораціей народныхъ учителей Германіи. Обѣ эти рѣчи были встрѣчены живымъ одобреніемъ, и во всемъ собраніи не раздалось ни одного протестующаго голоса.

Но этими пожеланіями не ограничиваются многіе педагоги Германіи. Они считаютъ, что при современныхъ требованіяхъ отъ учителя, который является уже не простымъ школьнымъ учителемъ, а именно учителемъ народа, нужна для него обязательно болѣе высокая подготовка чѣмъ та, которую онъ получалъ до сихъ поръ въ учительскихъ семинаріяхъ. Въ Лейпцигскомъ педагогическомъ собраніи г. Фриденапъ читалъ рефератъ на тему „Университетъ и народный учитель“, въ которомъ доказывалъ, что главная суть дѣла не въ одномъ только допущеніи учителей въ университеты, а въ признаніи университетскаго образованія необходимымъ для каждаго учителя.

Та же мысль о необходимости расширенія образованія народныхъ учителей высказывалась и на собраніи Общества друзей отечественной школы, которое, впрочемъ, не считаетъ теперь еще достижимой для всѣхъ учителей университетскую подготовку.

На собраніи этого общества, состоявшемся въ маѣ прошлаго года, выработаны были слѣдующіе тезисы:

1. Требованія обязательности университетскаго образованія отъ народнаго учителя, хотя и справедливы, но въ силу современнаго положенія школы и соціальныхъ отношеній въ настоящее время еще не достижимы.

2. Право посѣщенія университетовъ имѣетъ второстепенное значеніе въ вопросѣ объ образованіи народнаго учителя, такъ какъ воспользоваться этимъ правомъ могутъ лишь немногіе. Однако необходимо поставить требованіе, чтобы этимъ правомъ воспользовались всѣ лица, принимающія участіе въ управленіи школами.

3. Образованіе народнаго учителя будетъ достаточно расширено и углублено только тогда, когда учительскія семинаріи получатъ характеръ научныхъ учрежденій и приблизятся къ академіямъ.

Такъ или иначе—измѣненіемъ-ли къ лучшему учебныхъ плановъ семинарій или усиліями отдѣльныхъ личностей, добивающихся высшаго образованія и встрѣчающихъ поддержку со стороны различныхъ союзовъ, обществъ и университетовъ,—нѣмецкій народный учитель, не удовлетворяющійся своимъ теперешнимъ образованіемъ, конечно, добьется своей цѣли, стремленіемъ къ которой онъ доказываетъ глубокое пониманіе важности своего призванія и значенія его для родной страны.

Е. Р.

Хроника народнаго образованія.

Изъ жизни учительскихъ обществъ: общежитіе для дѣтей народныхъ учителей въ Самарѣ; предложеніе калужскаго губернатора объ измѣненіи устава мѣстнаго учительскаго общества.—Учителя и земство: совѣщаніе учащихъ въ земскихъ школахъ при тульской уѣздной земской управѣ.—Замѣщеніе должностей учащихъ въ городскихъ школахъ Харькова по конкурснымъ испытаніямъ.—Кто назначаетъ училищныхъ врачей?—Тяжелое положеніе томскаго общества попеченія о начальномъ образованіи.—Война и народное образованіе: изгнаніе пермскаго научно-промышленнаго музея изъ городского зданія, отводимаго подъ помѣщеніе для раненыхъ.

Въ скромныхъ обществахъ взаимопомощи учащихъ и учившихъ въ начальныхъ училищахъ идетъ медленная, муравьиная работа, имѣющая, однако, не маловажное значеніе для улучшенія положенія нашего народнаго учителя. Насколько общества эти отвѣчаютъ назрѣвшимъ нуждамъ учительскаго быта, всего лучше видно изъ того, что общества взаимопомощи, несмотря на ихъ крайне суженную программу дѣятельности и на довольно неопредѣленное правовое положеніе, получили у насъ повсемѣстное распространеніе, и въ настоящее время имѣется крайне мало губерній, въ которыхъ отсутствовали бы учрежденія этого рода, причемъ, кромѣ губернскихъ учительскихъ обществъ, кое-гдѣ возникли еще такія же общества, охватывающія всего территорію одного уѣзда. Наиболѣе продуктивнымъ проявленіемъ дѣятельности учительскихъ обществъ въ настоящее время является попеченіе о предоставленіи учащимъ въ начальныхъ школахъ возможности давать образованіе своимъ дѣтямъ. Дѣйствительно, данный вопросъ принадлежитъ къ числу наиболѣе больныхъ для народныхъ учителей, такъ какъ содержаніе дѣтей въ уѣздныхъ и тѣмъ болѣе губернскихъ городахъ, гдѣ только и имѣются среднія учебныя заведенія, для народнаго учителя, съ его скромнымъ содержаніемъ, совершенно непосильно, почему дѣти народныхъ учителей и учительницъ обречены оставаться только при начальномъ образованіи. Учительскія общества, насколько могутъ, повсюду приходятъ на помощь семейнымъ учителямъ и учительницамъ въ удовлетвореніи этой важной потребности, учреждая общежитія въ городахъ, гдѣ дѣти учителей могутъ находить помѣщеніе и содержаніе за плату, доступную и скромному учительскому бюджету. Эта дѣятельность учительскихъ обществъ настолько идетъ успѣшно, что въ рядѣ мѣстностей общества эти уже соорудили или сооружаютъ собственныя зданія для подобныхъ общежитій. Къ числу фактовъ этого рода, разновременно отмѣчавшихся нами въ нашихъ „хроникахъ“, присоединимъ еще одинъ, имѣющій мѣсто въ Самарѣ. Здѣсь общежитіе, устроенное мѣстнымъ учительскимъ обществомъ и дающее пріютъ 27 дѣтямъ народныхъ учителей и учительницъ, помѣщается въ наемной квартирѣ, за которую приходится платить 900 р. въ годъ, что тяжело отражается на стоимости содержанія каждаго учащагося. Оно равняется 13 р. въ мѣсяцъ, что при платѣ за пансіонъ, вносимой родителями учениковъ въ размѣрѣ 10 р. въ мѣсяцъ, заставляетъ общество доплачивать изъ своихъ суммъ по 3 р. на каждаго учащагося. Кромѣ того, наемныя помѣщенія всегда представляютъ много неудобствъ въ гигіеническомъ отношеніи. Въ виду этого чрезвычайное собраніе членовъ общества, имѣвшее мѣсто 9 мая, уполномочило правленіе общества, совмѣстно съ особо избранной строительной коммиссіей, пріобрѣсти домъ съ мѣстомъ или одно мѣсто для постройки для него зданія для общежитія, съ тѣмъ, чтобы общая стоимость мѣста и построекъ не превысила 20 тыс. р. На покрытіе

этого расхода разрѣшено правленію взять изъ капитала общества 5.000 р., а на остальную сумму кредитоваться. Общежитіе предполагается устроить на 45—50 учащихся, что дастъ возможность пользоваться имъ вдвое большему числу учителей и учительницъ для образованія своихъ дѣтей.

Какъ ни скромна дѣятельность учительскихъ обществъ, ограниченная рамками попеченія о матеріальныхъ нуждахъ учителей, притомъ строго опредѣленными въ ихъ уставахъ, она очень нерѣдко служитъ источникомъ недоразумѣній между этими обществами и дирекціями народныхъ училищъ. Поводомъ къ такимъ недоразумѣніямъ служатъ обыкновенно попытки со стороны директоровъ народныхъ училищъ трактовать учительскія общества, какъ учрежденія, подчиненныя имъ, чего, конечно, нѣтъ по уставамъ обществъ и что, само собою, разумѣется, едва ли желательно, такъ какъ залогъ успѣха дѣятельности всякаго рода соединеній людей, собирающихся въ интересахъ взаимопомощи, именно въ ихъ самостоятельности. Лишить учительскія общества этой самостоятельности значитъ обречь ихъ на самое жалкое прозябаніе и даже на несомнѣнную гибель. Именно такая участь, несомнѣнно, ожидаетъ общество взаимопомощи учащихъ въ начальныхъ училищахъ Калужской губерніи, если будутъ осуществлены тѣ „предположенія" относительно измѣненія устава общества, которыя, по сообщенію „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 143), предложено мѣстнымъ губернаторомъ обсудить правленію этого общества. Сущность предлагаемыхъ измѣненій устава общества сводится къ слѣдующему: 1) предсѣдатель и члены правленія общества должны быть утверждаемы въ семъ званіи попечителемъ учебнаго округа по соглашенію съ калужскимъ губернаторомъ, какъ это практикуется относительно членовъ попечительныхъ совѣтовъ женскихъ гимназій и прогимназій (циркуляръ мин. нар. просв. отъ 24 авг. 1897 г., за № 9.416); 2) директоръ народныхъ училищъ, директоръ мужской гимназіи, начальница женской гимназіи и директоръ реальнаго училища обязательно должны, въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ, входить въ составъ правленія общества; 3) директору народныхъ училищъ должно принадлежать право представлять на утвержденіе г. попечителя учебнаго округа предсѣдателя и членовъ правленія (избираемыхъ обществомъ на три года) примѣнительно къ § X Положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ мин. нар. просв.; 4) относительно устройства ученическаго общежитія и надлежащаго надзора за нимъ должны быть въ точности соблюдаемы правила объ ученическихъ квартирахъ и распоряженія министерства народнаго просвѣщенія; 5) къ избранію и назначенію надзирателя или надзирательницы въ общежитіи долженъ быть примѣненъ § 48 правилъ для учениковъ гимназій (утвержд. 4 мая 1874 года) и циркулярное предложеніе министра народнаго просвѣщенія отъ 29 января 1884 года, за № 39; 6) сношенія съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ (въ силу циркулярнаго распоряженія министерства народнаго просвѣщенія отъ 10 ноября 1879 года, за № 12.267) производятся предсѣдателемъ педагогическаго совѣта того учебнаго заведенія, для воспитанниковъ или воспитанницъ котораго открывается общежитіе. Заключеніе по поводу этихъ „предположеній" правленію предложено прислать не позднѣе 15 іюня съ разсчетомъ ввести ихъ въ дѣйствіе съ началомъ учебнаго года.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что осуществленіе калужскихъ предположеній по отношенію къ учительскимъ обществамъ означало бы превращеніе живого общественнаго дѣла, какимъ теперь заняты учительскія общества и которое приноситъ свою долю пользы учителямъ, въ мертвую канцелярщину, которая никому будетъ ненужна и будетъ существовать только на бумагѣ.

Опытовъ въ указанномъ направленіи у насъ продѣлано не мало, и результаты у всѣхъ на лицо. Достаточно вспомнить превращеніе петербургскаго комитета грамотности, сдѣлавшаго такъ много въ области народнаго просвѣщенія, въ петербургское общество грамотности, которое за столько лѣтъ своего существованія буквально ничѣмъ не заявило о томъ, что оно существуетъ не только на бумагѣ, но и на дѣлѣ. Такая же исторія повторится и съ учительскими обществами, если осуществятся калужскія предположенія и притомъ не только по отношенію къ обществу взаимопомощи учащимъ въ начальныхъ школахъ Калужской губерніи.

Любопытно, что, въ прямую противоположность попыткамъ ограничить самостоятельность учительскихъ обществъ и тѣмъ парализовать ихъ дѣятельность со стороны нашихъ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, учительскія общества обыкновенно встрѣчаютъ всяческое содѣйствіе своимъ начинаніямъ. Такъ, возвращаясь къ тому же вопросу объ общежитіяхъ для дѣтей учащихъ въ начальныхъ школахъ, о которомъ мы говорили выше, мы встрѣчаемъ неоднократные факты матеріальной помощи со стороны нашихъ земствъ при устройствѣ собственныхъ зданій для этихъ общежитій. Отмѣтимъ одинъ любопытный въ этомъ отношеніи фактъ, имѣвшій мѣсто въ Саратовѣ. Здѣсь саратовское уѣздное земское собраніе постановило выдать мѣстному учительскому обществу безпроцентную ссуду на постройку пансіона-пріюта. Постановленіе это, однако, было передано на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія. Послѣднее большинствомъ голосовъ нашло постановленіе собранія совершенно правильнымъ, и теперь вопросъ этотъ направляется въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ благопріятнымъ заключеніемъ присутствія.

Внимательное отношеніе къ коллегіи народныхъ учителей проявляется со стороны нашихъ земскихъ учрежденій не только въ видѣ разнообразнаго содѣйствія учительскимъ обществамъ взаимопомощи, но также и въ обращеніяхъ земскихъ учрежденій къ учителямъ съ запросами по разнымъ поводамъ, въ созывѣ ихъ на совѣщанія по вопросамъ, касающимся школьнаго дѣла, и, наконецъ, въ попыткахъ организаціи постояннаго совѣщательнаго органа при земскихъ управахъ изъ народныхъ учителей, на подобіе земскихъ санитарныхъ совѣтовъ. Какъ разнообразны поводы, по которымъ земскія учрежденія обращаются за указаніями къ учительской коллегіи, можетъ дать нѣкоторое представленіе перечень вопросовъ, которые были предложены одному изъ подобныхъ совѣщаній весною настоящаго года, именно совѣщанію учащихъ въ земскихъ школахъ Тульскаго уѣзда, на обсужденіе котораго были предложены мѣстною уѣздною земскою управою слѣдующіе вопросы: 1) объ учебникахъ, употребляемыхъ въ школахъ въ настоящее время; 2) о письменныхъ сношеніяхъ учащихся съ земскою управою, училищнымъ совѣтомъ и инспекторомъ народныхъ училищъ, какъ производятся они въ настоящее время и какія при этомъ встрѣчаются затрудненія; 3) о перевозочныхъ средствахъ для учащихъ во время поѣздокъ ихъ въ Тулу по дѣламъ службы; 4) о положеніи школьныхъ зданій; 5) о доставленіи учащими свѣдѣній о томъ, сколько взимается въ сельскихъ училищахъ уѣзда платы съ учащихся, куда эти суммы расходуются и какимъ способомъ; 6) о времени производства выпускныхъ экзаменовъ, и 7) о выработкѣ однообразной подробной программы тѣхъ свѣдѣній, знаніе которыхъ должно требовать на выпускныхъ экзаменахъ согласно общей программѣ курса одноклассныхъ начальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

Если не въ такой же мѣрѣ, какъ земскія учрежденія, тѣмъ не менѣе про-

являютъ вниманіе къ нуждамъ, мнѣніямъ и положенію народнаго учителя и городскія управленія. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить любопытный фактъ изъ дѣятельности въ школьной области со стороны харьковскаго городского управленія. Городскія управленія, какъ учредители и содержатели городскихъ начальныхъ училищъ, пользуются, какъ извѣстно, правомъ представленія кандидатовъ для замѣщенія учительскихъ мѣстъ въ содержимыхъ ими школахъ. Тамъ, гдѣ установились нормальныя отношенія между городскимъ управленіемъ и дирекціею народныхъ училищъ, почти не бываетъ случаевъ неутвержденія представляемыхъ городскимъ управленіемъ кандидатовъ, и, такимъ образомъ, на практикѣ въ этихъ случаяхъ городское управленіе замѣщаетъ учительскія мѣста въ своихъ школахъ своими избранниками. Нельзя сказать, чтобы при этомъ замѣщеніе мѣстъ не производилось порою по соображеніямъ, не имѣющимъ отношенія къ пользамъ дѣла, и потому въ нѣкоторыхъ городскихъ управленіяхъ дѣлаются попытки создать такой способъ замѣщенія учительскихъ мѣстъ въ городскихъ школахъ, который былъ бы совершенно свободенъ отъ личныхъ отношеній. Вопросъ этотъ затрогиваетъ интересы не только лицъ, впервые ищущихъ учительскихъ мѣстъ, но также и наличный учительскій персоналъ, такъ какъ мѣстъ въ городскихъ школахъ домогаются нерѣдко сельскіе учителя и учительницы какъ въ виду болѣе благопріятныхъ условій жизни въ городѣ и обычно болѣе высокаго оклада содержанія, получаемаго учащими городскихъ школъ, сравнительно съ содержаніемъ сельскихъ учителей и учительницъ, такъ и въ виду нерѣдкой необходимости учить дѣтей въ среднихъ школахъ, находящихся въ городѣ. Кромѣ того, и для учительскаго персонала, работающаго въ школахъ даннаго городского управленія, представляетъ порою интересъ перемѣнить свое мѣсто на открывающуюся учительскую должность въ виду какихъ-либо преимуществъ послѣдней (лучшая квартира, болѣе центральное положеніе школы и др.). Такимъ образомъ, нельзя не привѣтствовать увѣнчавшейся успѣхомъ попытки упорядочить данное дѣло со стороны харьковскаго городского управленія. Какъ сообщаютъ „Харковскія Губернскія Вѣдомости“, министерство народнаго просвѣщенія признало возможнымъ удовлетворить ходатайство харьковскаго городского управленія объ учрежденіи конкурсныхъ испытаній для лицъ, желающихъ занять мѣста преподавателей въ городскихъ начальныхъ училищахъ Харькова. Такого рода „конкурсы“ будутъ устраиваться въ началѣ учебнаго года особою коммиссіею, въ составъ которой входятъ представители отъ г. Харькова и учителя городскихъ училищъ; предсѣдательствовать будетъ инспекторъ городскихъ школъ. Конечно, результаты конкурсовъ не будутъ представлять чего-либо безусловно обязательнаго ни для городского управленія при представленіи кандидатовъ на должности учащихъ въ городскихъ училищахъ, ни для дирекціи при утвержденіи представленныхъ лицъ; тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, эти „конкурсы“ въ значительной мѣрѣ гарантируютъ, что при выборѣ кандидатовъ личныя отношенія, если не совсѣмъ исчезнутъ, то отойдутъ неизбѣжно на задній планъ, а на первомъ планѣ будетъ стоять пригодность кандидатовъ къ дѣлу.

Приведенный фактъ интересенъ еще въ томъ отношеніи, что онъ въ извѣстной степени упрочиваетъ возможность для городского управленія замѣщать мѣста учащихъ въ городскихъ школахъ именно по своему выбору, такъ какъ лицо, оказавшееся наиболѣе пригоднымъ для учительской должности на конкурсѣ, можетъ не получить утвержденія лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ и по особымъ только причинамъ. Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ фактъ, о которомъ мы будемъ говорить далѣе. Здѣсь уже имѣетъ мѣсто стѣсненіе ком-

петенціи городского управленія въ такой области, относительно которой до сихъ поръ не возникало ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что область эта всецѣло предоставлена компетенціи городского управленія. Рѣчь идетъ о выборѣ врачей для городскихъ начальныхъ школъ. Вопросъ объ этомъ выборѣ возникъ въ Кіевѣ и получилъ совершенно неожиданное разрѣшеніе. Именно, какъ сообщаютъ „Кіевскіе Отклики", кіевскимъ губернаторомъ сообщено кіевскому городскому головѣ для руководства содержаніе отношенія попечителя кіевскаго учебнаго округа о порядкѣ замѣщенія должностей училищныхъ врачей. Въ отношеніи этомъ попечитель учебнаго округа указываетъ на то, что постановленіе думы—не только избирать кандидатовъ въ училищные врачи, но и назначать ихъ на эти должности помимо учебнаго начальства, какъ лицъ, служащихъ по городскому управленію, противорѣчитъ установленному закономъ порядку назначенія всякаго рода служащихъ въ училищахъ. По закону должности училищныхъ врачей могутъ быть учреждаемы только учебнымъ вѣдомствомъ, и замѣщеніе этихъ должностей опредѣленными лицами, какъ и всякихъ другихъ должностей въ учебныхъ заведеніяхъ, можетъ производиться только однимъ учебнымъ начальствомъ по соглашенію въ подлежащихъ случаяхъ съ административными властями. Въ виду этого попечитель кіевскаго учебнаго округа просилъ кіевскаго губернатора, не будетъ ли признано возможнымъ разъяснить думѣ, что училищные врачи должны быть назначаемы учебнымъ начальствомъ по соглашенію съ губернскою властью, городское же управленіе можетъ лишь указывать своихъ кандидатовъ.

Не безъинтересно разсмотрѣть этотъ вопросъ и съ юридической, и съ общественной точки зрѣнія. Законъ нашъ совсѣмъ не предусматриваетъ особыхъ врачей, посвящающихъ свою дѣятельность заботамъ о гигіеническомъ состояніи начальныхъ школъ и лѣченіи учащихся въ нихъ. По вопросу объ этихъ врачахъ въ законѣ нѣтъ буквально ни слова, точно такъ же, какъ нѣтъ ни слова о школьныхъ сторожахъ, объ особыхъ завѣдывающихъ хозяйственною частью городскихъ или земскихъ школъ, должности которыхъ учреждены нѣкоторыми земствами и городскими управленіями, и т. д. И это совершенно понятно. Учитель имѣетъ возможность оказывать существенное вліяніе на нравственное и умственное состояніе учащихся, и государство заинтересовано въ томъ, чтобы должности учителей занимали лица, отвѣчающія тѣмъ требованіямъ, которымъ должны удовлетворять наставники и воспитатели юношества. Отсюда установленъ извѣстный, конечно, слишкомъ далекій отъ совершенства, порядокъ замѣщенія должностей учителей, законоучителей, а также попечителей школъ, которые также могли бы оказывать извѣстное воздѣйствіе на умственное и нравственное состояніе учащихся при постоянномъ общеніи съ ними. Въ иномъ положеніи стоятъ всѣ другія лица, имѣющія то или иное отношеніе къ школамъ. Завѣдывающій, напр., хозяйственною частью долженъ быть свѣдующимъ въ хозяйственныхъ дѣлахъ, практичнымъ и честнымъ, и; понятное дѣло, что отысканіе лица, отвѣчающаго такимъ условіямъ, всего ближе предоставить тому учрежденію, которое содержитъ школы. То же самое должно быть сказано и относительно врачей. Требуется, чтобы онъ былъ свѣдущъ въ своей спеціальности, гарантія чего дается ему дипломомъ, выданнымъ компетентнымъ учрежденіемъ, какимъ является медицинскій фикультетъ. Подобно тому, какъ отъ вольно-практикующаго врача никто не требуетъ гарантій иныхъ качествъ, такъ странно было бы предъявлять подобныя требованія и къ школьному врачу. Школьный врачъ, изрѣдка появляющійся въ школѣ для осмотра зданія или учениковъ и оказанія имъ помощи, не можетъ оказывать вліянія на уча-

щихся ни въ хорошую, ни въ дурную сторону. Рѣчь можетъ идти только о его добросовѣстности въ исполненіи своихъ обязанностей, и здѣсь всего естественнѣе оцѣнку врача предоставить опять таки содержателямъ училищъ. Распространять же на училищныхъ врачей правила о порядкѣ назначенія учащихъ въ начальныхъ училищахъ значитъ примѣнять способъ аналогіи въ такихъ широкихъ размѣрахъ, при которыхъ этотъ способъ теряетъ всякій смыслъ. Отчего же тогда не требовать отъ городскихъ управленій, чтобы они представляли кандидатовъ на замѣщеніе школьныхъ сторожей, предоставляя утвержденіе таковыхъ на ихъ должностяхъ учебному вѣдомству? Вообще на этомъ пути можно очень далеко уйти; но ясно, что и въ этомъ вопросѣ, какъ и вообще во всѣхъ вопросахъ общественной жизни, нельзя ничѣмъ инымъ руководствоваться, какъ указаніями закона. А законъ, повторяемъ, нигдѣ ничего не говоритъ о порядкѣ назначенія школьныхъ врачей, и потому устанавливать собственныя нормы никто не въ правѣ въ данномъ отношеніи. Иначе можетъ получиться, что то, что является дозволеннымъ въ одномъ городѣ, окажется запрещеннымъ въ сосѣднемъ, хотя тотъ и другой города живутъ подъ дѣйствіемъ однихъ и тѣхъ же законовъ.

Между тѣмъ устанавливаемый въ Кіевѣ порядокъ назначенія школьныхъ врачей можетъ повести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Наши городскія управленія только сравнительно въ недавнее время стали обращать должное вниманіе на начальное образованіе. Въ частности заботы о санитарномъ благополучіи школъ и учащихся въ нихъ составляютъ пока достояніе лишь немногихъ городовъ. Должности школьныхъ врачей имѣются въ самомъ незначительномъ числѣ городовъ, причемъ чаще не имѣется особыхъ школьныхъ врачей, а обязанности таковыхъ исполняютъ врачи, состоящіе на городской службѣ и исполняющіе другія обязанности, напр., врачи для бѣдныхъ и т. п. Только въ самое послѣднее время и только кое-гдѣ стали появляться должности училищныхъ врачей, занятыхъ всецѣло дѣломъ попеченія о санитарномъ благополучіи школъ и лѣченіемъ учащихся. Это новое явленіе въ высшей степени симпатично и его слѣдуетъ всячески поддерживать. Между тѣмъ, несомнѣнно, лишеніе городскихъ управленій права назначать училищныхъ врачей, приведетъ къ тому, что городскія управленія просто не будутъ учреждать такихъ должностей, и школы останутся безъ спеціальнаго медицинскаго надзора, а учащіеся безъ лѣченія. Неужели это можетъ быть желательнымъ съ какой бы то ни было точки зрѣнія?

Вообще крайне странное впечатлѣніе получается отъ разнаго рода мѣръ, направленныхъ къ ослабленію народно-просвѣтительныхъ средствъ, особенно, когда эти мѣры опираются на такія натянутыя соображенія, какъ тѣ, которыя приведены выше, для требованія, чтобы городскія управленія сами не замѣщали должностей школьныхъ врачей, или на чисто формальныя требованія, какъ это имѣетъ мѣсто въ нижеслѣдующемъ случаѣ. Въ Томскѣ существуетъ Общество попеченія о начальномъ образованіи, которое выдѣлялось издавна изъ подобныхъ же обществъ всей Россіи своею широкою просвѣтительною дѣятельностью. Почтенная дѣятельность этого Общества не разъ находила компетентную и въ высшей степени лестную оцѣнку въ печати, на выставкахъ по народному образованію, въ отзывахъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія. И вотъ теперь это Общество находится въ крайне странномъ положеніи, при которомъ оно можетъ оказаться вынужденнымъ чрезвычайно сократить, если не совсѣмъ ликвидировать, свою дѣятельность. Какъ сообщаютъ „Русскія Вѣдомости“ (№ 128), такое положеніе возникло

для Общества съ момента перехода его въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло въ слѣдующемъ.

„Неопредѣленность положенія заключается въ томъ, что уставъ Общества не предусматриваетъ его отношеній къ дирекціи народныхъ училищъ, которая въ послѣдніе мѣсяцы предъявляетъ къ нему такія требованія, удовлетворить которыя Общество, руководствуясь уставомъ, никакъ не можетъ. Такъ, напр., составъ совѣта Общества опредѣляется §§ 16—24 устава, изъ которыхъ ни одинъ не содержитъ никакихъ положеній, которыя позволяли бы выдѣлять, въ смыслѣ исключительности принадлежащихъ имъ правъ, непремѣнныхъ членовъ, между тѣмъ дирекція народныхъ училищъ требуетъ отъ Общества отношенія къ непремѣнному члену отъ министерства народнаго просвѣщенія, какъ къ обладающему исключительными правами контролера за дѣйствіями совѣта. Между тѣмъ директоръ народныхъ училищъ г. Рамзевичъ требуетъ отъ Общества, чтобы засѣданія совѣта, на которыхъ не присутствовалъ непремѣнный членъ совѣта отъ министерства народнаго просвѣщенія, „считались незаконными“, чтобы засѣданія совѣта „были закрытыми“ (до сихъ поръ на нихъ могли присутствовать всѣ члены общества), наконецъ, указываетъ, какихъ вопросовъ можно касаться въ засѣданіяхъ, какъ должны вестись пренія и пр. Выполненіе требованій тѣмъ затруднительнѣе, что обсужденіе вопросовъ въ засѣданіяхъ совѣта г. Рамзевичемъ ставятся въ рамки § 1-го устава, тогда какъ дѣятельность Общества лѣтъ 15 или болѣе назадъ уже вышла изъ этихъ рамокъ. § 1 ставитъ обществу болѣе, чѣмъ скромныя задачи: матеріальную помощь городскому управленію „въ улучшеніи положенія приходскихъ городскихъ училищъ“, такую же помощь „бѣднѣйшимъ ученикамъ и ученицамъ городскихъ училищъ“ и окончившимъ городскія школы для продолженія образованія; наконецъ, ту же помощь „лицамъ, съ особенной пользой обучавшимъ въ городскихъ школахъ“, и содержателямъ частныхъ школъ. Вотъ и все. Вводить обсужденія совѣта въ рамки этого параграфа, это значитъ лишить его права касаться вопросовъ о содержаніи обществомъ собственныхъ школъ (ихъ у Общества четыре, изъ которыхъ три общеобразовательныя и одна профессіональная), о библіотекахъ (у Общества ихъ двѣ), музеѣ прикладныхъ знаній, о лекціяхъ, что читаются или, вѣрнѣе, читались въ Обществѣ три года, о народномъ театрѣ и пр., и пр., чѣмъ занимается Общество почти два десятка лѣтъ. Почти вся дѣятельность общества находится внѣ параграфа 1-го устава и опредѣляется частными разрѣшеніями министерства внутреннихъ дѣлъ и его органовъ, которыя (разрѣшенія) учебною администраціею, повидимому, совершенно игнорируются. Послѣднее заключеніе можно сдѣлать и на основаніи такого факта. Три года назадъ въ совѣтъ Общества внесено было предложеніе объ организаціи при Обществѣ популярныхъ лекцій по различнымъ отраслямъ знаній; два года эти лекціи носили систематическій, правильно организованный характеръ. Къ чтенію ихъ были привлечены многіе профессора университета и технологическаго института. Хотя лекціи были и платныя,—5 и 15 коп.,—но посѣщались съ большою охотою и завоевали себѣ въ Обществѣ прочныя симпатіи. Теперь онѣ должны были прекратиться вслѣдствіе слѣдующей бумаги канцеляріи попечителя западно-сибирскаго учебнаго округа: „Такъ какъ при возбужденіи ходатайствъ объ устройствѣ публичныхъ чтеній совѣтъ, очевидно, не имѣетъ цѣлью усиленіе средствъ Общества, подобнаго рода ходатайства (на каждую лекцію требовалось особое ходатайство) отнынѣ впредь подлежать удовлетворенію не будутъ, а потому и возбужденныя уже оставлены безъ послѣдствій“. Такъ какъ § 1-й ничего не говоритъ о лекціяхъ, какъ средствѣ

распространенія въ Обществѣ знаній, а § 8-ой говоритъ, что устраивать лекціи можно „для усиленія средствъ Общества“, то слѣдовательно, устройство лекцій и выходитъ за предѣлы устава Общества. Держась такой точки зрѣнія, нужно будетъ признать, что и народныя чтенія, и литературно-музыкальныя утра, выставки, музей,—все незаконно. Однородныя требованія предъявлены и къ барнаульскому Обществу попеченія о начальномъ образованіи. Мы слышали, что какъ то, такъ и другое Общество предполагаютъ обжаловать дѣйствія г. Рамзевича, какъ не опирающіяся на требованія закона, въ сенатъ. Покуда же сенатомъ будетъ высказано его авторитетное мнѣніе, положеніе Общества остается прежнимъ, т. е. весьма затруднительнымъ“.

Не хочется допустить мысли, чтобы многолѣтняя работа Томскаго просвѣтительнаго общества была теперь сведена на нѣтъ, и чтобы открытыя имъ просвѣтительныя учрежденія — школы, библіотеки и музей, заслужившія ему почетную извѣстность своею выдающеюся постановкою и приносимою ими дѣлу просвѣщенія пользою, были закрыты только потому, что въ § 1-мъ устава Общества его задачи указаны неопредѣленно и узко. Тѣмъ не менѣе, мы вовсе не лишены примѣровъ гибели полезнѣйшихъ просвѣтительныхъ учрежденій по чисто случайнымъ поводамъ. Именно о такомъ случаѣ гибели просвѣтительнаго учрежденія сообщаютъ тѣ же „Русскія Вѣдомости“ изъ Перми (№ 139). Въ началѣ мая совѣтъ пермскаго научно-промышленнаго музея получилъ отъ городского головы г. Сустина предложеніе очистить въ возможно скорѣйшее время городское зданіе музея для помѣщенія въ немъ раненныхъ и больныхъ воиновъ. Музей этотъ существуетъ уже около 14 лѣтъ: въ его 12 отдѣлахъ находится болѣе 15 тыс. предметовъ; онъ ежедневно и безплатно открытъ для публики, которая въ 1903 году сдѣлала болѣе 13 тыс. посѣщеній. Музей находится въ вѣдѣніи научнаго общества, которое ежегодно имѣетъ отъ 33 (1903 г.) до 62 (1901 г.) публичныхъ засѣданій, на которыхъ читается отъ 47 до 81 докладовъ и рефератовъ. Казалось бы, что столь выдающаяся полезная дѣятельность музея должна бы гарантировать его отъ случайностей, при которыхъ онъ можетъ быть поставленъ въ необходимость выбрасывать свои коллекціи на улицу или скидывать ихъ въ кучу въ какомъ либо сараѣ; однако, какъ видимъ, какъ только явилась надобность въ помѣщеніи для раненныхъ и больныхъ воиновъ, въ цѣломъ губернскомъ городѣ не могли найти другихъ помѣщеній, кромѣ дома, уступленнаго городомъ въ пользованіе музею. Къ этому нужно присоединить еще то характерное обстоятельство, что домъ, въ которомъ помѣщается музей, только номинально принадлежитъ городу, въ дѣйствительности же онъ—достояніе музея, на которое онъ имѣетъ всѣ права. Дѣло въ томъ, что домъ этотъ былъ переданъ городомъ музею въ пользованіе послѣ пожара и многолѣтняго пустованія, благодаря чему онъ представлялъ собою настоящія руины. Музей самъ отремонтировалъ домъ и расширилъ значительно новой постройкою. Еще любопытнѣе, что домъ этотъ былъ отведенъ музею (въ 1896 г.) по думскому постановленію „въ безплатное пользованіе на все время существованія музея и библіотеки“, такъ что и юридически никто не имѣетъ права требовать удаленія музея изъ даннаго дома. Мы не знаемъ, чѣмъ окончилось это странное дѣло, — былъ ли музей вышвырнутъ на улицу, или въ концѣ концовъ онъ отстоялъ свое право на пользованіе домомъ. Но важенъ уже самый фактъ возможности возникновенія подобнаго дѣла. Фактъ этотъ наглядно показываетъ, какъ мало до сихъ поръ цѣнятся у насъ просвѣтительныя учрежденія, какъ еще слабо распространено пониманіе значенія этихъ учрежденій...

Я. Абрамовъ.

Хроника народныхъ библіотекъ.

Библіотеки и читальни попечительства о народной трезвости въ 1901 г.— Читальня въ Ейскѣ.—Народная библіотека имени Пушкина въ Сочи.—78 новыхъ публичныхъ библіотекъ въ воронежскомъ уѣздѣ.—Программа обслѣдованія народныхъ библіотекъ.

Когда было издано положеніе о попечительствѣ о народной трезвости и были обнародованы программы дѣятельности комитетовъ попечительства, причемъ въ этихъ программахъ на первомъ планѣ ставились разнаго рода просвѣтительныя начинанія, многими возлагались большія надежды на эту дѣятельность попечительства. Ожидали, что комитеты попечительства, какъ учрежденія офиціальныя, будутъ освобождены отъ той массы формальныхъ затрудненій и ограниченій, которыя стѣсняютъ частную дѣятельность въ области народнаго просвѣщенія, и что, такимъ образомъ, эти комитеты получатъ возможность широко развить свою просвѣтительную дѣятельность, которая, безъ сомнѣнія, явилась бы лучшимъ средствомъ борьбы съ пьянствомъ. Надежды эти подкрѣплялись значительными ассигнованіями изъ государственнаго казначейства, поступавшими въ распоряженіе попечительства и превосходившими по своимъ размѣрамъ тѣ суммы, которыя тратятся собственно на „народное" просвѣщеніе министерствомъ этого наименованія. Въ дѣйствительности всѣ эти надежды оказались совершенно тщетными. Оказалось, что дѣло, которое было возложено на комитеты попечительства, всего менѣе можетъ быть выполняемо бюрократическимъ элементомъ, и вся дѣятельность попечительства въ области народнаго просвѣщенія осталась преимущественно только на бумагѣ. Реаленъ только громадный (до 5 милл. р. въ годъ) расходъ попечительства, который было бы несравненно цѣлесообразнѣе употребить прямо на народное образованіе, какъ на это и указывалъ еще въ самомъ началѣ дѣятельности попечительства кіевскій генералъ-губернаторъ ген. Драгомировъ.

Въ числѣ средствъ, которыми попечительство намѣревалось бороться съ народнымъ пьянствомъ, числятся и народныя библіотеки, почему при появленіи положенія о попечительствѣ мы также выражали въ своей „хроникѣ" надежду на возможность полезной дѣятельности попечительства въ области народно-библіотечнаго дѣла. Однако, скоро намъ пришлось отмѣчать въ „хроникахъ" малорезультатность этой дѣятельности попечительства. Особенно печальны были эти отмѣтки, когда приходилось останавливаться на годовыхъ отчетахъ попечительства, по которымъ можно было судить объ итогахъ дѣятельности попечительства въ нашей спеціальной области по всей Россіи. Отчеты эти, къ сожалѣнію, появляются съ страшнымъ запозданіемъ, и, напр., недавно только вышелъ отчетъ за 1901 годъ. И этотъ отчетъ, какъ и предшествующіе, рисуетъ просвѣтительную дѣятельность попечительства крайне слабою, если принять во вниманіе огромность района, который обнимаетъ эта дѣятельность (почти вся Россія), и тѣ огромныя средства, которыя затрачиваются попечительствомъ. Вотъ валовыя цыфры, въ которыхъ выражается дѣятельность попечительства за сказанный годъ въ области предоставленія населенію возможности имѣть матеріалъ для чтенія. Попечительство имѣло 1.162 учрежденія, выписывавшія только періодическія изданія. Это чайныя, въ которыхъ получалось двѣ-три дешевенькихъ газетки, и такъ какъ попечительство выписываетъ въ свои чайныя только тѣ періодическія изданія, которыя помѣщены въ каталогѣ изданій, разрѣшенныхъ для пріобрѣтенія на-

родными библіотеками, то, очевидно, просвѣтительное значеніе такихъ учрежденій попечительства гораздо ниже, нежели, напр., обыкновенныхъ пивныхъ и портерныхъ, въ которыхъ могутъ выписываться всѣ періодическія изданія. Затѣмъ попечительство имѣло 1.711 читаленъ и библіотекъ-читаленъ и 352 библіотеки. На первый взглядъ эти цифры кажутся очень внушительными: 2.063 библіотеки и читальни — величина не маленькая. Однако, дальнѣйшія цыфры дѣлаютъ эту величину болѣе чѣмъ сомнительною. Именно оказывается, что во всѣхъ библіотекахъ и читальняхъ было всего 127 тысячъ томовъ, т. е. въ среднемъ на библіотеку и читальню приходилось всего около 60 томовъ. Можно себѣ представить, какое просвѣтительное вліяніе можетъ оказать учрежденіе, обладающее 60 тощенькими брошюрочками, изъ которыхъ къ тому же добрая половина по содержанію—настоящій хламъ. Еще внушительнѣе данныя о числѣ посѣщеній, которыя имѣли библіотеки и читальни со стороны абонентовъ и читателей. Оказывается, что всѣ библіотеки и читальни были посѣщены въ теченіе года 1.239 тысячъ разъ, т. е. на среднее учрежденіе приходилось около 600 посѣщеній или менѣе двухъ посѣщеній въ день. Болѣе убѣдительнаго доказательства невозможности возлагать попеченіе о народно-библіотечномъ дѣлѣ на бюрократическіе элементы нельзя себѣ и представить.

Конечно, среди двухъ тысячъ библіотекъ и читаленъ, числившихся по свѣдѣніямъ попечительства въ 1901 году, въ качествѣ созданныхъ его комитетами, были и такія, которыя имѣли порядочный и по численности, и по качеству книжный составъ, и привлекали значительный контингентъ читателей. Но наличность такихъ библіотекъ и читаленъ дѣлаетъ только еще болѣе убогою дѣятельность остальныхъ учрежденій этого рода, т. е. огромнѣйшаго большинства. Ни для кого, впрочемъ, не секретъ, что большинство учрежденій этого рода, числящихся по отчетамъ комитетовъ попечительства, существуетъ только на бумагѣ. Надо, однако, сказать, что и лучшія изъ библіотекъ и читаленъ, созданныхъ комитетами попечительства, въ значительной мѣрѣ уступаютъ по своей постановкѣ и по своей дѣятельности такимъ же учрежденіямъ, созданнымъ нашими городскими и земскими общественными учрежденіями и въ особенности частною иниціативою. Это особенно наглядно видно по даннымъ, касающимся дѣятельности народныхъ библіотекъ, учрежденныхъ попечительствомъ съ одной стороны и городскими управленіями или частною иниціативою съ другой и существующимъ въ однихъ и тѣхъ же городахъ. Разница между библіотеками и читальнями того и другого типа настолько велика, что ихъ и ставить рядомъ невозможно.

Мы приведемъ здѣсь для параллели два извѣстія, касающіяся библіотекъ-читаленъ, изъ которыхъ одна учреждена комитетомъ попечительства о народной трезвости и принадлежитъ къ лучшимъ учрежденіямъ этого типа, а другая создана частною иниціативою. Первая обезпечена постоянными ассигновками изъ государственнаго казначейства, а вторая—не имѣетъ никакого опредѣленнаго источника средствъ существованія. А между тѣмъ, посмотрите, какая разница въ постановкѣ дѣла и въ достигаемыхъ результатахъ.

„Приазовскому Краю" пишутъ изъ Ейска, Кубанской области: „На дняхъ попечительствомъ о народной трезвости открыта библіотека-читальня, посѣщеніе которой и чтеніе въ стѣнахъ ея безплатное. Пока библіотека не располагаетъ достаточно богатымъ выборомъ книгъ (общее количество ихъ не превышаетъ 750 томовъ); тѣмъ не менѣе, это, сравнительно небольшое, количество, подобранное складомъ харьковскаго общества грамотности, заключаетъ

въ себѣ по возможности все лучшее изъ допущеннаго въ безплатныя библіотеки. Къ слову сказать, хотя харьковское общество грамотности высылаетъ заказанныя ему книжки не иначе, какъ въ хорошихъ переплетахъ, стоимость всѣхъ высланныхъ обществомъ книгъ оказалась на цѣлыхъ десять процентовъ дешевле номинальной цѣны всѣхъ высланныхъ книгъ безъ переплетовъ. Кромѣ книгъ читальней получается 12 періодическихъ изданій, преимущественно дѣтскихъ и иллюстрированныхъ еженедѣльныхъ; изъ газетъ получаются только „Новое Время" и „Сельскій Вѣстникъ". Такая скудость выбора газетъ объясняется исключительно односторонностью списка изданій, допускаемыхъ въ безплатныя читальни. Первые дни существованія читальни показываютъ, что при настоящихъ условіяхъ она врядъ ли будетъ привлекать взрослое населеніе, которое покамѣстъ даетъ не больше 4 посѣтителей въ день, не смотря на то, что читальня помѣщается въ весьма удобномъ пунктѣ (въ домѣ мѣщанской управы). Наоборотъ, дѣти съ перваго же дня открытія читальни посѣщаютъ ее весьма усердно и, можно сказать, являются пока ея исключительными кліентами. Пользованіе книгами и періодическими изданіями производится пока исключительно только въ помѣщеніи читальни, т. е. безъ выдачи ихъ на домъ. А между тѣмъ съ первыхъ же дней по открытіи читальни кліенты ея весьма настойчиво просятъ давать имъ книги и на домъ".

Приведемъ теперь коротенькое сообщеніе „Черноморскаго Побережья" о народной библіотекѣ, созданной частной инициативой въ Сочи, Черноморской губерніи: „Докторъ М. С. Зерновъ два-три года назадъ положилъ основаніе нашей народной читальнѣ-библіотекѣ имени Пушкина. Это учрежденіе существуетъ членскими взносами и пожертвованіями, и, какъ видно изъ отчета, оно обладаетъ весьма скуднымъ бюджетомъ. Членскихъ взносовъ было всего немного больше 200 р., весь приходъ (за три года) выразился въ суммѣ 1.037 р., расходъ за 1903 годъ составляетъ 425 р. Сначала библіотека помѣщалась въ наемномъ домѣ въ нижней части города, а затѣмъ ей отвели одну безплатную комнату въ народномъ домѣ. Это представляетъ, конечно, извѣстныя удобства, но все-таки существованіе библіотеки оставляетъ желать много лучшаго. Чтобы вывести заключеніе о развитіи дѣла, приведемъ нѣкоторыя цифровыя данныя изъ отчета. Всѣхъ подписчиковъ было: въ 1901 году—213 чел., въ 1902 г.—212 и въ 1903 г.—280. Требовалось книгъ: въ 1901 году 2.765, въ 1902 г. 1.785 и въ 1903 г. 3.487. Уменьшеніе требованій въ 1902 году объясняется отсутствіемъ при библіотекѣ соотвѣтствующаго такому дѣлу лица, вѣрнѣе, плохой постановкой дѣла. Въ настоящее время оно пошло лучше".

Надо принять во вниманіе, что Ейскъ—городъ съ 40 тыс. жителей торговый и вообще съ бойкою жизнью, а Сочи—маленькое мѣстечко съ нѣсколькими тысячами жителей. Ейская читальня попечительства о народной трезвости принадлежитъ къ лучшимъ учрежденіямъ этого типа, а сочинская библіотека занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ среди учрежденій этого рода, созданныхъ частною инициативою, и тѣмъ не менѣе параллель между ними оказывается не въ пользу учрежденія попечительства.

Къ сожалѣнію, если попечительство народной трезвости можетъ ежегодно подводить итоги дѣятельности своихъ читаленъ и библіотекъ, даже и такихъ, которыя существуютъ только на бумагѣ, до сихъ поръ никто не подвелъ итога дѣятельности народныхъ библіотекъ и читаленъ, созданныхъ нашими общественными учрежденіями и частною инициативою. Итоги эти оказались бы много внушительнѣе тѣхъ, которые значатся въ отчетахъ попечительства,

какъ можно судить по даннымъ, появляющимся относительно отдѣльныхъ губерній и уѣздовъ. Уже въ настоящее время имѣются губерніи, въ которыхъ имѣется народныхъ библіотекъ, созданныхъ земскими и городскими учрежденіями и частною инициативою, не менѣе полутысячи, равно какъ имѣются уѣзды, въ которыхъ насчитывается библіотекъ этого типа не менѣе сотни. Теперь число народныхъ библіотекъ должно еще болѣе возрасти, такъ какъ земства начинаютъ утилизировать въ значительныхъ размѣрахъ возможность открытія публичныхъ библіотекъ при начальныхъ училищахъ. Намъ уже приходилось отмѣчать факты такого рода въ предыдущихъ хроникахъ. Присоединимъ къ такимъ фактамъ еще одинъ: воронежское уѣздное земство получило недавно разрѣшеніе на открытіе 78 публичныхъ библіотекъ при начальныхъ училищахъ, и, такимъ образомъ, воронежскій уѣздъ увеличитъ собою число такихъ уѣздовъ, въ которыхъ общее число народныхъ библіотекъ перевалило уже за сто въ каждомъ.

Обслѣдованіе народно-библіотечнаго дѣла во всей Россіи, помимо выясненія количественной стороны дѣла, было бы еще болѣе важно въ томъ отношеніи, что оно выяснило бы настоящее положеніе нашихъ народныхъ библіотекъ, ихъ значеніе въ общей системѣ народно-просвѣтительныхъ учрежденій, отношеніе къ нимъ населенія, слабыя стороны народно-библіотечнаго дѣла и его насущнѣйшія нужды. Въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ были произведены подобныя обслѣдованія; но они имѣютъ лишь мѣстное значеніе, будучи ограничены небольшимъ районъ—уѣздомъ и лишь въ нѣсколькихъ случаяхъ губерніей; да къ тому же и программы, по которымъ совершались такія обслѣдованія, были далеко не полными. Лучшимъ и наиболѣе полнымъ изъ такихъ обслѣдованій является изслѣдованіе положенія библіотекъ-читаленъ Харьковской губерніи, произведенное въ 1900—02 гг. комитетомъ по устройству сельскихъ библіотекъ и народныхъ читаленъ Харьковскаго общества грамотности. Но если, благодаря такимъ обслѣдованіямъ, имѣется возможность составить нѣкоторое представленіе о положеніи народно-библіотечнаго дѣла въ отдѣльныхъ частяхъ нашей родины, то народно-библіотечное дѣло въ его цѣломъ, во всей Россіи, остается намъ крайне мало извѣстнымъ и для того, чтобы составить хотя слабое и несовершенное представленіе о немъ, приходится знакомиться со множествомъ частныхъ матеріаловъ, какъ доклады земскихъ управъ земскимъ собраніямъ, отчеты просвѣтительныхъ обществъ, отчеты народныхъ библіотекъ, газетныя извѣстія и т. д. Само собою, что этотъ обширный, разнообразный и случайный матеріалъ доступенъ лишь немногимъ, да и онъ можетъ дать только очень неполное и несовершенное знакомство съ положеніемъ народно-библіотечнаго дѣла. Необходимо систематическое обслѣдованіе народныхъ библіотекъ по всей Россіи. Такое обслѣдованіе могло бы взять на себя какое-либо просвѣтительное общество, явившись центромъ, который привлекъ бы къ дѣлу мѣстныхъ изслѣдователей, сосредоточилъ и обработалъ собранные матеріалы, а прежде всего выработалъ бы программу такого обслѣдованія, достаточно полную и обнимающую всѣ стороны народно-библіотечнаго дѣла. Къ сожалѣнію, при всей важности даннаго дѣла, до сихъ поръ къ нему не надумало приступить ни одно изъ просвѣтительныхъ обществъ. Послѣднее, впрочемъ, можетъ имѣть объясненіе въ тѣхъ ограниченіяхъ дѣятельности, которымъ такія общества подвергаются въ послѣднее время.

Здѣсь мы попытаемся набросать въ самыхъ общихъ чертахъ программу вопросовъ, по которой было бы желательно произвести обслѣдованіе народ-

ныхъ библіотекъ. Ограничиваемся лишь самыми общими вопросами, дабы программа съ другой стороны могла быть примѣнена къ различнымъ мѣстностямъ, а съ другой не затруднила бы производства изслѣдованія и лицами, не особенно подготовленными къ работамъ такого рода.

1) Годъ основанія библіотеки.

2) По чьей иниціативѣ возникла библіотека: сельскаго общества, частныхъ лицъ, земства, городского управленія, просвѣтительнаго общества и т. д.? Кѣмъ исходатайствовано разрѣшеніе на открытіе библіотеки? Вообще обстоятельства, сопровождавшія открытіе библіотеки.

3) Кто далъ средства на открытіе и устройство библіотеки? На какія средства библіотека содержится въ настоящее время? Размѣръ расходовъ библіотеки по предметамъ расхода и доходовъ по ихъ источникамъ (земская субсидія, ассигновка отъ волостного или сельскаго общества, пожертвованія, спектакли и проч.).

4) Помѣщеніе библіотеки: собственное, наемное, уступленное даромъ—въ чьемъ домѣ (при волости, въ школѣ, въ частномъ домѣ и проч.). Удобства и неудобства помѣщенія.

5) Отвѣтственно-завѣдывающій, библіотекарь, наблюдающій. Получаетъ ли библіотекарь содержаніе, какое и изъ какихъ источниковъ? Не имѣется ли при библіотекѣ комитета, правленія или особаго общества? Какъ такія учрежденія организованы и изъ кого они состоятъ, въ чемъ выражается дѣятельность такихъ учрежденій?

6) Имѣется ли особый уставъ библіотеки; не существуетъ ли особыхъ правилъ для читателей и посѣтителей библіотеки?

7) Имѣется ли только библіотека, изъ которой выдаются книги лишь для чтенія на дому, или при ней имѣется также читальня, гдѣ производится самое чтеніе книгъ и періодическихъ изданій, или, наконецъ, имѣется только читальня, а на домъ книги не выдаются?

8) Сколько книгъ имѣлось при открытіи библіотеки? Какъ возрастало число книгъ съ теченіемъ времени и на какія средства онѣ пріобрѣтались? Сколько названій и томовъ книгъ имѣется теперь вообще и въ частности по отдѣламъ?

9) Какія періодическія изданія получаются библіотекою или читальнею?

10) Сколько дней въ недѣлю и въ какіе часы открыта библіотека и читальня? Чѣмъ обусловлено время открытія библіотеки и читальни?

11) Подписчики, берущіе книги для чтенія на домъ, и посѣтители читальни. Число тѣхъ и другихъ и измѣненіе этого числа по годамъ. Возрастной составъ подписчиковъ и посѣтителей читальни, а также распредѣленіе ихъ по сословіямъ и профессіямъ. Сколько мужчинъ и женщинъ?

12) Число взятыхъ подписчиками и посѣтителями читальни книгъ и періодическихъ изданій. Распредѣленіе взятыхъ книгъ по отдѣламъ.

13) Отношеніе подписчиковъ и посѣтителей читальни къ книгѣ вообще и къ книгамъ разныхъ отдѣловъ въ частности. Наиболѣе читаемые авторы и книги. Чего ищетъ въ книгѣ подписчикъ народной библіотеки и посѣтитель читальни?

14) Чѣмъ руководствуются подписчики и читатели при выборѣ книгъ? Совѣтуются ли съ библіотекарями, слѣдуютъ ли ихъ указаніямъ, руководствуются ли отзывами лицъ, ранѣе прочитавшихъ ту или иную книгу и т. д.?

15) Отзывы подписчиковъ и посѣтителей читальни о прочитанныхъ книгахъ. Бесѣды по поводу прочитаннаго. Отношеніе къ періодическимъ изданіямъ.

16) Бережно ли относятся подписчики и посѣтители читальни къ книгамъ и періодическимъ изданіямъ? Поведеніе посѣтителей библіотеки въ самомъ ея помѣщеніи при обмѣнѣ и чтеніи въ читальнѣ. Случаи пропажи книгъ.

17) Что побуждаетъ записываться въ подписчики библіотеки и посѣщать читальню?

18) Общее отношеніе населенія къ библіотекѣ. Проявленія симпатіи или отрицательнаго отношенія къ ней.

19) Не имѣютъ ли мѣсто случаи коллективнаго чтенія книгъ и періодическихъ изданій, гдѣ такіе случаи имѣютъ мѣсто—въ читальнѣ, въ сельскомъ правленіи, въ частныхъ домахъ, на улицѣ и т. д.? Не имѣется ли постоянныхъ, правильно организованныхъ чтеній книгъ и періодическихъ изданій? Не посѣщаютъ ли такихъ чтеній неграмотные для слушанія чужого чтенія?

20) Важнѣйшія нужды библіотеки и необходимыя измѣненія въ постановкѣ народно-библіотечнаго дѣла вообще.

Предложенная программа, само собою разумѣется, далеко не исчерпываетъ всѣхъ вопросовъ, отвѣты на которые относительно народныхъ библіотекъ было бы желательно получить. Но мы и не имѣли въ виду дать здѣсь полную программу обслѣдованія народно-библіотечнаго дѣла. Цѣль наша—нѣсколько подвинуть вопросъ о такомъ обслѣдованіи. Мы будемъ вполнѣ удовлетворены, если наша программа побудитъ нѣкоторое число лицъ, произвести обслѣдованіе по этой программѣ извѣстнаго числа народныхъ библіотекъ и результаты такого обслѣдованія прислать намъ*). Въ свою очередь мы подвергнемъ этотъ сырой матеріалъ обработкѣ, и эта общая работа, особенно если доставленный намъ матеріалъ будетъ относиться къ разнымъ мѣстностямъ и къ библіотекамъ, существующимъ при разныхъ условіяхъ, можетъ дать нѣкоторое понятіе о цѣнности и важности подобной работы, произведенной по всей Россіи, и тѣмъ, быть можетъ, приблизитъ осуществленіе такого общаго обслѣдованія народно-библіотечнаго дѣла во всей Россіи.

Я. Абрамовъ.

Хроника воскресныхъ школъ **).

Годъ въ воскресной школѣ.

(*Продолженіе*).

Объяснительное чтеніе.

Всѣхъ уроковъ по объяснительному чтенію дано 26, а именно:

1. 21 сентября бесѣда—Почему люди стремятся къ знанію.
2. 28 „ „ —Какъ люди стремятся къ знанію.
3. 5 октября „ —Какъ жилъ первобытный человѣкъ.
4. 12 „ „ —Какъ живутъ невѣжественные, „темные" люди.
5. 19 „ „ —Какъ открытъ былъ огонь, и какую роль играетъ онъ въ жизни.
6. 26 „ „ —Изъ-за чего и какъ люди воюютъ.
7. 2 ноября „ —О земледѣліи и трудѣ вообще.

---

*) Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, Якову Васильевичу Абрамову.

**) Всѣ статьи и матеріалы по воскреснымъ школамъ редакція покорнѣйше проситъ посылать въ Харьковъ на имя Христины Даниловны Алчевской или Маріи Николаевны Салтыковой.

8.	9 „	„	—Надо быть человѣчнымъ.
9.	16 „	„	—Вѣкъ металловъ.
10.	23 „	„	—О національности и патріотизмѣ.
11.	30 „	„	—Значеніе желѣзныхъ дорогъ.
12.	7 декабря	„	—Кто такіе преступники.
13.	14 „	„	—Значеніе изобрѣтенія книгопечатанія.
14.	21 „	„	—Нужно стоять крѣпко за правду.
15.	11 января	„	—О великихъ людяхъ.
16.	18 „	„	—Что такое земля.
17.	25 „	„	—Кто такой писатель.
18.	1 февраля	„	—Теорія образованія небесныхъ тѣлъ.
19.	15 „	„	—День, ночь, времена года, затменія.
20.	22 „	„	—О холодныхъ и жаркихъ странахъ.
21.	29 „	„	—Части суши и воды.
22.	7 марта	„	—Народонаселеніе земли.
23.	14 „	„	—Турція.
24.	21 „	„	—Новая Зеландія.
25.	11 апрѣля	„	—Границы Россіи.
26.	18 „	„	—Народы въ Россіи (по языку, религіи, племени и расѣ).

Такимъ образомъ, курсъ объяснительнаго чтенія состоялъ изъ бесѣдъ—по культурѣ и по географіи. Бесѣды по культурѣ выясняли вопросы, какъ жили люди прежде и какъ они живутъ теперь. Бесѣды по географіи должны были показать, какъ живутъ государства теперь и какъ живетъ Россія. Бесѣды о Россіи не закончены; предположено было еще сообщить о добывающей и обрабатывающей промышленности и объ образованіи. Порядокъ чтеній-бесѣдъ былъ неудаченъ. Онъ долженъ быть измѣненъ слѣдующимъ образомъ:

Тема 1-ая. *Какъ люди живутъ теперь.* Бесѣды: Почему люди стремятся „къ знанію“; какъ люди стремятся къ знанію; какъ живутъ невѣжественные, темные люди; о національности и патріотизмѣ: изъ-за чего и какъ люди воюютъ; надо быть человѣкомъ; о преступникахъ; нужно стоять крѣпко за правду; о великихъ людяхъ; кто такой писатель.

Тема 2-ая. *Какъ люди жили прежде.* Бесѣды: Какъ жилъ первобытный человѣкъ; какъ открытъ былъ огонь, и какую роль играетъ онъ въ жизни; о земледѣліи и трудѣ вообще; вѣкъ металловъ; значеніе желѣзныхъ дорогъ; значеніе изобрѣтенія книгопечатанія.

Тема 3-я.—*Гдѣ живутъ люди.* Бесѣды: Что такое земля; теорія образованія небесныхъ тѣлъ; день, ночь, времена года, затменія; о холодныхъ и жаркихъ странахъ; части суши и воды.

Тема 4-я.—*О народахъ и государствахъ.* Бесѣды: Народонаселеніе земли; Турція; Новая Зеландія.

Тема 5-ая.—*О Россіи.* Бесѣды: Границы Россіи; Народы Россіи (по языку, религіи, племени, расѣ); добывающая и обрабатывающая промышленность; образованіе.

Первая тема—какъ живутъ люди теперь—выяснялась при посредствѣ слѣдующихъ брошюръ, которыя давались для домашняго чтенія: а) „Къ свѣту“ Франко; „Максимъ Самоучка“—Борскаго; „Митюха-Учитель“ Дмитріевой; б) „Тяжкій грѣхъ“ по Ожешко; „Страшная смерть невиннаго человѣка“—Вересаева; „Жидъ“—Мачтета; „Могучій Самсонъ“—Ожешко; в) „Изъ франко-прусской войны“; „Потѣхи войны“—обѣ брош. Мопасана; г) Русскіе писатели, изд. Аскарханова, вып. № 7 („Мужикъ Марей“, „Бирюкъ“ и пр.), „Муму“—Тургенева, „Хижина дяди Тома“—Бичеръ-Стоу, „Степанъ Ежикъ“—Ивановича; д) Кобылка въ пути“—Мельшина; „Летные“—Мамина-Сибиряка; „Сигналъ“—

Гаршина; е) Якимъ Мачухъ"—Кобринской; „Умалишенный"—Наумова; „Сонъ Макара"—Короленко; „Кораллы и люди"—Рубакина; ж) „Народный дворецъ" (изъ ром.—Тайны богатой наслѣдницы); „Дѣлатели золота"—по Цшохе. Послѣднія двѣ брошюрки на тему—Народное благо—не разбирались; з) „В. Франклинъ" —Мунтъ Валуевой; „Гарибальди" Русовой, „Георгъ Стефенсонъ"—изд. Об-ва Распр. Полезн. Книгъ, „Гусъ и Лютеръ"—А. Тризна; „Ломоносовъ"—Филонова *).

и) „Кольцовъ"—Вѣтринскаго; „Никитинъ" изд. жур. „Русская Мысль".

Для бесѣды на тему—Какъ люди жили прежде—брались статьи по культурѣ изъ „Книги взрослыхъ" часть 1-ая, а именно—„орудія и оружіе изъ камня", „Огонь" и пр. Кромѣ того, дана была для прочтенія на домъ брошюрка—„О доисторическомъ бытѣ человѣка" изд. Х. О. Гр. Предполагалось дать—„Какъ люди жили въ старину"—Кудрявскаго, которая, хотя и значительно больше, но нетруднѣе маленькой сухой брошюрки Х. О. Гр.; книги Кудрявскаго въ мѣстной продажѣ не нашлось.

Для уясненія темы—Гдѣ люди живутъ—даны были для прочтенія на домъ брошюры „Небо и звѣзды"—Лункевича, „Какъ открыли Новый Свѣтъ"—Слѣпцова; „Отважный путешественникъ Фритіонъ Нансенъ" изд. Х. О. Гр., „Генря Стенли" изд. Х. О. Гр. „Приключеніе двухъ кораблей въ странѣ вѣчнаго холода"—Рубакина.

Для темы—О народахъ и государствахъ—дана была для прочтенія брошюра—„Швейцарія" изд. Х. О. Гр. Радаковой.

Для темы—О Россіи—подходящихъ брошюрокъ не нашлось. Свѣдѣнія по географіи Россіи пришлось давать по разнымъ источникамъ. Для руководства преподавать рекомендуется—географія Россіи Матченко.

Брошюрки были розданы на руки учениковъ—иныя въ трехъ, а иныя въ четырехъ экземплярахъ, и было предложено ученикамъ мѣняться брошюрками между собою. Для записи брошюрокъ были розданы ученикамъ именныя тетради, въ которыхъ ученики должны были отмѣчать брошюрки по слѣдующей формѣ.

Названіе книги, отъ кого и когда получено.	Кому и когда передана.
Митюха учитель отъ Мишухина 10/I и т. д.	Саломаткину 15/I.

Я предполагалъ, что всѣ брошюрки будутъ прочтены въ теченіе года всѣми учениками. Предположеніе это далеко не оправдалось, благодаря недостатку времени и плохому механизму чтенія у большинства учениковъ. Одинъ изъ

*) Тема—великіе люди—должна быть разработана не въ одной, а въ нѣсколькихъ бесѣдахъ: великіе люди науки, великіе люди—защитники политической свободы, великіе люди—защитники свободы совѣсти и пр. Прекраснымъ пособіемъ для чтенія въ группѣ малограмотныхъ могутъ служить двѣ брошюрки Рубакина изд. Сенани—Знаменитые русскіе работники (Гаазъ, св. Филиппъ, бар. Корфъ и др.) и двѣнадцать русскихъ работниковъ (Дежневъ, Семеновъ, Кулибинъ и др.)."

учениковъ даже совсѣмъ не могъ еще читать брошюрокъ. Ниже приведена таблица, которая показываетъ, какъ обращались брошюрки между учениками.— 25 апрѣля, отбирая у учениковъ записныя тетради, я спрашивалъ каждаго ученика, помнитъ ли онъ содержаніе каждой помѣченной въ тетради книги; при этомъ предлагалъ вопросъ по содержанію книги, такъ, напр., о брошюркѣ — Максимъ Самоучка—гдѣ научился Максимъ грамотѣ, о брошюркѣ—Муму—почему книжка называется—Муму, и т. п. Вопросы предлагались быстро одинъ за другимъ. Если ученикъ отвѣчалъ—не помню, не знаю, или просто молчалъ,— я переходилъ къ другой брошюрѣ. Сдѣлалъ я такіе летучіе опросы, чтобы установить, какія книжки и кого заинтересовали настолько, что прочно остались въ памяти учениковъ.

Каждый образованный человѣкъ читаетъ постоянно, но мало что помнитъ изъ прочитаннаго. Запоминается только интересное, оригинальное, глубокое; бездарныя, банальныя произведенія не оставляютъ по себѣ никакого слѣда и забываются очень быстро. Въ особенности это замѣтно для тѣхъ, кто слѣдитъ за литературой и просматриваетъ, прочитываетъ массу книгъ. Допустимъ, что я просмотрѣлъ или прочиталъ всѣ 120 шт. брошюрокъ М. Слѣпцовой „Книжка за книжкой“. Черезъ мѣсяцъ послѣ просмотра я уже не скажу, какое содержаніе брошюрки „Ласка за ласку“, но, навѣрное, тотчасъ же скажу о содержаніи брошюрки „Королева Шведская“. Это означаетъ, что первая брошюрка безсодержательна, а вторая—интересна. Летучій опросъ—лучшее средство опредѣлить лучшія книги. То, что легко вспоминается, то, несомнѣнно, цѣнно. Результаты летучаго опроса слѣдующіе:

Шмеръ	прочиталъ	8	книгъ,	не	помнитъ—	8	кн.
Шепелевъ	„	3	„	„	„	3	„
Калошинъ	„	7	„	„	„	5	„
Болдыревъ	„	8	„	„	„	8	„
Саломаткинъ	„	19	„	„	„	17	„
Морешовъ	„	6	„	„	„	3	„
Жарковъ	„	2	„	„	„	0	„
Липко	„	28	„	„	„	21	„
Жариновъ	„	13	„	„	„	4	„
Кузинъ	„	17	„	„	„	15	„
Трубинъ	„	17	„	„	„	14	„
Горшенинъ	„	18	„	„	„	5	„
Шишуринъ	„	29	„	„	„	16	„
Васильевъ	„	17	„	„	„	6	„
Масловъ	„	22	„	„	„	10	„
Мальковъ	„	13	„	„	„	4	„
Мишухинъ	„	29	„	„	„	15	„
Лукьяновъ	„	20	„	„	„	5	„

По этимъ даннымъ выходитъ, что въ среднемъ на каждаго ученика приходится около 15 книгъ. Если принять во вниманіе, что не всѣ прочтенныя книги записаны въ тетради, что весьма вѣроятно, то можно предположить, что каждый ученикъ прочиталъ книгъ по 20 въ среднемъ. Если бы книги не передавались изъ рукъ въ руки, что было неудобно для учениковъ, и если бы каждый ученикъ могъ свободно во всякое время мѣнять книги, то прочитанныхъ книгъ было бы вдвое больше.

Слѣдующая таблица показываетъ, какія книги учениками вспоминались. При опросахъ я просилъ отмѣтить, „какая книга лучше всѣхъ“. Эти книги въ таблицѣ отмѣчены жирнымъ шрифтомъ. Эта же таблица показываетъ, сколько разъ каждая книга прочтена.

	Прочитали.	Вспомнили при опросѣ.	Дали лучшіе отзывы.
1. Русскіе писатели.	13 уч.	6 уч.	
2. Потѣхи войны.	12 „	4 „	
3. **Митюха учитель.**	11 „	8 „	1 уч.
4. Могучій Самсонъ.	11 „	4 „	„
5. **Умалишенный.**	10 „	5 „	3 „
6. **Сигналъ.**	10 „	7 „	4 „
7. Бродячій мальчикъ.	10 „	4 „	
8. Кораллы и люди.	10 „	3 „	
9. Изъ франко-прусской войны.	9 „	4 „	
10. **Муму.**	9 „	6 „	1 „
11. **Сонъ Макара.**	9 „	2 „	1 „
12. **Страшная смерть невиннаго человѣка.**	8 „	2 „	2 „
13. **Жидъ.**	8 „	6 „	1 „
14. Кобылка въ пути.	8 „	2 „	
15. Съ Богомъ.	8 „	4 „	
16. Дѣлатели золота.	8 „	2 „	
17. Швейцарія.	8 „	2 „	
18. **Къ свѣту.**	7 „	3 „	1 „
19. **Максимъ самоучка.**	7 „	4 „	2 „
20. **Степанъ Ежикъ.**	7 „	4 „	3 „
21. Кольцовъ.	7 „	4 „	
22. Иванъ Бродяга.	7 „	0 „	
23. **Нансенъ.**	7 „	4 „	1 „
24. Новый Свѣтъ.	7 „	3 „	
25. Стефенсонъ.	6 „	4 „	
26. Летные.	5 „	3 „	
27. Якимъ Магунъ.	5 „	1 „	
28. Никитинъ.	5 „	0 „	
29. Франклинъ.	5 „	1 „	
30. О доисторич. бытѣ.	5 „	2 „	
31. Ломоносовъ.	5 „	2 „	
32. **Небо и звѣзды.**	5 „	3 „	1 „
33. Путешествіе двухъ кораблей.	5 „	3 „	
34. Гусъ и Лютеръ.	4 „	2 „	
35. Стенли.	3 „	1 „	
36. Народный Дворецъ.	3 „	2 „	
37. Тяжкій грѣхъ.	2 „	1 „	
38. Хижина дяди Тома.	2 „	1 „	
39. Будка.	1 „	0 „	

Легкость воспоминанія зависитъ между прочимъ и отъ того или иного уровня развитія. Ученики группы малограмотныхъ въ общемъ развиты очень слабо, соображаютъ они туго; поэтому они такъ мало вспомнили книгъ и при этомъ—тѣмъ менѣе, чѣмъ меньше ученикъ развитъ. Ученики: Шмеръ и Болдыревъ прочит. по 8 книгъ, не вспомнили тоже по 8 книгъ; Саломаткинъ прочиталъ 19 книгъ, изъ нихъ 17 книгъ не вспомнилъ; Липко прочиталъ 28 книгъ, изъ нихъ 21 книгу не вспомнилъ. И это понятно, такъ какъ эти ученики мало развиты. Съ другой стороны—Горшенинъ прочиталъ 18 книгъ, изъ нихъ 13 книгъ вспомнилъ; Васильевъ прочиталъ 17 книгъ, изъ нихъ вспомнилъ 11 к.; Жарковъ прочиталъ 13 книгъ, изъ нихъ вспомнилъ 9 книгъ. Послѣдняя категорія учениковъ стоитъ въ развитіи выше первыхъ. Развитіе имѣетъ важное значеніе при воспоминаніи. Оно отзывается даже на достоинствѣ вспоминаемыхъ книгъ; но все же лучшія книги вспоминаются вообще чаще. Книга—„Митюха учитель“ вспомнилась 8 учениками, „Сигналъ“—7 учениками, „Муму“ и „Жидъ“—шестью учениками, такъ какъ эти книги, несомнѣнно, интересныя и доступныя; тогда какъ—„Иванъ Бродяга“—никѣмъ не-

вспоминается,—какъ нехудожественный и малосодержательный разсказъ. Книга—„Русскіе писатели“ хотя и читалась больше другихъ книгъ, но ни однимъ ученикомъ не вспомнилась такъ, какъ разсказы—„Мужикъ Марей“, „Бирюкъ“, „Зазубрина“, помѣщенные въ книжкѣ, требуютъ особеннаго чутья къ художественнымъ произведеніямъ и развитого нравственнаго чувства; для учениковъ же группы малограмотныхъ эти разсказы были только легкимъ, доступнымъ чтеніемъ.

Благодаря тому, что ученики не могли быстро прочитывать книги, мнѣ было не совсѣмъ удобно вести бесѣду по поводу ихъ. Нужно, напримѣръ, вести бесѣду о войнѣ по поводу разсказовъ Мопасана; справляюсь, сколькими учениками уже прочтены разсказы; оказывается, что прочтены они только тремя - четырьмя; для остальныхъ учениковъ группы приходилось кратко передавать содержаніе разсказовъ. Обыкновенно содержаніе разсказа передавалось учениками по моимъ вопросамъ, исчерпывающимъ содержаніе.

Слушать бесѣды въ группѣ малограмотныхъ приходили ученики и изъ другихъ группъ; количество слушателей было отъ 40 до 60 человѣкъ.

Порядокъ уроковъ былъ слѣдующій:

А. *Бесѣды на основаніи брошюрокъ.* Передается содержаніе брошюрокъ. Выясняется учениками, при посредствѣ наводящихъ вопросовъ, основная идея разсказа. Затрагивается вопросъ, который касается основной темы бесѣды. Напримѣръ, послѣ ознакомленія съ брошюрами Мопасана поднимаются вопросы: Какими дѣлаются мирные, добродушные люди во время войны? Какую пользу или вредъ она приноситъ и пр. Учитель старается, при помощи наводящихъ вопросовъ, навести учениковъ на рѣшеніе выдвинутыхъ вопросовъ, а потомъ заканчиваетъ бесѣду небольшимъ резюме.

Б. *Бесѣды по культурѣ.* Читается учениками отрывокъ или вся статья по „Книгѣ взрослыхъ“. Учитель отмѣчаетъ непонятныя слова и фразы и объясняетъ ихъ, проситъ разсказать или по вопросамъ, или безъ вопросовъ содержаніе статьи, при чемъ, если статья разсказывается безъ вопросовъ, учитель предлагаетъ ученику обдумать нѣсколько содержаніе и передать его отъ начала до конца, не дожидаясь помощи учителя и товарищей—какъ сумѣетъ. Затѣмъ учитель дополняетъ статью свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ. При этомъ учитель старается при помощи вопросовъ заинтересовать учениковъ новизной свѣдѣній, чтобы они сами требовали ихъ у учителя. Напримѣръ, идетъ бесѣда о каменныхъ орудіяхъ: вопросы—какъ ученые узнали, какія орудія и оружія были у древнихъ людей, у предковъ, какъ много прошло времени съ тѣхъ поръ, когда люди пользовались каменными орудіями, какое орудіе было первымъ и какъ это орудіе измѣнялось—и пр.—останавливаютъ вниманіе и интересы учениковъ: 1) предъ понятіемъ науки — палеонтологія—учитель *кстати* имѣетъ возможность сдѣлать краткое введеніе въ эту науку, что, между прочимъ, и выяснитъ вопросъ; 2) предъ эволюціей культуры,—учитель имѣетъ возможность сказать нѣсколько словъ о доисторическихъ періодахъ; 3) предъ эволюціей искусства въ области техники,—учитель даетъ картину постепеннаго совершенствованія орудій—палка, молотокъ, мотыга, топоръ и т. д. Вопросъ, для чего нужны были предкамъ орудія — ставитъ предъ учениками идею культуры, начало промышленнаго производства и идею войны, разрушеніе культуры. Такимъ образомъ, учитель, прежде чѣмъ сообщать новое, подготовляетъ учениковъ къ нему, заставляетъ ихъ ждать это новое, просить... Въ данномъ случаѣ учитель выполняетъ роль повивальной бабки, по геніальному выраженію Сократа.

В. *Бесѣды по географіи.* Бесѣда исходитъ отъ обыденныхъ явленій: день, ночь, фазы луны и пр., окружающая мѣстность, мѣстное гражданское устройство и пр., а затѣмъ—вопросъ отъ вопроса учитель ведетъ учениковъ къ выясненію понятій. Напр., начинается бесѣда на тему—что такое земля? Чтобы выяснить понятіе—земля,—необходимо землю разсматривать, какъ небесное тѣло и въ связи съ другими небесными тѣлами. Чтобы сразу же поставить учениковъ на путь научныхъ размышленій, учитель ставитъ вопросы: Сейчасъ день,—откуда это день пришелъ? Почему сейчасъ свѣтло? Откуда солнце взошло и куда оно спрячется? Древніе греки полагали, что солнце проходитъ пещеры подъ землей и т. д. Найдены ли эти пещеры?—Люди искали и ѣхали все на западъ... пріѣхали на то же мѣсто только съ другой стороны... и т. д. Такимъ образомъ выясняется *самими учениками* шарообразность земли, движеніе солнца вокругъ земли, день, ночь и т. д. Однимъ словомъ, и въ бесѣдахъ по географіи учитель ведетъ учениковъ *отъ извѣстнаго къ неизвѣстному* и старается, чтобы ученики *сами* выяснили себѣ то или иное понятіе,—учитель только помогаетъ имъ *размышлять.*

Въ основѣ уроковъ объяснительнаго чтенія—бесѣда. Бесѣда имѣетъ громадное, если не исключительное, значеніе въ дѣлѣ преподаванія; она важна прежде всего для самаго учителя. Благодаря бесѣдѣ, учитель ясно представляетъ себѣ развитіе и знаніе каждаго ученика, а поэтому и знаетъ—что и какъ говорить съ учениками. Напр., вопросы: отчего бываетъ день и ночь, что находится за Саратовской губерніей, дальше и дальше, и тому подобные вопросы по географіи выяснили мнѣ, что ученики группы малограмотныхъ никогда, очевидно, не интересовались этими вопросами, а потому они и не имѣли никакого представленія объ этихъ предметахъ. Прожилъ человѣкъ сорокъ лѣтъ на свѣтѣ съ мертвой душой; каждый день встрѣчалъ солнце, каждое лѣто слушалъ громъ и т. д., но никогда не тронулъ его еще вопросъ—почему, отчего? Вопросы по культурѣ, географіи застали учениковъ, что называется, врасплохъ. Интересно было видѣть растерянныя лица учениковъ, когда учитель обращался къ нимъ съ такими неожиданными вопросами: отчего бываетъ *ущербъ* мѣсяца? Вопросъ—какъ молотъ билъ по головѣ простыхъ людей. Самое страшное въ этихъ вопросахъ было то, что они были естественны, непосредственны. Ученикъ смущался потому, что онъ былъ пораженъ: почему такой естественный вопросъ никогда ему въ голову не приходилъ? Предъ сознаніемъ проснувшагося человѣка неожиданно открылось, что онъ стоитъ сорокъ лѣтъ на краю, или сорокъ лѣтъ толкается въ стѣну, не видя, не чувствуя этой стѣны. Нужно было видѣть, какимъ огнемъ загорались глаза у учениковъ, которые начинали понимать, какъ темны они были, и что предъ нами открывается свѣтъ... И я крѣпко увѣренъ, что бесѣды разбудили людей, и проснувшіеся люди уже не заснутъ...

Чтобы представить полную картину объяснительнаго чтенія, прилагаю конспектъ всѣхъ бесѣдъ.

Бесѣда I.

Что вы хотите получить отъ воскресной школы?

Для чего нужно знаніе ариѳметики и грамматики?

Конечно, знаніе ариѳметики и грамматики можетъ нѣсколько улучшить ваше положеніе. Нѣкоторые изъ васъ, благодаря грамотѣ, добьются прибавки жалованья, перейдутъ на болѣе выгодное мѣсто. Но я не вѣрю, чтобы вы

всѣ изъ-за денежныхъ выгодъ пришли учиться въ воскресную школу. Я работаю въ воскресной школѣ уже нѣсколько лѣтъ, успѣлъ познакомиться съ нѣсколькими сотнями человѣкъ учащихся и убѣдился, что люди идутъ въ воскресную школу потому, что въ душѣ каждаго зажглась искра Божія, сказался голодъ духовный, который влечетъ людей неудержимо къ свѣту, къ знанію. И захотѣлъ бы человѣкъ не пойдти въ воскресную школу, да не сможетъ. Будутъ смѣяться надъ нимъ дикари-товарищи, будетъ ругать бездѣльникомъ жена, а человѣкъ съ искрой Божіей въ душѣ все же пойдетъ въ воскресную школу, съ любовью отдастъ единственный свободный день наукѣ. Я увѣренъ, что и вы пришли въ воскресную школу не потому, что вамъ нужно перемѣнить мѣсто службы, а потому, главнымъ образомъ, что почувствовали голодъ духовный: вамъ захотѣлось напиться „живой воды", глубокая духовная жажда заставила васъ идти въ воскресную школу.

Эта духовная жажда томитъ уже весь народъ. Сидѣлъ народъ въ темнотѣ тысячи лѣтъ, и вотъ забрезжилъ свѣтъ, занялась заря, народъ увидѣлъ свѣтъ, и теперь нѣтъ такой силы, которая остановила бы народъ отъ стремленія къ этому свѣту. Лучи знанія проникаютъ уже въ самую глушь, и въ далекихъ отъ насъ деревняхъ люди просыпаются, начинаютъ интересоваться вопросами: хорошо или дурно живутъ, какъ вообще люди живутъ на бѣломъ свѣтѣ, какъ устроить жизнь лучше и т. п. Для удовлетворенія этой духовной потребности хлынули въ деревни книги, какъ могучій потокъ. Ежегодно печатается милліоны книгъ, которыя отвѣчаютъ на всѣ вопросы.

Наша воскресная школа служитъ по мѣрѣ силъ рабочимъ людямъ, которымъ нужно знаніе. Но какія же средства у воскресной школы, чтобы учить, и *чему она можетъ научить*?

Воскресная школа учитъ ариѳметикѣ, грамматикѣ, черченію; въ школѣ есть библіотека; *но что важнѣе?*

Вопросъ этотъ трудный. Вамъ, можетъ быть, не приходилось задумываться надъ нимъ, а мнѣ приходилось и слышать отъ другихъ, и самому рѣшить, что воскресная школа, главнымъ образомъ, должна раздувать сильнѣе искру Божію въ людяхъ, усиливать стремленіе къ правдѣ, справедливости, воспитывать чувство человѣческаго достоинства и научать, какъ самостоятельно достигать образованія.

Человѣкъ всю жизнь долженъ идти впередъ, къ образованію. Образованіе дается умнымъ разговоромъ, чтеніемъ хорошихъ книгъ, собственнымъ размышленіемъ, хорошими поступками. Не всякій можетъ отличать хорошую книгу отъ дурной; часто мы ошибаемся въ людяхъ; хорошихъ книгъ мало, вредныхъ книгъ въ тысячу разъ больше; если читать постоянно вредныя книги, то и самъ испортишься и потеряешь чутье къ добру и справедливости. И вредныхъ людей, враговъ народа, несравненно больше, чѣмъ его защитниковъ; кто не привыкъ разбираться въ людяхъ, тотъ можетъ легко подчиниться вліянію вреднаго человѣка и даже своего врага считать милостивцемъ, благодѣтелемъ. Образованіе предохраняетъ человѣка отъ такихъ ошибокъ. Образованіе—какъ увеличительное стекло, сквозь которое хорошо видно, чего человѣкъ стоитъ, чего онъ добивается. А воскресная школа заботится, чтобы люди научились угадывать какъ хорошую книгу, такъ и хорошаго человѣка, т. е. воскресная школа стремится сдѣлать людей образованными.

При пріемѣ васъ въ школу я спрашивалъ: Какія книги читали? И почти всѣ вы отвѣчали: не приходилось; только нѣкоторые изъ васъ кое что читали. У васъ, очевидно, нѣтъ еще охоты читать. Это, конечно, плохо, но

съ другой стороны и хорошо. По крайней мѣрѣ, вы неиспорчены дурными книгами. На обязанности воскресной школы лежитъ познакомить васъ съ хорошими книгами, которыя принесутъ вамъ образованіе, а затѣмъ вы пріохотитесь къ чтенію и сами поймете, въ какихъ книгахъ нужно искать образованія.

Сегодня я роздалъ вамъ книги: постарайтесь чаще передавать ихъ другъ другу, чтобы до Рождества прочитать ихъ всѣ. Послѣ Рождества будутъ розданы другія книги. Изъ этихъ книгъ вы наберетесь хорошихъ мыслей, которыми богаты образованные люди; эти мысли залягутъ въ вашу душу и сердце и будутъ предостерегать какъ отъ дурныхъ людей и книгъ, такъ и отъ дурныхъ поступковъ. Пройдетъ годъ, и вы уже будете предостерегать другихъ, не читать Еруслана Лазаревича и тому подобныя книги. Ваши товарищи, которые ходятъ въ школу нѣсколько лѣтъ, уже понимаютъ, гдѣ правда, гдѣ ложь, кто стоитъ за правду и справедливость, а кто дурачитъ и въ мутной водѣ рыбу ловитъ...

Бесѣда 2.

(„Къ свѣту“, „Максимъ самоучка“ *), „Митюха учитель“).

1. Какъ мальчикъ попалъ въ тюрьму? Какъ онъ научился грамотѣ? За что онъ застрѣленъ?

2. Какъ Максимъ научился грамотѣ? За что преслѣдовали Максима его родные? Разскажите конецъ книги.

3. Какое вліяніе на Митрія оказывалъ сельскій учитель? Изъ-за чего Митрій ссорился съ женой и родными? Разскажите конецъ книги.

Прочитать изъ „Митюхи учителя“ 55—56 стр., 69—70; 183—4 (у могилы Кольцова) 197—202 стр. (идеалъ крестьянина).

Всѣ эти три книги говорятъ объ одномъ: молодежь среди рабочаго населенія начала неудержимо стремиться къ знанію. Эти книги указываютъ на молодежь сельскаго рабочаго населенія. Есть много книгъ, которыя говорятъ о еще большемъ стремленіи къ знанію со стороны городского рабочаго населенія. Вы сами видите, какъ народъ ломится въ школу. Знаніе, какъ яркій лучъ солнца, прошло въ самую глубь темнаго народа, освѣтило душу бѣднаго человѣка, и онъ почувствовалъ себя человѣкомъ. Удивительно, какъ преображаетъ знаніе человѣка.

У отца два сына. Одинъ началъ учиться и сталъ образованнымъ человѣкомъ, все понимаетъ, учитъ другихъ, его слушаютъ, уважаютъ; другой не учился и ходитъ грубымъ, непонимающимъ, темнымъ человѣкомъ всю жизнь, и на него смотрятъ просто, какъ на рабочую силу. Между вами и тѣми вашими знакомыми, которые сидятъ теперь въ трактирѣ и горланятъ пѣсни или бьютъ съ пьяныхъ глазъ своихъ женъ,—тоже громадная разница; а почему?—Потому что вы познакомились съ хорошимъ обществомъ; пора идти

*) Вмѣсто „Максима самоучки“ слѣдуетъ взять „Наслоеніе“ раз. И. Данилина изд. Вятскаго Товарищества. 1903 г. Ц. 6 коп.

за знаніемъ; знаніе бросаетъ уже васъ въ стыдъ за товарищей и вамъ уже хочется помочь имъ оглянуться на свои дикіе поступки. Есть много ученыхъ людей, которые вышли изъ простого народа; есть много великихъ людей, имя которыхъ вспоминается съ глубокимъ уваженіемъ тысячи лѣтъ; и великіе люди становились благодѣтелями народа только черезъ образованіе. И у насъ въ Россіи были великіе образованные люди. Кто не знаетъ имени Ломоносова, Кольцова, Никитина? Память объ этихъ людяхъ потому еще дорога, что они вышли изъ простого народа. Да, образованіе — великое дѣло. Недаромъ такъ тянутся къ нему порядочные люди.

Но на пути къ образованію у насъ много препятствій. Противодѣйствуютъ образованію старики и женщины—крестьяне, какъ это видите въ разсказахъ— Максимъ самоучка и Митюха учитель; противодѣйствуютъ образованію невѣжественные мѣщане и дворяне; *Но почему*?

Старые крестьяне живутъ прошлымъ; настоящее для нихъ всегда хуже прошлаго. Если они были неучены, невѣжественны, а прожили вѣдь, то и дѣти не должны учиться, быть умнѣе стариковъ; старики не любятъ, если молодежь начинаетъ учить стариковъ.

Въ борьбѣ съ стариками и невѣждами проходитъ жизнь молодежи. Одни, камъ Максимъ самоучка и Митюха учитель, остаются побѣдителями и достигаютъ своего; другіе погибаютъ, какъ Семенъ (изъ разск.—„Митюха учитель"). Лично каждому изъ васъ тоже, навѣрно, приходится бороться изъ-за образованія. Вѣдь смѣялись надъ вами товарищи-невѣжды, когда вы собрались въ школу? Вѣдь ругали васъ жены? Вѣдь сердились отцы? И несмотря на это, вы пришли въ школу.

Бесѣда 3.

(Книги—„Тяжкій грѣхъ", „Страшная смерть невиннаго человѣка", „Жидъ").

1. За что убили мужики Марѳу?
2. За что убили доктора?
И въ холерное время убивали докторовъ—за что?

Почему простые люди знахаркамъ и колдунамъ вѣрятъ больше, чѣмъ докторамъ?
Почему народъ называется темнымъ?

Было время, когда люди вѣрили въ лѣшихъ, домовыхъ и пр.; люди вѣрили, что существуютъ добрые и злые боги. Лѣшій будто-бы живетъ въ лѣсу; это онъ, говорили, временами гогочетъ, перекликается въ лѣсу, заводитъ путника въ глушь, сбиваетъ съ дороги; водяной, говорили, живетъ въ омутахъ, топитъ людей и утаскиваетъ ихъ въ свое подводное царство; говорили, что каждымъ домомъ управляетъ домовой—духъ прадѣда, который кормитъ, убираетъ скотину, заплетаетъ гривы лошадямъ, если онѣ ему нравятся; мучаетъ, бьетъ нелюбимую скотину. Люди вѣрили, что каждая гора, рѣчка имѣла своего духа; люди вѣрили, что счастье и несчастье зависитъ отъ боговъ. Чтобы быть счастливымъ, получать удачи, нужно быть любимцемъ боговъ, злыхъ духовъ необходимо умилостивлять различными жертвами, даже человѣческими.

Люди вѣрили, что какъ къ земнымъ вельможамъ и царямъ, такъ и къ богамъ имѣютъ доступъ далеко не всѣ. Посредниками между богами и людьми были колдуны и вѣдьмы, юродивые и т. п. Колдуномъ легко дѣлался какой-нибудь отшельникъ, человѣкъ съ странными манерами, съ мрачнымъ видомъ; въ колдуны записывались въ большинствѣ случаевъ любители природы, которые любятъ бродить по лугамъ и лѣсамъ. Всѣ мы знаемъ, какъ

простые люди до сихъ поръ боятся колдуновъ, которые портятъ людей и скотину, какъ вѣрятъ они, что колдуны посылаютъ на бабъ чертей, и бабы начинаютъ выкликивать, ставятъ мужикамъ килы, привораживаютъ мужиковъ къ бабамъ, а бабъ къ мужикамъ, т. е. дѣлаютъ присуху, дѣлаютъ много разныхъ непріятностей, которыхъ и не перечесть.

Было время, когда даже цари и первые сановники вѣрили въ колдуновъ и чуть не всякаго врача считали колдуномъ, потому что онъ занимается травами, составляетъ зелье. Остался отъ старыхъ временъ документъ, въ которомъ говорится, что одинъ изъ нашихъ царей договаривался съ иностраннымъ врачемъ, который перешелъ на службу къ русскому царю, чтобы онъ ни *чаръ на царя не напускалъ, ни съ послѣдомъ царя не ворожилъ*. Какъ жили отцы наши сотни лѣтъ назадъ, такъ живутъ и до сихъ поръ наши деревенскіе жители. Такъ же, какъ и прежде, боятся встрѣтиться съ попомъ, начинать новое дѣло съ понедѣльника, спрашиваютъ кукушку, сколько лѣтъ осталось жить, боятся крика ворона и т. д. Кстати, *почему простые люди стали бояться встрѣчи съ попомъ?*

Обидно за человѣка, который вѣритъ въ такія нелѣпости, и стыдно за него. Эти суевѣрія не только унижаютъ его, но и приносятъ громадный вредъ. Обратите вниманіе, какъ лѣчится невѣжественный человѣкъ. Жена Митрія („Митюха учитель") страдаетъ родами. Вспомните, что *дѣлаютъ съ ней бабы?* Ребенокъ болѣетъ,—*что дѣлаютъ съ нимъ старухи? Какъ и теперь лѣчатъ лихорадку? Отъ чего помогаетъ „Сонъ Богородицы"? Не знаетъ ли кто какого заговора?* (Желательно прочитать образчики „заговора").

Благодаря „сну Богородицы", „заговору", „нашептыванію" и прочей ерундѣ, люди страдаютъ, мрутъ; но самое страшное въ невѣжествѣ,—это человѣческая злоба, месть, побой, убійство изъ-за суевѣрія. Развѣ не больно, не стыдно за крестьянъ, которые убили невинную Маѳу? Еще больнѣе за смерть прекраснаго человѣка, благодѣтеля народа—врача. („Страшна смерть невиннаго человѣка").

Невѣжество и суевѣрія простыхъ людей наносятъ громадный ущербъ ихъ хозяйству. Заболѣетъ ли скотина,—крестьянинъ обращается къ заговору; страдаютъ ли поля отъ засухи,—крестьянинъ давитъ лягушекъ, вмѣсто того, чтобы обращаться къ помощи науки. Крестьянину дано нѣкоторое право распоряжаться дѣлами деревни: общество крестьянъ имѣетъ право строить на общій счетъ школы, устраивать библіотеки, заботиться о всѣхъ нуждахъ деревни; а темный крестьянинъ до сихъ поръ не знаетъ ни своихъ правъ, ни обязанностей...

Невѣжество нашъ стыдъ, наше горе. Давайте дружнѣе бороться съ нимъ. Каждый изъ насъ долженъ при всякомъ удобномъ случаѣ помогать нашимъ темнымъ братьямъ бороться съ невѣжествомъ и суевѣріями; а чтобы просвѣщать другихъ,—давайте учиться, читать полезныя книги и рекомендовать эти книги своимъ знакомымъ.

Прочиталъ хорошую книгу,—сейчасъ же говори о ней другимъ, не прячь ее за пазуху, не утаивай добро. Живите по слову евангелія — живите съ людьми, какъ горитъ свѣча, чтобы свѣтъ знанія, который у васъ есть, распространялся бы далеко отъ васъ въ разныя стороны и указывалъ дорогу къ добру людямъ, живущимъ въ темнотѣ.

Бесѣда 4.

(Книжки—Разсказы Мопасана: „Нѣмецъ въ плѣну у французовъ“,„ Два пріятеля“, „Плѣнный“, „Безумная“, „Пожаръ“ *).

1. Прочитайте послѣднія строки разсказа „Нѣмецъ въ плѣну у французовъ“, „Полковникъ Ратье, торговецъ сукномъ, стоявшій во главѣ національной охраны, получилъ за это дѣло орденъ“.—*За какое это дѣло?*
2. Прочитайте на стр. 10 нѣсколько строкъ: „зажарь-ка мнѣ этихъ рыбокъ“... („Два пріятеля“). *Можно ли такъ шутить послѣ убійства?*
3. *Кто это такіе плѣнники? Не жестоко ли такъ обращаться съ беззащитными людьми?*
4. *Что сдѣлали солдаты съ безумной? Поступили ли бы вы такъ?*
5. *Какую жестокость сдѣлала старуха* („*Пожаръ*“) *и почему?*

На войнѣ люди звѣрѣютъ, становятся жестокими. И образованный, сердечный человѣкъ солдатомъ на войнѣ становится дикаремъ. Въ мирное время мы считаемъ нехорошимъ дѣломъ не только драку, но и оскорбительное слово; мы требуемъ снисходительности, прощенія, справедливости; наша жалость простирается не только на людей, но и на животныхъ; у насъ имѣются не только богадѣльни и пріюты для больныхъ, малолѣтнихъ и престарѣлыхъ людей, но существуетъ и общество защиты животныхъ. Мы негодуемъ и подвергаемъ штрафу жестокаго извозчика, который наложитъ непосильную кладь и бьетъ по мордѣ несчастную лошадь.

Но какъ только мы стали солдатами,—мы теряемъ человѣческій образъ. Офицеръ, который для забавы приказалъ разстрѣлять двухъ добрѣйшихъ простыхъ людей, занимавшихся уженіемъ рыбы, можетъ быть тоже прекрасный человѣкъ, любитъ природу, любитъ удить рыбу, а во время войны, шутя, убиваетъ людей, да еще способенъ послѣ этого весело приказывать—жарить рыбу. Вспомните, какъ водой выгоняли изъ подвала плѣнныхъ, какъ женщина поджаривала солдатъ... Недавно была война въ Китаѣ. Не читали ли вы въ газетахъ, что дѣлали нѣмецкіе солдаты съ китайцами? Поставятъ въ рядъ и стрѣляютъ для практики въ цѣль и хвалятся, кто мѣтко стрѣляетъ; увидятъ рѣку и гонятъ китайцевъ въ воду: китайцы на глазахъ европейцевъ тонутъ молятъ о пощадѣ, а европейцы, смѣясь, съ шуточками, пристрѣливаютъ тѣхъ, кто подплываетъ къ берегу. Одинъ солдатъ, чтобы написать письмо своей невѣстѣ, зарѣзалъ китайца и его кровью написалъ письмо, такъ какъ, видите ли, ему негдѣ было достать чернилъ. Нѣсколько солдатъ нашли очень забавнымъ одного старика-китайца и начали его бить и хохотать надъ смѣшными, какъ имъ казалось, „кривляніями“ старика. Вотъ что значитъ война!

Эти звѣрства на войнѣ заставляютъ лучшихъ людей мечтать о томъ золотомъ времени, когда мечи раскуются на сохи. И вѣрьте, это время придетъ. Насъ не будетъ, а это время придетъ!..

Много зла на полѣ брани, а сколько бѣдъ приноситъ война странѣ и побѣжденныхъ и побѣдителей!.. Сколько разоренныхъ хозяйствъ, сколько сиротъ!.. Да и въ мирное время, когда солдатъ готовятъ къ войнѣ, не мало убытковъ странѣ приноситъ военщина. До 4 милліоновъ солдатъ маршируютъ ежегодно; ни одинъ изъ нихъ ни фунта хлѣба не сдѣлаетъ, а странѣ надо кормить, поить солдатъ, обувать, одѣвать, платить большое жалованье ихъ

---

*) Слѣдуетъ дать прочитать еще „Побѣдитель“ Сенкевича.

начальникамъ .Если бы эти 4 милліона солдатъ работали наравнѣ съ другими,—то сколько милліоновъ рублей ежегодно заработали бы они!.. Хватило бы уплатить подати за все крестьянство и осталось бы еще на домашніе расходы...

Если такъ много вреда приноситъ война, то зачѣмъ же люди воюютъ?

Изъ-за чего часто дерутся два пьяные мужика? Изъ-за чего они другъ другу въ зубы тычутъ?.. — Кажется, среди насъ нѣтъ другой войны. Теперь представимъ себѣ двѣ деревни рядомъ—*китайскую и русскую,—можетъ ли быть война между этими деревнями и изъ-за чего?* Сплошь и рядомъ живутъ татары рядомъ съ русскими, поляки съ нѣмцами, нѣмцы съ французами; но никто никогда не слыхалъ, чтобы русскіе крестьяне лѣзли съ ножомъ на татаръ, польскіе крестьяне на нѣмецкихъ крестьянъ. Каждый владѣетъ своимъ участкомъ земли и мирно уживается съ своимъ сосѣдомъ, сосѣди даже помогаютъ другъ другу въ нуждѣ. *Но изъ-за чего всетаки люди воюютъ?*

Бесѣда 5.

(Книги—„Русскіе писатели“ изд. Аскарханова, „Муму“, „Хижина дяди Тома“, „Степанъ Ежикъ“).

1. *Что нарисовано на этой картинѣ?* („Хижина дяди Тома“: Элиза бѣжитъ съ сыномъ по льдинамъ).
   Какой это товаръ увезенъ?
   Какъ погибъ Томъ?
2. *Кто такая Муму?*
   Чѣмъ разстроилась барыня?
   За что собаку стали преслѣдовать? (барынѣ не понравилась).
   Какъ погибла Муму?
   Нравится ли вамъ Герасимъ и чѣмъ именно?
3. *Нравится ли вамъ мужикъ Марей и чѣмъ именно?*
   Почему Бирюкъ отпустилъ мужика—вора и освободилъ его отъ штрафа?
   Для чего держалъ Зотовъ ненужныхъ ему лошадь и собаку? („Нахлѣбники“).
   За что побили арестанты Зазубрину? („Зазубрина“).

Томъ, Герасимъ, Марей—все это прекрасные люди, добрые, отзывчивые, хотя и простые мужики. Что-жъ тутъ удивительнаго? Мы тоже мужики, но развѣ мы звѣри? Развѣ мы откажемся работать, какъ работалъ Томъ? Развѣ мы не пожалѣемъ и собаки? Развѣ мы не способны любить такъ, какъ любилъ Герасимъ? Развѣ мы не бросимся защищать отъ опасности ребенка, если бы онъ былъ сыномъ даже нашего врага? Чѣмъ же хотятъ удивить насъ въ этихъ книгахъ? Дѣло въ томъ, что эти книги писаны были не для насъ. Они писаны нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ для дворянъ-помѣщиковъ, еще во время крѣпостного права. Нашимъ лучшимъ писателямъ нужно было расшевелить хотя бы немного сердце тогдашнихъ помѣщиковъ и сказать имъ, что и крѣпостной тоже человѣкъ, можетъ такъ же чувствовать и понимать, какъ и „благородные“ люди.

Интересна судьба „Хижины дяди Тома“. Написана она писательницей Бичеръ Стоу въ Америкѣ, когда негры были рабами въ Америкѣ. Положе-

ніе негровъ было хуже положенія рабочаго скота. Лошадь кормятъ, чтобы она была въ тѣлѣ и въ силѣ, а негровъ не кормили и били. Когда рабовладѣльцы стали читать книгу—„Хижина дяди Тома", въ которой описаны муки негровъ, нашлись среди рабовладѣльцевъ такіе люди, которые плакали при чтеніи книги. Въ то время была война за освобожденіе негровъ, и эта книга, говорятъ, очень воодушевляла хорошихъ людей въ борьбѣ за освобожденіе. Затѣмъ эта книга была переведена на нѣмецкій языкъ, французскій, русскій и стала распространяться по всему свѣту. И теперь, должно быть, нѣтъ такой страны на свѣтѣ, гдѣ бы не читали „Хижину дяди Тома".

Теперь рабовъ почти нигдѣ нѣтъ. Въ Россіи крѣпостное право отмѣнено *когда? Кто изъ васъ и что именно слышалъ про крѣпостное право?*

Я полагаю, что для васъ интересно будетъ знать, какъ возникло и какъ пало крѣпостное право. Я скажу вамъ объ этомъ кратко. Подробно узнаете изъ книгъ.

Лѣтъ пятьсотъ тому назадъ крестьяне были свободны; у нѣкоторыхъ изъ нихъ была своя земля, гдѣ они добывали хлѣбъ сотни лѣтъ; большинство же крестьянъ арендовали землю у бояръ и князей, которые поразобрали себѣ почти всю землю. Крестьяне облюбовали себѣ землю и договаривались съ помѣщикомъ и т. д. (излагается исторія крѣпостного права. Элементарнымъ руководствомъ можетъ служить брош. Князькова — „Какъ сложилось и пало крѣпостное право" ц. 15 коп.).

Плохо живется крестьянамъ и теперь. Каждую весну разбредаются они— на Волгу, въ степь—сколотить какую-нибудь четвертную за лѣто на подати. Идутъ оборванные, пыльные, голодные, худые, всклокоченные; на лицахъ одно выраженіе—забитость, приниженность, тупая покорность судьбѣ... Просто жутко смотрѣть. Утѣшаешься только тѣмъ, что крестьянинъ теперь не рабъ: его уже не заставятъ лизать горячую плиту для забавы гостей, его уже не мѣняютъ на собакъ и кошекъ и не засѣкаютъ кнутомъ, какъ ненужную тварь.

И мы крѣпко вѣримъ, что придетъ время, когда крестьянинъ, нашъ кормилецъ, вздохнетъ, наконецъ, отъ каторжной жизни. А теперь пока хорошаго для него мало. Слишкомъ глубоко еще сидятъ въ русскихъ старыя привычки. Это видно, между прочимъ, въ разсказѣ—„Степанъ Ежинъ". (Прочитать стр. 7—8, 19—20, 36—39, 90—92, 108—109. Если класснаго времени уже мало осталось, то предложить отмѣтить эти страницы и прочитать ихъ со вниманіемъ дома).

Бесѣда 6.

Книжки—„Жидъ", „Могучій Самсонъ" *).

Прочитать изъ раз. „Жида" стр. 9.

„ „ „ „Могучій Самсонъ" стр. 79—84.

Вы не слыхали, за что евреевъ иногда бьютъ?

За что не любятъ русскіе евреевъ?

Не слыхали ли, любятъ ли евреевъ французы, нѣмцы и другіе народы?

Да, евреевъ не любятъ, и не любятъ уже много вѣковъ; гоняютъ ихъ изъ государства въ государство, издѣваются надъ ними, преслѣдуютъ, производятъ надъ ними насилія, побоища. *За что?*

---

*) Слѣдуетъ рекомендовать еще для этого урока—„Кахетинка" р. Гус. Оренбургскаго, изд. Вятскаго Товар., ц. 2 коп.

Если вы услышите на улицѣ крики—бей жидовъ!—вы пойдете тоже бить ихъ?

И еврей состоитъ изъ костей и мяса, какъ и мы; и еврей, и мы произошли отъ однихъ прародителей; въ сущности еврей долженъ бы считаться нашимъ братомъ. А между тѣмъ попробуемъ-ка сказать какому нибудь мѣщанину, что еврей ему братъ,—мѣщанинъ приметъ это за личное оскорбленіе. Еще больше того,—есть даже въ нашей воскресной школѣ люди, которые не могутъ ставить еврея на одну доску съ собой. Я почти увѣренъ, что и среди васъ, моихъ слушателей, найдется немало такихъ, которые не могутъ безъ озлобленія говорить про евреевъ. *Въ чемъ же дѣло?*

Присмотримся къ еврею поближе, посмотримъ, почему онъ такъ противенъ нѣкоторымъ. Прежде всего мы обращаемъ вниманіе на внѣшность. У еврея тонкій горбатый носъ, выпуклые глаза, пейсы, гортанный выговоръ, кудрявые волосы... Ну что жъ изъ того? *Вѣдь не за горбатый же носъ ненавидятъ еврея?* Итакъ, внѣшность не причемъ.—Еврей очень смышленъ и вообще способенъ. Именами ученыхъ евреевъ гордится міръ. Когда будете читать ученыя книги, тогда узнаете, кто такое были Марксъ, Спиноза, Лассаль и др. Во всякомъ случаѣ за умъ, за способности еврея презирать, преслѣдовать несправедливо; ему можно еще завидовать, но ни въ какомъ случаѣ не бить его за это.—*Можетъ быть, еврей развратникъ? Лѣнтяй? Бездѣльникъ?* Едва ли онъ развратнѣе русскаго; въ трудолюбіи онъ поспоритъ не только съ русскимъ, но и съ нѣмцемъ.—*Можетъ быть, евреи—воры, разбойники? Можетъ быть, евреи—торговцы—обманщики, мошенники?..* Едва ли въ большей степени, чѣмъ нѣмецкіе, русскіе торговцы. Если евреи въ торговлѣ „надуваютъ", то едва ли справедливо ихъ за это бить; если за обманъ слѣдуетъ бить,—тогда подрядъ всѣхъ торговцевъ уже надо колотить,—вѣдь всѣ же они обманываютъ покупателей? *Такъ за что же въ концѣ концовъ бьютъ евреевъ?..* Вы спросите простого крестьянина объ этомъ, и онъ скажетъ, за что надо бить еврея: жиды распяли Христа,—вотъ въ чемъ дѣло...

Прошло уже около 2.000 лѣтъ тому, какъ жиды распяли Христа. Представьте себѣ,—какъ было это дѣло. Христосъ былъ тоже еврей. Онъ говорилъ богачамъ, что надо любить и жалѣть бѣдняка, не нужно гордиться; Христосъ нападалъ на еврейскихъ поповъ: „Вы только молитесь, а народъ обижаете наравнѣ съ богачами". Еврейскіе священники такіе же, какъ нѣмецкіе, французскіе, священники. Забота у нихъ одна—охранять религію, какая есть. Явись въ нѣмецкіе деревни какой-нибудь проповѣдникъ и начни громить богачей и поповъ, прямо таки евангельскими словами, словами Христа,—что сдѣлаютъ съ этимъ проповѣдникомъ?.. Теперь не распинаютъ, но въ тюрьму, упрячутъ за это и теперь. Евреи 2.000 лѣтъ назадъ распяли Христа за правду. Поѣзжайте вы во всѣ концы свѣта, и нигдѣ вы не найдете страны, гдѣ бы можно было бы жить по ученію Христа, и вездѣ тѣхъ, кто захочетъ такъ жить, преслѣдуютъ; до сихъ поръ, если хотите знать, люди распинаютъ Христа во всѣхъ странахъ, у всѣхъ народовъ. *Неужели же мы имѣемъ право бить евреевъ за то, въ чемъ грѣшимъ сами на каждомъ шагу?..*

Конечно, евреи имѣютъ дурныя стороны въ характерѣ, такъ напр.: они льстивы, могутъ пресмыкаться, заискивать, любятъ деньги, любятъ заниматься по преимуществу, легкимъ трудомъ (за что ихъ почему-то въ особенности не любятъ). Но эти непріятныя черты сложились сами собой въ теченіе тысячилѣтій. (Разсказать кратко исторію гоненій Еврейскаго народа, или пореко-

мендовать что-нибудь прочитать по этому предмету). Раньше евреи занимались съ любовью и тяжелымъ крестьянскимъ трудомъ. Горы Палестины всѣ были въ пашняхъ, садахъ и виноградникахъ; почву на горы таскали съ долинъ; проводили воду по горнымъ ущельямъ. Но еще задолго до Р. Х. евреи были порабощены сосѣдними народами. Царство ихъ разрушено. Ихъ увели въ плѣнъ, сдѣлали рабами. Уже нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ евреи стали бродячимъ народомъ. Чтобы жить среди чужихъ, еврею приходилось и изловчаться, „выкручиваться“: исполнять различныя порученія, заниматься легкимъ мастерствомъ, чтобы можно было иголку заткнуть за пазуху и бѣжать оттуда, гдѣ бьютъ. Заводиться большимъ хозяйствомъ было не сподручно, потому что часто по необходимости приходилось мѣнять одно мѣстожительство на другое. Вотъ почему евреи стали изворотливы, полюбили деньги и легкій трудъ. Деньги въ чулокъ или въ шапку, — давай Богъ ноги... Съ деньгами убѣжать изъ одного города не такъ страшно; съ деньгами не умрешь съ голоду и въ другомъ. Поставь на мѣсто евреевъ русскихъ, нѣмцевъ, французовъ, и они стали бы такіе же. Приглядитесь поближе къ еврею,—и вы увидите, что онъ братъ вашъ по горю и нуждѣ. И часто за васъ же кладетъ свою душу—какъ докторъ, о которомъ вы читали.

П. Казанцевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Красноярская женская воскресная школа.

(Въ помѣщеніи образцовой школы при епархіальномъ женскомъ училищѣ).
1900—1904 гг.

Воскресныя школы въ Сибири организуются частными лицами или духовенствомъ. Впрочемъ, и частныя лица, и корпораціи, послѣ многолѣтнихъ безрезультатныхъ хлопотъ передъ чинами мин. нар. просв., вынуждены бываютъ обращаться за разрѣшеніемъ въ епархіальные училищные совѣты; такія школы, хотя и числятся въ вѣдѣніи духовенства, но, созданныя частнымъ почииномъ, ничѣмъ по своей организаціи не отличаются отъ прочихъ воскресныхъ школъ, и успѣшно привлекаютъ въ свои стѣны населеніе района, въ которомъ онѣ находятся. Такихъ воскресныхъ школъ въ Сибири большая половина существующихъ вообще, потому что, какъ это ни странно, а у духовенства скорѣе можно добиться разрѣшенія на открытіе воскресныхъ школъ, чѣмъ въ учебномъ округѣ.

Къ воскреснымъ же школамъ, созданнымъ силами духовенства, населеніе относится отрицательно, какъ и вообще къ церковно-приходскимъ школамъ. Такъ, въ Каинской воскресной школѣ количество учащихся достигаетъ не болѣе 30 человѣкъ, въ Антибесской—до 20, въ Томской—до 25 и т. д., хотя въ Томскихъ-же частныхъ воскресныхъ школахъ количество учащихся доходитъ до 600 въ каждой.

Впрочемъ, неудовлетворительная постановка дѣла въ воскресныхъ школахъ духовенства вообще—фактъ общеизвѣстный и распространяться объ этомъ не стоитъ. Достаточно сказать, что отчеты епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ сами свидѣтельствуютъ зачастую и о нелюбви населенія къ ихъ школамъ, и о несочувствіи къ нимъ свѣтской школьной администраціи. Отчеты Томскаго епархіальнаго училищнаго совѣта откровенно замѣчаютъ, что „хо-

лодность или равнодушіе крестьянъ къ школамъ чаще всего обусловливается неудовлетворительной постановкой въ нихъ учебно-воспитательнаго дѣла, недостаткомъ попеченія о школахъ самихъ о.о. завѣдующихъ"... „что касается администраціи, то нерѣдко усматривается вполнѣ несочувственное отношеніе ея къ церковно-школьному дѣлу" *)...

Тѣмъ отраднѣе встрѣтить воскресную школу — дѣло рукъ духовенства — поставленную хорошо и вѣрно, насколько объ этомъ можно судить по имѣющемуся матеріалу. Достаточно, думаю, сказать, что при существованіи въ Красноярскѣ трехъ воскресныхъ школъ Общества попеченія о начальномъ образованіи—четвертая, о которой идетъ рѣчь, притягиваетъ почти такое же количество учащихся, какъ и тѣ три.

Но, собственно говоря, и эта воскресная школа была основана по почину частнаго лица—священника В. Захарова, очевидно относящагося сочувственно къ дѣлу народнаго образованія... Въ началѣ сентября 1900 года онъ обратился непосредственно къ епископу Енисейскому и Красноярскому съ просьбою разрѣшить ему основать женскую воскресную школу въ помѣщеніи образцовой школы при епархіальномъ женскомъ училищѣ.

11 сентября 1900 г. за № 1.827 разрѣшеніе было получено въ такихъ выраженіяхъ: „Епархіальный училищный совѣтъ объявитъ священнику Захарову, что я съ удовольствіемъ разрѣшаю ему открыть въ помѣщеніи образцовой при епархіальномъ женскомъ училищѣ школѣ воскресную женскую школу подъ личнымъ его завѣдываніемъ и наблюденіемъ, при чемъ и призываю Божіе благословеніе на успѣхъ этого полезнаго дѣла".

Школа была открыта 8 октября того-же года. Она сразу же привлекла до 40 учащихся. 30 октября получается завѣдующимъ слѣд. бумага епископа Енисейскаго и Красноярскаго... „Радуюсь, что школа посѣщается учащимися въ значительномъ количествѣ. Желаю ей большаго и большаго преуспѣянія и процвѣтанія и призываю Божіе благословеніе какъ на учащихся, такъ и на учащихъ въ сей воскресной школѣ".

Видя такое сочувственное отношеніе къ своему дѣтищу со стороны высшаго начальства и желая, чтобы воскресная школа окрѣпла въ правовомъ своемъ положеніи, завѣдующій ею св. В. Захаровъ обратился въ слѣдующемъ учебномъ году въ совѣтъ епархіальнаго училища съ просьбою „принять учрежденную имъ воскресную женскую школу въ свое вѣдѣніе на правахъ образцовой, тѣмъ болѣе, что, при несомнѣнной полезности своей, школа эта не потребуетъ отъ совѣта училища какихъ-либо спеціальныхъ матеріальныхъ затратъ".

Опредѣленіемъ своимъ отъ 14 марта 1902 г. за № 13, совѣтъ постановилъ: „Названную школу принять въ вѣдѣніе совѣта на правахъ образцовой съ тѣмъ, чтобы посѣщеніе этой школы было обязательно только для оканчивающихъ курсъ воспитанницъ группами отъ 2 до 4-хъ, и при томъ по воскреснымъ днямъ въ періодъ времени отъ 15 октября по 20 декабря, когда школа посѣщается наибольшимъ числомъ учащихся, и когда въ школьныхъ занятіяхъ устанавливается надлежащій порядокъ". Это постановленіе совѣта было утверждено резолюціей епископа Енисейскаго и Красноярскаго отъ 25 марта 1902 г. за № 1.154.

Школа помѣщается въ зданіи образцовой школы. „Помѣщеніе тѣсно и не приспособлено къ требованіямъ многогрупповой школы. Чувствуется недоста-

*) Отчеты Томск. епарх. учил. совѣта. 1900 г. стр. 30 и 1901 г. стр. 31.

токъ школьной мебели" *). И въ такомъ неприспособленномъ помѣщеніи занималось отъ 61 до 82 человѣкъ.

Въ день открытія школы записалось 25 учащихся; къ концу ноября число ихъ возросло до 51, а къ концу перваго учебнаго года учащихся перебывало 82 человѣка.

Въ началѣ своей дѣятельности воскресная школа имѣла въ виду обслуживать только взрослое населеніе города и потому принимала только дѣвушекъ отъ 12 лѣтъ, но такое ограниченіе оказалось по многимъ причинамъ неудобнымъ и стали принимать въ школу всѣхъ желающихъ учиться безъ ограниченія ихъ возраста.

Всѣхъ учащихся за три года существованія школы перебывало 212 человѣкъ, выбыло 45, т. е. 21, 2% всего числа ихъ. По возрасту онѣ дѣлились такъ:—малолѣтнихъ—90 (45.5%), подростковъ—87 (43.9%), взрослыхъ—21 (10.6%); по сословіямъ:—мѣщанокъ—95, крестьянокъ—96, казачекъ и духовнаго званія по 2, поселенокъ—12; вѣроисповѣданіе большинства—православное; перебывали—русскія, польки и еврейки.

Всѣ учащія имѣютъ званіе учительницъ и утверждаются въ качествѣ преподавательницъ воскресной школы высшимъ духовнымъ начальствомъ „съ изъявленіемъ признательности и преподаніемъ архипастырскаго благословенія на безвозмездные труды въ дѣлѣ народнаго образованія" **). Начальническая резолюція дается обыкновенно въ такой формѣ: такія-то (имя рекъ) „утверждаются въ должности учительницъ въ воскресной школѣ при епархіальномъ женскомъ училищѣ. Призываю на ихъ дѣятельность Божіе благословеніе" ***).

Всѣхъ учащихъ въ школѣ перебывало 29 человѣкъ; изъ этого числа въ годъ ея основанія поступило—14 человѣкъ, въ слѣд.—7, въ 1902—1903-мъ 8. По времени пребыванія въ школѣ они распредѣляются такъ: —1-й годъ—10 чел., второй—7, третій 3.

Занятія въ воскресной школѣ происходятъ по воскреснымъ днямъ съ 12 до 3 час. дня, въ будни—по вторникамъ и четвергамъ съ половины второго до половины пятаго дня. Преподаваніе—групповое. Предметы преподаванія:—Законъ Божій, русскій языкъ, славянское чтеніе, ариѳметика, чистописаніе, церковное пѣніе, отечественная исторія общая и отечественная географія.

Учебники и учебныя пособія—преимущественно одобренные для церковно-приходскихъ школъ: по Закону Божьему—Смирнова и Чельцова, по обученію русскому чтенію—букварь Тихомирова, азбука - копейка, по обученію правописанію—руководство Некрасова (1 и 2-й выпуски), „Книга взрослыхъ", по ариѳметикѣ — задачникъ Гольденберга, по географіи – элементарная географія Ѳ. Ѳ. Пуцыковича для народныхъ училищъ...

Учебниками и пособіями школа очень бѣдна по недостатку средствъ. „Получено было нѣкототорое количество тетрадей изъ склада уѣзднаго отдѣленія; но ихъ не хватило на первую половину учебнаго года; такъ что во второй половинѣ ученицы должны были пріобрѣтать всѣ учебныя принадлежности на свои средства Это многихъ бѣдныхъ ученицъ стѣсняло" ****).

Библіотеки въ школѣ вовсе нѣтъ. А имѣть ее „крайне необходимо. Потребность на книгу для чтенія есть, и потребность эта удовлетворялась существующей библіотекой при безплатной народной читальнѣ и въ городской

---

*) Отчетъ школы за 1900—1901 уч. г. стр. 36.
**) Отчетъ школы за 1900—1901 уч. г. стр. 28.
***) Отчетъ школы за 1901—1902 уч. г. стр. 23.
****) Отчетъ школы за 1900—1901 уч. г. стр. 36.

публичной библіотекѣ. Руководство при такихъ условіяхъ затрудняется; необходимо поэтому организовать собственную ученическую для чтенія библіотеку, примѣнительно къ потребностямъ школы" *).

По степени подготовки при поступленіи въ школу учащіяся дѣлились на неграмотныхъ, малограмотныхъ и грамотныхъ. Изъ 174-хъ, о которыхъ есть данныя—106 или 60.9% были неграмотны, 23 или 13.3%—малограмотны и 45 или 25.8%—грамотны. По времени пребыванія въ школѣ:—1-й годъ занималось 159 учениць (75.0%), 2-й годъ—47 (22.1%), 3-й годъ—6 (2.9%). Учебныхъ дней было всего 193 (50+75+68—воскресныхъ и будничныхъ).

Что-же касается учебной постановки дѣла, то судя по отчетамъ школы за три года, преподаваніе было въ такомъ положеніи: По Закону Божьему, при наличности одного законоучителя, ученицы могли быть раздѣлены только на двѣ группы: грамотныхъ и неграмотныхъ. Занятія велись совмѣстно съ обѣими группами. Молитвы изучались слѣд.:—„Во имя Отца", молитва Іисусова, Ангелу Хранителю, Духу Св., Св. Троицѣ, Молитва Господня, „Милосердія двери", „Богородице, Дѣво, радуйся!" „Достойно есть", Молитва за Царя и отечество. Кромѣ того,—важнѣйшія событія Евангельской исторіи, заповѣди, тропари главнѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ и церковное пѣніе. Изучаемые тропари и молитвы пѣлись всей школою подъ руководствомъ законоучителя.

По русскому языку съ неграмотными ученицами, по прохожденіи алфавита, велось чтеніе по букварю Тихомирова. По ариѳметикѣ группа эта къ концу года умѣла рѣшать устно задачи на сложеніе и вычитаніе въ предѣлахъ первыхъ двухъ десятковъ. Группа малограмотныхъ учениць по русскому языку была ознакомлена съ составомъ простого предложенія, съ частями рѣчи. Велись уроки объяснительнаго чтенія. Писали диктовку. По ариѳметикѣ рѣшали устно и письменно задачи на всѣ четыре дѣйствія въ предѣлѣ сотни. Проходилась и церковно-славянская грамота.

Въ группѣ грамотныхъ учениць по русскому языку проходились части рѣчи и ихъ измѣненія—склоненіе именъ существительныхъ и прилагательныхъ, съ правописаніемъ ихъ. Составъ простого предложенія. Объяснительное чтеніе велось по „Книгѣ взрослыхъ". Заучивались наизусть басни и стихотворенія. Въ предѣлахъ изученныхъ правилъ грамматики писали диктовку. Въ этой же группѣ еженедѣльно удѣлялся 1 урокъ на церковно-славянское чтеніе сначала по букварю, а затѣмъ по Евангелію. По ариѳметикѣ проходились всѣ первыя четыре дѣйствія, именованныя числа, простыя дроби.

Въ этой-же группѣ проходились географія и отечественная исторія. По географіи проходилось о странахъ свѣта, компасѣ, видѣ земли и ея движеніи. Теплота и растенія на землѣ. Части свѣта. Равнины, горы, рѣки, озера и болота. Климатъ. По исторіи сообщено:—о славянахъ и ихъ религіи. Первые князья—Игорь, Олегъ, Святославъ, крещеніе Руси...

Конечно, духъ церковно-приходскихъ школъ не могъ не отразиться на программѣ преподаванія этой воскресной школы...

Дмитрій Вольфсонъ.

---

*) Отчетъ школы за 1900—1901 уч. г. стр. 36.

Хроника профессіональнаго образованія.

Высшія техническія школы.—Среднее и низшее техническое образованіе.—Распространеніе коммерческаго образованія.—Художественно-ремесленные классы.—Профессіональное образованіе для женщинъ.

Опубликовано Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго совѣта объ измѣненіи учебныхъ плановъ и штата горнаго института Императрицы Екатерины II, на основаніи котораго, между прочимъ, при институтѣ могутъ, съ разрѣшенія министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, читаться необязательныя для студентовъ лекціи по предметамъ, относящимся до спеціальности горнаго инженера.

Студенты института за право ученія и пользованія учебными пособіями уплачиваютъ по сто рублей въ годъ.

Преподаваемые въ горномъ институтѣ спеціально-горнозаводскіе предметы раздѣляются на два разряда: горный и заводскій. Къ предметамъ горнаго разряда относятся: горное и маркшейдерское искусство, геологія съ курсомъ полезныхъ ископаемыхъ и горная механика, а къ предметамъ заводскаго разряда—металлургія, химія, пробирное искусство и горнозаводская механика. Студентамъ института предоставляется право сдавать экзамены по обоимъ разрядамъ.

Тѣ изъ студентовъ горнаго института Императрицы Екатерины II, которые поступили въ институтъ до опубликованія настоящаго узаконенія, вносятъ, впредь до окончанія ими курса въ институтѣ за право ученія и пользованія учебными пособіями по шестидесяти рублей за полный учебный годъ.

По словамъ „Бирж. Вѣд.“, Петербургскій политехническій институтъ въ настоящее время опустѣлъ. Студенты разъѣхались на каникулы, профессора и преподаватели уѣхали въ отпускъ, въ научныя экскурсіи и командировки, и обширныя владѣнія института оживляются только производящимися тамъ постройками. Такъ, въ правомъ углу площади института заканчивается кладка обширнаго каменнаго зданія для больницы, производится облицовка и отдѣлка большой пристройки къ зданію мастерскихъ и, наконецъ, идутъ усиленныя работы по приведенію въ приличный видъ площадки передъ фасадомъ главнаго зданія и аллей парка, разводятся газоны, прокладываются дорожки и т. п. Нѣкоторые кабинеты и лабораторіи въ зданіи политехникума еще не оборудованы, что объясняется недостаткомъ отпущенныхъ въ настоящемъ году на это средствъ. Для развлеченія студентовъ политехникума устроено три площадки для игры въ тенисъ.

Какъ сообщаетъ „Н. Вр.“, для поощренія студентовъ Института инженеровъ путей сообщенія къ изученію морского строительнаго дѣла профессоромъ института В. Е. Тимоновымъ учреждена премія имени его матери Л. Д. Тимоновой. Премію составляютъ проценты съ нарицательнаго капитала въ двѣ тысячи рублей. Премія будетъ выдаваться каждый годъ, по опредѣленію совѣта института, тому изъ окончившихъ курсъ наукъ студентовъ института, кто будетъ имѣть наибольшую сумму балловъ за упражненія, проекты и экзамены по морскому строительному дѣлу.

1-го іюля въ Петербургѣ, на Рижскомъ проспектѣ, на громадномъ участкѣ земли, принадлежащемъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, состоялось торжество закладки новаго зданія техническаго училища для дѣтей рабочихъ и служащихъ въ экспедиціи. На торжество прибылъ, какъ передаютъ „Бирж. Вѣд.“, министръ финансовъ т. с. В. Н. Коковцовъ. Когда торжественная процессія поднялась въ громадный шатеръ, раскинутый на мѣстѣ закладки, настоятель церкви экспедиціи протоіерей о. Философъ Орнатскій сказалъ прочувствованную рѣчь, въ которой указалъ на громадное значеніе технической школы не только для экспедиціи, но и для всей Россіи, нуждающейся въ разносторонне образованныхъ техникахъ. Затѣмъ было совершено молебствіе и водруженіе креста. Министръ финансовъ В. Н. Коковцовъ вложилъ въ заранѣе приготовленное мѣсто мѣдную доску съ соотвѣтствующею надписью, послѣ чего доска была замурована. По окончаніи богослуженія В. Н. Коковцовъ сказалъ нѣсколько словъ, вспомнивъ о своей неразрывной давнишней связи съ экспедиціей, гдѣ министръ началъ свою карьеру. Строитель зданія академикъ-архитекторъ Е. Р. Бахъ показалъ затѣмъ всѣмъ присутствующимъ планы и чертежи сооружаемаго зданія. Школа разсчитана на 600 человѣкъ учащихся обоего пола. Курсъ шестилѣтній профессіональныхъ классовъ и 3-годичный спеціальныхъ добавочныхъ классовъ по тремъ отдѣленіямъ: бумагодѣлательному, печатному и фототехническому. Предполагается, что школа будетъ подготовлять образованныхъ и технически свѣдущихъ руководителей рабочихъ не только для экспедиціи, но и для частныхъ промышленныхъ предпріятій. Новое зданіе школы четырехъ-этажное каменное; въ первомъ этажѣ будутъ помѣщаться: гардеробъ, отопленіе, канцелярія, кабинеты директора и его помощниковъ, классы слесарнаго и столярнаго мастерства, кулинарные классы и кухня; во второмъ и третьемъ этажахъ—классныя комнаты и рисовальный залъ (3-й этажъ); въ четвертомъ этажѣ: чертежныя, библіотеки, гимнастическій залъ и столовая, куда кушанья будутъ подаваться изъ кухни по подъемной машинѣ; въ 5-мъ этажѣ (со двора)—фотографическіе классы и павильонъ; кромѣ того, во всѣхъ этажахъ, помимо большихъ свѣтлыхъ коридоровъ, будутъ построены рекреаціонные залы. Зданіе будетъ подведено подъ крышу въ сентябрѣ текущаго года, а закончено — въ 1905 году. Отопленіе всюду—водяное, освѣщеніе — электрическое. Послѣ осмотра проектовъ, по желанію министра финансовъ, хоръ служащихъ экспедиціи исполнилъ нѣсколько духовныхъ пѣсенъ. Затѣмъ рабочимъ было предложено праздничное угощеніе въ разукрашенной флагами палаткѣ.

По словамъ „Н. Вр.“, совѣтъ спб. центральнаго училища техническаго рисованія барона Штиглица получилъ увѣдомленіе объ измѣненіи Положенія училища. Ученики и ученицы, окончившіе по первому разряду, т. е. прослушавшіе полный курсъ и выдержавшіе испытаніе по всѣмъ научнымъ и художественнымъ предметамъ, выпускаются со званіемъ художника или художницы по прикладному искусству. Окончившіе по второму разряду, т. е. не сдавшіе экзамена изъ полнаго курса, но прошедшіе всѣ обязательные классы, кромѣ натурнаго, и оказавшіе въ теченіе полугодія удовлетворительные успѣхи по классу композиціи, выпускаются со званіемъ ученаго рисовальщика или рисовальщицы. Лицамъ первой категоріи предоставляется право занимать должности учителей и учительницъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

2-го іюня въ школѣ при типографіи „Новаго Времени" А. С. Суворина состоялся 19-й съ основанія школы выпускъ окончившихъ въ этомъ году полный курсъ школы. Курсъ продолжается не менѣе четырехъ лѣтъ и заключаетъ теоретическую и практическую технику наборно-типографскаго дѣла, а также общеобразовательные предметы въ объемѣ, значительно превышающемъ курсъ начальныхъ городскихъ училищъ (въ школу принимаются мальчики обязательно со свидѣтельствами объ окончаніи курса начальныхъ городскихъ училищъ) и элементарные курсы французскаго и нѣмецкаго языковъ. Экзамены были произведены по всѣмъ предметамъ курса. Послѣднимъ, по обыкновенію, былъ экзаменъ по техникѣ. Окончили курсъ въ этомъ году шесть юношей. Всѣ экзаменовавшіеся получили отъ конторы типографіи денежныя награды. Къ концу учебнаго года въ школѣ обучалось 40 мальчиковъ, въ возрастѣ отъ 12 лѣтъ и старше, при пяти преподавателяхъ. Учебныя занятія въ школѣ начинаются въ концѣ сентября. Всѣ учащіеся состоятъ стипендіатами владѣльца типографіи „Новаго Времени". Всего за 19 лѣтъ школа выпустила 97 окончившихъ полный ея курсъ наборщиковъ, изъ которыхъ большая часть работаетъ въ типографіи „Новаго Времени".

„Торг.-Пр. Газ." сообщаетъ слѣдующія новости, касающіяся дѣла распространенія у насъ коммерческаго образованія.

17 мая въ Лѣсномъ состоялась торжественная закладка новаго зданія коммерческаго училища. Зданіе возводится рядомъ съ существующими уже двумя деревянными корпусами, въ которыхъ и откроются съ начала будущаго учебнаго года первые классы училища. Училище будетъ 8-классное съ приготовительнымъ классомъ. На торжествѣ закладки присутствовали: директоръ политехническаго института князь А. Г. Гагаринъ и многіе профессора института, назначенный директоромъ будущаго училища И. К. Никоновъ и масса посторонней публики, по преимуществу изъ числа постоянныхъ жителей этого раіона.

Въ „Собраніи узаконеній" опубликованъ утвержденный 15 ноября 1903 г. уставъ конотопскаго общества распространенія коммерческаго образованія. Общество это учреждается въ цѣляхъ содѣйствія распространенію коммерческихъ знаній какъ среди служащихъ въ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ, такъ и среди лицъ, готовящихся къ этого рода дѣятельности. Для достиженія этой цѣли обществу предоставляется, съ разрѣшенія министра финансовъ, учреждать коммерческія учебныя заведенія на основаніи дѣйствующихъ узаконеній, а именно: а) утренніе и вечерніе торговые классы, преимущественно для лицъ, состоящихъ на службѣ въ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ, б) курсы отдѣльныхъ предметовъ для лицъ, желающихъ пріобрѣсти познанія по какой-нибудь спеціальности изъ коммерческихъ знаній, в) торговые бланки и г) коммерческія училища. Кромѣ того, обществу предоставляется учреждать музеи образцовъ товаровъ для пособія при преподаваніи и библіотеки. Общество состоитъ изъ почетныхъ, дѣйствительныхъ членовъ и членовъ соревнователей. Главное управленіе дѣлами общества принадлежитъ общему собранію, ближайшее же завѣдываніе возлагается на комитетъ.

Кременецкимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ учреждено кременецкое семиклассное коммерческое училище. Уставъ училища утвержденъ управляющимъ Министерствомъ финансовъ 16 декабря 1903 г. Училище это принадлежитъ къ разряду среднихъ учебныхъ заведеній и имѣетъ цѣлью дать учащимся общее и коммерческое образованіе. Въ училище принимаются дѣти

всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій, причемъ при пріемѣ отдается предпочтеніе дѣтямъ лицъ, живущихъ въ г. Кременцѣ и его уѣздѣ.

27 декабря 1903 г. управляющимъ Министерствомъ Финансовъ утвержденъ уставъ торговыхъ классовъ при тульскомъ коммерческомъ училищѣ. Классы эти содержатся на средства тульскаго купеческаго общества и имѣютъ цѣлью сообщать лицамъ обоего пола всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій, за исключеніемъ еврейскаго, всѣхъ возрастовъ, не моложе 12 лѣтъ, преимущественно изъ состоящихъ на службѣ въ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ, коммерческія знанія, необходимыя въ торговомъ дѣлѣ.

Какъ передаютъ „Бирж. Вѣд.", 17-го мая, подъ предсѣдательствомъ К. Н. Богданова, состоялось чрезвычайное общее собраніе членовъ учрежденнаго въ Петербургѣ общества благотворенія въ память 19-го февраля 1861 года, созванное для разсмотрѣнія проекта 3-хъ-классной торговой школы. Предполагаемая школа имѣетъ цѣлью приготовлять учащихся къ службѣ въ торгово-промышленныхъ учрежденіяхъ. Въ нее будутъ приниматься дѣти лицъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, и ихъ потомки. Предпочтеніе будетъ оказываться, конечно, дѣтямъ бѣднѣйшихъ родителей. Предѣльный возрастъ пріема въ первый классъ отъ 12 до 15-ти лѣтъ, причемъ необходимо представленіе свидѣтельства объ окончаніи курса не менѣе 2-хъ классовъ городского или сельскаго училища. Размѣръ платы пока не установленъ, будетъ опредѣленъ впослѣдствіи попечительнымъ совѣтомъ школы. Школа будетъ состоять въ вѣдѣніи Министерства финансовъ и содержаться на средства, ассигнуемыя обществомъ, спеціальныя суммы, проценты съ неприкосновеннаго капитала школы, платы за ученіе, пожертвованія частныхъ лицъ и учрежденій. Въ программу входятъ слѣдующіе предметы: Законъ Божій, русскій языкъ, нѣмецкій, бухгалтерія, коммерція въ связи со свѣдѣніями по торговому и промышленному законодательству, ариѳметика, основы алгебры и геометріи, географія, исторія, физика, коммерческая корреспонденція, свѣдѣнія о товарахъ мѣстнаго района, въ связи съ элементарными познаніями по естествознанію и проч. Открытіе школы предполагается съ осени текущаго года.

---

30 мая, какъ сообщаютъ „Нов.", состоялся торжественный актъ въ Петровскомъ училищѣ с.-петербургскаго купеческаго общества. На актѣ присутствовали: товарищъ министра финансовъ т. с. В. И. Тимирязевъ, управляющій учебнымъ отдѣломъ того же министерства т. с. И. А. Аноповъ, директоръ училища с. с. Д. Д. Моревъ, инспекторъ А. І. Лященко, всѣ преподаватели и настоящіе, и бывшіе ученики и ихъ родители. Послѣ молебствія, совершеннаго законоучителемъ протоіереемъ о. В. Пигулевскимъ, былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности училища за истекшій учебный годъ, изъ котораго видно, что полный курсъ окончило 25 учениковъ, которые и получили аттестаты и званіе личнаго почетнаго гражданина. Со времени основанія училища всего окончило 683 воспитанника. Всего въ стѣнахъ училища находилось въ текущемъ году 436 воспитанниковъ. Изъ класса въ классъ безъ переэкзаменовокъ перешло 253 человѣка. Вновь поступило весною 1904 г. 46 учениковъ. Съ наградами изъ класса въ классъ переведены 51 воспитанникъ. Изъ школьныхъ нововведеній за отчетное время педагогическимъ совѣтомъ выработанъ учебный планъ примѣнительно къ 8-ми классному учебному заведенію; затѣмъ, по иниціативѣ директора училища, введены репетиціонныя занятія, весьма способствовавшія успѣшности учениковъ. Кромѣ того,

въ текущемъ году организованъ ученическій оркестръ. Актъ закончился раздачей аттестатовъ и наградъ.

Корреспондентъ „Нов. Вр.“ пишетъ изъ Тулы, что тамъ открылась художественно-ремесленная учебная мастерская. Это первое въ Россіи учебное заведеніе, открытое по положенію 10 іюня 1902 года о художественно-промышленныхъ учрежденіяхъ вѣдомства Министерства финансовъ. Открыто оно мѣстнымъ обществомъ для содѣйствія и развитія кустарной промышленности въ Тульской губерніи при воспособленіи со стороны Министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Первое отпустило обществу на приспособленіе принадлежащаго ему зданія подъ мастерскую 3.500 руб., а второе ассигновало на ея оборудованіе 5.000 руб. Что касается содержанія мастерской, то оно находится пока въ весьма неустойчивомъ положеніи. Министерство финансовъ отпустило лишь 2.000 руб. на текущій учебный годъ и будетъ отпускать въ послѣдующіе годы (по 1908) по 4.000 руб., тогда какъ въ дѣйствительности содержаніе учебной мастерской обойдется приблизительно до 10.000 руб. Общество для содѣйствія кустарной промышленности въ Тульской губерніи обращалось за поддержкой къ городу и земству, послѣднимъ указывая на то громадное значеніе, какое учрежденная мастерская должна имѣть для промышленной будущности всего тульскаго района; но ни городъ, ни земство не нашли нужнымъ серьезно откликнуться на это указаніе. Правда, городская дума, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ засѣданій, раскошелилась, ассигновавъ мастерской 100 р. въ годъ, но такое гомеопатическое пособіе является, конечно, не серьезнымъ пособіемъ, а просто подачкой, чтобы только избавиться отъ назойливыхъ приставаній. Что касается земства, то оно даже и въ такой подачкѣ отказало, ограничившись платоническимъ сочувствіемъ. „Оно конечно,— говорила губернская земская управа въ своемъ докладѣ послѣднему очередному земскому собранію,—образовательное и экономическое значеніе мастерской несомнѣнно имѣетъ непосредственную связь съ задачами земства и желательно было бы придти на помощь возникающему учрежденію обезпеченіемъ его будущаго существованія; но въ настоящее время губернская управа затрудняется опредѣлить какъ видъ и способъ, такъ и размѣръ помощи“. А между тѣмъ въ настоящее-то время помощь только и нужна, такъ какъ въ будущемъ, когда мастерская станетъ на ноги, она и сама, своими средствами, вѣрнѣе, своей работой сумѣетъ обезпечить свое существованіе. Что это не фраза только, доказываетъ сдѣланный года два назадъ починъ полтавскаго земства, устроившаго при мѣстномъ ремесленномъ училищѣ художественно-ремесленную мастерскую. Въ первый же годъ за исполненіе такихъ заказовъ мастерская заработала до 3.000 р., несмотря на затрату времени по оборудованію мастерской. Цыфра эта какъ нельзя яснѣе доказываетъ, что такія учрежденія, какъ художественно-ремесленныя мастерскія, только на самыхъ первыхъ порахъ требуютъ матеріальной поддержки, а затѣмъ развиваются безъ всякой посторонней помощи, исключительно собственными силами.

Еще менѣе отзывчиво отнеслись къ учебной мастерской тульскіе фабриканты и заводчики, которые, казалось бы, должны руками и ногами ухватиться за представляющуюся въ недалекомъ будущемъ возможность конкурировать съ заграничными художественно-слесарными издѣліями, хлынувшими къ намъ въ послѣдніе годы широкимъ потокомъ. Чтобы по достоинству оцѣнить значеніе этой конкуренціи, достаточно привести слѣдующія цыфры: привозъ къ намъ изъ-за границы мѣди въ изящной обработкѣ, за три года, съ 1898 по 1900,

выразился въ суммѣ около 430 тыс. пуд., почти на 11 милл. рублей; за тотъ же періодъ привезено желѣза въ изящной обработкѣ 1.700.000 пудовъ на сумму слишкомъ 10.300.000 р. Понятно, что такой ввозъ объясняется исключительно тѣмъ, что при увеличивающейся съ каждымъ годомъ потребности въ изящныхъ металлическихъ издѣліяхъ, у насъ не видятъ надобности въ удовлетвореніи этой потребности. Если у насъ въ Россіи и имѣются художественно-слесарныя фабрики, на чисто коммерческихъ началахъ, то всѣ онѣ исключительно съ иностранными инструкторами, а русскіе рабочіе обыкновенно изображаютъ собой безсознательную механическую силу. Да и мало еще такихъ фабрикъ. Что же касается тульскаго района, то онъ точно застылъ въ отлившихся разъ навсегда формахъ и рѣшительно не думаетъ о томъ, чтобы ввести новыя прогрессивныя начала въ свою металло-обрабатывающую дѣятельность, которая, какъ извѣстно, зиждется на совмѣстной работѣ крупной и мелкой промышленности. Вѣдь что такое въ сущности тульскія фабрики (самоварныя, замочно-скобяныя, гармонныя), имѣющія сотни рабочихъ и производящія милліонные обороты? Ознакомившись съ ихъ производствомъ, приходишь къ заключенію, что это только большія кустарныя мастерскія. Главныя силы такихъ фабрикъ заключаются не въ машинахъ, станкахъ, правильной установкѣ работы, а въ большомъ капиталѣ, направленномъ для скупки готовыхъ издѣлій кустарей или отдѣльныхъ частей для окончательной сборки. Въ сущности мы имѣемъ большія торговыя конторы, посредниковъ между кустарями и рынкомъ. Только сравнительно небольшая часть издѣлій, особенно цѣнныхъ, готовится на такихъ фабрикахъ, остальную массу доставляютъ кустари, причемъ фабрики кладутъ на эти издѣлія свои клейма. При такомъ положеніи вещей нельзя не признать, что успѣхи крупной промышленности въ тульскомъ районѣ неразрывно связаны съ успѣхами промышленности мелкой ремесленно-кустарной. Съ другой стороны, не разъ отмѣчались въ печати факты, указывающіе на наличность прогрессивныхъ теченій въ ремесленно-кустарной средѣ, на стремленіе ремесленниковъ и въ особенности кустарей къ ликвидаціи старыхъ формъ и замѣнѣ ихъ новыми, болѣе изящными. Вся бѣда въ томъ, что стремленіе это встрѣчаетъ очень мало сочувствія и поддержки, что вопросъ о развитіи профессіональнаго образованія все еще пока не выходитъ у насъ изъ пеленокъ, тогда какъ за границей онъ получилъ широкое практическое рѣшеніе. Понятно само собою, что нашему неучу-ремесленнику, нашему невѣжественому кустарю нечего и думать о борьбѣ съ иностранными ремесленниками и кустарями, получающими основательное профессіональное образованіе. Въ виду всего сказаннаго прямо-таки жутко становится при мысли о томъ, что первый опытъ съ художественно-ремесленной учебной мастерской, произведенный въ Тулѣ, можетъ оказаться неудачнымъ и что мастерская эта отцвѣтетъ, не успѣвши расцвѣсть, хотя имѣющіяся на лицо данныя, въ видѣ результатовъ работы учениковъ за шесть мѣсяцевъ ея существованія, наглядно убѣждаютъ въ жизнеспособности мастерской и обѣщаютъ „великія и богатыя милости“ для нашей застоявшейся желѣзодѣлательной и металлообрабатывающей промышленности. Недавно въ учебной мастерской закончились экзамены, прошедшіе съ полнымъ успѣхомъ. Всѣ 26 учениковъ переведены во второй классъ. Съ 5 мая мастерская открываетъ свои двери для всѣхъ желающихъ ознакомиться какъ съ работами учениковъ, такъ и вообще съ постановкой учебнаго дѣла. Слѣдуетъ ожидать, что такихъ желающихъ окажется много и что въ числѣ ихъ будутъ представители и города, и земства, и мѣстной крупной промышленности, то-есть всѣ тѣ, отъ дружной работы которыхъ зависитъ будущ-

ность мастерской, цѣль которой образовать мастеровъ и инструкторовъ художественно-слесарнаго ремесла, изнывающаго теперь отъ непосильной борьбы съ иностранной конкуренціей.

Съ разрѣшенія министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ Обществомъ содѣйствія женскому сельскохозяйственному образованію открываются съ начала сентября 1904 года постоянные двухлѣтніе женскіе сельскохозяйственные курсы съ зимними занятіями въ С.-Петербургѣ и съ лѣтними (въ теченіе всего лѣта)—въ казенномъ Песочинскомъ имѣніи (ст. Песочня, Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губерніи). На курсахъ преподаются въ теченіе перваго года: богословіе, математика, физика, химія неорганическая и аналитическая, минералогія и геологія, ботаника и бактеріологія, зоологія, землемѣріе, законовѣдѣніе, сельскохозяйственная экономія, птицеводство, садоводство, огородничество и пчеловодство. (Послѣдніе 4 предмета только въ теченіе лѣта). Въ теченіе второго года: минералогія, химія органическая и агрономическій анализъ, ученіе о грибныхъ болѣзняхъ растеній, ученіе о вредныхъ насѣкомыхъ, ученіе о сельскохозяйственныхъ машинахъ и орудіяхъ, строительное искусство, растеніеводство (земледѣліе и основы лѣсоводства), животноводство и скотоврачеваніе, сельскохозяйственная экономія и счетоводство, молочное хозяйство. (Послѣдній предметъ только въ теченіе лѣта). За право посѣщать лекціи и практическія занятія каждая слушательница уплачиваетъ по 125 рублей въ годъ. Плата взимается по полугодіямъ: 65 руб. при зачисленіи на курсы (въ началѣ сентября) и 60 рублей въ первой половинѣ января. За содержаніе въ общежитіи въ имѣніи каждая слушательница уплачиваетъ около 25 рублей въ мѣсяцъ. Общежитіе будетъ организовано Обществомъ и въ Петербургѣ, въ случаѣ наличности достаточнаго числа желающихъ жить въ немъ. Комплектъ слушательницъ на младшемъ отдѣленіи курсовъ опредѣленъ въ 40 человѣкъ. При большемъ числѣ желающихъ поступить въ число слушательницъ преимущество будетъ отдано окончившимъ съ большимъ успѣхомъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній и, по имѣющимся у совѣта Общества свѣдѣніямъ, болѣе нуждающимся въ сельскохозяйственномъ образованіи. Желающіе поступить на курсы подаютъ до 1-го августа въ совѣтъ Общества (С.-Петербургъ, Маріинская площадь, канцелярія ученаго комитета министерства земледѣлія и государств. имуществъ) прошенія.

---

1 мая закончились экзамены по научнымъ предметамъ въ высшемъ художественномъ училищѣ при Императорской Академіи Художествъ. Въ минувшемъ учебномъ году переходные экзамены держало около 200 человѣкъ по архитектурному и живописному отдѣленіямъ, при чемъ переведено въ мастерскія профессоровъ-руководителей 50 художниковъ и художницъ, въ числѣ послѣднихъ—три по архитектурному отдѣлу. Такимъ образомъ, замѣчаетъ „Нов. Вр.“, текущій годъ офиціально открываетъ для женщинъ новую сферу дѣятельности. Въ школѣ Императорскаго общества поощренія художествъ занятія закончились 13 мая, въ тотъ же день нѣкоторые изъ учениковъ отправляются на практическія работы въ имѣніе Рамонь. Занятія въ училищѣ барона Штиглица закончились также въ половинѣ мая.

19-го мая, какъ сообщаютъ „Нов.“, происходилъ экзаменъ по ремесленнымъ предметамъ въ петербургской 1-й профессіональной школѣ А. И. Коробовой. Всего окончило 92 ученицы: 48 по кройкѣ и шитью на званіе подмастерицъ и 5 на званіе мастерицъ. По вышивкѣ гладью бумагой, шелкомъ и золотомъ—2 на званіе мастерицъ и 8 на званіе подмастерицъ. По отдѣлу искусственныхъ цвѣтовъ и дамскихъ головныхъ уборовъ—22 на званіе подмастерицъ и 6 на званіе мастерицъ. Кромѣ того, 19 ученицъ выдержали научный экзаменъ при с.-петербургскомъ испытательномъ комитетѣ на званіе учительницъ для первоначальнаго обученія. Общее число ученицъ за 1902—1903 учебный годъ превышало 350 человѣкъ. Въ настоящемъ учебномъ году былъ открытъ курсъ бухгалтеріи, и читались лекціи по гигіенѣ. При экзаменѣ устроена выставка ученическихъ работъ, которая продолжится три дня. Экзаменъ производился въ присутствіи экспертовъ ремесленной управы. Какъ успѣшно окончившія научный и ремесленный курсъ, получили награды ученицы: В. Горностаева, А. Переводчикова и М. Шелудякова—серебряные часы съ надписью. Въ текущемъ году школа празднуетъ 25-лѣтіе своего существованія.

В. Б—чъ.

Народныя библіотеки въ Ярославской губерніи.

Съ 1896 года, по постановленію губернскаго земскаго собранія, начала функціонировать при губернской земской управѣ школьная коммиссія подъ предсѣдательствомъ кн. Д. И. Шаховскаго. Коммиссія эта состоитъ изъ гласныхъ губернскаго земства. Благодаря школьной коммиссіи вопросы народнаго образованія, а въ частности вопросы внѣшкольнаго народнаго образованія губернское земство стало ставить болѣе широко и разрабатывать болѣе всесторонне.

Въ 1891 году въ Ярославской губерніи не было ни одной библіотеки. Въ слѣдующемъ году было открыто 5 библіотекъ, въ 1893 г. еще одна прибавилась. Подъ вліяніемъ дѣятельности С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ грамотности, которые дали сильный толчекъ вообще дѣлу развитія народныхъ библіотекъ въ земской Россіи, въ Ярославской губерніи, начиная съ 1895 г., народныя библіотеки-читальни стали быстро открываться. Съ 1896 года ярославское губернское земство рѣшило придти на помощь устройству народныхъ библіотекъ въ губерніи. Съ этого года оно начало ассигновывать на каждый уѣздъ по 200 — 300 руб. на устройство безплатныхъ библіотекъ. Губернское земство выдавало безвозвратныя субсидіи вновь открываемымъ библіотекамъ, если въ нихъ имѣлось книгъ не менѣе какъ на сто рублей. Размѣры пособія изъ губернскихъ земскихъ средствъ на отдѣльную библіотеку зависѣли отъ усмотрѣнія уѣздныхъ земствъ, но не болѣе той суммы, которая затрачивалась изъ мѣстныхъ средствъ на покупку книгъ.

Въ 1900 году очередное губернское земское собраніе измѣнило порядокъ субсидированія народныхъ библіотекъ: оно постановило вмѣсто единовременныхъ пособій при открытіи библіотекъ выдавать имъ пособія ежегодно въ размѣрѣ 50 руб. каждой. Начиная съ 1901 г., каждая безплатная народная библіотека-читальня имѣетъ право на полученіе ежегоднаго пособія по 50 р. отъ губернскаго земства, и губернское земство ежегодно ассигнуетъ 4.000 руб. на этотъ предметъ.

Условія выдачи пособія были выработаны собраніемъ 1900 г., но они ежегодно добавлялись и пополнялись. На 1904 г. выдача пособій обусловливается слѣдующимъ: а) каждая библіотека должна изъ мѣстныхъ средствъ располагать суммой, не меньшей пособія со стороны губернскаго земства; б) стоимость книгъ въ библіотекѣ должна быть не ниже 200 руб.; в) книги должны выдаваться для чтенія на дому и въ помѣщеніи библіотеки; г) выдача книгъ изъ библіотеки должна производиться не менѣе 3 разъ въ недѣлю; д) библіотека обязуется вести регистрацію подписчиковъ и выданныхъ имъ изданій по книгамъ губернскаго земства, отпускаемымъ библіотекамъ безплатно; е) библіотека ежегодно представляетъ отчетъ о своей дѣятельности уѣздной управѣ, предъ сессіей уѣзднаго собранія и денежный отчетъ — губернской управѣ, въ началѣ каждаго новаго года; ж) часть пособія губернскаго земства, въ размѣрѣ не менѣе 20 руб., должна быть употреблена библіотекой на выдачу жалованья библіотекарю, на обязанности котораго будетъ лежать и своевременное доставленіе школьной коммиссіи необходимыхъ ей статистическихъ данныхъ о дѣятельности библіотеки; з) библіотека представляетъ въ губернскую управу, до выдачи ей 50 руб. пособія, каталогъ всѣхъ имѣющихся у нея книгъ (библіотеки, выполнившія эти требованія въ 1903 году, доставляютъ въ управу лишь дополнительные списки вновь пріобрѣтенныхъ изданій); и) часть пособія, по соглашенію съ распорядителями библіотеки, можетъ быть выслана въ библіотеку книгами изъ склада губернскаго земства; і) губернской управѣ предоставляется въ исключительныхъ случаяхъ дѣлать отступленія отъ требованія, устанавливаемаго пунктомъ о настоящихъ правилахъ.

Благодаря вышеизложеннымъ условіямъ, проведеннымъ въ жизнь постепенно, библіотечное дѣло въ Ярославской губерніи поставлено хорошо. Экспертная коммиссія, работавшая надъ оцѣнкою экспонатовъ, представленныхъ на областную выставку Сѣвернаго края, въ г. Ярославлѣ въ прошломъ году, земствами этого района, отмѣтила экспонаты и изданія ярославской школьной коммиссіи о народныхъ безплатныхъ библіотекахъ, какъ самые интересные по полнотѣ заключающихся въ нихъ данныхъ. Губернское земство, выработавъ вышеназванныя условія, разсчитывало привлечь къ участію въ поддержкѣ народныхъ библіотекъ какъ само населеніе и частныхъ лицъ, такъ и уѣздныя земства.

Дѣйствительно, только при участіи губернскаго земства народныя библіотеки могли получить такое быстрое развитіе въ губерніи. Приведемъ очень интересныя и характерныя цыфры въ этомъ отношеніи. Въ 1894 г. въ губерніи было только 7 библіотекъ, въ 1895 г.—10 б., въ 1896 г.—насчитывалось уже 20. Съ этого года губернское земство, какъ мы сказали выше, начало выдавать субсидіи народнымъ библіотекамъ. Въ слѣдующіе годы число библіотекъ стало быстро расти: въ 1897 г. ихъ было 44, въ 1898 г.—59 биб., въ 1899 г.—70, въ 1900 г.—75 биб., въ 1901 г.—81 биб., въ 1902 г.—85 биб., къ концу 1903 г. имѣлось 108 библіотекъ. Въ началѣ текущаго года предположены къ открытію еще 21 библіотека.

Несомнѣнно, самымъ рѣшительнымъ стимуломъ въ развитіи народныхъ библіотекъ является ежегодное обезпеченіе библіотекъ губернскимъ земствомъ.

Въ 1903 году значительное увеличеніе числа библіотекъ, сравнительно съ тремя предыдущими годами, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что стали, наконецъ, открываться уѣздными земствами давно уже намѣченныя къ открытію библіотеки имени покойнаго книгоиздателя Ф. Ф. Павленкова. Такихъ

библіотекъ въ прошломъ году было открыто 6. Кромѣ того, уѣздныя попечительства о народной трезвости открыли 8 библіотекъ.

Чтобы имѣть представленіе о томъ, какое вліяніе оказываетъ содѣйствіе губернскаго земства на увеличеніе матеріальныхъ средствъ народныхъ библіотекъ, мы приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о размѣрахъ обезпеченности *мѣстными* средствами народныхъ библіотекъ на 1904 годъ. По этому предмету имѣются свѣдѣнія только о 83 библіотекахъ. Изъ нихъ 73,5% имѣютъ на 1904 г. изъ мѣстныхъ средствъ по 50 и болѣе рублей, а 22 библіотеки, или 26,5%, располагаютъ суммой ниже этой нормы или не имѣютъ вовсе (10 библіотекъ) въ виду для своего обезпеченія какіе-либо мѣстные источники. На эти библіотеки (73), о которыхъ имѣются свѣдѣнія, уѣздными земствами ассигновано 3.085 руб., а изъ прочихъ источниковъ отъ крестьянскихъ обществъ, частныхъ лицъ, волости, разныхъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ обществъ и пр. поступитъ въ 1904 году 2.040 рублей.

Въ дѣйствительности на всѣ 108 библіотекъ поступитъ изъ мѣстныхъ источниковъ гораздо больше. Мы думаемъ, что цыфра мѣстныхъ средствъ въ 1904 г. на содержаніе библіотекъ будетъ не менѣе 10.000 рублей, судя по прошлымъ годамъ.

Картину обезпеченности населенія губерніи библіотеками въ 1903 г. можно видѣть изъ такихъ данныхъ. Въ среднемъ по губерніи приходится на 1 библіотеку 331 квадр. верстъ пространства, а жителей обоего пола 11.229 лицъ. Наиболѣе богатыми въ отношеніи библіотекъ являются уѣзды Рыбинскій—здѣсь на 1 библіотеку приходится 168 кв. верстъ и 5.532 жителя обоего пола—Угличскій и Ярославскій, а наиболѣе бѣдными—Мышкинскій, Любимскій и Пошехонскій. Въ послѣднемъ уѣздѣ 1 библіотека приходится на 19.630 жителей обоего пола и на 703,1 квадр. верстъ пространства. Среднее мѣсто занимаютъ уѣзды Даниловскій, Романовскій, Ростовскій и Мологскій.

По степени обезпеченности народными библіотеками Ярославская губернія, какъ показали экспонаты областной выставки Сѣвернаго края, стоитъ на первомъ мѣстѣ среди остальныхъ губерній Сѣвернаго края.

Вмѣстѣ съ тѣмъ народныя библіотеки Ярославской губерніи поставлены очень хорошо и сравнительно достаточно обезпечены книгами. Послѣднее детальное изслѣдованіе народныхъ библіотекъ школьная коммиссія губернскаго земства, по порученію собранія, произвела въ январѣ 1901 г. (первое изслѣдованіе было въ 1897 г.) Это изслѣдованіе дало очень интересныя свѣдѣнія. Оказывается, что на 1 библіотеку по губерніи въ среднемъ имѣется 644 тома книгъ, средняя стоимость коихъ равна 382 руб. По уѣздамъ среднія цыфры колеблются значительно. Въ Мологскомъ уѣздѣ на 1 библіотеку приходится уже 900 томовъ стоимостью въ среднемъ 670,6 рубля. Романо-Борисоглѣбскій уѣздъ располагалъ меньшими по количеству книгъ библіотеками: тамъ средняя библіотека заключала въ себѣ 420 томовъ съ среднею стоимостью въ 197,1 руб.

Съ января 1904 г., конечно, книжный инвентарь библіотекъ и стоимость его значительно увеличились.

Въ январѣ 1901 г. книги распредѣлялись по отдѣламъ въ ярославскихъ безплатныхъ библіотекахъ слѣдующимъ образомъ: беллетристическихъ имѣлось 46%, книгъ религіозно-нравственнаго содержанія—20,1%, историческихъ и біографическихъ - 9,3%, журналовъ—7,7%, книгъ по географіи и этнографіи—4,8%, по естествознанію—4,2%, гигіенѣ и медицинѣ—2,0%, юриди-

ческихъ и книгъ по обществовѣдѣнію—0,9%, педагогическихъ и по математикѣ—0,8% и пр.

Изъ общаго числа читателей, по изслѣдованію 1901 г., мужчины составляютъ $^3/_4$ общаго числа, а женщины—$^1/_4$. По возрастамъ подписчики распредѣляются такъ: взрослыхъ 47,4%, подростковъ 18,6%, малолѣтнихъ 34%. Читатели народныхъ библіотекъ по своему образованію раздѣлялись на 3 группы: получили школьное образованіе 45,6%, учащихся—27,8%, получили домашнее образованіе 26,3%. Семь десятыхъ (70,4%) подписчиковъ принадлежитъ къ крестьянскому сословію, а 0,3—къ прочимъ сословіямъ.

Въ 1900 г. народныя библіотеки содержались на средства разныхъ учрежденій. Укажемъ долю участія въ содержаніи библіотеки всѣхъ: отъ крестьянъ поступило 24,8% всѣхъ средствъ, отъ губернскаго земства — 24,2%, отъ уѣздныхъ земствъ—23%, частныхъ пожертвованій—14,4%, членскихъ взносовъ—10,7%, прочихъ поступленій—2,9%.

Больше всего подписчики народныхъ библіотекъ Ярославской губерніи берутъ книги беллетристическаго содержанія; затѣмъ по величинѣ спроса слѣдуютъ такіе отдѣлы: періодическія изданія, религіозно-нравственный отдѣлъ, исторія и біографія, географія и этнографія и т. д.

Переходя къ современному положенію библіотекъ въ губерніи, мы еще разъ должны подчеркнуть благодѣтельное вліяніе существующихъ правилъ для выдачи пособія народнымъ библіотекамъ. Напримѣръ, установленіе оплаты труда библіотекаря (который раньше выдавалъ книги безплатно) оказало важное вліяніе на правильное веденіе отчетности и вообще всего хозяйства библіотеки. На запросъ школьной коммиссіи о состояніи библіотекъ въ 1903 г. были получены отвѣты почти отъ всѣхъ библіотекъ, тогда какъ ранѣе удавалось собирать коммиссіи едва половину разсылаемыхъ въ библіотекѣ вопросныхъ бланковъ; записи по регистраціоннымъ книгамъ губернскаго земства стали вестись болѣе правильно, и всякія справки доставлялись значительно своевременнѣе, чѣмъ прежде.

Въ заключеніе мы скажемъ, что библіотечная статистика, ведущаяся школьной коммиссіей, и вообще вся постановка библіотечнаго дѣла въ Ярославской губерніи представляетъ не мало интереснаго для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя заняты вопросами внѣшкольнаго образованія и которыя работаютъ въ этой области. Еще разъ скажемъ, что народно-библіотечное дѣло въ Ярославской губерніи не достигло бы такого развитія, если бы не иниціатива губернскаго земства и не его содѣйствіе въ этомъ направленіи.

А. А. Локтинъ.

Второе публичное засѣданіе Педагогическаго отдѣла имени К. Д. Ушинскаго 1-го мая.

Доклады: „Общее дѣло педагоговъ и врачей — школа въ борьбѣ съ вырожденіемъ“, пр. Блуменау. „Экспериментально-психологическія данныя къ вопросу о преподаваніи иностранныхъ языковъ“ П. П. Черепанова —„Вопросы педологіи на первомъ конгрессѣ экспериментальной психологіи въ Гиссенѣ“ А. П. Нечаева.

Въ своемъ докладѣ проф. Блуменау указалъ на то, что и общество, и писатели моралисты стали внимательно слѣдить за медициной и врачами, ожидая отъ нихъ не только физическаго, но и нравственнаго оздоровленія чело-

вѣчества. Психіатрія и нервная патологія указали, въ какой близкой зависимости находится умственная и нравственная сферы человѣка отъ его нервной организаціи, которая въ свою очередь зависитъ какъ отъ условій, въ какихъ развивается организмъ, такъ и отъ унаслѣдованныхъ особенностей. Родители, отравлявшіе себя, больные заразными, нервными и душевными болѣзнями, создаютъ обыкновенно потомство ненормальное въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, съ признаками вырожденія. Бороться съ вырожденіемъ прежде всего должны врачи; но успѣхъ будетъ только тогда, когда они найдутъ поддержку въ законодательной и административной власти, а также и въ самомъ обществѣ. Важнымъ средствомъ въ этой борьбѣ является воспитаніе, которое должно способствовать правильному развитію нормальныхъ организмовъ и исправленію и уравновѣшиванію имѣющихся недостатковъ. Врачъ и педагогъ должны идти дружно въ данномъ вопросѣ и прежде всего позаботиться о самихъ выродившихся. Совмѣстное обученіе нормальныхъ дѣтей и дѣтей ненормальныхъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ представляетъ вредъ и для тѣхъ и для другихъ; для послѣднихъ должны быть особыя школы съ спеціально подготовленнымъ врачебнымъ и преподавательскимъ персоналомъ. Но и нормальныя, повидимому, дѣти переживаютъ весьма опасный періодъ наступленія зрѣлости, когда является серьезная опасность „юношескаго слабоумія“, которое можетъ быть предотвращено цѣлесообразнымъ режимомъ школы или же быстро излѣчено своевременнымъ вмѣшательствомъ. Но для этого необходимо, чтобы врачи школьные, а отчасти и педагоги были знакомы съ дѣтскимъ организмомъ и его заболѣваніями, особенно нервными и душевными. Крайне необходимымъ является и знакомство ихъ съ физіологіей, гигіеной и психологіей, такъ какъ только въ такомъ случаѣ создается правильная школьная обстановка и гигіена умственнаго труда. Необходимо, чтобы школа и сообщаемыми учащимся свѣдѣніями, и всѣмъ своимъ режимомъ, вмѣстѣ съ любовью къ труду и знанію, укрѣпляла въ дѣтяхъ любовь къ чистотѣ, къ свѣту и воздуху. Необходимо, чтобы правильно поставленнымъ обученіемъ школа избѣгла присущаго ей въ настоящее время недостатка:—сообщая рядъ свѣдѣній, значительная доля которыхъ составляетъ лишній балластъ, она требуетъ излишней нераціональной траты энергіи, недостатокъ которой такъ сильно чувствуется впослѣдствіи. Для всего этого необходимы спеціально подготовленные врачи и педагоги, которые дружной совмѣстной работой выработали бы правильныя нормы воспитанія и обученія, и содѣйствовали бы осуществленію ихъ на практикѣ.

Докладъ г. Черепанова, основанный на данныхъ, добытыхъ въ психологической лабораторіи педагогическихъ курсовъ военно-учебнаго вѣдомства, былъ посвященъ вопросу о методахъ преподаванія иностранныхъ языковъ и выясненію преимуществъ наиболѣе употребительныхъ способовъ обученія: 1) обученія посредствомъ переводовъ съ иностраннаго языка на русскій, 2) съ русскаго на иностранный и 3) натуральный методъ.

Наиболѣе пригоднымъ методомъ долженъ быть признанъ тотъ, при помощи котораго при наименьшей затратѣ времени и труда достигается болѣе прочное усвоеніе даннаго матеріала и болѣе удобное имъ пользованіе. Вопросъ этотъ является очень сложнымъ, почему ограничиться пришлось рѣшеніемъ слѣдующихъ частныхъ вопросовъ: 1) сравнительная легкость усвоенія лексическаго матеріала съ помощью родного языка и безъ его помощи, 2) отношеніе формы заучиванія лексическаго матеріала къ формѣ его воспроизведенія и 3) зависимость прочности усвоенія отъ формы заучиванія.

При опытахъ были взяты не иностранныя слова, а выдуманныя, чтобы всѣ они были одинаково трудны и неизвѣстны (напр.: бовгишъ — кресло, мафгелъ—сердце и т. п.), при чемъ обращено было вниманіе на одинаковую быстроту смѣны словъ и одинаковое число ихъ повтореній (аппаратъ Мюллера). Послѣ заучиванія измѣрялась скорость, съ которой вспоминались значенія заученныхъ словъ (аппаратъ—„Гроноскопъ Гиппа"). Одновременно заучивались ряды однихъ осмысленныхъ и однихъ незнакомыхъ словъ попарно (напр: „заяцъ—сѣрый", и кежну-шпгзяхъ). Опыты были произведены надъ 64 лицами.

При заучиваніи наблюдались возникающія ассоціаціи какъ реальныя, такъ и словесныя, при чемъ количество ихъ имѣло большое вліяніе на скорость запоминанія. Особенно легко запоминались такія слова, которыя вызывали вольныя ассоціаціи; часто сами изучающіе придумывали умышленно какія-либо ассоціаціи, гдѣ онѣ не возникали сами. Даже простое соединеніе извѣстнаго съ неизвѣстнымъ словомъ облегчало запоминаніе: на заучиваніе осмысленнаго слова въ связи съ осмысленнымъ же требовалось 12,9 секундъ, а на заучиваніе неизвѣстнаго съ неизвѣстнымъ—527,2 с.; поэтому казалось бы, что для запоминанія неизвѣстнаго съ извѣстнымъ надо 270 с. [(12,9+ +527,2) : 2], на самомъ же дѣлѣ — всего 122,5 с. Правда, возникновеніе привычныхъ ассоціацій (давалось: „птица свищетъ", хотѣлось сказать: „птица летаетъ") иногда мѣшало заучиванію; но процентъ такихъ тормозящихъ ассоціацій—не великъ, и вредъ ихъ совершенно блѣднѣетъ передъ пользой отъ возникновенія ассоціацій: осмысленныя сочетанія, давая тормозящія ассоціаціи въ количествѣ 33%, заучивались все же въ 40 разъ легче, чѣмъ сочетанія 2 незнакомыхъ словъ, при которыхъ вовсе не возникало ассоціацій, и въ $9^1/_2$ раза скорѣе, чѣмъ сочетанія незнакомыхъ словъ съ знакомыми, вызывавшія тормозящія обстоятельства лишь въ 4% случаевъ. Скорость и легкость заучиванія незнакомаго въ связи съ знакомымъ словомъ, а также знакомаго съ знакомымъ (при чемъ получается рядъ ассоціацій), показываетъ, какое важное значеніе, при усвоеніи незнакомаго лексическаго матеріала, можетъ имѣть обращеніе къ родному языку.

Но остается еще рѣшить вопросъ, не болѣе ли выгодно привлекать не родной языкъ, а непосредственно реальные образы (предметы, картинки—натуральный методъ). Для рѣшенія этого вопроса были произведены опыты съ тѣми же лицами надъ заучиваніемъ словъ въ связи съ словами же (кежну-заяцъ), и въ связи съ соотвѣтствующими изображеніями (кежну—изображеніе зайца). Количество ассоціацій во второмъ случаѣ—одинаково съ числомъ ихъ въ первомъ; но скорость заучиванія въ первомъ случаѣ превосходитъ на 19,25 сек. (родное слово съ незнакомымъ: 103 с., а незнакомое съ картинкой: 122,25 с.); также и быстрота воспроизведенія. Кромѣ того, при заучиваніи незнакомаго слова въ связи съ словомъ родного языка, получалось болѣе свободное пользованіе заученнымъ матеріаломъ, чѣмъ при заучиваніи незнакомаго слова въ связи съ картинкой: въ первомъ случаѣ для воспроизведенія слова въ порядкѣ заучиванія (та же послѣдовательность) требовалось 1,242 с., въ иномъ порядкѣ (въ разбивку)—1,373 с., а во второмъ—1,267 и 1,510 с., т. е. разница въ первомъ случаѣ—0,131 с., а во второмъ—0,243. Для того, чтобы на основаніи этихъ данныхъ заключить, что при заучиваніи незнакомыхъ словъ наиболѣе цѣлесообразнымъ является тотъ методъ, по которому незнакомое связывается со словомъ родного языка, надо показать еще, что заученный такимъ способомъ матеріалъ не только легко и скоро

былъ усвоенъ, но и что усвоеніе отличается прочностью и обусловливаетъ гибкое имъ пользованіе. Хотя наблюденія въ этомъ направленіи показали, что матеріалъ лучше всего воспроизводится въ той формѣ, въ какой онъ былъ заученъ (заучиваніе: „кежну-заяцъ"; наиболѣе легкое и быстрое воспроизведеніе на вопросъ, что значитъ „кежну"), однако выяснилось, что при заучиваніи незнакомаго слова въ связи съ роднымъ, воспроизведеніе въ иной формѣ (заучиваніе: кежну—заяцъ; вопросъ: какъ-заяцъ?) легче, чѣмъ при заучиваніи въ связи съ картинкой. Для рѣшенія же вопроса о прочномъ усвоеніи въ разныхъ формахъ заученнаго матеріала, спустя долгое время, былъ произведенъ неожиданный опросъ, который выяснилъ, что, при заучиваніи незнакомаго слова въ связи съ словомъ родного языка, черезъ 146 дней испытуемые сами припомнили 28,5% заученныхъ словъ, изъ нихъ 19% со значеніемъ,—въ связи съ картинкой всего 11,9%, изъ нихъ 4,7% со значеніемъ. Въ заключеніи были произведены опыты съ цѣлью выяснить, не вліяла ли на скорость заучиванія и воспроизведенія разница во времени воспріятія словъ и картинокъ (съ помощью тахистоскопа), которые дали на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ.

Резюмируя положенія своего доклада и указавъ на недостатки своихъ опытовъ,—недостаточное число испытывавшихся и большой ихъ возрастъ—отъ 18 лѣтъ, г. Черепановъ оцѣнилъ ихъ какъ первыя попытки въ данномъ направленіи, которыя требуютъ дальнѣйшей работы, но которыя, однако, даютъ нѣкоторое право выставить слѣдующія положенія: 1) при изученіи иностранныхъ языковъ, для всесторонняго ими пользованія, нельзя пренебрегать ни однимъ изъ вышеуказанныхъ методовъ обученія и 2) помощь родного языка должна считаться основнымъ требованіемъ, при изученіи иностранныхъ языковъ.

Въ заключеніе А. П. Нечаевъ познакомилъ присутствующихъ съ первымъ международнымъ съѣздомъ психологовъ экспериментаторовъ (почти всѣхъ европ. государ.), бывшимъ въ Гиссенѣ по иниціативѣ Мюллера и др. Кромѣ ряда весьма интересныхъ докладовъ *) по вопросамъ воспитанія и методовъ изслѣдованія, напримѣръ: „О развитіи рѣчи въ грамматическомъ и логическомъ отношеніяхъ у маленькихъ дѣтей" Штерна, „О необходимости рѣшенія педагогическихъ вопросовъ, привлекая экспериментальныя данныя" Лайя, изслѣдованія о снѣ, вниманіи, по психо-патологіи криминальной антропологіи и пр., съѣздъ представлялъ большой интересъ, какъ общеніе изслѣдователей разныхъ странъ, какъ демонстрація всѣхъ почти аппаратовъ, существующихъ для экспериментально-психологическихъ изслѣдованій. Выдвинувъ вопросъ о крайней необходимости рѣшенія вопросовъ педологіи научнымъ путемъ, съѣздъ положилъ начало Международному обществу экспериментальной психологіи, цѣль котораго организовывать международные работы и съѣзды. Второй съѣздъ предположенъ черезъ два года въ г. Вюрцбургѣ. **М. К—овъ.**

Московское педагогическое общество за VI годъ существованія.

Какъ видно изъ отчета, прочитаннаго на собраніи педагогическаго общества 8-го мая, число его дѣйствительныхъ членовъ къ 1-му февраля теку-

*) Подробная исторія съѣзда, вѣроятно, будетъ напечатана въ „Вѣстникѣ психологіи".

щаго года возросло до 1.337 человѣкъ (791 мужчина и 546 женщинъ) и членовъ-сотрудниковъ до 472 человѣкъ (84 мужч. и 388 женщ.); всего 1.809 человѣкъ. Совѣтъ Общества имѣлъ въ очередномъ году 21 засѣданіе, въ которыхъ было разсмотрѣно 142 дѣла. За тотъ же срокъ состоялось 12 общихъ собраній (8 закрытыхъ и 4 публичныхъ); на нихъ 16-ю лицами было прочитано столько же рефератовъ по разнымъ вопросамъ. Изъ 12-ти собраній три были посвящены вопросамъ коммерческаго образованія (доклады А. Н. Глаголева и А. Н. Реформатскаго). Черезъ своихъ делегатовъ Общество принимало участіе въ занятіяхъ III съѣзда дѣятелей по техническому и профессіональному образованію. Въ отчетѣ отмѣчается далѣе попытка Общества организовать лѣтніе общеобразовательные курсы для учащихъ въ начальныхъ училищахъ. Было получено уже согласіе московскаго губернскаго земства на матеріальную поддержку этого благого начинанія. Курсы предполагалось, по соглашенію съ земствомъ, осуществить отъ 1-го до 21-го іюня 1904 г. при участіи лекторовъ: профессоровъ Н. А. Умова и И. Ф. Огнева и прив.-доцентовъ А. А. Кизеветтера, А. Н. Реформатскаго, П. Н. Сакулина, А. П. Нечаева и д-ра мед. В. Е. Игнатьева. Но возбужденное московскою земскою управой ходатайство о разрѣшеніи этихъ курсовъ было, какъ извѣстно, нынѣ отклонено учебнымъ начальствомъ. Въ отчетномъ году при педагогическомъ Обществѣ функціонировали десять слѣдующихъ отдѣленій: 1) по вопросамъ религіозно-нравственнаго образованія и воспитанія (предсѣдатель проф. Н. А. Елеонскій, 75 членовъ) съ коммиссіей по составленію каталога книгъ религіозно-нравственнаго содержанія для домашняго чтенія; 2) отд. преподавателей русскаго языка и словесности (предс. С. Г. Смирновъ, 250 членовъ); 3) преподавателей исторіи (предс. С. П. Моравскій, 150 членовъ) съ коммиссіей по педагогическому музею; 4) преподавателей физико-химическихъ наукъ (предс. проф. Н. А. Умовъ, 98 членовъ); 5) преподавателей естественныхъ наукъ (предс. М. П. Варавва); 6) преподавателей математики (предс. проф. Б. К. Млодзѣевскій, 106 членовъ); 7) преподавателей новыхъ языковъ (предс. проф. Р. Ф. Брандтъ); 8) преподавателей географіи (предс. проф. Д. Н. Анучинъ); 9) по начальнымъ училищамъ (предс. І. П. Герасимовъ, 390 членовъ) съ тремя спеціальными коммиссіями и 10) по семейному воспитанію (предс. Д. Д. Галанинъ, 348 чл.) съ коммиссіями по организаціи дѣтскаго чтенія, по вопросамъ нравственнаго воспитанія и др. Кромѣ отдѣленій, при Обществѣ состоятъ постоянныя коммиссіи: 1) по устройству чтеній для учащихся подъ предсѣдательствомъ А. Д. Алферова (было устроено 10 чтеній, имѣвшихъ большой успѣхъ, и приступлено къ изданію двухъ сборниковъ чтеній за два предыдущихъ года, по 10-ти чтеній въ каждомъ) и 2) по устройству общеобразовательныхъ экскурсій подъ предс. прив.-доц. А. М. Миронова (устроено было три экскурсіи для учащихся преимущественно иногородныхъ учебныхъ заведеній и три экскурсіи совмѣстно съ росс. Обществомъ туристовъ). При Обществѣ имѣются также три временныхъ коммиссіи: о желательной реформѣ средней женской школы (предс. С. Г. Смирновъ), по вопросу о призрѣніи и воспитаніи бродячихъ и покинутыхъ дѣтей г. Москвы и для составленія примѣрнаго каталога книгъ для чтенія въ тюрьмахъ (предс. Р. О. Ляшукъ). 26-го сентября прошлаго года при Обществѣ былъ открытъ педагогическій музей, располагающій нынѣ болѣе чѣмъ 3.000 предметовъ. Въ отчетномъ году Обществомъ получено: членскихъ взносовъ—2.698 р., субсидій отъ университета—300 р., отъ продажи „Трудовъ“ Общества — 123 р. и другихъ поступленій—357 р. 72 к.; всего 3.478 р. 72 к., а съ остаткомъ

отъ предыдущаго года въ 2.246 р. 58 к. общій итогъ доходовъ составитъ 5.725 р. 30 к. Изъ этой суммы израсходовано: на музей—1.672 р. 23 к., на жалованье служащихъ и служителей—1.201 р., на сборъ членскихъ взносовъ—296 р. 20 к., типографскіе расходы — 458 р. 69 к. и пр.; всего 5.150 р. 47 к. Остатокъ на 1-е января текущаго года—574 р. 83 к. Предсѣдателемъ Общества съ 22-го ноября 1903 г. состоитъ проф. К. А. Андреевъ, его товарищами—проф. А. П. Павловъ и С. Г. Смирновъ, казначеемъ—В. С. Костромина, секретаремъ—П. А. Рождественскій и его помощникомъ—А. А. Мазингъ, членами совѣта — А. Д. Алферовъ, В. Д. Соколовъ и В. П. Шереметевскій. („Рус. В.“).

Временные медицинскіе курсы при московскомъ университетѣ.

8-го марта въ аудиторіи гистологическаго института была прочитана проф И. Ф. Огневымъ первая лекція для слушательницъ временныхъ медицинскихъ курсовъ, открытыхъ при московскомъ университетѣ. Лекціи продолжались двѣ недѣли, по четыре часа каждый день, въ помѣщеніи университета. Послѣ перерыва на Страстной и Святой недѣляхъ онѣ возобновились, сопровождаясь практическими занятіями и демонстраціями больныхъ въ университетскихъ клиникахъ и различныхъ больницахъ. Къ 1-му мая клиники по обычаю закрываются. Лекціи закончены. Московскій университетъ, какъ слышно,—пока единственный изъ университетовъ, открывшій свои двери для курсовъ, подобные которымъ стараются устроить со времени объявленія войны чуть ли не въ каждомъ русскомъ городѣ. Очевидно, въ этихъ курсахъ чувствуется надобность. Нужны обученныя своему дѣлу сестры милосердія. Поводомъ къ устройству курсовъ послужила просьба нѣсколькихъ интеллигентныхъ женщинъ, работавшихъ въ благотворительныхъ мастерскихъ, обращенная къ проф. Левшину, какъ бывшему на войнѣ, съ просьбой прочитать подготовительный курсъ для сестеръ милосердія. Проф. Левшинъ изъявилъ согласіе; лекціи начались въ помѣщеніи, предоставленномъ частною гимназіей К. К. Мазинга, и съ перваго же раза выяснились двѣ стороны дѣла: во-первыхъ, совершенная невозможность для одного лица сообщить всѣ необходимыя для дѣла свѣдѣнія; во-вторыхъ, невозможность найти частное помѣщеніе, достаточное для того количества слушательницъ, которыя пожелали записаться на курсы съ первыхъ же дней.

Проф. Огневымъ сдѣланъ былъ запросъ медицинскому факультету. Послѣ полученія согласія факультета попечителемъ округа была послана телеграмма министру. Выбрана была коммиссія профессоровъ подъ предсѣдательствомъ П. И. Дьяконова. Курсы были разрѣшены и открыты при московскомъ университетѣ.

Восемь лекторовъ взялись прочитать сокращенный курсъ по гистологіи, анатоміи, физіологіи и гигіенѣ, а по окончаніи его 34 лица изъ числа профессоровъ и приватъ-доцентовъ приняли на себя трудъ дополнить эти свѣдѣнія теоретическими сообщеніями и практическими указаніями.

Несмотря на краткость срока, дѣло было сразу поставлено основательно и серьезно. Научныя свѣдѣніи давались слушательницамъ по обѣщанію, данному въ его вступительной рѣчи проф. Огневымъ, въ сокращенномъ, но все-же строгомъ и чистомъ видѣ. Дававшіе эти свѣдѣнія профессора могли отнестись къ своей задачѣ свысока или небрежно, ссылаясь на неподготовленность своихъ

слушательницъ, но этого не случилось. Въ переполненныхъ аудиторіяхъ, не приспособленныхъ для помѣщенія 800 и болѣе, до 1,000 человѣкъ, нерѣдко страдая отъ невыносимой жары и духоты, не пропустивъ ни одного раза ни одной лекціи, профессора читали свои курсы. Помощники ихъ и ассистенты каждый день занимались и давали объясненія въ амбулаторіяхъ и въ перевязочныхъ. Слушательницы проводили сплошь цѣлые дни въ клиникахъ, переходя съ лекціи на лекцію, изъ операціонной въ перевязочную, и то, что могло быть сдѣлано въ короткій срокъ шести быстро промелькнувшихъ недѣль, было сдѣлано общими дружными усиліями.

Какой будетъ результатъ ихъ, покажетъ будущее. Трудно сказать, дадутъ ли эти курсы достаточную подготовку лицамъ, желающимъ посвятить себя уходу за ранеными. Нельзя, конечно, теперь угадать, сколько именно сестеръ пойдетъ на войну изъ сотенъ слушательницъ, посѣщавшихъ курсы, но есть вещи и явленія, которыя не слѣдуетъ измѣрять количествомъ немедленно получаемыхъ, для всѣхъ очевидныхъ результатовъ. Какъ ни была сжата и ограниченна программа лекцій потребностями военнаго времени, дававшіяся по поводу ихъ научныя свѣдѣнія по самому своему характеру не могли не оказать большого и разнообразнаго вліянія на слушавшихъ. Главною помѣхой успѣшному дѣйствію была, конечно, прежде всего малая подготовленность слушательницъ. Едва ли многія изъ нихъ имѣли какое-нибудь понятіе хотя бы только о строеніи человѣческаго тѣла. („Рус. Вѣд.“).

Преобразованіе средней школы.

Ученый комитетъ Министерства народнаго просвѣщенія въ заключительномъ засѣданіи, состоявшемся 1-го іюня въ актовомъ залѣ пятой гимназіи, закончилъ разсмотрѣніе и установилъ окончательную редакцію проекта устава гимназій, прогимназій и подготовительныхъ школъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ этомъ засѣданіи принимали участіе директора среднихъ учебныхъ заведеній г. С.-Петербурга. По этому проекту предполагаются гимназіи двухъ типовъ: однѣ съ обоими древними языками, а другія безъ греческаго, но съ замѣной его естествовѣдѣніемъ. Проектъ допускаетъ существованіе какъ полныхъ гимназій съ 8 классами, такъ и не полныхъ, въ составѣ 4 высшихъ (отъ пятаго до восьмого) или въ составѣ 6 высшихъ (отъ третьяго до восьмого) классовъ, а также прогимназій, состоящихъ изъ 4 низшихъ классовъ (отъ перваго до четвертаго). Подготовительныя школы будутъ соотвѣтствовать по курсу начальнымъ училищамъ и двумъ первымъ классамъ гимназій. Въ преобразованныхъ гимназіяхъ будутъ преподаваться тѣ-же предметы, что и въ современныхъ; но сверхъ того предполагается ввести преподаваніе философской пропедевтики, а также будутъ допущены разные необязательные предметы. Кромѣ педагогическихъ совѣтовъ и хозяйственныхъ комитетовъ средне-учебныхъ заведеній, проектъ новаго устава предполагаетъ учрежденіе совѣщаній воспитателей. Кромѣ казенныхъ учебныхъ заведеній, предполагается предоставить право открывать среднія учебныя заведенія съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія - общественнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ. При этомъ хозяйственною частью учебнаго заведенія, вмѣсто хозяйственнаго комитета, могутъ завѣдывать или учредители, или особый попечительный совѣтъ, состоящій изъ нѣсколькихъ лицъ, выбираемыхъ на

3 года тѣми учрежденіями, которыя содержатъ учебныя заведенія. Согласно съ выработаннымъ уставомъ гимназій будутъ также редактированы и проекты уставовъ реальныхъ училищъ и шестилѣтнихъ школъ. Распредѣленіе учебныхъ часовъ было выработано ученымъ комитетомъ уже ранѣе.

(„Нов.").

Медвѣдниковская гимназія въ Москвѣ.

17-го мая, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ московскаго генералъ-губернатора Великаго Князя Сергѣя Александровича и Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны торжественно совершено освященіе зданія гимназіи имени И. и А. Медвѣдниковыхъ, сооруженнаго въ Старо-Конюшенномъ переулкѣ.

По окончаніи богослуженія Ихъ Императорскія Высочества подробно осматривали помѣщеніе гимназіи, обративъ особенное вниманіе на устройство въ ней медицинско-гигіенической части, естественно-научнаго отдѣленія, класса рисованія, класса для преподаванія исторіи и географіи, столовъ класснаго и рисовальнаго системы В. П. Недачина и на коллекцію гравюръ, портретовъ и рисунковъ, украшающихъ стѣны классовъ и корридоровъ гимназіи. Послѣ осмотра гимназіи въ актовой залѣ состоялось въ присутствіи Ихъ Высочествъ торжественное засѣданіе. На каѳедру взошелъ попечитель гимназіи П. А. Цвѣтковъ и представилъ краткій очеркъ возникновенія Медвѣднковской гимназіи, учрежденной на особыхъ началахъ, встрѣтившихъ сочувствіе въ бывшемъ министрѣ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣповѣ. Благодаря содѣйствію Его Императорскаго Высочества московскаго генералъ-губернатора 8-го іюня 1901 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи гимназіи по представленному плану, а 15-го іюня—объ учрежденіи строительной коиммиссіи подъ предсѣдательствомъ Н. А. Цвѣткова. Зданіе сооружено по проекту архитектора И. С. Кузнецова; вмѣстмость его 3.846 куб. саженъ, стоимость постройки—по 80 руб. куб. сажень; отношеніе свѣта къ полу—1 : 4; вся постройка обошлась въ 358 тыс. руб. Затѣмъ директоръ В. П. Недачинъ выяснилъ принципы и задачи, положенные въ основаніе Медвѣдниковской гимназіи. Учредители гимназіи задались цѣлью поставить это учебное заведеніе на тотъ новый путь воспитанія русской молодежи, который указанъ былъ „рукою Державнаго воспитателя земли русской требовавшаго въ своихъ Высочайшихъ рескриптахъ внесенія въ дѣло воспитанія юношества разума, любви и сердечнаго попеченія, чтобы школа не ограничивалась задачами образованія научнаго, но и воспитывала волю, сердце, развивала чувства чести, долга, порядка и законности". Въ основаніе выработаннаго душеприказчикомъ покойной А. К. Медвѣдниковой Н. А. Цвѣтковымъ плана были положены слѣдующіе принципы. Школа должна быть построена на тѣхъ началахъ, которыя полагаетъ въ основу своего быта всякая нормальная семья, т. е. начала простоты и искренности отношеній, взаимнаго довѣрія, правды, любви и взаимопомощи. Она должна прежде всего видѣть въ дѣтяхъ дѣтей, любить ихъ и всѣми силами пріучать ихъ относиться съ любовью и къ ней самой; она должна дѣйствовать за одно съ семьей и совмѣстно съ ней вести великое дѣло воспитанія гражданина, должна отказаться отъ бюрократическаго режима, отъ формализма чисто чиновничьяго отношенія къ дѣлу воспитанія и обученія дѣтей и замѣнить его отношеніемъ

истинно педагогическимъ, т. е. разумнымъ и сердечнымъ основаннымъ на близкомъ общеніи учащихъ съ учащимися и на ихъ взаимномъ довѣріи и любви. Она должна считаться съ индивидуальными особенностями учащихся и этимъ руководствоваться при своемъ на нихъ воздѣйствіи, должна заботиться о нравственномъ ихъ воспитаніи средствами, какія указуются любовью къ нимъ и требованіями разумной педагогики; она должна прилагать особыя заботы о физическомъ развитіи своихъ питомцевъ, предоставивъ имъ къ тому всѣ средства, согласно требованіямъ школьной гигіены. Что касается собственно образованія научнаго, то она должна устранить ненужную спеціализацію отдѣльныхъ школьныхъ предметовъ при крайнемъ преобладаніи однихъ надъ другими, строго провести требованіе такой постановки каждаго изъ нихъ, при которой имѣлись бы въ виду цѣли общеобразовательныя, а не узко спеціальныя. Примѣнительно къ этому требованію она должна улучшить методы преподаванія, возможно усилить наглядность обученія и перенести центръ тяжести съ домашней на классную работу, особенно въ младшихъ классахъ, облегчивъ домашній трудъ, тщательно, постоянно и неуклонно согласуя предъявляемыя къ учащимся требованія съ ихъ возрастомъ, развитіемъ и силами. Она должна дать подобающее положеніе такимъ предметамъ, которые имѣютъ особо важное значеніе для приданія ей національнаго и жизненнаго характера, каковы, напримѣръ, русскій языкъ, русская литература и исторія, природовѣдѣніе и новые языки ближайшихъ культурныхъ сосѣдей родной страны, съ которыми она имѣетъ тѣсную связь и общеніе. Освящая нынѣ свой домъ, новая школа свято блюдетъ эти принципы, скромно работая надъ проведеніемъ ихъ въ жизнь уже въ теченіе трехъ лѣтъ своего существованія. И далеко въ глубь временъ восходятъ эти идеи, къ свѣтлымъ именамъ Коменскаго и Песталоцци, нашихъ Пирогова и Ушинскаго, завѣщавщихъ намъ великія истины воспитанія человѣка. Не забыла и никогда не забудетъ ихъ новая школа, и при входѣ въ нее привѣтливо встрѣчаютъ мудрые ихъ лики. „Въ годину грозныхъ испытаній войны справляетъ она свой скромный праздникъ мира, какъ бы желая напомнить, что его блага всегда драгоцѣнны для человѣка и особенно дороги и отрадны въ тѣ тяжелые моменты, когда онъ вынужденъ бываетъ уступить мечу свой свѣтлый путь къ человѣческому счастью. И на этомъ отрадномъ праздникѣ мира новая школа воздаетъ сегодня великую дань благодарности всѣмъ тѣмъ, кто помогъ ей увидѣть свѣтъ и тѣмъ самымъ послужилъ дѣлу мирнаго развитія страны своей".

Его Высочеству благоугодно было выразить благодарность Н. А. Цвѣткову за устройство гимназіи и директору В. П. Недачину за его рѣчь, за постановку учебно-воспитательнаго дѣла и за проводимыя имъ въ жизни гимназіи начала.

(„Рус. В.").

Смѣта учебныхъ заведеній Томской губ.

Въ расписаніи о расходахъ М. Н. П. по Зап.-Сиб. учеб. окр. сдѣланы на 1904 г. слѣд. ассигнованія, касающіяся Томской губ.: на управленіе округомъ 30.149 р. 75 к.; на томскій университетъ 384.235 р. 95 к.; на гимназіи и прогимназіи 38.661 р. 57 к.; на реальныя и промышленныя училища 71.236 р. 64 к.; на городскія училища 18.888 р. 55 к.; на приходскія и начальныя училища 67.263 р., изъ коихъ 63.045 р. назначено въ распоряженіе попе-

чителя округа на устройство и содержаніе приходскихъ училищъ по всему округу; на содержаніе народныхъ училищъ 127.664 р. 55 к.; на томскій учительскій институтъ 25.885 р. 75 к.; на томск. технологическій институтъ 333.085 р. 75 к.; на строительные расходы назначено къ условному отпуску: на постройку и ремонтъ училищныхъ зданій 4.000 руб.; на постройку зданія технологическаго института 300.000 руб.; на устройство зданій учительскаго института въ Томскѣ 40.000 руб.; на постройку анатомическаго института и служительскихъ казармъ при университетѣ 30.000 руб.; на переносъ зданій, находящихся на землѣ, уступленной городомъ технологическ. институту 16.880 р. и на оборудованіе томскаго ремесленнаго училища 100 руб., всего 390.980 р. Если къ этимъ суммамъ добавить остальныя: пособіе женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ 23.000 р. на выдачи по привилегіямъ службы 30.300 р. 34 к. и пособіе на возмѣщеніе 50% сбора съ доходовъ отъ спеціальныхъ капиталовъ 934 р. 27 к., то вся расходная смѣта на содержаніе учебныхъ заведеній по Томской губ. опредѣлится въ 1.542.286 р. 12 к.

(„Спб. Вѣстн.“).

Улучшеніе быта народныхъ учителей.

Начальство одного изъ учебныхъ округовъ въ своемъ заключеніи по во просу о мѣрахъ улучшенія положенія народныхъ учительницъ высказало межд прочимъ, что тяжелое положеніе этихъ лицъ обусловливается главнымъ образомъ столкновеніями ихъ съ мѣстными сельскими обществами по дѣламъ школьнаго хозяйства и правильнаго посѣщенія учениками классныхъ уроковъ. А потому въ цѣляхъ улучшенія матеріальнаго и нравственнаго положенія народныхъ учителей, означенное учебно-окружное начальство признаетъ необходимымъ организовать при училищахъ особые школьные совѣты, на коихъ и возложить обязанность вѣдать хозяйственную часть и посѣщеніе дѣтьми училища. При этомъ въ составъ сказанныхъ совѣтовъ предполагается ввести: законоучителя съ правами предсѣдателя, всѣхъ учащихъ училища, попечителя и попечительницу, волостного старшину, если училище находится въ селѣ, гдѣ имѣется волостное правленіе, или мѣстнаго сельскаго старосту и двухъ выборныхъ членовъ отъ обществъ, участвующихъ въ содержаніи училища, съ правами членовъ совѣта. Выборныя лица утверждаются въ званіи членовъ совѣта на трехлѣтіе земскимъ начальникомъ. Рѣшенія совѣта приводится въ исполненіе волостнымъ старшиною или сельскимъ старостою по принадлежности, въ случаяхъ же надобности сообщаются инспектору народныхъ училищъ и земскому начальнику. Совѣты эти будутъ находиться въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, — инспектора народныхъ училищъ. Засимъ другимъ учебно-окружнымъ управленіемъ указывается на потребность въ устройствѣ для учащихъ санаторій. Учительскій трудъ, тяжелый самъ по себѣ, часто выполняется при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ: при неудовлетворительныхъ школьныхъ помѣщеніяхъ, при плохихъ учительскихъ квартнрахъ, при плохомъ питаніи и проч. На женскомъ организмѣ онъ отражается особенно губительно. Между учительницами часто встрѣчаются лица, страдающія малокровіемъ, грудными, горловыми, головными и нервными болѣзнями. Организація для такихъ лицъ санаторій дала бы возможность за лѣтнее время многимъ изъ учащихъ возстановить здоровье и возвратиться къ своимъ обязанностямъ съ новымъ запасомъ силъ и энергіи. По этимъ вопросамъ запрашивается мнѣніе дирекцій народныхъ училищъ. („Рус. Вѣд.“).

Курсы для народныхъ учителей въ Костромѣ.

Костромское губернское земство признало дѣломъ необходимости устраивать ежегодно временные курсы для учителей и учительницъ земскихъ народныхъ школъ. Опытъ бывшихъ уже курсовъ съ достаточной ясностью убѣдилъ земство въ благотворности и полезности этого мѣропріятія. Но тотъ же опытъ убѣдилъ его и въ томъ, что необходимо открывать курсы общеобразовательнаго характера, которые могли бы служить къ подъему уровня развитія среди учительскаго персонала. Уровень этотъ, по правдѣ сказать не очень высокъ и потребность поднятія его не подлежитъ сомнѣнію. Между тѣмъ оказывается, что но уставу о курсахъ общеобразовательныхъ, слушателями ихъ могутъ быть только лица съ спеціальнымъ образованіемъ и съ образованіемъ не ниже средняго, и притомъ число ихъ вообще ограничено. Такимъ образомъ, отъ слушанія курсовъ освобождается значительное большинство учительскаго персонала, и именно такого персонала, который наиболѣе въ нихъ нуждается. Многіе заявляютъ о своемъ желаніи слушать лекціи и обращаются съ просьбами о допущеніи ихъ на курсы хотя на собственный ихъ счетъ. Вообще же, кромѣ опредѣленнаго числа слушателей, имѣющихъ быть на курсахъ на земскій счетъ, остается еще много и желающихъ, и нуждающихся въ курсахъ, и все-таки отринутыхъ. Но на самомъ дѣлѣ нельзя не принять во вниманіе и того, что общеобразовательные курсы составляютъ необходимую потребность всего учительскаго персонала, и что чѣмъ болѣе находится слушателей ихъ, тѣмъ для самаго народнаго образованія лучше. Многіе изъ учительскаго персонала, хотя бы и не кончившіе курса среднихъ заведеній, способны слушать лекціи; они расширили кругъ своихъ познаній путемъ самообразованія, всегда несистематичнаго. Если же оно будетъ поддержано и укрѣплено курсами, то можно думать, что это только къ пользѣ народнаго просвѣщенія. Кажется, дозволило бы только мѣсто, а то и со стороны персонала, читающаго курсы, едва ли можетъ быть какое-либо препятствіе, и тѣмъ болѣе со стороны самого земства, бюджетъ котораго отъ лишнихъ слушателей ни мало не страдаетъ, и которое само хлопочетъ, чтобы общеобразовательные курсы были открыты для всѣхъ желающихъ. Надо надѣяться, что министерство посмотритъ на все это именно въ интересахъ народнаго просвѣщенія, и всѣ желающіе слушать курсы не будутъ этого лишены. Дипломы собственно не суть вѣрные указатели дѣйствительнаго развитія имѣющихъ ихъ; практика и самообразованіе составляютъ главнѣйшія условія способности слушать такіе курсы. („Нов. Вр.“).

Начальное образованіе въ Черниговской губерніи.

Черниговская губернія въ дѣлѣ развитія народнаго образованія оставляетъ желать еще очень многаго. Существующія въ ней 800 начальныхъ школъ разныхъ вѣдомствъ далеко не удовлетворяютъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Для всеобщаго обученія потребовалось бы открытіе еще не менѣе 1.600 школъ. Средства на дѣло народнаго образованія отпускаются самыя ничтожныя, а существующій въ губерніи трехлѣтній курсъ обученія, въ среднемъ по пяти мѣсяцевъ въ году, очень мало познаній оставляетъ у своихъ питомцевъ. Желая придти на помощь населенію въ семъ дѣлѣ, покойный губернскій предводитель дворянства князь Н. Д. Долгоруковъ задумалъ осно-

вать Общество, цѣлью котораго было бы стремленіе къ развитію образованія среди простонародья губерніи; но преждевременная смерть князя помѣшала осуществленію его желанія. Нынѣшній губернскій предводитель А. А. Мухановъ, желая продолжать дѣло своего предмѣстника, въ концѣ прошлаго года пригласилъ къ себѣ лицъ, соприкасающихся съ дѣломъ народнаго образованія въ губерніи, и предложилъ имъ ходатайствовать объ учрежденіи „Общества содѣйствія народному образованію въ Черниговской губерніи". Программа Общества намѣчалась очень широкая. Сюда входило устройство и содержаніе различныхъ школъ, общежитій при нихъ, библіотекъ, читаленъ, книжныхъ складовъ, забота о физическомъ развитіи учащихся, разнообразная помощь учащимъ и проч. Уставъ Общества былъ выработанъ бывшимъ предсѣдателемъ черниговской губернской земской управы В. М. Хижняковымъ и представленъ на утвержденіе. Но учредители Общества получили сообщеніе отъ попечителя кіевскаго учебнаго округа, что министерство народнаго просвѣщенія не признаетъ возможнымъ удовлетворить ходатайство учредителей Общества.

(„Рус. В.").

Городскія училища въ Петербургѣ.

30 мая—праздникъ начальнаго образованія въ Петербургѣ и городское общественное управленіе празднуетъ его, обыкновенно, торжественнымъ актомъ. Торжество начальныхъ школъ въ нынѣшнемъ году посѣтили товарищъ министра народнаго просвѣщенія тайн. сов. Лукьяновъ, помощникъ попечителя Петербурскаго учебнаго округа В. А. Латышевъ, предсѣдатель ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія тайн. сов. Сонинъ и другіе чины министерства.

По окончаніи молебствія хоръ дѣтей подъ аккомпаниментъ оркестра исполнилъ „Коль славенъ", и члены училищной коммиссіи съ предсѣдателемъ и городскимъ головою заняли мѣста на эстрадѣ. По объявленіи городскимъ головою засѣданія открытымъ, предсѣдатель училищной комиссіи П. А. Потѣхинъ прочиталъ извлеченіе изъ отчета коммиссіи за истекшій годъ. Въ настоящее время городъ содержитъ 332 начальныхъ училища съ 534 классами, изъ коихъ 260 училищъ съ однимъ классомъ. Изъ общаго числа мужскихъ училищъ 144, женскихъ—150 и смѣшанныхъ 38. Всѣхъ учащихся къ концу года было 26.201, изъ которыхъ 13.198 мальчиковъ. Изъ общаго числа 25 воскресныхъ школъ—14 мужскихъ, обучались въ нихъ 1.546 лицъ обоего пола, изъ которыхъ мужчинъ 689. Съ открытіемъ въ нынѣшнемъ году двухъ новыхъ четырехклассныхъ училищъ число послѣднихъ достигло семи: четыре мужскихъ и три женскихъ. Въ нихъ обучались 506 мальчиковъ и 321 дѣвочка. Дополнительныхъ классовъ при начальныхъ училищахъ семь: два мужскихъ, три женскихъ и два смѣшанныхъ. Въ этихъ классахъ обучалось 158 мальчиковъ и 143 дѣвочки. Въ профессіональныхъ школахъ, учебныхъ мастерскихъ за городской счетъ обучалось 1.018 стипендіатовъ, изъ нихъ 711 женщинъ. Городскихъ стипендій, находящихся въ распоряженіи коммиссіи по народному образованію въ правительственныхъ и частныхъ четырехклассныхъ училищахъ, было для 287 учащихся; въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—34, въ высшихъ—36, а именно: въ университетѣ — 9, въ Александровскомъ лицеѣ — 1, въ институтахъ гражданскихъ инженеровъ и путей сообщенія—по одной; въ пе-

дагогическомъ женскомъ институтѣ—8; на высшихъ женскихъ курсахъ—15; на медицинскихъ курсахъ—1; сверхъ того, въ распоряженіи коммиссіи по народному образованію имѣлось пять стипендій въ земской учительской школѣ. Число безплатныхъ народныхъ читаленъ къ концу года было 12.

По окончаніи чтенія отчета хоръ дѣтей пропѣлъ актовую пѣсню и исполнилъ подъ аккомпаниментъ оркестра гимнъ народныхъ училищъ, и наконецъ, торжество закончилось народнымъ гимномъ, послѣ котораго товарищъ министра народнаго просвѣщенія тайн. сов. Лукьяновъ въ сопровожденіи городского головы, предсѣдателя и членовъ училищной коммиссіи осматривалъ устроенную въ помѣщеніи канцеляріи думы выставку различныхъ рукодѣльныхъ и ремесленныхъ работъ учениковъ и ученицъ городскихъ народныхъ школъ. По окончаніи торжества дѣтямъ были предложены чай и угощеніе. Закончился праздникъ играми въ Александровскомъ залѣ.

(„Н. Вр.").

Городскія училища въ Кіевѣ.

На бывшемъ въ Кіевѣ 28 мая актѣ городскихъ училищъ директоръ народныхъ училищъ г. Лубенецъ произнесъ рѣчь, въ которой подчеркнулъ въ особенности значеніе народнаго образованія въ настоящее время, когда приходится рѣшать вопросы: „можемъ ли мы съ наличностью нашихъ знаній и умѣній противостоять не только нашимъ западнымъ сосѣдямъ, но и восточнымъ врагамъ—китайцамъ и японцамъ". О теперешнемъ положеніи дѣла образованія въ гор. Кіевѣ отмѣтимъ слѣдующія, звучащія горькою жалобою слова: „Къ тяжкому прискорбію я долженъ здѣсь заявить, что дѣти кіевлянъ перестали быть желанными питомцами школы. Наши городскія училища переполнены: они перестали желать притока ищущихъ просвѣщенія, перестали радоваться стремленію дѣтей учиться, такъ какъ училища вынуждены не привлекать дѣтей въ свои стѣны, а отбиваться отъ нихъ. Фактъ грустный, но при настоящихъ условіяхъ неизбѣжный". Между прочимъ въ рѣчи приведены данныя о результатѣ введенія въ городскихъ училищахъ такъ называемыхъ „круговыхъ тетрадей", по поводу цѣлесообразности примѣненіи которыхъ въ кіевской думѣ высказывались весьма сильныя сомнѣнія. Система „круговыхъ тетрадей" заключается въ томъ, что дѣти сами по очереди день за днемъ ведутъ дневникъ школьныхъ занятій. Работы эти, по словамъ г. Лубенца, наглядно представляютъ собою полную картину занятій въ школѣ и являются вѣрнымъ показателемъ не только успѣховъ цѣлаго класса, но и качественной стороны метода преподаванія. Каждая круговая тетрадь представляетъ собою біографію класса, составленную самими учениками, а тетради, собранныя вмѣстѣ, даютъ дѣйствительную педагогическую исторію школы. („Н. Вр.").

Въ обществѣ вспомоществованія бывшимъ воспитанницамъ учебныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи.

Состоялось засѣданіе членовъ названнаго Общества, на которомъ были разсмотрѣны отчетъ за 1903 г. и смѣта на 1904 г. Предсѣдательствовалъ почетный опекунъ ген.-лейт. С. В. Оливъ. Въ отчетномъ году Обществомъ было обращено особое вниманіе на реорганизацію существующаго при немъ обще-

житія. Согласно выработаннымъ новымъ правиламъ, въ общежитіе принимаются лица трудоспособныя, не имѣющія средствъ, впредь до прiисканія занятій, на срокъ не свыше 6 недѣль и, въ особо уважительныхъ случаяхъ, не свыше 12 недѣль. Такимъ образомъ, общежитіе потеряло характеръ богадѣльни. Всего въ 1903 году проживало въ общежитіи 7 человѣкъ. Въ отчетномъ году Общество осуществило, благодаря пожертвованію членовъ Общества М. А. и С. А. Де-Каррьеръ, свое давнишнее стремленіе къ призрѣнію престарѣлыхъ, лишенныхъ всякихъ средствъ къ жизни и неспособныхъ по слабости снискать себѣ пріютъ и пропитаніе. На основаніи положенія объ убѣжищѣ, утвержденнаго общимъ собраніемъ 2-го мая, въ него принимаются лишенныя крова и пропитанія бывшія воспитанницы институтовъ, гимназій и равныхъ имъ по правамъ учебныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи, имѣющія отъ роду не менѣе 50 лѣтъ. Всѣхъ призрѣваемыхъ въ убѣжищѣ къ 1 января 1904 г. было 12 человѣкъ, изъ нихъ 8 безплатныхъ и 4 платныхъ. Кромѣ того, въ убѣжищѣ, по мысли жертвователей, будутъ открыты съ увеличеніемъ доходности имущества ученическія квартиры для дѣтей быв. восп. высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства, преимущественно для круглыхъ сиротъ. Независимо отъ дѣла призрѣнія Общество шло навстрѣчу лицамъ, которыя стремятся найти себѣ какой-либо заработокъ. Съ 1-го января 1903 г. по 1-е января 1904 г. въ Общество поступило прошеній о предоставленіи мѣста отъ 192 лицъ; получили занятія 29 человѣкъ, изъ нихъ по учебно-воспитательной части—16 и по канцелярской—13. Кромѣ того, 40 лицамъ были предложены занятія. Предоставлены также 4-мъ воспитанницамъ имѣющіяся въ распоряженіи Общества безплатныя вакансіи въ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того выдано денежныхъ пособій 980 руб. (40 случаевъ) и ссудъ на 328 руб. (15 случаевъ).

Что касается состава Общества и состоянія его суммъ, то по 1-е января 1904 г. въ немъ числилось 421 членъ, изъ нихъ 10 почетныхъ, пожизненныхъ 24 и дѣйствительныхъ 387 человѣкъ. Средства Общества состояли изъ приходо-расходныхъ суммъ—3.500 руб., запаснаго капитала—125.048 руб. и оборотнаго—13.895 р. Недвижимаго имущества на 120.000 руб., движимаго 2 552 руб. Въ заключеніе собранія были избраны: въ члены комитета М. А. Антоновскій, М. Побѣдинскій и А. Бабіевскій. Въ ревизіонную коммиссію: В. Поваляевъ, Е. Шумигорскій, С. Лемтюжниковъ, А. Кареницкій и Н. Кудрявцевъ. („Бирж. В.“).

Памяти Ивана Алексѣевича Протопопова.

Къ числу прекрасныхъ, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ неосуществленныхъ начинаній принадлежитъ мысль объ изданіи сборника воспоминаній о тѣхъ изъ дѣятелей педагогическаго міра, которые сошли съ жизненной сцены, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ въ литературѣ, но для своихъ товарищей и учениковъ на всю ихъ жизнь послужили яркими живыми образцами учителя и человѣка. Вышеуказанная мысль принадлежитъ одному изъ авторитетныхъ петербургскихъ педагоговъ, и, по его мнѣнію, названный сборникъ долженъ бы служить своего рода пантеономъ дѣятелямъ педагогическаго міра, забывающимъ себя для другихъ, отдающимъ всю свою жизнь дорогому дѣлу.

Такого человѣка унесла смерть, въ лицѣ скончавшагося 14 мая текущаго года въ городѣ Архангельскѣ Ивана Алексѣевича Протопопова. Онъ былъ достойный ученикъ гиганта нашей педагогики, К. Д. Ушинскаго, влившаго, по собственнымъ словамъ И. А., въ душу своихъ слушателей капли „сладкаго яда", отравившаго ихъ, возбудивъ неустанное безпокойство духа, неустанное стремленіе къ совершенствованію, къ работѣ на пользу человѣчества. Всѣмъ, кто имѣлъ дѣло съ покойнымъ И. А., памятна его беззавѣтная преданность дѣлу воспитанія молодого поколѣнія.

Дѣти и вообще молодежь, не только учащаяся, но и учащая, были центромъ его мыслей; имъ отдалъ онъ себя, совершенно забывая, что онъ работаетъ выше своихъ силъ и что за это наступаетъ преждевременная расплата.

И. А. Протопоповъ былъ педагогомъ по призванію. Онъ родился 18 октября 1843 года. Окончивъ въ 1868 г. курсъ въ СПБ. Университетѣ по физико-математическому факультету, И. А. отправился въ далекій, но родной ему, Архангельскъ и поступилъ учителемъ ариѳметики въ уѣздное училище.

Трудно найти болѣе скромную карьеру для человѣка съ высшимъ образованіемъ!

Что-же побудило Ивана Алексѣевича избрать ее?

Жажда живого дѣла, желаніе послужить народу, оживить на своей родинѣ сознаніе того, что низшая школа также заслуживаетъ вниманія преподавателей съ высшимъ образованіемъ.

И вотъ И. А. уходитъ въ свое дѣло, уходитъ весь, живетъ имъ. При его содѣйствіи, на его родинѣ при школахъ возникали библіотеки, организаціи которыхъ И. А. отдаетъ большую часть своего досуга.

Боясь сдѣлаться рутинеромъ, боясь уйти назадъ въ своихъ знаніяхъ, въ своемъ развитіи, онъ слѣдитъ за наукой, участвуетъ неоднократно въ съѣздахъ естествоиспытателей, становится членомъ общества Естествоиспытателей при Спб. университетѣ, занимается, по порученію этого Общества, геологическими разысканіями въ Архангельской губерніи. Имѣя дѣло съ дѣтьми, И. А. въ то же время заботится постоянно и о пополненіи собственнаго образованія.

Лучшіе годы своей жизни, почти всю молодость, отдаетъ И. А. своей родинѣ въ качествѣ то учителя уѣзднаго училища, то секретаря губернскаго статистическаго комитета, то воспитателя и преподавателя въ мужской гимназіи, то завѣдующаго ученической библіотекой этой гимназіи, то преподавателя женской гимназіи. Только 35 лѣтъ отъ роду, въ 1878 г., принимаетъ онъ предложеніе, столь соотвѣтствующее его призванію, и становится преподавателемъ математики и естествовѣдѣнія Маріинской Учительской Семинаріи и Женскаго Училища при Спб. Воспитательномъ Домѣ. Такимъ образомъ, съ переселеніемъ И. А. въ Петербургъ окончательно опредѣлились характеръ и направленіе его педагогическаго призванія: его учениками и ученицами являются бѣдныя, обездоленныя дѣти, лишенныя родительской ласки, порой озлобленныя, но всѣ, безъ исключенія, жаждущія любви и участія, отзывчивыя на всякую ласку, благодарныя за каждое доброе слово.

И. А. идетъ къ нимъ, идетъ осторожно, тактично, какъ къ больнымъ душой, нуждающимся въ особенно-нѣжномъ уходѣ, въ особенно-мягкомъ обращеніи. Въ учительской Семинаріи Спб. Воспитательнаго Дома устанавливаются и крѣпнутъ его то братски, то отечески сердечныя отношенія къ питомцамъ Семинаріи, будущимъ сельскимъ учителямъ, и въ 1881 г. изъ преподавателя Семинаріи онъ становится въ ней во главѣ учебнаго дѣла.

Непрестанными заботами о ввѣренныхъ ему ученикахъ, постояннымъ стремленіемъ путемъ бесѣдъ и чтеній духовно сойтись съ ними отличается дѣятельность И. А. въ эту пору. И какъ смягчающе дѣйствуетъ его доброта, какъ часто однимъ ласковымъ словомъ онъ смиряетъ непокорныхъ, примиряетъ съ жизнью озлобленныхъ!

Память объ Иванѣ Алексѣевичѣ никогда не умретъ въ тѣхъ учителяхъ, которые выросли подъ его просвѣщеннымъ руководствомъ: его наставленія и завѣты свято хранятся ими, а его неослабная энергія, беззавѣтная преданность дѣлу, свидѣтелями которой они были въ семинаріи, служитъ имъ примѣромъ въ ихъ собственной дѣятельности и бодритъ ихъ въ минуты душевнаго утомленія.

Въ 1891 г. педагогическое поприще Ивана Алексѣевича значительно расширяется: онъ становится во главѣ всего учебнаго дѣла Спб. Воспитательнаго Дома, получивъ въ завѣдываніе сельскіе пріюты Воспитательнаго Дома съ дѣтьми дошкольнаго возраста, свыше ста сельскихъ школъ, училище нянь и учительскую семинарію.

Работы такъ много, что она кажется прямо непосильной для одного человѣка; но И. А. не боится работы и умѣетъ справиться съ ней; онъ достигаетъ того, что ни одно изъ ввѣренныхъ ему заведеній не можетъ пожаловаться на недостатокъ вниманія съ его стороны.

Его сослуживцы поражаются его работоспособностью, его умѣніемъ не поддаваться утомленію. Лучшей иллюстраціей дѣятельности И. А. Протопопова, какъ завѣдывающаго Учебной частью Воспитательнаго Дома, служатъ разсказы очевидцевъ о посѣщеніи имъ сельскихъ школъ.

Октябрь. Мороситъ мелкій дождь. По невылазной грязи, по выбитой колеями дорогѣ плетется лошаденка, запряженная въ простую крестьянскую телѣжку. Холодъ и сырость пронизываютъ до костей, а между тѣмъ на лицѣ проѣзжаго не видно ни раздраженія, ни даже утомленія. Это Иванъ Алексѣевичъ бодро и весело ѣдетъ въ одну изъ своихъ школъ, не замѣчая ни дороги, ни погоды,—и вотъ раздаются веселые голоса школьниковъ, которые, при видѣ своего любимаго И. А., подъѣзжающаго къ школѣ, высыпали на крыльцо и съ радостными привѣтствіями бросились ему на встрѣчу. А, вѣдь, это—не расточительныя на ласку дѣти, это воспитанники самаго бѣднаго люда пригородныхъ деревень. Отъ нихъ обыкновенно слова трудно добиться: стоятъ и смотрятъ исподлобья, а тутъ всякая робость исчезла, расцвѣли ихъ личики, разлилась на нихъ чисто дѣтская, непритворная радость. Знать, сумѣлъ И. А. найти ключъ къ дѣтскому сердцу, и открылось оно ему съ полнымъ, беззавѣтнымъ довѣріемъ.

Не менѣе дѣтей радуется и учитель посѣщенію И. А. Онъ знаетъ, что пріѣздъ его—не внѣшняя, формальная ревизія, знаетъ, что не къ дѣтямъ однимъ пріѣхалъ И. А., а и къ своему бывшему ученику, которому, по уходѣ дѣтей, онъ посвятитъ свой досугъ, и который въ бесѣдѣ съ нимъ почерпнетъ много полезныхъ совѣтовъ, бодрость и энергію, необходимыя для его труднаго дѣла. Да и занятія И. А. съ дѣтьми не пройдутъ безслѣдно для него: многимъ позаимствуется онъ, многому научится. Поздоровавшись съ дѣтьми, входитъ И. А. въ школу бодрый, веселый, сіяющій, точно на праздникъ.

Идетъ урокъ, живой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и систематичный, безукоризненный съ внѣшней и съ внутренней стороны.

Но и послѣ урока И. А. не отдыхаетъ: окруженный дѣтьми бесѣдуетъ

онъ съ ними, внимательно вслушиваясь въ каждое сказанное ими слово и горячо принимая къ сердцу ихъ дѣтскія горести и радости. Время подходитъ къ вечеру; пора по домамъ. Не хочется дѣткамъ идти изъ школы; но—дѣлать нечего: И. А. сказалъ—надо слушаться, и, полныя впечатлѣній и радостныхъ воспоминаній о прошедшемъ днѣ, расходятся дѣти по домамъ.

Много добрыхъ сѣмянъ глубоко запало въ ихъ дѣтскія души: они разрастутся и принесутъ плоды: не посѣтилъ даромъ школу И. А.; даромъ не пропала его бесѣда!

Вся деревня уже спитъ; только окна школы освѣщены: это И. А. бесѣдуетъ съ учителемъ о школьныхъ дѣлахъ, просматриваетъ письменныя работы учениковъ, отчетъ учителя по школѣ, давая попутно свои совѣты и указанія, и только, когда дѣло вполнѣ окончено, идетъ на отдыхъ.

„Иванъ Алексѣевичъ", раздается голосъ учителя, „хотѣлось-бы мнѣ съ вами и о личныхъ дѣлахъ поговорить". „Извольте, голубчикъ, съ радостью"! Забыта усталость, забыта предстоящая утромъ новая утомительная поѣздка, и начинается задушевная бесѣда, затягивающаяся далеко за полночь, бесѣда, вливающая въ душу учителя жизнерадостность, бодрость, разрѣшающая мучившіе его вопросы, разсѣивающая его сомнѣнія.

Скоро и утро! Пора хоть немного отдохнуть! И крѣпко засыпаетъ Иванъ Алексѣевичъ на жесткомъ соломенникѣ, а утромъ пускается въ дальнѣйшій путь, къ другимъ учителямъ къ другимъ школьникамъ, жаждущимъ его посѣщенія, его умнаго, добраго, ласковаго слова.

Въ такихъ разъѣздахъ по школамъ и въ осеннюю непогодь, и въ зимнюю вьюгу, и въ весеннюю ростепель проводитъ И. А. всѣ десять лѣтъ (съ 1891 по 1901) годъ своео завѣдыванія учебнымъ дѣломъ Спб. Воспитательнаго дома. Посѣтивъ всѣ школы въ теченіе учебнаго сезона, И А. весною въ кругу преподавателей учительской Семинаріи дѣлится вынесенными имъ назидательными впечатлѣніями и подготовляетъ почву для работы на предстоящемъ съѣздѣ сельскихъ учителей.

Во время этой бесѣды для каждаго изъ преподавателей сама собою вырисовывается та или другая задача на съѣздѣ; каждый заблаговременно готовитъ къ съѣзду лекцію, рефератъ, экскурсію, пробный или образцовый урокъ и т. д., а Ивану Александровичу предстоитъ еще разъ посѣтить школы для производства въ нихъ выпускныхъ экзаменовъ. Въ послѣдніе годы, когда силы Ивана Алексѣевича стали нѣсколько измѣнять ему, приходилось трудъ производства экзаменовъ раздѣлять съ нѣкоторыми изъ преподаватлей Семинаріи. Дѣлалось это однако не въ видѣ формальной командировки преподавателя въ тѣ или другія школы, а такъ, что и теперь видна была забота И. А. о томъ, чтобы командировка преподавателя принесла пользу не только школамъ не только учебно-воспитательному дѣлу, но и самому командированному преподавателю, чтобы онъ вошелъ въ школу не стороннимъ зрителемъ, не простымъ экзаменаторомъ, а по возможности такъ, какъ привыкъ входить въ нее самъ Иванъ Алексѣевичъ, и чтобы могъ унести изъ этой школы для себя лично столько полезнаго, назидательнаго и бодрящаго, сколько уносилъ каждый сельскій учитель отъ работы въ школѣ подъ руководствомъ Ивана Алексѣевича. Какъ же достигалъ этого Иванъ Алексѣевичъ? Онъ заблаговременно нѣкоторыя изъ своихъ поѣздокъ по школамъ въ учебное время совершалъ вмѣстѣ съ преподавателемъ семинаріи, который на дѣлѣ учился тому, какъ нужно посѣщать школу, для чего посѣщается она, что даетъ она посѣтившему ее и что онъ съ своей стороны долженъ внести въ школу. Только послѣ нѣсколь-

кихъ такихъ совмѣстныхъ поѣздокъ по школамъ, И. А. поручалъ тому или другому преподавателю самостоятельную поѣздку въ школы весною для производства въ нихъ экзаменовъ. Окончены экзамены въ школахъ, учителя занимаются подготовкою къ предстоящему этою же весною учительскому съѣзду, а И. А. занятъ обычною весеннею экзаменною работою въ учительской семинаріи, въ училищѣ нянь и подготовляетъ свои высокопоучительныя бесѣды для того же съѣзда. Наконецъ, наступаетъ съѣздъ, этотъ ежегодный праздникъ для учителей, когда они встрѣчаются со своими товарищами по учительской семинаріи въ этой же самой семинаріи, вспоминаютъ проведенные въ ней молодые годы, сами молодѣютъ душой и дружно берутся за работу. Забыты всѣ невзгоды, забыта усталость послѣ только что окончившагося трудового учебнаго года, слышна твердая, разумная, бодрящая и въ то же время привѣтливая, ласковая, задушевная рѣчь Ивана Алексѣевича; начались подъ его руководствомъ экскурсіи, посѣщенія обсерваторій, музеевъ, пчеловодной пасѣки, школы садоводства, читаются лекціи, производятся опыты, даются и разбираются пробные уроки, отыскивается время и для посѣщенія концерта или театра: не бѣда, что для отчетной работы по съѣзду будетъ взята часть бѣлой петербургской ночи!

Оконченъ съѣздъ въ одинъ изъ послѣднихъ іюньскихъ дней, а у И. А. снова начинается забота: нужно позаботиться о снабженіи школъ на предстоящій учебный годъ книгами, учебными матеріалами, пополнить школьныя библіотеки, проштудировать годовые отчеты учителей по школамъ. Объ отдыхѣ и не думаетъ И. А. Неудивительно, что силы И. А. преждевременно покинули его; съ тоскливою, тяжелою рѣжущею болью въ душѣ пришлось И. А. покинуть воздѣланный имъ питомникъ сельскихъ школъ и въ 1901 году перенести свою дѣятельность въ Бѣлостокскій женскій институтъ, инспекторомъ классовъ котораго И. А. пробылъ два съ половиною года. Въ январѣ текущаго года И. А. покинулъ институтъ. Въ послѣдній разъ въ январѣ текущаго года въ Петербургѣ тѣснымъ кружкомъ собрались вокругъ него друзья и проводили его на родину въ надеждѣ, что она отсрочитъ роковой конецъ. Надежда эта, увы, не сбылась, и 14-го мая Ивана Алексѣевича не стало...

Миръ праху его! Вѣчная память сѣятелю „добраго сѣмени“ на нивѣ народной, вѣрному сыну своей родины, отдавшему воспитанію дѣтей ея свои знанія, свои силы, свою жизнь и завѣщавшаго имъ искреннюю, горячую любовь къ дѣтямъ, безкорыстное служеніе дѣлу и полное отреченіе отъ себя ради другихъ.

В. Гардеръ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СООБЩЕНІЯ.

Въ обществѣ вспомоществованія студентамъ университета 4-го мая на собраніи общества вспомоществованія студентамъ с.-петербургскаго университета, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря д. т. с. С. Ю. Витте, былъ прочитанъ докладъ комитета относительно распоряженія капиталами общества. Постановлено возстановить капиталъ 164.377 р., затраченный на постройку студенческой столовой. Изъ нихъ 32.732 руб. уже погашены, а 3.083 руб. имѣются на лицо; такимъ образомъ, подлежитъ возврату 97.840 руб. Кромѣ того, рѣшено возстановить израсходованные на постройку спеціальные капиталы: А. С. Воронова—7.600 р., А. Г. Ерошенко 3.000 р. и кн. З. И. Юсуповой 14.500 руб. Остатки отъ приходо-расхода различныхъ капиталовъ общества рѣшено зачислить въ оборотный капиталъ съ тѣмъ, чтобы суммы, расходуемыя на текущія нужды студентовъ, постепенно пополнялись обыкновенными поступленіями. Изъ разсматривавшагося на собраніи отчета видно, что общество за 1903 годъ выдало студентамъ въ видѣ единовременныхъ ссудъ для уплаты въ университетъ, постоянныхъ пособій и билетовъ на обѣды въ столовой на сумму 7.729 р. Въ томъ же году комитетъ занимался разработкой предложенія г. Барановскаго объ устройствѣ санаторіи на берегу Чернаго моря для студентовъ с.-петербургскаго университета. Ходатайство комитета передъ евпаторійской думой о безвозмездномъ отводѣ для указанной цѣли участка земли на самомъ берегу моря было уважено, и комитетомъ черезъ посредство свѣдущихъ въ мѣстныхъ условіяхъ лицъ была составлена примѣрная смѣта постройки дома и службы для санаторіи. Воспрещеніе администраціи устраивать концерты и вечера въ пользу студентовъ университета заставило комитетъ озаботиться изысканіемъ иныхъ источниковъ для покрытія съ каждымъ годомъ возрастающихъ нуждъ общества. Послѣ продолжительныхъ хлопотъ, удалось получить разрѣшеніе на устройство ряда публичныхъ лекцій, изъ которыхъ двѣ уже состоялись. При разсмотрѣніи отчета было обращено вниманіе на необходимость сократить расходы по дѣлопроизводству общества и на желательность правильно нумеровать книжки, выдаваемыя членамъ общества для сбора пожертвованій на нужды общества. Этотъ вопросъ былъ возбужденъ потому, что у двухъ изъ членовъ общества оказались книжки за однимъ и тѣмъ же нумеромъ. Собранію это не понравилось, и на будущее время рѣшено вести нумерацію книжекъ болѣе осторожно. („Бирж. В.“).

Въ военно-медицинской академіи. Порядокъ пріема студентовъ Императорской военно-медицинской академіи оставленъ на 1904 годъ тотъ-же,

который былъ въ предшествующіе два года, т. е. на 1-й курсъ будутъ приниматься только воспитанники гимназій и реальныхъ училищъ: первые — съ аттестатомъ зрѣлости, а послѣдніе — по окончаніи курса семи классовъ и выдержаніи при гимназіи особаго дополнительнаго испытанія изъ латинскаго языка въ объемѣ прогимназіи. На 2-й курсъ, минуя 1-й, будутъ приниматься студенты университетовъ, прослушавшіе полный курсъ по естественному разряду физико-математическаго факультета и получившіе отъ физико-математической испытательной коммиссіи дипломъ первой степени. Кромѣ того, въ этомъ году, какъ и въ предшествующіе годы, будетъ разрѣшенъ переводъ въ академію съ медицинскихъ факультетовъ университетовъ на 2-й, 3-й, 4-й и 5-й курсы. Всѣ вновь поступающіе студенты подвергаются, передъ окончательнымъ зачисленіемъ въ комплектъ, медицинскому освидѣтельствованію, которое будетъ произведено въ этомъ году 1-го сентября. („Нов.“).

Женскій Медиц. Институтъ. Въ помѣщеніи общежитія женскаго медицинскаго института состоялось 15 мая общее собраніе Общества для усиленія средствъ женскаго медицинскаго института, подъ предсѣдательствомъ А. П. Философовой. Были доложены отчеты секретаря, казначея и ревизіонной коммиссіи. За текущій годъ общество довело до конца постройку двухъ клиникъ женскаго медицинскаго института, дѣтской и акушерской, на что было собрано около 200.000 рублей. Недавно обществу былъ пожертвованъ капиталъ въ 32.000 руб. Е. П. Ярошенко для стипендій и на взносъ платы на недостаточныхъ слушательницъ. Общее Собраніе постановило выразить благодарность г-жѣ Ярошенко за столь щедрое пожертвованіе и избрало ее въ почетные члены. Кромѣ того избраны въ почетные члены г-жи: Ротъ, Окунькова-Гольдингеръ и Пружанская. Въ члены совѣта вновь избраны баронеса В. И. Икскуль, І. Ф. Оношковичъ-Яцына и А. Ю. Кадьянъ. Въ члены совѣта ревизіонной коммиссіи Е. П. Султанова, З. Я. Ельцина и Е. Я. Корсакова, А. П. Плетневъ, В. А. Тиле, а въ кандидаты къ нимъ В. І. Розенбахъ и Е. Х. Маляревская. („Нов. Вр.“).

Женскій Медицинскій институтъ въ Москвѣ. Пока—этотъ женскій институтъ будетъ открытъ въ видѣ временнаго медицинскаго факультета при высшихъ женскихъ курсахъ Герье, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ совершенно самостоятельное учрежденіе. Высшіе женскіе курсы предоставляютъ для этого факультета лишь аудиторіи, лабораторіи, кабинеты и учебныя пособія своего естественнаго отдѣленія. Практическія занятія курсистокъ предполагается организовать при Старо-Екатеринославской больницѣ. Есть основаніе надѣяться, что будетъ пріобрѣтено и владѣніе для сосредоточенія центральнаго управленія курсами института и аудиторіями. Такъ какъ общество для устройства женскаго медицинскаго института въ Москвѣ располагаетъ лишь капиталомъ въ 10 тыс. руб. и не реализованными еще завѣщательными распоряженіями разныхъ лицъ на разныя суммы, то для учрежденія этого временнаго медицинскаго факультета предполагается использовать лишь плату за право ученія слушательницъ, которая въ первый годъ, при наличности ста курсистокъ съ платою по сто рублей можетъ дать 10 тыс. руб. Эту сумму считаютъ достаточной для содержанія каждаго курса, а затѣмъ при накопленіи средствъ можно будетъ организовать институтъ настоящимъ образомъ, тѣмъ болѣе, что руководители увѣрены въ притокѣ средствъ, когда институтъ будетъ

дѣйствовать. На такихъ началахъ, можно надѣяться, институтъ будетъ открытъ черезъ годъ. Между прочимъ, предсѣдателю общества по устройству медицинскаго института І. Д. Сарычеву вручены проф. Огневымъ на будущій институтъ 698 руб. 75 к., собранныхъ слушательницами временныхъ женскихъ медицинскихъ курсовъ, бывшихъ въ прошломъ мѣсяцѣ при московскомъ университетѣ. („Нов. Дня“).

Гимназія для взрослыхъ. Въ Томскѣ, какъ у насъ уже сообщалось, учреждены курсы въ цѣляхъ оказать помощь въ пріобрѣтеніи общаго средняго образованія лицамъ, которыя по какимъ-либо причинамъ не могли въ свое время пройти курсъ въ средней школѣ. Одна изъ главныхъ причинъ, препятствовавшихъ этимъ грамотнымъ людямъ продолженію образованія—несомнѣнно экономическая. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи вечерніе курсы какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ возможности слушать лекціи для людей, вынужденныхъ работать днемъ. Среди курсистовъ въ данный моментъ имѣются лица, пріѣхавшія положительно со всѣхъ концовъ Россіи: съ Кавказа, Московской, Екатеринославской, Минской, Вологодской и Самарской губ. Все это или бывшіе учителя, сидѣльцы казенныхъ лавокъ или приказчики и чиновники разнообразныхъ вѣдомствъ. Они накопили за 8—10 лѣтъ работы нѣсколько десятковъ рублей и получили, наконецъ, возможность осуществить давнюю мечту—пополнить свое образованіе. Въ данный моментъ на курсахъ выработана программа систематическихъ уроковъ по всѣмъ предметамъ средней школы, включая сюда и латинскій языкъ, чтобы дать слушателямъ возможность подготовиться къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости. Но программа классической и реальной школы (а для женщинъ—гимназіи министерства народнаго просвѣщенія съ прибавкой латинскаго языка) не удовлетворяетъ всѣмъ разнообразнымъ запросамъ слушателей или желающихъ поступить на курсы. Поэтому предполагается расширеніе программы, примѣнительно къ типамъ среднихъ школъ другихъ вѣдомствъ, какъ министерства финансовъ, земледѣлія и проч. Курсы существуютъ уже 2 года; помѣщаются они въ аудиторіяхъ технологическаго института и комплектуютъ преподавателей изъ профессоровъ мѣстнаго университета, технологическаго института, мѣстнаго коммерческаго и реальнаго училища и гимназіи. Дѣло это совершенно новое по идеѣ и, судя уже по началу, повидимому, вполнѣ обезпеченное слушателями и средствами, получаемыми изъ взносовъ платы (отъ 12 — 20 р. за полугодіе) за право слушанія лекцій. Починъ былъ сдѣланъ хорошій и, очевидно, въ добрый часъ. („Рус. В.“).

Школьныя экскурсіи. Съ каждымъ годомъ все увеличиваются экскурсіи учениковъ съ образовательными и воспитательными цѣлями. Каждыя лѣтнія каникулы группы гимназистовъ со своими преподавателями-руководителями путешествуютъ по матушкѣ-Руси, знакомясь съ нашимъ обширнымъ отечествомъ. Въ нынѣшнемъ году и изъ Ковенской гимназіи въ первый разъ отправляется группа гимназистовъ въ довольно большое путешествіе по Россіи. Инціаторами и руководителями экскурсіи являются два молодые преподавателя мужской гимназіи—преподаватель исторіи С. И. Раевскій и преподаватель математики П. А. Ивановъ. Они предложили проектъ путешествія, которое продлится не меньше мѣсяца. Цѣль путешествія—Кавказъ. Но предварительно экскурсанты заѣдутъ въ Москву и, осмотрѣвъ въ нѣсколько дней достопримѣчательности первопрестольной, отправятся въ Ярославль, гдѣ ся-

дутъ на пароходъ и проѣдутъ по всей Волгѣ, заѣзжая по пути въ большіе приволжскіе города. Отъ Астрахани на морскомъ пароходѣ Каспійскимъ моремъ отправятся въ Петровскъ. Кавказу будетъ удѣлена большая часть времени, такъ какъ путешествіе пѣшкомъ по горамъ, по Военно-Грузинской дорогѣ на лошадяхъ и по желѣзной дорогѣ во всѣ промышленные города Кавказа требуетъ не мало времени, силъ и большого вниманія. На обратномъ пути черезъ Черное море заѣдутъ, если хватитъ средствъ и времени, въ Крымъ, полюбоваться хоть немного на эту русскую Италію. Послѣ мѣсячнаго путешествія по морямъ, рѣкамъ, горамъ и желѣзнымъ дорогамъ экскурсанты вернутся отъ Одессы по желѣзной дорогѣ. („Нов. Вр.“).

Школьники-экскурсанты въ Петербургѣ. 17-го іюня ученики харьковской классической гимназіи, прибывшіе въ столицу, подробно осматривали различныя достопримѣчательности города и по преимуществу посѣтили Васильевскій островъ и другія окрестности столицы. Далѣе они посѣтили Кронштадтъ, Выборгъ, Саимскій каналъ, Иматру и другія достопримѣчательныя мѣста Финляндіи, въ недалекомъ разстояніи отъ Петербурга. Всего въ экскурсіи участвуетъ 35 гимназистовъ подъ руководствомъ 3-хъ преподавателей во главѣ съ г. Вольскимъ. Экскурсанты вернутся въ Харьковъ къ 1-му августа. Вторая с.-петербургская классическая гимназія безвозмездно предоставила свое помѣщеніе въ распоряженіе участниковъ экскурсіи. („Нов.“).

Циркуляръ по Казанскому округу. Въ Казанскомъ округѣ разослано директорамъ гимназій и реальныхъ училищъ циркулярное предложеніе о болѣе тщательномъ веденіи учебно-воспитательнаго дѣла. Непорядки и недостатки въ нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ зависятъ, по мнѣнію попечителя, между прочимъ отъ желанія начальниковъ заведеній „какъ будто переждать, когда окончится для средней школы переходное время“. „Между тѣмъ,— продолжаетъ циркуляръ,—въ жизни школы не можетъ и не должно быть такого момента, когда школа могла бы сложить съ себя отвѣтственность за обучающихся въ ней дѣтей, а начальникъ оной могъ бы считать себя свободнымъ отъ полной отвѣтственности за недостатки и нестроенія въ учебной и воспитательной части. Переходное состояніе школы напротивъ должно усугубить бдительность и энергію начальниковъ учебныхъ заведеній“.

(„Сар. Лист“).

Пансіонъ-санаторія. Въ Ялтѣ при мужской гимназіи открытъ пансіонъ для слабыхъ здоровьемъ воспитанниковъ гимназій. Потребность въ такомъ пансіонѣ давно уже сказывалась. Ежегодно въ Ялту пріѣзжаютъ для поправленія здоровья воспитанники гимназій, пріѣзжаютъ очень часто безъ родителей, одни, самостоятельно. Обстановка, въ какой приходится жить имъ, не внушаетъ довѣрія, и родные справедливо опасаются за участь дѣтей. Наконецъ, дороговизна ялтинской жизни, отсутствіе дешевыхъ квартиръ также не мало служили препятствіемъ для широкаго пользованія цѣлебнымъ климатомъ Ялты. И вотъ, явилась мысль устроить при мѣстной гимназіи пансіонъ, куда могли-бы поступать всѣ пріѣзжающіе изъ Россіи гимназисты. Пять или шесть лѣтъ назадъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, была открыта подписка для сбора пожертвованій на устройство пансіона. Часть средствъ отпустила казна, кое-

что дала частная подписка, и нужныя для пансіона зданія теперь готовы. Оборудованы они прекрасно и въ санитарномъ и въ техническомъ отношеніяхъ. Комнаты большія, свѣтлыя, высокія, масса воздуха. Полы всюду паркетные. Чистота образцовая. Отдѣлано помѣщеніе прямо такп роскошно. Въ описаніи интерната говорится: „Блестящіе паркеты, мраморъ и фаянсъ производятъ впечатлѣніе роскоши, но роскошь эта полезная, вполнѣ необходимая въ заведеніи, преслѣдующемъ санитарныя цѣли. Но главное достоинство всѣхъ помѣщеній пансіона—это обиліе свѣта и воздуха“... При интернатѣ имѣется, конечно, своя прекрасно обставленная больница. Имѣется и своя изящная церковь. Пансіонъ разсчитанъ на 60 человѣкъ. Это отнюдь не санаторія для больныхъ, а учебно-воспитательное заведеніе для учениковъ, нуждающихся въ поправленіи здоровья. Больные туберкулезомъ или другой заразной болѣзнью въ пансіонъ не принимаются. Только слабые, но не больные, будутъ жить въ интернатѣ. Помимо обычныхъ научныхъ занятій, дѣтей будутъ обучать музыкѣ, пѣнію, танцамъ, фехтованію, гимнастикѣ и ручному труду. Словомъ, учрежденіе обѣщаетъ быть вполнѣ образцовымъ. За воспитанниками будетъ уходъ, ихъ будутъ учить, будутъ заниматься съ ними, жить станутъ они среди роскоши, чистоты и порядка. Дѣти быстро возстановятъ свои силы, здоровье окрѣпнетъ. Но... есть одинъ весьма существенный недостатокъ въ этомъ пансіонѣ. Это—чрезмѣрно высокая плата: „Годовая плата за полное содержаніе и обученіе пансіонера опредѣлена въ 560 руб. Кромѣ того, вновь поступающіе вносятъ единовременно на первое обзаведеніе 60 руб.“ Такими деньгами располагаютъ немногіе. Только люди со средствами могутъ позволить себѣ роскошь помѣщать дѣтей въ ялтинскій пансіонъ. Остальная-же масса семействъ, весь годовой бюджетъ которыхъ не превышаетъ тысячи рублей, не могутъ конечно платить за содержаніе ребенка такія деньги... А, между тѣмъ, чаще всего слабымъ здоровьемъ отличаются дѣти именно въ этихъ слояхъ общества. Душныя, тѣсныя комнаты, постоянная жизнь въ городѣ, плохое питаніе—все это подрываетъ здоровье дѣтей, для которыхъ ялтинскій пансіонъ недоступенъ. Дѣти людей со средствами, имѣющія возможность пользоваться дорогимъ и роскошнымъ ялтинскимъ пансіономъ, не такъ ужъ нуждаются въ немъ. („Нов.“).

Въ женскихъ гимназіяхъ. Министерство народнаго просвѣщенія, въ видахъ повышенія общаго уровня познаній ученицъ VIII класса женскихъ гимназій, распорядилось впредь требовать отъ поступающихъ въ означенный классъ отмѣтки не менѣе 4-хъ въ аттестатѣ за семь классовъ по тѣмъ предметамъ, которые избираются ученицами въ качествѣ главныхъ для изученія въ VIII классѣ. („Нов.“).

Закрытіе кутаисской семинаріи. Кутаисская духовная семинарія указомъ святѣйшаго синода закрыта. Семинарія просуществовала всего 10 лѣтъ. Въ то время, какъ всѣ русскія духовныя семинаріи содержатся главнымъ образомъ на мѣстныя средства (взносы отъ церквей и лично отъ духовенства), кутаисская семинарія содержалась исключительно на средства казны; духовенство и церкви имеретинскихъ приходовъ были свободны отъ какихъ бы то ни было взносовъ на учебное заведеніе, въ которомъ обучались дѣти духовенства, причемъ на каждаго казеннаго стипендіата полагалось въ $1^1/_2$ раза

больше, чѣмъ на стипендіатовъ въ русскихъ семинаріяхъ. Въ прошломъ году были отпущены изъ казны немалыя средства на покупку земли для постройки семинарскихъ зданій и на самыя зданія, для чего пріѣзжали изъ Петербурга особо командированныя лица. Въ семинаріи обучалось около 170-ти воспитанниковъ, исключительно туземцевъ. („Бирж. В.")

Учебно-воспитательные курсы дѣтей по природовѣдѣнію и сельскому хозяйству, занятія которыхъ ведутся въ манежѣ Мраморнаго дворца, справляли 9 мая пятилѣтіе своего существованія и новоселье сельско-хозяйственной школы. Новое помѣщеніе школы занимаетъ на Васильевскомъ островѣ, по Соловьевскому переулку, квартиру въ 14 комнатъ и представляетъ возможность вести здѣсь занятія двухъ или трехъ курсовъ. На торжествѣ присутствовали товарищъ министра Земледѣлія и государственныхъ имуществъ П. Х. Шваненбахъ, предсѣдатель ученаго комитета того же министерства И. А. Стебутъ, представитель министерства народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій, всѣ руководители занятій во главѣ съ Н. А. Барташевичемъ и учащіеся въ школѣ. Послѣ молебствія былъ прочитанъ отчетъ по занятіямъ въ школѣ, въ которой съ будущаго учебнаго года открывается 3 классъ и число учащихся будетъ доведено до 60. Въ текущемъ году въ школѣ были открыты педагогическіе сельско-хозяйственные курсы, на которыхъ состояло до 20 слушателей. Актъ закончился пѣніемъ народнаго гимна; затѣмъ присутствовавшіе осматривали выставку работъ дѣтей.

(„Нов. Вр.")

Школа сидѣлокъ. Очередное Казанское Губернское Земское Собраніе единогласно приняло докладъ губернскаго гласнаго Ар. Ив. Якобія объ учрежденіи школы сидѣлокъ для ухода за больными. Согласно принятому проекту:

1) Школа сидѣлокъ поручается особому комитету изъ трехъ губернскихъ гласныхъ и попечительницы, предложенной комитетомъ. 2) Въ школу принимаются здоровыя незамужнія и вдовы 25—40 лѣтъ, свободныя отъ семейныхъ обязанностей, по возможности грамотныя. 3) Ученицы школы живутъ въ помѣщеніи школы, по правиламъ общежитія, получая безплатно помѣщеніе, отопленіе, освѣщеніе, продовольствіе, бѣлье и платье, обученіе и по 1 руб. въ мѣсяцъ на мелкіе расходы. 4) Ученицы обязуются исполнять правила школы и правила ухода за больными, не отказываясь ни отъ какой черной работы вокругъ больного. 5) Обученіе ученицъ продолжается въ теченіе 1 года, при чемъ болѣе старательныя и успѣшныя могутъ быть командируемы комитетомъ въ больницы города Казани и въ частную практику, оставаясь подъ покровительствомъ комитета. 6) Ученицы, вполнѣ успѣшно окончившія курсъ обученія въ школѣ, получаютъ на экзаменѣ свидѣтельство *„ученой сидѣлки"*; затѣмъ ученая сидѣлка можетъ, если пожелаетъ, остаться еще на 1 годъ при школѣ для болѣе полнаго обученія и затѣмъ можетъ получить, тоже по экзамену, свидѣтельство *„земской сестры милосердія"* и серебряный крестъ особой формы на сѣрой лентѣ. Комитету поручается кромѣ того устраивать безплатные женскіе курсы ухода за больными для того, чтобы распространить въ населеніи пріемы правильнаго, добросовѣстнаго ухода за больными и вмѣстѣ съ тѣмъ составить запасъ штатныхъ ученицъ. 7) Комитету поручается сборъ доброхотныхъ пожертвованій вещами: платья, бѣлья и обуви, продовольствія и проч. и деньгами единовременно или на сроки. Всякія пожертвованія имѣютъ быть оглашены въ мѣстной газетѣ для всеобщаго свѣдѣнія. Школа сидѣлокъ

предполагалась къ открытію съ половины августа до половины декабря 1904 г., и на эти 4 мѣсяца дано въ распоряженіе комитета 1.100 руб.

(„Каз. Тел.“)

Курсы для сестеръ милосердія. Ощущаемая вслѣдствіе войны потребность въ лицахъ медицинскаго персонала вызываетъ громадный приливъ желающихъ поступить на краткосрочные курсы по подачѣ первой помощи и уходу за ранеными и больными, открываемые казенными учрежденіями и различными обществами. Такъ, Петербургское общество поощренія женскаго профессіональнаго образованія организуетъ уже четвертую серію курсовъ какъ по уходу за ранеными, такъ и по обученію приготовленія пищи для больныхъ. Со времени начала войны до сихъ поръ обществомъ выпущено уже 220 слушательницъ, многія изъ которыхъ отправились съ медицинскими отрядами Краснаго Креста. При Военно-Медицинской Академіи на курсахъ былъ удвоенный комплектъ слушательницъ противъ записавшихся первоначально; аудиторія въ теченіе трехъ недѣль была полна женщинами самыхъ различныхъ возрастовъ, жаждущими послужить святому дѣлу помощи раненымъ. На многихъ другихъ курсахъ также громадный наплывъ желающихъ. Это не могло не отразиться и на количествѣ желающихъ поступить въ Женскій медицинскій институтъ. Несмотря на то, что пріемъ прошеній продолжится до 15 іюля, заявленій о желаніи поступить къ 15 іюня уже подано до семисотъ. Число вакансій между тѣмъ будетъ значительно сокращено по сравненію съ прошлымъ годомъ, когда, кромѣ двухсотъ человѣкъ ранѣе опредѣленныхъ, принято было еще 150 слушательницъ. Число вакансій въ этомъ году будетъ зависѣть отъ министра народнаго просвѣщенія. („Н. Вр.“).

Вечерніе общедоступные курсы. На учрежденныхъ въ 1901 г. „вечернихъ общеобразовательныхъ курсахъ для взрослыхъ“ (С.-Петербургъ, Петербургская сторона, уголъ Кронверкскаго и Татарскаго пер., д. 3 и 5) съ 15-го мая производился пріемъ слушателей. Курсы оригинальны тѣмъ, что совмѣщаютъ гимназію и реальное училище и являются первымъ опытомъ средняго учебнаго заведенія для взрослыхъ. Программы курсовъ въ текущемъ году расширены до полнаго курса классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ по всѣмъ предметамъ. Курсъ устанавливается четырехгодичный; слушатели принимаются во всѣ классы курсовъ, сообразно своей подготовкѣ. Прослушавшіе 4-й классъ получаютъ достаточныя свѣдѣнія для того, чтобы подвергнуться экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости и за курсъ реальныхъ училищъ. („Бирж. В.“).

Курсы для педагоговъ. Осенью текущаго года при петербургскомъ педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній предположено устроить рядъ систематическихъ лекцій и практическихъ занятій по педагогіи. Въ чтеніи лекцій изъявили согласіе принять участіе слѣдующія лица: Л. В. Блуменау (нервная и душевная патологія дѣтскаго возраста съ анатомическимъ введеніемъ), В. И. Вартановъ (физіологія дыханія и кровообращенія), А. С. Грибоѣдовъ (воспитаніе ненормальныхъ дѣтей въ психическомъ отношеніи), Н. П. Гундобинъ (гигіена дѣтскаго возраста), Д. А. Дриль (криминальная антропологія), А. А. Крогіусъ (психофизіологія органовъ внѣшнихъ чувствъ), А. Ф. Лазурскій (ученіе о характерѣ), А. П. Нечаевъ (общій курсъ психологіи въ связи съ исторіей философіи и педагогикой и спеціальный курсъ техники

психологическаго эксперимента), князь И. Р. Тархановъ (общій курсъ физіологіи) и В. Д. Яроцкій (введеніе въ статистику). Практическія занятія предположено организовать при лабораторіи экспериментальной педагогической психологіи (въ Соляномъ Городкѣ). Къ слушанію лекцій и практическимъ занятіямъ предположено допускать лицъ (обоего пола) съ высшимъ и среднимъ образованіемъ и съ платой въ 25 рублей за полугодіе. Каждому слушателю будетъ предоставлена полная возможность составить планъ занятій соотвѣтственно своимъ ближайшимъ запросамъ. Число слушателей предполагается ограниченное. За предварительными справками можно письменно обращаться къ А. П. Нечаеву (Спб., ул. Жуковскаго, 38). („Нов.").

Свободныя учительскія вакансіи. Въ настоящее время замѣчается большое количество свободныхъ вакансій на преподавательскія должности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Оренбургской губерніи и западной Сибири. Особый недостатокъ ощущается въ преподавателяхъ математики и естественныхъ наукъ, о чемъ свидѣтельствуютъ объявленія, вывѣшенныя въ канцеляріи с.-петербургскаго университета. („Бирж. В.")

Общество взаимопомощи въ Самарѣ. Общество взаимопомощи учащихъ давно было занято вопросомъ о пріобрѣтеніи собственнаго зданія подъ общежитіе для дѣтей учащихъ. До настоящаго времени общежитіе помѣщается въ наемной квартирѣ, за которую приходится платить 900 р. въ годъ, что отражается на стоимости содержанія каждаго учащагося. Оно равняется 13 р. въ мѣсяцъ, что при платѣ за пансіонъ по 10 р. съ учащагося (раньше 8 р.) заставляетъ Общество доплачивать изъ своихъ суммъ по 3 р. за каждаго учащагося. Въ общежитіи насчитывается 27 учениковъ, тогда какъ, напр., стоимость содержанія въ общежитіи при реальномъ училищѣ доведена до 8-ми р. съ человѣка. Кромѣ того, нынѣшнее общежитіе представляетъ много неудобствъ въ гигіеническомъ отношеніи. Въ экстренномъ засѣданіи 9-го мая членовъ Общества взаимопомощи учащихъ было постановлено уполномочить правленіе Общества совмѣстно со строительной коммиссіей пріобрѣсти домъ съ мѣстомъ или одно мѣсто съ постройкою на немъ зданія для общежитія, съ тѣмъ, чтобы стоимость устройства общежитія не превышала 20.000 р. На покрытіе этого расхода разрѣшено правленію взять изъ капитала Общества 5.000 р., а на остальную сумму кредитоваться подъ проценты, не превышающіе установленнаго закономъ размѣра. Общежитіе предполагается устроить на 45—50 учащихся. („Рус. В.").

Ложные доносы. Нижегородскому уѣздному училищному совѣту на протяженіи двухъ мѣсяцевъ приходится разбирать второй ложный доносъ на сельскихъ учителей. О второмъ доносѣ газеты передаютъ слѣдующее. Отъ крестьянъ с. वередѣева со 103-мя подписями поступила жалоба на учителя Н. Н. Нардова. Крестьяне обвиняютъ учителя въ томъ, что онъ не ходитъ въ церковь и такъ развратилъ крестьянъ, что и они рѣже стали ее посѣщать; затѣмъ въ томъ, что слабо относится къ учебнымъ занятіямъ и не устроилъ хора въ церкви. Обвиненія оказались совершенно неправдоподобными, а самый приговоръ крестьянъ—подложнымъ. Авторомъ доноса оказался мѣстный волостной писарь Н. Е. Борисовъ; онъ сочинилъ отъ имени крестьянъ приговоръ и составлялъ подписи на немъ. Авторъ такъ увѣренъ былъ въ успѣхѣ своего дѣла, что оставилъ подлоги въ яко-бы приговорѣ совершенно неприкрытыми.

Въ приговорѣ нашлось только 16 собственно ручныхъ подписей, и притомъ лицъ, близко стоящихъ въ волостному управленію, на которыхъ писарю легко было оказать давленіе. Остальныя 87 подписей занесены сыномъ писаря съ даннаго имъ списка крестьянъ; крестьяне эти ничего не знали о приговорѣ; изъ нихъ 15 человѣкъ давно уже не бывали въ Вязовкѣ и живутъ въ городѣ, четверо давно умерли, а одно лицо даже и не значилось въ числѣ мѣстныхъ жителей. Мѣстный церковный причтъ на тотъ пунктъ обвиненія, что будто бы со времени назначенія Н. Н. Нардова учителемъ въ Вязовку церковь посѣщается меньшимъ числомъ молящихся, отвѣтилъ, что это—неправда. Самъ г. Нардовъ объясняетъ появленіе доноса на него тѣмъ, что онъ „всѣми силами боролся съ сельскими властями и иногда сообщалъ и освѣщалъ въ газетѣ дурныя стороны ихъ". Убѣдившись въ подложности приговора, училищный совѣтъ направилъ его на распоряженіе земскаго начальника. („Волг.")

Полезная мѣра. Въ цѣляхъ привлеченія къ педагогической дѣятельности въ начальныхъ народныхъ училищахъ лицъ женскаго пола изъ среды сельскаго населенія, министерство народнаго просвѣщенія признало весьма желательнымъ распространить правила объ оставленіи при двухклассныхъ министерскихъ училищахъ кандидатокъ для подготовленія въ учительскія семинаріи и на оканчивающихъ ученицъ тѣхъ-же училищъ. Впредь до открытія женскихъ учительскихъ семинарій, которыя въ непродолжительномъ времени имѣютъ быть учреждаемы въ различныхъ мѣстахъ, дѣвицы, оканчивающія курсъ въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, оставаясь при училищахъ, подготовляются къ испытанію на учительское званіе. („Нов.").

Школьная статистика. Костромская губернская земская управа приступила къ организаціи текущей школьной статистики. Съ этою цѣлью управа командировала сначала въ Буйскій уѣздъ, а затѣмъ и въ другіе уѣзды двухъ разъѣздныхъ учителей. На обязанности ихъ лежитъ описаніе школьныхъ помѣщеній и внутренней жизни каждой школы. Описанію должны подлежать всѣ школы уѣзда, какъ находящіяся въ вѣдѣніи училищнаго совѣта, такъ и церковно-приходскія и министерскія. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручается собрать свѣдѣнія отъ свѣдущихъ лицъ о точныхъ разстояніяхъ между отдѣльными селеніями уѣзда и отмѣтить на картѣ направленія дорогъ и тѣ селенія, въ которыхъ имѣются школы, больницы, медицинскіе и фельдшерскіе пункты, почтовыя и телеграфныя конторы, государственныя сберегательныя кассы и учрежденія мелкаго кредита. Свѣдѣнія эти дадутъ точную картину каждаго уѣзда, необходимую какъ для школьной и сельско-хозяйственной статистики, такъ и для страхового, дорожнаго дѣла, для агрономическихъ мѣропріятій земства и для всѣхъ административныхъ органовъ. („Волг.").

Всеобщее начальное обученіе. Попечитель казанскаго учебнаго округа предложилъ инспекторамъ народныхъ училищъ представить соображенія относительно возможности введенія всеобщаго начальнаго образованія, о размѣрѣ необходимыхъ на эту потребность средствъ и снестись съ городскими и земскими учрежденіями касательно размѣра субсидіи на проведеніе этого мѣропріятія, если бы къ осуществленію его было приступлено. („Сар. Лист.").

Отрадное явленіе. Въ то время, напр., какъ губернскій городъ Орелъ съ населеніемъ въ 70.000 жителей имѣетъ всего два-три городскихъ училища, незначительная по населенію и небогатая по средствамъ станица Константиновская, Кубанской области, не жалѣетъ на нужды народнаго просвѣщенія ни денегъ, ни энергіи. Въ станицѣ существуютъ: двухклассное мужское, женское городское трехклассное и приходское училища; въ недалекомъ будущемъ проектируется открытіе школы для иногородныхъ дѣтей и въ страдное время яслей-пріюта; съ 1 іюня въ станицѣ открылась народная читальня-библіотека, и наконецъ среди мѣстнаго казачьяго населенія возникла благая мысль объ открытіи сообща нѣсколькими станицами средняго учебнаго заведенія. Въ то время, какъ другія станицы съ несравненно большими средствами ограничиваются лишь существующимъ у нихъ жалко-обставленнымъ однимъ однокласснымъ училищемъ (а есть и такія, которыя вмѣсто открытія училищъ усиленно хлопочутъ объ открытіи у нихъ второй винной лавки), жители Константиновской станицы всѣми силами стараются дать своему подрастающему поколѣнію возможно болѣе просвѣтительныхъ средствъ. Несомнѣнно, явленіе весьма отрадное. („Сѣв. Кавк.“).

Скромные юбиляры. Фатежское уѣздное земство чествовало двухъ учителей, 25 лѣтъ обучавшихъ дѣтей въ народныхъ школахъ. Чествованіе состоялось въ залѣ городского дома при торжественной обстановкѣ. Къ 12 часамъ дня въ залъ собрались юбиляры—М. П. Лысенко и Г. С. Плохихъ, городское духовенство, представитель земства, около 70 учителей и учительницъ и публика. Послѣ молебна привѣтствіе говорили юбилярамъ протоіерей о. Павелъ Петипъ, представитель земства—заступающій мѣсто предсѣдателя К. И. Выскребенцевъ, и учителя-товарищи. Священникъ ярко обрисовалъ жизнь и труды учителей; представитель земства благодарилъ юбиляровъ за отличную четверть-вѣковую службу обществу и вручилъ имъ отъ имени земства награду въ размѣрѣ двухмѣсячнаго жалованья. Рѣчи товарищей-учителей отличались теплотой и задушевностью. Юбиляры очень были тронуты и отъ души благодарили за оказанную честь. За фатежское земство можно только порадоваться что оно цѣнитъ чолезныхъ людей. Деревенская глушь, невѣжество, весьма ограниченное содержаніе, мало гигіеничныя школы, различныя столкновенія—вотъ все то, что встрѣчаетъ учителя на порогѣ школы и сопровождаетъ его до самой могилы. Но какъ ни тяжела обстановка жизни народнаго учителя, онъ высоко ставитъ свое призваніе. („Н. Вр.“).

Закрывшіяся школы. Въ Тихвинѣ незадолго до праздниковъ, по распоряженію инспекціи народныхъ училищъ, были закрыты двѣ школы благотворительнаго общества: одна воскресная для дѣвочекъ, другая—для нищенствующихъ дѣтей, подбираемыхъ съ улицы. Причиною такого крутого мѣропріятія послужило неимѣніе въ обѣихъ названныхъ школахъ законоучителей. Отсутствіе послѣднихъ произошло вслѣдствіе нежеланія кого-либо изъ членовъ мѣстнаго духовенства преподавать учащимся Законъ Божій, несмотря на неоднократныя приглашенія сихъ лицъ правленіемъ общества, вслѣдствіе чего уроки Закона Божія велись тамъ учительницами, утвержденными въ своихъ должностяхъ установленнымъ порядкомъ. Школы закрыты временно впредь до назначенія туда законоучителей изъ лицъ духовнаго званія; а такъ какъ въ Тихвинѣ изъ духовныхъ особъ по прежнему никто не выражаетъ намѣренія принять предложенія благотворительнаго общества, то занятія въ школахъ

послѣдняго по всей вѣроятности прекратятся надолго. Въ воскресной школѣ обучалось болѣе 40 дѣвочекъ, а въ другой школѣ 8 учениковъ и учеицъ, взятыхъ съ улицы за прошеніе милостыни. Принятые въ школу оборвыши получали отъ благотворительнаго общества полное содержаніе: одежду, обувь, столъ и ученье. Теперь обѣ школы обречены на бездѣйствіе. При отсутствіи въ городѣ дѣтскихъ пріютовъ и при ограниченности школъ для первоначальнаго обученія закрытіе школъ благотворительнаго общества составляетъ несомнѣнно прискорбное явленіе. („Н. Вр.“).

Школьныя столовыя. Вятское губернское земское собраніе ассигновало въ пособіе уѣзднымъ земствамъ на устройство школьныхъ столовыхъ и выдачу теплой одежды для бѣднѣйшихъ учащихся 15.000 рублей, поручивъ губ. управѣ распредѣлить ихъ уѣзднымъ земствамъ, на основаніи данныхъ текущей статистики, сообразно съ числомъ школъ, находящихся въ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая волостяхъ. Принявъ въ соображеніе число учащихся въ земскихъ и министерскихъ школахъ, находящихся въ волостяхъ съ плохимъ (ниже 50%) урожаемъ хлѣбовъ и травъ, губернская управа распредѣлила ассигнованную собраніемъ сумму между уѣздными земствами такимъ образомъ: 1) въ распоряженіе Вятскаго уѣзднаго земства она препроводила 816 руб., 2) въ распоряженіе Глазовскаго земства—2.880 руб., 3) Елабужскаго—768 руб., 4) Котельническаго—1.680 руб., 5) Малмыжскаго—672 руб., 6) Нолинскаго—960 руб , 7) Орловскаго 1.056 р., 8) Сарапульскаго—1.680 руб., 9) Слободскаго—1.008 руб., 10) Уржумскаго—1.600 руб. и 11) Яранскаго—1.880 руб. При этомъ было принято во вниманіе, что во вторую половину учебнаго года занятія обычно усиливаются въ сельскихъ школахъ, въ виду приближающихся экзаменовъ. Съ усиленіемъ школьныхъ занятій, нужно-бы въ это время болѣе усиленное питаніе для учащихся. На самомъ же дѣлѣ, во вторую половину учебнаго года питаніе дѣтей-учениковъ становится хуже. Въ это время у родителей учениковъ уже истощаются запасы овощей и прочихъ продуктовъ. Многіе изъ крестьянъ въ это время не имѣютъ своего хлѣба и принуждены хлѣбъ покупать. Покупной хлѣбъ расходуется въ семьѣ съ большей экономіей, чѣмъ свой хлѣбъ. Во время великаго поста большинство дѣтей не ѣдятъ ни молока, ни яицъ. Обычное питаніе крестьянъ сухой хлѣбъ и чай. Въ особенности плохо питаніе въ нынѣшнемъ году при плохомъ урожаѣ овощей. Дѣти - ученики питаются тѣмъ-же, чѣмъ питаются и ихъ родители. Послѣдствія слабаго питанія быстро сказываются на ученикахъ: лица у дѣтей дѣлаются блѣдными, движенія вялыми, дѣти дѣлаются разсѣянными, не воспріимчивыми, постоянно ощущаютъ головныя боли и т. д. Въ виду такого явленія, нечего уже и говорить о необходимости и пользѣ устройства въ сельскихъ школахъ горячихъ завтраковъ, особенно, во вторую половину учебнаго года. Въ нѣкоторыхъ школахъ Малмыжскаго уѣзда дѣло съ горячими завтраками обстоитъ такъ. Приварки эти устраиваются на деньги, отпускаемыя ежегодно земствомъ на выдачу пособія бѣднымъ ученикамъ. Бѣдные мальчики пользуются безплатно приваркомъ и хлѣбомъ; дѣти среднихъ по состоянію родителей пользуются только однимъ приваркомъ; хлѣбъ носятъ свой; ученики болѣе состоятельныхъ отцовъ приносятъ свои припасы для приварка. Такимъ образомъ, всѣ безъ исключенія ученики ѣдятъ ежедневно горячую пищу. Готовится обычно супъ изъ гороха, картофеля, разныхъ крупъ, а иногда и щи изъ мяса. Приварокъ обходится очень недорого; на 30 коп. вполнѣ можно накормить 60 мальчи-

ковъ безъ хлѣба. Инвентарь, необходимый для организованія завтрака, покупается на тѣ же суммы, отпускаемыя на бѣдныхъ учениковъ.

(„Вятск. Газ.")

Санаторія для учащихся городскихъ школъ. Съ 1-го іюля по 1-е августа въ Лугѣ, въ собственномъ двухэтажномъ домѣ, будетъ помѣщаться санаторія для малокровныхъ, хилыхъ мальчиковъ городскихъ школъ столицы. Санаторія разсчитана на 40 человѣкъ; выбирать ихъ придется изъ 16 городскихъ школъ, съ 2,840 учащихся, въ возрастѣ отъ 11 лѣтъ. Изъ нѣкоторыхъ школъ уже доставлены въ инспекцію народныхъ училищъ списки учениковъ, которымъ необходимъ лѣтній отдыхъ, въ виду признаковъ различныхъ наслѣдственныхъ недуговъ, среди которыхъ чахотка занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Дѣти принимаются въ санаторію либо совершенно безплатно, либо со взносомъ по 15 р. и 7 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Крайняя необходимость такихъ санаторій очевидна; не можемъ не отмѣтить только, что для такого громаднаго числа учащихся въ городскихъ школахъ столицы санаторія на 40 человѣкъ—капля въ морѣ.

(„Бирж. В.").

Дѣти штундистовъ въ школахъ. Гласный одесскаго земства М. Ѳ. Лузановъ вошелъ въ земство съ заявленіемъ, въ которомъ, отмѣчая фактъ исключенія, по требованію учебной администраціи, дѣтей штундистовъ изъ земскихъ школъ, обращаетъ вниманіе земства на то, что хотя штунда у насъ составляетъ явленіе прискорбное, но исключеніе дѣтей изъ школъ все же представляется мѣрой нежелательной. Такъ, изъ данныхъ о положеніи школьнаго дѣла въ Тираспольскомъ и нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ устанавливается, это обученіе въ тамошнихъ общихъ школахъ дѣтей штундистовъ среди другихъ воспитанниковъ оказывало большое содѣйствіе склоненію штундистовъ къ православію. Въ виду этого, М. Ѳ. Лузановъ предлагаетъ уѣздному земству возбудить предъ правительствомъ ходатайство о допущеніи дѣтей штундистовъ къ обученію во всѣхъ земскихъ школахъ Одесскаго уѣзда наравнѣ со всѣми другими воспитанниками. Къ этому предложенію присоединился предводитель дворянства Одесскаго уѣзда В. В. Якунинъ, отмѣтившій слѣдующее интересное обстоятельство. Одесскому уѣздному съѣзду земскихъ начальниковъ часто приходится имѣть дѣло съ крестьянами, обвиняемыми въ штундизмѣ, причемъ во многихъ случаяхъ такія дѣла оканчивались оправданіемъ подсудимыхъ, такъ какъ между ними и тѣми штундистами, которые подлежатъ уголовному преслѣдованію, оказывается большая разница. Согласно разъясненію министра, уголовному преслѣдованію подлежатъ штундистскія секты, въ основаніи ученія которыхъ лежитъ отрицаніе значенія властей. Штундисты же въ Одесскомъ уѣздѣ, наоборотъ, проявляютъ большую готовность подчиняться всѣмъ требованіямъ начальствующихъ лицъ и вообще не обнаруживаютъ ничего противнаго государственнымъ узаконеніямъ, а отличаются отъ прочаго населенія лишь своими воззрѣніями чисто религіознаго характера. Поэтому въ Одесскомъ уѣздѣ и не должно быть препятствій къ обученію дѣтей-штундистовъ въ общихъ народныхъ школахъ. Одесское земство сочувственно отнеслось къ предложенію М. Ѳ. Лузанова и В. В. Якунина и предложило уѣздной управѣ составить по этому предмету и вообще о штундистахъ въ Одесскомъ уѣздѣ детальный докладъ, который долженъ быть внесенъ на разсмотрѣніе нынѣшняго уѣзднаго земскаго собранія. („Од. Л.").

Народные дома. Харьковское уѣздное попечительство о народной трезвости рѣшило постепенно покрыть Харьковскій уѣздъ сѣтью народныхъ домовъ. Попечительствомъ уже открытъ такой домъ въ одномъ селѣ, въ другомъ селѣ, близъ Харькова, населенномъ желѣзнодорожными служащими, организованы драматическіе спектакли. На ближайшую очередь поставлена постройка народнаго дома въ третьемъ селѣ, гдѣ мѣстные любители неоднократно уже устраивали спектакли и т. п. развлеченія. („Юж. Кр.").

Неэкономные экономы. Въ „Сарат. Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" напечатана слѣдующая небезынтересная резолюція преосв. Гермогена:

„Отцы уполномоченные вольскаго духовно-училищнаго округа на вечернемъ засѣданіи слушали 5 парагр. доклада правленія училища о внесеніи въ смѣту 200 рублей на содержаніе эконома столомъ и постановили: эконому съ его семействомъ предоставить право пользоваться училищнымъ столомъ, а посему 200 рублей на содержаніе эконома столомъ изъ смѣты исключить и эконому при себѣ не имѣть ни нахлѣбниковъ, ни родственниковъ, а журналъ сей представить на благоусмотрѣніе преосвященнѣйшаго Гермогена, епископа саратовскаго и царицынскаго". Резолюція: „11 октября. Утверждается. Смотритель же самъ, вѣроятно, не допуститъ, чтобы вмѣстѣ съ экономомъ питались отъ училищнаго стола нахлѣбники и отдаленные родственники".

Благожелательный циркуляръ. Черноморскимъ губернаторомъ, изданъ по управленію Черноморской губерніи слѣдующій приказъ относительно сельскихъ учителей и учительницъ. „До моего свѣдѣнія дошло, что геленджинскій сельскій старшина, его помощникъ и писарь позволили себѣ непочтительное и грубое отношеніе къ учительницѣ женскаго училища въ с. Геленджикѣ г-жѣ Мурашко. Эти должностныя лица, пользуясь всѣми случаями, когда учительница принуждена была обращаться къ нимъ по дѣламъ школы, не только не оказывали содѣйствія ей въ школьныхъ нуждахъ, но позволяли себѣ въ грубой формѣ вмѣшиваться въ преподаваніе, предлагая безсмысленные вопросы и даже вторгаясь въ частную жизнь учительницы. Хотя, какъ установлено произведеннымъ дознаніемъ, главными виновниками въ вышеозначенныхъ фактахъ являются помощникъ старшины и писарь, уже уволенные со службы, тѣмъ не менѣе я, обращая вниманіе начальника Новороссійскаго округа на вышеприведенные поступки сельскихъ властей, предлагаю также и на старшину селенія Геленджикъ наложить строгое взысканіе за допущеніе подобнаго неприличнаго поведенія по отношенію къ учительницѣ. Имѣя основаніе предположить, что недостатокъ уваженія къ учащимъ въ сельскихъ школахъ со стороны сельскихъ властей проявляется и въ другихъ округахъ ввѣренной мнѣ губерніи, я въ этомъ же приказѣ считаю нужнымъ предложить всѣмъ начальникамъ округовъ внушить подвѣдомственнымъ имъ должностнымъ лицамъ сельскихъ правленій необходимое почтительное отношеніе къ учителямъ и учительницамъ, какъ достойнымъ всякаго уваженія труженикамъ на пользу тѣхъ же сельскихъ обществъ, среди которыхъ они призваны работать, а сельскимъ обществамъ разъяснить, что даже матеріальное участіе ихъ въ содержаніи школы не даетъ сельскимъ властямъ права вмѣшательства въ преподаваніе". („Черном. Поб.").

Необходимая помощь. Любопытные доклады представили инспектора городскихъ училищъ двумъ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ Владимірской гу-

берніи. Оба докладчика говорятъ о наплывѣ крестьянскихъ дѣтей въ городскія училища. Оказывается, что деревня не хочетъ уже удовольствоваться своими первоначальными школами. Простая грамотность кажется недостаточной. Не только богатѣи, но и мало-мальски состоятельные крестьяне, при первой возможности, посылаютъ своихъ дѣтей въ городъ. Мечта ихъ—опредѣлить дѣтей въ гимназіи но это, конечно, рѣдко удается, и крестьянскія дѣти идутъ въ городскія училища. Съ каждымъ годомъ число ихъ все больше растетъ. Оба докладчика съ цыфрами въ рукахъ вполнѣ подтвердили это характерное явленіе въ жизни русской деревни. Правда, они говорили только о двухъ уѣздахъ. Но, думается, стремленіе крестьянъ къ болѣе широкому научному образованію нѣтъ основаній ограничивать предѣлами двухъ уѣздовъ. Если наблюдается это въ губерніи Владимірской, то, конечно, то-же самое происходитъ и во всякой другой губерніи. Насколько сильна эта потребность въ образованіи, видно изъ того, что движеніе крестьянскихъ дѣтей въ училища не останавливается даже тяжелой, нищенской жизнью дѣтей-школьниковъ въ городахъ. На особую поддержку изъ дому разсчитывать имъ не приходится. Самое большее, если родные вышлютъ имъ рубль или два въ мѣсяцъ. Мальчики поселяются гдѣ-нибудь въ подвалѣ, у какого-нибудь ремесленника, живутъ въ углу, голодаютъ, живутъ въ самой невозможной обстановкѣ. Тутъ и пьянство, и драки, и ругань. Понятно, что въ такихъ условіяхъ врядъ-ли ребенокъ можетъ сохранить душевную чистоту и здоровье. Единственно, что могло-бы спасти дѣтей—это устройство для нихъ особыхъ общежитій подъ надзоромъ воспитателей. Докладчики и предложили земствамъ устроить такія общежитія для крестьянскихъ дѣтей. Къ сожалѣнію, оба земства отнеслись къ предложенію инспекторовъ училищъ какъ-то поверхностно. Одно прямо-таки отказалось. Другое—порѣшило подумать объ этомъ.

(„Нов.“).

Петербургскіе школьники въ курортахъ. 30-го мая, по варшавской жел. дор. выѣхала въ Друскеники первая партія учениковъ и ученицъ городскихъ школъ и дѣтей, принадлежащихъ къ неимущимъ классамъ столичнаго населенія. Эти лѣтнія поѣздки въ различные окрестные курорты, организованныя по иниціативѣ общества охраненія народнаго здравія, въ текущемъ году получили весьма широкое распространеніе, хотя, къ сожалѣнію, у общества не хватаетъ средствъ къ удовлетворенію всѣхъ желающихъ больныхъ дѣтей воспользоваться лѣтнимъ отдыхомъ и соотвѣтствующимъ лѣченіемъ, почему изъ 895 дѣтей, признанныхъ особой коммиссіей заслуживающими особаго вниманія, на курорты въ текущемъ году будетъ отправлено лишь 402 (прошеній по пріему на курорты поступило около тысячи). Дѣти, назначенныя на лѣтніе курорты, по преимуществу страдаютъ: англійской болѣзнью, крайней истощенностью, малокровіемъ и туберкулезомъ костей. Другая партія дѣтей отправлена на старо-русскія минеральныя воды 1-го іюня и затѣмъ остальные больные—въ Гатчину, Ревель и Аренсбургъ, въ періодъ времени отъ 2-го іюня до 4-го („Нов.“).

Актъ въ Нарвской мужской гимназіи. Въ понедѣльникъ, 16-го августа, въ Нарвской мужской гимназіи состоялся годичный актъ.

Къ 1 часу дня въ актовомъ залѣ собрался весь учебно-воспитательный

персоналъ гимназіи съ директоромъ К. А. Ивановымъ во главѣ, учащіеся, многіе изъ ихъ родителей и родственниковъ и почетные гости. Къ этому же времени прибылъ на торжество почетный попечитель гимназіи А. Ѳ. Ганъ.

Торжество началось молебномъ, который совершалъ законоучитель гимназіи свящ. П. В. Новоуспенскій при діаконѣ П. М. Добронравинѣ.

Передъ молебномъ о. Новоуспенскій произнесъ приличествующее данному случаю слово.

Послѣ молебна, закончившагося Царскимъ многолѣтіемъ, многолѣтіемъ св. синоду, почетному попечителю гимназіи, учащимъ и учащимся въ ней, секретарь совѣта К. М. Антроповъ прочиталъ отчетъ за минувшій 1903—4 учебный годъ. По прочтеніи отчета ученикамъ, отличившимся успѣхами и примѣрнымъ поведеніемъ, были розданы награды—медали, похвальные листы и книги.

Послѣ раздачи наградъ г. директоръ обратился къ присутствовавшимъ на торжествѣ родителямъ учащихся въ гимназіи съ краткой рѣчью, въ которой, обрисовавъ установившіяся въ послѣднее время между семьей и школой отношенія, просилъ родителей смотрѣть на школу, какъ на своего старшаго друга и союзника въ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ воспитанія юношества, оказывать ей въ этомъ свою посильную помощь, прямо и правдиво обращаться къ ней за разрѣшеніемъ могущихъ возникнуть у нихъ сомнѣній относительно того или другого вопроса по учебно-воспитательному дѣлу.

Свою рѣчь г. директоръ закончилъ слѣдующими словами: „У школы есть высокій идеалъ. Она говоритъ родителямъ: „воспитывайте дѣтей своихъ въ духѣ Евангельской любви, въ духѣ истиннаго человѣколюбія, развивайте въ нихъ любовь къ труду и уваженіе ко всѣмъ трудящимся, приготовляйте изъ нихъ не только благородныхъ людей, но преданныхъ Государю и Родинѣ вѣрноподданныхъ и гражданъ. У семьи не можетъ быть иного идеала. Нѣтъ и другихъ путей къ нему. Единымъ сердцемъ, едиными устами—вотъ краткая формула тѣхъ отношеній, которыя должны существовать между семьей и школой.

„Какъ учрежденіе человѣческое, школа не можетъ претендовать на непогрѣшимость. Я думаю, что неизбѣжные промахи ея виднѣе со стороны—наблюдателямъ, чѣмъ самимъ дѣятелямъ ея. Приходите же къ ней, повѣряйте ей свои сомнѣнія прямо, правдиво и искренно, и она пойдетъ на встрѣчу къ вамъ съ полною готовностью васъ выслушать. Поистинѣ жалокъ тотъ, кто, сознавая свою ошибку, не поторопится загладить ее, не пойдетъ на встрѣчу правдѣ.

„Слово, съ которымъ я обратился сегодня къ вамъ, дорогіе гости, внушено вѣрою въ лучшія стороны человѣческаго существа, надеждою на ваше сознательное содѣйствіе, любовью къ великому дѣлу воспитанія и образованія малыхъ сихъ“.

Торжество закончилось народнымъ гимномъ, трижды исполненнымъ ученическимъ хоромъ.

Общее число учащихся въ гимназіи въ послѣдніе годы сильно возросло и къ началу нынѣшняго учебнаго года достигло 273, вслѣдствіе чего помѣщеніе оказывается въ настоящее время очень тѣснымъ. Особенно переполнены младшіе классы, гдѣ число учащихся достигло 40, а въ 3-мъ классѣ даже—50. („Нарвскій Листокъ“).
